

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

ИЮЛЬ.

1882 Г.

— 1 —

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайлівск. ул., собств. друкарь.

СОДЕРЖАНИЕ.

ТОМЪ III. 1882 г.

Іюль.

	СТР.
I. ЗАБЫТАЯ ИНОЧЕСКИЯ ОБИТЕЛИ (монастыри холмской и замостьской въ общей судьбѣ русско-уинатского монашества). Н. Петрова.	1
II. ИЗЪ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХЪ ОТНОШЕНИЙ ПОЛЬШИ И РОССИИ. И. Каманина.	42
III. КЪ ХАРАКТЕРИСТИКЪ Д. Г. БИБИКОВА	61
IV. ЮЖНО-РУССКАЯ ПѢСНЯ О СОБЫТИИ XI ВѢКА. А. Стоянова	81
V. ЗАПИСКИ КИЕВСКАГО МѢЩАНИНА БОЖКА БАЛЫКИ О МОСКОВСКОЙ ОСАДѢ 1612 ГОДА (изъ лѣтописнаго сборника Ильи Кощаковскаго). В. А.	97
VI. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ. Письма Якова Евдокимовича Михайлова (впослѣдствіи Іустина, епископа владимирскаго) къ А. И. Бѣлюгову	106
VII. ДОПОЛНЕНИЕ «РАЗГОВОРА ВЕЛИКОРОССИИ СЪ МАЛОРОССІЕЙ»	137
VIII. ДОКУМЕНТЫ БРАТСТВА ПРИ ЦЕРКВИ СВ. НИКОЛАЯ ВЪ Г. ЗАМОСТЬѢ	149
IX. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Архивъ князя Воронцова. Книга двадцать пятая. М., 1882.—б) Библіологический словарь и черновые къ нему материалы П. М. Строева.—в) Ernst Bonnel. Beiträge zur Alterthumskunde Russlands von den ältesten Zeiten bis um das Jahr 400 nach. Chr. hauptsächlich aus der Berichten der griechischen und latениschēn Schriftsteller. Erster Band. St. Petersburg, 1882.—г) Исторические материалы изъ архива киевскаго губернского правленія, выпускъ 2-й. Издалъ А. Андреевскій	160
X. ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ (историческая, этнографическая и историко-литературныя): а) Пасѣка гетмана Богдана Хмельницкаго.—б) Къ ис-	

- торії Запорожья.—в) Къ исторії вѣрованія о продажѣ души чорту.—
г) Послѣдняя самозащита Києва.—д) Невольное переселеніе и тоска по
родинѣ, какъ подозрительное чувство.—е) Рѣдкая древняя надпись.—
ж) Необычная застава.—з) Къ портрету Саввы Григорьевича Туптала. 174
ПРИЛОЖЕНИЕ: портретъ Саввы Туптала.

Августъ.

I. ЗАБЫТЫЯ ИНОЧЕСКИЯ ОБИТЕЛИ (монастыри холмскій и замостській въ общей судьбѣ русско-уніатского монашества). <i>Оконч.</i> —Н. Петрова.	199
II. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. З., Миклашевские	243
4., Свѣчки.—Ал. Лазаревскаго	253
III. КОБЗарь ОСТАПЪ ВЕРЕСАЙ, его пѣсни и думы. К. Ф. У. О.	259
IV. О МУЗЫКѢ ДУМЪ И ПѢСЕНЬ ОСТАПА ВЕРЕСАЯ. А. К—скаго	283
V. НЪЗЪ ПРАКТИКИ СТАРЫХЪ СУДОВЪ	288
VI. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ КОЛИВЩИНЫ или РѢЗНИ 1768 г. Н. Костомарова	297
VII. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ Б. ЗАПОРОЖЬЯ	322
VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Памятная книжка кіевской епархіи. Составили А. В—новъ и свящн. В. Антоновъ. Кіевъ. 1882.—б) Жизнь и произведенія Тараса Шевченка (сводъ материаловъ для его біографіи), съ портретомъ. Составилъ М. К. Чалый. Кіевъ. 1882.—в) Die Ungern oder Magyaren. Paul. Hunvalfy. Vien und Teschen. 1881.— г) Посадъ Вилковъ. Историко-статистический и бытовой очеркъ. Со- ставилъ Георгій Бахталовскій. Кишиневъ. 1881 г.	340
IX. ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ (историческая, этнографическая и историко- литературная): а) Относится ли пѣсня о взятіи Азова къ событиямъ XI вѣка?—б) Послѣдній писарь войска запорожскаго Глоба.—в) Взглядъ народа на Шевченка.—г) Исчезнувшія и исчезающія въ южной Россіи животныя.—г) Состояніе поліціи въ малороссійскихъ городахъ XVIII в.— л) Документальная свѣдѣнія о Саввѣ Тупталѣ и его родѣ.—е) Курта. (Пѣсня-былина)—ж) Возстановленіе древней паперти кіево-софійскаго собора.	362

Сентябрь.

I. ССЫЛЬНЫЕ МАЛОРОССІЯНЕ ВЪ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ (1708—1802) г. П. Ефименка	391
II. ЕЩЕ ПО ПОВОДУ НАРОДНОЙ ПѢСНИ: О ВЗЯТИИ ТОРЧЕСКА, ИЛИ-ЖЕ АЗОВА. Ив. Новицкаго	413

III.

	СТР.
III. НЕРЕПЕТОВСКОЕ ПОЛЕ. (Розысканіе въ области лѣтописной топографіи, съ приложеніемъ карты). М. Андріевскаго	433
IV. УКРАИНСКАЯ ДЕРЕВНЯ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ НЫНѢШНЯГО СТОЛѢТИЯ (по воспоминаніямъ дѣтства)	457
V. ДВА ДОКУМЕНТА ПО ДѢЛУ ПЕРЕДАЧИ ПОЧАЕВСКОЙ ЛАВРЫ ИЗЪ ВѢДЪНІЯ УПАТОВЪ ВЪ ВѢДОМСТВО ПРАВОСЛАВНОЕ	486
VI. ДНЕВНИКЪ СТАНИСЛАВА ОСВѢЦИМА. Перев. В. А. (<i>Продолженіе</i>). 503	
VII. ПЕРЕПИСКА ГР. И. А. РУМЯНЦЕВА О ВОЗСТАНИИ ВЪ УКРАИНѢ 1768 ГОДА	523
VIII. БИБЛIOГРАФІЯ: а) Очеркъ исторіи западно-русской церкви. И. Чисто-вича. Часть первая. Спб. 1882 г. Стр. 1—220.—б) Акты относящіяся къ исторіи южной и западной Россіи, собранные и изданные археографической комиссию. Томъ двѣнадцатый. С.-Петербургъ. 1882 г.—в) Разысканія о началѣ Руси, Д. Иловайского, изданіе второе исправленное и дополненное, съ присоединеніемъ вопроса о гунахъ. Москва, 1882.—г) Русская историческая библіографія за 1865—1867 г. включительно. В. И. Межова. Т. I и II. С.-Петербургъ. 1882.—	552
IX. ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ (историческая, этнографическая и историко-литературная): а) Таракъ Григорьевичъ Шевченко (въкоторымъ дополненія и поправки къ его біографії).—б) Дополненіе къ пасхальной вирѣ.—в) Мнимо-найденный дневникъ святителя Дмитрія Ростовскаго.—г) Предостереженіе Д. Г. Бабикова одному изъ русскихъ помѣщиковъ кіевской губерніи.—д) Старинные малороссійские портреты.—е) Задувайскія народныя преданія: I) Про Палія та Мазепу: II) Про Антона Головатого, Онопрія Шлака и царицу Катериноу.—ж) Коліпвщина въ пѣсняхъ	560
X. АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ личныхъ именъ и замѣчательныхъ мѣстъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ III томѣ «Кіевской Старины», 1882 г.	

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ III.

1882 Г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Киевъ, 26-го августа 1882 года.

Забытый иноческий обитель.

(Монастыри холмской и замостской въ общей судьбѣ русско-уніатскаго монашества).

Въ составѣ обширѣйшихъ въ мірѣ русскихъ владѣній, въ дальнемъ русскомъ западѣ, есть не малая часть земли искони русской, съ несомнѣнными слѣдами русской жизни, не находящая однако себѣ мѣста въ общей русской исторіи, всегда обходимая нашими исклѣдователями, давно забытая исторіею и обществомъ. Это Холмщина и Подляхія, соединяемыя подъ общимъ названіемъ холмской земли, а въ дѣлахъ вѣры — холмской епархіи, и составляющія значительную часть вынѣвшихъ губерній люблинской и сѣдлецкой. Населеніе ихъ искони русское (долго православное, потомъ уніатское, но все же русское, вынѣ опять и православное и русское) никогда не пользовалось вниманіемъ нашей исторіи и общества, потому, быть можетъ, что политическая судьба его издавна слилась съ судьбою Польши и мало озnamенована кровавыми битвами, великими переворотами, громкими по участію въ тѣхъ и другихъ дѣяніяхъ такъ называемыхъ великихъ мужей — что все и наполнило вѣкогда нашу исторію. Но эти забытые уголки были передовые наши посты со стороны налегавшаго на насъ, въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ, польско-католического запада; на нихъ, какъ на Шипкѣ, стояли наши братья, подъ градомъ особыхъ выстрѣловъ, поражавшихъ на близкомъ разстояніи, при вихрѣ и стужѣ холодившихъ сердце русское учений религіозныхъ и политическихъ и такихъ условій жизни семейной и общественной, умственной и нравственной, государственной и экономической, не исключая и прямыхъ преслѣдований, мученій и самой смерти, которая, при отсутствії согрѣвающаго и подкрайняющаго духа со стороны далекаго духов-

наго центра, действовали губительные всѣхъ ужасовъ вѣшней войны. Стояли и сражались они, пока окоченѣлыя руки ихъ держали оружіе въ рукахъ, или не истощался запасъ самого оружія; жили и умирали незримо, безъвѣстно, по завѣту предковъ, живота не щадя, сраму не имѣя. Но въ вѣковой бурѣ всяческихъ вліяній затемнялся мало по малу свѣтъ вѣры отеческой, поколебалось наконецъ самое сознаніе русской народности, оставалось лишь одно имя русское—безъ жизни и духа; но и въ предсмертной агоніи, теряя вѣру и народность, они лепетали еще: *Русь наша, пока и самое это имя не замѣнилось словомъ униатъ, не означавшимъ уже ни вѣры, ни народности.*

Думаемъ, что эта вѣковая борьба на западной нашей окраинѣ за сохраненіе вѣры и народности представляетъ собою не менѣе интереса, какъ и кровавыя войны вообще за цѣлостность государственную, политическую независимость, сохраненіе излюбленной формы правленія и т. под. Къ сожалѣнію, въ смутное время послѣднихъ дней Польши и тщетныхъ попытокъ къ ея возстановленію, погибли большую частію письменные памятники, на основаніи которыхъ можно было бы воспроизвести полную картину этой борьбы въ указанной мѣстности; но и то, что, быть можетъ, уцѣлѣло отъ нихъ, не приведено въ извѣстность и хранится въ невѣдомыхъ рукахъ и мѣстахъ. Дождется ли Забужная Русь,—Холмщина и Подляхія, своей исторіи? Спасены-ли, собраны-ли будуть письменные и другіе памятники минувшей ихъ жизни? Сосѣдня Галиція имѣеть свою хорошо разработанную исторію; даже отдѣльные города ея, какъ Львовъ, Переяславъ и др., и отдѣльныя учрежденія, какъ львовскій ставропигійскій институтъ,—древнее братство, нашли своихъ историковъ, а Русь холмская не имѣеть для своей исторіи ничего, кромѣ нѣсколькихъ статеекъ и отдѣльныхъ документовъ давно прекратившагося холмскаго календаря и недавно начавшагося холмско-варшавскаго Епархиального Вѣстника. Пожелаемъ, чтобы возникшая теперь мысль объ учрежденіи музея холмскихъ древностей получила скорѣйшее осуществленіе и мѣсто для него было бы выбрано въ Холмѣ, а не Варшавѣ,—чтобы готовому еще съ начала 1875 года проекту учрежденія комиссіи для разбора и, конечно, изданія древнихъ актовъ при варшавскомъ генералъ-губернаторѣ, по примѣру существующихъ въ Кіевѣ и Вильнѣ, былъ давъ хотя теперь надлежащій ходъ и чтобы разбросанные тамъ русскіе ученые приложили свой трудъ къ разработкѣ мѣстной исторіи по

частямъ, дабы современемъ могла явиться полная исторія этого забытаго угла земли русской.

Предлагаемая статья касается одной изъ сторонъ печальной вообще жизни этого края, именно перерожденія русскаго монашества изъ православнаго въ уніатское, а потомъ почти польское и католическое, въ лицѣ двухъ выдающихся монастырей данной мѣстности—холмскаго и замостьскаго. Судьба этихъ монастырей характеризуетъ общее положеніе религіозныхъ дѣлъ въ краѣ. Служивъ прежде православію, они являются орудіями подавленія его и распространенія уніи и дѣйствуютъ въ видахъ ея, не замѣчая, какъ ихъ самихъ отъ уніи влекутъ къ латинству. Любопытна борьба ихъ, въ лицѣ всего ордена, за независимость отъ власти митрополита и епископовъ, интересны и частные черты управлениія и строя монастырской жизни, равно какъ самое возникновеніе замостьскаго монастыря специально для цѣлей уніи.

Въ предѣлахъ Холмщины и Подляхіи, въ дни владычества надъ ними Польши, было много русскихъ монастырей, но большая часть ихъ давно прекратили свое существованіе, до послѣдняго же времени (60-хъ годовъ) уцѣлѣли лишь слѣд. шесть: варшавскій, холмскій, замостьскій, люблинскій, бѣльскій и яблочинскій. Изъ нихъ первый возникъ на почвѣ уніи и хотя за предѣлами русскаго прибужданаго поселенія, но въ видахъ навязанной ему уніи, послѣдній никогда не принадлежалъ уніи и до послѣднихъ дней остался вѣренъ православію и народности русской, остальные же четыре, первоначально православные, стали потомъ и остались до своего уничтоженія уніатскими, наравнѣ съ учрежденнымъ митрополитомъ Львомъ Кишкою варшавскимъ уніатскимъ монастыремъ. Монастыри эти представляютъ интересъ для нашей исторіи по своему положенію въ краѣ, гдѣ православно-русскій элементъ находился всегда подъ непосредственнымъ давленіемъ польско-католическаго. Скорѣе и легче другихъ южно-русскихъ монастырей они стали жертвою уніи, но въ этомъ видѣ существовали гораздо долѣе тѣхъ уніатскихъ монастырей, которые послѣ раздѣла Польши вошли въ составъ русскаго государства. Возникши въ нѣдрахъ православія, они служили оплотами православія и народности русской въ этой отдаленной нашей окраинѣ и вызывали сочувствіе къ себѣ и по-

мощь со стороны центральной Украины. Съ переходомъ въ унію, роль бывшихъ православныхъ монастырей измѣняется, — они начинаютъ служить дѣлу унії, а съ тѣмъ вмѣстѣ прерывается ихъ связь съ единовѣрною когда-то и единоплеменною Украиною. Скоро послѣ того всѣ указанные нами монастыри, за исключениемъ яблочинскаго, одинъ за другимъ вошли въ составъ сплоченной по католическимъ образцамъ монашеской униатской корпораціи, известной подъ именемъ базиліанского ордена и быстро стали утрачивать не только свой прежній вѣроисповѣдный, но вмѣстѣ и русскій национальный типъ. Раздѣлы Польши 1772, 1793 и 1795 годовъ между тремясосѣдними державами разбили и базиліанскій орденъ на части и не только положили конецъ его дальнѣйшему развитию, но отчасти уменьшили его наличный составъ и ослабили его внутреннюю организацію. Но это роковое въ жизни ордена событие не коснулось холмско - подлясскихъ базиліанскихъ монастырей, только продлившихъ, благодаря этому обстоятельству, свое существование. Въ то время, когда при Екатеринѣ II и отчасти Павлѣ I принимались рѣшительныя мѣры къ ограниченню базиліанскихъ монастырей въ Россіи, холмско-подлясскіе монастыри находились подъ властію австрійскаго и прусскаго правительства, которые не имѣли ничего противъ ихъ существованія. Затѣмъ они вошли въ составъ герцогства варшавскаго, преобразованного въ „Царство Польское“, которое, подъ владычествомъ Россіи, существовало со своей особой администрацией и законами до послѣдняго польского мятежа. Пользуясь исключительнымъ, привилегированнымъ положеніемъ Царства Польскаго, оставшиеся въ предѣлахъ его униатскіе монастыри не участвовали въ общемъ возсоединеніи униатской церкви съ православною въ 1839 году, продолжали удерживать у себя корпоративный духъ и формы орденскаго управленія и такимъ образомъ долго еще служили немаловажнымъ оплотомъ для доживавшей свой вѣкъ унії въ нынѣшней холмско-варшавской епархіи.

Вотъ общий ходъ исторіи униатскихъ монастырей Холмщины и Подляшіи. Мы не имѣемъ возможности говорить обо всѣхъ указанныхъ нами монастыряхъ и коснемся только холмскаго и замостскаго; но и относительно ихъ мы не располагаемъ такими источниками, которые были бы достаточны для обстоятельного и полнаго

изложенія ихъ исторіи. Мы передадимъ только тѣ немногія о нихъ свѣдѣнія, которыхъ уяснять мѣсто и участіе ихъ въ общей судьбѣ русско-уніатскаго монашества и, слѣд., не коснемся вовсе ихъ жизни въ православномъ мірѣ. Главнымъ источникомъ свѣдѣній, которыхъ мы можемъ о нихъ предложить, служить связка бумагъ этихъ двухъ монастырей, предоставленныхъ въ наше распоряженіе Ф. Г. Лебединцевымъ. Правда, что онъ разрознены и даютъ лишь отрывочныя, хотя и весьма любопытныя свѣдѣнія, но этотъ недостатокъ мы будемъ, по возможности, пополнять общими историческими свѣдѣніями о базиліанскомъ орденѣ, исторіей котораго специально занимались мы, лѣтъ десять тому назадъ, въ архивѣ и библиотекѣ почаевской лавры и библиотекѣ волынской дух. семинаріи, а также нѣкоторыми печатными источниками¹⁾.

Исторія базиліанскаго ордена или чина св. Василія Великаго, какъ тѣсно сплоченой корпораціи уніатскихъ монастырей, распадается на три періода: 1) періодъ возникновенія этого ордена, отъ основанія его въ Литвѣ Іосифомъ-Вельяминомъ Рутскимъ до окончательного сформированія его въ обязательный для всѣхъ уніатскихъ монастырей базиліанскій орденъ, на основаніи постановленій замостьскаго собора 1720 года; 2) цвѣтуцій періодъ состоянія базиліанскаго ордена, подъ управлениемъ своего орденскаго генерала илиprotoархимандрита, независимаго отъ епархиальной власти, съ замостьскаго собора 1720 года до первого раздѣла Польши въ 1772 году, и 3) періодъ упадка базиліанскаго ордена съ 1772 года и до послѣдняго времени его существованія, имѣющій свои частныя подраздѣленія.

Соображенія имѣющіеся у насъ документы названныхъ уніатскихъ монастырей съ общей исторіей базиліанскаго ордена, мы находимъ, что документы холмскаго кафедральнаго богородичнаго монастыря, относясь главнымъ образомъ къ XVII вѣку, восполняютъ собою

¹⁾ По исторіи базиліанскаго ордена извѣстны слѣд. сочиненія: 1) Исторія базиліанскаго ордена, Кояловича, въ Христ. Чтеніи, за январь и апрѣль 1864 г.; 2) »Очерки уніатской церкви«, въ Чтеніяхъ общества исторіи и древн. российскихъ при москов. университѣтѣ. 1881 г., кн. 1 и 2, и 3) »Очеркъ исторіи базиліанскаго ордена въ бывшей Польшѣ«, въ Трудахъ кіев. дух. академіи 1870—72 гг., въ 9-ти книжкахъ, Н. Петрова.

первый периодъ исторіи базиліанскаго ордена, тогда какъ докумен-
ты замостьскаго монастыря, образованнаго изъ приходской церкви
уже въ XVIII вѣкѣ, излагая судьбу православія въ Замостьѣ въ
XVII вѣкѣ, дополняютъ собою второй цвѣтуцій періодъ исторіи
базиліанскаго ордена и даютъ новые матеріалы для послѣдняго пе-
ріода исторіи, если не всего базиліанскаго ордена, то по крайней
мѣрѣ тѣхъ частей его, которые достались сначала Австріи и Пру-
сіи, а потомъ вошли въ составъ герцогства варшавскаго и Царства
Польскаго.

Обращаемся къ исторіи холмскаго монастыря.

I.

Сами польскіе и уніатскіе писатели признаютъ, что городъ Холмъ и земля холмская издавна находилась въ тѣснѣйшей связи съ Южной Русью и въ частности съ г. Кіевомъ. Уніатскій холмскій епископъ XVII в. Яковъ Суша передаетъ баснословное преданіе о томъ, будто-бы по раздѣленіи Руси между тремя первыми ея кня-
зьями Кіемъ, Щекомъ и Хоревомъ, холмская земля и сосьднія съ
нею страны достались Щеку *). Съ большою вѣроятностію тотъ-же
писатель утверждаетъ, что холмская земля просвѣщена свѣтомъ
крещенія при св. равноапостольномъ князѣ Владимириѣ, который
построилъ въ Холмѣ въ 1001 году каѳедральный храмъ, снабдивъ
его чудотворнымъ образомъ пресв. Богородицы, писаннымъ, по пре-
данію, евангелистомъ Лукою, и основавъ спасскій монастырь близъ
г. Холма, въ селѣ Столпѣ ¹). Какъ бы ни было, русскій характеръ
холмской земли и древнее ея православіе неоспоримы и не под-
лежатъ сомнѣнію. Но съ весьма давняго времени и русская на-
родность и православіе въ холмской землѣ стали подвергаться
стѣсненіямъ со стороны польско-католическаго элемента, а ихъ по-
давленіе стало предметомъ особыхъ заботъ не только польско-като-

*) Преданіе это обще было кіевской и холмской землѣ. Подтвержденіемъ
этого можетъ служить то, что и теперь одна изъ горъ, лежащихъ между Холмомъ
и дерев. Столпе, носитъ название Щековицы, подобно одной изъ кіевскихъ горъ.

Ped.

¹ Phoenice tertiatio redivivus. Якова Сушки, З пзд., въ Замостьѣ, 1634
года.

лической іерархії, но и самихъ польскихъ королей. Въ этихъ видахъ въ Холмѣ еще въ началѣ XV в. учреждается польско-католическая епископская кафедра. Въ привилѣе польского короля Владислава II, данномъ холмскому католическому епископу Іоанну въ 1429 году, читаемъ между прочимъ слѣдующее: „обращая вниманіе на доблести превосходнаго служенія, съ которыми превелебный о Христѣ отецъ господинъ Іоаннъ, епископъ холмскій, профессоръ свящ. богословія, монахъ ордена проповѣдниковъ св. Доминика, устрояя церковь свою новосозданную примѣромъ жизни и знаніемъ добродѣтелей, не перестаетъ словомъ св. ученія наставлять къ жизни народъ схизматической, живущій въ окрестности, и посему желая, чтобы церковь кафедральная новооснованная, которую мы воздвигли, по внушенію Божію, въ честь раздѣленія св. апостоловъ, въ память побѣды, одержанной ихъ помощью, въ священный ихъ день, надъ врагами нашими крестоносцами въ Пруссіи, получила спасительное преуспѣяніе и проч., учреждаемъ на вѣчныя времена двухъ прелатовъ, т. е. препозита и декана, и десять канониковъ“. На содержаніе ихъ Владиславъ II назначилъ доходъ съ холмской своей таможни въ Рубеповъ¹⁾), по 100 грошей монеты польской въ годъ, и отдалъ село Парисы, близъ Холма. Итакъ холмская католическая кафедра, основанная Владиславомъ II въ память побѣды надъ крестоносцами, имѣла своимъ назначеніемъ обращеніе схизматиковъ, т. е. православныхъ русскихъ, къ католической вѣрѣ. Неудивительно, что Казиміръ IV, извѣстный своею особою ревностію къ католической церкви, въ 1456 году подтверждая приведенный привилѣй Владислава II, отдалъ также католическому холмскому епископу Іоанну и его преемникамъ приходскую холмскую православную церковь во имя Успенія пресв. Богородицы, съ деревнею Савинъ. Все это подтверждено привилѣями того-же Казиміра, 1485 г., и Сигизмунда I, 1508 года²⁾). Пропагаторская дѣятельность католическихъ епископовъ и ихъ капитулы, въ первое время ихъ жизни въ Холмѣ, не осталась безъ послѣдствій. Въ

¹⁾ Нынѣ Грубешовъ, уѣздный городъ любл. губ., граничащій съ Волынью

²⁾ См. подтверждительный привилѣй Сигизмунда I, 1508 г., и копію съ него между документами холмскаго монастыря.

Phoenix-ъ Якова Суши есть извѣстіе, что около 1566 года холмскій епископъ Захарія испросилъ у Сигизмунда II Августа подтвержденіе привилея католической унії, даннаго русскому клиру венгерскимъ и польскимъ королемъ Владиславомъ Ігеллоновичемъ въ 1443 году ¹⁾; но, какъ видно, пастыра не пошла за своимъ отступникомъ пастыремъ. Православіе сильно поддерживалось въ краѣ мѣстными вельможами и дворянами, и однимъ изъ видныхъ центровъ этого православія является въ XVI вѣкѣ древній Спасскій монастырь въ селѣ Столпѣ, близь Холма. Когда въ 1569 году состоялось окончательное соединеніе Литвы съ Польшею въ одно политическое тѣло, то съ этого времени до самой церковной унії 1595 года мы видимъ цѣлый рядъ королевскихъ привилеевъ на Спасскій монастырь и церковь въ Столпѣ, выданныхъ русскимъ попамъ Ивану Гавриловичу и сыну его Феодору; потому что, какъ говорится въ одномъ привилѣѣ, объ этомъ „представлено было намъ иѣкоторыми чинами царства нашего, обряда греческаго“. Такіе привилеи даны были на Спасскій монастырь и церковь въ селѣ Столпѣ Сигизмундомъ II Августомъ въ 1570 году, Стефаномъ Баториемъ въ 1578 году и Сигизмундомъ III въ 1590 и 1595 годахъ ²⁾.

Не смотря однако на эти подтвержденія, благопріятствовавшія повидимому православію, ему здѣсь, какъ и во всей соединенной съ Польшею южной Россіи, подготовленъ былъ рѣшительный ударъ въ видѣ такъ называемой брестской унії, къ которой присталъ въ томъ-же 1595 году и холмскій епископъ Діонисій Збируйскій. Извѣстна исторія ея введенія и распространенія и мы не будемъ останавливаться на ней. Для настѣ важно то, что однимъ изъ главныхъ орудій ея распространенія избираются монастыри, каковыми являются сперва холмскій, а потомъ замостський. Силу монастырей въ дѣлѣ распространенія унії отлично понималъ главный виновникъ брестской унії, владимірскій епископъ, Ипатій Потѣй, потому онъ на первыхъ-же порахъ задумалъ провести католическія начальства внутреннюю организацію русскаго монашества, передѣлать его по образцу римско-католическихъ орденовъ и сдѣлать его передо-

¹⁾ Phoenix, Якова Суши, 1684 г., стр. 36.

²⁾ См. привилеи 1570 и 1595 гг. между документами холмскаго монастыря.

вымъ отрядомъ въ наступательномъ движениі католичества на православную церковь. Преобразованное въ базиліанскій орденъ, уніатское монашество удачно выполнило свою миссію по отношенію къ православной церкви, и однимъ изъ первыхъ и важныхъ центровъ и разсадниковъ уніатскаго базиліанскаго ордена въ юго-западной Россіи является городъ Холмъ.

Холмскій уніатскій епископъ Яковъ Супіа въ донесеніи своемъ „Конгрегації распространенія вѣры“ въ 1664 г. писалъ слѣдующее о началѣ базиліанскаго ордена въ Россіи: „Преемникъ Рагозы, превелебнѣйшій Потьомъ, заботясь объ унії, въ видахъ необходимости имѣть для обращенія народа монаховъ, пріобрѣлъ сначала монастырь виленскій и собралъ юношество, изъ коего вышли блаженныи мученикъ Іосафатъ (Кунцевичъ), Іосифъ Рутскій, столпъ унії, и очень многіе другіе монахи, знаменитые ученостю и благочестіемъ, изъ коихъ нѣкоторые взяты были на епископства и прелатства¹⁾. Главнымъ помощникомъ Потьома и орудователемъ въ этомъ дѣлѣ былъ Іосифъ Вельяминъ Рутскій. Получивъ воспитаніе въ греко-римской коллегії, при выходѣ изъ нея, онъ „предпринялъ намѣреніе помочь, по своей возможности, обряду греко-католическому и относительно этого далъ обѣтъ въ Римѣ. Съ этою цѣллю онъ обошелъ важнѣйшія мѣста Россіи, былъ даже въ самой Московіи и столицѣ ея Москвѣ. Онъ нашелъ, что не иначе можетъ помочь, какъ сдѣлавшись монахомъ обряда греческаго. Прежде чѣмъ приступить къ этому, онъ отправился въ Римъ и, послѣ многихъ бесѣдъ со многими духовными людьми, съ вѣдома и согласія верховнаго первосвященника Павла V (1605—1621 г.), въ началѣ его царствованія, вошелъ въ соглашеніе съ мужемъ особенной свяности и учености, отцомъ Петромъ Кармелитомъ босоногимъ и съ генераломъ его ордена, чтобы этотъ отецъ послалъ къ нимъ въ

1) См. книгу: *Sacra congregazione particulari de propaganda fide coram sanctissimo domino nostro Benedicto papa XIV Kijoviens. Jurisdictionis pro revendissimo domino Floriano Hrebnicki, archiepiscopo Polocensi, totiusque Russiae metropolita, cum domino protoarchimandrita ordinis Sancti Basillii Magni Ruthenorum supplicatio facti et juris, Romae, 1755 an.; Summarium № 1.* Для краткости, мы будемъ называть эту книгу »Дѣломъ митрополита Гребницкаго съ базиліанскимъprotoархимандритомъ«.

Россію четырехъ монаховъ своего ордена, которые-бы приняли обрядъ греческій и монашескую одежду св. Василія и были-бы учительми нашими въ духовной жизни и реформаторами чина св. Василія, тогда очень неупорядоченнаго. Заключивъ такое условіе, онъ отправился въ Литву и въ Вильнѣ, въ монастырѣ пресв. Тройцы, принялъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими, монашескую одежду св. Василія Великаго. Здѣсь жилъ этотъ новицій съ другими новиціями, предаваясь благочестивому изученію хорошо устроенныхъ орденовъ латинскаго обряда, съ которыми онъ познакомился, когда еще былъ свѣтскимъ, и съ которыми имѣлъ тогда въ Вильнѣ сношеніе. Но какъ тогда въ орденѣ отцовъ босоногихъ не было поляковъ, кромѣ развѣ одного, то посему и разсѣялась эта миссія. А между тѣмъ умеръ помянутый о. Петръ, насы-же окружили безчисленныя бѣдствія, какъ внѣшнія отъ схизматиковъ, такъ и внутреннія отъ нашихъ старыхъ монаховъ, которые, какъ только узнали о нашемъ предположеніи, возбудили противъ насъ сильное подозрѣніе, будто этимъ способомъ мы хотимъ уничтожить обрядъ греческій... Между тѣмъ въ нашъ благоустроенный монастырь поступало много юношей, преимущественно изъ учениковъ іезуитскихъ школъ, которымъ мы приказывали заниматься науками въ тѣхъ-же школахъ, освобождая ихъ отъ монашескихъ обязанностей. Такимъ образомъ въ одно тѣло мы соединили около 100 человѣкъ, и стали умножаться монастыри¹). Первые базиліанскіе монастыри основались первоначально въ епархіи Пoцѣя. По свидѣтельству того-же Якова Суши, Рутскій „многихъ и знатныхъ юношей принялъ въ орденъ, коего колоніи основалъ сначала въ Новогрудкѣ, потомъ въ Минскѣ, Жировицахъ, Бытенѣ²)“. Соображая этотъ порядокъ распространенія базиліанскихъ колоній съ историческими обстоятельствами, мы приходимъ къ заключенію, что новогрудская и минская базиліанская колоніи основаны Рутскимъ около 1611—1612 г., когда онъ былъ коадьюторомъ литовской митрополіи; затѣмъ явились бытенскій монастырь и жировицкій, основанный въ 1613 году для базиліанъ Яномъ Мелешкомъ³).

¹⁾ Тамъ-же, Summarium, № 80.

²⁾ Письмо Якова Суши къ секретарю «конгрегаціи распространенія вѣры», 1684 г., въ почаевскомъ архивѣ, № 20.

³⁾ Труды кіев. дух. академіи, ноябрь, 1870 г., стр. 347.

Сдѣлавшись въ 1613 году, по смерти Потѣя, уніатскимъ митрополитомъ, Рутскій позаботился распространить базиліанскій орденъ и внѣ предѣловъ своей епархіи. Въ 1616 году онъ вышире-
силъ у Сигизмунда III подтвержденіе грамоты Сигизмунда I, дан-
ной въ 1519 году киевскому митрополиту Іосифу Солтану о под-
чиненіи и подсудности ему всего духовенства греческаго обряда
въ Польшѣ, дабы, на основаніи этой грамоты, имѣть право вмѣ-
шиваться въ дѣла другихъ уніатскихъ епархій и распространять
въ нихъ базиліанскій орденъ¹⁾), и въ слѣдующемъ 1616 году соз-
валъ въ Новогрудкѣ первую конгрегацію (съѣздъ) базиліанскую изъ
представителей пяти монастырей—виленскаго, новогрудскаго, мин-
скаго, жировицкаго и бытенскаго. На этой конгрегаціи, на кото-
рой, по просьбѣ Рутскаго, присутствовали два іезуїтскіе доктора
богословія²⁾), положено было ходатайствовать предъ королемъ, чтобы
митрополитъ выбираемъ былъ изъ базиліанъ и чтобы епископства
давались не свѣтскими людьми, но людьми монашествующими, ко-
торые провели известное время въ орденѣ и получили отъ митро-
полита одобрение относительно благочестивой жизни и достоинства;
притомъ, таковыми епископамъ передъ ихъ поставленіемъ митро-
политъ долженъ внушать, что они постоянно должны считать себя
членами ордена и должны быть защитниками и распространителями
его въ своей епархіи³⁾). Испрашиваемая привилегія дѣйствительно
дана была ордену Владиславомъ IV въ 1635 году, и въ ней гово-
рилось слѣдующее: „епископства, архимандріи, игуменства никому
другому не будемъ давать мы и преемники наши, какъ только за-
служеннымъ монахамъ чина св. Василія, находящимся въ унії, ко-
торыхъ теперешній отецъ митрополитъ унитъ и преемники его
униты будутъ представлять намъ и преемникамъ напіимъ“⁴⁾. Для
укорененія орденскаго корпоративнаго духа, Рутскій устроилъ для

¹⁾ См. это подтвержденіе въ книгѣ «Дѣло м. Гребницкаго съ базиліанскимъprotoархимандритомъ», 1755 г., Summarium, № 99.

²⁾ »Истор. базиліанскаго ордена«, Кояловича, въ Христ. член., апрѣль, 1864 г., стр. 443.

³⁾ Дѣло м. Гребницкаго съ базиліанскимъ protoархимандритомъ, 1755 г., Summarium, № 2.

⁴⁾ Христ. член., 1864 г., январь, стр. 46. примѣч. 2.

своихъ монаховъ новиціатъ, „въ который введены были имъ монахи іезуитскаго ордена, какъ говоритъ Суша,—для духовнаго наставления нашихъ (базиліанскихъ) монаховъ, такъ что оный пре-восходный пасторъ (т. е. Рутскій) посыпалъ упражняться въ сей новиціатъ настоятелей разныхъ монастырей и почтенныхъ лѣтами въ орденѣ, для возстановленія монашескаго духа¹)“. Въ 1624 году, по просьбѣ базиліанъ, наставники ихъ іезуиты, уже слишкомъ усердно поведшіе базиліанъ къ латинству, замѣнены были босоногими кармелитами, но съ обязательствомъ, чтобы „послѣднєе пришли къ намъ (базиліанамъ) въ одеждѣ св. Василія, отпускали волосы на головѣ и бородѣ, также исполняли все по обряду греческому и принесли себя въ жертву Господу Богу, если-бы необходимо было, до конца ихъ жизни“²).

По мѣрѣ подворенія унії въ Холмщинѣ система базиліанскаго ордена захватила собою и холмскую епархію, находившуюся нѣкоторое время въ администрації митрополита. А унія привилась здѣсь скоро и въ послѣдствіи, съ помошью базиліанъ, пустила глубокіе корни. Въ 1617 году мы видимъ древній холмскій каѳедральный монастырь въ рукахъ уніатовъ, и староста холмскій, подскарбій королевства, Николай Даниловичъ, назначалъ десятину со вновь распаханныхъ въ окрестностяхъ Холма полей, отъ людей религіи римской—на гошпиталь холмскій, опредѣлилъ такую-же отъ людей религіи греческой—на церковь и капитулу церкви каѳедральной монастыря холмскаго Рождества Дѣвы Маріи и на духовенство, на тотъ часъ при ней находящееся, состоящія въ унії вѣры и въ подчиненіи святой римской церкви³). Странный пожаръ 1638 г.

¹) Письмо Сушки см. въ дѣлѣ м. Гребницкаго съ базил.protoархимандри-томъ, 1755 г., Summarium № 1.

²) Тамъ-же Summarium, № 80. См. книгу *Sacra congregatione de propaganda fide coram sanctissimo, eminentissimo et reverendissimo Do-mino Cardinali Caraffa ponente ordinis S. Basilii Magni Ruthenorum pro-vinciae Poloniae cum reverendissimis patribus provinciae Litvaniae, facti. Roma. 1747* Summarium, № 28. Для краткости, мы будемъ называть эту книгу—»Дѣло польской базиліан. провинціи съ провинціей литовской о 12-ти монастыряхъ, 1747 г.«

³) Документъ холмскаго монастыря.

не оставилъ и слѣда этого монастыря, пощадивъ одну только каѳедральную церковь¹), но въ 1621 году холмскій уніатскій епископъ Аѳанасій Пакоста спѣшитъ устроить въ своей епархіи новый монастырь и ввести туда монаховъ базиліановъ. Задумано это, какъ открываетъ намъ привилей Сигизмунда III, данный этому епископу въ 1621 году, для найлучшаго содѣйствія унії церкви восточной греческой съ костяломъ римскимъ католическимъ.

Епископъ просилъ для этого церковь, издавна называемую монастыремъ Куленчицкимъ, находящуюся въ повѣтѣ городельскомъ²), и ревностный католикъ—король удовлетворилъ его желаніе, такъ что въ 1629 году монастырь уже существовалъ, и Сигизмундъ III презентуетъ тогдашнему администратору холмской епархіи, митрополиту Рутскому на настоятельство въ этомъ монастырѣ базиліана Филарета Заваду³). Хотя куленчицкій монастырь не игралъ сколько нибудь значительной роли въ своемъ орденѣ и послѣ войны Богдана Хмельницкаго приписанъ былъ къ возобновленному холмскому каѳедральному монастырю; но этотъ послѣдній съ 1638 года, получивъ новыя подкрепленія, становится главнымъ центромъ уніи и базиліанскаго ордена для холмской епархіи. Этимъ онъ обязанъ холмскимъ уніатскимъ епископамъ изъ тѣхъ-же базиліанъ—Меѳодію Терлецкому и Якову Сушѣ.

Въ 1638 году, епископъ Меѳодій Терлецкій, какъ повѣствуетъ Суша, возобновилъ послѣ пожара древнюю каѳедральную церковь пресв. Богородицы, разширилъ ее, выбросивъ изъ нея алтарную колонну, на которой означенъ былъ 1001 годъ основанія храма, и въ церковной оградѣ открылъ фундаментъ древняго храма временъ св. Владимира, во имя св. Василія Великаго; при послѣднемъ храмѣ, по преданію, жили прежде монахини⁴). Вслѣдъ за симъ, именно въ 1639 году, Меѳодій Терлецкій основалъ при своей каѳедрѣ уніатскую гимназію и, съ согласія митрополита Корсака, тогдашняго начальника базиліанскаго ордена, вызвалъ изъ Литвы въ Холмъ, для преподаванія въ этихъ школахъ, Якова Сушу съ

¹) Phoenix Якова Суши, 1684 г., стр. 123.

²) Привилей Сигизмунда III, 1621 г., въ бумагахъ холмскаго монастыря.

³) Тамъ-же, королевскій дипломъ, 12 сентября, 1629 года.

⁴) Phoenix tertio redivivus, Суши, 1684 г., стр. 17—19.

другими базиліанами, давъ ему въ управлениі запустѣлый спасскій монастырь¹⁾). Учрежденіе гимназіи, въ видахъ подкрепленія ордена и унії, считалось и тогда настолько важнымъ, что король Владиславъ IV, утверждая ее особымъ привилеемъ 7 іюня 1640 года, говоритъ, что не могъ не принять съ благодарностью такого благочестиваго и достохвального намѣренія епископа, а какова была дальняя цѣль этого намѣренія, видно изъ послѣдующихъ словъ того же привилея, въ которомъ говорится, что Терлецкій побуждался къ этому „особою ревностію къ распространенію православной вѣры въ схизматическихъ окрестностяхъ“²⁾. Ближайшимъ образомъ гимназія учреждена для обученія юношества греческимъ и латинскимъ наукамъ. Епископъ „фундоваль“ ее отъ себя, т. е. назначилъ ей нѣкоторая угодья, принадлежащія къ его епископскому столу³⁾). Но и этимъ не ограничился ревностный епископъ въ своихъ заботахъ обѣ успѣхахъ унії и базиліанскаго ордена: въ 1644 году онъ просилъ у тогдашняго митрополита иprotoархимандрита базиліанскаго ордена Антонія Селявы дозвolenіе открыть въ Холмѣ новиціатъ для воспитанія уніатскихъ монаховъ въ орденскомъ духѣ⁴⁾.

Обеспечивъ такимъ образомъ дѣло уніатской пропаганды и, какъ лучшаго ея орудія, возсозданного имъ базиліанскаго холмскаго монастыря, Мелодій Терлецкій не упускалъ изъ виду положенія всего базиліанскаго ордена, справедливо разсуждая, что, если не удержится цѣлое, не сдѣлать и отдѣльной его части. Выше мы сказали, что первыми устроителями и наставниками базиліанъ были іезуиты, а потомъ кармелиты. Они строили его по образцамъ католическимъ, а тамъ орденъ монашескій не зависѣлъ отъ власти епископовъ, но, пользуясь полнымъ самоуправленіемъ, подъ начальствомъ своего генерала, подчинялся только папѣ. Такая независимость тѣмъ болѣе нужна была для ордена базиліанъ. Руководители его и сама контрагація *de propaganda fide* хорошо понимали,

¹⁾ Труды кіевской дух. академіи, май, 1870 г., стр. 476—7. Королевское утвержденіе этого монастыря за базиліанами послѣдовало позже, какъ увидимъ ниже.

²⁾ Привилей Сигизмунда III въ бумагахъ холмскаго монастыря. См. также Труды кіев. дух. акад., ноябрь, 1870 г., стр. 352.

³⁾ Листъ м. Селявы отъ 17 сент. 1744 г. находится въ бумагахъ холмскаго монастыря.

что въ представителяхъ униатской церкви еще не умерли традиціи восточной церкви и духъ русскій не ослабѣлъ въ такой степени, чтобы они могли уже идти прямо на полное соединеніе съ латинствомъ. Имъ не трудно было сообразить, что не бывавшіе въ базиліанахъ униатскіе епископы и митрополиты могутъ и всему базиліанскому ордену дать не желательное направленіе и что только подъ управлениемъ собственнаго генерала илиprotoархимандрита, подчиненнаго непосредственно одному лишь папѣ, онъ можетъ достигать предположенной для него цѣли. А между тѣмъ униатскіе епископы въ большей части считали этотъ орденъ католическимъ нововведеніемъ и не хотѣли выпускать изъ своихъ рукъ власти надъ его монахами, тѣмъ болѣе, что и въ восточной церкви эта власть принадлежала мѣстнымъ епархіальнымъ епископамъ. Еще при жизни Рутскаго униатскіе архіепископы и епископы грозились ордену, что по смерти митрополита они постараются о томъ, чтобы взять монастыри изъ-подъ власти виленской конгрегації¹). Сами митрополиты, которые долженствовали быть, по идеѣ Рутскаго, защитниками и покровителями ордена, не разъ поднимали на него свою властную руку. Митрополитъ Анатолій Селява, вскорѣ по вступленіи своемъ на митрополичій престолъ, созвалъ въ 1642 году генеральную конгрегацію въ Вильнѣ для избранія protoархимандрита и изъявилъ желаніе, чтобы въ protoархимандриты избрали его самого; онъ даже заболѣлъ, когда монахи не хотѣли было удовлетворить его желанію. Базиліане согласились на избраніе его въ protoархимандриты, но требовали отъ него росписки въ томъ, что такая уступка съ ихъ стороны дѣлается на этотъ только разъ и не должна служить примѣромъ для будущихъ митрополитовъ, его преемниковъ, притомъ домогались установленія особыхъ правилъ, которыя опредѣляли-бы отношенія митрополитовъ къ ордену²). Селява согласился на эти требованія и въ слѣдующемъ 1643 году просилъ римскій дворъ о подтвержденіи декрета „конгрегаціи распространенія вѣры“, изданнаго 4 октября 1624 года касательно

¹) Дѣло м. Гребницкаго съ базиліанскимъ protoархимандритомъ, 1755 г., Summarium, № 13.

²) Исторія базил. ордена, Кояловича, въ Христіан. чтеніи, янв., 1864 г., стр. 50—51.

избранія генерала илиprotoархимандрита базиліанскаго, но съ прибавленіемъ къ сему декрету слѣдующихъ словъ: „и все выше-сказанное нужно разумѣть безъ ущерба древней и законной власти митрополита Россіи надъ помянутыми монахами и ихъ игуменами, архимандритами и самимъ protoархимандритомъ, каковой власти свящ. конгрегація никоимъ образомъ не должна ослаблять и ограничивать, поелику монахи базиліане обряда греческаго во всей Греціи не изъяты изъ власти мѣстныхъ епископовъ“¹⁾). Конгрегація распространенія вѣры одобрила это прибавленіе и 3 іюля 1643 г. издала о семъ декретъ²⁾). Но базиліане усмотрѣли въ этой прибавкѣ окончательное подчиненіе своего ордена митрополиту, уничтоженіе своей самостоятельности и съ жалобой на м. Селяву отправили въ Римъ холмскаго юніатскаго епископа Мелодія Терлецкаго, который и успѣль повернуть дѣло въ пользу базиліанскаго ордена. На засѣданіи „конгрегаціи распространенія вѣры“, проходившемъ 28 августа, 1643 года, „по выслушаніи устнаго объясненія достопочтеннаго отца господина епископа холмскаго русина юнита“, постановлено было сдѣлать такое поясненіе испрошеннаго Селявою декрета, что-де „въ этомъ декретѣ его святѣйшество выразилъ мысль свою соединить помянутыхъ монаховъ, для лучшаго управлениія ихъ ордена, въ конгрегацію, подъ властію одного генерала или protoархимандрита, и митрополиту, смотря по обстоятельствамъ, не дѣлать ущерба въ томъ, что принадлежитъ ему по праву“³⁾). Спасая такимъ образомъ независимость всего базиліанскаго ордена отъ власти митрополита, Терлецкій подкрѣплялъ положеніе своего излюбленнаго холмскаго монастыря.

Послѣднимъ проявленіемъ его заботы объ этомъ монастырѣ было прославленіе находившейся въ немъ иконы пресв. Богородицы

¹⁾ См. книгу *Sacra congregatione de propaganda fide coram Sanctissimo Domino nostro Kijoviensi praetensae jurisdictionis inter protoarchimandritam ordinis S. Basilii Magni Ruthenorum et mitropolitum, restrictus facti et juris, Romae, 1754. Summarium, № 20.* Для краткости, мы будемъ называть эту книгу--»Дѣломъ базиліанскаго protoархимандрита съ митрополитомъ Гребницкимъ, 1745«.

²⁾ Тамъ-же, *Summarium № 1.*

³⁾ Дѣло польской базиліан. провинціи съ літовской о 12-ти монастыряхъ, 1747 г., *Summarium № 57.*

чудотворною. Въ 1646 году докторъ богословія, базиліанінъ, Яковъ Суша составилъ, по порученію Меѳодія Терлецкаго, книгу *Phoenix*, въ которой доказывалъ древность этой иконы и описывалъ происходящія отъ нея чудеса, а назначенная по ходатайству того же Терлецкаго, подъ предсѣдательствомъ коадьютора уніатской перемышльской епископіи, епископа самборскаго, Павла Овлучимскаго, комиссія для разслѣдованія о сей иконѣ особымъ актомъ 22 іюля 1646 года подтвердила древность иконы и чудодѣйственную ея силу ¹⁾). Это должно было привлекать народъ къ унії и монастырю, которымъ принадлежала столь древняя святыня.

По смерти Меѳодія Терлецкаго, для базиліановъ и унії настали тяжелыя времена. По зборовскому договору Богдана Хмельницкаго съ поляками (1649 г.), подтвержденному на сеймѣ 1650 г., подлежали возврашенію въдомству кіевскаго православнаго митрополита остававшіяся вакантными епархіи луцкая, холмская и витебская, соединенная съ мстиславскою ²⁾). Опираясь на это, православный кіевскій митрополитъ Сильвестръ Коссовъ, прибывъ въ февраль 1650 г. въ Холмъ, выгналъ базиліанъ изъ каѳедры и спасскаго монастыря и поставилъ холмскимъ православнымъ епископомъ Діонісія Балабана. Администраторомъ холмской епархіи со стороны уніотовъ былъ въ это время упоминаемый нами уже не разъ Яковъ Суша. Оставляя холмскіе монастыри, базиліане успѣли однако заблаговременно скрыть отъ православныхъ чудотворный образъ Богоматери и нашли себѣ пріютъ у тогдашняго католическаго епископа холмскаго Станислава Пстроконскаго. Но православные, при содѣйствіі шляхтичей Павловскихъ, нашли спрятанную уніатами икону Богоматери и перенесли ее въ каѳедральную церковь. Тогда администраторъ холмской уніатской епархіи Яковъ Суша, воспользовавшись пребываніемъ короля въ Люблинѣ, во время новаго похода противъ козаковъ (1651 г.), убѣдилъ короля отобрать у православныхъ холмскую икону Богоматери и взять ее съ собой на войну. Комиссары, назначенные для сего королевскимъ дипломомъ отъ 25 апрѣля 1651 г., похитили икону изъ холмской каѳедральной церкви и пред-

) *Phoenix* Сушки, 1684 г., предисловіе.

²⁾ *Богданъ Хмельницкій*; Н. М. Костомарова, изд. 3, 1879 г., т. II, стр. 208

ставили королю, которого она и сопровождала во все время его экспедиции противъ козаковъ¹⁾). Передъ берестечскою битвою, по рядамъ польского войска носили холмскую икону Богоматери, и въ этомъ-то памятникъ былой эпохи независимости южной Руси поляки искали помощи противъ козаковъ, ополчавшихся за возвращеніе русской землѣ независимости²⁾). Извѣстно, что берестечская битва была гибельна для козаковъ, и поляки побѣду свою надъ козаками приписывали чудодѣйственной силѣ названной иконы. Набожный король Янъ Казимиръ въ свою очередь искренно вѣриль въ чудесную помощь, оказанную ему холмской иконой, возилъ эту икону съ собою до окончанія компаніи и постарался отблагодарить Якова Сушу за его совѣтъ. Грамотой, или привилеемъ отъ 29 іюля 1651 г., онъ отмѣнилъ даннаяя неунитамъ права и привилегіи и снова отдалъ холмское епископство въ администрацію Якову Сушѣ. „Посему мы,—говорится здѣсь,—отмѣняя дипломы наши старшимъ религіи греческой, въ неунії находящимся, по причинѣ ихъ неблагодарности, отдали епископство холмское со всѣми церквами, издревле унитамъ принадлежащими, достопочтенному Якову Сушѣ, генералу викарному холмскому ордена св. Василія Великаго (коему до выдачи дизунитамъ диплома дали мы другой привилей) въ администрацію и управлениѣ всѣмъ клиромъ и капитуломъ холмскимъ и белзскимъ обряда греческаго, равнымъ образомъ всѣ имѣнія и всѣ села, принадлежащія сему епископству, ему обратно уступили до дальнѣйшей нашей декларації“. Въ слѣдующемъ 1652 году Яковъ Суша назначенъ былъ пожизненнымъ холмскимъ епископомъ и обратился къ королю съ просьбою о возвращеніи въ Холмъ иконы Богоматери. Король съ благодарностію возвратилъ ее въ холмскую каѳедральную церковь, „съ тѣмъ условiemъ, какъ писалъ онъ въ дипломѣ отъ 30 марта 1652 г., чтобы, если-бы опять (чего не дай Богъ) стали угрожать сей св. иконѣ подобныя предыдущимъ опасности отъ дизунитовъ, тогда помянутый достопочтенный номинантъ холмскій и его монахи, въ унії св. находящіеся, обязываются вышеозначенную икону пресв. Дѣви вручить намъ самимъ“. При торжественной встрѣчѣ этой иконы въ

¹⁾ Phoenix Якова Суши, 1684 г., стр. 44—55.

²⁾ Богданъ Хмельницкій, Н. И. Костомарова, 3 изд. 1870 г., т. II, стр. 330.

Холмъ говорилъ рѣчъ базиліанинъ Бенедиктъ Терлецкій, римскій воспитанникъ отцевъ de propaganda fide, бывшій впослѣдствіи провинціаломъ базиліанскаго ордена. При новомъ возстаніи козаковъ, король Янъ Казиміръ опять вытребовалъ холмскую икону Богородицы въ тѣмъ-же 1652 году въ себѣ и возвратилъ ее Якову Сушу уже послѣ битвы подъ Жванцемъ (дек. 1653 г.), вѣроятно въ 1654 году¹⁾.

Съ прекращеніемъ козацкихъ войнъ и замиреніемъ всего **края** улучшилась снова судьба холмскаго базиліанскаго монастыря, а вмѣстѣ и всего базиліанскаго ордена. Въ 1654 году епископъ Суша приписалъ къ холмскому базиліанскому монастырю упомянутый выше куленчицкій монастырь и церковь любачевскую городищенскую, равно и присоединилъ къ нему православный монастырь Добротворскій и многіе другіе. Всѣми ими, какъ писалъ Суша, владѣли тогда въ епархіи холмской схизматики; не смотря на то, его захваты признаны были самимъ королемъ²⁾). Въ 1662 году въ привилѣѣ 20 іюля Янъ Казиміръ писалъ: „охотно склонившись на покорную просьбу (Якова Сушки), заблагоразсудили мы вышепомянутыхъ монаховъ базиліанъ, живущихъ при кафедрѣ холмской греческой и тамошнемъ чудотворномъ образѣ пресв. Дѣви, которымъ этотъ чудотворный образъ отданъ былъ нами въ распоряженіе особымъ рескриптомъ нашими, даннымъ въ Варшавѣ 30 мая 1652 г., по прекращеніи непріятельскихъ опасностей,—оставить при монастырѣ св. Спаса, который всегда особливымъ привилеемъ подаванъ былъ найяснѣшими предшественниками нашими и никогда не принадлежалъ епископству холмскому, но издавна находился въ рукахъ и распоряженіи помянутыхъ монаховъ и иныхъ частныхъ лицъ, на что и мы приказали выдать изъ канцеляріи нашей онымъ монахамъ особый рескриптъ уже въ царствованіе наше, подъ датой изъ Варшавы, 18 марта 1650 года; также при школахъ тамошнихъ, которыхъ вышепомянутый велебный Яковъ Суша возстановляетъ своимъ иждивеніемъ, въ которыхъ должны учить вышепомя-

¹⁾ Phoenix Якова Сушки, 1684 г., стр 96—115.

²⁾ Документъ холмскаго монастыря. См. Дѣло польской базиліанской провинції съ провинціей литовской о 12-ти монастыряхъ, 1747 г., Summarium № 50.

нутые благочестивые монахи базиліане униты, находящіеся при кафедрѣ холмской греческой, а не другіе, и при старинномъ правѣ, обращая вниманіе на эрекцію велебнаго нѣкогда Меѳодія Терлецкаго, епископа холмскаго, какъ и дѣйствительно, заботясь должнымъ образомъ объ увеличеніи славы Божіей, апостробуемъ, обновляемъ, утверждаемъ помянутыя права, привилеи, какъ всѣ вообще, такъ и каждое въ частности, ничего не изъемля и не исключая¹⁾, и проч. Тѣ же права подтверждены были привилеями Яна III въ 1676 и 1685 годахъ и Августа III въ 1754 году¹⁾.

Въ видахъ разширенія унії, Яковъ Суша, позаботился о водвореніи въ Холмѣ и базиліанокъ. Мы видѣли, что епископъ Меѳодій Терлецкій, при реставраціи каѳедрального храма, открылъ вблизи его фундаментъ какого-то другаго храма, который Яковъ Суша въ своемъ „Фениксѣ“ призналъ за древній храмъ бывшаго когда-то въ Холмѣ женскаго монастыря во имя св. Василія Великаго. Вѣроятно, для возстановленія въ Холмѣ женскаго монашества, Яковъ Суша началъ пріобрѣтать, съ 1654 года, въ г. Холмѣ и его окрестностяхъ земельные участки, дома и фольварки, и дѣйствительно отдалъ ихъ монахинямъ чина св. Василія Великаго, которыхъ онъ помѣстилъ при холмской церкви Успенія пресв. Богородицы. Въ 1663 году Инь Казиміръ, по ходатайству Якова Суши, освободилъ грунты и дома холмскаго женскаго монастыря отъ податей и повинностей, что подтвердилъ въ 1679 году и Янъ III Собѣскій²⁾. Въ послѣдствіи времени и этотъ женскій монастырь отданъ былъ холмскимъ базиліанамъ³⁾.

¹⁾ См. подтвержденіе Августа III, 1754 г., въ дѣлахъ холмскаго монастыря.

²⁾ Тамъ-же, привилей Яна III, Собѣскаго, 1679 года.

³⁾ Въ 1723 г. холмскій уніатскій епископъ Іосифъ Левицкій, не только подтвердилъ прежнія записи Меѳодія Терлецкаго и Якова Суши въ пользу холмскаго базиліанскаго монастыря (на монастыри Куленчицкій и Спасскій, предметы Вульку и Завале), но и отдалъ »монастырь женскій того-же чина, или иначе паненницину, тѣмъ же почтеннымъ отцамъ и монастырю холмскому«, со всѣмп фундушами, ланами, полями, подданными и проч. А въ 1753 г., при настоятельѣ холмскаго монастыря Максимилианѣ Рыллѣ, холмскіе базиліане получили въ свое пользованіе село Царипсы, когда-то данное королемъ Владиславомъ II капитулу холмской католической каѳедры.— Мѣсто женскаго монастыря указываютъ теперь на горѣ, за Холмомъ, по направленію къ д. Серебрище, гдѣ видны остатки какихъ-то развалинъ.— Грамота Левицкаго въ документахъ холмскаго монастыря.

Поставленный на ноги и обезпеченный Яковомъ Сушей, холмскій базиліанскій монастырь занялъ видное мѣсто въ ряду другихъ базиліанскихъ монастырей. Въ 1719 году здѣсь происходила, подъ предсѣдательствомъ митрополита Льва Кипки, генеральная базиліанская конгрегація, обыкновенно назначавшаяся въ знаменитѣйшихъ базиліанскихъ монастыряхъ¹⁾.

Подобно своему предпѣтвеннику Терлецкому, Яковъ Суша оказалъ важную услугу и всему базиліанскому ордену во время возобновившейся борьбы его съ митрополитомъ за орденское самоуправленіе. Мы видѣли, что въ 1651 году Яковъ Суша былъ викарнымъ генераломъ базиліанского ордена, т. е. непосредственнымъ и главнымъ его начальникомъ послѣ митрополита Селявы. Эту должность онъ занималъ вѣроятно съ 1650 года, со времени бывшей въ этомъ году генеральной виленской конгрегаціи, и исполнялъ ее до минской конгрегаціи 1652 года, на которой выбранъ провинціаломъ или викарнымъ генераломъ Бенедиктъ Терлецкій. По смерти Терлецкаго въ 1661 году, въ самый разгаръ борьбы базиліанского ордена съ архіепископомъ Гавріломъ Колендою, домугавшимсяprotoархимандритства, Яковъ Суша выбранъ былъ на жировицкой конгрегаціи 1661 года въprotoархимандриты ордена и исполнялъ эту должность, вѣроятно, до супрасльской конгрегаціи 1665 года²⁾. Онъ, кажется, и принялъprotoархимандритство только для того, чтобы заподтить базиліанъ отъ притязаній уніатскаго митрополита и примирить ихъ съ нимъ. Еще до выбора своего въprotoархимандриты, Яковъ Суша и базиліане 5 іюля 1661 г. протестовали противъ выбора архіепискона Коленды въprotoархимандриты и заявляли, что Бенедикта Терлецкаго, архимандриата виленскаго уже въ третій разъ избирали на тороканской капитулѣ провинціаломъ и главою ордена, и что не желаютъ принять другаго выбора³⁾. На жировицкой капитулѣ или конгрегаціи 1661 г., на которой предсѣдателствовалъ и избранъ въprotoархимандриты

¹⁾ Дѣло м. Гребницкаго съprotoархимандритомъ, 1755 г., Summarium, № 87. См. »Труды кіев. дух. академіи«, май, 1870 г., стр. 491.

²⁾ »Труды кіев. дух. академіи«, 170 г., май, стр. 453, 488 и 489.

³⁾ Тамъ-же, ноябрь, 1870 г., стр. 467; см. почаев. архив., № 100 и 201.

базиліанського ордена Яковъ Суша, базиліане постановили жаловаться на противозаконнія дѣйствія администратора митрополії, архієпископа Гавріила Коленди, по отношенію къ ихъ ордену, и вмѣстѣ съ тѣмъ протестовали противъ учрежденія вновь архимандрій, при митрополитѣ Антоніѣ Селявѣ, въ Полоцкѣ, Черей, Березвечи и Дубно, гдѣ ихъ никогда прежде не было. „По сему ордену просилъ, чтобы избранные начальники донесли о всемъ этомъ престолу апостольскому, и чтобы пожизненныя архимандрії тамъ, гдѣ ихъ не было, упразднены были и совершенно уничтожены, и чтобы всѣ монастыри и архимандрій подчинялись одному лишь избранномуprotoархимандриту и его преемникамъ“ ¹⁾). Въ Римъ отправился самъ Яковъ Суша, вѣроятно въ 1664 году, потому что къ этому году относится его донесеніе конгрегаціі распространенія вѣры о началѣ унії, въ которомъ онъ жаловался папѣ, отъ лица всѣхъ уніатськихъ епископовъ, на нѣкоторыхъ епископовъ латинскихъ, ходатайствовавшихъ предъ римскимъ престоломъ объ уничтоженіи уніатской іерархіи ²⁾). Въ это-же, конечно, время Яковъ Суша, вмѣстѣ съ провинціаломъ базиліанськимъ Паходміемъ Огілевичемъ, вошелъ въ „конгрегацію распространенія вѣры“ съ представленіемъ, коимъ просилъ конгрегацію, чтобы воспрещено было пользоваться многими бенефиціями, чтобы епископы не расхищали монастырськихъ имуществъ, чтобы архимандрія виленская принадлежала ордену, и проч. При этомъ Суша представилъ и другіе пункты, клонившіеся къ улучшенію базиліанського ордена и послужившіе впослѣдствіи темой для разсужденій на базиліанськихъ конгрегаціяхъ, какъ напр. о не ношеніи монахами полного монашескаго одяянія, о занятіяхъ базиліанскихъ воспитанниковъ по возращеніи ихъ изъ заграничныхъ папскихъ алюминатовъ, о совращеніи уніатовъ іезуитами въ обрядъ латинскій и проч. ³⁾). Вслѣдствіе представленія Якова Сушки, папа далъ, 30 мая 1665 г., своему нунцію въ Польшѣ бреве, коимъ приказывалъ ему созвать новую базиліанскую конгрегацію, подъ его предсѣдательствомъ, для из-

¹⁾ Дѣло м. Гребницкаго съ базиліанскимъ protoархимандритомъ, 1755 г., Summarium, № 17.

²⁾ Тамъ-же, Summarium, № 1.

³⁾ Архивъ почасев. лавры, № 201.

браніяprotoархимандрита изъ простыхъ монаховъ, а супрасльскую и жировицкую конгрегаціи считать не дѣйствительными¹⁾). Эта конгрегація состоялась въ октябрѣ того же 1665 года въ Супраслѣ, но и она кассирована пашой потому, что на ней избранъ былъ въ protoархимандриты не простой монахъ, а митрополитъ, и назначена новая конгрегація въ Брестѣ на 1 марта 1666 года. Послѣдняя, подъ предсѣдательствомъ нунція, и занялась преимущественно разсмотрѣніемъ и обсужденіемъ тѣхъ нестроеній ордена, какія указаны были Сушей и Огилевичемъ „конгрегаціи распространенія вѣры“. 4-го марта, ко второму засѣданію конгрегаціи, прибыль на нее Яковъ Суша и съ особеною полнотою и ясностю раскрылъ укоренившіеся въ базиліанскомъ орденѣ беспорядки и предложилъ соотвѣтственныя мѣры къ ихъ устраниенію. Такъ, онъ предложилъ строго соблюдать обряды и обычаи греко-восточной церкви, настаивалъ на уничтоженіи новыхъ архимандрій и обращеніи ихъ въ простые игуменскіе монастыри, жаловался на угнетеніе уніатовъ латинянами, требовалъ запрещенія переходить изъ уніатскаго обряда въ латинскій и просилъ нунція ходатайствовать предъ королемъ за унію, „чтобы онъ запиццаъ ее и покровительствовалъ ей какъ противъ схизматиковъ, такъ и противъ католиковъ латинскаго обряда и особенно клириковъ“, и проч. Въ заключеніе Яковъ Суша доказывалъ, что благо ордена требуетъ, дабы въ protoархимандриты избранъ былъ митрополитъ, потому что protoархимандритъ изъ простыхъ монаховъ не могъ-бы справиться съ своеольными монахами и имѣть силы при дворѣ²⁾). Голосъ Якова Сушки убѣдилъ нунція согласиться на общее желаніе, чтобы управленіе орденомъ ввѣreno было митрополиту. Избранный, вслѣдствіе этого въ protoархимандриты, Коленда благодарилъ все собраніе за довѣренность къ нему, просилъ забыть давніе споры, произшедшіе вслѣдствіе взаимныхъ недоразумѣній, и, по примѣру своего предшественника Анатолія Селявы, обеспечилъ права ордена па свободное избраніе protoархимандрита изъ простыхъ монаховъ письменнымъ актомъ³⁾.

¹⁾ Исторія базиліанскаго ордена, Кояловича, въ христіан. членії, янв., 1864 года, стр. 56, примѣч. 2.

²⁾ Дѣло м. Гребяницкаго съ базиліан. protoархимандритомъ, 1755 г., Summarium, № 90.

³⁾ Христіан. членіе, янв., 1864 г., стр. 60—61.

Въ другой разъ Яковъ Суша оказалъ базиліанскому ордену услугу при преемнике Еоленды, митрополитѣ Кипріанѣ Жоховскомъ, вошедшемъ въ оstryя, непріязненныя столкновенія съ орденомъ. Близайшимъ поводомъ къ этимъ столкновеніямъ было слѣдующее обстоятельство. Около 1681 года папскій нунцій въ Польшѣ, „спросивши одного іезуита богослова, расположеннаго къ базиліанамъ, отъ чего базиліанскій орденъ не только не усиливается, но даже и упадаетъ, тогда какъ прежде онъ славился, если не числомъ, то превосходными людьми, получилъ отвѣтъ, что прелаты угнетаютъ монаховъ разными способами. Получивъ такой отвѣтъ, нунцій призвалъ къ себѣ нѣсколькихъ настоятелей и разпросилъ ихъ объ угнетеніяхъ, о которыхъ они и устно передали и на письмѣ изложили. Вслѣдствіе этого онъ приказалъ имъ обратиться къ священной конгрегаціи монаховъ (*regularium*), которая приказала нунцію употребить надлежащее врачевство; „нунцій-же, пишетъ Суша, послалъ представленные ему монахами пункты къ митрополиту, ко мнѣ самому и другимъ епископамъ нашимъ. Тотчасъ вскипѣлъ митрополитъ, написалъ нунцію на монаховъ не хорошее, тотчасъ же стала притѣснять орденъ и порѣшилъ низложитьprotoархимандрита и заставить избрать самого себя“¹⁾). На минской конгрегації, бывшей въ іюль 1683 года, митрополитъ Жоховскій низложилъ генерала Мартынкевича-Бусинскаго и консульторовъ, заставилъ собравшихся на конгрегацію базиліанъ избрать себя въ протоархимандриты, взялъ у прежнихъ начальниковъ ордена принадлежавшіе имъ монастыри и раздалъ ихъ вновь назначеннымъ должностнымъ лицамъ ордена²⁾). Мартынкевичъ-Бусинскій думалъ было уже перейти, отъ престола митрополита, въ латинскій обрядъ, но Яковъ Суша убѣдилъ его остаться въ униатскомъ обрядѣ и въ базиліанскомъ орденѣ и чрезъ нунціатуру сдѣлалъ представленія папѣ въ пользу базиліанскаго ордена. Здѣсь онъ проектировалъ ограничить власть митрополита тридентскимъ соборомъ, учредить конгрегацію изъ монаховъ и нѣсколькихъ свѣтскихъ священниковъ изъ каждой епархіи, воспретить митрополиту визитапцію (ревизію) епархій

¹⁾ Письмо Я. Сушки къ секретарю конгрегаціи распространенія вѣры, 1684 г., въ почаев. архивѣ, № 201.

²⁾ „Труды кіев. дух. академіи“, ноябрь, 1870 г., стр. 382.

и опредѣлить ее на основаніи триентскаго собора, управлениe же базиліанскимъ орденомъ предоставить не митрополиту , а самому ордену ¹). Вмѣстѣ съ тѣмъ и сами базиліане жаловались на митрополита Жоховскаго папѣ и королю. Король взялъ базиліанскій орденъ подъ свое покровительство , а папа Иннокентій XI издалъ бреве отъ 30 октября 1683 г., которымъ кассировалъ минскую конгрегацію и предписывалъ созвать новую. Но это бреве не было тотчасъ приведено въ исполненіе, потому что митрополитъ Жоховскій въ письмѣ своемъ отъ 28 февраля 1684 г. къ кардиналу Нерлію критиковалъ папское бреве и жаловался на очерненіе его базиліанами,—его, который кровію и жизнію защищаетъ апостольскій престолъ и достигъ того , что уничтоженъ былъ въ Россіи схизматической митрополитъ и остался одинъ униатскій, его, который присоединилъ къ униї множества схизматическихъ церквей , выстроилъ новые зданія для базиліанъ, выпросилъ для нихъ у республики богатыя имѣнія, возстановилъ кафедральную церковь виленскую, и проч. Вслѣдствіе сего протesta Жоховскаго опять возобновилась переписка о возникшемъ разногласіи между митрополитомъ и орденомъ и о средствахъ къ примиренію ихъ. Конгрегація распространенія вѣры чрезъ сскретаря своего спрапивала холмскаго епископа Якова Сушу о происхожденіи несогласія, объ основаніяхъ, по коимъ митрополитъ и епископы домогаются власти надъ монахами и проч., причемъ препровождена была къ Супѣ и копія протesta митрополита Жоховскаго. Яковъ Суша , между прочимъ, отвѣчалъ , что 1) разногласіе возникло вслѣдствіе того, что базиліане указали нунцію причину упадка своего ордена въ угнетеніи его митрополитомъ и епископами и этимъ раздражили митрополита; 2) что митрополитъ напрасно требуетъ подчиненія себѣ монаховъ, потому что и въ Греціи монахи не до того подчинены своимъ прелатамъ, чтобы послѣдніе присвоили себѣ ихъ доходы, и зависятъ отъ нихъ только въ отношеніи совершенія обрядовъ и таинствъ; 3) что митрополитъ Рутскій, обративъ въ унию множество монастырей , никогда не желалъ имѣть архимандритовъ,

¹) Письмо Мартынкевича къ м. Жоховскому, отъ 3 дек. 1683 г., въ почав. архивѣ, № 201.

кромъ супрасльского и жидичинского монастырей, и испросилъ у папы Урбана разрѣшеніе самимъ монахамъ избирать себѣ генерала изъ простыхъ монаховъ; а посему должна быть ограничена власть митрополита и епископовъ надъ монахами¹⁾.

Это была послѣдняя услуга Якова Суши базиліанскому ордену. 4 марта 1685 года Суша умеръ; но его мнѣніе положено было въ основаніе Nexus-а или союза между базиліанскимъ орденомъ и униатскимъ митрополитомъ, выработанного на новогрудской конгрегаціи 1686 года, подъ предсѣдательствомъ кіевскаго латинскаго бискупа Фомы Вейскаго. Хотя этотъ Nexus или союзъ и не былъ формально утвержденъ папою, но имѣлъ силу закона до 1743 года. Этимъ Nexus-омъ или союзомъ блистательно завершилась для ордена его слишкомъ 40-лѣтняя борьба съ митрополитомъ. Мысль Якова Суши о принятіи въ основу жизни базиліанскаго ордена началь римской церкви и въ частности постановленій триентскаго собора выразилась въ этомъ Nexus-ѣ и въ предоставлениі базиліанскому ордену внутренняго самоуправленія, и въ данномъprotoархимандриту правъ визитовать всѣ монастыри, не исключая и архимандричихъ, съ дозвolenіемъ впрочемъ митрополита, и въ визитациіи приходскихъ церквей ордена, и въ поставлениі и смѣнѣ временныхъ настоятелей и проч. Словомъ, въ силу условій Nexus-а, базиліанскій орденъ сталъ твердою ногою на тотъ путь, который привель его впослѣдствіи къ окончательному окатоличенію и уподобленію другимъ монашескимъ орденамъ латинской церкви²⁾).

Со времени Nexus-а стало быстро умножаться и количество базиліанскихъ монастырей. Около времени заключенія союза съ митрополитомъ Жоховскимъ въ составъ базиліанскаго ордена входили слѣдующіе монастыри: жировицкій, бытенскій, рожанскій, полоцкій, новогрудскій, владимірскій, волненскій, казутскій, березвечскій, витебскій, черлонскій, холмскій, брестскій, лысковскій, тороканскій, красногорскій, пинскій,—и кромѣ того въ болѣе или менѣе тѣсныхъ связяхъ съ нимъ находились архимандри: виленская, лав-

¹⁾ »Труды кіев. дух. академіи«, ноябрь, 1870 г., стр. 384—391.

²⁾ Nexus см. въ Дѣлѣ м. Гребницкаго съ базиліанскимъ protoархимандритомъ, 1755 г., Summarium № 3; см. »Труды кіев. дух. академіи«, ноябрь, 1870 г., стр. 393 и слѣд.

ришевская, супрасльская, черченская, дерманская, дубенская, спасская и крестовоздвиженское пожизненное настоятельство дубенское, жидичинская, дорогобужская, брацлавская, мстиславская, онуфрействская, пустынская, гродненская, лепчинская, полоцкая, борисоглебская, минская, кобринская, черейская, троцкая и проч., всего до 30-ти слишкомъ монастырей. Вскорѣ послѣ 1686 года присоединены были къ ордену монастыри верховскій, мирскій, доброгорскій, бучацкій, бѣльскій, ушачскій. Кроме того, Львомъ Кипкой возвращены ордену возведенныя было въ архимандріи монастыри—виленскій, лавришевскій, минскій, пустынскій, мстиславскій, черейскій и тороканскій¹⁾). Но около половины XVIII в. число всѣхъ базиліанскихъ монастырей простиравось свыше 160, въ числѣ коихъ значился и замостскій монастырь²⁾, служившій въ XVIII вѣкѣ вторымъ важнымъ центромъ уніатчины въ холмской землѣ. Къ исторіи этого монастыря мы теперь и обращаемся.

II.

Замостскій уніатскій монастырь явился въ первой четверти XVIII вѣка въ замѣнѣ православныхъ замостскіхъ церквей никольской и вознесенской и долго еще потому боролся съ ихъ православными преданіями, невольно подчиняясь иногда ихъ вліянію. Поэтому мы должны, прежде изложенія свѣдѣній о самому монастырѣ, сказать объ этихъ церквахъ до перехода ихъ въ руки уніатовъ и превращенія ихъ въ замостскій уніатскій монастырь.

Въ то время, какъ холмскій каѳедральный богородичный монастырь въ XVII вѣкѣ сдѣлался уже однимъ изъ важныхъ центровъ уніи и базиліанского ордена и въ лицѣ своихъ представителей оказывалъ ему немаловажныя услуги,— кругомъ Холма всюду еще господствовало православіе. Въ 1700 году въ Холмщинѣ и Подляшіи оставались еще православными монастыри: люблинскій, бѣльскій, брянскій и многіе другіе³⁾), и до самаго этого года оставалось въ православіи братство замостской никольской церкви.

¹⁾ »Труды кіев. дух. академіи», ноябрь, 1870 г., стр. 406—407.

²⁾ Тамъ-же, августъ, 1870 г., стр. 434—436.

³⁾ Актъ луцкаго братства 1700 г. въ Віленскіхъ Епарх. Вѣдомостяхъ, 1868 г., № 21.

Городъ и крѣпость Замостье основаны были во второй половинѣ XVI вѣка короннымъ канцлеромъ Яномъ Замойскимъ, однимъ изъ лучшихъ государственныхъ людей своего времени, который любилъ просвѣщеніе и основалъ замойскую академію, отличался вѣротерпимостью и расположенностю къ русскому народу. Населеніе Замостья было смѣшанное; тутъ селились и поляки, и русскіе, и греки, и армяне, и евреи. Между другими вѣроисповѣданіями православное занимало едва-ли не самое видное мѣсто; въ XVII вѣкѣ ему принадлежали церкви Вознесенская на львовскомъ предмѣстьѣ (нынѣ Новая Осада) и никольская въ самой крѣпости.

Прежде всего построена была здѣсь православная Вознесенская церковь на львовскомъ предмѣстьѣ, и при ней учреждено было братство, уже существовавшее въ 1590 году¹). Около того-же времени разрушена къ постройкѣ и другая православная церковь, но уже въ самомъ замкѣ или крѣпости замостской. Разрушение на постройку этой послѣдней дано было основателемъ города, короннымъ канцлеромъ Яномъ Замойскимъ, 10 января 1589 года, собственно грекамъ, которые, не смотря на свое недавнее появленіе въ Замостьѣ, заняли здѣсь въ ряду торговцевъ другихъ націй первенствующее мѣсто. Упомянутымъ сейчасъ привилеемъ Замойского имъ предоставлялось „не только имѣть складъ своихъ товаровъ и дома, но и быть распорядителями нѣкоторыхъ купечествъ, сообща составленныхъ“, а устроивъ церковь свою въ самомъ городѣ, „содержать при ней одного священника или болѣе,—равно совершать богослуженіе по своему обряду безъ всякаго препятствія отъ кого-либо“²). Кому затѣмъ принадлежитъ самая постройка никольской церкви,—грекамъ или русскимъ, либо тѣмъ и другимъ вмѣстѣ,—объ этомъ свѣдѣній нѣть; но вскорѣ послѣ того мы видимъ грековъ и русскихъ въ дѣлахъ вѣры дѣйствующими за одно и съобща пользующимися новоустроеною въ Замостьѣ православною никольской церковью. При этой церкви, какъ и при Вознесенской на предмѣстьѣ, возникаетъ братство, въ которомъ также

¹) Упоминается подъ этимъ годомъ въ универсалѣ Томаша - Йосифа Замойского отъ 21 апреля 1712 г., въ бумагахъ замостского монастыря.

²) Копія этого документа въ бумагахъ замостского монастыря.

единство исповѣданія соединило грековъ и русскихъ¹⁾). Учрежденіе этого братства, если не предшествовало постройкѣ каменной никольской церкви, то совпало съ временемъ оной. Легко допустить, что если раньше этого существовала русская церковь на предмѣстьѣ Замостья, то тѣмъ болѣе должна была существовать такая же церковь въ самомъ Замостьѣ, а при ней, по обычаю того времени, и братство, хотя еще безъ устава и опредѣленной организаціи. Въ *Суммаріицн* (описи) дѣлъ замостьскаго монастыря, составленномъ 20 ноября 1775 года, мы нашли указаніе на „привилей (но не самый привилей) восточного патріарха, писанный погречески,

¹⁾ Учрежденіе церковныхъ братствъ было въ это время весьма распространено въ южной Россіи, но и греки были знакомы съ этимъ учрежденіемъ по существовавшимъ въ разныхъ мѣстахъ греческихъ поселеній тѣмъ-же и съ такимъ-же названіемъ обществамъ. Однимъ изъ первыхъ греческихъ братствъ, пріобрѣвшихъ наибольшую извѣстность, было греческое братство въ Венеціи. Здѣсь еще въ 1470 году греки получили разрешеніе свободно отправлять свое богослуженіе въ предѣлѣ св. Власія, потомъ въ 1498 году устроить братскій домъ въ честь св. Николая, наконецъ въ 1511 году разрешеніе построить новый храмъ св. Георгія, который и былъ построенъ въ 1526 году и освященъ 1527 года, когда послѣдовало окончательное утвержденіе венеціанскимъ правительствомъ патронатскихъ правъ братства по отношенію къ храму и приходу или церковной общинѣ. Были и другія братства. Въ Греціи особенную извѣстность пріобрѣло братство св. Спиридона въ Корфу. Организованіе другихъ было братство св. Георгія въ Венеціи. Совѣтъ братства, состоявшій до 1592 года изъ 40 членовъ, съ этого года состоялъ изъ 60-ти. Братство становилось какъ бы центральнымъ для всей Греціи. Изъ разныхъ земель и острововъ Греціи присоединялись къ нему члены и жертвователи. Аѳиняне, морейцы, есессалійцы, павватцы, критяне, эвбейцы, коринтояне, юняне, македоняне, еракійцы, эпироты,—всѣ съ равнымъ жаромъ трудились для блага и чести своего народа, всѣ помогали его насущнымъ потребностямъ. Чины совѣта возобновлялись чрезъ каждые три года, выбирались на общемъ собраніи. Изъ членовъ совѣта ежегодно дѣлался выборъ лавы или скамьи представителей (кастальдъ, викарій, писарь и два дѣлопроизводителя), какъ административной или исполнительной власти въ дѣлахъ братства, также двухъ дефенсоровъ (на два года), столько же синдиковъ и контролеровъ, 12 діаконовъ, двухъ надзирателей за строеніями, журналиста и всѣхъ состоявшихъ на жалованья какъ духовныхъ, такъ и мірянъ. Избраніе всѣхъ должностныхъ лицъ совершалось простымъ большинствомъ, а избраніе кастальда, епископа и священниковъ — не иначе, какъ двумя третими голосовъ. (См. книгу И. Малышевскаго: »Александрийскій патріархъ Мелетій Пигасъ«. Кіевъ, 1879 г., т. I, стр. 40, 509—510.)

съ печатью на массѣ, въ жестянкѣ, служащій тому братству св. Николая", т. е. являющемуся скоро съ определеною организациею и уставомъ. Вѣроятно эта греческая грамота дана была замостьскими жителями православнаго исповѣданія цареградскимъ патріархомъ Иереміею, проѣзжавшимъ черезъ Замостье въ 1588—9 годахъ. Что замостьскіе греки дѣйствовали за одно съ мѣстнымъ русскимъ православнымъ населеніемъ въ дѣлахъ вѣры и благотворенія, что въ это время въ Замостьѣ существовала греко-русская община, что эта община имѣла какую-то организацію относительно дѣлъ благотворенія и общія для того средства, что она носила даже название братіи или братства, объ этомъ свидѣтельствуетъ привилей канцлера Яна Замойскаго, отъ 28 мая 1601 года, данный частному лицу греческой націи по дѣлу устройства госпиталя. „Славный Яни Константиновичъ гречинъ, пишетъ въ немъ Замойскій, мѣщанинъ мой замостьскій представиль мнѣ документы и записью предъ урядомъ войтовскими города моего Замостья подтвердилъ, что онъ купилъ за 40 злотыхъ польскихъ у честного Алексея, попа церкви русской Вознесенской, на предмѣстьѣ моемъ замостьскомъ, по названію львовскому, и у жены его Аполлоніи половину плаца съ принадлежащимъ къ нему огородомъ, на которомъ уже теперь и домъ построилъ собственнымъ иждивеніемъ, каковой находится между погостомъ той церкви и домомъ Симоновымъ, по дорогѣ вымѣренной, на постройку и учрежденіе госпиталя для убогихъ греческой и русской религіи, и окончательно расплатился, о чёмъ обширнѣе гласитъ подлинная его запись и обозначеніе того плаца, записанное имъ въ актахъ войтовскихъ. Каковое намѣреніе и фундацію помянутаго Яни гречина, мѣщанина моего замостьскаго, я утверждаю нынѣшнимъ листомъ моимъ на вѣчныя времена, съ тѣмъ условиемъ, что потомки его, Яни, не могутъ по смерти его обратить помянутый плацъ и построенный на немъ домъ съ огородомъ въ свою пользу, но все это будетъ вѣчно принадлежать помянутому госпиталю. Равно должно имѣть силу все то, что будетъ отказано кѣмъ либо по духовному завѣщанію на тотъ госпиталь, или что уже было завѣщано кѣмъ либо до выдачи сего привилея. Никто также не будетъ имѣть права завѣдывать тѣми имѣніями, которыя бы даны были Яномъ на тотъ госпиталь, кромѣ самого означенаго Яни съ братію его религіи греческой; и потомки его,

по смерти его, не могутъ распоряжаться безъ воли *братіи*. А если бы также завѣщали что и другое, тогда должны быть соблюдаемы воля и надлежацій правильный порядокъ относительно завѣщеныхъ имуществъ, установленный ими съ согласія моего и потомковъ моихъ. Просителямъ изъ того госпиталя предоставляется просить на госпиталь и его нужды въ городѣ и по селамъ, безъ препятствія со стороны лицъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ. Въ этотъ госпиталь какъ помянутый Яни гречинъ, такъ и потомки его, провизоры сего госпиталя, могутъ принимать людей религіи греческой изъ здѣшняго города и принадлежащихъ къ нему колоній, и безъ воли ихъ не обязаны будуть принимать убогихъ людей ни по чьей просьбѣ или ходатайству¹⁾. Ясно названная въ этомъ привилѣѣ православная замостьская *братія*, завѣдывающая дѣлами благотворенія, вѣроятно и есть то православное братство замостьское, которое, спустя пять лѣтъ, именно 30 марта 1606 года, получаетъ отъ львовскаго епископа Гедеона Балабана благословенную грамоту и утвержденіе своего устава²⁾.

Эта грамота есть буквальное почти повтореніе грамоты антіохійскаго патріарха Іоакима, данной въ 1586 году на основаніе церковнаго братства львовскаго, что совершенно натурально при однородности учрежденій и одинаковости обстоятельствъ, ихъ вызвавшихъ³⁾. Кромѣ этого братства при той-же никольской церкви учреждается младшее или молодшее, подъ названіемъ братства Покрова пресв. Богородицы, и получаетъ разрѣшеніе на свое существованіе и утвержденіе своего устава въ видѣ особой грамоты отъ того-же епископа Гедеона Балабана⁴⁾. Разница между прежнимъ старшимъ и новымъ молодшимъ братствами заключалась лишь въ томъ, что къ первому принадлежали семейные хозяева, а ко

¹⁾ Привилей этотъ—въ бумагахъ замостьского монастыря.

²⁾ Подлинникъ этой грамоты въ бумагахъ замостьского монастыря. Текстъ ся см. въ отдѣлѣ Материаловъ этой же книжки «Кievskoy Stariны».

³⁾ См. ее въ «Памятникахъ», изд. времененою комиссіей для разбора древнихъ актовъ», Кіевъ, т. III, 1852 г., стр. 1 и слѣд.

⁴⁾ Въ бумагахъ замостьского монастыря есть копія грамоты Гедеона Балабана младшему братству, тождественная по содержанію съ приведенной грамотой его 1606 года; но къ этой копіи прописана печать самого младшаго братства съ кустодією, на которой вырѣзанъ 1656 годъ.

второму—холостые люди; но цѣль ихъ одна: содержаніе церкви, ся украшеніе, помошь старымъ, больнымъ и бѣднымъ въ приходѣ, взаимная самопомощь и охраненіе отеческой вѣры. Оба братства, выполняя свое призваніе, развивались, сообразно тому и данный имъ Гедеономъ Балабаномъ уставъ подвергался иѣкоторымъ дополненіямъ, какъ подвергался подобнымъ дополненіямъ и уставъ львовскаго братства 1586 года.

Главыѣйшее измѣненіе или точигѣе разширеніе устава братскаго произведено при митрополитѣ киевскимъ Сильвестрѣ Коссовѣ¹⁾), и, въ этомъ дополненномъ видѣ, уставъ утвержденъ былъ тогдашимъ владѣльцемъ Замостья Єомой Замойскимъ 4-го марта 1627 г.

Сличая сдѣланныя въ это время прибавки съ основнымъ текстомъ братскаго устава 1606 года, мы видимъ въ нихъ слѣдующія особенности: 1) сравнительно большее обезпеченіе братскихъ священниковъ вознагражденіемъ за обязательныя, по братскому уставу, службы; 2) стремленіе удержать въ составѣ братства и тѣхъ его членовъ, которые переселились въ другое мѣсто, и слѣдов. разширить кругъ дѣйствій и вліянія братства за предѣлы никольского прихода и города Замостья; 3) усиленіе доходовъ братства обязательствомъ, чтобы умирающіе братчики записывали часть своего имущества на убогихъ и больныхъ братства, и 4) стремленіе обязать вновь поступающихъ въ братство присягою, чтобы они до конца жизни своей оставались вѣрными православной церкви. Полагая, что эти добавочные пункты устава вызваны тогдашимъ положеніемъ никольского замостскаго братства, мы въ правѣ заключать, что въ это время иѣкоторые прежніе члены братства выбыли уже изъ Замостья и порвали всякую связь съ этимъ братствомъ, а другіе измѣнили православной вѣрѣ и церкви, вслѣдствіе чего составъ и имущественные средства братства оскудѣли противъ прежняго.

Въ видахъ сосредоточенія силъ православной замостской общины и наибольшаго попеченія о церкви Божіей, въ 1661 году урегулированы были отношенія старшаго никольского братства къ

¹⁾) Подлинная грамота Сильвестра Коссова въ бумагахъ замойскаго монастыря, но безъ начала. Тамъ-же и подтвержденіе этой грамоты Єомой Замойскимъ. См. отд. материаловъ этой-же книжки «Кіев. Старины».

младшему покровскому, существовавшему при той же никольской церкви: между ними установлена была тѣснѣйшая связь и послѣднее получало отъ первого, по выбору, на каждый годъ двухъ старшихъ братчиковъ, которые руководили всѣми его дѣйствіями и безъ которыхъ не могло состояться ни одно его совѣщаніе и постановленіе, а для поддержанія личнаго состава обоихъ братствъ постановлено было, чтобы младшій братъ переходилъ въ старшее братство, по вступленіи въ бракъ, но не раньше, какъ чрезъ годъ и шесть мѣсяціевъ¹⁾.

Но не успѣло еще вполнѣ организоваться никольское замостьское братство, какъ для него настали тяжелыя времена. Прежніе владѣльцы Замостья, отличавшіеся вѣротерпимостью и нѣкоторымъ расположениемъ къ греческимъ поселенцамъ, умерли; во второй половинѣ XVII вѣка являются владѣтельницами Замостья двѣ женщины, фанатически преданныя Риму и затѣянной имъ унії, а именно—Гризелла-Констанція Корибутовна и Анна Замойскія, которая не могли, по своему католическому благочестію, равнодушно смотрѣть на процвѣтаніе въ Замостьѣ православія. Да и общее настроеніе польского общества и государства, послѣ войнъ Богдана Хмельницкаго съ поляками, далеко было не въ пользу православія, которое называлось у поляковъ хлопскою вѣрою, связывалось въ ихъ представленіи съ такъ называемыми у нихъ хлопскими бунтами и считалось главнымъ источникомъ и очагомъ послѣднихъ. Вслѣдствіе этого права православныхъ жителей Польши постепенно ограничивались и уничтожались, и сама православная церковь стала игнорироваться, какъ будто не имѣющая и права на существованіе. Въ 1668 году король Янъ Казимиръ, по просьбѣ уніатскаго митрополита Гавріила Коленды, утвердилъ за нимъ право завѣдывать и управлять всѣми вакантными епископствами въ Польшѣ и Литвѣ²⁾; а въ числѣ вакантныхъ епископствъ считались и православные епископіи, хотя бы онѣ и имѣли своихъ наличныхъ епископовъ. Этотъ привилей Яна Казимира породилъ цѣлый рядъ насилий

¹⁾ Постановленіе о семъ братства въ бумагахъ замостьскаго монастыря. Текстъ его см. въ отдѣлѣ матеріаловъ этой-же книжки «Кiev. Старины».

²⁾ См. этотъ привилей въ книгѣ—Дѣло м. Гребницкаго съ базиліанскимъprotoархимандритомъ, 1755 г., Summarium, № 9.

со стороны уніатской іерархіи и католическихъ магнатовъ надъ православными іерархами, монастырями, священниками и ихъ прихожанами и сильно содѣйствовалъ наружному обращенію православныхъ жителей бывшей Польши въ унію и даже католицизмъ.

Замостськіе православные не менѣе другихъ единовѣрцевъ своихъ навлекали на себя подозрѣніе польского правительства и властей своими симпатіями къ бунтовавшемуся противъ Польши ко-зачеству. Когда въ 1648 году Богданъ Хмельницкій подступилъ къ Замостью, предмѣщане собрались къ его полковнику Небабѣ толпами и начали было говорить съ нимъ, какъ русскіе; но появился трубачъ на башнѣ и закричалъ: „прочь отсюда! паны, находящіеся въ крѣпости, не станутъ унижаться, чтобы входить съ вами, холопами, въ сношенія, а мыщанамъ не позволяетъ!“ Увѣренные въ томъ, что русскіе предмѣщане готовы будутъ принять козаковъ, какъ братьевъ, и дадуть имъ пристанище въ своихъ домахъ, паны приказали зажечь предмѣстія. Тогда поднялась сильная буря прямо въ лицо козакамъ. „Несчастные предмѣщане,—говорить очевидецъ,—хватали, что успѣвали, изъ своихъ пожитковъ; одни бѣжали съ ними въ подъемныя ворота къ сѣверной башнѣ; другіе карабкались по веревкамъ черезъ стѣны; крики малютокъ, вопли лишенныхъ крова и дрожащихъ отъ стужи страшно поражали слухъ. Многіе не попали въ городъ и помѣстились на возахъ съ остатками своихъ имуществъ подъ стѣнами. Никто не смѣлъ роптать, если не хотѣлъ быть отданнымъ подъ стражу двумъ дворянамъ, которыхъ выбирали стеречь подозрительныхъ, съ сотнею жолнеровъ“¹⁾). По зборовскому договору 1649 г., подтвержденному на сеймѣ 1650 года, холмская епархія, въ предѣлы которой входило и Замостье, возвращена была православнымъ и, какъ мы уже видѣли, около двухъ лѣтъ управлялась православнымъ холмскимъ епископомъ Діонисиемъ Балабаномъ; но послѣ пораженія козаковъ подъ Берестечкомъ она опять отдана была уніатамъ. Поэтому, какъ только кончились войны Хмельницкаго съ поляками, начались энергичнія дѣйствія со стороны римско-католиковъ для подавленія русской народности и пра-

¹⁾ «Богданъ Хмельницкій» Н. И. Костомарова, изд. 3-е 1870 г., т. II стр. 34.

вославія и введенія унії въ холмской епархіи и, между прочимъ, въ Замостьѣ.

Первые опыты введенія унії во владѣніяхъ графовъ Замойскихъ начались съ сель и предмѣстій. 28 февраля 1670 года Гризелла Констанція на Замостьѣ Корибутовна Замойская презентуетъ уніатскому холмскому епископу Якову Сушу нѣкоего Александра Теодоровича на священническое мѣсто къ Площенской Рождество-Богородичной церкви, приведенной уже въ унії съ римскимъ костеломъ¹⁾). Въ 1674 году при Вознесенской церкви на львовскомъ предмѣстії г. Замостья былъ уже уніатскій попъ Иоаннъ Кириловичъ. Онъ, какъ видно, чувствовалъ себя прочно на своемъ мѣстѣ и не побоялся пріобрѣсти недвижимую собственность, купивъ пол-морга земли у замостьскаго предмѣщанина Павла Пузеровича²⁾). Но прихожане и братство не хотѣли его знать и не доставляли ему необходимыхъ средствъ къ жизни. Въ 1687 году холмскій уніатскій епископъ Александръ Августинъ Лодзянка особымъ декретомъ своимъ старался установить такія отношенія между священникомъ и братствомъ Вознесенской церкви: „продажа свѣтъ шеляговыхъ должна принадлежать велебному приходскому священнику теперешнему и будущему, а онъ обязанъ будетъ за это содержать такого дьяка, который бы всегда при церкви жилъ въ школѣ и училъ дѣтей, которому (попу) и паны братство должны отдавать повинность издавна установленную: по 6-ти грошей каждое воскресенье и по 6-ти грошей въ великие праздники, когда служится всеощная. Вино и кадило будутъ доставлять пополамъ священникъ и братство. Съ поля Крушиновскаго съ коны половина снопами должна идти священнику, за что, по пропорціи поконнаго хлѣба, онъ обязанъ совершать св. литургіи за души умершихъ, а другая половина—панамъ братству на поддержаніе церкви. Огородомъ завѣщаннымъ послѣ Козака, должны завѣдывать панове братство; а если бы вздумали продать его, то половину денегъ обратятъ на поддержаніе церкви, а другую половину—на св. литургіи. Тремя моргами госпитальными, по давнимъ декретамъ, естественнѣе всего

¹⁾ Презенты въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

²⁾ Тамъ-же выпись изъ актовъ адвокатскихъ Замойскихъ, 1674 года.

долженъ пользоваться священникъ, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы возилъ навозъ на то поле и удобрялъ его и извѣстную часть конь, по мѣстному обычаю, отдавалъ госпиталю; а если бы онъ не сталъ унаваживать, то предоставляется панамъ братству отдавать тѣ морги на коны, кому захотятъ. Велебный отецъ приходской священникъ каждую субботу на вечерни будетъ святить воду на нужды людей, обязанъ тщательно совершать св. таинства, назидая спасенный народъ учениемъ, примѣрною жизнью, поощряя его къ хвалѣ Божией съ кротостію и почтеніемъ. Панове братство будутъ стараться о поддержаніи дому Божія, не дѣлая никакого насилия правамъ приходского священника и во всемъ соблюдая братскія правила, которыя, для лучшаго усвоенія и уразумѣнія при выборахъ, велебный отецъ приходской священникъ долженъ читать имъ въ церкви на засѣданіи¹). Но прихожане и братство не хотѣли исполнять и этого епископскаго декрета. „Допло до насъ свѣдѣніе,—писаль тотъ же епископъ Лодзянка, два года спустя, тому же братству, что славетности ваши вторично сопротивляетесь декрету нашему, состоявшемуся въ 1687 году, равно какъ и вопреки подчиненія, изъявленного старшими братьями отъ имени всего братства, и вопреки пункту утвержденія братства, ненадлежаще вмѣшиваетесь въ доходы и провенты церковные, осмѣливаитесь продавать въ церкви свои шеляговыя свѣчи, отбирать присужденные декретомъ священнику доходы за похороны и стараетесь дѣлать ему другія препятствія, а что хуже,—угрожаете священнику изгнаніемъ изъ церкви“. Очевидно, что эта пертурбациѣ происходила на почвѣ еще не отвердѣвшей унії, которой знать не хотѣли нѣкоторые изъ братчиковъ, рѣшавшіеся принять относительно навязаннаго имъ священника радикальную мѣру изгнанія, но и епископъ находилъ въ чѣмъ-то опору и, не думая уступать, грозилъ непокорнымъ братчикамъ своимъ неблагословеніемъ и уничтоженіемъ самаго братства²).

Позже другихъ обращены были въ унію никольская замостьская церковь и ея братство. Первые опыты совращенія этого брат-

¹) См. подтвержденіе этого декрета холмскимъ офиціаломъ А. Картинскимъ въ 1743 году въ концѣ визиты подгородной Вознесенской церкви, 1732 г., въ бумагахъ замостьского монастыря.

²) Листъ Лодзянлы—въ бумагахъ замостьского монастыря.

ства въ унію относятся приблизительно къ 1690 году. 24 мая 1690 года уніатскій митрополит Левъ Шлюбичъ-Заленскій, владимірскій и брестскій епископъ, писалъ никольскому замостському братству слѣдующее: „архипастырскимъ сердцемъ пріемля чувства, выраженные чрезъ достойныхъ делегатовъ братства, славетныхъ пановъ Матіаша Левкевича, старшаго брата, и Самуила Тарнопольскаго, втораго брата, и провизора того братства, при достоуважаемомъ ходатайствѣ за вашихъ милостей ясновельможной ея милости пани подскарбины великой коронной (т. е. Анны Замойской), госпожи и благодѣтельницы нашей,—не только принимаемъ въ общеніе святой вселенской римской церкви, которою мы, недостойные, возведены въ этотъ митрополитскій санъ, но, при благословеніи Божіемъ и архипастырскомъ, охотно надѣляемъ вашихъ милостей всѣми прерогативами, участіемъ, сообщеніемъ заслугъ отпустовъ, привилегіями, какія даны св. апостольской римской столицею католическимъ правовѣрнымъ и православнымъ братствамъ, находящимся въ уніи св. вѣры. Принимая ваши милости въ недостойное архипастырское печалованіе наше, мы однако, по сыновнему, теплому, искреннему и неизмѣнному чувству вашихъ милостей, сильно желаемъ, чтобы вы, впредь до дальнѣйшаго распоряженія съ ясновельможной ея милостью госпожей подскарбиної или ихъ милостями панами ординатами, господами и благодѣтелями нашими, изволили довольствоваться тѣмъ священникомъ, который назначенъ и поставленъ, для удовлетворенія духовныхъ вашихъ нуждъ, превелебнѣйшимъ, его милостью, отцомъ епископомъ холмскимъ, братомъ и сослужебникомъ нашимъ, пока Господь Богъ не укажетъ лучшихъ лицъ и способа обезпеченія ихъ. Дабы все это пришло къ исполненію, мы оставляемъ помянутаго, его милость, епископа холмскаго, въ отсутствіе наше, какъ товарища и сопастыря, при особой администраціи надъ тѣмъ братствомъ и всѣми во Христѣ порученными намъ овечками, оставляя при насъ самихъ и митрополитскому престолу общую зависимость по канонамъ святымъ и обычая церкви восточной, и вмѣстѣ (разрѣшаемъ) отъ всякихъ церковныхъ наказаній, запрещеній, клятвъ и заблужденія въ вѣрѣ святой, въ кото-ромъ дотолѣ (находились)“ ¹⁾...

¹⁾ См. экстрактъ изъ книжъ уряда комиссарскаго замку Замойскаго, 1699 г., въ бумагахъ замостськаго монастыря. Но здѣсь недостаетъ конца митрополитскаго листа.

Слѣдуетъ въ этой грамотѣ отмѣтить то обстоятельство , что представители никольского братства , по свидѣтельству этой грамоты, обратились къ уніатскому митрополиту съ изъявленіемъ желанія принять унію при посредствѣ и содѣйствіи владѣтельницы Замостья Анны Замойской, которой, поэтому, и нужно приписать инициативу дѣла. Слѣдовательно, обращеніе никольского братства, или только части его, въ унію едва ли было свободное и искреннее. Вѣроятно братчики сдѣлали это, уступая силѣ и разсчитывая на материальныя выгоды. Это отчасти можно видѣть и изъ акта коммисіи 1699—1701 г., занимавшейся вопросомъ относительно обеспеченія замостьскихъ церквей, перешедшихъ въ унію.

Коммисія эта собралась въ октябрѣ 1699 года и, послѣ продолжительного перерыва и совѣщанія съ Анной Замойской, окончила свои занятія уже въ 1701 году. Она состояла изъ двухъ коммисаровъ со стороны Анны Замойской и двухъ представителей уніатскаго митрополита и холмскаго епископа, и имѣла первоначальною задачею своею: 1) привести въ извѣстность доходы и грунты никольской церкви, по дарственнымъ записямъ, легаціямъ и декретамъ, и разсмотрѣть, достаточно-ли ихъ для содержанія при той церкви священника и совершенія имъ, съ другими церковными служителями, богослуженія; 2) распредѣлить ближайшіе къ городу Замостью и предмѣстю его приходы, именно,—какіе изъ нихъ должны быть причислены къ городской церкви и какіе—къ предгородной. Кромѣ того, замостьское никольское братство предъявило слѣдующія свои требованія: 1) чтобы оба братства, городское и предгородное, участвовали въ управлѣніи госпиталемъ при церкви предгородной, который основанъ славетнымъ Константиновичемъ и утвержденъ блаженной памяти ясновельможнымъ его милостью папомъ фундаторомъ сего города; 2) чтобы отдѣлены были приходы, именно предмѣстя замостьскія, и сдѣлано было распредѣленіе между обѣими церквами; 3) чтобы прїѣзжие люди, если кого изъ нихъ застигнетъ здѣсь смерть, погребаемы были, согласно волѣ умирающаго, при той церкви, при которой они захотятъ и 4) чтобы городская церковь зависѣла отъ одного только ясновельможнаго, его милости, отца митрополита, а не подчинялась власти ясновельможнаго о. епископа холмскаго.

Коммісія начала свои занятія разсмотрѣніемъ первого пункта своей программы о свойствахъ и количествѣ доходовъ никольской замостьской церкви. Оказалось, что всѣ донаціи и легаціи не превышали 1225 золотыхъ, процентъ съ которыхъ и шелъ на содержаніе церкви и причта. По объясненію братчиковъ, этого процента совершенно не достаточно было для содержанія церкви, доселѣ поддерживавшейся „милостынею отъ людей украинскихъ“, которая отнынѣ прекратилась вслѣдствіе принятія унії“, такъ что пришлось заложить церковное серебро. Поэтому братчики домогались, чтобы выкуплено было церковное серебро и обеспечено содержаніе церкви изъ средствъ Анны Замойской, какъ главной виновницы обращенія ихъ въ унію. Очевидно никольское братство торговалось съ Анной Замойской и старалось какъ можно выгоднѣе промѣнять православіе на унію. Въ свою очередь, комиссары Анны Замойской не довѣряли братству и подозрѣвали его въ преувеличеніи бѣдности церкви и неискренности обращенія его къ унії. Они просили комиссаровъ духовныхъ обревизовать никольскую церковь и ея состояніе по документамъ и обратить вниманіе на то, „нѣтъ - ли какой - либо фальши (erroris) противъ унії; ибо, говорили они, хотя мы твердо убѣждены и о Господѣ увѣрены въ прочности истиннаго соединенія всѣхъ тѣхъ людей греческой религіи и вѣримъ, что они не съ лукавымъ сердцемъ приняли ту святую унію, но что касается обряда, то сомнительно, чтобы это согласовалось съ внутреннимъ усердіемъ. Посему, если еще не отстали отъ того, или лучше — не приняли того, чтò существенно, то теперь-же бы исправлено было чрезъ ихъ милостей тѣхъ-же духовныхъ, чтобы въ символѣ, иначе въ *Вѣрую*, ясно, по постановленію соборовъ, именно флорентійскаго, на литургії пѣли: „вѣрую въ Духа святаго, отъ Отца и Сына исходящаго“. Обревизовать никольскую церковь, духовные комиссары дѣйствительно нашли ее бѣдною, вслѣдствіе чего комиссары Замойской постановили выкупить церковное серебро за 641 зл. и $3\frac{1}{2}$ гроша, а сама Анна Замойская, отъ имени старшаго сына своего, назначила никольской церкви ежегодное пособіе по 400 золотыхъ. При этомъ на волю Анны Замойской предоставлено было или учредить при церкви монаховъ, согласно желанію братства, съ назначеніемъ ихъ отъ духовнаго начальства, или же, по праву патронатства, назначать свя-

щениника, съ подчиненіемъ ему обѣихъ церквей, городской и предгородной, для устраниенія всякихъ столкновеній. Коммисія, согласно желанію братства, сдѣлала только оговорку, „чтобы означенный священникъ, если бы онъ былъ назначенъ, былъ безженній и на поставленіе презентованъ былъ духовной власти“, и проч.

Этимъ рѣшеніемъ основныхъ вопросовъ предрѣшены были и предложенные никольскимъ братствомъ четыре пункта. Очевидно, при сліяніи приходовъ подъ управлениемъ одного настоятеля, не могло быть и мѣста вопросу о разграничепіи приходовъ, исполненіи требъ въ чужомъ приходѣ, погребеніи, и проч. Коммисія оговаривается только, что, на случай существованія особыхъ приходовъ при обѣихъ церквяхъ, требы должны совержаться своими приходскими священниками, что умирающіе изъ пріѣзжихъ и даже мѣстныхъ жителей могутъ быть погребаемы при той церкви, при которой они пожелають, но съ уплатою мѣстному приходскому священнику четвертой части погребального дохода. Въ правѣ участовать въ управлениіи госпиталемъ было отказано никольскому братству. Что-же касается желанія сего братства непосредственно зависѣть отъ митрополита, то коммисія для рѣшенія этого пункта избрала средній, уклончивый путь, поставивъ братство въ духовныхъ дѣлахъ въ непосредственную зависимость отъ мѣстнаго холмскаго епископа, но съ предоставлениемъ братству права въ болѣе важныхъ случаяхъ обращаться къ митрополиту¹⁾.

Этотъ актъ коммисіи утвержденъ былъ Анной Замойской въ апрѣль 1706 года²⁾, но съ нѣкоторыми измѣненіями въ немъ. Мы не имѣемъ текста утвержденія Анны Замойской, но въ послѣдствіи времени видимъ, что приходы городской и предгородной замостьскихъ церквей не были слиты въ одинъ, какъ это предполагалось коммисіей, и между ними возникли споры о предѣлахъ, разбиравшіеся въ 1726 году холмскимъ униатскимъ епископомъ Іосифомъ Левицкимъ³⁾. Никольская церковь начинаетъ получать отъ Замой-

¹⁾ Подлинный черновый актъ коммисіи 1699 и 1701 г., въ бумагахъ замостьского монастыря.

²⁾ Объ этомъ утвержденіи упоминается въ запискѣ, подъ заглавиемъ «*Origo monasterii Zamoyscensis*», 1781 г., въ бумагахъ того-же монастыри.

³⁾ *Instrumentum* этого епископа отъ 19 сентября 1726 г., въ бумагахъ замостьского монастыря.

скихъ субсидію по 400 злотыхъ въ годъ, изъ коихъ 200 шло на содержаніе священника, а 200 на поддержаніе церкви ¹⁾). Настоятелями этой церкви въ XVIII вѣкѣ являются уже не бѣлые священники, а монахи базиліане. Есть темное извѣстіе, что они введены сюда Анною Замойскою еще въ 1706 году ²⁾; но во всякомъ случаѣ они явились здѣсь раньше замойскаго синода 1720 года. Въ 1717 году настоятелемъ замостьской никольской церкви былъ базиліанинъ, отецъ Алексѣй Леликовичъ ³⁾, но раньше его былъ здѣсь другой базиліанинъ, Николай Блецинскій, впервые назначенный сюда помянутымъ епископомъ Левицкимъ ⁴⁾. Впрочемъ и около времени замойскаго синода не было еще въ Замостѣ базиліанскаго монастыря, и замойскій синодъ происходилъ не въ базиліанскомъ замостьскомъ монастырѣ, какъ полагаютъ нѣкоторые, а въ католическомъ коллегіатскомъ костелѣ. Настоятель базиліанинъ на первыхъ порахъ исполнялъ только должностіе приходскаго священника, какъ увидимъ впослѣдствіи, и не имѣлъ при себѣ другихъ подчиненныхъ ему монаховъ. Превращеніе замостьской никольской церкви въ базиліанскій монастырь совершилось уже впослѣдствіи, при обстоятельствахъ, которые изложены будутъ въ слѣдующей главѣ.

Н. Петровъ.

(Окончаніе въ с.тъд. книжкѣ).

¹⁾ Тамъ-же, декларація Томаша Іосифа Замойскаго, 21 апрѣля 1712 года; см. заявленіе базиліавина Левиковича 26 сент., 1718 года.

²⁾ Тамъ-же, *Origo monasterii Zamoyscensis*, 1781 года.

³⁾ Тамъ-же, документъ 26 сентября 1718 года, съ заявлепіемъ ассигновки Томаша Замойскаго на никольскую церковь.

⁴⁾ Тамъ-же, заявленіе чиповъ никольского братства, записанное въ визитѣ замостьского монастыря, произведенной холмскимъ ушатскимъ епископомъ Фелицианомъ Филиппомъ Володковичемъ 16 ноября, 1752 года.

Изъ исторіи международныхъ отношеній Польши и Россіи *).

Исторія международныхъ отношеній Польши и Россіи въ XVIII в. представляетъ ту поразительную особенность, что каждый разъ православное русское населеніе Польши, возставая противъ господства польскихъ пановъ, заявляло, что имѣетъ на то царскій указъ или грамоту, въ то же время противная сторона громко винила русское правительство въ возбужденіи народныхъ движеній, утверждая, будто оно разсылаетъ тайные указы своимъ единовѣрцамъ, призывая ихъ къ истребленію шляхты, ксендзовъ и жидовъ, само же напротивъ правительство русское нерѣдко посыпало свои войска для усмиренія народныхъ восстаній, строго карало возставшихъ, расправлялось съ ними само или отдавало ихъ въ руки пановъ и принимало разныя другія мѣры для поддержанія въ сосѣдственной пріязненной державѣ существующаго порядка. Не смотря на столь явное противорѣчіе политики въ этихъ случаяхъ русского правительства съ ходившему о ней молвою, послѣдняя находила тогда всеобщую себѣ вѣру, проникла въ современную печать и настолько глубоко пустила корни въ сознаніе польского общества, преданного горячо своей національной идеѣ, что и до сихъ поръ приходится считаться съ нею. Попытаемся разъяснить это странное обвиненіе и показать его основанія, насколько позволяютъ это какъ изданные до сихъ поръ матеріалы, такъ и тѣ, кои хранятся въ центральномъ нашемъ архивѣ.

Найболѣе ранніе слухи, ходившіе въ православномъ населеніи Польши о царскихъ указахъ, призывающихъ будто бы его къ мятеzu, слышатся во второй четверти XVIII вѣка. В. Б. Антоно-

*) Читано въ засѣданіи истор. общества Нестора лѣтописца, 31 января 1882 года.

вичъ, въ своемъ „изслѣдованіи о гайдамачествѣ“, изображая безплодную борьбу польского общества и правительства съ развивающейся къ 1734 году противъ ихъ гнета народной реакцией, говоритъ, что, кромѣ тогданихъ мѣръ, принимавшихся польскимъ правительствомъ для ея подавленія, шляхтичи украинныхъ воеводствъ постоянно обращались чрезъ своихъ депутатовъ не только къ киевскимъ генераль-губернаторамъ, къ главнокомандующимъ русскими войсками, къ русскому посланнику въ Варшавѣ, но даже и прямо къ с.-петербургскому двору, съ просьбами о содѣйствіи. И дѣйствительно такого рода представленія, жалобы и просьбы не были оставляемы безъ вниманія: русское правительство принимало самыя дѣятельныя мѣры къ охраненію своей юго-западной границы отъ перехода чрезъ нее гайдамакъ: оно учредило караулы и форпосты, издало распоряженіе къ подлежащимъ властямъ о поимкѣ и выдачѣ укрывавшихся въ русскихъ владѣніяхъ преступниковъ и поручило своимъ пограничнымъ комисарамъ, назначеннымъ для разслѣдованія и рѣшенія всякаго рода споровъ между русскими и польскими пограничными жителями, вѣдать также дѣла и о гайдамакахъ. „Но чѣмъ уступчивѣе оказывалось русское правительство“¹⁾, говоритъ тотъ-же изслѣдователь, „чѣмъ болѣе оно принимало мѣръ для охраненія безопасности шляхтичей украинныхъ воеводствъ, тѣмъ требовательнѣе становились послѣдніе, тѣмъ болѣе свыкались они съ мыслию, что заботиться объ ихъ безопасности должны не они сами и не Рѣчь Посполитая, но что эта забота должна исключительно лежать на обязанности русскихъ властей. Сообразно съ этимъ взглядомъ, заявленія претензій становятся назойливѣе и пріемы дѣйствій нахальнѣе“. Въ 1748 году, по словамъ цитированного нами автора, шляхтичи дошли до того, что въ своемъ прошении, отправленномъ къ с.-петербургскому двору, заявляютъ, будто фельдмаршалъ Минихъ потому не доставилъ въ судъ гайдамацкихъ предводителей, укрывшихся десять лѣтъ тому назадъ въ запорожскихъ степяхъ, что взялъ съ нихъ взятку. Отсюда, намъ кажется, уже оставался одинъ шагъ и до обвиненія самого русского правительства въ подстрекательствѣ своими указами крестьянъ и гайдамакъ къ грабежамъ и убийствамъ. Съ большой дерзостью вос-

¹⁾ В. Антоновичъ. Изслѣдованіе о гайдамачествѣ, стр. 95.

пользовались клеветники Россіи для поддержанія этого обвиненія обстоятельствами, произшедшими въ Польшѣ въ 1734 году. Со смертью въ 1733 году короля Августа II, на сеймѣ боролись двѣ партіи: одна выставляла претендентомъ Августа III, курфирста саксонскаго, а другая Станислава Лещинскаго; борьба партій отозвалась во всѣхъ областяхъ государства. Россія поддерживала первого претендента, и потому русскій полковникъ Полянскій, читаемъ мы далѣе въ „изслѣдованіи о гайдамачествѣ“, занявъ г. Умань, отправилъ циркуляръ къ начальникамъ надворныхъ милицій въ брацлавскомъ воеводствѣ, приглашая ихъ дѣйствовать за одно противъ партіи Лещинскаго, совмѣстно съ русскими войсками. Этотъ циркуляръ былъ своеобразно понятъ, какъ милиціонерами, такъ и населеніемъ. Нѣкто Верланъ, начальникъ надворныхъ козаковъ въ Шарогродѣ, имѣніи Любомирскихъ, получивъ циркуляръ, поднялся со своею сотнею и сталъ созывать къ себѣ надворныхъ милицій изъ окрестныхъ сель и вербовать крестьянъ въ ихъ составѣ; онъ принялъ титулъ козацкаго полковника, другихъ пожаловалъ въ сотники, ротмистры и порутчики,—вообще организовалъ собранную толпу и объявилъ ей, что онъ получилъ отъ русскаго полковника имянной указъ императрицы, которымъ будто-бы предписывалось истреблять всѣхъ враговъ— поляковъ и жидовъ, и разорять ихъ имущество, и что, послѣ окончательного ихъ истребленія, край будетъ присоединенъ къ Россіи, вмѣстѣ съ образовавшимся въ немъ козацкимъ войскомъ. Вслѣдствіе этого Верланъ привелъ свой полкъ къ присягѣ на вѣрность императрицѣ. На призывъ этого самозваннаго полковника народонаселеніе откликнулось сочувственно. Появленіе въ краѣ русскихъ и козацкихъ войскъ возбудило надежды угнетенныхъ и поддержало слухи, распространявшиеся съ легкой руки Верлана; говорили также, что для руководства восстаніемъ отправлены Танскій, послѣдній бывшій на правомъ берегу Днѣпра козацкій полковникъ, и гетманъ Самусь, давно уже умершій¹⁾.

Что дѣйствительно въ это время въ народѣ ходили неопределенные толки о такомъ указѣ, ясно изъ показаний трехъ аресто-

¹⁾ Ibid. стр. 104.

ванныхъ гайдамакъ. Одинъ изъ нихъ Андрей Сулакъ старался даже вспомнить на судѣ текстъ этого указа, „w ten sens pisany: „Jey Imperatorskoho Weliczeñstwa u proczaia, proczaia. Daiu iemu komendu po ukazu Imperatorskoho Weliczeñstwa nad wolochy, kozaki, y serby, szczob služyli Jey Imperatorśkiey Weliczeñstwu do smerty...“ (więczej dalszego tenoru tego universalu nie pamięta)“ ¹⁾).

Колівщина или восстание 1768 г. также приписывалась вліянню указовъ русскаго правительства. Г. Костомаровъ, въ сочиненіи о „послѣднихъ годахъ Рѣчи Посполитой“, указываетъ на вышедшую въ 1790 году въ Варшавѣ книгу ²⁾), авторъ которой причину бунта Желѣзняка и Гонты видитъ въ поджигательствѣ Запорожья со стороны Россіи. Θ. Г. Лебединцевъ, излагая разсказъ о борьбѣ ревностнаго защитника православія архимандрита Мелхиседека Значко-Яворскаго ³⁾), касается мимоходомъ слуховъ о ходившей будто-бы въ народѣ золотой грамотѣ Екатерины и думаетъ, что они легко могли возникнуть подъ вліяніемъ извѣстной исторіи о побѣдѣ мотренинскаго игумена въ С.-Петербургѣ съ жалобой на гоненіе отъ уніатовъ на православіе. Русская императрица принялъ его весьма благосклонно и, пожаловавъ монастырю богатую ризницу, самому Мелхиседеку приказала выдать изъ коллегіи иностранныхъ дѣль паспортъ на проѣздъ въ Варшаву, а также особый реєстрипъ ея на имя русскаго посла при варшавскомъ дворѣ, князя Репнина, при содѣйствіи котораго Мелхиседекъ долженъ былъ добиваться предъ королемъ и министрами свободы православнаго исповѣданія въ русскихъ областяхъ Рѣчи Посполитой. „Самая грамота“, говорить далѣе г. Лебединцевъ, „если она не есть произведение народной фантазіи, но дѣйствительный фактъ, могла быть выдана Желѣзнякомъ и для большей силы приписана Мелхиседеку, въ котормъ народъ украинскій видѣлъ единственнаго защитника своего и ходатая“ ⁴⁾). По поводу слуховъ о царскихъ указахъ въ 1768 году,

¹⁾ Архивъ юго-западной Россіи, т. III, ч. III, отдѣль актовъ, стр. 68.

²⁾ Вотъ ея заглавіе: M. Portret Moskwy, czyli odpowiedź na pytania, co jest Moskwa i w jakim dzis znajduje się stanie? Jakie krzywdy Moskwa poczynila Polszcze? dla czego Polska poszla z Moskwą w rozwady. W. Warszawie. 1790. Этого сочиненія, къ сожалѣнію, намъ не удалось добыть.

³⁾ См. предисловіе къ Матеріаламъ для исторіи православія въ западной Украинѣ. Архивъ юго-запад. Россіи, ч. I., II. Кіевъ. 1864 г.

⁴⁾ Ibid., стр. CCVI.

нельзя не признать также заслуживающими вниманія словъ одного изъ современниковъ Колівиціны, будто „изобрѣтателемъ этихъ указовъ былъ вышеупомянутый Мелхиседекъ, что показывали даже и сами чернецы“. Г. Щебальскій въ своей статьѣ, помѣщенной въ „Русскомъ Вѣстнике“¹⁾, передавая разсказъ объ уманской рѣзни, сообщаетъ въ переводѣ съ французского и самый текстъ указа Екатерины, которымъ она будто-бы подняла Запорожье. Указъ этотъ заимствованъ авторомъ изъ изданія: „Archives diplomatiques par le с-te d'Angenberg“. Останавливаясь на датѣ, формѣ, тонѣ и содержаніи документа, г. Щебальскій выводить заключеніе о несомнѣнной его ложности. Мы думаемъ, что ложность акта еще бы болѣе подкрѣпилась, если бы можно было изслѣдоватъ тотъ путь, которымъ онъ дошелъ до французского издателя.

Въ 1789 году ожидались новыя волненія въ средѣ крестьянъ; слухи объ указѣ возобновились; начались опять преслѣдованія, мученія и казни невинныхъ священниковъ. Современникъ этихъ событій, луцкій офиціалъ Феодосій Бродовичъ, въ своихъ запискахъ о нихъ разсказываетъ, что въ порядковую коммісію, занятую разборомъ дѣлъ о предполагавшемся бунтѣ, королевскій камергеръ Каэтанъ Аксакъ представилъ на судъ сузского священника Лукаевича, который заявилъ, что ночевавшій у него маркитантъ уговаривалъ его поднять сузскихъ прихожанъ противъ поляковъ, показывалъ ему какое-то письмо, котораго онъ разобрать не могъ, а прочиталъ лишь въ подписи нѣсколько буквъ: *Екат...*, при этомъ маркитантъ увѣрялъ, будто-бы такова воля императрицы. Показаніе свое священникъ подтвердилъ присягой. Оговоренного маркитанта поймали и при обыскѣ нашли только одинъ паспортъ. Тѣмъ не менѣе однакоже коммісія приговорила этого невиннаго человѣка къ висѣлицѣ и поторопилась привести свой приговоръ въ исполненіе. Послѣдними словами несчастнаго было всенародное заявленіе: „напрасно гину“! Представленный на сеймъ Лукаевичъ, хотя и не вполнѣ, подтвердилъ свое показаніе, за что и удостоился отъ короля и сеймовыхъ маршаловъ награды похвальнымъ листомъ и золотой медалью съ надписью: „pro fide, lege et patria“, съ изображеніемъ короля и гербовъ: короннаго и литовскаго; величина

¹⁾ Томъ XLV-й.

медали— „московскій рубль“. Но все это дѣло авторъ „Widok'a“ ¹⁾ приписываетъ подговору Аксака, откровенно признавшагося въ томъ своимъ пріятелямъ. Не беремся судить, была-ли это похвальба Аксака и не говориль-ли священникъ изъ страха наказанія того, что желали услышать отъ него судьи: для настъ важно лишь, что и въ 1789 году продолжаютъ ходить такие же слухи, какіе ходили въ предшествующее смутное время.

Изложенные до сихъ поръ факты позволяютъ думать, что толки о возбужденіи русскимъ правительствомъ крестьянъ къ бунту, путемъ тайной разсылки указовъ и золотыхъ грамотъ, возникаютъ среди польского общества и народа, во первыхъ, изъ ложно понятыхъ распоряженій русскихъ властей во время борьбы Августа III и Станислава Лещинскаго за польскій престолъ, во вторыхъ—изъ превратно истолкованной дипломатической о диссидентахъ переписки Екатерины, оказавшей имъ свое сочувствіе и взявшой на себя защиту гонимаго православія и народности. Но такое происхожденіе этихъ слуховъ только кажущееся. Въ самомъ же дѣлѣ, какъ первое, такъ и второе обстоятельства служили, по нашему мнѣнію, лишь поддержкой и пицей имъ, а главное основаніе лежало въ несконча-емыхъ переговорахъ с.-петербургскаго двора съ варшавскимъ о выдачѣ бѣглыхъ крестьянъ и дезертировъ, къ которымъ, что мы увидимъ ниже, дѣйствительно посылались, съ русской стороны, указы, а съ польской „публичные листы“.

Со времени присоединенія лѣвобережной Украины къ Россіи въ половинѣ XVII вѣка, начинается движеніе народной массы съ одного берега р. Днѣпра на другой; въ началѣ XVIII вѣка, вслѣдствіе войнъ Россіи со Швеціей и Турціей, равно какъ и вслѣдствіе возстанія козачества въ западной Украинѣ, это движеніе усилилось; населеніе представляло собой какъ бы волнующееся море; но былъ случай и одновременной, хотя и невольной, перекочевки его. По прутскому договору съ Турціей, Петръ I обязался отказаться отъ западной Украины и вывести свои войска изъ предѣловъ Рѣчи Посполитой. Въ изданномъ по этому поводу 23 сентября 1711 года

¹⁾ «Widok przemocu na słabą niewinność srogo wywarterę». Издание Императорскаго общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, при московскомъ университѣтѣ. 1869 г., стр. 10 и 11, стр. 61—63.

царскомъ указѣ повелѣвалось: „со всѣхъ мѣстечекъ, сель и деревень обитателей перевезти въ Малую Россію и тѣмъ землямъ быти впустыи всѣда“. Въ силу такого царскаго распоряженія, населеніе перегонялось и имущество перевозилось; многіе переселялись неохотно. По счету польского правительства, въ это время было переведено на лѣвый берегъ Днѣпра болѣе 100,000 душъ. Овладѣвъ Украиной, шляхта озабочилась привлечениемъ въ нее рабочихъ рукъ и съ этою цѣлью перезывала съ востока переселенцевъ, обѣщаю имъ разнаго рода льготы, свободу и даже предоставляя имъ право потомственнаго владѣнія на небольшія участки земли. Старанія шляхты увѣнчались успѣхомъ, благодаря тому, что въ это время, въ русскомъ государствѣ усиленіе гнета помѣщиковъ надъ крестьянами, вмѣстѣ съ жестокимъ преслѣдованіемъ раскольниковъ, вызвало въ огромныхъ размѣрахъ побѣги и тѣхъ и другихъ на правый берегъ пограничной рѣки,— побѣги, дошедшіе крайнихъ предѣловъ къ 1734 году, когда мы въ первый разъ въ актовыхъ книгахъ нашего архива встрѣчаемъ указъ или манифестъ о возвратѣ бѣглыхъ. Но и русское правительство, въ виду такого убыточнаго и печальнаго для него оборота дѣла, не осталось недѣятельнымъ: чрезъ своихъ пословъ оно начало предъявлять къ Варшавѣ требованія о выдачѣ эмигрантовъ. Польскіе сановники вполнѣ признавали право Россіи, но только на дезертировъ и преступниковъ; что же касается крестьянъ и раскольниковъ, то обѣ нихъ заявляли, что въ случаѣ ихъ выдачи, они опасаются бунта, какъ со стороны своевольной шляхты, такъ и отъ самихъ бѣглецовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они напоминали нашему послу обѣ указанномъ нами выше фактѣ переселенія Петромъ I народа на лѣвый берегъ и обѣ отказѣ выдать переселенцевъ, не смотря на настоятельныя требованія варшавскаго двора. Польскіе министры боялись также поэтому шума на сеймахъ и возбужденія ненависти къ Россіи. Впрочемъ, они обѣщали стараться, чтобы постановленіе о непринятіи бѣглыхъ было внесено въ сеймовую конституцію, а также издать о томъ предварительно универсалъ. Но изданныя распоряженія не достигали своей цѣли, потому что шли въ разрѣзъ съ видами дворянства, привыкшаго считать свою волю и свои интересы выше интересовъ общегосударственныхъ. Какъ относилось оно къ распоряженіямъ своихъ властей, показываетъ случай, переданный въ своемъ

донесеніи полковникомъ Пановымъ, отправленнымъ въ польскія вѣдомства для сыску бѣглыхъ, которыхъ, замѣтимъ мимоходомъ, тамъ считалось до миллиона. Въ Вильнѣ Пановъ нашелъ 50 человѣкъ бѣглыхъ солдатъ и когда потребовалъ отъ тамошняго подвоеводы ихъ выдачи, предъявляя при этомъ приказъ канцлера литовскаго князя Чарторыйскаго, то подвоевода отвѣтилъ: „это только наша польская политика“. Да и само правительство Рѣчи Посполитой было въ этомъ отношеніи не безъ грѣха, колеблясь въ своихъ распоряженіяхъ и отмѣняя такія, которыя были сдѣланы изъ страха: въ инструкціи учрежденной въ с. Мотовиловѣ пограничнымъ судамъ предписывается, на требованія русскихъ комисаровъ о выдаче бѣглыхъ крестьянъ и раскольниковъ, отказывать и ставить имъ на видъ указъ Петра I отъ 23 сентября 1711 года¹). Такъ какъ это предписаніе вполнѣ совпадало съ желаніями шляхты, то и исполнялось ею неуклонно; даже въ 1764 году польскіе пограничные комисары, представляя отчетъ королю и бывшему при немъ постоянному совѣту (*rada nieustajaca*) о своихъ дѣйствіяхъ, указываютъ на требованія со стороны Россіи о выдаче бѣглыхъ и вспоминаютъ при этомъ тѣ 100,000 душъ, которыя переселены были силой въ восточную Україну послѣ козацкихъ войнъ въ Кіевщинѣ. Такимъ образомъ, помѣщики смотрѣли на перебѣгавшихъ къ нимъ крестьянъ, какъ на возвращавшихся послѣ 1711 года. Еще болѣе хитрой политики оказался совѣтъ польскихъ министровъ, предложенный ими русскому правительству, издать такой манифестъ, по которому возвращающіеся могли бы надѣяться на льготы и пособія при заведеніи въ Россіи на-ново хозяйствъ, на свободу отъ податей, на забвеніе преступлений и проч. Совѣтъ былъ принятъ и исполненъ; указъ со льготами для возвращавшихся былъ изданъ, а польское правительство еще раньше заявило готовность такого рода указъ или манифестъ занести въ архивы книги своихъ судовъ, дабы всякой могъ знать и читать его. Подъ 1734 годомъ печатный экземпляръ этого документа мы находимъ въ луцкой гродской книжѣ²). Въ немъ не только рисуется тяжелое положеніе бѣжавшихъ въ Шольшу русскихъ подданныхъ, но исчисля-

¹) Книга центр. архива № 202, л. 105, на оборотѣ.

²) Полн. собр. законовъ т. IX, № 6534.

ются препятствія къ возврату ихъ, выставляемыя польскими помѣщиками, и указываются средства, принимаемыя русскимъ правительствомъ на тотъ случай, если-бы его бывшіе подданные пожелали снова поселиться на родинѣ. Правительство императрицы Анны Ioannovны говоритъ, что „подданные Ея Величества, бѣжавшиѣ какъ изъ царской службы, такъ мѣщане изъ городовъ и изъ уѣздовъ холопы и малороссійские люди, живутъ за границей, гдѣ, вместо надежды на пожитки и прежній покой, бѣдствуютъ и занехають свой христіанскій законъ, вслѣдствіе чего гибнутъ и душей, и тѣломъ“. Помянутымъ указомъ оно объявляетъ, что въ томъ-же 1734 году, чтобы всѣмъ была известна заботливость государыни, какъ матери отечества, два раза уже повелѣвалось публиковать манифестами¹⁾, что всѣмъ бѣглецамъ разрѣшается свободный возвратъ на родину; и на этотъ разъ, по смыслу указа, имъ не только прощается бѣгство и совершиенныя прежде преступленія, но они причисляются къ вѣрнымъ подданнымъ; то-же относится и къ дезертирамъ; перемѣнившіе религію должны будутъ лишь принести церковное покаяніе; для возврата назначается два срока: послѣ первой публикаціи настоящаго указа двухмѣсячный и послѣ второй—полуторамѣсячный. „Между тѣмъ“, говорится далѣе въ указѣ „известно, что не многие возвращаются, не смотря на оказанную снисходительность, другие бродятъ и губятъ свои души; помѣщики-же употребляютъ всѣ возможныя средства для удержанія бѣглецовъ²⁾: желающихъ возвратиться въ Россію родителей разлучаютъ съ дѣтьми, увозятъ послѣднихъ въ другія имѣнія, самихъ возвращающихся подвергаютъ жестокій побоемъ, нѣредко забиваютъ ихъ до смерти, а имущество захватываютъ въ свою пользу; новыхъ-же переселенцевъ приглашаютъ бѣжать въ

¹⁾ Къ сожалѣнію, этихъ манифестовъ намъ не удалось найти въ актовыхъ книгахъ, въ Цоли. собр. закон. они помѣщены въ VIII т., № 6141 и 6181.

²⁾ Объ этихъ средствахъ говорить въ своемъ донесеніи и полковникъ Пановъ. Начальные люди, по его словамъ, пошлиютъ ловить бѣглецовъ, приведутъ человѣкъ 20 и отдадутъ одного или двоихъ, оставя у себя ихъ родныхъ, чтобы они возвратились; а кто доносиль Панову о бѣглыхъ, тѣхъ были построиками. Ксѣндзъ Аскирка, у которого 40 деревень было населено русскими бѣглецами, объявилъ, что онъ на предписанія польскихъ министровъ и смотрѣть не хочеть, да и съ самимъ Пановымъ грозилъ поступить дурно. (Соловьевъ. Исторія Россіи т. XVIII, стр. 273).

Польшу, обещая всякия льготы и выгоды¹. Затемъ въ указѣ повторяется еще разъ убѣжденіе возвратиться въ Россію, потому что имъ, бѣглецамъ, «nie tylko winy ich odruszczone, lecz u w komput wiernych poddanychych oni przylaczone beda». Вмѣстѣ съ тѣмъ, объявлялось: „возвратившіеся освобождаются на нѣкоторое время отъ государственныхъ податей, а помѣщики, равно какъ и монастыри, по приказанію государыни, должны выдать имъ хлѣбъ и лошадей на первое обзаведеніе; пріемъ бѣглыхъ производится такъ, какъ публиковано было въ прежде изданныхъ манифестахъ; пограничнымъ крестьянамъ дается также льгота отъ платежа податей и недоимокъ и предписывается начальству оказать имъ помощь зерновымъ хлѣбомъ на засѣвъ“. Въ заключеніе указъ предупреждаетъ, что бы бѣглецы переселеніемъ въ Польшу не приводили-бы своего хозяйства къ разоренію, не подвергали-бы себя ограниченію, разлукѣ съ дѣтьми и мученіямъ и не ставили-бы себя въ необходимость жить бродягами и губить свою душу¹).

Какъ ни странно, но указъ русской государыни къ своимъ подданнымъ напечатанъ, въ с.-петербургской академіи наукъ, на польскомъ языке, конечно, совершенно непонятномъ для тѣхъ, кому предназначался самый этотъ документъ, и занесенъ въ актовыя книги суда, исключительно существовавшаго для нуждъ шляхты; кромѣ того, онъ внесенъ въ книги волынского воеводства, где колоніи русскихъ выходцевъ были весьма малочисленны, тогда какъ въ кievскомъ они занимали все правое побережье Днѣпра; и вотъ въ кievскихъ-то книгахъ мы указа и не находимъ. Нельзя, намъ кажется, не видѣть и въ этомъ польской политики — накормить овецъ и сохранить сѣно. Само собою разумѣется, что этотъ указъ цѣли своей никоимъ образомъ достичь не могъ,—если книги гродненскихъ судовъ были во всякое время и для всѣхъ открыты, то не для крестьянъ, находившихся во власти помѣщика, неполноправныхъ передъ королевскимъ судомъ, а всецѣло подчинявшихся доминіальной юрисдикції; написанный-же на польскомъ языке, документъ, конечно, оставался непонятнымъ русскимъ выходцамъ, не успѣвшимъ въ короткое время ополячиться. Безрезультатность двухъ предшествующихъ указовъ отмѣчена въ указѣ 1734 года: „немно-

¹) Книга центр. архива подъ № 1659, л. 369.

гіе бѣглецы возвращались“, говорится въ немъ. Не многіе возвращались и послѣ изданія послѣдняго, такъ что ровно черезъ 6 лѣтъ, 7-го февраля 1740 года, командовавшій войсками генераль-фельдмаршалъ графъ Минихъ внесъ въ актовыя книги новый манифестъ, въ которомъ старается убѣдить бѣглыхъ солдатъ, драгуновъ и «unnich ludzi», чтобы они возвращались обратно въ Россію безъ всякаго страха и боязни предъ наказаніемъ, потому что госуда-рыня «odpuaszają onym wszystkie winy, przyjmując do laski у mieysca, gdzie u przed tym byli». Срокъ для возврата бѣглыхъ на родину фельдмаршалъ назначилъ шестимѣсячный со дня публикаціи манифеста, поясняя, что возвращающіеся принимаются русскими офицерами на форпостахъ и снабжаются содержаніемъ до мѣста, где поселятся, и снова повторяя, что переселенцы должны являться въ свое отечество, „nie tracąc nadziej za wine sztrafu, ale jak wierne poddani“. Польское правительство, въ виду, вѣроятно, его прежняго молчанія, приглашалось, въ знакъ сосѣдской пріязни, а особенно при тогдашнемъ „szczęśliwym z Portoiu Otomanskoiu ро-кою“, обнародовать изданный манифестъ не только между живу-щими привольно, но и состоящими на службѣ дезертирами и дать этимъ послѣднимъ средства и возможность возвратиться въ свое отечество, при чемъ обѣщается, что и польские бѣглецы, также въ знакъ пріязни, будутъ высылаемы изъ Россіи¹).

Не смотря на занискивающій тонъ этого обращенія русского полководца къ польскимъ властямъ, послѣдніе не торопились при-водить въ исполненіе требованій, шедшихъ въ разрѣзъ съ ихъ эко-номическими выгодами. Поэтому 15-го іюля 1744 года, какъ уз-наемъ мы изъ одного акта, касающагося исторіи гайдамацкаго дви-женія, былъ обнародованъ новый „простителійный указъ“, такъ названный русскими пограничными судьями²). За 12 лѣтъ до Колівщины издается Елизаветой Петровной и Екатериной II-ой рядъ указовъ³) о возвратѣ бѣглыхъ. Съ особенной энергией поляки протестовали противъ указа 1764 г. и отказывали въ ихъ выдачѣ; русские судьи, въ силу этого же указа, отказывали въ выдачѣполь-

¹) Книга центр. архива подъ № 4625, л. 39.

²) Архивъ югозапад. Россіи. Акты о гайдамакахъ. стр. 386.

³) Полн. собр. закон. т. XIV №№ 10454 (1755 г.), 10619 (1756 г.); т. XV. №№ 10889, 11179, 11456, 11265 (1758—1761 г.); т. XVI: №№ 11618, 11725 (1762 г.), 11815, 12011 (1763 г.), 12074 (1764 г.)

скихъ крестьянъ. Польскіе пограничные коммисары, протестуя противъ непріятнаго для нихъ указа, исчисляютъ всѣ случаи, когда русскія войска уводили будто-бы польскихъ крестьянъ, не забывая упомянуть при этомъ еще разъ и о выселеніи 1711 года, по указу имп. Петра I-го ¹⁾). Судя по горячему протесту, какой обнаружили теперь поляки, можно думать, что и въ данномъ случаѣ Екатерина принялась за дѣло со свойственной ей энергией. Подобный же призывъ къ бѣглецамъ видимъ въ указѣ 1779 года, подписанномъ 5 мая въ Царскомъ Селѣ, но появляющемся въ актовыхъ книгахъ только 16 августа ²⁾). Бѣглые крестьяне и дезертиры, говорится въ этомъ указѣ, послѣ всѣхъ изданныхъ до сихъ поръ указовъ должны быть строго судимы и вытребованы изъ Польши, но, „по врожденному состраданію и милосердію“, государыня и на сей разъ прощаетъ бѣглецамъ ихъ преступленія, исключая душегубцевъ, и позволяетъ имъ возвратиться въ свое отчество. Возвращеніе предлагается на слѣдующихъ условіяхъ: 1) прощеніе преступленій дѣлается подъ условіемъ, что бѣглецы, по возвратѣ, честной жизнью загладятъ свои вины и заслужатъ то, что дастся имъ; 2) крестьяне, казенные и помѣщичьи, солдаты, запорожцы и малороссы могутъ возвращаться къ пограничнымъ комендантамъ, которые обязаны принять ихъ снисходительно и не имѣть права дѣлать имъ какія-либо стѣсненія; 3) запорожцамъ и малороссамъ назначаются для поселеній губерніи: новороссійская и азовская, а великороссамъ — курское, воронежское и тамбовское намѣстничества; 4) бѣглецамъ, если пожелають, разрѣшается приписываться въ городахъ къ мѣщанамъ; 5) поселяющимся въ вышеозначенныхъ губерніяхъдается свобода отъ податей на шесть лѣтъ и за тѣмъ они обязаны платить наравнѣ съ другими (при этомъ въ указѣ замѣчено, что въ тѣхъ губерніяхъ земли еще никѣмъ не занятой довольно много); 6) помѣщичьимъ крестьянамъ позволяетъ вступать въ военную службу, при чемъ они записываются въ число рекрутъ, причитающихся отъ ихъ господъ. Въ заключеніе, болѣе строгимъ тономъ объявляется, что о всѣхъ невозвратившихся будутъ собраны

¹⁾ Книга центр. архива подъ № 196, л. 177.

²⁾ Книга центр. архива подъ № 4681, л. 1018 и 1019. Полн. собр. законовъ л. XX, № 14870.

точные справки, гдѣ кто живетъ, и они будутъ вытребованы чрезъ сосѣднее правительство и строго наказаны. Сравнивая настоящій документъ съ подобными же предъидущими, мы видимъ, что онъ заключаетъ въ себѣ условія, болѣе выгодныя для крестьянъ: первые указы позволяли имъ возвращаться лишь на старыя мѣста къ прежнимъ помѣщикамъ, которые безнаказанно могли мстить довѣрчивымъ переселенцамъ; настоящій вызываетъ ихъ для колонизаціи присоединенного новороссійскаго края и для заселенія южной великорусской границы, отводя каждой народности болѣе знакомыя ей мѣста; словомъ, колонизація является главной цѣлью указа. Другое его преимущество въ томъ, что существамъ до тѣхъ поръ совершенно безправнымъ, обязаннымъ только нести на себѣ всѣ повинности, предоставлалась большая или меньшая свобода съ правомъ приписываться въ сословіе мѣщанъ. Что указъ, благодаря тѣмъ льготамъ, которыя и въ самомъ дѣлѣ могли оказаться дѣйствительными, безъ труда достигъ цѣли, мы въ правѣ предполагать, какъ по горячимъ протестамъ со стороны польскихъ пограничныхъ судей противъ требованій русской императрицы о выдачѣ бѣглыхъ, такъ и изъ указанного проф. В. Б. Антоновичемъ¹⁾ факта движенія крестьянъ изъ Кіевщины и Брацлавщины на югъ,—движенія, усилившагося послѣ присоединенія запорожскихъ степей и Крыма къ Россіи.

Изъ указовъ послѣ 1779 г. мы отмѣтимъ лишь наиболѣе важные, которые изданы въ 1780, 1785 и 1788 годахъ²⁾ и могли служить (особенно послѣдній) поводомъ къ толкамъ о возбужденіі Екатериной восстанія, упорно державшимся въ 1789 году. Очень возможно, что усилившаяся къ этому времени потребность въ колонизаціи южныхъ окраинъ Россіи вызвала распространеніе одного изъ такихъ указовъ (скорѣе всего послѣдняго) среди русскихъ выхѣдцевъ въ Польшѣ, какъ болѣе подходившихъ къ заселенію новоприобрѣтенныхъ степей.

Итакъ мы видимъ, что русское правительство издаетъ рядъ указовъ, приглашая въ нихъ своихъ бывшихъ подданныхъ къ воз-

¹⁾ В. Б. Антоновичъ, изслѣдованіе о крестьянахъ въ юго-западной Россіи по актамъ 1700—1798 г. Кіевъ, 1870 г. Это изслѣдованіе показываетъ, что указъ не оставался безъ вліянія и на польскихъ крестьянъ.

²⁾ Полн. собр. законовъ т. XX: № 15006 (1780 г.), т. XXII: № 16281 (1785 г.) 16645 (1788 г.)

врату на прежнія мѣста, но изъ множества такихъ указовъ въ актовыхъ книгахъ мы находимъ всего лишь три; обѣ остальныхъ-же имѣемъ извѣстія въ постороннихъ источникахъ. Испо отсюда, что въ Петербургѣ скоро была разгадана „польская политика“, и съ тѣхъ порь „простительные указы“ черезъ довѣренныхъ лицъ прямо сообщаются тѣмъ, къ кому они относятся. Этотъ путь прямаго сообщенія монархомъ своей воли подданнымъ очень часто практиковался, какъ въ московскомъ, такъ и въ польскомъ государствахъ, и въ первомъ случаѣ былъ особенно невыгоденъ и непріятенъ для шляхты, ибо въ такой странѣ, какъ бывшая Рѣчь Посполитая, поднять народную массу, вѣчно угнетаемую, постоянно недовольную и подверженную частому броженію, да притомъ пришлую, несвязаннуюничѣмъ съ новымъ мѣстомъ своего поселенія, было не трудно. Неудивительно поэтому, если актовыя книги гродскихъ судовъ охотно открывались для царскихъ указовъ, этимъ путемъ объявляемыхъ, а прямое сообщеніе ихъ крестьянамъ, стоило жизни тому смѣльчаку, который рѣшился брать на себя это порученіе. Насколько враждебно относились поляки къ „простительнымъ указамъ“, распространяемымъ въ народѣ русскими торговцами-офицерами, могутъ служить слѣдующіе два документа, встрѣченные нами въ пограничныхъ книгахъ киевскаго воеводства. Въ одной изъ такихъ книгъ¹⁾), заключающей въ себѣ перечень убытковъ, нанесенныхъ польскими войсками и обычательми русскимъ подданнымъ, подъ № 441, помѣщено, между прочимъ, допесеніе о такомъ случаѣ киевской губернскай канцелярии 7 мая 1747 года: „изъ малороссийскихъ панствъ“ обычатель *ниловской* (т. е. раскольничей) слободы, черниговскаго полка, Алексѣй Бугаевъ плылъ со своими людьми на четырехъ плотахъ внизъ по Днѣпру, въ Кіевъ, для торговли. И вотъ, у Мировши, гдѣ сорокопицкій форпостъ, противъ польского села Домонтова, нападаютъ на плоты Бугаева пять человѣкъ жолnierовъ, стоявшихъ на форвактахъ. Они схватываютъ хозяина, „*practeduiuc iakowegoś ikazi*“ и требуя уплаты по рублю за каждый плотъ. Бугаевъ въ уплатѣ денегъ отказалъ, его за то избили «*ruramî*», силой отняли деньги, а при этомъ захватили вы-

¹⁾ Книга центр. архива, № 192, л. 81.

данный Бугаеву полковникомъ билетъ, который приняли, должно быть по незнанію русскаго языка, за интересовавшій ихъ „указ“; этого достаточно было для нападавшихъ, чтобы, отъѣхавъ немнога на своихъ двухъ членокахъ, подстрѣлить ограбленного ими торговца. Рана была настолько тяжела, что Бугаевъ, totчасъ по прибытии въ Киевъ, умеръ. Между тѣмъ преступники спокойно возвратились на свой сторожевой постъ. Оказалось, что они принадлежали къ отряду товарища хоругви Госифа Островскаго, стоявшаго на форвактахъ и именовавшагося региментаремъ. На обращенныя къ нему пограничными комисарами требованія объ удовлетвореніи за убийство и ограбленіе русскаго купца отвѣта не получено. Точно также остались безъ всякихъ послѣдствій эти требования и у великаго короннаго гетмана, къ „диспозиціи“ котораго относился Островскій. Отсюда можно заключить, что розыски „указа“ происходили съ вѣдома и согласія высшихъ властей. Въ силу изложеннаго донесенія губернской канцеляріи, русскіе комисары настаивали на томъ, чтобы виновные были представлены въ пограничный судъ, но ни въ этомъ, ни въ слѣдующихъ го- дахъ мы не видимъ, что-бы дѣло это разбиралось или было ре- шено. Польскіе комисары, не отрицая факта розысківалія „ука- за“, обѣщали написать региментарю о самоуправствѣ жолнѣ- ровъ, но съ этимъ прекращается дальнѣйшая переписка. Больѣ точныя подробности о содержаніи этого злополучнаго „указа“ мы находимъ въ другомъ актѣ¹⁾), именно—въ жалобѣ вышедшаго изъ-за границы, „изъ бѣговъ“, русскаго подданнаго Тихона Аѳа- насьева Фолгинина, занесенной въ іюль 1759 года въ погра-ничный судъ. По словамъ жалобщика, во время пребыванія его въ Польшѣ, въ имѣніи хорунжаго Нитоставскаго, въ „пилишовской“ слободѣ Якушинцахъ, послѣдній, узнавъ, что у него Фолгинина на-ходится указъ „Naiasnieyszey Monarchini Rossyiskiey, odpuszcza- jacy zbiegłyim winy“, сталъ сначала упрекать его, зачѣмъ онъ этимъ указомъ всѣхъ живущихъ въ его имѣніи русскихъ крестьянъ „zwin- tował“, потомъ отнялъ у него самый документъ и, наконецъ, загра- билъ все его имущество (шесть лошадей съ нагруженными льномъ

¹⁾ Книга центр. архива № 193, л. 206, на оборотѣ.

тремя возами). Арестованного Фолгинина, съ женой Анной Евфимовой и ребенкомъ, Нитоставскій отправилъ въ имѣніе винницкаго суды Грохольскаго, въ мѣстечко Стрижавку, препровождая при этомъ и „простительный указъ“. Въ Стрижавкѣ обвиняемый былъ представленъ Грохольскимъ на судъ „wysadzonych“ отъ польского шляхетства двухъ комисаровъ, которые подвергли его жестокимъ пыткамъ: нѣсколько разъ били палками, давили пальцы клемцами и проч. Жену Фолгинина комиссары приказали сѣчь розгами; отъ великаго страха она уронила бывшаго у нея на рукахъ ребенка, который тутъ-же и уился до смерти. Самый указъ суды порвали и потребовали выдачи денегъ, „московскихъ рублей“, подъ которыми они, очевидно, разумѣли деньги, выданныя ему, какъ агенту, русскимъ правительствомъ. Обвиняемый надѣялся-было утаить свое богатство, но, послѣ трехъ мѣсяцевъ тюремнаго заключенія, долженъ былъ купить себѣ свободу кровными 2000 червоныхъ, добытыми, по его показанію, его отцемъ и имъ самимъ посредствомъ „kirieckiego przemyslu“. Онъ подробно и какъ бы съ ударениемъ говорить, откуда у него деньги. Отпущеній на волю, Фолгининъ цоторшился въ Россію и просилъ ходатайства русскихъ комисаровъ о переселеніи къ нему и его семейства, остававшагося пока въ мѣстечкѣ Городицѣ на польской сторонѣ; при этомъ онъ сообщилъ, гдѣ и кого замѣтилъ изъ русскихъ бѣглецовъ. Въ силу этой жалобы комиссары потребовали выдачи послѣднихъ, согласно королевскимъ универсаламъ, а также представленія на судъ Нитоставскаго и Грохольскаго, обвиняемыхъ въ разорваніи царскаго указа, въ ограбленіи, нанесеніи побоевъ и въ причиненіи мученій Фолгинину и его женѣ. Польские комиссары отвѣтили на эти требованія совершеннымъ молчаніемъ, такъ что въ іюлѣ 1760 года эти требованія снова повторяются въ актовой книгѣ¹⁾). Русскіе суды еще разъ напоминаютъ полякамъ о постоянномъ нарушеніи ими трактатовъ между Россіей и Польшей по вопросу о выдачѣ бѣглыхъ крестьянъ и дезертировъ, напоминаютъ о неисполненіи ими королевскихъ универсаловъ, предписывающихъ таковую выдачу и запрещающихъ укрывательство, ставятъ на видъ препятствія, дѣ-

¹⁾ Ibid., л. 253.

ляемыя помѣщиками тѣмъ изъ бѣглецовъ, которые хотятъ возвратиться въ свое прежнее отечество, и, наконецъ, указываютъ на разорваніе указа, мученіе и ограбленіе семьи Фолгинина. Но и послѣ этихъ напоминаній удовлетворенія не послѣдовало; видно, оскорбительное, на взглядъ русскихъ, отношеніе къ царскому указу не считалось такимъ у шляхтичей, привыкшихъ иначе относиться къ распоряженіямъ своихъ королей. Примѣръ этому мы находимъ не только въ современной указамъ исторіи Мелхиседека Значко-Яворскаго, когда одинъ разъ шляхтичи едва не разорвали королевскаго „привилея“, признающаго свободу православія, а въ другой разъ отозвались о его годности въ весьма нескромныхъ выраженіяхъ, но и въ исторіи предшествующихъ вѣковъ. Извѣстное шаткое и зависимое отъ шляхты положеніе польскихъ королей дѣлаетъ этотъ фактъ понятнымъ и избавляетъ насъ отъ необходимости вдаваться въ подробности. Не могли также, мы думаемъ, поляки отговариваться и тѣмъ, будто русское правительство, посылая свои указы непосредственно къ бѣжавшимъ крестьянамъ, дѣлало что-либо необычное, выходящее изъ ряда и нарушавшее общественное спокойствіе въ сосѣднемъ государствѣ; мы уже раньше сказали, что путь непосредственного отношенія верховной власти къ подданнымъ практиковался не въ одной Россіи, но и въ Польшѣ; теперь-же со стороны Россіи это дѣлалось съ вѣдома, согласія и даже совѣта высшихъ чиновъ Рѣчи Посполитой и относилось только къ пришлому, а не къ коренному населенію этого государства. Иначе поступали польскіе помѣщики, присылая „публичные листы“ въ русскія села, чтобы перезвать оттуда крестьянъ въ свои, все болѣе пустѣвшія къ концу XVIII вѣка, имѣнія. На это жаловался въ свое время русскій посолъ въ Варшавѣ графъ Штакельбергъ и король Станиславъ-Августъ универсаломъ, 5-го сентября 1777 года ¹⁾), признаетъ фактъ сманыванія польскими помѣщиками русскихъ крестьянъ для заселенія своихъ опустѣвшихъ имѣній, съ обѣщаніями всякаго рода выгодъ и вольностей, и хотя зацрещаетъ перезывать къ себѣ крестьянъ изъсосѣдей державы путемъ распространенія такихъ „публичныхъ листовъ“, но допускаетъ заселеніе людьми, являющимися добровольно.

¹⁾ Книга центр. архива № 196, л. 145, на оборотѣ.

Подводя итогъ сказанному, мы приходимъ къ выводу, что господствовавшіе среди польского общества, во второй половинѣ прошлого вѣка, толки о подстрекательствѣ Россіей подданныхъ Рѣчи Пополитой къ бунту основывались главнымъ образомъ на „простительныхъ“ указахъ, разсылавшихся въ мѣста населенія бѣглецовъ, послѣ того какъ внесеніе этихъ указовъ въ актовыя книги, да еще на польскомъ языке, оказалось своего рода „политикой“; вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не признать, что эти указы давали поводъ угнетенному русскому населенію Польши по своему толковать распоряженія русскихъ властей во время гайдамацкаго движенія, и особенно въ свою пользу объяснять изданные передъ Коливщиною русскимъ правительствомъ, особенно Екатериной II, манифести и дипломатическія ноты въ защиту православныхъ обитателей польского королевства. Что дѣйствительно упомянутые указы служили главнымъ основаніемъ клеветы на русское правительство изъ-за бунта въ Украинѣ и на Волыни, это видно, между прочимъ, также и изъ совиаденія времени внесенія первыхъ въ актовыя книги со временемъ наибольшаго распространенія второй.

Въ заключеніе, два слова о томъ, что разумѣли поляки подъ словомъ „бунтъ“. Кроме открытыхъ восстаній, въ родѣ Коливщины 1768 г., которыми заканчивался народный протестъ противъ двойнаго—религиознаго и экономического польского гнѣта, бунтомъ считалось простое возвращеніе народа отъ унії къ вѣрѣ отцевъ, хотя народная масса оставалась при этомъ спокойною, твердо идя къ своей цѣли. Изъ сообщенныхъ нами документовъ о возвратѣ бѣглыхъ, мы видимъ, что крестьяне, обманутые польскими обѣщаніями и желавшіе возвратиться на родину, обзывались также бунтовщиками, подвергаясь ограбленію и побоямъ. Неудивительно послѣ этого, если, по такимъ понятіямъ о бунтѣ, и на русское правительство того времени сыпались обвиненія въ со участіи его въ бунтахъ,—обвиненія, пустившія корни и въ глубь и въ ширь.

Поводъ къ такимъ обвиненіямъ и основанія для нихъ ясны; трудно только решить, где первоначально возникали толки о возбужденіи противъ Польши православнаго русскаго ея населенія русскимъ правительствомъ: въ средѣ ли самаго этого населенія, въ видѣ надеждъ на защиту отъ притѣсненій въ исповѣданіи вѣры и пощупительства на собственную расправу его съ своими притѣсни-

телями, или-же въ средѣ шляхты—въ видѣ прямыхъ обвиненій въ подстрекательствѣ изъ политическихъ разсчетовъ. Съ большею вѣроятностію полагать можно, что происхожденіе этихъ толковъ одновременно въ той и другой средѣ, такъ какъ обѣ онѣ были въ нихъ непосредственно и одинаково заинтересованы. Разница здѣсь лишь въ содержаніи и характерѣ слуховъ и толковъ, измѣнявшихся соотвѣтственно средѣ, въ которой они возникали и держались: въ то время, когда православное населеніе Польши смотрѣло на всякие доходившіе до него царскіе указы и манифесты съ надеждою на лучшую жизнь, менѣе тревожную, шляхта видѣла въ нихъ посягательство на цѣлость своего отечества и на свое спокойствіе; оттого шляхта въ оправданіе себя старалась взвалить на русское правительство и его указы всю отвѣтственность за постигшія Польшу бѣды, которыя, въ дѣйствительности, были естественнымъ послѣдствиемъ, съ одной стороны, слабости центральной власти, внутреннихъ неурядицъ и іезуитско-еврейского владычества, а съ другой—управительской плети надъ хлопами, рядомъ съ золотой шляхетской вольностью.

И. Каманинъ.

Къ характеристику Д. Г. Бибикова

(б. генераль-губернатора юго-западного края 1838—1852 г.).

Димитрій Гавриловичъ Бибиковъ принадлежить къ числу тѣхъ не многихъ выдающихся дѣятелей временъ императора Николая I-го, которые въ своей дѣятельности съ большою вѣрностю отражали духъ его царствованія и которыхъ дѣйствія, проникнутыя умомъ, сознаніемъ ясно представляемой цѣли и строго опредѣленною системою, дали наиболѣе видимые результаты.

Такою дѣятельностю и такими ея результатами наиболѣе бол-
гато то время жизни Димитрія Гавриловича Бибикова, которое онъ провелъ въ званіи главнаго начальника юго-западного края. Его уму, энергіи, патріотизму и предпріимчивости этотъ край много обязанъ охраною вѣковыхъ историческихъ его правъ, подня-
тиемъ народнаго самосознанія, политическимъ спокойствиемъ, вообще тѣмъ, что онъ не превратился изъ коренного и древнѣйшаго рус-
скаго края въ патріотической польскій станъ и польскую провинцію.

Для изучающаго судьбы южной Россіи, при настоящемъ оби-
ліи историческаго матеріала, не имѣется уже сомнѣнія въ томъ,
что ничто столько не способствовало ополяченію русскихъ обла-
стей бывшей Рѣчи Посполитой, какъ возвращеніе ихъ Россіи, что
никогда польскій духъ не ширился въ этихъ провинціяхъ съ такою
легкостю и быстротою, какъ подъ сѣнью русскаго трона, и ни-
когда польско-католическая пропаганда не работала здѣсь такъ
свободно и успѣшно, какъ надъ охраною русскихъ законовъ и рус-
ской власти. Россійская простота долго не могла понять и примѣ-
тить всѣхъ тонкостей польско-іезуитской политики; она не могла
(да, кажется, и не желала) уразумѣть то состояніе, въ какомъ воз-
вращались Россіи ея древнѣйшія области. Достойно замѣчанія, что

уже ко времени присоединенія Малороссіи затемнено было понятіе о племенномъ и прежнемъ политическомъ единствѣ двухъ половинъ Россіи. Жители Малороссіи долгое время по ея присоединеніи трактовались, какъ „черкешаны“ и „люди черкесской породы“, и Петръ I-й изъ ближайшихъ политическихъ разсчетовъ не затруднялся дважды отдавать Западную Україну на жертву польскому фанатизму. За тѣмъ во все продолженіе дипломатического заступничества русского двора за православныхъ обитателей польского королевства, отъ Петра I до Екатерины II, единственнымъ мотивомъ этого заступничества выставлялось единовѣріе, о единствѣ же племенномъ не было и помину. Блестяще образованные, но мало просвѣщенные и даже малограмотные вельможи Екатерины, рѣшивши участь Польши, всего менѣе знали то, что предстояло имъ дѣлать съ возвращенными отъ Польши русскими провинціями. Впрочемъ по господствовавшему тогда духу пріобрѣтенія и расточительности, по тогдашнимъ соціальнымъ воззрѣніямъ на крестьянскій людъ, который одинъ почти сохранилъ русскую народность въ присоединяемыхъ отъ Польши областяхъ, никому надѣ этимъ и не приходило задумываться. Никто поэтому не побѣжалъ инвентаря возвращаемаго, никто не смотрѣлъ, что и въ какомъ видѣ и положеніи возвращается; всѣ спѣшили лишь поживиться на счетъ возвращаемаго. Не успѣли мы присоединить Бѣлоруссію, какъ попала раздача новоприсоединенныхъ душъ и земель: получали дяди за свои личныя заслуги и племянницы за заслуги дядей, брали и не имѣвшіе ни заслугъ, ни дядей, но только племянницъ,— брали наконецъ всякий, кто могъ. Тоже повторилось съ уничтоженіемъ Запорожья: сотни тысячъ десятинъ дѣвственныхъ полейшли въ одни руки, или тѣхъ, кто не противорѣчилъ этому дѣлу (генералъ - прокуроръ Вяземскій), или тѣхъ, которые были ближайшими его зрителями (кн. Прозоровскій); тысячи и десятки тысячъ ихъ давались по одной деньгиѣ всѣмъ желающимъ заселять край, всѣмъ захажимъ и чужестраннымъ, всѣмъ, всѣмъ, кроме тѣхъ, которые одни имѣли на нихъ право или чувствовали въ нихъ нужду. И случилось при этомъ, что польское землевладѣніе проникло туда, куда прежде не смѣла ступить ни одна польская нога. Нѣчто подобное, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, совершилось во время присоединенія Україны, Волыни и Подоліи.

Это присоединеніе, при установившейся уже твердости русскаго правительства, только закрѣпило тотъ гибельный порядокъ всѣй, который привелъ Польшу къ разложенію. Снова очутились—другъ передъ другомъ—всевластный, признанный во всѣхъ своихъ правахъ панъ и совершенно уже безправный народъ, который не могъ уже, какъ прежде, заявить своего протеста противъ такого произвола и гнета, которымъ открылся теперь полный просторъ, гораздо болѣтій, чѣмъ какимъ они пользовались за славной Рѣчи Посполитой. Безсильная тогдалння власть не могла защитить ихъ отъ взрывовъ народной мести, которая одна служила для нихъ пугаломъ и узду, теперь-же и власть была на ихъ сторонѣ. Мы надѣялись единственно на твердость власти, забывая, что основы, строй и условія жизни сильнѣе всякой власти. И что-же видимъ потомъ? На всемъ протяженіи древне-русскихъ областей, подъ скипетромъ россійскимъ, царить польскій духъ, дѣйствуетъ польское законодательство, господствуетъ, поддерживается и разширяется система польскаго національного образованія, своеvolствуєтъ по прежнему польскій панъ и закрѣпощаетъ искони вольныхъ людей, бездѣйствуютъ или потворствуютъ ему польскія-же, почти отъ самаго верху, власти. Православная вѣра, по прежнему въ загонѣ и пренебреженіи; древнѣйшія русскія святыни лежать въ развалинахъ и приходятъ еще въ большее запустѣніе, древнѣйшія русскія учрежденія попираются и уничтожаются, издревле выборные духовные пастыри и правители замѣняются лицами по назначенію, православныя церковныя братства преслѣдуются становыми приставами, какъ учрежденія, противныя духу винныхъ откуповъ, школы, такъ многочисленныя еще въ концѣ XVIII ст., къ 30 годамъ нынѣшняго столѣтія почти повсемѣстно прекращаютъ свое существованіе, земли у крестьянъ постепенно обрѣзываются, а ихъ повинности усиливаются до того, что не оставалось уже у крестьянина ни одного свободнаго дня въ недѣлѣ на его собственныя работы. Народъ стоналъ подъ игомъ польскихъ пановъ и въ отчаяніи восклицалъ: „за що насъ Царь ляхамъ въ неволю отдавъ? ¹⁾.

¹⁾ Много разъ мы слышали въ дѣствѣ эти именно слова отъ людей помнившихъ еще времена польского владычества. Общее убѣжденіе ихъ было, что тогда жить было гораздо легче и сноснѣе.

Весь этот строй и порядокъ вещей, вспомоществуемый нарочитыми миссионерскими трудами польской пропаганды и даже побровительствуемый свыше (вспомнимъ времена Чарторыжскаго, друга Александра I) приводить къ восстанію 1831 г., которое не менѣе сильно было и въ присоединенныхъ отъ Польши провинціяхъ, какъ и въ коренныхъ ея областяхъ, а затѣмъ подготовители новаго восстанія къ 40-мъ годамъ покрываютъ весь юго-западный край цѣлою сѣтью демократическихъ кружковъ.

Никто изъ предшественниковъ Бибикова по управлению юго-западнымъ краемъ не могъ понять тогдашняго гибельнаго его положенія, обнять всѣхъ нуждъ его и принять соотвѣтственныя мѣры для возвращенія въ немъ справедливаго порядка и возвращенія ему его вѣковаго историческаго русскаго образа. Одинъ изъ нихъ оставилъ по себѣ память лишь тѣмъ, что уничтожилъ въ Киевѣ древнее его самоуправленіе и столицѣ русскаго православія далъ первого городскаго голову изъ раскольниковъ, другой извѣстенъ по возмутительному съченію чрезъ нѣмца полицмейстера и разъѣзжавшихъ съ послѣднимъ козаковъ на улицахъ и площадяхъ всѣхъ тѣхъ, которые при проѣздѣ по городу не держались правой стороны. Д. Г. Бибикову принадлежитъ честь широкаго и глубокаго пониманія нуждъ края и возвращенія ему и его центру—Кіеву ихъ национальныхъ историческихъ правъ. Заслуги его для нихъ велики и неисчислимы. Если принять въ соображеніе господствовавшie въ то время у насъ понятія о внутренней политикѣ, то нельзя не удивляться смѣлости и глубинѣ проведенного Бибиковымъ взгляда, истинно национальнаго и патріотическаго, а взвѣшивъ все сдѣланное и предпринятое имъ въ сравнительно короткій промежутокъ времени, невольно становишься въ тупикъ предъ его необъятною и не сокрушимою энергию. Вотъ главнѣйшія дѣла, увѣковѣчившія здѣсь память этого замѣчательнаго администратора: подавленіе польского революціоннаго духа, очищеніе дворянскаго сословія отъ накопившейся вѣками и вновь фабриковавшейся праздной и тунеядной шляхты, составлявшей истинное бремя для края и всегдашній горючій политическій элементъ, уничтоженіе отдѣленій Польскаго Банка и учрежденіе кіевской коммерческой конторы Государственнаго Банка, ограниченіе произвола и гнета помѣщиковъ надъ крестьянами и разширение правъ послѣднихъ, вообще-же регуляція кресть-

янского труда и взаимныхъ отношенийъ крестьянъ и помѣщиковъ посредствомъ такъ называемыхъ инвентарныхъ правилъ, ограничение правъ и мѣста осѣдлости другаго зловреднаго элемента въ лицѣ евреевъ, которые при Д. Г. Бибиковѣ не допускались, какъ при его преемнике, въ генераль-губернаторскую гостиную скверного ради прибытка, хотя и подъ видомъ благотворенія,—вовсе не селились въ Киевѣ, а появлялись въ немъ лишь на два дня и то по особой, при вѣзѣ получаемой запискѣ,—отмѣна искаженного саксонскимъ правомъ и другими болѣе сродными примѣсями Литовскаго Статута и введеніе русскаго законодательства, обеспеченіе быта православнаго духовенства назначеніемъ ему жалованья, постройкою домовъ и обработкою земель, обеспеченіе духовныхъ нуждъ православнаго сельскаго населенія посредствомъ обязательной для ихъ помѣщиковъ постройки новыхъ и исправленія обветшавшихъ церквей, поднятіе и усиленіе образованія въ краѣ посредствомъ возстановленія университета, котораго открытие онъ принялъ на свою личную отвѣтственность, учрежденія института благородныхъ дѣвицъ въ Киевѣ и многихъ среднихъ и низшихъ, военныхъ и гражданскихъ учебныхъ заведеній въ краѣ, наконецъ учрежденіе центральнаго архива—этого драгоценнаго и богатѣйшаго хранилища историческихъ памятниковъ и особой при генераль-губернаторѣ комиссіи для разбора древнихъ актовъ, которая, подъ названіемъ временнай, существуетъ около 40 лѣтъ и оказала неопѣненные услуги для мѣстной исторіи. Не говоримъ о томъ, что сдѣлано Бибиковымъ для укрѣпленія, украшенія и вообще благоустройства самаго Киева—древнейшей столицы Россіи и матери градовъ русскихъ.

Отличительными свойствами всѣхъ предначинаній и мѣропріятій Д. Г. Бибикова по устройству края были: широта и смѣлость замысла, глубина взгляда, обнаруживавшаго истинно государственный умъ, патріотическая цѣль и такая-же подкладка, быстрота и рѣшительность дѣйствій, твердое и ничѣмъ не колеблемое выполненіе однажды задуманнаго. Но окруженный со всѣхъ сторонъ кра-моловою, не устанно работавшею, встрѣчая на каждомъ шагу тысячи препятствій, создаваемыхъ искусствами и многоопытными руками, и платя дань времени, какъ могучій и сильный характеръ, онъ избиралъ не рѣдко для выполненія своихъ намѣреній такія формы и способы, которые въ извѣстной средѣ пронесли имя его, какъ вар-

вара, или необузданного сатрапа, не цѣнившаго въ грошъ никакихъ гражданскихъ и человѣческихъ правъ, когда дѣло шло о до-стиженіи имъ своихъ цѣлей. Съ другой стороны въ средѣ русскаго общества и населенія, помимо частныхъ нареканій, ни одно имя главнаго начальника края, ни прежде, ни послѣ, не пользовалось такою популярностію, какъ имя Димитрія Гавrilovicha; обѣ немъ толковали по своему простые мѣщане и даже крестьяне и всюду былъ извѣстенъ генералъ обѣ одной рукѣ. Доброе по природѣ сердце его удерживало его въ предѣлахъ справедливости и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ, по видимому, давалъ мѣсто той злости, на которую самъ въ себѣ указывалъ, или-же вызывало въ немъ вели-кодушіе и прощеніе; но перевѣшивавшая сила воли влекла его не рѣдко къ мѣрамъ крайнимъ, а изобрѣтательный умъ давалъ имъ такія оригиналныя формы, которыя усугубляли налагаемое на ви-новныхъ наказаніе и приводили ихъ въ страхъ и трепетъ. Онъ врагъ былъ всякихъ полумѣръ, не допускалъ никакихъ сдѣлокъ съ кѣмъ бы то ни было, а тѣмъ болѣе съ своею собственою совѣстю и держался, кажется, того правила, что благоразумнѣе предупре-ждать преступленіе страхомъ, чѣмъ карать оное жестокостію, пре-сѣкать его въ началѣ, или на половинѣ, хотя бы и крутою мѣрою, чѣмъ давать ему разростаться и привлекать всѣ тяжкія послѣд-ствія,—отсѣкать гнилой членъ сразу, чѣмъ возиться надъ его ле-ченiemъ, не бывъ урѣреннымъ въ успѣхахъ онаго. Всегда ли онъ былъ предупредителенъ, проницателенъ и, такъ сказать, не погрѣ-шимъ, это другой вопросъ; но въ желаніи добра, прямотѣ и чест-ности ему не отказывали и самые враги его. Господствовавшія въ то время понятія о формѣ, порядкѣ, дисциплинѣ, субординаціи и спасительности мѣръ крутыхъ, средствъ виѣшнихъ, считая здѣсь и сѣченіе, раздѣлялись вполнѣ этою цѣльною натурою и составляли ея большое мѣсто; но и замѣнившая бибиковскую систему другая, противуположная ей, обнаружила не менѣе ошибокъ, крайностей и увлеченій, въ концѣ концевъ приведшихъ къ восстанію 1863 г., а за тѣмъ къ преобладанію въ краѣ юдеевъ въ замѣнѣ поляковъ. Ходилъ слухъ о томъ, что Бибиковъ, предпочитая *мѣры отеческія* всякимъ другимъ, примѣнялъ ихъ не къ обыкновеннымъ только ли-цамъ шляхетской крови, но и къ такимъ титулованнымъ особамъ, при томъ не одного грубаго пола, къ которымъ со временемъ ду-

бикки Шетровой они никогда не примѣнялись,—ходили эти слухи и доходили даже до саѣдънія императрицы Александры Федоровны и, по словамъ передававшаго намъ очевидца, составили однажды въ присутствіи самаго Бибикова, предметъ веселыхъ шутокъ со стороны императора Николая Павловича, не вѣрившаго, конечно, такимъ баснямъ, но дававшаго государынѣ видѣ, что рассказываемое не только вѣрно, но совершалось даже не безъ его вѣдома и соизволенія. На сколько было правды во всѣхъ ходившихъ слухахъ объ употребленіи Бибиковымъ отеческихъ мѣръ и не соотвѣтственномъ ихъ по тогдашнимъ даже порядкамъ примѣненіи, едва-ли кто сказать можетъ; но въ 1852 г., когда Бибикова смѣнилъ кн. Васильчиковъ и, по докладу его, въ пріѣздъ имп. Николая Павловича въ Киевъ, одинъ изъ поляковъ управлявшихъ большими имѣніями, за политическія манифестаціи былъ посланъ на Кавказъ рядовымъ, а другой, по заявленію его о непригодности къ военной службѣ, отданъ въ арестанскія роты, намъ самимъ пришлось слышать отъ поляковъ — же сожалѣніе о выходѣ Бибикова и о замѣнѣ мѣръ отеческихъ легальными: *bo, prosze pana, ten karal po ojcowisku*, — говорили наши собесѣдники, предпочитавшіе наказаніе поносное наказанію тяжкому, по его долгимъ послѣдствіямъ.

Гораздо болѣе вѣроятности и даже несомнѣнной вѣрности за тѣми многочисленными въ его служебной практикѣ случаями, въ которыхъ проявлялись просто его крутой нравъ, не терпѣвшій противорѣчій, его привычка повелѣвать, требовать точнаго исполненія его распоряженій, взыскивать строго за малѣйшее ихъ нарушеніе, его удивительная изобрѣтательность въ подборѣ специальныхъ, соотвѣтственныхъ преступленію наказаній и особенное умѣніе отъучи виновнаго отъ повторенія сдѣланнаго не столько тяжестю наказанія, сколько особою, такъ сказать, его внушительностію. Извѣстны напримѣръ и вполнѣ вѣрны примѣры посылки студентовъ — медиковъ въ фельдшера съ выслугою въ медики, суроваго наказанія за незастегнутую въ мундирѣ пуговицу и т. под. Кто о такихъ казусахъ не слыхалъ, кто ихъ не знаетъ? Но мы приведемъ въ фактическомъ видѣ нѣсколько наиболѣе оригиналныхъ мѣръ исправленія и наказанія, которыя могъ придумать одинъ только Бибиковъ и которыя характеризуютъ его болѣе всякихъ отвлеченныхъ описаній и сужденій. За вѣрность этихъ разсказовъ въ ихъ по-

дробностяхъ мы ручаться, конечно, не станемъ, но приводимъ ихъ въ томъ видѣ, какъ они ходили въ свое время, передаваясь изъ устъ въ уста.

1. *Обращеніе униатскаго священника въ православіе.* Въ 1839 г., какъ известно, совершилось присоединеніе къ православію всѣхъ униатовъ съверо-западнаго и юго-западнаго края. Въ послѣднемъ, где ихъ осталось самое незначительное число, нашелся однако одинъ не молодой священникъ, который не пожелалъ послѣдовать общему примѣру и мутить своихъ прихожанъ. Послѣ тщетныхъ и долгихъ увѣщаній со стороны духовныхъ властей, Бибиковъ, который не любилъ, чтобы у него что-либо нарушало общий порядокъ, потребовалъ священника къ себѣ. Послѣдній доставленъ былъ экстренно съ жандармами и ими же введенъ въ приемный залъ.

— Желаете-ли, батюшка, принять православіе? — спросилъ послѣ нѣкоторой прелюдіи генераль.

— Не желаю, — былъ отвѣтъ.

— Думаю, — это отъ того, продолжалъ генераль, что вы не имѣли времени подумать надъ этимъ дѣломъ. Подумайте на досугъ и потомъ мнѣ скажете.

Генераль далъ знакъ и ослушника увѣли. Въ передней ему повязали платкомъ глаза, усадили въ карету и повезли, неизвѣстно куда. Доставивъ по назначенію, его долго вели по какимъ-то переходамъ и коридорамъ и наконецъ ввели въ какую-то комнату. Когда повязка была снята, онъ увидѣлъ молчаливо удаляющихся жандармовъ, услышалъ скрипъ тяжелой двери и цѣлканіе замка, а за тѣмъ мѣрные шаги у двери часоваго. То былъ вовсе не знакомый узнику крѣпостной казематъ съ его скудною обстановкою и свѣтомъ падающимъ откуда-то сверху. Молча сторожъ ставилъ пищу и питье, молча уходилъ. Ни на какие вопросы ни онъ, ни часовые не давали отвѣта. Прошло нѣсколько дней невольнаго досуга, уединенія, безмолвія, размышенія. Разъ, не то днемъ, не то вечеромъ, отворяется со скрипомъ дверь, входятъ новые сторожа, повязываютъ узнику снова глаза и послѣ длинныхъ переходовъ вводятъ его въ ярко освѣщенный съ опущенными шторами залъ. Глазамъ узника представлялся длинный, краснымъ сукномъ покрытый, столь съ зерцаломъ, а по сторонамъ его нѣсколько военныхъ чиновъ въ мундирахъ и орденахъ. Старшій изъ сидѣвшихъ обра-

тился къ подведенному узнику съ тѣмъ-же вопросомъ, съ какимъ прежде обращался генераль.

— Желаете-ли, батюшка, принять православіе?

— Нѣть, не желаю.

Старшій кивнулъ головою, подалъ знакъ и узникъ снова тѣмъ же порядкомъ былъ отведенъ въ его казематъ.

Проходили дни за днями; въ опредѣленный день, въ урочный часъ появлялись тѣ-же стражи, повторялся тотъ-же процессъ привода, допрашиванія и отвода. Упрямый узникъ не выдержалъ на конецъ и въ одну изъ явокъ на вопросъ предсѣдательствовавшаго: желаете-ли принять православіе? отвѣчалъ: желаю. Тотъ часъ всегда угрюмый предсѣдатель весело поднялся съ кресла и, поздравляя новообращеннаго съ принятіемъ православія, почтительно попросилъ у него благословенія. Его примѣру послѣдовали прочіе члены. Въ заключеніе предсѣдатель самымъ любезнымъ образомъ пригласилъ его отправиться вмѣстѣ съ нимъ къ генералу-губернатору. „Такъ вы уже православный?“ — такимъ вопросомъ встрѣтилъ его генераль, и получивъ утвердительный отвѣтъ, произнесъ: поздравляю, и самъ попросилъ благословенія.

— Вы теперь свободны, заключилъ генераль. — Поѣзжайте на приходъ; я увѣренъ, что вы навсегда уже останетесь православнымъ. Прощайте!

— И это все? — возвысилъ голосъ недавній узникъ. — Такъ сюда привезли, а назадъ шѣшкомъ буду идти?

— Не все, отвѣчалъ генераль и быстро прошелъ въ кабинетъ. Возвращаясь оттуда, онъ также быстро подошелъ къ новообращенному и съ словами: прошу помолиться обо мнѣ, вручилъ ему деньги на молитвы, точнѣе на проѣздъ — безъ провожатыхъ.

2. Любезный разговоръ съ городскими представителями. Въ 1847—48 году появилась въ Кіевѣ сильная холера. Бибиковъ распорядился открытиемъ временной больницы въ городскомъ, такъ называемомъ, контрактовомъ домѣ, гдѣ обыкновенно отбывались купеческія семейныя собранія и танцевалъ историческій теперь Аскоченскій съ своею Варинькою. Почетнѣйшиіе купцы, съ городскимъ головою во главѣ, явились къ нему съ просьбою объ отмѣнѣ такого распоряженія.

— Что скажете, господа? — спросилъ ихъ ласково генераль.

— Ваше высокопревосходительство приказали открыть больницу въ контрактовомъ домѣ для холерныхъ,—началь городской голова.

— Такъ.—Что-же?

— Но вотъ дочери наши тамъ танцуютъ въ зиму, а тутъ холерные будуть... Какъ-же? будьте милостивы, прикажите перемѣнить...

— Прикажу. Голядкинъ¹⁾! Контрактовый домъ очистить, а кровати въ ихъ домахъ размѣстить...

Купцы вытянули свои физіономіи.

— Больше ничего не скажете, господа?—спросилъ генералъ.

— Ничего, отвѣчали тѣ, низко кланяясь. — Они хорошо знали, что значитъ противорѣчить Бибикову.

— Такъ я вамъ скажу, прибавилъ онъ.—Вы, господа купцы, не кievскіе купцы, а кievскіе с....и, а вы, И. И., не кievская городская голова, а кievская городская ж.... Прощайте!

Купцы пошли, не солено хлебавши. Кровати холерныхъ, конечно, остались въ контрактовомъ домѣ.

3. *Обученіе инвентаря мъ.* Инвентарные правила — любимое дѣтище Бибикова. Благодѣтельныя для крестьянъ, они не согласовались съ интересами помѣщиковъ, привыкшихъ къ полному и безконтрольному господству надъ крестьянами и эксплоатациі всего ихъ труда. Какъ помѣщику, привыкшему къ тому, чтобы всякая живущая крестьянская душа работала на него, сносить то, чтобы вдругъ на работу являлся одинъ только работникъ и одна работница отъ двора и вмѣсто шести дней въ недѣль работали кто три, кто два, а кто и одинъ день, да притомъ всякая работа была бы опредѣлена мѣрою и числомъ (сколько напр. сноповъ сжать или смолотить, и какого хлѣба, и какой мѣры снопы, и пр., и пр.). Появилось множество злоупотребленій и насилий со стороны помѣщиковъ, а протестовавшихъ или жаловавшихся крестьянъ представляли въ видѣ бунтовщиковъ. Дошли до Бибикова свѣдѣнія, что одинъ помѣщикъ радомысьльского уѣзда, управлявшій имѣніемъ довѣренности матери, молодой, элегантный жуиръ, игнорируетъ инвентарные правила. Онъ доставленъ былъ *приличнымъ* образомъ въ Кіевъ къ Бибикову.

¹⁾ Знаменитый въ бибиковское время полиціймейстеръ г. Кіева.

— Я слышалъ, сказа́лъ ему генераль безъ всякихъ прелюдій, что вы допускаете отступленія отъ Высочайше утвержденныхъ инвентарныхъ правилъ. Полагаю, что это происходит не отъ злой вашей воли, а просто отъ того, что вы, по причинѣ молодости и безпрестанныхъ развлечений, недостаточно ознакомлены съ этими правилами.

Молодой джельтменъ пріободрился, но не надолго.

— Я вызвать васъ сюда, продолжалъ генераль, чтобы вы здѣсь на досугѣ могли изучить эти правила; тогда, я не сомнѣваюсь, вы будете ихъ въ точности исполнять.

Подавая недоумѣвающему франту увѣсистую *in folio* тетрадь, равнявшуюся по меньшей мѣрѣ книжкѣ толстаго журнала, генераль прибавилъ: вотъ вамъ правила. Приходите сюда каждый день въ 9-ть часовъ утра. Вамъ укажутъ комнату, где вы будете ихъ изучать, а мой адъютантъ (при этомъ онъ взглянуль въ сторону адъютанта, а тотъ щелкнулъ шпорами) будетъ наблюдать за вашими занятіями и прослушивать, что вы успѣете изучить. По окончаніи вашихъ занятій, я надѣюсь самъ прослушать васъ.

Генераль слегка кивнуль головою и удалился въ кабинетъ, а ошеломленный франтъ, вѣжливо приглашенный въ особую комнату, сталъ съ того-же дня пыхтѣть надъ правилами, не превосходившими по своему содержанію какую-либо рецептуру или латинско-рussijskij словарь.

Много дней и недѣль потратилъ молодой вельможный панъ, пока *doskonale* изучилъ правила, а когда весь курсъ былъ пройденъ, генераль самъ спросилъ его въ разбивку и за тѣмъ отпуская, проговорилъ: теперь поѣзжайте домой; я не сомнѣваюсь, что вы хорошо будете управлять имѣніемъ и оправдаете довѣrie вашей матушки.

4. *Попѣзда въ Анапу.* Во время революціи 1848 г. и послѣдовавшей за тѣмъ венгерской кампаніи, въ польскомъ населеніи юго-западнаго края проявилось сильное броженіе. Надежды поляковъ, что переворотъ на западѣ Европы коснется Россіи и поможетъ осуществленію ихъ мечтаній, постепенно росли. Стали наконецъ разносить вѣсти за вѣстями, что сформированный въ Турціи польскій легіонъ сдѣлалъ высадку близъ Анапы, взялъ и разрушилъ ее, гарнизонъ весь истребилъ, а за тѣмъ поднимаетъ горскія племена.

Одинъ изъ такихъ благовѣстниковъ, жирный польскій панъ, былъ доставленъ Бибикову въ позднюю осень.

— Стало мнѣ извѣстно, началъ генераль, что вы распространяете извѣстія, въ справедливости которыхъ сами не увѣрены, и поясниль, какого рода извѣстія распространяетъ панъ.

— Это такъ—одни байки, в. в-ство, проговорилъ панъ, не подозрѣвая, что ждетъ его.—Говорятъ теперь много; одинъ другому передаютъ. И я, что слышалъ, разсказывалъ, а такъ-ли оно, почемъ мнѣ знать. Кто тамъ былъ, кто то можетъ знать? Такъ одни байки...

— То-то никто не былъ и не знаетъ. Вотъ я хочу, что-бы вы сами проѣхали въ Анапу и лично удостовѣрились, цѣла-ли она и что съ русскимъ гарнизономъ. Поѣзжайте. Вы будете имѣть провожатыхъ. А на обратномъ пути заѣзжайте мнѣ сказать, что вы тамъ найдете.

У генераль-губернаторскаго подъѣзда стояла тройка почтовыхъ лошадей. Два жандарма бережно усадили своего клиента и сами усѣлись. Умчался панъ съ будущими.

Не скоро онъ вернулся съ своими провожатыми въ Киевъ и отрапортовалъ Бибикову, что Анапа на мѣстѣ и гарнизонъ цѣлъ, а непріятеля нигдѣ не видно. Стоимость путевыхъ издержекъ взыскана потомъ съ виновника ложныхъ вѣстей.

5. *Патріотическій обѣдъ.* Въ тоже время, въ Киевѣ, въ Липкахъ, рядомъ почти съ домомъ генераль-губернатора жилъ богатый польскій помѣщикъ и домовладѣлецъ Н. Это была труба іерихонская. Никто скорѣе его не узнавалъ городскихъ и всякихъ новостей и никто быстрѣе ихъ не распространялъ—все по секрету да въ одиночку. Сталъ и онъ распускать, что русскія войска въ Венгріи терпятъ пораженія за пораженіями и что скоро Кошутъ будетъ въ Киевѣ... Приглашаетъ Бибиковъ болтливаго сосѣда.

— Я, говорить ему, слышалъ то-то и то-то.—Откуда вамъ извѣстно это?

— Извините, в. в-ство, зачастилъ изворотливый сосѣдъ.—Я тутъ ни при чемъ. Теперь много слуховъ. Всѣ говорятъ; говорилъ и я, что слышалъ. Но это только одни слухи,—такъ и передаются они. Откуда-же намъ имѣть вѣрныя свѣдѣнія?

— То-то вы не имъете вѣрныхъ свѣденій, а передаете. Я вотъ получаю иностранныя газеты (въ то время частныя лица почти не могли ими пользоваться), имъю свѣдѣнія и изъ другихъ вѣрныхъ источниковъ и могу увѣрить васъ, что все, обѣ чѣмъ у васъ толкуютъ, совершенная ложь.

Сосѣдъ сталъ вторить Бибикову, заявлять, что только его свѣдѣнія вѣрны. Тотъ перебилъ его слѣдующими неожиданными словами:

— Я не хочу съ вами ссориться; полагаю, что и вы этого не желаете. Надо это дѣло поправить, загладить. Я укажу вамъ спосѣбъ, который, надѣюсь, будетъ согласенъ съ тѣмъ, что вы сами сейчасъ говорили о переданныхъ вами невѣрныхъ извѣстіяхъ и вашихъ патріотическихъ чувствахъ. Вотъ что рекомендую вамъ сдѣлать. Завтра, послѣ завтра устройте вы у себя обѣдъ,—хорошій обѣдъ,—понимаете? Пригласите на этотъ обѣдъ всѣхъ тѣхъ вашихъ знакомыхъ, которымъ вы передавали невѣрныя извѣстія (имена ихъ мнѣ въ подробности извѣстны). Тутъ вы имъ скажите, что все дескать, что вы слышали отъ меня, я вамъ наѣралъ, что вотъ генералъ-губернаторъ, у котораго я былъ, получаетъ... Я васъ уполномочиваю передать имъ все, что вы слышали отъ меня, и тѣ вѣрныя свѣдѣнія обѣ одержанныхъ нашими войсками побѣдахъ, которая я вамъ передаляр. Надѣюсь, что вы при этомъ выражите вашимъ пріятелямъ ваши патріотическія чувствованія, въ которыхъ вы и меня такъ многоувѣряли, провозгласите тостъ за здоровье государя императора, за успѣхи и славу русскаго оружія. Этимъ вы изгладите то непріятное и—прибавлю—для васъ не безопасное впечатлѣніе, которое вы навлекли на себя распускаемыми вами ложными извѣстіями. А для порядка и чтобы я могъ знать, въ какой степени будетъ исполнено вами мое предложеніе, пригласите къ обѣду Голядкина (сосѣдъ вытянулся), да вотъ моихъ адъютантовъ (онъ мотнулъ головой въ знакъ согласія). Я имъ передамъ ваше приглашеніе... Прощайте.

Сосѣдъ выскочилъ, какъ ошпареный. Онъ понималъ всю гнусность предстоящаго ему положенія, но зналъ, что Бибиковъ шутить не любить и что малѣйшее отступленіе отъ начертанной имъ программы поведеть къ весьма серьезному послѣдствіямъ. Онъ бѣгалъ, какъ угорѣлый, торопясь устройствомъ патріотического обѣда,

составлялъ *тени*, закупалъ дорогія вина, разсыпалъ приглашенія знакомымъ, припоминалъ всѣхъ, съ кѣмъ вель политическіе разговоры, а передъ всѣмъ, лично и въ изысканныхъ фразахъ, пригласилъ Голядкина и адъютантовъ Бибикова. Обѣдъ вышелъ на славу. Прозвглажали тосты, пѣли: Боже царя храни, или шампанское, кричали: ура! На другой день въ урочный часъ Голядкинъ доложилъ, что все исполнено въ точности.

7. *Быстрая постройка православной церкви по мѣщанину.* До 50-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія православные сельские храмы на всемъ пространствѣ юго-западнаго края представляли собою самый жалкий видъ убожества, тѣсноты, ветхости и разрушенія. Построенные въ большей части въ періодъ послѣдняго передвиженія здѣсь населенія, но когда этотъ край не имѣлъ еще никакихъ задатковъ политическаго спокойствія, а находился долгое время въ состояніи броженія, устроенные всюду почти вновь поселившимися и, естественно, бѣдными людьми, неувѣренными, долго-ли имъ придется жить на вновь избранныхъ мѣстахъ, церкви эти представляли собою видъ временныхъ какъ-бы шалашей, или амбаровъ, вместимость которыхъ разсчитана была лишь по числу первыхъ поселенцевъ, а внутрення и наружная укашенія по ихъ скучнымъ средствамъ. Съ присоединенiemъ края къ Россіи и съ во-дворенiemъ наружнаго спокойствія, развившееся быстро закрѣпо-щеніе и полная эксплоатациѣ крестьянскаго труда, доводила право-славное сельское населеніе до крайняго обѣдненія, а населеніе ро-сло, церкви ветшали и нечѣмъ было ихъ ни поддержать, ни раз-ширить, ни украсить. Между тѣмъ рядомъ съ ними, а иногда и въ замѣнѣ ихъ, возвышались богатые и пышные каменные костелы, построенные на счетъ доходовъ отъ того-же крестьянскаго труда, нерѣдко для надобностей одного лишь дѣдича и его дворни, а иногда и просто для цѣлей пропаганды въ томъ разсчетѣ, что на-божный православный крестьянинъ, при неимѣніи церкви, или ея крайней ветхости и тѣснотѣ, по неволѣ пойдетъ въ костель. Та-кое печальное положеніе православнаго населенія юго-западнаго края, относительно удовлетворенія духовныхъ его нуждъ, не ус-кользнуло отъ вниманія императора Николая Павловича и еще въ 1833 г., въ слѣдъ за окончаніемъ первого повстанья, онъ выразилъ (не помнимъ, въ видѣ-ли манифеста, указа или въ иной формѣ) свою

волю и надежду, что помѣщики этого (какъ и съверо-западнаго) края добровольно порадѣютъ о томъ, что бы подвластные имъ православные крестьяне не оставались безъ удовлетворенія въ одной изъ существенныхъ своихъ потребностей, и приложатъ свои заботы къ постройкѣ новыхъ для нихъ церквей, гдѣ таковыхъ вовсе нѣтъ, и починкѣ старыхъ и обветшавшихъ. Казалось, простое чувство справедливости подскажетъ всякому помѣщику, хотя и иновѣрцу, что если онъ пользуется до пресыщенія всѣми плодами трудовъ крестьянина, то онъ же обязанъ удовлетворить его, по крайней мѣрѣ, въ главномъ и существенномъ и, оставляя ему кое-какія крохи для поддержанія его физической жизни, не долженъ тѣмъ болѣе забывать о духовныхъ его потребностяхъ. Но и эта великодушная воля Государя, разсчитывавшаго на благородство польского дворянства, не привела ни къ чemu, и къ 50-мъ годамъ православные сельскіе храмы пришли еще въ большее обветшаніе, а по мѣстамъ и вовсе разрушились. Бибиковъ, часто обѣзжавшій вѣренный ему край, видя безпомощность въ этомъ отношеніи православныхъ приходовъ и зная объ объявленномъ когда-то Высочайшемъ желаніи, предварительно затребовалъ свѣдѣнія о томъ, кто изъ помѣщиковъ юго-западнаго края, ревниуя исполнить волю Государя, въ теченіи долгаго, около 20 лѣтъ, промежутка времени, успѣлъ построить вновь, или починить обветшавшую православную церковь. Оказалось, что никто не ревновалъ обѣзтомъ и что если гдѣ-либо, подъ вліяніемъ первыхъ минутъ страха, и были начаты такія постройки, то скоро все забыто и выведенныя до половины или болѣе стѣны подвергались полному разрушенню. Послѣдовалъ поэтому новый Высочайший указъ 1851 г., которымъ повелѣвалось: во 1-хъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было православное населеніе и не было вовсе православной церкви, но былъ хороший костель,—костель обращать въ церковь, при отказѣ помѣщика построить каменную православную церковь, и во 2-хъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуютъ костель и церковь, но костель находится въ хорошемъ, а церковь въ обветшаломъ видѣ, при отказѣ помѣщика починить или перестроить церковь, либо построить въ замѣнѣ старой новую, костель также обращать въ церковь. До обращенія костеловъ въ православныи церкви нигдѣ, положимъ, дѣло не дошло, но много въ короткое время было починено и даже вновь построено на счетъ помѣщи-

ковъ церквей. Помѣщики пускались при этомъ на всевозможные извороты и оттяжки, но энергический начальникъ края въ крайнихъ случаяхъ примѣнялъ и крайнія мѣры. Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ.

Въ м. Л—кѣ (кіевской губерніи) проживала богатая вдова, польская помѣщица. Это былъ именно тотъ пунктъ, гдѣ, какъ известно, гайдамаки, во время Коліївщины 1768 г. повѣсили на костелъ ксендза, жида и собаку съ подписью: „ксендзъ, жиць та собака, то все віра единака“. Знала-ли объ этомъ пани, или нѣтъ, только она ни за что не хотѣла исполнить Высочайшій указъ и настоятельное требование мѣстныхъ властей относительно постройки въ Л—кѣ каменной православной церкви. Она выгоняла изъ дома всякаго, кто осмѣшивался предложить ей такое требование. Когда объ этомъ стало известно Бибикову, онъ отправилъ къ ней своего адъютанта съ особымъ порученіемъ — поселиться въ домѣ несговорчивой пани и не оставлять его до тѣхъ поръ, пока постройка церкви не будетъ выведена до оконъ. Ловкій адъютантъ придумалъ какой-то посторонній предлогъ для посѣщенія дома сіятельной владѣтельницы. Та приняла его радушно и поселила его чуть-ли не рядомъ съ своими апартаментами. Обезпечивъ себя въ помѣщеніи и продовольствіи, адъютантъ приступилъ наконецъ къ дѣлу и объявилъ данный ему приказъ. Помѣщица вышла изъ себя, пускалась на всевозможныя хитрости и прижимки; но твердый адъютантъ все вынесъ и оставилъ ея палацъ лишь тогда, когда стѣны церкви на нѣсколько аршинъ были выведены изъ земли. На бѣду православной Л—ки, Бибиковъ вскорѣ оставилъ край и не скоро постройка церкви, начатая столь быстро, приведена была къ концу, не безъ особыхъ усилій и жертвъ мѣстнаго священника Ковальского.

Таковы были тѣ *argumenta ad hominem*, которыя употреблялъ Бибиковъ для выполненія своихъ распоряженій. Какие либо коментаріи къ нимъ излишни. Тутъ живой Бибиковъ предъ нами и ярко рисуется его время и режимъ. Не касаясь внутренней стороны тѣхъ мѣръ, къ какимъ прибѣгалъ изобрѣтательный умъ его, скажемъ только, что, по свидѣтельству живущихъ еще многихъ сотрудниковъ Бибикова, эти мѣры были вполнѣ дѣйствительны и всегда вели къ желанной цѣли. Были мѣры номеромъ выше, каковы: заклю-

ченіе въ крѣпость, высылка въ отдаленный губерніи и конфискація имѣній, но онъ практиковались исключительно въ дѣлахъ по политическимъ преступленіямъ. Эти-то мѣры, а также рѣзкое и пренебрежительное обращеніе Бибикова съ титулованнымъ дворянствомъ, вызывали тѣ ожесточенные на него нападки, которые громко раздавались на мѣстѣ и особенно въ заграничной печати. Но чтобы понять относительную, во всякомъ случаѣ, ихъ справедливость, надо знать и тогдашнюю титулованную шляхту, самодурствовавшую не только въ области политическихъ мечтаній и рабовладѣльческихъ институтовъ, но даже въ кругу семейныхъ отношеній. Для характеристики этихъ послѣднихъ довольно было бы вспомнить еще не забытую многими исторію одного изъ Потоцкихъ, его обращеніе съ третьею женою, урожденною Швейковскою, и злополучнымъ сыномъ отъ этого брака, принятіе имъ православія и долгое странствованіе по *внутреннимъ* губерніямъ и за границей; но это завлекло бы насъ далеко и заставило бы измѣнить намѣченныя нами рамки нашего бѣлага очерка.

По словамъ лицъ, близко знавшихъ Димитрія Гавриловича, этотъ прославленный варваръ и деспотъ отличался самимъ возвышеннымъ образомъ мыслей, рѣдкимъ благородствомъ души, добро-тою и обходительностію въ частномъ быту и особымъ сочувствіемъ къ воспитывающему юношеству. Мотивы чести, въ томъ видѣ, въ которомъ она понималась тогда, какъ принадлежность известнаго сословія, преобладали въ немъ, кажется, надъ всѣми другими. На эту струну дѣйствовалъ онъ въ своихъ отношеніяхъ служебныхъ, ее же въ особенности онъ трогалъ въ учащемся юношествѣ. Извѣстно, что онъ нѣсколько лѣтъ состоялъ въ званіи попечителя кievскаго учебнаго округа. Не ему принадлежитъ введеніе розогъ въ старшихъ классахъ гимназій и не скоро онъ согласился на допущеніе этой крайней и тогда мѣры. Университетъ занималъ его болѣе, чѣмъ гимназіи, и ему посвящалъ онъ не мало времени и заботъ. Науки, конечно, онъ не касался; главное вниманіе его устремлено было на вдовореніе въ студенчествѣ вѣрноподданническаго духа, порядка, субординаціи и дисциплины, но вмѣстѣ и на пробужденіе въ немъ чувства чести, собственного достоинства и отчасти любви къ занятіямъ. Студенты нерѣдко дебоширили; онъ созывалъ ихъ, говорилъ имъ рѣчи, не во всемъ пристойныя, дѣлалъ строгія вну-

шенія, но всегда биль на струны долга, чести и достоинства. Студентовъ хорошихъ фамилій онъ приглашаль на свои вечера и держаль себя съ ними просто. Во время одного изъ такихъ вечеровъ внезапно явился инспекторъ университета съ эыстреннымъ докладомъ о необходимости обыска у одного изъ студентовъ, подозрѣваемыхъ въ преступныхъ политическихъ сношеніяхъ. Бывшій на ту пору въ числѣ гостей студентъ Р—чъ какимъ-то способомъ проѣдалъ о содержаніи доклада; пользуясь многолюдствомъ собранія, онъ не замѣтно вышелъ изъ залы, предупредилъ подозрѣваемаго, а можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ виновнаго товарища и, также не замѣтно возвратившись въ залу, по прежнему принялъ участіе въ танцахъ. Обыскъ не далъ никакихъ результатовъ; но сообразительный Бибиковъ догадался, чья это работа, и на другой же день потребовалъ Р—ча къ себѣ...

— Скажите, спросилъ онъ его, вы предупредили Н объ обыскѣ?

— Нѣть, отвѣчалъ тотъ твердо и смѣло.

— Я васъ спрашиваю, продолжалъ Бибиковъ, не какъ генераль-губернаторъ или попечитель и не какъ студента, но какъ дворянинъ дворянина, и при этомъ впился въ него своими умными и выразительными глазами.

— Да, предупредилъ, отвѣчалъ Р—чъ столь-же твердо и рѣшительно.

— Съ удовольствиемъ могу подать руку честному дворянину, закончилъ грозный генераль-попечитель, и не только подалъ и пожалъ руку виновному, но прекратилъ всякое дальнѣйшее объясненіе по этому предмету.

Бибиковъ отличался прямотою, находчивостію и быстротою соображенія, и, понятно, любилъ эти качества въ другихъ. Извѣстно, какъ строго онъ требовалъ застегиванія на всѣ пуговицы отъ тѣхъ, кто носилъ форменное платье. Былъ случай, что студентъ, встрѣченный имъ гдѣ-то за городомъ въ разстегнутомъ сюртукѣ, былъ исключенъ, хотя, говорягъ, страдалъ грудью и при встрѣчѣ съ Бибиковымъ занимался собираніемъ растеній для гербарія. Прямота и находчивость спасала и въ такихъ случаяхъ, обезоруживая грознаго и непреклоннаго Бибикова. Разъ въ самомъ городѣ, близъ университета, онъ встрѣтилъ студента не застегнутаго на пѣсколько пуговицъ. Студентъ спохватился, когда увидѣлъ Бибикова предъ собою.

— Куда идете? — грозно спросилъ Бибиковъ.

— Вѣроятно, въ карцеръ в. в-ство, — отвѣчалъ студентъ, взглянувъ на не застегнутыя пуговицы.

— Ну, ступайте, ступайте, съ улыбкой отвѣчалъ Бибиковъ и пропустилъ попавшагося, которому безъ этого никакъ-бы не сдѣлать.

Въ одну изъ поѣздокъ по кievской губерніи свита его отстала отъ него далеко, а предпестровавшаго ему становаго онъ услалъ за чѣмъ-то въ сторону. Одинъ, безъ всякихъ провожатыхъ, подка-тилъ онъ къ становой квартирѣ въ м. Шполѣ. Тамъ пыхтѣлъ надъ бумагами, спины не разгибая, помощникъ становаго въ разстегну-томъ мундирѣ. День былъ жаркій, работа спѣшная; мелкій поли-цейскій чинъ такъ погрузился въ бумаги, что совсѣмъ забылъ объ ожидаемомъ прїѣздѣ грознаго начальника и только по временамъ локтемъ отгонялъ отъ себя докучливыхъ мухъ. Вдругъ послышался глухой стукъ подъѣзжавшаго по пыльной и навозной улицѣ эки-пажа. Не успѣлъ онъ схватиться съ мѣста, подбѣжать къ окну и повернуться отъ него, какъ предъ нимъ показался Бибиковъ. Гот-овилась грозная сцена; но чиновникъ не растерялся.

— Это что? — спросилъ рѣзко Бибиковъ, указывая пальцемъ на раз-стегнутый мундиръ. Но чиновникъ, какъ-бы не слыша и не замѣ-чая ничего, нѣсколько выпрямившись, съ достоинствомъ, въ свою очередь спросилъ:

— Что вамъ угодно?

— Это что? — еще рѣзче повторилъ Бибиковъ. Но вошедшій въ быстро намѣченную роль полицейскій чинъ опять перебилъ его во-просомъ:

— Да позвольте знать, кто вы и что вамъ здѣсь нужно?

Остановленный вопросомъ, котораго никакъ не ждалъ, Биби-ковъ чуть не крикнулъ:

— Да вы что здѣсь? — Но чиновникъ съ достоинствомъ отвѣчалъ:

— Помощникъ становаго пристава; въ отсутствіи его исправляю его обязанности и, если вамъ что...

Едва замѣтная улыбка мелькнула на лицѣ Бибикова. Не пе-ремѣнная тона, онъ спросилъ:

— Вы кого ждете сегодня?

— Сегодня проѣзжаѣтъ здѣсь генераль-губернаторъ.

— Вы видали его?

- Не имѣлъ удовольствія.
- Но вы знаете, слышали, каковъ онъ?
- Слышалъ, что у него одна только рука...

Бибиковъ откинулся на бѣломъ кителѣ и показался пустой пристегнутый рукавъ. Полицейскій чинъ мгновенно вытянулся въ струнку и быстро застегивая мундиръ, отчеканилъ:

- Имѣю честь представиться...
- Молодецъ, проговорилъ, улыбаясь, Бибиковъ и спустя нѣсколько дней повысилъ его рангомъ.

Кромѣ приведенныхъ нами, существуетъ много другихъ рассказовъ о дѣятельности Д. Г. Бибикова по управлению юго-западнымъ краемъ. Всѣхъ ихъ не перечесть, тѣмъ болѣе не передать въ одинъ разъ; но всѣ они своей массой свидѣтельствуютъ о его замѣчательномъ умѣ, несокрушимой энергіи и глубоко-патріотическомъ направлении. Недостатки его режима очевидны; они общи тому времени. Труднѣе судить о благодѣтельныхъ его послѣдствіяхъ; но онъ также несомнѣнны и для наблюденія внимательного ясны и понятны. Нельзя лучше характеризовать его дѣятельности въ нашемъ краѣ, какъ его-же слѣдующими словами, сказанными на прощанье дворянству трехъ губерній¹⁾: „Популярности я не искалъ, любви отъ васъ не имѣю, но—уваженія надѣюсь. Позднѣйшія поколѣнія вспомнятъ мою службу въ этомъ краѣ“.

¹⁾ См. «Кiev. Стар.», іюнь, стр. 535.

ЮЖНО-РУССКАЯ ПѢСНЯ

О СОБЫТИИ XI-го ВѢКА.

(П. И. Ревякину на память).

I.

Въ 1874 и 75 г. вышли въ свѣтъ два выпуска „историческихъ пѣсень малорусского народа“ съ объясненіями Вл. Антоновича и М. Драгоманова. Сборникъ этотъ былъ сочувственно встрѣченъ какъ русскою, такъ и иностранною литературою. По словамъ Н. И. Костомарова, это была „первая, сообразно современнымъ требованіямъ науки, правильно поставленная попытка ученаго изданія памятниковъ малорусской поэзіи“. „Трудъ этотъ, говоритъ г. Веселовскій, будетъ капитальнымъ вкладомъ въ науку о южно-русской народной поэзіи“. Такой-же весьма благопріятный отзывъ данъ былъ и проф. Котляревскимъ въ отчетѣ о книгахъ, удостоенныхъ Уваровской преміи.

Вмѣстѣ съ достоинствами труда указаны были и его недостатки. Г. Веселовскій въ своей рецензіи (Спб. Вѣдомости, 1874 г., № 278) признаетъ, что терминъ „исторический“ понимается издателями нѣсколько шире, чѣмъ принято это обыкновенно, по крайней мѣрѣ, на Западѣ. Исторического характера за многими колядками и щедрівками, причисленными издателями къ отдѣлу пѣсень вѣка дружинного и княжескаго, г. Веселовскій не признаетъ—также точно, какъ и за нѣкоторыми балладами, внесенными въ этотъ отдѣлъ, но специальнѣ не принадлежащими Малороссіи. Легенду о Золотыхъ Воротахъ онъ считаетъ варіантомъ отреченаго греческаго сказанія.

Н. И. Костомаровъ въ статьѣ своей „Историческая поэзія и новые ея материалы“ (Вѣстникъ Европы, декабрь, 1874 г.), въ противность г. Веселовскому, полагаетъ, что гг. издатели еще недостаточно широко понимаютъ слово „исторический“ по отношенію къ памятникамъ народнаго творчества. За пѣснями, причисленными къ вѣку дружинному и княжескому, Н. И. признаетъ характеръ „историческихъ“ пѣсень въ обширномъ смыслѣ слова, но отрицаєтъ толкованіе гг. издателей о собственныхъ именахъ, встрѣчающихся въ этихъ пѣсняхъ (Ивана Берладника, Даніила Галицкаго, Романа Мстиславича). „Въ числѣ пѣсень, отнесеныхъ къ разряду пѣсень дружинного и княжескаго вѣка, говорить г. Костомаровъ, нѣть ни одной, о которой можно было бы сказать положительно, что она относится къ такому-то лицу или такому-то событию, извѣстнымъ по лѣтописи“. Признавая заслугу гг. издателей между прочимъ и въ томъ, что они правильно замѣтили поддѣльность многихъ мнимо-народныхъ произведеній, г. Костомаровъ полагаетъ, что подробныя черты этой поддѣльности въ сборнике не приведены, да кромѣ того сборникъ не остался все-таки безъ вторженія псевдо-народныхъ элементовъ, чemu указаны и примѣры.

Не подлежитъ сомнѣнію и никѣмъ изъ свѣдущихъ людей не отрицается, что въ изданныхъ до сихъ поръ материалахъ южно-русского народнаго творчества оказалось весьма много историческихъ чертъ древняго періода жизни русскаго народа (понимая слово исторический въ обширномъ смыслѣ слова). Но до сихъ поръ не найдено ни одной пѣсни, пріуроченной къ извѣстному лицу или извѣстному событию, занесенному въ нашу русскую лѣтопись. Всѣ попытки комментаторовъ отнести ту или другую пѣсню къ какому-либо лицу или событию древняго періода русской жизни разбиты солидною критикою. Или комментаторы ошибаются въ самомъ толкованіи, принимая нарицательные имена за собственные (что и указано вышеупомянутыми рецензіями), или пѣсня представляетъ пересказъ мистической легенды (легенда и пѣсня о Золотыхъ Воротахъ, по разясненію г. Веселовскаго), или-же, наконецъ, пѣсня оказывается подложною. Такъ знаменитая дума о походѣ князя-язычника на Царьградъ, дума, съ которой такъ долго носились наши этнографы, оказывается поддѣльною (послѣ изслѣдованій Н. И. Костомарова). Отсутствіе слѣдовъ богатырскаго эпоса въ южно-

русской поэзія въ былое время возбудило сомнѣніе въ томъ, дѣйствительно ли древнія южно-русскія племена, пересчитанныя въ лѣтописи—предки теперешняго малорусскаго народа. Явилось даже предположеніе, что древность пребыванія въ приднѣпровыи теперешняго южно-русскаго племени не восходитъ далѣе XIV вѣка. На это возражали, что слѣды древняго періода исчезли вслѣдствіе сильнаго вліянія на народную память эпохи козацкихъ движеній, столь обильной фактами народной политической жизни. Правда, что послѣ изслѣдованій г. Стасова, поколебавшихъ русскую историческую основу богатырскаго эпоса, вопросъ этотъ потерялъ всю свою прежнюю остроту. „При болѣе глубокомъ изученіи народныхъ памятниковъ, говоритъ Н. И. Костомаровъ, окажется, что если въ малорусской народной поэзіи нѣть тѣхъ полу-сказокъ, полу-пѣсень, которыя называются въ великорусской поэзіи билинами, за то слѣды давней жизни очень ощутительны въ народныхъ пѣсняхъ“. Это не подлежитъ никакому сомнѣнію, и г. Костомаровъ въ той-же своей статьѣ представилъ перечень бытовыхъ чертъ дружиннаго и княжескаго вѣка, извлеченныхъ изъ обнародованнаго уже материала. Слѣдовательно, не подлежитъ также никакому сомнѣнію, что если народный эпосъ сохранилъ такие живые и ясные слѣды быта древней дружинно-вѣчевой эпохи, то предки этого народа органически пережили этотъ историческій періодъ и черты его отразили въ созданныхъ ими пѣсняхъ.

Тѣмъ не менѣе древность пребыванія теперешняго южно-русскаго населенія именно *въ земляхъ полянъ*, какъ центръ древняго періода русской исторіи, ничѣмъ не доказана со стороны южно-русскаго народного эпоса. При такомъ обиліи изданнаго материала *неужели не найдется въ народной памяти никакого слѣда о событияхъ древняго періода, неужели не отыщется ни одной пѣсни, пріуроченной къ какому-либо факту XI или XII вѣка, имѣвшему мѣсто именно на территории древнихъ полянъ?* Настоящая статья представляетъ собою попытку разрешить этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ.

II.

Народный эпосъ—драгоценный материалъ для человѣка, изучающаго народную жизнь вообще и прошлыхъ черты этой жизни въ

частности. Драгоцененъ онъ главнымъ образомъ потому, что имѣеть въ себѣ много жизненности, свѣжести, нешоддѣльности. Изслѣдователь отрывается отъ сухихъ, часто совершенно безцвѣтныхъ письменныхъ историческихъ памятниковъ и стряхиваетъ архивную пыль среди безхитростныхъ и наивныхъ произведеній народной музы. Изучая въ письменныхъ историческихъ памятникахъ виѣшнія, болѣе или менѣе громкія проявленія народной дѣятельности, онъ очень рѣдко встрѣчается съ трудно-уловимымъ обликомъ самого народа, особенно въ томъ случаѣ, когда народъ этотъ имѣеть весьма мало развитыя формы политической жизни. Только въ словесныхъ памятникахъ народного творчества онъ сталкивается лицомъ къ лицу съ мыслью и чувствомъ самого народа. Только здѣсь онъ можетъ подслушать импульсъ народной жизни, только здѣсь получить онъ ту силу, которая одушевитъ задуманный или исполненный имъ трудъ. Не „красивою иллюстрацію“ послужатъ бытовыя пѣсни русского народа для будущаго талантливаго бытописателя, какъ полагаетъ г. Веселовскій, а источникомъ и притомъ не только „надежнымъ“, но существеннымъ и, смыло можно сказать, самымъ главнымъ.

Слово „исторический“—весьма упругое слово и многими понимается различно. По отношенію къ памятникамъ народной поэзии оно совершенно ясно опредѣлено г. Костомаровымъ. „Считать между историческими пѣснями, говорить достоуважаемый ученый, слѣдуетъ всѣ тѣ пѣсни, где выражается движение народной жизни въ какой-бы то ни было вѣтви ея“. Съ этой точки зрѣнія, признавая взглядъ гг. издателей на слово „историческая пѣсня“ большимъ шагомъ впередъ („въ исторической пѣсни отражаются измѣненія общественного строя народа“), г. Костомаровъ дѣлаетъ имъ укоръ въ неполнотѣ ихъ сборника, указывая, что они, въ силу своего опредѣленія, должны были выбросить изъ сборника пѣсни со слѣдами древняго язычества и слѣдовательно несомнѣнно исторического (въ общемъ смыслѣ) характера. Позволяю себѣ только замѣтить, что сборникъ, надлежаще систематизированный на основаніи вышесказанного опредѣленія границъ историческихъ пѣсень,— это такая грандиозная работа, которая по силамъ только цѣлой группѣ ученыхъ, стоящихъ во всеоружіи современного народознанія.

Собиратели пѣсень—это работники, подготовляющіе материалъ. Многіе изъ нихъ, не лишенные серьезнаго исторического образо-

ванія, искушаются заманчивостью изслѣдованія и комментируютъ свои собранія, стараясь определить періодъ, къ которому относится пѣсня, и сличая ее съ письменными источниками или съ историческими легендами. Конечно, часто дѣлаются ошибки и промахи, но вмѣстѣ съ тѣмъ часто попадаются и цѣнныя сближенія, которые вовсе не лишни будуть настоящему, вооруженному надлежащею научною силою, изслѣдователю.

Нечего здѣсь говорить о томъ, какую огромную услугу исторической наукѣ оказали изслѣдованія сказокъ, народныхъ легендъ и историческихъ пѣсень. Сравнительное изученіе народнаго эпоса представителями науки дало богатые результаты, измѣнило взглядъ на имѣвшіяся уже историческія легенды и выяснило темныя, первыя, страницы народной жизни.

Дѣло надлежащаго изслѣдованія произведеній народнаго творчества—дѣло весьма трудное. Ученый изслѣдователь, подобно геологу, съ большою осторожностью и вниманіемъ счищаетъ съ какой-либо пѣсни или легенды постепенные наслоенія, открываетъ болѣе древнія формы и наконецъ, путемъ сравнительного изученія, дѣлаетъ надлежащей выводъ и придаетъ извлеченному материалу надлежащее значеніе.

Но собранный и представленный ему материалъ часто (или, лучше сказать, почти всегда) теряетъ ту почву, на которой онъ собранъ, тѣ, хотя и второстепенныя, но весьма важныя условія, среди которыхъ онъ записанъ. Расказчикъ или пѣвецъ сопровождаетъ легенду или пѣсню какими-либо замѣчаніями, приводитъ слова какой-либо другой пѣсни или легенды и т. д. Часто одно слово, одинъ намекъ освѣщаетъ сразу смыслъ и историческое значеніе памятника, наводитъ на сближенія нежданныя и негаданныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ надлежащія и необходимыя. Правда, черезчуръ рѣзные изслѣдователи увлекаются, Богъ знаетъ куда, и часто въ обыкновенной бытовой пѣснѣ усматриваютъ ошибочно слѣды какого-нибудь исторического факта. Это вовсе не бѣда. Опытный знатокъ дѣла въ послѣдствіи укажетъ ошибку. За то сколько драгоценныхъ находокъ остаются не разгаданными, именно благодаря тому, что собиратели изъ первыхъ рукъ ограничиваются только одною записью рассказанного или пропѣтаго, не обращая вниманія на окружающія условія.

Въ былое время я принадлежалъ къ числу такихъ работниковъ-собирателей. Записывая изъ народныхъ усть сказки, пѣсни и легенды, я, въ бытность свою въ Кіевѣ, началъ вмѣстѣ съ И. П. Новицкимъ, у которого имѣлись богатые собранные имъ материаляы, подготовительные работы къ составленію сборника южно-русскихъ пѣсень¹⁾). Обладая такимъ значительнымъ материаломъ и по возможности относясь къ дѣлу научно, мы, конечно, не могли не искуститься и пустились въ комментаріи и сравнительное изученіе. Возвращаясь съ этнографическимъ богатствомъ, добытымъ среди народа, мы сличали его съ экземплярами нашей коллекціи и съ замираніемъ сердца ожидали-бывало какихъ-либо новыхъ заманчивыхъ сближеній и слѣдовъ. То было счастливое время золотой молодости и рѣяной увлекающей работы. Она — эта работа неопытныхъ этнографовъ въ богатой области южно-русского народного творчества — придавала силу и свѣжестъ научному труду и оставила у меня на всю жизнь неизгладимое впечатлѣніе.

Къ тому времени относится представляемая теперь счастливая находка. Говорю—счастливая, потому что слѣды древняго происхожденія пѣсни найдены были совершенно случайно, вслѣдствіе благопріятныхъ обстоятельствъ. Я позволю себѣ разскказать весь процессъ этого случайного изслѣдованія, такъ какъ разсказъ будетъ подтверждениемъ высказанной мною мысли: какъ важно для кабинетныхъ работъ сохраненіе тѣхъ иногда весьма мелкихъ условій, при которыхъ материалъ записывается работникомъ-собирателемъ.

III.

Многоуважаемый мой старый знакомый, Петръ Ивановичъ Ревакинъ въ былое время представилъ читающей публикѣ нѣсколько весьма интересныхъ и талантливо написанныхъ этюдовъ по южно-

¹⁾ Со всѣхъ сторонъ южного края въ наши руки стали стекаться этнографические материалы, которыми постепенно обогащалось наше собраніе. По обстоятельствамъ я долженъ былъ оставить родину, а слѣдовательно и лишиться этнографической почвы. Имѣвшійся материалъ (за весьма немногими исключеніями) переписанъ былъ въ двухъ экземплярахъ и, какъ мы извѣстно, многіе номера изъ предполагавшагося сборника доставлены были г. Новицкимъ гг. профессорамъ взявшимся за обработку южно-русскихъ пѣсень.

русской этнографії. Его „*сближенія и слѣды*“ печатались въ „*Основѣ*“ (Невро-Литвины, Тарпаны, Лыцарі-невмираки, Баба Прокоп-чиха). Живя въ своей „*Волчьей Долинѣ*“, не далеко отъ Бѣлой церкви (кіевской губерніи), онъ приучилъ къ себѣ этнографическое сокровище—одноглазаго діда Омелька и въ его поэтическихъ разсказахъ отыскивалъ черты древнѣйшихъ легендъ и суевѣрій.

Послѣ прекращенія „*Основы*,“ П. И. пріютилъ свои „*сближенія*“ въ изданіи весьма скромномъ и бібліографически-рѣдкомъ—„*Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ*“, редакторомъ которыхъ я имѣлъ честь состоять въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ 1863 года. Одно изъ этихъ изслѣдованій П. И., именно „*сближеніе историческихъ показаній съ народною легendoю о древнемъ Торческѣ*“, оттиснутое мною въ видѣ отдельной брошюроки (которую едвали теперь можно гдѣ нибудь отыскать) имѣетъ непосредственное отношеніе къ предмету настоящей статьи.

П. И. въ 1862 г. посѣтилъ развалины Торча, древняго городка на р. Стугнѣ, и записалъ изъ усть селянина безъискусственную легенду, поразительно совпадающую съ лѣтописнымъ разсказомъ. Тамъ-же онъ получилъ въ подарокъ сокирку (топорикъ), найденную въ развалинахъ.

Извѣстно изъ лѣтописи, что турецко-татарское племя торковъ осѣлось въ приднѣпровыи и ославянилось. Во время расцрѣй между внуками Ярослава, половцы пошли войной на русскую землю и осадили Торческъ. Русскіе князья явились на помоіь торчанамъ.

Отмѣтимъ нѣсколько мѣстъ изъ лѣтописи.

Подъ 6601 г. (1093)... Придоша половци мкози и оступиша *Торційский градъ*... Володимеру пришедшю Кіеву, совокупистася у святаго Михаила и взяша межи собою распря и котора.... Святополкъ же и Володимеръ и Ростиславъ созваши дружину свою на совѣтъ, хотячи поступити черезъ рѣку, и начаша думати... *Побѣжъ Святополкъ. Побѣже и Володимеръ съ Ростиславомъ. Прибѣгоща къ рѣцѣ Стугне и вбреде Володимеръ съ Ростиславомъ, нача утопати Ростиславъ предъ очима Володимерима...* И утопе Ростиславъ, сынъ Всеволожъ (И. С. Р. Л. т. I. Лавр. лѣтопись стр. 93—94).

Половци пустиша по земли воюючи, а друзіи возвратишася къ *Торційскому*... Половцѣмъ-же осѣдящемъ Торційскому, противоя-

щимъ же ся Торицькомъ и крѣпко борющимся изъ града, убиваху многы отъ противныхъ; половци же начаша налагати и отгимаху воду и изнемогати начаша люди въ градѣ водною жажею и голодомъ. И прислаша торци къ Святополку, глаголюще: аще не пришлиши браина, предатися имамы. Святополкъ-же послал имъ и не бѣ лзъ окрастися въ градѣ, множествомъ вой ратныхъ... Изнемоготи люди въ градѣ гладомъ и предащася ратнымъ (П. С. Р. Л., Лавр. лѣтопись, т. I, стр. 93—96).

Послушаемъ теперь путеводителя П. И. Ревякина по развалинамъ Торческа-Корнія Валового.

„Винъ (городъ) ще за тихъ князьківъ, що колись-то князювали у Кыїві, Красному и Трышлі, тому може съ тысячу літъ е.... Кажуть городъ вельми сильный бувъ; непріятелю (городы тоді все ходили) не можна було єю добути. Якъ зачнутъ лізти на валы, то торчане давай на ихъ пущати колодками зъ валівъ: потовчувть, потовчувть ихъ добрѣ, а вони і одійдутъ знову у шаньці. Єго такъ хитрощами і узяли: воду одвернули съ Стуни да чумакомъ... Прійшли князьки на поміч торчанамъ, тай давай проміжъ себе колотитися та радитися. А орда, не думаючи, не радуючись, якъ кинецьки на ихъ, такъ усіхъ и потопила у Стугні.

Продолжаетъ не выдержаній характера Омелько.

„А все одь Торча не відступаютъ; обляли єю, щобъ вінъ не мавъ чого істти и пити; воду, виходить, одвернули, а сами узяли та зробили півторасца чумачихъ возівъ; у перви понакладали борошина, а у зостальнихъ қами залягли тай кажуть: се ми вамъ правлянть одъ помощи везено. Ті—мабуть у ночі діло було—и відчинили имъ браму. Такъ Торчъ ѹ узяли“.

П. И. Ревякинъ, въ концѣ своего замѣчательного сближенія, радуется тому, что *кашелъ настоящий Торческъ* и опровергъ мнѣніе Татищева, Карамзина, Фунду克莱 и др. о томъ, что древній Торческъ въ таращанскомъ уѣздѣ киевской губерніи (село Торчица).

Но это очень скромно. Легенда, имъ записанная на развалинахъ древняго города и столъ поразительно схожая съ лѣтописнымъ сказаниемъ, ясно доказываетъ древность южно-русскоаго населенія въ приднѣпровіи и, на ряду съ другими доказательствами, указанными г. Котляревскимъ въ статьѣ его: „Были-ли малоруссы исконными обитателями полянской земли, или пришли изъ-за Карпатъ

въ XIV вѣкѣ“ (Основа, октябрь, 1862 г.), опровергаетъ мнѣніе о южно-русской недавней колонизаціи въ страну поланъ-великоруссовъ.

Но и этого мало. Многоглаголаніе дивнаго Омелька (да живеть онъ еще многіе годы, или да будетъ надъ нимъ земля перомъ, если онъ уже удалился изъ юдоли плача), записанное ничего не пропускавшимъ П. И., даетъ теперь возможность опровергнуть эту вымыщенную колонизацію и слѣдами о событиї XI вѣка, *сохранившими въ южно-русской современной пѣсни*.

IV.

Пробѣгая вмѣстѣ съ П. И. его рукописи, я, съ его позволенія, выписалъ слѣдующую страницу изъ повѣстованій діда Омелька.

— „А ты бувъ на Торчѣ?“

— „Скілько разъ! Підъ нимъ ціла різа земли буде, и місце е, де стояла церква—теперь тільки яма. Сиділи діти надъ сею ямою—глядять—клубочокъ шовковый. Давай вони мотати, а церква выходитъ, выходитъ—вже и баню видно. Ажъ тутъ прибігла за ними матка. Що ви тутъ вражи діти робите?—Вона такъ знову й шурхнулась въ землю. Якъ поідемо, то все побачимо“.

„Ихъ, бачите, не можна було ніякимъ средствіемъ узяти. Отбивались було торчане колодами, пущаючи зъ валу та пращуючи. Чумакомъ узяли. Воды, спачицься, не було“.

— „Чумакомъ?“

— „Хтось выдумавъ: а давай, братці, спорядимъ півтори сотні возівъ, ніби хуру съ правъянтомъ веземо. Імъ й отворили браму, впустили въ кріпость, а тіи й взяли городъ. Такъ и теперъ співають“.

А зробимъ, братці, півтораста возовъ,

Да поідемо въ Азовъ.

Приходе купчина питає.

У нась, брате, товаръ дорогий.

— „Се, Омельяне, вже не до того, тутъ про Азовъ споминаецься, а не про Торчъ.“

— „А може Торчъ у старину и такъ звався. На що жъ мы называемо Одессу Одессою, колы вона настояще—Гаджубей. Може такъ и Торчъ звали колись Азовомъ. Давне діло.“

Въ 1865 году, въ одно изъ своихъ этнографическихъ блужданій, я попалъ въ жидовскую корчму и покоилъ свое измученное тѣло среди бебеховъ, оглушаемый крикомъ молящихся дѣтей Израиля (дѣло было подъ субботу). Пьяный солдатъ—хохоль, ввалившись въ корчму, заоралъ какую-то пѣсню. Я вынулъ тетрадку и, по обычаю, сталъ записывать. „Эй сдѣлаемъ, братці, сто пятьдесятъ возовъ, эй поѣдемъ братці въ Азовъ“. Даѣе слѣдовали обще-рussijskia ругательства, къ южно-русской этнографiи не относящіяся.

Мнѣ причудилось, что я гдѣ-то слышалъ начало этой чепухи. Въ Кieвѣ, разбирая всякую всячину, я случайно натолкнулся на Омельковъ разсказъ и на четыре строки Омельковой пѣсни. Пьяный солдатъ пѣлъ исковерканную пѣсню объ осадѣ Торческа и, подобно тому, какъ дiдь Омелько, по словамъ П. И Ревякина, послужилъ пружиною къ открытию древняго Торческа, жрецъ Марса споспѣствовалъ къ открытию пѣсни о событии XI-го вѣка.

Начались розыски въ нашей богатой коллекціи собранныхъ и записанныхъ пѣсень, и на свѣтъ Божій появилась слѣдующая пѣсня, записанная г. Ильницкимъ отъ Трофима Литвиненка въ селѣ Великая Снітинка (кіевской губерніи).

1. Ой що то за крячикъ, що по морі лїтає?
2. Що то за бурлакочъ, що все народъ збирає?
3. Ой крикнувъ-покрикнувъ сильно баgачъ молодый:
4. „Ой збрайтесь, хлоцці, а все народъ майстровый!
5. Гей зробімо, хлоцці, панове молодці, тай пiвтретяста во-
зovъ,—
6. Гей та купимъ мы, брацьці, панове молодці, тай пiвтретяста паръ воловъ.
7. Гей запряжемъ мы, брацьці, панове молодці, та въ тi но-
вi возы,
8. Ой та пiдемъ мы, брацьці, панове молодці, въ Кремень-
городъ на базарь,
9. Ой наберемъ мы, брацьці, панове молодці, а все дорогий
товаръ—
10. Все лысыці та куныці та чорнi соболя,
11. А будемъ мы преставлять ажъ у городъ Кышиневъ,
12. А зъ города Кишинева та привеземъ у Ростовъ.

13. Тай поставемъ мы, брацьці, панове молодці, та въ три
улиці рядомъ;
14. Ой та прійдуть къ намъ, брацьці, панове молодці, а три
купці молодихъ.
15. Вони въ насъ запитають, а що въ васъ за товаръ?
16. Эй, у насъ товаръ дорогий:
17. Все лысыці та куныці та чорні соболя,
18. А вы, купці-молодці, вы пріятелі мої,
19. Та постойте вы, чумаченьки, ажъ до завтрешняго дня,
20. А въ завтрешнему деньку мы въ васъ товаръ заберемъ.
21. И вамъ деньги покладемъ;
22. Та кому срібло, кому золото, кому сукна дорогі,
23. Ой а кому не достане, той тому будеть доволі.
24. Та продавайте, чумаченьки, сей товаръ дорогий,
25. А мы пойдемъ, бурлаченъки, по Ростову пройдемъ,
26. А щей бурлаченъки по Ростову не пройшли
27. А вже наши чумаченьки сорокъ возовъ продали.

Примѣчаніе пѣвца: „А вони це привезли у возахъ не товаръ, а козаківъ“.

Этотъ варіантъ Омельковой пѣсни, имѣя общую, формальную впрочемъ, черту съ легендой (товаръ на ста пятидесяти чумацкихъ возахъ: півтораста, півтретяста возовъ), могъ только дать слабое указаніе послѣднимъ примѣчаніемъ пѣвца о томъ, что козаки, запрятанные въ чумацкіе возы, обманомъ прошли въ какой-то городъ¹⁾). Омелько, дѣйствительно, могъ привлечь къ своей замѣчательной легендѣ, какъ-бы живьемъ взятой изъ лѣтописи, обрывокъ какой-то пѣсни ни къ селу, ни въ городу. Да и самое сказаніе о томъ, что городъ взяли чумакомъ, т. е. что въ возахъ, наполненныхъ брашномъ (борошномъ) и, будто-бы, посланныхъ русскими князьями для

¹⁾ Въ сборникѣ чумацкихъ пѣсень г. Рудченка, выпущенемъ въ свѣтъ уже въ 1874 году, напечатаны четыре варіанта нашей пѣсни. Въ текстѣ послѣдняго варіанта сказано:

Прииде до насъ славный купецъ молодый;
Эй що въ вашихъ возахъ та товаръ дорогий?
У насъ лисиці та куниці та чорні соболі.
Якъ откриє роїжсу, ажъ тамъ добрі молодці.

голодающихъ торчанъ, спрятались половцы и такимъ образомъ хитростью вошли въ городъ, — можетъ быть только фантастическимъ прибавлениемъ, не имѣющимъ исторического основанія. Вѣдь въ лѣтописи сказано только, что Святополкъ, по требованію торчанъ, послалъ имъ брашно (борошно въ разсказѣ Омельки), но „не бѣ лѣвъ вкраплился въ градъ“. „Людѣ въ градѣ изнемогоща гладомъ и предашася ратнымъ“. Но какимъ образомъ городъ былъ взятъ—хитростью или силою—въ лѣтописи ни слова. Да если-бы даже сказаніе Омелька о взятіи города чумакомъ и розыскалось въ лѣтописи, то невозможно было-бы доказать, что найденная пѣсня поеть именно про это событие. Ни одного собственнаго имени: не то что слѣва—половецъ, торчанинъ, но нѣтъ даже слѣва орда, татары. Можно было-бы предположить, что древнее имя „половцы“ могло замѣниться новымъ, болѣе памятнымъ для южнорусса — татары. Пѣсня представляеть собою чумацкую пѣсню, и даже не совсѣмъ обыкновенную, а достаточно безсмысленную, очевидно искаженную.

Эта-та безсмысленность содержанія пѣсни и побудила настѣнно пуститься, не унывая, въ новые розыски.

Отысканъ быль новый варіантъ, записанный г. Косачемъ въ м. Василивщинѣ, васильковскаго уѣзда, кіевской губерніи.

1. Ой щожъ-то за кречеть,
2. Що по морю крякае?
3. Ой щожъ-то за бурлака,
4. Що молодцівъ збирае?
5. А збрайтесь, братъя,
6. А все народъ мастерной;
7. Ой зробимо, братъя,
8. Шівтораста сімъ возовъ,
9. Ой купимо, братъя,
10. Півтораста сімъ паръ воловъ.
11. И поставимо, братъя,
12. Шівтораста сімъ молодцовъ.
13. И поідемо, братъя,
14. У той городъ у Азовъ.
15. И станемо, братъя,
16. Ю(у)лицями у подовжъ.
17. Выйдутъ и къ намъ, братъя,

18. Превеликиі купці,
19. А питатимуть, братъя,
20. Що за товаръ у возахъ?
21. Охъ, у насъ товаръ, братъя,
22. Усе товаръ, товаръ дорогый:
23. Все куныци, лисици,
24. Та все чорны соболі...
25. А по завтрашнимъ, братъя,
26. Побачемо ще й сами.
27. Ой изъ вечора, братъя,
28. Орда городъ обняла,
29. А и къ півночи, братъя,
30. Орда въ городъ увійшла.
31. А и къ світові, братъя,
32. Волы й возы забрала.
33. Кому суконъ, кому злата,
34. Кому суконъ дорогихъ—
35. А которому недостача,
36. То туркенівъ молодихъ.

Вторая половина этого варианта въ высшей степени замѣчательна. Въ пѣснѣ является слово орда. „Горды тоді все ходили, говорилъ П. И. Ревякину Корній Валовый. „Орда потопила“ князей. „Орда, по словамъ Омелька, одбила провъянть“. Орда, по словамъ пѣсни, разбираетъ богатства, захваченные въ городѣ. Она облегаетъ городъ вечеромъ, входитъ въ городъ въ полночь („мабуть у ночі було діло“—говорить Омелько въ своей легендѣ), а утромъ грабить имущество гражданъ. Орда захватываетъ возы съ товаромъ. Разница со словами Омелька: Омелько и первый вариантъ говорятъ, что въ городъ вошли обманомъ, чего въ лѣтописи нѣть; второй вариантъ прямо говоритъ, что орда захватываетъ возы, что болѣе согласно съ лѣтописью, по которой Святополекъ не могъ доставить брашна осажденнымъ торчанамъ.

Если-бы какая-либо татарская орда въ болѣе позднее время захватила турецкій Азовъ и стала грабить турокъ и братъ въ плѣнъ турчанокъ, какимъ образомъ фактъ этотъ отразился-бы въ южно-русскомъ эпосѣ и на какомъ основанії? И почему воспоминаніе объ этомъ фактѣ сохранилось-бы именно въ пѣсняхъ, записанныхъ

или съышанныхъ только около Днѣпра (ибо, не смотря на тщательные розыски, вариантовъ изъ другихъ мѣстъ не оказалось) ¹⁾. Наконецъ драгоценны послѣдніе два стиха: кому не достаетъ суконъ и золота, тотъ уводитъ въ пленъ молодыхъ туркенівъ. Но моему убѣженію, это существительное женского рода отъ имени Торкъ, Торчинъ, Торчанинъ—*Торкеня* ²⁾ (и буква „у“ замѣнила букву „о“ позже, такъ какъ самое имя древнихъ торковъ исчезло изъ сознанія народнаго). „Половци-же, пріимше градъ, запалиша и огнемъ, люди раздѣлиша и ведоша въ вежь къ сердоболемъ своимъ и сродникомъ своимъ“, говорить лѣтописецъ. „Много роду христіянска стражюще: печальни, мучими, зимою оѣплыми, въ алчи и въ жажи и въ бѣдѣ опустнѣвшe лица, почернѣвшe тѣлесы; незнамою страною, языкомъ испаленымъ, нази ходящe и боси, ноги имущe сбодены тернемъ. Со слезами отвѣщеваху другъ къ другу, глаголюще: „азъ бѣхъ сего города“ и другія: „азъ сея вси“; тако съупрашаются со слезами, родъ свой повѣдающe и вздышющe... (Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. I, стр. 96).

Итакъ, изъ сопоставленія легенды Омелька, лѣтописнаго разсказа и двухъ приведенныхъ вариантовъ, я вывожу, что пѣсня наша—обломокъ исторической пѣсни о событияхъ XI вѣка.

Историческая пѣсни, въ тѣскомъ смыслѣ слова, о событияхъ древней русской истории и могутъ быть только обломками. Онѣ входятъ иногда какъ часть въ пѣсни козацкія, чумацкія, бурлацкія, рекрутскія и даже солдатскія. Чѣмъ менѣе историческихъ имёнъ, историческихъ чертъ въ такой пѣснѣ,—тѣмъ она достовѣрнѣе, если только можно разобрать ее путемъ сравнительнымъ, т. е. сличить съ лѣтописью, съ легендами, съ развалинами, какъ въ данномъ случаѣ. Пѣсни о древнихъ событияхъ, оказавшіяся подложными, и

¹⁾ Изъ четырехъ вариантовъ, сборника г. Рудченка, три тоже придаѣпровскіе (Жаботинъ, Васильковъ, Елисаветградъ); четвертый, сообщенный г. Костомаровымъ,—не извѣстно откуда.

²⁾ Въ варианте В. сборника г. Рудченка (стр. 84) при взятіи Азова разбойники беруть въ пленъ *чоркесочекъ* молодыхъ. Этотъ вариантъ, искаженный временемъ, какъ и все прочіе, и далъ, вѣроятно, г. М. Т—ву въ его статьѣ (Вѣстник Европы, мартъ 1877 г.) поводъ къ сближенію пѣсни съ фактомъ взятия Азова козаками въ XVII вѣкѣ, о чёмъ сказано будетъ ниже.

били глаза опытнымъ знатокамъ древности своимъ, такъ сказать, благообразіемъ и quasi-древнимъ складомъ.

Окончу словами г. Костомарова: „Хотя свѣжесть и яркость представленій о козацкомъ вѣкѣ значительно ослабла въ воспоминаніи народа, но все еще народъ въ общихъ чертахъ помнитъ объ этомъ вѣкѣ, а о дружинахъ и старыхъ князьяхъ удѣльно-вѣчеваго строя не имѣеть онъ и тѣни представлениія. Это однако не мѣшаетъ въ его пѣсняхъ, безсознательно для него самого, оставаться слѣдамъ давней старины, подобно тому какъ и объ язычествѣ своихъ предковъ народъ забылъ совершенно, однако не только въ его пѣсняхъ и обрядахъ, но и въ его нравахъ и понятіяхъ найдется много языческаго, понятнаго только для наблюдателя, вооруженнаго наукою“.

Все конечно такъ. Народная пѣсня проходитъ тѣ же типическіе фазы, какъ и народная жизнь. Если козацкая пѣсня временъ Запорожья (и слѣдовательно историческая въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) перешла въ пѣсню чумацкую или бурлацкую и потеряла свои специальная историческая особенности (чему есть многіе примѣры), то кольми паче пѣсня о событии эпохи удѣльно-вѣчевой. Она постепенно теряла свои существенные признаки, переживая эпоху козачества, гайдамаччины и наконецъ бурлачества и чумачества. Она искается, принимаетъ новыя имена изъ чумацкой географіи (Кишиневъ, Азовъ, Ростовъ, Кремень-городъ), хотя по содержанію своему не представляетъ ничего характерно-чумацкаго или бурлацкаго, какъ другія пѣсни этого цивла народной жизни. И даже критический ножъ опытнаго изслѣдователя окажется безсильнымъ очистить всѣ эти напесенные вѣками наслоенія и добраться до древнаго типа. Только иногда—и то совершенно случайно—она открываетъ свою тайну счастливому работнику-собирателю¹⁾.

¹⁾ До какого разнообразія доходятъ взгляды гг. собирателей и изслѣдователей на историческіе слѣды въ народныхъ пѣсняхъ, видно изъ слѣдующаго примѣра. Г. Рудченко въ разбираемой нами пѣснѣ видѣтъ тоже весьма древнюю бытовую черту торговли мѣхами и мѣновой торговли (стр. 4). Г. М. Т—въ (въ статьѣ «Ученая экспедиція въ Западно-Русскій край», Вѣстникъ Европы, мартъ 1877 г.) признаетъ въ этой-же пѣснѣ великорусское происхожденіе и видѣтъ въ ней перефразировку прозаического сказанія о взятіи донцами Азова при Михаилѣ Федоро-

Сопоставимъ имѣющіеся у насъ факты:

1) Тождественность легенды, записаной на развалинахъ Торческа, съ лѣтописнымъ разсказомъ не подлежитъ сомнѣнію. Народное происхожденіе легенды очевидно, ибо не возможно предположить, чтобы она была осколкомъ лѣтописнаго разсказа, занесеннаго въ народъ въ позднѣйшее время.

2) Взятіе города чумакомъ, посредствомъ хитрости—подробность, въ лѣтописи не находящаяся и, очень можетъ быть, не историческая въ тѣскомъ смыслѣ слова. Значеніе ея заключается въ томъ, что она *органически связываетъ* легенду съ пѣснею, а следовательно составляеть звено между пѣснею и лѣтописью.

3) Эта связь пѣсни съ легендою становится еще яснѣе отъ сличенія подробностей легенды и втораго варианта пѣсни.

4) Имена собственныя—Ростовъ (во второмъ варианѣ Азовъ), Кипиневъ, Кремень-городъ—происхожденія позднѣйшаго, той эпохи, когда пѣсня, созданная въ приднѣпровыи, въ землѣ древнихъ торковъ, приняла видъ бытовой пѣсни, и историческія черты ея утратились въ народномъ сознаніи.

5) Имена—орда, туркена (торкена), бездоказательныя сами по себѣ, получаются сами первенствующую важность въ совокупной силѣ доказательствъ и представляютъ несомнѣнныи исторический следъ.

6) Довольно трудно принять предвидимое возраженіе противъ предыдущаго тезиса, ибо невозможно предположить, чтобы взятіе татарами Азова и уводъ въ плѣнъ турчанокъ (если-бы что нибудь и было въ этомъ родѣ) отразилось въ южно-русскомъ эпосѣ. Это противорѣчило бы основнымъ законамъ народнаго творчества.

7) Видимая бесодержательность искаженной временемъ пѣсни (и въ особенности первого варианта) и несходство ея характера съ общимъ типомъ южнорусскихъ чумацкихъ пѣсень—могно причислить также къ одному изъ доказательствъ ея древности.

А. Стояновъ.

вичѣ (напечатанного въ Чтешіяхъ М. О. И. и Др. 1864 г., кн. III, отд. V). Г. М. Т—въ полагаетъ, что этому сказанию должна была отвѣтчать великорусская пѣсня, которая не записана до сихъ поръ никакъ (стр. 108).

Записки кіевського мъщанина Вожка Валыги о московской осадѣ 1612 года.

(Изъ лѣтописнаго сборника Ильи Кощаковскаго).

Въ рукописномъ отдѣлениѣ института Оссолинскихъ во Львовѣ, подъ № 2168, хранится весьма интересный исторический сборникъ, составленный въ Киевѣ въ XVII столѣтіи. Сборникъ этотъ, написанный полууставомъ южнопорусского письма на толстой сѣрой бумагѣ in 4-tо, заключаетъ въ себѣ 168 страницъ, исписанныхъ сжатымъ, весьма впрочемъ старательнымъ, почеркомъ. Всѣ заглавія и начальныя буквы красныхъ строкъ писаны киноварью. Книга переплетсна весьма изящно въ стариинный переплеть, покрытымъ бѣлою лосиащеюся кожею и на лицевой сторонѣ переплета оттиснута золотыми, цервовно-славянскими буквами надпись: «Лѣтописци Волыни и Оукраины». Въ разныхъ мѣстахъ книги помѣщены приписки, которыя содержать почти полную исторію странствованія рукописи изъ Киева въ Червоную Русь и перехода ея изъ рукъ въ руки. На страницѣ 3—47 внизу листовъ сдѣлана такая приписка: «сія книжка монастира подгородискаго ¹⁾ отъ велебного отца Лії Кощаковскаго, уставника монастыря межигорскаго, которій ту, близко отчества своего, до монастыря подгородискаго, зближившися, и лѣть три змешкавши, житіе свое скончихъ дnia 5 іануарія ²⁾ року, 1720 anno, а записанна есть до монастыря подгородискаго ²⁾ року, за старшенства велебного отца Ісаї Дунаевскаго, ігумена подгородискаго, его власною рукою». Затѣмъ на страницахъ: 1—3, внизу находится дальнѣйшая приписка: *Die 6 Decembris 1750 hunc librum, cui titulus Kronika Ruska, usui patris Hieronimi Zurakowski in senili aetate ex residentia Horodysensi acceptum, post obitum praefati patris supradictae residentiae restituendum censeo. Silvester Koblanski. ord. S. B. M. provincialis R. m. p. ³⁾.* Изъ слѣдующей приписки, сдѣланной на наружной обложкѣ книги,

¹⁾ Подгородцы—село, лежащее винѣ въ стрыйскомъ округѣ Галиціи на рѣкѣ Гнилой Липѣ; иѣогда принадлежао къ рогатинскому старостству.

²⁾ Декабря 6 дnia 1750 года. Полагаю, что книгу сю, косящую заглавіе „Русская лѣтопись“, взятую изъ городискаго монастыря для пользованія отцемъ Іеронимомъ Жураковскимъ, бывшимъ въ преклонныхъ лѣтахъ, за смертью речснаго отца, слѣдуетъ возвратить въ городисскую обагель. Сильвестр Коблянскій, провинціаль русскій (червонорусскій) ордена св. Василія Великаго, собственною рукою.

узнаемъ, что это распоряженіе провинціала было исполнено, а равно и какова была дальнѣйшая судьба рукописи; приписка эта гласить: «Hoc opusculum, post abolitum monasteriolum Horodyscense anno domini 1758, insertum est catalogo librorum monasterii Leopoliensis ad S. Georgium¹»). Наконецъ послѣдняя приписка, помѣщающаяся на первой и послѣдней (168-й) страницахъ, свидѣтельствуетъ (впрочемъ безъ означенія года), что рукопись принадлежала въ теченія нѣкотораго времени монастырю св. Георгія; вотъ эта приписка: «Ex biblioteca monasterii Leopoliensis s. Georgii Martyr²»). Затѣмъ о дальнѣйшей судьбѣ рукописи свѣдѣнія не записаны.

Составъ лѣтописнаго сборника весьма разнообразенъ и интересенъ, какъ по содержанию многихъ статей, вошедшихъ въ его составъ, такъ и по той характеристикиѣ научнаго движенія въ средѣ образованнаго, книжнаго кievскаго общества XVII столѣтія, которую возможно воспроизвести на основаніи подбора и группировки статей, помѣщенныхъ въ сборникѣ.

1) Первая, большая часть книги (стр. 1—90) занята лѣтописною компиляцію, заглавіе которой, писанное киноварью, красуется на первой страницѣ рукописи: «Кроника русская о російскихъ самодержцахъ и великихъ царехъ, откуду и како быша, подобаетъ взыскати. Здѣ вонмемъ и услышимъ обрящемъ отъ сего, яко отъ Августа, кесаря рымскаго коренъ ихъ вышелъ». Эта первая статья сборника представляетъ компиляцію, составленную частью изъ Стрыйковскаго, Гвагини и другихъ писателей XVI ст., частью изъ русскихъ лѣтописныхъ сводовъ, причемъ, въ числѣ послѣдніихъ извѣстій, встрѣчаются хотя изрѣдка свѣдѣнія совершенно оригиналныя, всомниѣнно заимствованныя изъ южно-русскихъ сводовъ; извѣстія эти иногда сходны съ извѣстіями Синоописа, иногда же совершенно самостоятельны, какъ напримѣръ описание кievскихъ укрѣплений, сказаніе о взятіи Чернигова Батыемъ и т. п.

Вторая половина рукописи заключаетъ 6 отдѣльныхъ статей, расположенныхъ въ слѣдующемъ порядке:

②) *Записки Боядана Балыки «о Москвѣ и о Дмитрію царику московскому»* (стр. 91—99). Какъ вслѣдствіе интереса содержанія этой статьи, такъ и въ качествѣ материала для характеристики быта и литературнаго развитія кievскаго мѣщанина начала XVII столѣтія, мы помѣщаемъ ее ниже цѣликомъ.

3) «Лѣтописецъ второй», (стр. 100—120). Подъ этимъ заглавиемъ помѣщенъ сводъ, составленный изъ пяти лѣтописныхъ отрывковъ, въ видѣ непрерывнаго повѣствованія; впрочемъ отѣлить эти отрывки другъ отъ друга легко не только на основаніи содержанія и пошиба изложенія, но и по чисто виѣшнимъ

¹) Это сочиненіе, послѣ упраздненія городискаго монастыря въ 1758 году, занесено въ каталогъ книгъ львовскаго монастыря св. Георгія.

²) Изъ библіотеки львовскаго монастыря св. мученика Георгія.

признакамъ: хотя всѣ отрывки переписаны послѣдовательно другъ за другомъ, но хронологія каждого удержана и начало каждого слѣдующаго отрывка уже замѣтно потому, что возвращается хронологически назадъ, захватывая часть времени, уже разсказанного въ предыдущемъ отрывкѣ. Въ общихъ чертахъ содержаніе каждого отрывка заключается въ слѣдующемъ: 1) Первая часть обнимаетъ извѣстія съ 1051 по 1492 годъ: въ началѣ до 1177 года это мѣстная монастырская лѣтопись киево-печерского монастыря, затѣмъ съ указаннаго года она становится областною лѣтописью смоленской земли, заключая въ себѣ то извѣстія вполнѣ самостоятельный, то по временамъ такія, которыхъ вошли въ лѣтопись т. н. Быховца. 2) Вторая часть обнимаетъ время 1394—1572; она мало интересна и заключаетъ краткія записки о великихъ князьяхъ литовскихъ. 3) Не болѣе интереса представлять и третья часть (1516—1600), содержащая краткія замѣтки, относящіяся къ исторіи Рѣчи Посполитой и о судьбахъ козачества. 4) Нѣсколько болѣе самостоятельна часть четвертая (1393—1611), представляющая краткую областную лѣтопись земель киевской и волынской. 5) Наконецъ послѣдній отрывокъ (1612—1620) составляетъ продолженіе предыдущаго, написанное гораздо подробнѣе и живѣе; это настоящая лѣтопись областная киевская, веденная очевидцемъ описываемыхъ событий.

4) Четвертую статью сборника составляетъ: *Линія митрополитовъ киевскихъ православныхъ* (стр. 120—127). Это перечень киевскихъ митрополитовъ, доведенный до 1690 года. Въ началѣ помѣщены одни имена, съ конца же XVI столѣтія, т. е. съ Михаила Рогозы, сообщаются краткія біографіи каждого митрополита.

5) Пятая статья (стр. 127—135) озаглавлена: *Выводъ народу славенскому и Рускому* и заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о разселеніи славянъ, о путяхъ варягъ въ греки и о пришествіи св. Андрея въ Русь:—все это заимствовано изъ «Пѣбѣсти временныхъ лѣтъ» и затѣмъ, въ видѣ приложенийъ и поясненій, дополнено извлеченіями изъ Гвагніви (о рѣкахъ въ Сарматіи) и изъ хроники Мартына Бѣльского (о событияхъ, относящихся къ Руси съ 1025 по 1378 годъ).

6) Шестая статья (стр. 135—141) представляетъ оригиналную киевскую областную лѣтопись за время 1608—1700 годъ; лѣтопись эта составлена въ межигорскомъ монастырѣ, вѣроятно самимъ Илью Кощаковскимъ, и отличается живостью изложенія, самостоятельностью и глубокимъ интересомъ сообщаемыхъ извѣстій.

7) Наконецъ послѣ промежутка въ двѣ страницы, оставленнаго пробѣломъ, помѣщена послѣдняя статья (стр. 143—168): *Война волоская отъ цесаря турецкаго Османа*. Это переводъ одного изъ польскихъ дневниковъ хотинскаго похода 1621 года, написаннаго кажется Опалинскимъ и интересовавшаго киевлянъ, вслѣдствіе выдающейся роли, какую игралъ въ этомъ походѣ козацкій гетманъ Пётръ Конашевичъ Сагайдачный.

В. А.

*О Москвѣ и о Дмитріо, царику московскому ложномъ. Сіе писалъ
мещанинъ кіевскій именемъ Божко Балыка, который самъ тамъ
былъ и самовидецъ тому былъ.*

Року 1604 мѣсяца октобря 1 дnia уѣхаль въ Кіевъ царикъ московскій на день Покровы Пресвятая Богородици въ понедѣльникъ, а зъ нимъ былъ воевода сеномирскій и староста остріцкій¹⁾, панъ Ротомскій. Стоялъ господою у бурмистра Митковича, а во-зился²⁾ у Вышгородѣ, и пошоль на Путівль. Зъ Путівля вийшолъ на веснѣ, року 1605, мая 3 дnia. Сѣль на царствѣ на Москвѣ того жъ року; короновано постомъ Иліи, а забили его року 1606, мая 9 дnia; а битва сталася³⁾ на заутрешній святого Миколы въ пятокъ.

Чти не должно, бо писалъ сей литописецъ презъ людей певихъ, мещанъ кіевскихъ, хто тамъ былъ и очима своими видѣль. Писалъ Божко Балыка.

Року 1612, генваря 9 дnia нещасливого выїзду моего зъ Кієва въ дорогу московскую и терпнія великого голоду и неволи увъ осадѣ нась купцовъ до килка согъ, ижъ во всемъ свѣтѣ голодъ неслыханий и въ кройникахъ⁴⁾ не писаний.

Того жъ дnia, на день святого мученика Поліевкта, быдемъ я, Богданъ Балыкъ, у дому ихъ милостей: пана Александра и пана Созона Балыкъ, войтовичовъ кіевскихъ, братіи моей, а потомъ быдемъ въ дому пана Савостіана⁵⁾, бурмистра кіевскаго, тестя своего, и зъ его дому пустилемся⁶⁾ въ дорогу, за возами; вочуваль тую ночь у Новоселкахъ, у Десны, въ четвертокъ. У пнитокъ поткалъ козаковъ стародубскихъ, а у суботу своихъ догнали въ Навозѣ селѣ, на обѣдѣ. Того жъ месеца 14 дnia увъ Ялѣ селѣ споткали Марка, товариша небожника Боргоцкаго: провадилъ зъ Москвы тѣло князя Домашта и Пархома полковника, которые побиты у штурми подъ городомъ Стародубомъ. Дня 15 до Лоева приехали есмо и поткали Миска Хурсенка, ехаль зъ Смоленска. 17 дnia выїхали зъ Лоева. Дня 18 приехали до Гомля; на завтршій день приехали до нась: Ивашковскій, пол-

¹⁾ Остерскій. ²⁾ Переправилъся. ³⁾ Убійство произошло. ⁴⁾ Літописѧ.

⁵⁾ Савостіанъ Брачи, пталіонецъ архітекторъ, прилісаній въ кіевское щанство. ⁶⁾ Я отправилъся.

ковникъ козацкій и зъ ясавуломъ Севериномъ Перехрестомъ; 21 дня выехали зъ Гомля; за три дня приехали до Стародуба, тамъ стояли 14 дней; посыпали Богдана Гулженка за войскомъ за Десну, але не могли вѣдомости взяти о войску; /а потымъ посыпали двухъ москалей до Новъгородка, до Лемона, племянника воеводина, жебы зъ нимъ торговаль; и отоль ии зъ чимъ приехалъ. Тогожъ року месеца февраля 6 дня изъ Стародуба выѣхали, 9 дня до Крысова приехали; 14 дня приехали до Мстиславля; 24 дня приехали до Смоленска; нашолемъ тамъ пана Струса и зятя своего Коэзку. 24 дня Струсь изъ людомъ ¹⁾ пошолъ и къ столыци. Тогожъ месеца 24 дня пустилися есмо, праве зъ незноснымъ жалемъ, за Струсомъ до Вязмы. Въ среду 26 дня пана Струса разбили шиши, маєтку много взяли и девять человѣка пѣхоты убили; а мы у селъ Жижинъ пана Хотымѣрскаго догнали, а на завтра черезъ тотъ трупъ ехали. Месеца марта 1 въ неделю православную приехалисмо до Вязмы и нашлисмо тамъ: Скоробогатого, и Богдана Гребеника, и Стефана Хмеля, купцовъ, мѣщанъ кievскихъ. Тогожъ месеца 6 самъ панъ Струсь зо всѣмъ войскомъ пошолъ былъ икъ столыци, и мы за нимъ, але для лихон дороги ухабистой и для шиповъ и снѣговъ великихъ панъ Струсь миль двѣ отишолъ, а мы двѣ версты отишли оть деревни князя Ивана Алгидіева; перво мы вернулися до Вязмы 7 дня, а потомъ и панъ Струсь вернулся зо всѣмъ войскомъ. Тогожъ дня Омелявъ Скоробогатый и Стефанъ Хмель вернулися, поехали до Кіева, а мы такъ весь постъ великій и после велиcodня килка недель лежали. О середопостѣ иѣмцевъ человѣка 60 пришло до Вязмы и шишовъ на дорози громили такимъ способомъ: якъ выйшли зъ Смоленска, указано имъ где стоять; иѣмцы сами легли у возахъ по килка человѣка и покрылися рогожами и казали подводникамъ помалу ехати; шиши, то обачывши, разумѣзи, же то купцы пдуть, на ортахъ (sic) до возовъ кинулися, а они шишовъ близко припустили, и заразъ зъ мушкетовъ на оныхъ разбойниковъ ударили, такъ, же ихъ килкадесять забили, и ранныхъ килкадесять / поймали, а иныхъ по острожкахъ морозъ подушилъ, ледво убѣгло щось немного. Потомъ, посля велиcodня, жолнере, и иѣмцы, и пехота, иишіе и напи охочіи ходили и килка зъ острожковъ дostaли и зъ корыстю вернулися. Тогожъ року мая 1 дня монастырскій полковникъ и Ширай другий два острожки взяли и килка

¹⁾ Съ войскомъ.

сотъ бояръ и шишовъ побили и до Вязмы, до пана Струса зъ товаришами приехали. На завтрей у мене, Боска Балыки, былъ панъ Струсь у господи Василія Подопрысвѣта. Дня 3 мая я зъ Монастырскимъ и зъ товаришомъ выехали къ Середѣ, замку, и были у Середѣ двей 21. Дня 24 изъ Середы выехали, бояръ и што у турмѣ сидѣли 21 человѣка постинали, и Середу спалили всю. Тоєиже ночи противъ недели была тривога великая; купци всѣ, покидавши возы, хотѣли утѣкати; шиши ударили, але не зыскали ¹⁾ ничего, бо наши противъ ихъ выехали и прогнали; 26 дня скончавши (sic), шиши, которыми зъ Калуги пошли до Пскова, было ихъ килка сотъ, до царика, що былъ ново прослылся у Псковѣ, на насъ зъ корогвами ударили, але ихъ разгѣ ²⁾ наши усперли ³⁾ и килка десять ихъ забили и хоружого Ивашка зъ корогвою ⁴⁾ поймали, и иныхъ козаковъ, зъ ними будучихъ, живцомъ поймали, и 70 возовъ зъ розною живностю и зъ горѣлками ⁵⁾ взяли. Потомъ 28 дня пришлисмо знову до Вязмы.

Того же року, месеца іюня 5 дня, пришоль подъ столицю панъ Янъ Карулъ Хоткевичъ, гетманъ литовскій, и панъ Струсь, и насъ купцовъ не мало, и Ширай зъ козаками притягнуль и около рѣки Москвы обаполь ⁶⁾ стали. Дня 11 Зборовскій, вышедши изъ столицы, пошоль до Поліци, зъ нимъ и наши кіянне пошли до Киева: Урманинъ и Ширима. Того же месеца 12 дня въ нещасливый часъ уехалисмо въ столицу московскую и защерто насъ у осадѣ изъ паномъ Миколаемъ Струсомъ и старостою Хмелницкимъ и зъ полковникомъ кролевскимъ, паномъ Будиломъ, и панъ Теляфусъ, панъ Калиновскій, и панъ Вгонецкій, ротмистръ кролевскій и нашихъ пановъ до килка десять, ротмистровъ и пехоты кролевской и насъ, мещанъ кіевскихъ, человѣка 20, окромъ челяди, и я, Боско Балыка, и иныхъ купцовъ не мало зъ иныхъ мѣсть. Мы изъ Струсомъ и зъ Ложнею (sic) стали у Станислава господою противъ цар-пушки. Дня 13 гетманъ зо всѣмъ войскомъ своимъ изъ столицы пошоль. Іюня 27, изъ суботы на неделю, кнізь Дмитрий Тимофѣевичъ Трубецкій, Мартинъ Ісаевичъ Заруцкій, и было въ нихъ люду до килка тысячей, и до Китайгорода зъ трехъ сторонъ до штурму приступили: до двохъ брамъ, где Чорторыйская львица стонть; тамже ихъ добре наши усперли ⁷⁾ и до килка сотъ ихъ убили. Того же

¹⁾ Успѣли. ²⁾ Тотчасъ. ³⁾ Огражили. ⁴⁾ Знаменемъ. ⁵⁾ Водкою. ⁶⁾ По ту и по другую сторону. ⁷⁾ Отразили.

лѣта, августа во 2 день притягнуль князь Дмитрий Долатенко подъ столицу и иныхъ князей не мало зъ людомъ. 14 августа панъ Хоткевичъ гетманъ знову тутже зъ людомъ притягнуль, первой пѣхота церковъ святого Георгія опановали¹⁾, а Москва заперлася у церкви святого Климентія у въ острожку на самой дорозѣ, и наши ихъ тамъ достали²⁾ и килка дѣлецъ³⁾ отняли, и была тамъ битва велми великая отъ утра до вечера, и усперли были наши Москву добре, Пожарского князя подстрелили въ руку, и почали были зъ табору Москва утѣкати; наши тежъ выпадши зъ Кремля, помочи своимъ додавали, и килка поручниковъ изъ хорогвами⁴⁾ и зъ пехотою до нась у муръ передалися, а гетманъ подъ Поклонную гору отступилъ и не могъ до столицы пробитися, жебы живности своимъ дати; а въ середу праве зъ великимъ жалемъ⁵⁾ всего нашего рицерства и нась, бѣдныхъ купцовъ, отъ столицы прочъ пошолъ, а нась, увъ осадѣ началь стискати голодъ, бо пехота, що ихъ было 600, почалы псы и кошки ъсти. Тогожъ лѣта септеврія дня 14, голодъ велми сталъ утискати, пехота новая стала зъ голоду мерти и мало не вси вымерли, и наша пѣхота и товариство также все поѣли; нѣмцы кошки и псы всѣ поѣли, медъ (sic) и зѣля, и травою и лeda чимъ живилися, бо все Москва отняла; дорогувля великая стала: селедецъ былъ по ползолотого, шкури воловыи перво были по пять золотыхъ, а потомъ стали по 12 золотыхъ; сыра мандрыку куповали по 6 золотыхъ; хлѣбъ денежный 10 золотыхъ; мы сами куповали калачъ денежный 7 золотыхъ. Около святои Покровы велми сильный голодъ знялъ: жита чверть золотыхъ 100, овса чверть 40 золотыхъ, крупъ кварты 20 золотыхъ; зъ лободына насыпн/ печеный, якъ гречаныкъ пѣнижный—три золотыхъ. Панъ Харлинский, капитанъ пихотный взялъ за мерица 500 золотыхъ, а чверть себѣ отрѣзалъ; за корову давали 600 золотыхъ; чверть мяса копского была по 120 золотыхъ. А потомъ уже голодъ незносный почалъ трапити, же пѣхота и нѣмцы потай почали людей рѣзати и ъсти. Мы найпершій, идучи отъ церкви себорной пресвятой Богородицы изъ службы, голову и ноги человѣчіи у ямъ нашли, у кайстрѣ⁶⁾; вязневъ московскихъ килканадцать человѣка пихотъ зъ турмы подавали, тыхъ всѣхъ поѣли; потомъ у килка дней несли Москва

¹⁾ Овладѣли. ²⁾ Взяли приступомъ. ³⁾ Пушентъ. ⁴⁾ Хоругвь—отрядъ кавалеріи.

⁵⁾ Съ большою скорбью. ⁶⁾ Въ мѣстѣ.

уголе майстеромъ денежнымъ у ворота Миколскіе. Гайдуки выскочивши зъ муровъ, одного порвали и заразъ забили и зѣбли; потымъ у килка дній жолвѣръ Воронецъ и козакъ Щербина, впадши въ домъ Федора Ивановича Мстиславскаго, почали шарпать, ищучи живности, и Мстиславскій почалъ ихъ упоминати; тамже нѣкоторый ударилъ его цеглою¹⁾ у голову, же мало не умеръ. Довѣдался того панъ Струсь, казаль обоихъ поймати: Воронца сгято и поховано, а Щербипу обѣсити казали, который зъ годину на шибеници не былъ; пѣхота заразъ отрѣзали и на штуки разрубали и изѣли. Пахолика одного, недавно умерлого, изъ гробу выкопали и изѣли. Октоврія 16 дня выпалъ снѣгъ великий, же всю траву покрылъ и корѣни; сильный и не слыханный насъ голодъ змогъ: гужи и попруги, поясы и ножны и леда костища и здохлину²⁾ мы едали; у Китайгородѣ, у церкви Богоявленія, гдѣ и греки бывають, тамъ мы изъ Супруномъ килка книгъ нашли паркрамъновыхъ; тымъ есмо и травою живилися,— а що были предъ снѣгомъ наготовали травы—зъ лоемъ свѣчанимъ³⁾ тое зѣли; свѣчку лоевую куповали по полъ золотого. Сынъ мытника Петриковскаго зъ памї увъ осадѣ былъ, того безъ вѣдома порвали и изѣли и иныхъ людей и хлопять безъ лицбы поѣли; пришли до одной избы, тамже нашли килка кадокъ мяса человѣческого солоного; однѹ кадку Жуковскій, товаришъ Колонтаевъ, взялъ; той-же Жуковскій за четвертую часть стегна человѣчего далъ 5 золотыхъ, квартаго горѣлки въ той час была по 40 золотыхъ; мышь по золотому куповали; за кошку панъ Рачинский далъ 8 золотыхъ; пана Будиловъ товаришъ за иса далъ 15 золотыхъ, и того было трудно достать; голову человѣчью куповали по 3 золотыхъ; за ногу человѣчью, одно по костки, дано гайдуку два золотыхъ; за ворона чорного давали наши два золотыхъ и полъ фунта пороху—и не далъ за тое; всѣхъ людей болше двохъ сотъ пѣхоты и товаришовъ поѣли. Того жъ року 1612 октovрія 22 дня, наждавшия праве долго ратунку и терпѣвшіи голодъ неслыханый, а отъ его кролевской милости и отъ пана гетмана не могли дождати, зъ великимъ плачемъ всего рыцерства и насъ бѣдныхъ кущцовъ, панъ Струсь и иное товариство выписаное мусѣли змиритися⁴⁾; и побрали къ себѣ въ замѣну Бутурлина и другихъ бояръ московскихъ, а отъ насъ къ нимъ пошолъ панъ Будило и Порванецкий. А князь

¹⁾ Кирничемъ. ²⁾ Падаль. ³⁾ Свѣчанимъ са оль. ⁴⁾ Нататъ переговоры.

Дмитрій Тимофеевичъ Трубецкій и пнъ столникъ, князь Дмитрий Михайловичъ Пожарский и иишихъ князей и бояръ не мало и Москва всѣ, обачивши, же наши отъ голоду велми зморены, и все рыцерство на трактатахъ бавяется¹⁾ и ротмистрове, козаки и бояре Трубецкого и Пожарского, ударивши у звоны и поднявши корогви, пошли до стѣны Китайгорода праве силою великою; мы, зъ голоду змордованы, ледво имъ отпоръ дали. Октоврія 26 трактаты²⁾ скончіли и присягу выковаali, же мѣли всѣхъ въ цалѣ попускати, а потомъ, падъ присягу чинили, всѣхъ разно розвели и маєтки разшарпали.

Року 1613, у генварѣ почали зежчатися на обиране царя нового; въ той часъ нашихъ ледво пущено, а ини утѣкали, а іныхъ окупано. И такъ наши воевали Москву.

¹⁾ Медлять въ переговорахъ. ²⁾ переговоры.

Матеріали для історії кіевської духовної академії.

Письма Якова Евдокимовича Михайлова (впос.мѣстьствіи Іустина, епископа владим.) къ Александру Иван. Бѣлоюову.

(1823—1827 г.).

Въ числѣ шести магистровъ *первою курса* кіевской д. академії (1819—1823 г.), которые остались въ ней-же наставниками—преподавателями подъ тогдашнімъ названіемъ *баккалавровъ*, былъ *Яковъ Евдокимовичъ Михайловъ*. Наука, которую пришлось преподавать Михайлову, была *Біблейская Герменевтика*. 25 февраля 1824 г.—онъ принялъ монашество, а вмѣстѣ съ нимъ и новое имя *Іустинъ*. Кроме должности баккалавра богословскіхъ паукъ, іеромонахъ Іустинъ исполнялъ въ академіи и другія должности. Такъ, онъ былъ библіотекаремъ академіи, членомъ *внутренняго* академического правленія, членомъ академической конференціи и *внѣшняго* окружнаго академического правленія. Въ качествѣ послѣднаго члена, онъ былъ посыпаемъ академію ревизовать семинаріи кишиневскую и екатеринославскую. Наконецъ съ 1826 г. ему поручено было исправлять должностъ инспектора кіевской академіи, въ каковой должностіи онъ былъ утвержденъ въ апрѣль 1828 года. Въ маѣ этого года іером. Іустинъ былъ назначенъ ректоромъ кіевской семинаріи. Послѣ ректуры въ семинаріи кіевской, а затѣмъ еще и въ черниговской, Іустинъ посвященъ во епископа—*викарія винницкаго* (въ 1841 г.). Потомъ былъ послѣдовательно викаріемъ *старорусскимъ, ревельскимъ* и только въ 1845 г. назначенъ самостоятельнымъ епископомъ—*костромскимъ*. Въ 1850 г. получилъ въ управление епархію *владимирскую*. Въ 1863 г. уволенъ, по прошенію, *на покой* и жилъ въ Боголюбовскомъ монастырѣ, владимирской епархіи; скончался въ г. Владимирѣ въ 1879 г. 80 лѣтъ отъ роду.

О личности Іустина, какъ академического дѣятеля, не сохранилось никакихъ характерныхъ преданій въ средѣ кіевской академіи. Очевидно, что это была личность *скромная*, ничѣмъ особенно себя не заявившая. Но и то нужно сказать:

въ тѣ старыя академическія времена человѣку даже способному и талантливому, но по природѣ и по обстоятельствамъ жизни робкому, трудно было выразить свои способности и таланты въ дѣлѣ науки такъ, чтобы память о нихъ непремѣнно перешла въ потомство. Доля старинныхъ академическихъ наставниковъ—профессоровъ, съ каѳедры просвѣщавшихъ и поучавшихъ духовное юношество, подобна была на долю актеровъ. Память о нихъ осталась въ умахъ и сердцахъ только тѣхъ, которые ихъ слушали. Отъ этихъ слушателей, стало быть, уже зависѣло въ большей или въ меньшей мѣрѣ увѣковѣчить эту память. Но воспоминаній о старыхъ академическихъ наставникахъ, воспоминаній живыхъ, рисующихъ образы и типы, мы пока не видимъ, не знаемъ... А о пѣкоторыхъ старинныхъ профессорахъ такихъ воспоминаній уже и быть не можетъ. Некому уже и вспомнить ихъ... *Моишие* вспомнить уже сами ждутъ своихъ вспоминателей.

Еслибы послѣ Густина остались какіе-нибудь *печатные* труды—ученые или вообще литературные, изъ времени его академической жизни, или даже и изъ послѣдующаго периода, тогда все-таки на основаніи ихъ мы имѣли бы возможность нѣсколько судить о внутреннемъ, душевномъ его складѣ, о характерѣ и направлѣніи умственной дѣятельности этого бывшаго академического профессора. Но такихъ трудовъ мы не знаемъ. Въ то старое время выступленіе въ печати было вообще дѣломъ рѣдкимъ и возбуждало смѣлость лишь не многихъ. На печатное слово смотрѣли какъ бы на привилегію пѣкоторыхъ смѣльчаковъ, съ какимъ-то чрезмѣрнымъ уже благоговѣніемъ, какъ на недоступное священнодѣйствіе. «*Печатный листъ казался быть святымъ*».

Густинъ безъ сомнѣнія былъ человѣкъ ученый. И кромѣ того, онъ былъ *талантливый*. Недаромъ же его оставили наставникомъ академіи, какъ лучшаго магистра. Положимъ, передъ этимъ онъ далъ начальству обѣщаніе поступить въ монахи и поступилъ. Но это уже въ позднѣйшую эпоху академической жизни (съ 50-хъ годовъ) за монашество присвоивали ученость и удостоивали степени магистра, а въ первоначальную эпоху ученость была не *следствиемъ* монашества, но *причиною* его: ученыхъ и талантливыхъ студентовъ именно и старались привлекать въ монашество... Таковъ былъ и Густинъ: но ученость его, виѣ академической автографіи, такъ и осталась безъ приложенія и мы не находимъ ея слѣдовъ... Но *стремленіе прилагать* ее, какъ потребность души и какъ выработанную практикой привычку, было у него и проявлялось даже въ старости. Доказательства этому мы находимъ въ біографіи Густина, помѣщенной во *Владимирскихъ Епарх.* *Вѣдомостяхъ* 1879 г. и составленной близкимъ его родственникомъ (свящ. *B. Касаткинъ*), который, какъ видно, пользовался рассказами самого Густина и его бумагами. Въ этой біографіи говорится между прочимъ: «Бывши ректоромъ семинаріи, преосв. Густинъ составилъ краткую *Библейскую Герменевтику*, которая начисто переписана и надписана: «составилъ ректоръ черниговской семинаріи архимандритъ Густинъ», но почему-то не была представ-

лева имъ въ цензуру и не напечатана»¹⁾). Академическая привычка и любовь къ ученому изысканию смысла библіи осталась въ Густинаѣ до глубокой старости. Въ той-же биографіи читаемъ: «живши на покой, преосвященный по временамъ разнообразилъ занятія свои и учеными трудами. Любимѣшими занятіемъ его были *переводы библіи на русскій языкъ и сличеніе славянскаго текста съ еврейскимъ, греческимъ, латинскимъ и французскимъ*. Жалко, что не въ характерѣ было у преосвященнаго пускать свои замѣчанія въ печать. Онъ даже рѣдко писалъ свои ученыя замѣтки на особой бумагѣ, большую частью онъ писались имъ на тѣхъ самихъ книгахъ, которыя читалъ онъ»²⁾). Какъ много можетъ вызвать самыхъ серьезныхъ размышленій, соображеній, выводовъ эта участъ пріобрѣсть ученье, владѣть глубокими филологическими знаніемъ библіи и оставаться ученымъ для самаго себя, когда кругомъ не всиаханное поле богословской науки!... Очевидно Густинъ принадлежитъ къ числу старыхъ академическихъ, погибшихъ для духовной науки, силь. Но, не пріобрѣши смысли и удобства самолично осуществлять свою любовь къ наукѣ—въ той или иной сфере богословскихъ изысканий, предзначаемыхъ для общества, Густинъ, достигши высшихъ степеней церковно-іерархической власти, старался по крайней мѣрѣ ободрять, поддерживать и защищать тѣхъ тружениковъ науки, которыхъ приходилось ему встрѣтить на своемъ вѣку. Въ той же биографіи его читаемъ: «Любя науку, преосвященный поощрялъ къ занятію сю и ученыхъ мужей своей епархіи. Въ его время было много опальныхъ ученыхъ духовного званія, поселенныхъ по разнымъ монастырямъ владимирской епархіи въ наказаніе за разные проступки; преосвященный всѣхъ ихъ поощрялъ къ занятію учеными трудами. И многие изъ нихъ съ охотой занимались ими. Лучшая изъ сихъ произведеній преосвященный представлялъ въ цензурный комитетъ и потому печаталъ. Для примѣра достаточно указать на магистра іеромонаха *Ioасафа*.

И такъ, на основаніи данныхъ уже позднѣйшихъ, можно въ иѣкоторой степени представить себѣ образъ Густина, какъ ученаго академического дѣятеля. Онъ былъ *библиологомъ*. Объ инспекторской службѣ Густина при академіи мы ничего не можемъ сказать, не находимъ нигдѣ ясныхъ указаній. Но мы будемъ въ состояніи представить себѣ характеръ его, какъ инспектора, когда узнаемъ, каковъ онъ былъ, какъ *человѣкъ*,—каково было личное настроеніе и направление его духа, какъ относился онъ къ людямъ въ своей частной жизни. И тѣмъ болѣе насытъ можетъ интересовать этотъ молодой періодъ его жизни, что здѣсь мы встрѣчаемся съ чрезвычайно интереснымъ фактотъ *поступленія въ монашество*, во-преки собственному влечению, помимо всякаго расчета, — съ крайнею душевною

¹⁾ Влад. сп. вѣд. 1879 г. № 13-й, стр. 349.

²⁾ Ibidem, № 20, стр. 587-я.

борьбою, глубокимъ и долгимъ потоmъ раскаяніемъ въ необдуманномъ роковомъ шагѣ и чистосердечнымъ непринужденнымъ признаніемъ своей ошибки въ дружеской перепискѣ. Въ этомъ наибольшій интересъ помѣщаемыхъ здѣсь писемъ Икова Михайлова. Добрый, мягкий отъ природы, нѣсколько даже простодушный, онъ былъ выѣстѣ слабохарактернымъ. Ему, какъ лучшему студенту, предложили монашество, и онъ, не подумавши, принять его, а когда опомнился, у него не хватило духу взять назадъ данное начальству слово,—такъ и остался, по его собственному выраженію, на всю жизнь въ *клипичкахъ*. Самую тяжелую борьбу онъ переживаетъ предъ принятиемъ монашества, но и долго спустя сътоворавія на необдуманный шагъ въ жизни не оставляютъ его и онъ при каждомъ случаѣ высказываетъ свою скорбь, предостерегаетъ и друга своего отъ такой же ошибки. Въ исторіи нашего ученаго монашества это фактъ весьма большой важности. Сколько такихъ завлеченныхъ въ монашество и не выдержавшихъ пуска первыхъ лѣть! Къ чести Іустина сказать должно, что онъ не падалъ и не падъ въ тяжелой борьбѣ и свято, безупречно выполнилъ невольный свой обѣтъ. Всѣхъ его писемъ *одинадцать*. Они живо рисуютъ намъ самого Іустина и отчасти друга его, Бѣлюгова, кишиневскаго профессора, извѣстнаго уже намъ по письмамъ къ нему Иппонентія (см. «Кiev. Стар.», мартъ); кроме того они представляютъ вообще много чертъ тогдашней *бытовой* академической жизни и сообщаютъ много свѣдѣній о судьбѣ другихъ воспитанниковъ киевской академіи первого ея курса.

1.

Киевъ, 1823 г., ноября 4.

Милой мой другъ!

Александръ Ивановичъ!

Письмо ваше, прошедшъ всѣ мытарства на карантинѣ, кое-какъ дошло въ Киевъ. Жалко, что вы не могли исполнить моего прошенія. Препорученіе ваше я исполнилъ безъ всякихъ хлопотъ. Вы говорите, что жизнь ваша кишиневская скучна; почему? Я непремѣнно хочу знать; удовлетворите моему желанію. Я, кажется, ничего не сдѣлалъ такого, что бы возбуждало въ васъ чувство недовѣрчивости ко мнѣ. Слѣдующее письмо ваше не должно быть сухо подобно тому, на которое теперь я отвѣщаю. Живя въ Кипиневѣ, вы конечно не можете имѣть недостатка въ материалахъ для переписки. Въ наказаніе вашей сухо-

сти и краткости и я въ настоящемъ письмѣ не буду распространяться; скажу только о нѣкоторыхъ предметахъ.

Преосвященный Аѳанасій¹⁾ прибылъ въ Киевъ вскорѣ послѣ вашего отъѣзда. Остановясь у о. ректора²⁾, онъ сперва явился къ митрополиту, а потомъ уже въѣхалъ въ свой монастырь. Въ первое по пріѣздѣ воскресеніе совершилъ літургію съ протодіакономъ митрополитскимъ. Въ цонедѣльникъ о. ректоръ всѣхъ насъ представлялъ ему. Хотя мы пробыли у него не болѣе часа, впрочемъ успѣли узнать, что онъ характера веселаго, откровенаго и ласковаго. Академія еще досель ожидаетъ его къ себѣ. Съ отцомъ ректоромъ живутъ дружно, друга друга посѣщаютъ очень часто.

Несчастные отставные учителя волынскіе *Кор.* и *Пот.*³⁾ не дѣли двѣ уже живутъ въ Киевѣ. Они просили академическое правленіе о выдачѣ себѣ билетовъ до С. Петербурга, въ которыхъ отказалось имъ правленіе волынской семинаріи по наущенію тамошняго архіерея⁴⁾. Академическое правленіе положило было, по долговременному впрочемъ колебанію, выдать имъ билеты, но митрополитъ⁵⁾, основываясь на какомъ-то указѣ, данномъ около 70 лѣтъ тому назадъ, не согласился утвердить представленіе правленія. И такъ они теперь послали прошеніе въ коммісію, рѣшившись ожидать себѣ рѣшенья въ Киевѣ. Вотъ награда за труды академическіе!⁶⁾

Младшая дочь прот. *Маньковской*, о достоинствѣ коей мнѣнія нашихъ товарищѣй столько были разногласны, увядая постепенно, наконецъ оставила суетную земную жизнь. Погребеніе было торжественное. От. ректоръ начальствовалъ надъ хоромъ священнослужителей. Маньковскій такъ горько плакалъ, что надобно было имѣть каменное сердце, чтобы не принять участія въ его несчастії. На сихъ дняхъ въ тотъ-же путь отправился

¹⁾ Аѳанасій Протопоповъ—магистръ 1-го курса петерб. д. академіи; епископъ чигиринскій—викарій кіевскій съ 1823 по 1826. Скончался архіепископомъ тобольскимъ въ 1842 г.—О немъ помѣщена недавно очень интересная статья въ *Русскомъ Архивѣ* (1881 г., томъ 2, кн. 2).

²⁾ Архим. *Моисей Антоновъ*—былъ товарищемъ Аѳанасія по петерб. академіи.

³⁾ *Корабликовъ* и *Потемкинъ*, такъ ихъ называетъ Густинъ ниже.

⁴⁾ Стефанъ Романовскаго.

⁵⁾ Евгений Болховитиновъ.

⁶⁾ *Корабликовъ*—былъ воспитаниемъ спб.-ской ак. 4-го курса, а *Потемкинъ*, базируется, московской.

священникъ введенской церкви, родственникъ пр. Серафона; молодая и прекрасная его супруга неутѣшило плакала.

Вамъ извѣстно можетъ быть, что въ прошедшемъ мѣсяцѣ были имянины Путнова и Крышинскаѧ¹⁾), но конечно не извѣстно, что новые бакалавры²⁾ не были да имевиахъ eam ob causam, quod non erant vocati³⁾). Сей случай заставляетъ постороннихъ думать о многомъ, но мы, радуясь тому, что нась шестеро, ни о чёмъ не думаемъ. Будетъ праздникъ и на нашей улицѣ. Давидъ говоритъ, что добро и красно жити братіи вкупѣ, но не всѣ хотятъ послѣдовать его наставлению.

*Спиридонъ Васильевичъ*⁴⁾ потому-ли, что, по мнѣнію Шада, мужъ безъ жены не можетъ называться совершеннымъ человѣкомъ, или по другимъ какимъ-либо причинамъ, рѣшился жениться на дворянкѣ, дочери одного маіора, какъ говорятъ, довольно богатаго. Пріуготовленія къ брачному торжеству уже начались. Скоро, вѣроятно, дѣло будетъ приведено къ концу. Достоинства невѣсты какъ тѣлесныя, такъ и душевныя, равно какъ и приданое, пока остаются для нась тайною. Я доселъ еще не посаженъ въ клѣточку⁵⁾, а потому можетъ быть побываю и на свадьбѣ.

Г. Эммаускій всѣ усилия употребляетъ къ тому, чтобы получить мѣсто священника. Но, по милости митрополита, доселъ остается безъ мѣста⁶⁾). И при семъ случаѣ нельзя не сказать: такъ-ли должно поступать съ учеными? Есть ли такъ награждать ученыхъ, то повѣрьте, что науки въ Россіи никогда не взойдутъ на степень совершенства.

Гг. уманскіе учителя⁷⁾, проживъ нѣсколько времени въ Кіевѣ, наконецъ покорясь власти судьбы, съ горестію отправились

¹⁾ Бакалавры кіевской академіи изъ воспитанниковъ сіб-ской—Пушновъ 3-го курса, а Крышинскій 4-го.

²⁾ То-есть оставленные при академіи магистры 1-го курса уже кіевской академіи—числомъ 6-ть.

³⁾ По той причинѣ, что не были приглашены.

⁴⁾ С. В. Гуллеевъ—бакалавръ кіевск. академіи изъ воспитанниковъ 4-го курса академіи сіб-ской.

⁵⁾ Т. е. не принялъ еще монашества.

⁶⁾ Это—Федоръ Эммаускій—изъ 3-го курса сіб-ской д. академіи былъ, вѣроятно, учителемъ въ кіевской семинаріи. Послѣ священства онъ принялъ и монашество подъ именемъ Христофора и умеръ въ 1872 г. въ санѣ епископа вятскаго.

⁷⁾ Товариши Михайлова, назначенные въ Умань: Петръ Фед. Богословскій и Петръ Вас. Ольшевскій.

въ училище. Я одинъ провѣдалъ ихъ. Горестно мнѣ было смотрѣть на нихъ, особенно на Петра ѡ., который, будучи не совсѣмъ здоровъ, въ одномъ сертукѣ, дрожа отъ холода и заливаясь слезами, садился въ жидовскую брику. Петръ В. поѣхалъ съ уязвленнымъ сердечкомъ. Вы удивляетесь! Онъ самъ предъ всѣми нами confessus est, animum ejus cum animo Olgae, filiae protogr. Semenowsky aretissimo vinculo convictum esse. Familia Semenowsky firmiter persuasa est, Petrum fore aliquando membrum ipsius¹⁾. Gabriel Petrovitz proficiscens Uman vale dixit Protopresbitiridi, potiae tibi, et filiae ejus²⁾). Петръ ѡ. прислалъ намъ письмо, въ которомъ хвалится хорошимъ пріемомъ смотрителя, того самаго, который вѣкогда excellentissimos magistros et professores³⁾ потчиваля гнилою сельдю и пѣнничкомъ,—и жалуется на нестроеніе, которое начинаетъ уже открываться въ почтенномъ обществѣ кандидатовъ. Что съ ними будетъ далѣе? Богъ вѣсть.

Грузинцы⁴⁾ доселѣ живутъ въ академіи и живутъ весело. Откуда что берется. Самогаръ мой совсѣмъ затаскали. Трофимовичъ⁵⁾ раскаевается, что рѣшилсяѣхать въ Грузію, а потому ищетъ средства, какъ бы, не унизивъ себѣ предъ глазами начальниковъ, отказаться отъ своего слова. Respectu Mariae id sihi solum modo certum est, eam pro dolore summo ingemesare continuo, lacrimas effundere et vae sibi dicere, quam vis non prorsus spei expers est, ut ipse Trofimovitz testatur⁶⁾). Иеларіонъ⁷⁾ также не выѣзжалъ изъ Киева; желательно, что бы онъ скорѣе выѣхалъ; ибо онъ Mariam Gubareiu такъ сдуриль, что она безъ него дышать

¹⁾ Т. е. сознался, что его сердце тѣснѣшими узами связано съ сердцемъ Ольги, дочери прот. Семеновскаго. Фамилія Семеновскихъ твердо убѣждена, что Петръ будетъ вѣкогда си членомъ.

²⁾ Т. е. Гавріль Петровичъ (*Лазарь*, тоже товарищъ), отправляясь въ Умань, сказалъ прости извѣстной тебѣ протоіерѣйшѣ и дочери ея.

³⁾ Т. е. Бѣлюгова и Левчановскаю, отправлявшихся на службу въ Копинъ и подорожѣ гаѣжавшихъ къ уманскому смотрителю. Объ этомъ писалъ Бѣлюговъ къ Михайлову, какъ ниже упоминается.

⁴⁾ Т. е. товарищи Мих., согласившіеѣхать на службу въ Грузію — прибыло трое.

⁵⁾ Авксентій Трофимовичъ Степченко.

⁶⁾ Т. е. относительно Маріи мнѣ извѣстно только то, что она отъ сильнейшей скорби постоянно вздыхаетъ, проливаетъ слезы и вѣщуетъ себѣ горе,—хотя не совсѣмъ еще лишена надежды, какъ свидѣтельствуетъ, это самъ Трофимовичъ.

⁷⁾ Иларіонъ Ивановичъ Поржецкій.

не можетъ. Г. Хлѣбниковъ¹⁾ очень на васъ гнѣвается, что вы, пиша ко мнѣ, не отдали ему должного почтенія. Я всячески старался защитить васъ, приписывая вамъ незнаніе, что его благородіе доселѣ находится въ Киевѣ; но всѣ мои старанія были тщетны. Посему въ слѣдующемъ письмѣ извинитесь предъ нимъ. Дѣло Петра Максимовича²⁾ также не приходило; живеть съ женою вмѣстѣ. Антонъ Матвеевичъ Крупскій приспалъ письмо, въ которомъ жалуется на свое состояніе. Кандидаты п.-б.³⁾, занимающіе должности учительскія при семинаріи, не хотятъ имѣть общенія съ нашимъ кандидатомъ. Волынскіе паша патрады по совѣсти увѣряютъ насъ, что Острогъ по всему праву носить на себѣ имя острога. Г. Ф. Базилевичъ ишпѣ секретарь. Мы уже видѣли бумаги, подписаныя его рукою. Переяславскіе хвалятся своею жизнью. Но полно говорить о другихъ что-нибудь; надобно вамъ сказать о себѣ. Живу я въ той-же комнатѣ, въ какой вы оставили меня; столъ имѣю у о. ректора. Герменевтина составляетъ преимущественный предметъ моихъ занятій; желая по возможності удовлетворить ожиданію студентовъ, не жалѣю трудовъ моихъ. Однажды былъ на лекціи о. ректора; по окончаніи лекціи, когда я подошелъ къ нему для принятія благословенія, онъ такъ отозвался о моей лекціи: „вы ясно говорите“. Что-то будетъ впередъ,—а до сего времени я не тяготился своею должностію. Будучи удаленъ отъ товарищей—баккалавровъ и представивши себя, что мнѣ скоро надлежитъ распрощаться съ пріятностями жизни общественной, я рѣдко бываю весель. Старался разсѣять скучу, я часто хожу къ товарищамъ, которые иногда, напоминая мнѣ о будущемъ моемъ состояніи, ненамѣренно въ большое смущеніе приводятъ духъ мой. Что-то будетъ со мною... Монахи говорять, что жизнь монашеская блаженнѣйшая, но сердце мое говорить противное. Но всегда-ли можно вѣрить сердцу? Вотъ вопросъ, который я предлагаю вамъ на разрѣшеніе. Простите! Пребываю къ вамъ съ истинною любовію, преданной вамъ всею душою, другъ вашъ Яковъ.

Прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе Василію Григорьевичу⁴⁾ и поблагодарить его за тѣ строки, которыя онъ написалъ

¹⁾ Григ. Федор. Хлѣбниковъ, имѣвшій отправиться въ Грузію.

²⁾ Петръ Макс. Малышевскій.

³⁾ Т. е. петербургскіе.

⁴⁾ Товарищъ—В. Г. Левченковскій, служившій вмѣстѣ съ Бѣлоговыми въ Кишиневской семинаріи.

ко мнѣ. Я хотѣлъ писать къ нему, но случились такія обстоятельства, которые не позволили исполнить мнѣ моего желанія.

2.

Другъ мой!

Александръ Ивановичъ!

Простите, ахъ ошибся, прости великодушно, что я въ первомъ письмѣ, желая соблюсти правила мірской политики, поступилъ противъ правилъ дружбы. Впредь всегда буду называть тебя не вы, а ты. Ты говоришь, что письмо мое развеселило тебя. Жалко, что ты не открываешь причины твоей печали. Очень обидно для меня, что ты заставляешь меня читать письма, посылаемыя къ В. Я.¹⁾ и П. И.²⁾. Я хочу читать твои письма. Естьли впредь поступишъ такимъ образомъ, — я все право буду имѣть говорить, что ты не разположенъ ко мнѣ. Ты очень занятъ; но В. Г.³⁾ не менѣе тебя занятъ, однакожъ пишетъ обильно. Прошу, милой мой, не лѣниться писать ко мнѣ, тѣмъ паче, что я нахожусь въ такомъ расположениіи духа, которое всѣ удобольствія мои разтравляетъ горестю. Искренняя твоя со мною бесѣда для сердца моего послужитъ цѣлительнымъ бальзамомъ. Въ письмѣ твоемъ, на которое теперь отвѣщаю, я думалъ найти лѣкарство противъ той печали; но, къ нещастію, нашель противное. Скажи пожалуй, что значать слова твои: я избралъ состояніе монашеское? Я знаю всѣ правила герменевтики, но никакъ не могъ дойти до подлиннаго смысла сихъ словъ. Естьли слова твои принять *in sensu litterali*, выдетъ нелѣпость. Ибо природа сотворила тебя для общества, а не для пустыни. Естьли же принять *in sensu mystico*, то и тогда нельзя избѣжать нелѣпости. Ибо никто и никогда, намѣреваясь вступить въ супружество, не говорилъ: я поступаю въ состояніе монашеское. Досадно, право досадно толковать твои слова. Желаніе видѣть тебя въ щасливомъ состояніи заставляетъ меня послѣднее объясненіе предпочтеть первому. Поспѣши разрѣшить мое сомнѣніе. Естьли ты не шутишь, но въ самомъ дѣлѣ поступаешь въ монашеское состояніе, то я не могу не сказать: есть чудеса въ мірѣ! Ибо не чудо-

¹⁾ Т. е. къ Вас. Якову. Орлову, товарищу, оставленному, въ числѣ другихъ, бакалавромъ при кіевской академіи.

²⁾ Т. е. къ Шлагону Ивановичу Старову — тоже товарищу и бакалавру.

³⁾ Т. е. В. Г. Левчановскій.

ли это, когда образованный, молодой и прекрасный мушкін откажывается отъ общества? Опомнись, другъ мой! Что ты дѣлаешь? Богъ накажетъ тебя. Ибо чрезъ монашество ты чрезвычайно его оскорбишь, такъ какъ монашество противъ заповѣди, которую Онъ далъ первымъ людямъ. Отечество вознегодуетъ на тебя; ибо ты откажешься, поступая въ монашество, быть ему полезнымъ чрезъ дѣторожденіе. Женщины будутъ вопіять на тебя къ пебу. Ибо ты одну изъ нихъ могъ бы ощастливить. Если ты не откажешься отъ своего намѣренія, то я всегда буду скорбѣть о тебѣ. Если ты дѣйствительно идешь въ монахи, то неизменно должна быть сему причина. Желательно бы было мнѣ знать сюю причину, дабы смотря на нее можно было опредѣлить степень твоего дурачества. Оставь-ка, другъ, свое намѣреніе. Оженись лучше. Хорошая жена лучше всего. Зная то, что сіи строки написаны отъ сердца, надѣюсь, что ты примешь ихъ съ сердечной расположенностю, и что онъ заставятъ тебя немедленно откровенно объясниться предо мною.

Хотя ты, по собственному твоему сознанію, чрезвычайно заняты, впрочемъ надѣюсь, что не откажешься послушать новостей нашихъ. Спиридонъ В.¹⁾ милостію Божіею нынѣ уже мужъ. Я былъ званъ на свадьбу, но, опасаясь увеличить досаду на самого себя, заблагорассудилъ отказаться. Наше общество бакалавровъ и профессоровъ отличилось неумѣніемъ танцевать. Госпожи Гулляевой я доселе не имѣлъ щастія видѣть, а потому о качествахъ ея не могу ничего сказать утвердительного. Другіе говорятъ, что она не красавица, но довольно миловидна, добра и чувствительна, ибо читаетъ романы. Но оставилъ ее въ покое. Грузинцы выѣхали изъ Киева въ Грузію. Авксентій Т. не женился на М., но поклялся жевиться. Богъ знаетъ, исполнить-ли онъ свою клятву. Вчерашняго дня Петръ Максимовичъ (который недавно будучи утвержденъ въ должности учителя орловской семинаріи, еще не выѣжжалъ изъ Киева) былъ въ домѣ Таранецкой и узналъ, что все семейство непрестанно плачетъ и жалуется на обманщика²⁾; дѣло о конференції пришло, но конференція еще не открыта. Членами оной утверждены: ректоръ, инспекторъ³⁾ Кириллъ⁴⁾, Скворцовъ,

¹⁾ Спир. В. Гулляевъ, бакалавръ.

²⁾ Т. е. на А. Т. Стченко.

³⁾ Архим. Смарандъ Крыжановскій.

⁴⁾ Архим. Кириллъ Кунинскій, ректоръ киевской семинаріи, а затѣмъ и академіи.

Евгеній¹⁾ Пушноვъ, Ситиревичъ, Стефанъ Семеновскій и Маньковскій. Сочиненія, назначенные для напечатанія, возвратились изъ Петербурга ненапечатанными. Давръ кіевской или лучше ея типографіи предоставлена честь выдать въ свѣтъ знаменитыя творелія воспитанниковъ кіевской академіи. Дипломы ваши пріготовлены. Ищите лучшаго столяра, который бы въ состояніи бысть сдѣлать для вихъ рамы. *Потемкинъ и Кораблиновъ²⁾* доселѣ еще въ Кіевѣ. Г. Поржецкій остался безъ мѣста; вскорѣ отправится въ свою епархію. Марія Ивановна до безумія его любить, но едвали съ нею не случится того, что случилось съ Таранецкою. Дѣло мое крюки декастерскіе доселѣ еще держать у себя. Что будешь дѣлать съ безмозглыми тварями. Вотъ тебѣ новости кіевскія! Не угодно ли послушать новостей не-кіевскихъ? Волынское сем. правленіе сильно дѣйствуетъ противъ архіерея. *Лотоцкій³⁾* уже оженился на дочери того протоіерея, который въ иѣсколькихъ верстахъ живеть отъ Острога и присутствуетъ въ консисторіи. Г. Базилевичъ секретаремъ, а *Собкевичъ⁴⁾* экономомъ. Наркисъ Новицкій священникъ уже и ключаремъ собора. Невѣста Феофіла Новицкаго вышла замужъ. Прощай! другъ твой, Як. М.

Прошу какъ можно скорѣе прислатъ отвѣтъ. Ибо я хота не совсѣмъ увѣренъ въ истинѣ твоихъ словъ, однакожъ никакъ не могу успокоить робкую мою душу.

Василію Григорьевичу засвидѣтельствуй мое почтеніе и объясни ему, что на дочери протоіерейши Воздвиженской женится профессоръ Лабодовскій.

Кіевъ 1823 г. дек. 4 дня.

Р. С. Тебѣ пишу, ты одинъ и читай.

3.

Другъ мой!

Александръ Ивановичъ!

Благодарю тебя за письмо отъ 9-го генваря; оно удовлетворило моему желанію. За поздравлениe твое съ новымъ годомъ

¹⁾ И-ром. Евгеній Соловьевъ, бакалавръ кіевской академіи, изъ магистровъ этого курса московской.

²⁾ Упомянутые въ 1-мъ письмѣ волынскіе учители, ведше тѣжбу съ тамошнимъ архіереемъ Стефаномъ Романовскимъ.

³⁾ Афанасій Лукбчъ Лотоцкій, впослѣдствіи архим. Амеросій.

⁴⁾ Аигонъ Иванъ Собкевичъ.

плачу поздравлениемъ взаимнымъ. Причина, по которой ты отказываешься отъ супружеской жизни, удивила меня и, вмѣстѣ, ясно доказала, что ты довольно еще имѣешь дѣтскаго. Подобнаго твоему поступку рѣдко можно отыскать даже въ романахъ. Какое удовольствіе сдѣлаешь ты твоей любезной кіевлянкѣ, когда пойдешь въ монахи? Она, услышавъ о странномъ твоемъ поступкѣ, можетъ быть сперва погорюеть, а потомъ, видя, что уже нельзя горѣть воротить миленькаго голубчика, начнетъ искать себѣ другаго и нашедъ забудетъ о тебѣ. Она, соединившись съ милымъ, будетъ блаженствовать, а ты, будучи запертъ въ клѣточку, безпрестанно будешь тосковать, лить слезы и можетъ быть, не могши перенести страданій сердца своего, преждевременно сойдешь съ поприща сей жизни. Ты говоришь, что она любить тебя; но развѣ ты не слыхаль отъ опытныхъ, что любовь есть такая болѣзнь, которая удобно излечивается разлученiemъ любящихся лицъ? Поживши годъ, два, не веди переписки съ ней; она, постепенно теряя изъ памяти твой образъ, наконецъ забудетъ тебя и безтrepidно отдастъ руку свою другому. Она можетъ быть и теперь уже успокоилась. Жалко, что я ее не знаю; я постарался бы узвать ея положеніе и извѣстить тебя. Вотъ то-то, Шаша, надобно было жить въ академіи по откровенію. Любилъ и былъ любимъ, а я ничего этого не зналъ. Не обида ли это? для чего было тебѣ не раскрыть предо мною своего сердца? Будучи скрытымъ въ Кіевѣ, не будь таковымъ въ Кишиневѣ, разумѣется въ отношеніи ко мнѣ. Напиши имя, фамилію и мѣсто пребыванія той, которую ты носилъ въ сердцѣ своемъ. Я посмотрю, достойна-ли она той ужасной жертвы, которую ты намѣренъ принести въ честь ея. Признаюсь, другъ, что я о сердцѣ твоемъ совершенно иначе думалъ; я думалъ, что оно твердо подобно камню, но опытъ доказалъ, что оно мягче воску. Яувѣренъ въ томъ, что любовь сильна; но не могу представить себѣ, чтобы она могла довести человека до такого состоянія, въ какомъ ты теперь находишься. Есть-ли чувствуешь въ себѣ сколько-нибудь сиа, вооружись противъ тиранки, возобладавшей тобою; сбрось съ себя ея иго. Побѣда, одержанная тобою, будетъ источникомъ твоего щастія. Молодость твоя и красота привлекутъ къ тебѣ руку молодой, прекрасной и умной дѣвушки. Есть-ли же ты совершенно не способенъ къ противоборству, то мнѣ кажется, лучше тебѣ соединиться съ любимою тобою, нежели ити въ монахи. Положимъ, что ты будешь жить не богато, но за то будешь покоенъ, ибо будешь

обладать тѣмъ предметомъ, который теперь смущаетъ твое сердце. Что же ты думаешь найти въ монашествѣ? Черная одежда не избавитъ тебя отъ пламени любви. Онъ безпрестанно будетъ по-жирать твое сердце, такъ, что ты не радъ будешь своей жизни. Милая всегда будешь находиться въ твоемъ воображении и тогда ты, вместо монаха, будешь несчастнѣйшимъ любовникомъ, который лишенъ всѣхъ средствъ соединиться съ обожаемымъ предметомъ. Другъ мой! Пиша сію, я не осмѣливаюсь отнимать у тебя свободы. Впрочемъ увѣрю тебя, что монашество будетъ для тебя источникомъ горестей. Теперешнее твое худое положеніе еще болѣе заставляетъ меня противиться твоему намѣренію. Богъ знаетъ, чѣмъ кончится вашассора съ Р...¹⁾) Можетъ статься, что неправда одержитъ верхъ надъ правдою — и ты невинно пострадаешь. Свѣтскому человѣку должностъ при семинаріи не такъ дорога; онъ всюду можетъ найти для себя мѣсто. Но монаху лишиться училицецкой должности значить всего лишиться. Ибо монастырь для ученаго человѣка есть гробъ. Подожди, другъ, избирать состояніе. Можетъ быть перемѣнятся обстоятельства. Забудь на время о кievлянинѣ; можетъ быть встрѣтятся съ нею такія обстоятельства, которые заставятъ ее забыть о тебѣ. Тогда ты будешь имѣть полное право изгнать ее изъ своего сердца.

Ссора ваша заставляетъ меня страшиться за тебя; противная сторона сильнѣе вашей; васъ могутъ преодолѣть и обидѣть. Миѣ кажется, вамъ лучше примириться, если это можетъ быть сдѣлано безъ унженія своего достоинства. Милый мой! веди себя поосторожнѣе. Я знаю изъ собственного опыта, что неосторожность можетъ ввергнуть человѣка въ бѣдственное состояніе. Напиши мнѣ о семъ предметѣ по-обстоятельнѣе. Я очень беспокоюсь о тебѣ. Я увѣренъ, что твое дѣло право, но и увѣренъ въ томъ, чтобы всѣ почитали его таковымъ. Дѣйствуй, но съ мудростю зміною. Отецъ Смарайдъ²⁾) послалъ тебѣ отвѣтъ; посему я не нужнымъ почель узнавать его мысли о твоемъ на-мѣреніи. Мое дѣло еще не приходило; ожидаю со дня на день; Ивана Алексѣевича³⁾) уже не стало: на мѣсто его явился іеромонахъ Иннокентій. Онъ пишетъ, но не къ намъ, а къ Евгенію.

¹⁾ Съ ректоромъ кишиневской семинаріи арх. Иринеемъ.

²⁾ Инспекторъ кіевской академіи.

³⁾ Т. е. Ивана Алексѣевича Борисова.

Чѣмъ ближе подходитъ мой роковой день, тѣмъ, тѣмъ, тѣмъ... Что со мною будетъ? Отецъ ректоръ еще не выѣзжалъ изъ Ки-ева; на сихъ дніяхъ непремѣнно отправится¹⁾). Преемникъ его, отецъ *Мелетій*, бывшій вашъ любезнѣйшій инспекторъ. Надѣ-емся, что съ нимъ будетъ хорошо намъ жить, естьли только кто нибудь не воспользуется добротою его сердца ко вреду дру-гихъ. Сочиненія еще не отпечатаны. Конференція открыта предъ Рождествомъ. Мы получили дипломы; ваши скоро будуть прис-ланы, какъ говорятъ секретарь. Грузинцы, выѣхавъ изъ Киева 24 ноября, прибыли въ Іѣлгородъ 24 декабря. Такъ скоро ѿз-дятъ! Въ Грузію пріѣдутъ развѣ чрезъ годъ. Кто изъ нихъ въ какой городъ поѣхалъ, право не знаю, ибо грузинскія имена трудно помнить. О состояніи Марыи Тимоф. ничего не знаю. Тетушка и сестрица твоя здоровы; онѣ недавно были въ нашей церкви. Тотъ, кто тебѣ писалъ о сестрѣ съ невыгодной стороны, есть безсовѣстный лжецъ; не вѣрь ему. Ова живетъ такъ, какъ жила и при тебѣ. Мать не отпускаетъ ее отъ себя. Впрочемъ сердце женщины глубоко. Проповѣдь твоя, видно, была лучше мѣссильбоновской. Недавно въ Кіевѣ умеръ прот. *Сибиревичъ*; мѣсто его заступилъ *Ст. Семяновский*. Яковъ Ив. *Крышинский* вскорѣ женится на Александрѣ Петровнѣ. Инспекторъ представ-ленъ въ экстраорд. профессоры, а Скворцовъ въ ординарные. Исключили четырехъ студентовъ, между коими *Димитрія Савчен-кова*. Волынское сем. правленіе не пристаетъ дѣйствовать противъ архиерея; Лотоцкій уже священникомъ. Кишиневскіе ваши сту-денты успѣваютъ довольно хорошо, такъ что бывшій префектъ²⁾ занимаетъ высокое мѣсто во 2-мъ разрядѣ. Пѣвчихъ академ. нѣть; слѣд. мы лишились одного изъ величайшихъ удовољствій. Кон-тракты вынѣшніе по причинѣ худой погоды неудачны. Това-рищи наши—баккалавры перебрались въ академію. Въ отношеніи къ себѣ самому не имѣю особенного чего вибудь сказать тебѣ. Прошу не медлить отвѣтомъ. У васъ, кажется, не проходитъ теперь ни одного дня безъ новостей. Пиши о всемъ; я все буду принимать съ радостію, а особенно касающеся тебя. О сестрѣ твоей я постараюсь узнать что нибудь по обстоятельнѣю. Прости,

¹⁾ Архим. *Моисей*—былъ назначенъ епископомъ старорусскимъ.

²⁾ *Аврамій Жуминскій*—до поступленія въ кіевскую академію въ 1823-мъ г. былъ учителемъ и префектомъ кишиневской семинаріи. Впослѣдствіи игуменъ *Антоній* инспекторъ кишиневской и калужской семинарій.

миленькой! Можетъ быть въ послѣдній разъ пишу тебѣ, свѣтскимъ будучи—прости! Твой доброжелатель Я. М...

Василію Гр. мой усердный поклонъ.

Кіевъ, 1824 г., генв. 23.

4.

Кіевъ, 1824 года, окт. 1 дня.

Любезнѣйшій другъ!

Я думалъ, что никогда уже не получу отъ тебя отвѣта на письмо, которое я послалъ къ тебѣ еще въ пропущенномъ году¹), думалъ, что ты не рѣшился продолжать знакомство съ тѣмъ, который, по чудному какому-то сдѣланію обстоятельствъ, отказался дѣйствовать на театрѣ суетнаго міра; думалъ, что у меня нѣтъ уже такого человѣка, предъ которымъ-бы я могъ изливать чувства моей скорбной души, думалъ, и, къ стыду моей недовѣрчивости къ тебѣ, обманывался. Письмо твое, исполненное искреннихъ чувствованій, доказываетъ, что ты помнишь того, кого забылъ весь міръ, доказываетъ, что долговременное твое молчаніе зависѣло отъ обстоятельствъ, которыя, волнуя твою душу, не позволяли писать ко мнѣ. Благодарю Всеблагаго Бога, что Онъ для моего и вмѣстѣ для твоего щастія облегчилъ мучительную болѣзнь, которой ты, живя въ Кіевѣ, подвергся, и надѣюсь, что ты въ скоромъ времени совершенно оздравѣешь, е只要你 не захочешь противиться премудрому врачу. Благодарю тебя, милой мой, за твою искренность. Не опасайся и впредь открывать мнѣ тайнъ твоего сердца. Я не изъ числа тѣхъ, которые малую прѣвшность ближняго подвергаютъ самому строгому суду, забывая о своихъ слабостяхъ. Чувство твоего сердца, чувство, которое родилось въ тебѣ въ Кіевѣ и которое столько причинило тебѣ беспокойства въ Кишиневѣ, виновно, но очень мало. Ибо законы, осуждающіе сіе чувство, не основаны на нашей природѣ, а следовательно они не божественные. Хитрая политика, на всякихъ жестокости рѣшающаяся, для корыстолюбивыхъ своихъ видовъ, постановила сіи законы. И такъ ты, попустивъ въ сердцѣ свое родиться чувству противному законамъ, не основаннымъ на природѣ человѣческой, не виновенъ или, по крайней мѣрѣ, мало ви-

¹) О. Іустинъ забылъ, что предыдущее письмо къ Бѣлкову было послано имъ отъ 23-го генваря того-же 1824-го года.

новенъ предъ своимъ разумемъ. Но, другъ мой, мы живемъ въ обществѣ, слѣдовательно должны повиноваться законамъ общества, и когда нарушаемъ законы, постановленные въ обществѣ, дѣлаемся виновными предъ людьми. И такъ, признавая твое чувство невиннымъ, при всемъ томъ не могу не посовѣтовать тебѣ постараться всѣми возможными средствами пстребить его. Истребивъ его, ты себѣ доставишь душевный миръ и немало не огорчишь С. Т.; ибо можно ли огорчаться тѣмъ, чѣо дѣлается по внушенню законовъ? При томъ я сомнѣваюсь, чтобы душа ея страдала тѣмъ же, чѣмъ твоя страдаетъ. Люди, подвергнутые болѣзни, которою ты страждешь, обыкновенно грезятъ и видятъ часто то, чего нѣть въ природѣ. Но полно тосковать *de lana caprina*¹⁾). Не сердись на меня: сказавъ много ложнаго, я можетъ быть сказалъ что-нибудь и истинное.

Поговоривъ о твоемъ состояніи, скажемъ чго-нибудь о моемъ. Тотъ ужаспый обѣтъ, который я далъ начальству еще въ іюнѣ прошедшаго года, исполненъ мною въ февралѣ настоящаго года. Горестно, признаюсь тебѣ, горестно мнѣ было оставлять міръ. Не могу тебѣ выразить, чѣо происходило въ душѣ моей, когда пришелъ роковой указъ. Какой-то ужасъ тогда овладѣлъ мною, и весь тряслся, не могъ ничѣмъ заниматься; бралъ-ли книгу, перо ли, онѣ выпадали изъ рукъ моихъ. Жестокіе мои товарищи вмѣсто того, чтобы пособить мнѣ въ семъ нещастномъ положеніи, шутили надо мною и тѣмъ увеличивали мое бѣдствіе. Желая прекратить свое нещастіе, я не рѣшился медлить перемѣнною своего состоянія и, собравшись съ духомъ, облекся въ одежду плача и сѣтованія въ пятокъ 1-й недѣли поста. Вотъ уже 7-мъ мѣсяцемъ, какъ я сижу въ темницѣ, произвольно мною избранной. Иногда выхожу изъ стѣнъ монастырскихъ; но сie, признаюсь тебѣ, не во благо мнѣ служитъ. Возвратясь въ мрачную свою обитель, я всегда говорю самъ себѣ: „лучше-бы было, если бы я пошелъ обыкновеннымъ путемъ“. Впрочемъ печальные мои мысли вдругъ исчезаютъ при представлениі тѣхъ беспокойствъ, которыя соединены съ мірскою жизнію. Авось Богъ дастъ, я привыкну къ своей жизни и можетъ быть буду благодарить себя за то, что поступилъ такъ, а не иначе. Прошу писать ко миѣ почаше. Письма твои будутъ служить услажденiemъ горестей моей уединенной жизни.

¹⁾ Буквално: о козьей шерсти, т. е. о пустакахъ, безъ нужды.

Послушай новостей. Преосвящ. *Серапионъ*¹⁾ прошедшаго мѣсяца въ 8-мъ часу по полудни переселился къ отцамъ своимъ. Смерть архипастыря была тихая. Въ день смерти велико было ударить 77 разъ въ колоколъ соборный въ соотвѣтствіе дѣтамъ его жизни. На третій день тѣло покойника изъ дома перенесено было въ теплый соборъ при колокольномъ звонѣ, который не-прерывно продолжался два часа при всѣхъ церквяхъ. На четвертый день совершено было погребеніе пр. *Евгениемъ* съ викаріемъ и со всѣмъ кievскими духовенствомъ. Одинъ изъ соборныхъ священниковъ почтилъ память своего пастыря надгробнымъ словомъ. Тѣло его положили въ склепъ въ соборѣ.

Двѣ сестры, Наталія и Марія *Семяновскіе*, по особенной къ нимъ милости фортуны, въ одинъ и тотъ-же день сдѣлались супругами, первая—Аверкія Ильича²⁾, а другая—Акима Егоровича³⁾. Яковъ Ивановичъ *Крышинскій* избавилъ отъ долговремен-наго дѣства Александру Петровну, бывшую нашу общую писательницу. Платонъ Ивановичъ⁴⁾ скоро составить новое брачное торжество. Предметъ его любви есть Марія Ивановна *Синец-кая*. Петръ Федор. *Богословскій* и Петръ Вас. *Ольшевскій* получили благословеніе архипастыря на бракъ съ дочерьми того смотрителя уманскаго, который во время вашего странствованія такъ хорошо угостилъ васъ. Раиса Алекс., вожделѣнная супруга Спи-ридана Васильевича, наградила своего мужа дочерью. Не пріятель ему сей подарокъ, но нечего дѣлать. Федоръ Эммаускій оять хочеть вступить на поприще учености. Подашь на двяхъ проше-ніе въ академическое правленіе обѣ опредѣленіи его къ учительской должности при орловской семинаріи. Если уваженное тепе-решнее его состояніе не перемѣнило его прекраснаго характера, то горе орловской семинаріи! Свѣтила, просвѣщавшія вашу страну, будучи подвигнуты съ мѣста своего, много потеряли своего блеску⁵⁾). Перемѣна моего состоянія лишила меня возмож-ности звать что-нибудь о твоей тетушкѣ и любезной сестрицѣ.

¹⁾ Митрополит кіевскій—съ 1803 по 1822 г. По уволненіи на покой, доживая дни въ Кіевѣ.

²⁾ *Пушкина*, баккалавра академіи.

³⁾ *Орлова*, тоже баккалавра.

⁴⁾ *Ставровъ*, баккалавръ.

⁵⁾ Намекъ на вызовъ ректора бишан. сем. арх. *Иринея* въ Спб. и на его тамъ отношенія, о чёмъ писалъ Бѣлюкову изъ Спб. въ *Иннокентій*, какъ знаютъ читатели.

Впрочемъ онъ живы и здоровы, ибо иногда ходять къ намъ на обѣдю. Ты върасно прекратилъ съ тетушкою переписку,—она почтеть тебя неучтивымъ. О нашихъ удалыхъ головахъ грузинскихъ ни слуху, ни духу. Библіотекарю семинарскому дѣйствительно жалованья 120 р.¹⁾). Опты сочиневій нашихъ товарищѣй постараюсь прислать. Прощай! *Tuus ex animo Hieromonachus Jacobus Justinus Michailow.*

5.

Любезнѣйшій другъ!

Александръ Ивановичъ!

Не беспокойся; я еще не по ту сторону Стиksа. Жестокій трагъ человѣчества—смерть видно притупила свою косу. Хотя скука, терзающая мою душу, все дѣлаетъ для меня непріятнымъ, впрочемъ смерть все кажется ужасною. Ты спросишь, отъ чего и скучаю? Отъ того, что я живу въ одиночествѣ, а одиночество со скучою находится въ тѣсной связи. Быть заключену въ двухъ стѣнахъ, не знать, что такое общество, не имѣть человѣка, предъ которымъ бы я свободно могъ открыть свои чувства, и быть веселу—невозможно. Ты шутишь надо мною и, я почитаю тебя счастливымъ, ибо мнѣ кажется, что шутить можетъ только тотъ, кто доволенъ своею участью. Ты шутишь надъ моимъ молчаніемъ, но едва ли по праву; еще неизвѣстно, кто изъ насъ долѣе молчалъ. Впрочемъ избавь Богъ насъ отъ суда. Шути надо мною, я буду доволенъ твоими шутками.

Любезнѣйшій! Тебѣ несносенъ Кишиневъ; ты хочешь оставить проклятую Бессарабію, но, къ прискорбію твоему и вмѣсть моему, объявию тебѣ, что хотѣніе твое несбыточно. При семинаріи подольской яѣть празднаго мѣста. Хотя тотъ нещастный и достойный всякаго сожалѣнія профессоръ, который за вѣсколько предъ сімъ покусился было на свою собственную жизнь, теперь къ большему своему нещастію лишился ума, а потому сдѣлался не способнымъ къ прохожденію училищной должности; впрочемъ архіерей подольскій²⁾ успѣлъ уже найти преемника ему, по словамъ его высокопреосвященства, достойнаю, именно родственника своего, кандидата или магистра—право не знаю—москов-

¹⁾) Бѣлюковъ былъ библіотекаремъ кишин. семинаріи.

²⁾) Архіеп. Ксенофонтъ Троепольскій.

ской академії посльднаго курса. Сей высокоученый мужъ такой, какіе обыкновенно выходить изъ московской академіи; не получивъ мѣста при окончаніи курса, прибѣгнулъ къ высокоустроющіему своему родственнику, и нынѣ по личному ходатайству сего родственника, къ славѣ или безславію—я право не знаю—нашего округа, вступаетъ на каѳедру профессорскую. Наши студенты, оканчивающіе курсъ, услышавъ о такой несправедливости, поскрежетали зубы своими и симъ кончилось все ихъ мщѣніе. Ex ognibus his patet¹), что ты долженъ примириться съ своимъ Кишиневомъ и возлюбить ту страну, которую признаешь достойною проклятія.

Любезнѣйшій! Тебѣ несносныи кажется то, что вашу страну наводняетъ неувѣжество и дурачество сильное; но, другъ! Гдѣ нѣтъ сего нещастія? Этотъ бичъ Божій всюду извѣстенъ. Будь философомъ, смотри на всѣ дурачества и смѣйся, разумѣется внутренно. Ибо открытый смѣхъ надъ дурачествомъ есть одна изъ причинъ пещастій человѣческихъ. Я много бы могъ написать тебѣ о семъ предметѣ, но частое поднимавіе фоліантовъ такъ измучило мои персты, что они отказываются мнѣ служить. Студентовъ нашихъ постыгъ внезапу судъ Божій или лучше человѣчій. Между тѣмъ какъ они предавались сладостнымъ мечтамъ по случаю окончанія курса, страшный громъ разразился надъ ихъ главами. Между тѣмъ какъ рѣдкіе изъ нихъ заботились о приготовленіи большихъ диссертаций, комисія приказала: каждый студентъ академіи, желающій получить ученую степень, долженъ представить въ комисію три или по крайней мѣрѣ два большихъ разсужденія на латинскомъ и россійскомъ языкахъ. Можешь себѣ представить, въ какомъ теперь находятся положеніи тѣ, у которыхъ даже и по одному нѣтъ разсужденію. Увы! вѣ теперъ господствуетъ въ академіи. Слава Богу, что нась не застигла сія буря!²)...

Ревизоромъ въ академіи и семинаріи кіевской будетъ викарій кіевскій Аѳанасій. Въ прочія семинаріи не будутъ посыпать ревизора.

¹⁾ Т. е. изъ всего этого явствуетъ...

²⁾ Это была одна изъ репрессій, которой подвергся второй курсъ кіевской академіи и соотвѣтствовавшій ему шестой курсъ саб-ской. Интересно выяснить причины этого факта.

Экзаменъ начнется у насъ съ 15-го сего мѣсяца. Въ ака-
деміи нашейъ ничего не случилось достойнаго особеннаго замѣ-
чанія, кромѣ того, что студентъ Лукашевичъ, въ всеобщему со-
жалѣнію, скончался 1-го мая отъ чахотки.

Прощай! Прощай же! Твой усердный пріятель, пустыникъ
среди города Михайловъ.

Василію Григорьевичу мой вижайший поклонъ.

Кievъ, 1825 г. іюня 7-го дня. Помѣта: „получено 15 іюня“.

6.

Любезнѣйшій мой

Александръ Ивановичъ!

Письмо твое отъ 17-го прошедшаго октября я получилъ. Ты
укоряешь меня за долговременное молчаніе и—по праву: я вин-
овенъ предъ тобою и такъ виновенъ, что излишнимъ почитаю
оправдываться. Впрочемъ имѣю честь донести любезному моему
магистру, что мое молчаніе происходило отъ врожденной мнѣ-
лости говорить, а не отъ забвенія о немъ, какъ онъ думаетъ,
или (употребляю его слово) какъ онъ подозрѣваетъ. Увѣряю тебя,
что я никогда не забуду того, который искренностію своею и
усердіемъ много облегчалъ трудность студенческой моей жизни.
Не страшись! я такъ тебя люблю, что ничто не изгладить изъ
памяти моей любезное для меня имя Александра. Но приступимъ
къ дѣлу. Ты подалъ прошеніе о переведеніи тебя въ другую се-
минарію; я это знаю. А правленіе представило о прошеніи твоемъ
въ комиссію—и это я знаю. Но комиссія уважить или нѣтъ твое
прошеніе этого я не знаю, а потому не могу успокоить тебя.
Спросишь, почему комиссія такъ долго не рѣшаетъ твоего дѣла?
Потому, что судьба студентовъ нашихъ не рѣшена. Твое дѣло безъ
сомнѣнія придетъ вмѣстѣ съ нашимъ. Мы и сами теперь не бо-
льше тебя спокойны, ибо судьба учителей тѣспо соединена съ судь-
бою учениковъ. Не понравился ученикъ, можетъ не понравиться
и учитель. Дай Богъ, чтобы все кончилось хорошо. Горе намъ,
естли... но кажется не зачто¹⁾.

¹⁾ Да, потому что не понравились ученики, и еще по другому кое-чему праш-
лось и некоторымъ учителямъ поплатиться. Именно, баккалавры академіи два брата
Иг. и К. Грузини принуждены были оставить службу въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ...
Такому же ostrакизму подверглись и еще три магистра 1-го курса кіевской академіи,
въ толь числѣ и Бѣлюковъ.

У насъ не безъ новостей. Академіи ректоръ ъездилъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ ревизировать орловскую семинарію по предписанію комиссіи. Случаемъ къ сей ревизіи была неисправность тамошняго ректора, усмотрѣнная епархіальнымъ архіереемъ¹⁾). Коммісія упомянутаго ректора столько нашла виновнымъ, что, не дожидаясь донесенія ревизорскаго, лишила его и должности ректора и монастыря. На мѣсто его поступилъ инспекторъ спб. академіи²⁾, а на мѣсто сего послѣдняго нашъ пресловутый Иванъ Алексѣевичъ Борисовъ, что иныѣ Иннокентій. Вотъ шагнуль! Пусть и далѣе шагаетъ. Другъ! Откуда сему премудрость и разумъ? Вѣдь онъ пилъ днѣпровскую воду. Чудо! лившій днѣпровскую воду вознесе цяту свою на... но Богъ съ нимъ! Наше дѣло, смотря на него, радоваться отъ всей души. Ректоръ воронежскій переведенъ въ Вятку; на мѣсто его поступилъ инспекторъ черниговскій, игуменъ Филадельфъ. На мѣсто сего—одинъ изъ студентовъ сиб. академіи. Ректоръ тульскій и волынскій перемѣщены. Любезнѣйшій нашъ товарищъ Григорій Федоровичъ Базилевичъ, по двухлѣтиемъ гоненіи со стороны своихъ недоброжелателей, скончался отъ кроваваго поносу. Не успѣлъ увидѣть родины своей. Все лучше-бы было, естьли-бы кости его преданы были землѣ друзьями. Вѣчная ему память! Терпѣніе его при всѣхъ озлобленіяхъ не останется не награжденнымъ. Что касается до меня самого, то я живу въ покойныхъ комнатахъ, получаю хорошее жалованье, такъ что имѣю удовольствіе помогать бѣднымъ моимъ родителямъ; засѣдаю во внутреннемъ академическомъ правлениі, вся академическая библіотека въ моей власти; но при всемъ этомъ я не доволенъ собою. Видно я не тамъ стою, гдѣ надобно бы было мвѣ стоять. О естьли бы я могъ увидѣться съ тобою! Ты успокоилъ-бы меня.

О родственникахъ твоихъ кіевскихъ я никакого не имѣю свѣдѣнія. Товарищи наши, погибшіе въ Грузію, какъ будто въ воду упали. Товарищи наши кіевскіе всѣ здоровы и кланяются вамъ. Болѣе никогда писать. Иду въ церковь. Прощай и помни преданиаго тебѣ Михайлова.

1825 г. Ноября 1 дня.

Кіевъ.

Василію Григорьевичу нижайшій поклонъ.

¹⁾ Гавріиломъ Розановимъ.

²⁾ Гавріилъ Воскресенскій, поэтический авторъ „Історія філософіа“.

7.

Любезнѣйшіе!

Александръ Ивановичъ

и

Василій Григорьевичъ¹⁾!

Actum est de vestra prosperitate! decreto Coetus, dirigentis Scholas Ecclesiasticas Rossiaci imperii, excidistis degnitate professoria. Causas hujus vestri infurtunii perspectas non habeo. Жуминский et Puriskevitz vobis substituti sunt. Idem in faustum fatum possunt nostri commilitones—Baccalavra Academiae J. et C. Gruzini et professor Orlowiensis Seminarii Philippoff. Valete, carissimi mei! Animi dolor impedit, quo minus alia nova enarrem.

Vester ex toto meo animo Jacobas-Justinus Michailoff.

Кијовiae, 1825 decembr. 30 die.

Переводъ.

Конецъ вашему благополучию! По определенію комиссіи духовныхъ училищъ Россійской имперіи вы лишины званія профессорскаго. Причинъ сего вашего несчастія ясно не знаю. Жуминскій и Пуришкевичъ назначены вместо васъ. Ту же несчастную судьбу потерпѣли и товарищи наши баккалавры академіи И. и К. Грузинъ и профессоръ орловской семинаріи Филипповъ. Прощайте, любезнѣйшіе мои! Душевная скорбь препятствуетъ розказывать другія повѣсти. Вашъ отъ всей моей души Яковъ-Іустинъ Михайловъ.

Киевъ, 1825 г. декабря 30 дня.

8.

Киевъ декабря 12-го, 1826 г.

Любезнѣйшій другъ!

Александръ Ивановичъ!

Я не справедливо поступилъ съ тобою, я обидѣлъ тебя. Въ этомъ увѣряетъ менѣ собственная совѣсть. Но что-же ты хочешь со мною сдѣлать? Ради Бога, для собственной своей пользы не вызывай меня на поединокъ. Ты знаешь, въ какое оружіе я об-

¹⁾ Въ этомъ письмѣ, написанномъ по латыни, Іустинъ братко излагаетъ судьбу, постигшую братьевъ Грузинскихъ, Бьюлюова, Левченовскую и Филиппова, о чёмъ мы говорили выше.

лаченъ? Что значить предъ мсимъ мечемъ обоюду-тупымъ твоя шпага? ¹⁾ Я въ одну минуту привижу душу твою къ перевозу Харонову. Страшися, смертный, братися съ земнымъ ангеломъ! Лучше, другъ, забывъ все прежнее, помиримся. Вотъ тебѣ моя рука, дай свою.

Станемъ жить по прежнему. Я буду писать къ тебѣ, а ты исправно будешь отвѣтывать на мое маранье. Пусть отецъ вражды не радуется болѣе.

Учитель Никольскій точно исполнилъ твое порученіе. Когда онъ сказалъ мнѣ, что Алек. Ив. кланяется мнѣ и вмѣстѣ желаетъ, чтобы я писалъ къ нему, то я такъ смѣшался отъ стыда, что не могъ ничего сказать ему въ отвѣтъ. Выходецъ кишиневскій рассказалъ намъ много чудеснаго о правленіи кнш. сем.; мы до сыта насмѣялись и все тѣмъ кончилось. Благодарю небо, исхитившее тебя изъ чрева адова! Горько тебѣ было оставлять мѣсто, на которое ты полное имѣлъ право; но, я надѣюсь, ты въ непрородолжительномъ времени благословишь жестокую руку, извлечшую тебя изъ мирного крова и заставившую претерпѣть многое пѣріятнаго. Какой-то неизвѣстный для меня гласъ всегда, какъ только я думаю о тебѣ, шепчетъ мнѣ, что судьба такъ wysoko вознесетъ тебя, что мы смиренные рабы не въ состояніи будемъ зрѣть тебя, любезнѣйшій! ты начаъ было описывать свои горести и радости со временемъ твоего увольненія изъ семиварії; прошу покорно продолжать, если можно, начатое; мнѣ пріятно будетъ съ тобою стоять, просить и не получать. Говорю: пріятно, либо такимъ образомъ получше познакомлюсь съ человѣчествомъ, которое всегда почти прикрываетъ безобразіе свое маскою, сдѣланною со всевозможнымъ искусствомъ. Но въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ ты находился, является въ естественномъ своемъ видѣ.

Послушай нашихъ новостей! Преосвящ. викарій кіевскій ²⁾ сдѣланъ епископомъ нижегородской епархіи. На мѣсто его поступилъ пашъ ректоръ А. Мелетій, который уже и посвященъ. Посвященіе происходило 22-го прошедшаго ноября въ большомъ каѳедральномъ соборѣ при многочисленномъ стеченіи любопытныхъ. Новый епископъ въ тотъ-же день угощалъ обѣденнымъ столомъ преосвященныхъ Лаврентія, архіеп. черниговскаго, и Аѳанасія,

¹⁾ Вѣлюговъ уже поступилъ въ это время на гражданскую службу. Пустарь цѣлый годъ не писалъ къ нему, и вотъ теперь извиняется.

²⁾ Аѳанасій.

епископа нижегородскаго, совершившихъ посвященіе,—первостепенныхъ чиновниковъ, знатнѣйшее духовенство, почетныхъ гражданъ и наконецъ всю ученую четяль какъ академическую, такъ и семинарскую. Вставши изъ-за стола, всѣ гости единодушно желали, чтобы чаще въ Киевѣ посвящали архіереевъ, а это служить несомнѣннымъ признакомъ, что столъ былъ изрядный. Чтобы слухъ не гибвался на чрево, пѣвціе академическіе и семинарскіе концерты и канты старались тѣшить его. Въ первое по освященіи воскресеніе преосвященный ректоръ служилъ въ братской церкви. Не смотря на худую погоду, собраніе людей было большое. Послѣ сего ты спросишь: кто же теперь у васъ ректоръ? или кто будетъ? Это еще останется тайною. Правда, во всемъ городѣ говорить, что о. Кириллъ, ректоръ семинаріи, удостоится сей чести; но по-елику не известно, на чемъ основывается сія всеобщая молва, то я полное имѣю право говорить, что не известно еще, кто будетъ ректоромъ. Время покажетъ.

Изъ Сп.-бурга пишутъ, что о. Кириллъ держалъ экзаменъ на магистра и выдержалъ. Къ празднику новаго магистра возвратится въ Киевъ, ибо уже въ дикастеріи полученъ указъ о его возвращеніи. Если въ самомъ дѣлѣ о. Кириллъ будетъ ректоромъ ака-деміи, кажется намъ будеть съ нимъ хорошо.

А. Д. Граниковъ¹⁾ въ прошедшемъ сентябрѣ оженился. И вогь какимъ образомъ: на вакацію онъ поѣхалъ на Волынь къ Феофилу Новицкому съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы съ помошію его найти тамъ себѣ невѣstu. Пріѣхавши съ Новицкимъ къ преосв. Стефану, онъ встрѣчается съ его родственницею, лѣнушкою, дочерью того Кіанова, который былъ городничимъ въ Новомгородѣ Волынскомъ и который, по смерти первой своей супруги, женился на сестрѣ архіерея, вдовѣ протоіерейской. Проживши нѣсколько дней съ нею вмѣстѣ, А. Демьяновичъ amore ejus capit²⁾, и—дѣло сдѣлано. Александра Николаевна Кіанова дѣлается супругою г-на бакка-лавра. Каково? Не романтическая-ли женитьба? Впрочемъ Андрей Демьяновичъ не раскаялся, что такъ поспѣшно наложилъ на себя оковы брачныя. Представь себѣ женщину дородную, красивую, образованную и при томъ еще добрую. Вотъ тебѣ изображеніе жены Андрея Демьяновича! Но ты скажешь: не всѣ изчислены

¹⁾ Баккалавръ киевской ака-деміи, товарищъ Іустина и Бѣлюкова.

²⁾ Т. е. пленілся ея любовью.

совершенства — ни слова о богатствѣ. О семъ совершенствѣ, ко-
торое многіе уважаютъ болѣе всего, не могу ничего сказать по
причинѣ скромности Андрея Демьяновича въ отношеніи къ сему
предмету:

Платонъ И. Старовъ procreavit filiam¹⁾), которой далъ зна-
менательное имя Надежды.

Мих. Ив. Доросевичъ²⁾ положилъ въ умѣ свое мѣсто твердое намѣ-
реніе жениться на дочери купца (бывшаго) Куприанова, Елисаве-
тѣ, которая въ то время, когда мы учились, была дитя, но теперь
уже невѣста — девушка хорошая; жаль только, что бѣдна. Послѣ
Пасхи положено быть свадьбы.

Что-же я ничего не скажу о себѣ? Внѣшнее мое состояніе
очень хорошо; жалованье получаю очень достаточное, а должностіи
не такъ тягостны. Но жаль, что внутренность не соотвѣт-
ствуетъ внѣшности. Скука безпрестанно мучитъ мое сердце и —
мученіе сіе иногда доходитъ до такой степени, что я не радъ бы-
ваю самому себѣ. Вотъ что значитъ monachatus! Я счастливъ быль-
бы, если бы ты былъ со мною. Но теперь я безъ друга, а безъ
друга мила и жизнь намъ постыла, сказалъ нѣкто. Прощай! милый
мой. Прощай! Пиши ко мнѣ. Я вѣрно буду отвѣтывать.

Nobilissimo domino, domino Basilio Greg. salutem tum natura-
lem, quae consistit in legitima circulatione sanguinis, tum spiritualem,
ad quam requiritur regularis circulatio gratiae divinae, devotissime
dicit I. M. Th.³⁾

9.

Киевъ. 1827 года, апрѣля 17 дня.

Во истину Христосъ Воскресе!

Милый другъ Александръ Ивановичъ!

Пріятное для меня письмо твое отъ 5-го апрѣля я получилъ.
Благодарю тебя за оное; оно принесло мнѣ немалое удовольствіе

¹⁾ Т. е. родить дочь.

²⁾ Товарищъ, служившій учителемъ въ кіевской семинарії.

³⁾ Т. е. „Благороднѣшему господину, Василію Григорьевичу (Левчановскому)
здоровья, какъ тѣлеснаго, состоящаго въ правильной циркуляціи крови, такъ и душев-
наго, для котораго требуется правильная циркуляція благодати Божіей,—преданійше
желаетъ Густинъ,магистръ богословія“.

и уменьшило нѣсколько грусть, которая тяготить душу мою съ того времени, какъ нашу академію постигло ужасное или, по крайней мѣрѣ, довольно великое нещастіе. Ты уже знаешь, что я съ давняго времени ощущаю въ себѣ какое-то беспокойство. Это былъ предвозвѣстникъ будущей моей горести, но я не понималъ его. Ты уже можетъ быть слышалъ, что вся академическая наша и семинарская сумма украдена. Надѣясь, что доброе твое сердце не откажется поскорѣеть съ нами, разскажу тебѣ подробнѣо о семъ непріятномъ произшествіи. На пятой недѣлѣ поста въ четвертокъ мы поѣхали на экзаменъ въ уѣздное училище. Въ 11-мъ часу экзаменъ академіи, вызвавши ректора, въ слезахъ доноситъ ему, что сумма покрадена. Оставивши экзаменъ, мы немедленно отправляемся къ казнохранилищу и, къ величайшей горести, не находимъ въ немъ сундуковъ съ деньгами; замки сняты и тут же брошены. Зная, что сундукъ академической желѣзный и очень тяжелъ, наѣрное положили, что онъ не долженъ быть вынесенъ за монастырь, и не ошиблись. Служители немедленно нашли его разломаннымъ, вмѣстѣ съ семинарскимъ, въ пустомъ погребѣ подъ новымъ корпусомъ, на юго-западной сторонѣ. Осмотрѣвъ ихъ вмѣстѣ съ полицеймейстеромъ, сюда прибывшимъ, не нашли въ нихъ изъ 60000 тысячъ ни одного рубля. Спросишь: былъ ли при казнохранилищѣ сторожъ? Такъ, былъ, и онъ-то погубилъ нась. Полиція послѣ допроса всѣмъ живущимъ въ академіи, сдѣлала свои распоряженія къ открытію похитителей. Къ вечеру того-же самаго дня является къ доктору частный приставъ Марковскій и доносить, что два вора схвачены и при нихъ найдена часть денегъ—16 тысячъ. Эта вѣсть нѣсколько успокоила мутящійся нашъ духъ. Пойманые воры (гарнизонные солдаты) при допросѣ показали, что они крали вмѣстѣ съ самымъ сторожемъ. „Григорій Ивановъ (такъ называется сторожъ), говорили они, познакомившись съ нами, объявилъ намъ свое намѣреніе и пригласилъ нась помочь ему; мы согласились; онъ въ сумерки, введши нась въ академію задними воротами, что при бавѣ, посадилъ нась въ погребъ; по полуночи, осмотрѣвши всю академію, и видя, что всѣ улеглись спать, отперъ подобранными ключами казнохранилище и вынесъ къ намъ сундукъ семинарскій. Разбивъ его, мы нашли въ немъ 16 тысячъ и хотѣли съмъ удовольствоваться, но онъ сказалъ, что мало, и что все равно отвѣтить. Обождавъ немного, мы пошли всѣ трое за другимъ сундукомъ и съ большимъ трудомъ вынесли его и также разломали. Давъ намъ одну пачку, всѣ прочія деньги забрали себѣ.

Прощаясь съ нами, онъ сказалъ, что поѣдетъ или въ Москву, или Петербургъ". На другой день по всѣмъ дорогамъ были посланы люди въ погоню, но всѣ возвратились, не отрѣвъ никакихъ слѣдовъ похитителя. Поплакавъ и погоревавъ, написали представление въ коммисію духовныхъ училищъ. Что будетъ съ нами, не знаемъ; но знаемъ, что при нынѣшнемъ строгомъ Государѣ не избѣгаемъ наказанія. Когда пишу тебѣ сіе, рука трясется. Дай Богъ, чтобы сіе трясеніе не было предвѣстникомъ. Вотъ что, мой милый, значитъ быть членомъ правленія! Если бы я былъчастнымъ человѣкомъ, я быль-бы покоенъ. Когда иридетъ дѣло, я немедленноувѣдомлю тебя, если только не лигнать меня свободы. Полагаясь на заступленіе нашего архипастыря, надѣемся, что въ наказаніи не поступятъ съ нами, какъ съ преступниками; но надежда не одного обманула. Я скорбѣлъ, другъ, о твоемъ нещастіи, поскорби и ты о моемъ...

О. ректоръ нашъ благополучно къ намъ прибылъ. Обходится съ нами такъ хорошо, что не можемъ имъ не хвалиться. Упомянутое нещастіе сильно на него подѣствовало.

Сожалѣю, что ты никогда бываешь не весель, но помощи въ сѣмь случаѣ подать тебѣ не могу, ибо я и самъ тѣмъ-же стражду. Изъ Грузіи получена вѣсть непріятная. Г. Ф. Хльниковъ, изъ любви къ отечеству съ геройскимъ духомъ оставившій родину, знакомыхъ и милыхъ сердцу, по недовѣдомымъ судьbamъ лишенъ громкихъ титлъ ректора и кандидата и отосланъ въ гражданское вѣдомство для пріисканія рода жизни. Причиною такого ужаснаго паденія,ласитъ бумага, была буйная непокорность начальству. Степенковъ здравствуетъ и твердо стоитъ на высотѣ своего величія. О Протопоповѣ разнесся слухъ, что умеръ. Пожалѣйте о добромъ товарищѣ нашемъ А. М. Лелявскомъ; онъ бѣдный оглохъ и не можетъ далѣе продолжать службы. Куда ему дѣться? Ни къ чему не способенъ. Прочие товарищи здоровы и кланяются тебѣ. Прощай! Больная рука отказывается больше писать. Василію Григорьевичу мое почтеніе. Когда будешь писать ко миѣ, скажи, гдѣ Василій Григорьевичъ служить и въ какомъ чинѣ? Этого желаютъ всѣ товарищи. Iustin, vice-inspector.

Въ Кіевѣ назначенъ военнымъ губернаторомъ Желтухинъ и скоро прїѣдетъ. Лакерда купецъ скончался. Отпущена сумма на постройку семинаріи кіевской въ Петро-Павловскомъ монастырѣ. Греки переведены къ катерининской церкви. Бѣда теперь монахинямъ; семинаристы будутъ искушать ихъ больше діавола...

10.

Любезный другъ,

Александръ Ивановичъ!

Путешествіе ваше отъ Дубоссаръ до Кишинева ничѣмъ не хуже путешествій такъ называемыхъ романическихъ. Мы въ семь случаѣ не можемъ похвалиться. Съ нами не послѣдовало никакихъ приключеній. Отъ столпа, свидѣтеля нашихъ прощаній¹⁾), до г. Балты проѣхали мы на почтовыхъ, а отсѣлѣ до Киева на долгихъ. Въ городѣ Умани мы пробыли два дни. О. протоіерей, тамошній смотритель, принялъ насть съ отмѣнною ласковостію; не смотря на тучность свою, онъ съ охотою рѣшился среди зноя солнечнаго проводить насть въ пресловутую Софіевку; по его прошенію показаны намъ были всѣ чудеса природы и искусства. Ты, другъ, помнится, самъ былъ въ Софіевкѣ, а потому не нужнымъ почитаю описывать ее. Я монахъ, но, слава Богу, не совершенно еще лишился чувства эстетическаго, а потому, осматривая Софіевку, такое чувствовалъ удовольствіе, которое заставляло меня забывать, что я отказывался отъ міра. Въ саду чрезвычайное было собраніе. Мое странное одѣяніе обращало на меня всеобщее вниманіе, а сіе самое чрезвычайно для меня было конфузно. На тѣ существа, которыхъ въ модномъ мірѣ, особенно въ лѣстивыхъ сочиненіцахъ пітическихъ, называются разными прелестными именами, я не осмѣшивался смотрѣть изъ опасенія... показаться не скромнымъ. Въ саду много дорогихъ статуй. Взглянувъ на одну изъ нихъ, я невольнымъ образомъ покраснѣлъ. Другіе съ вниманіемъ рассматривали сіи статуи. Особенно удивительнымъ мнѣ показалось, что даже дѣвицы, и притомъ, какъ казалось, не изъ низшаго класса, пристально и долго приносили въ жертву богинѣ—тиранкѣ сердцеъ человѣческихъ свое вниманіе. Статуи, представляющія задумчивыхъ філософовъ, возбудили во мнѣ мысль, что люди всѣ вообще болѣе или менѣе рождаются способными къ радостямъ и удовольствіямъ жизни, и что суровость нрава, хладнокровность ко всему, соединенная съ нѣкотораго рода ненавистью къ роду человѣческому, зависить отъ постороннихъ и случайныхъ обстоятельствъ. Богъ есть источникъ

¹⁾ Густинъ ѣздилъ лѣтомъ этого года въ Кишиневѣ, въ качествѣ ревизора юшневской д. семинаріи, и лично видѣлся съ Бѣлюговымъ. Бѣлюговъ провожалъ его за Дубоссары.

радости и все творить для радости. Сами люди, по безумію своему, лишаютъ себя радости. Удовольствіе, которое я ощущалъ при разсмотрѣніи Софіевки, было не продолжительно. Вспомнивъ, что я *Angelus in corpore*, или проще *in pīs*, я паки покрылся мракомъ задумчивости. Непрестанно представляется мнѣ *claustrium cūt omnībus suis voluptatibus*¹), и это мучить меня.

Милый мой другъ! ты говорилъ, что, по учению Шада, скоро сдѣлаешься полнымъ человѣкомъ. 8-е число прошлаго сентября назначалось тобою для совершенія сего непостижимаго таинства природы. Сердце мнѣ говоритъ—и я ему вѣрю—сердце мое говоритъ, что другъ мой обладаетъ уже существомъ милымъ, добрымъ, скромнымъ, умнымъ и—блаженствуетъ. О, естьли бы я былъ въ состояніи перенестись въ Кишиневъ! Я бросился бы въ твои объятія, борода не попрепятствовала бы мнѣ облобызать тебя, я излилъ бы предъ милою четою чувства моей любви и усердія. Но... человѣкъ безъ крыльевъ!... За то имѣеть воображеніе. Я въ воображеніи раздѣляю съ вами время. Вы не видите моего образа, это хорошо; ибо иначе я во многихъ случаяхъ служилъ бы вамъ препятствіемъ...

10-го сентября совершилось у насъ бракосочетаніе товарища нашего баккалавра Шокотова, того именно, который помѣшанъ былъ на монашествѣ. Въ подругу себѣ онъ избралъ Марину Михайлова, дочь соборнаго священника Кучеровскаго²)...

Платки получили, но не чрезъ Паславскаго, а чрезъ одного купца. Благодаримъ васъ за ваши хлопоты.

Василій Яковлевичъ³) кланяется вамъ. Поклонитесь отъ меня и отъ Василія Яковлевича любезнѣйшему Василію Григорьевичу и всѣмъ кишиневскимъ. Прощай! Иду въ церковь помолиться о вашемъ здоровыи и благополучіи. Душевно преданный тебѣ I.

Октября 2 дня
1827 года.

¹) Т. е. монашеская колія со всѣми ея удовольствіями.

²) Этотъ Шокотовъ впослѣдствіи таки поступилъ въ монашество подъ именемъ Антонія. Умеръ въ 1872 г. архіепископомъ кишиневскимъ; два товарища академическіе Шокотовъ и Бѣлюковъ на старости сошлись въ Кишиневѣ, и оба здѣсь умерли.

³) Орловъ.

11.

Любезнѣйшій другъ!

Александръ Ивановичъ!

По опредѣленію судебнъ досталось тебѣ обладать Вѣрою. Съ вѣрою нѣкогда люди чудеса творили, все дѣлали, что хотѣли; я надѣюсь, что и ты будешь великимъ чудотворцемъ—такъ! точно будешь—попытайся; можетъ быть способность къ чудотворенію въ тебѣ созрѣла. Именемъ всемочной Вѣры повели вѣтромъ на невещественныхъ своихъ хребтахъ перенести меня въ Бессара-бію, дабы я могъ зресть лицемъ къ лицу два существа, столь милыя моему сердцу. Повели, говорю; но, горе! видно прошли вѣки чудотвореній; видно не видать мнѣ чувственными очами милой твоей подруги. Ахъ, человѣкъ—царь міра! какъ ты ничто-женъ! Радуюсь, что разнѣжившаяся твоя десница опять пришла въ состояніе дѣйствовать первомъ. А я думалъ, что ты, пустив-шись плавать по океану удовольствій, павсегда забудешь того, который, боясь причудъ влажной стихіи, рѣшился, хотя вопреки влеченію собственного сердца, остаться на твердой землѣ. Отъ души радуюсь, что ты избралъ себѣ такую подругу, которая вполнѣ тебѣ нравится. Съ такимъ другомъ нельзѧ не быть bla-женнымъ. Блаженствуй же, милый! А я буду молить небо, да явить надъ тобою чудо свое, да не попустить горести никогда возмутить радости твоего сердца.

Другъ мой! Для чего ты не писалъ мнѣ, какъ Вѣра назы-вается по отечеству? Ты въ бытность мою въ Кишиневѣ назы-валъ ее по имени и по отечеству. Но память мнѣ измѣнила.

Отецъ Евгений, тотъ самый, который учили насъ премудро-сти исторической ¹⁾), чудеса творитъ въ орловской семинаріи, или лучше—створилъ уже. Вотъ въ чемъ дѣло. 23 сентября о. Евге-ний, инспекторъ семинаріи, является къ начальнику жандармовъ, къ гражданскому губернатору, къ архіерею и требуетъ, чтобы они явились въ семинарское правленіе для выслушанія отъ него важнаго дѣла. На другой день пріѣзжаютъ въ семинарію архіе-рей, полицмейстеръ и частный приставъ. Когда сіи лица вмѣстѣ съ членами семинара, правленія собирались въ правленіе, Евгений

¹⁾ Т. е. бывшій бакалавръ исторіи въ кіевской д. академіи, іером. Евгений Со-лостевъ.

подалъ *объялениe*, въ которомъ, отказываясь до времени отъ всѣхъ должностей, проситъ доставить ему средство объясниться частію предъ комиссіею духовныхъ училищъ, частію предъ самимъ Императоромъ въ важныхъ предметахъ, одному ему извѣстныхъ. Академ. правленіе о такомъ странномъ поступкѣ Евгенія представило комиссіи. Отвѣта доселъ нѣтъ.

Бѣдные наши студенты, окончившіе курсъ, доселъ мучатся ожиданіемъ рѣшенія своей участіи. Мучительно столь долгое время жить въ праздности! Щастливы мы, что избавились сихъ мытарствъ. Съ участіемъ студентовъ соединена и наша участіе. Его высокопреосвященство былъ у насъ ревизоромъ; чаемъ, по его представленію, что нибудь получить.

О себѣ новаго сказать тебѣ ничего не могу. Читаю книги, хожу въ классъ, въ библіотеку, къ студентамъ, въ свободное время предаюсь печальнымъ мысламъ: вотъ въ чемъ протекаетъ одинокая моя жизнь.

Мы наслаждаемся прекрасною зимию, въ полномъ смыслѣ прекрасною; у васъ вѣроятно нѣть зимы?

Прощай! *Devotissimus tibi I.*

Ноября 20 дня 1827 г.

Приложеніе къ 11-му письму.

Милостивая моя государыня!

Вѣра...

Съ душевнымъ удовольствіемъ читалъ я ваши строки. Радостно для меня было слышать привѣтствіе, выполненное искреннихъ чувствъ благорасположенности отъ такого лица, которое лично мнѣ неизвѣстно. Жалѣю, что я, будучи въ Кишиневѣ, не имѣлъ удовольствія быть самовидцемъ совершенствъ, украшающихъ вашу душу и тѣло. Правда, Александръ Ивановичъ живо мнѣ васъ изобразилъ, но списокъ все хуже оригинала.

Чувства вашей ко мнѣ благорасположенности налагаются на меня приятную обязанность желать, чтобы щастіе, осязняющее васъ нынѣ своими крылами, никогда отъ васъ не отлетало, но избрало въ вашемъ домѣ постоянное себѣ обиталище.

Вашъ покорный слуга I. I.

R. S. Извините, что я не знаю вашего отечества. Александръ Ивановичъ сему причиною—на него гнѣвайтесь.

Кіевъ, ноября 20 дня, 1827 г.

Дополненіе „Разговора Великороссія съ Малороссіей“.

Въ февральской книжкѣ „Кievской Старины“ помѣщенъ былъ „Разговоръ Великороссія съ Малороссіей“ по тремъ спискамъ, которые, однако же, не заключали въ себѣ всего текста „Разговора“. Не было выходнаго листка и конца „Разговора“, равно какъ и въ срединѣ его не доставало нѣсколькихъ листковъ. На основаніи содержанія „Разговора“, мы отнесли его къ первымъ годамъ царствованія Екатерины II и авторомъ его считали человѣка образованнаго, можетъ быть, принадлежавшаго къ войсковой старшинѣ. Теперь мы имѣемъ возможность частію подтвердить наши выводы, частію дополнить и исправить ихъ. По напечатаніи помянутаго „Разговора“, мы получили два полные списка его, изъ коихъ одинъ сдѣланъ въ Медведовѣ (?) 13 ноября 1788 г. и сообщенъ намъ г-жею Литвиновою, а другой— письма нынѣшняго вѣка, принадлежащей А. М. Лазаревскому. Въ спискѣ г. Лазаревскаго, болѣе исправномъ, сохранился весь текстъ „Разговора“, съ выходнымъ листомъ и окончаніемъ и безъ пропусковъ въ срединѣ. На первомъ листкѣ этого списка значится слѣдующее: „сочинилъ въ честь, славу и защищеніе всей Малороссіи генеральной войсковой канцеляріи пере.. Семень Дѣвовичъ. 1762 года. Въ Глуховѣ“. Вѣроятно, Дѣвовичъ или Дивовичъ былъ переводчикомъ генеральной войсковой канцеляріи, и, во всикомъ случаѣ, былъ человѣкъ образованный. Составленіе „Разговора“ однимъ изъ чиновниковъ генеральной войсковой канцеляріи придаетъ этому произведенію еще большее значеніе, какъ выразителю мнѣній и взглядовъ интеллигентныхъ и начальныхъ людей Малороссіи того времени. Приведемъ недостававшіе отрывки „Разговора“ по списку А. М. Лазаревскаго, удерживая правописаніе списка г-жи Литвиновой, какъ болѣе древнее. Первый отрывокъ составляетъ одно изъ существенныхъ мѣстъ „Разговора“ и касается жгучаго когда-то вопроса о соот-

вѣтствіи между новозаведенными на иностранный манеръ чинами великороссійскими и старыми чинами малороссійскими. Это живая и крайне интересная историческая картина не только правоъ и понятій того времени, но и взаимныхъ отношеній двухъ половинъ Россіи, подлежашихъ сліянію въ одно цѣлое.

Доказывая, что Малороссія подчинилась не Великороссіи, а одному общему ихъ государю, и что малороссійские чины равны съ соотвѣтствующими великороссійскими, не смотря на разность названий ихъ (Кіев. Старина, февраль, 1882 г., стр. 343—4), Малороссія продолжаетъ:

Обойми умомъ всѣ государства пространно,
Во всякомъ почти найдешь различie въ чинахъ,
 /
 Кое въ однихъ состоить названій іменахъ;
А найдаше во всей Азіи тѣ бываетъ,
 Котора свои имѣеть, нашихъ не знаетъ;
Однакожъ сравниваются между собой всѣ тѣ?
 Что жъ мѣшаетъ взглядомъ тебя имѣть тоежъ и мнѣ?
Посему бы ты визиря капитаномъ почла,
 Потому что Турція сіе имя дала;
Киага сѣль бы у тебя ниже сержанта,
 Пашу промѣняла бы за коменданта (*вар. коменданта*),
Муфтая почла бѣ дячкомъ, а сотника соцкимъ,
 Писаря моихъ полковъ сверстала бѣ съ своимъ.
Нѣть, нѣть, дружокъ! не изволь (такъ) думать про меня!
 Я почтена отъ Государя, не отъ тебя.
Онъ меня въ покровительство принялъ какъ свое,
 То все оставилъ при мнѣ, что только есть мое;
Привилегій польской короны не отмѣнилъ
 И чины мнѣ прежде тамъ данные подтвердили.
А чтобы лучше вѣдать ты могла мои службы,
 Приводя обѣихъ настъ въ неразрывны дружбы,
Россійскіи Государи чины прибавляли
 И свои къ прежнимъ моимъ за вѣрность давали,
Въ чемъ, думаю, и спорить не станешь ты со мной,
 Ибо многихъ такихъ во мнѣ видишь предъ тобой.
Что жъ? Скажешь: для тово дали россійской чинъ,
 Что его не имѣль прежде зъ моихъ ни одинъ?

Куда какая ненависть несправедлива,
 Стоитъ *осмого греческихъ мудрецовъ дива!
 Чѣтъ всякъ царь и король хранилъ и еще хранить,
 Въ томъ дерзкая компания твоя (одна) шумитъ.
 Ибо, бывал въ оной, мятежъ производилъ,
 За однѣ токмо мѣста всѣхъ къ ссорѣ приводишь.
 Каптенармусъ будучи, не (у)вступиши обознымъ,
 Толкнешь старшинъ тѣхъ полковыхъ по мѣстамъ
 рознымъ,
 Ефрейторомъ посадиши судью полкового,
 Радъ спорить съ нимъ, хотя отъ нево отстоишъ много.
 А когда уже въ аудиторской рангъ попадиша,
 То и къ генеральному старшинамъ дратъся начніоша.
 Самы святыя мѣста терпятъ твою норму:
 Ты, вобравшись въ церковь, прешъся въ первую
 форму ¹⁾),
 Не смотриша, кто бъ тамъ (же) изъ моихъ не стояль.
 Для маюра ввеси мой малороссійскій свѣтъ (*вар.*
 чинъ) малъ.
 Спѣшиши на проломъ къ священнику по антідоръ,
 Толкаешь, кричиши: дайте чиновнику просторъ!
 Боишься, чтобъ кто зъ моихъ тебя не упредиЛЬ.
 Но большъ бойся, чтобъ священника зъ ногъ не
 свалиль.
 А мои старшины учтивость наблюдаютъ,
 Сию неумѣренность смѣхомъ провождаютъ.
 Случилось мнѣ самому въ церкви видѣть разъ,
 Какъ одинъ капитанъ побѣжалъ (тамъ), подбилъ глазъ;
 Ибо зацѣпився паль и носъ окровавивъ,
 Такимъ образомъ и антідоръ братъ оставилъ,
 Вдарился скоро зъ церкви съ глазомъ подбитымъ,
 Хотѣль всѣхъ упредить, отскочиши съ носомъ раз-
 битымъ.

1) Формами назывались особыя мѣста для стоянія въ церкви. Это родъ стоячихъ деревянныхъ ящиковъ, открытыхъ спереди, съ опускающеюся по срединѣ для сидѣнія доскою.

Безглазымъ и безносымъ долго того звали,
 И за то, что бѣдной пострадалъ, всѣ вступали;
 Ибо послѣ того, какъ (было) въ церковь придетъ,
 Оставивъ всѣ ему формы, всякъ изъ оныхъ выдетъ.
 А по антідоръ (однакъ) боялся ужъ ходити,
 Бунчуковымъ товаришамъ вздумаль въ семъ вступи-
 ти.

Но и тутъ паки постигло несчастіе его;
 Ибо ввалившись въ форму свыше збору всего,
 Зацепился (только) за гвоздь шпажнымъ притупеемъ,
 Совался, бился ногами, наклоняясь съ тупеемъ,
 Не могъ оторваться; такъ горячести знакъ давъ,
 Потащилъ за собою вонъ формы цѣлой составъ.
 Алчно смотрѣли люде на шедшаго съ кругомъ:
 „Таку тяжесть,—говорили,—должно везть цугомъ“.
 О всѣхъ твоихъ презрѣніяхъ я (бѣ) не (по)тужила,
 Если-бѣ правда къ тѣмъ вела, не нахальна сила.
 Ты (сама) собой меня всегда обиждаешь,
 Государямъ неизвѣстно,—какъ поступаешь.
 И большиє генералы твои меня чутъ,
 Сравнивая своихъ съ моими мѣсто даютъ.
 Знаешь-ли, что было предъ симъ за 13-ть лѣтъ,
 Какъ государствовала кротка Елісаветъ?
 Съ кѣмъ сравнивали (а) малороссійскихъ депутатъ?
 Не съ генералами-ль вѣрно было сверстать?
 Въ которомъ числѣ былъ тамъ депутатъ начальный
 Ханенко, бывшій мой хоружій генералный ¹).
 Смотри, что (и) иностранной народъ французы,
 Съ монархиней нашей імѣющій соузы,
 Публикуютъ про генералныхъ старшинъ моихъ.
 Они съ ними равняютъ генераловъ твоихъ,
 Генералного же писаря такъ представляютъ,
 Что великимъ канцлеромъ моимъ называютъ.
 (Но) по крайней мѣрѣ бригадирами (ихъ) почтень.

¹) 1749 г. въ С.-Петербургѣ. Примѣч. автора.

И тутъ видишь, что не безъ знатныхъ ранговъ слы-
вемъ.

Еще-ль чины мои тебѣ кажутся странны,

Вотъ имѣшь отъ меня видъ сходства пространный:
Вспомни бояръ и между прочими же стрѣльцовъ!

Вспомни бояръ между пробывшихъ думныхъ дьяковъ!
Всѣ тѣ и по нынѣ въ пространствѣ твоемъ живуть,
То жъ, какъ прежде, достоинство и должность не-
сутъ.

Но названы въновъ нарѣчіемъ только другимъ,

Переименованы именемъ ужъ инымъ,

Такъ что канцлерами начали называться,

Дворянами и лейбъ-гвардію считаться.

Петръ первый, обошедъ разныя земли, царства,

При учрежденіи своего государства

Много въ государствѣ съ пользою узаконилъ,

А при томъ и часть чиновъ въ іменахъ отмѣнилъ.

Да и прежде (того) видны такие же примѣры,

Что иначе звались, а были въ ровной мѣрѣ.

Зачѣмъ много говорить? Сама видишь, знаешь,—

Ассесора съ маюромъ не одно ль считаешь?

Хотя сей въ воинскихъ, а тотъ въ гражданскихъ дѣлахъ,

Однакъ не равны ль тѣ между собою въ чинахъ?

Много больше про меня думай взглядомъ оныхъ;

Ибо я остаюсь въ прежнихъ чинахъ коронныхъ,

Кои въ іменахъ (съ твоими) весьма разнятся,

А въ сравненіи не могутъ собой остаться.

Великорос. Ну, полно уже меня приводить въ азарты!

Не будь вспыльчива, иное принимай въ жарты!

Я только спросила о поддачѣ мнѣ твоей,

Зачемъ отнимаешь оную отъ меня всей;

А ты ужъ и много обличать меня стала.

Брось пороки считать, что во мнѣ примѣчала!

Признаю, что не я собой тебѣ властитель,

Но самодержецъ напѣ есть общій повелитель.

Не спорю ужъ, что онъ тебя принялъ съ чинами:

Вижу, что и своихъ часто сравнивалъ съ вами.

Но скажи съ миромъ, о чёмъ выше (за) вопросъ гласиль,
Выигриваешь войну будто безъ моихъ силъ?

Малорос. Да и конечно такъ! въ прежнія тѣ времена,

Не надлежа еще сюда, биласъ я одна,
Многихъ непріятелей поражала больно.

Вспомни прежнюю мою рѣчъ, признаешь довольно.
Но не думай, будто все представлено мною!

Много тамъ пропущала, говоря съ тобою,
И знатнѣйшій только казала воинскій бой,
Славнѣйшую являла храбрость свою и строй.

Итакъ видишь и сама мою справедливость,
Какова и безъ тебя была моя живость.

Не пособляла ты мнѣ въ воинско то время,
Какъ скидала (*вар.* свергала) я съ себя все лядское
бремя

И за озлобленія съ оними сражалась

Храбро, славно и удачно сопротивлялась.

Не была ты и тогда, какъ къ туркамъ ходила,
Коихъ одна я не разъ славно побѣдила.

Безъ тебя я и на молдавцовъ наступала,

Безъ тебя я ихъ сильной рукой прогоняла (*вар.* по-
ражала).

Сознай сама, была ль и на тѣхъ войнахъ при мнѣ,

Какъ многихъ татаръ (побѣдой) въ плѣнъ брала
(къ) себѣ?

Еще ль съ такой (*вар.* тихой) хитростью болѣшь станешь
озлоблять?

Еще ль не пора тебѣ храброй меня признать?

Когда жъ Россійскому я поддалась ужъ царству,

То какъ обѣ одному служимъ государству,

Такъ не можно сказать, чтобъ одна всегда биласъ

И чтобъ на многихъ мѣстахъ одна я сразилась.

Но какъ ты, такъ и я въмѣсть соединялись,

Каждая изъ насъ своими полками бивались;

А къ инымъ мѣстамъ посыдана я и одна,

Текли гдѣ съ кровью: лѣто, осень, зима, весна,—
Видѣли много четыре тѣ года части,

Въ какія гнала я непріятелей страсти.
 Не отнимаю симъ отъ тебя воинскихъ хвалъ,
 Сорванъ тобой не одинъ непріятельскій валь.
 И что къ твоимъ принадлежить силамъ, то твое,
 А что къ моей воинской славѣ, то тожъ мое.
 И такъ съ времени моей ужъ сюда поддачи
 Покажу особливо и свои удачи.
 Какъ согласился король польскій съ ханомъ кримскимъ
 Огнемъ и мечемъ воевать съ царемъ россійскимъ
 За то, что я поддала повѣкъ (*вар. вѣчно*) ему себя,
 То гетманъ (тотъ мой) Хмелницкій, сего не терпя,
 Его царскому Величеству тотъчасъ донесъ;
 Зачѣмъ Государь, упреждая умыслъ ихъ весь,
 Отправился самъ въ Литву подъ Смоленскъ съ полками,
 Куда Золотаренко посланъ съ козаками (1654 г.),
 А Хмелницкій подъ Хвастовомъ находился тогда;
 И какъ приспѣли многи полки мои туда,
 То Золотаренко, наказный оный гетманъ,
 Около Гомля и Быхова произвель брань,
 Гдѣ ляховъ и татаръ многихъ порубаль, прогналь,
 И какъ тѣ, такъ и другіе города досталъ.
 При ономъ же Золотаренку и Смоленскъ взятъ,
 Котораго козаки стараясь доставать,
 Казали ревность, смѣлость при глазахъ монаршихъ,
 До одного выбили всѣхъ тамошнихъ старшихъ,
 За что довольнымъ жалованьемъ награждены,
 Похваленны, почтены и обогащены.
 Тогда жъ съ Золотаренкомъ ходиль Государь царь
 Воевать дальше въ Литву поляковъ и татаръ,
 Гдѣ какъ подъ Березиной (*вар. Березою*), подъ Шкловомъ,
 рѣкою

Съ княземъ Радзивиломъ стали биться воиною,
 То тотъчасъ оной Радзівіль совсѣмъ побѣждень,
 Такъ что едва ль самъ не остался жизни лишенъ.
 Взято тогда большъ двухсотъ литовскихъ городовъ,
 А изъ моихъ мало потеряно козаковъ (1654 г.).
 Въ то жъ время Вітебскъ до основанія изсѣкли,

Вільну разоривъ, тисячи (у) ляховъ посѣкли.
 Между Ставищами жъ и Охматовомъ чрезъ годъ (1655 г.)
 Что произвель надъ ляхами козацкой народъ,
 Какъ ляхи съ татарами въ полѣ съединились
 И въ обозъ козацкій тамъ ужъ было ввалились,
 То козаки, напавши на ляховъ и татаръ,
 Оглоблями изъ саней такій дали ударъ,
 Что мерзлыми (*вар.* мертвими) тѣлами, коихъ убивали,
 Весь обозъ свой какъ будто валомъ окидали.
 Рѣдкое то чудо было з бѣдою ляhamъ,
 Что и оглобли козацки страшили врагамъ,
 Коихъ презрѣвъ, какъ не разъ войною успѣли,
 Ружьемъ съ ними дратъся уже (больше) не схотѣли,
 А въ насмѣшку вздумали бабымъ бить мастерствомъ;
 Когда бъ случилось при нихъ, мели (*вар.* гнали) бѣ.
 и помеломъ.
 Тогда большъ пятнадцати тисячъ людей (*вар.* оныхъ) пало,
 И въ полонъ взято ляховъ и татаръ не мало.
 На другой потомъ день, какъ та сѣчь окончалась,
 Страшная бatalia опять начиналась,
 И продолжалась даже до самой темной ночи,
 Не стало уже большъ лядской и татарской мочи;
 Ибо столько же иль съ залишкомъ пало и въ этотъ день,
 Осталось всего войска въ нихъ только на пядень.
 Зъ тѣхъ поръ Хмелнїцкій самъ ушь на войну не ходилъ,
 Но какъ король шведскій помочи его просилъ,
 То однихъ козаковъ своихъ къ нему послалъ онъ,
 Къ коимъ приданъ былъ кіевскій полковникъ Антонъ.
 Тотъ Антонъ Адамовичъ, когда туда пришолъ,
 Отправилъ съ нимъ и свое войско шведскій король,
 Съ которымъ, когда козаки совокупились,
 Въ самую средину Польши (смѣло) пробились
 И оба столичные города поляковъ
 Успѣшной войной взяли, Варшаву и Краковъ,
 Побрали тамъ многіе шляхетски богатства,
 Сенаторски уборы, костеловъ изрядства;
 Добрались и до королевскихъ коронъ, порфиръ,

Какъ будто нарочито собранныхъ имъ на пиръ.
Храбрость Хмельницкого не описана собой,
Съ успѣхомъ имѣвшаго частой воинской бой:
Съ многими людьми (вар. народами) онъ въ сраженія
вступалъ,
И съ которыми ни вступалъ, всѣхъ тѣхъ побѣжалъ.
Самы альпійскіе непроходимы горы,
Какъ Геркулесъ древній, прошолъ бы съ войскомъ
(вар. собой) вскори¹⁾.

Интересныя подробности о мѣстничествѣ великорусскихъ офицеровъ и чиновниковъ съ малорусскими чинами въ этомъ отрывкѣ списаны авторомъ съ натуры и подтверждаются свидѣтельствами мѣстныхъ старожиловъ; объ участіи же козаковъ въ литовскомъ походѣ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ авторъ писалъ на основаніи извѣстнаго уже вамъ „Краткаго описанія Малороссіи“, составленаго въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка.

Другой отрывокъ, заключительный въ „Разговорѣ“, ничѣмъ не замѣчательный, и мы приведемъ его здѣсь лишь для полноты представленія о разматриваемомъ произведеніи Диловича. Послѣ упоминанія о заслугахъ Разумовскихъ императрицамъ Елизаветѣ и Екатеринѣ II, Малороссія продолжаетъ:

Еще ль со мною въ спорные разговоры вступишь?
Еще ль отъ ненависти ко мнѣ не отступишь?
Вотъ тебя привела къ самымъ твоимъ временамъ,
Представила я правду самымъ твоимъ глазамъ,—
Ни пис(к)нуть уже тебѣ нѣльзя противъ меня.
Буди жъ еще (по)заспоришь, большъ обличу тебя,
Найду еще въ тебѣ я премногихъ подобныхъ,
Сочту и еще твоихъ государству злобныхъ.
Великорос. Ахъ, ахъ! нѣть, нѣть! помилуй, уними о семъ рѣчъ!
Пожалуй, пожалуй, все уже изволъ пресѣчь!
Довольно, нынѣ твою правду принимаю,
Вѣрю всему, почитаю, храброй сознаю.

¹⁾ «О которыхъ горахъ Корнелій Непотъ въ своей книжѣ упоминаетъ, что никто не могъ оныхъ проходить съ войскомъ прежде Геркулеса и потому Ганини-бала, имъ упоминаемаго,—о чемъ однако Полібій спорить». *Примѣч. автора.*

Отсель и чины твои равнять съ мѣрой стану
 И отъ дружбы съ тобою вѣчно не отстану.
 Мы будемъ въ неразрывномъ впредь согласіи жить
 И обѣ въ едномъ государствѣ вѣрно служить.
 Посяпоры понимала темно о тебѣ;
 Благодарствуя, что протолковала ты мнѣ.

За исключениемъ приведенныхъ двухъ отрывковъ, въ новайденныхъ спискахъ „Разговора“ есть мѣстами значительные варианты, дополняющіе или восстановляющіе смыслъ прежде издавнаго текста „Разговора“. Мы укажемъ болѣе существенное изъ нихъ.

СТРАН.	СТРОКА:	НАПЕЧАТАНО:	ВЪ НОВЫХЪ СПИСКАХЪ ЧИТАЕТСЯ:
328	6	означенны	означено
329	20	при комъ	прокомъ
334	10	стался	стался
337	21	тамъ	той
338	25	и	къ
340	27	, храбрость	храбрыхъ
341	1	ваша... вамъ	наша... намъ
—	3	в страхъ	въ прямъ

Послѣ пятой строки слѣдуетъ вставить:

Венера	пособляла,	Паллада	гнала	вонъ
—	9	кривавій		кровный
—	11	давъ онай		данной
—	12	своихъ		всѣ
—	18	отсталъ		отпалъ
342	9	главній		славній
343	5	надо мной		надъ холмомъ

Послѣ 6 строки нужно вставить:

Кто	тѣ	почему	нибудь	во владѣніи	держитъ.
—	12	шля		веля	
—	16	тѣхъ		о тѣхъ	
344	8	столко		только	
—	15	первѣйший		привыкшій	
345	5	Эту	строку	нужно	читать такъ:
					Вселюбезній отче нашъ,—отче нашъ любезній!

СТРАН. СТРОКА:	НАПЕЧАТАНО:	ВЪ НОВЫХЪ СПИСКАХЪ ЧИТАЕТСЯ:
345 6	Чего-ль	Сего-ль
— 26	всѣ вмѣсто	въ сie мѣсто
346 5	хлипющими	хлиплющими
— 15	со страдою	съ отрадой
— 34	мироломцы	вѣроломцы
347 5	будуть	будемъ
— 13	храбры,	, храбры
— 20	зъ густотою	съ густотою (<i>вар.</i> и съ фузомъ)
— 21	глазамъ	глазахъ
— 27	мнѣ	нынѣ
— 31	в слихъ спивали	всхлыпывали
348 13	Эту строку нужно читать такъ: И за жизни еще", и проч.	
349 11	можетъ быть,	можетъ быть, чтò
	20 и 21 строки должны быть переставлены одна на мѣсто другой.	
350 16	поступали	наступили
351 15	попадали	попалили
352 9 и 10 получала... брала		получали... брали
— 18	татары и с Россіи	татаринъ Россію
453 5	силь	сель
— 27	страсть была	страховита
— 30	мой же Патѣй	оной же Шалѣй
354 7	нимецка	нимецка и польска
— 9	над	подъ
— 27	знаменами	съ знаменами
356 22	неровной	не робко
— 28	тамже	также
30	Эту строку нужно читать такъ: Великодушіе ихъ до побѣды вело	
357 16	учинился	тщился
358 13	и тѣла	ихъ тѣла
359 7	козаки бодрость и вѣр-	казали бодрость и ревность
		ность
360	Послѣ 9 строкъ читать: Но одинъ предаль непріятелю себя.	

СТРАН. СТРОКА:	НАПЕЧАТАНО:	ВЪ НОВЫХЪ СПИСКАХЪ ЧИТАЕТСЯ:
— 11	что онъ былъ	что онъ мой былъ
— 14	жаждой	нуждой

Послѣ 17 строки читать:

И тое страннѣйшее дѣло и дивище всѣмъ,

Что ты зъ предковъ и родилась при царѣ своемъ,
Послѣ 26 строки читать:

Напомню, что многіе бояры казнены (въ 1689 г.)

27 строка читается такъ:

Кои противъ царей въ измѣнѣ изобличены,

Послѣ 37 строки читать:

И воинское дѣйство оттолѣ отставилъ,

361	2	Да и Шереметевъ	Да и Василій Шереметевъ
—	5	проплакалъ	проклиналъ
—	15	сколко	жалко
—	20	ляхамъ тѣмъ	ляхи татарамъ тѣмъ
362	13	Отъ кого	Отколъ
363	13	Шеинъ	Гейнъ (<i>вар.</i> Гессенъ)
364	1	Сочиненъ	Сочтенъ
—	4	тежъ	прежъ
—	5	фелтмаршала	фелтмаршала Миниха въ
		въ годки	годы
—	9	еще канцлеромъ	вице-канцлеромъ
—	11	с тѣми развѣ	Темиразевъ
—	17	И зъ	И за
365	4	Недавно	Недивно,
—	7	Славной в себѣ	славно и о себѣ.

Документы братства при церкви св. Николая въ г. Замостьѣ.

Число старѣйшихъ южно-русскихъ братствъ увеличивается еще однімъ,—послѣ братствъ львовскаго, виленскаго, луцкаго, кіевскаго и минскаго должно стать братство замостьское. Начало его относится къ концу XVI в., по не только оно не имѣть своей исторіи, а и самое имя его въ первый разъ становится намъ извѣстнымъ. Оно притомъ и не можетъ уже имѣть своей исторіи, потому-ли, что не создало ее, или потому, что не сохранились письменные памятники, свидѣтельствующіе о его дѣятельности. Осталось лишь нѣсколько документовъ, удостовѣряющихъ его существованіе, организацію и характеръ дѣятельности. Приведеніе ихъ въ извѣстность не лишено будетъ значенія въ общей исторіи братствъ.

Важность учрежденія, извѣстнаго въ нашей исторіи подъ именемъ братствъ, доселѣ все еще не достаточно выяснена и понята, хотя предметъ этотъ имѣть довольно значительную литературу. Со временемъ мы надѣемся коснуться его въ нарочитыхъ изслѣдованіяхъ какъ въ общей его исторіи, такъ и, въ частности, исторіи нѣкоторыхъ болѣе извѣстныхъ братствъ. Теперь представимъ лишь нѣсколько свѣдѣній о братствахъ вообще для уясненія предлагаемыхъ документовъ замостьскаго братства.

Южнорусскія наши братства представляютъ собою правильно и прочно организованныя общества въ средѣ приходскихъ общинъ, то заключавшія въ себѣ лучшую и болѣе состоятельную часть прихода, то обнимавшія собою весь составъ прихода, то выступавшія далеко за предѣлы онаго. На попеченіи и добровольной обязанности братства лежали содержаніе и укращеніе мѣстной приходской церкви, поддержаніе въ ней порядка, благочинія и торжественности богослуженія, вознагражденіе священника за совершеніе богослуженія и вообще вспомоществованіе ему въ его со-

держанії, заведеніє и содерjanіє школы для обученія дѣтей, устройство и содерjanіе госпитали для призрѣнія вдовъ и сиротъ, престарѣлыхъ и увѣчныхъ и вообще бѣдныхъ, безъпроцентная ссуда и помощь въ случаяхъ обѣденія, болѣзни и смерти, охрана интересовъ церкви и прихода предъ властями духовными и свѣтскими и наконецъ нравственно - общественный судъ въ кругѣ дѣйствій братства и поведенія братчиковъ. Всѣ вообще братства пользовались полной самостоятельностю своего управлениія и ни мало не зависѣли въ своихъ дѣйствіяхъ отъ мѣстного священника, напротивъ онъ во многомъ зависѣлъ отъ нихъ; братства же старшія, какъ львовское, виленское и кievское достигали независимости и отъ мѣстныхъ епископовъ и пользовались правомъ ставропигіи, т. е. подсудности одному лишь патріарху. Эти братства, въ составѣ которыхъ были знатиѣшія дворянскія фамиліи, не ограничивали своихъ заботъ извѣстнымъ мѣстомъ, но помышляли о нуждахъ всей церкви и всего южно-руссаго народа; они содержали высшія школы и типографіи, издавали богослужебныя, поlemическія и другія книги, выискивали или готовили лучшихъ проповѣдниковъ и учителей, вели борьбу съ угнетателями вѣры и народности, являлись представителями и защитниками правъ церкви и народа на сеймахъ, наблюдали даже за направлениемъ и вообще образомъ дѣйствій іерарховъ южно-руссскихъ, привлекая ихъ къ суду патріаршему. Братства покрывали собою всю южно-русскую территорію отъ Днѣпра до Карпатъ и, судя по сохранившимся и доселѣ, не рѣдко въ видѣ однихъ лишь древнихъ братскихъ обычаевъ, остаткамъ этого учрежденія на всемъ пространствѣ южной Россіи, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ до нашихъ дней удерживалась унія,—едва ли была деревня, мѣстечко или городъ, гдѣ-бы не было братства и соединенныхъ съ нимъ тѣхъ или иныхъ учрежденій... Каждое изъ нихъ въ частности сплачивало членовъ приходской общины въ одно крѣпкое цѣлое, во имя интересовъ вѣры и любви, и давало ей ростъ и силу, а всѣ вмѣстѣ, при единстве ихъ характера и цѣлей, связывали и все разбитое и преслѣдуемое населеніе въ одно живое тѣло, одушевленное высшими стремленіями къ саморазвитію и самоохраненію.—Братства были старшія и младшія, т. е. изъ людей семейныхъ и не женатыхъ, и не только изъ мужчинъ, но и женщинъ—жиночія и дивочія, вообще сестричныя.

Вопросъ о происхожденіи братствъ едва ли теперь можетъ подлежать спору. Лѣтъ двадцать назадъ, въ начальствѣ „Очаркѣ ис-

торії братствъ“, мы высказали мнѣніе, что это не заносное, но коренное русское учрежденіе, возникшее изъ потребностей и склада древней нашей общины, что оно не пожаловано намъ польскими королями вмѣстѣ съ магдебургскимъ правомъ и цехами, равно не пришло къ намъ съ Востока съ благословенными грамотами патріаршими. Остаемся и теперь при томъ же мнѣніи, видя подтвержденіе онаго въ каждомъ новомъ изслѣдованіи, въ каждомъ вновь открываемомъ памятникѣ минувшей жизни братствъ. Не цехи дали намъ братства, но духъ братской пріурочилъ цехи къ потребностямъ нашей тогдашней жизни. Съ другой стороны восточные патріархи только освятили своимъ благословенiemъ самостоятельно возникшее у насъ учрежденіе, въ общихъ чертахъ сходное съ тѣмъ, которое они видѣли у себя. Подобныя учрежденія существовали во всѣхъ славянскихъ земляхъ, и это показываетъ только, что и наши братства были продуктомъ особаго уклада нашей древней общины; но нигдѣ они не пріобрѣли столь правильной организаціи, не получили такого широкаго развитія, не пустили такихъ глубокихъ корней въ народно-общественной жизни, какъ у насъ. Конституціонал почва Рѣчи Посполитой, по особымъ обстоятельствамъ приведшая ее къ погибели, но полная всякихъ „привилегий и вольностей“, дала мѣсто и этому учрежденію и помогла ему достигнуть такого широкаго примѣненія и столь блестательного развитія. Не королевскія однако привилегіи, какъ и не грамоты патріаршія или архіерейскія, создавали братства; братства существовали прежде ихъ и помимо ихъ, а они только давали имъ санкцію, тогда столь необходимую.

Съ измѣненіемъ условій и строя политической и общественной жизни края, съ измѣненіемъ господствовавшаго прежде духа этой жизни, самое учрежденіе должно было пастъ, оставилъ по себѣ лишь едва примѣтные слѣды своего долгаго и славнаго существованія. Съ 60-хъ годовъ у насъ по мѣстамъ стали въстановлять братства. Скоро ихъ существование признано законодательною властію, которая начертала кругъ ихъ дѣятельности, порядокъ открытія и подчиненность. Но, понятно, законъ не могъ вызвать къ жизни то, для чего жизнь мало или вовсе не давала пищи. Появившіяся одновременно и особо регламентированныя церковно-приходскія попечительства оказались мертворожденными и нигдѣ не привились, какъ можно было ожидать по замыслу. И въ судьбѣ ихъ повторилось то, что сказали мы сейчасъ о судьбѣ братствъ. Суть дѣла здѣсь въ напѣй привычкѣ отдавать интересы

религіозные отъ интересовъ общественныхъ, въ сложившемся у насъ представлениі, что одинъ и тотъ же живой организмъ въ одномъ отношеніи можетъ дѣйствовать такъ, въ другомъ иначе. Съ этой точки зрењія и въ исторической наукѣ мы придали древнимъ братствамъ название церковныхъ, но придали вопреки исто-рии. Братства не мыслимы были безъ церкви, но не они сущес-твовали для церкви, а церковь для нихъ, и не они зависѣли отъ нея, а наоборотъ. Братства одинаково служили интересамъ рели-гіознымъ, какъ и многимъ общественнымъ; но жизнь общины имѣла тогда болѣе цѣльный характеръ и большую правоспособ-ность; интересы религіозные не отдѣлялись отъ общественныхъ и еще менѣе игнорировались, какъ теперь; напротивъ религіозный элементъ проникалъ весь строй жизни и общины и каждого въ частности ея члена, отъ того и дѣйствія братствъ вамъ кажутся лишь набожно - христіанскими, а самыя братства учрежденіями церковными. Но не въ этомъ и не въ оскудѣніи духа благочестія, какъ-бы захотѣлъ кто думать, лежитъ причина того, что братства и аналогичны съ ними приходскія испечительства не имѣютъ жизненности, а въ разобщенности жизненныхъ функцій общинъ, въ отсутствіи у ней самостоятельности въ какомъ угодно отно-шеніи. Чтобы судить однако о значеніи и прежней жизни брат-ства, достаточно представить себѣ, какъ дорого мы дали бы, что бы у насъ добровольно, безъ всякаго призыва, внушенія, руко-водства, инициативы, сами по себѣ въ каждой городской и сель-ской общинѣ явились такія общества, которые содержали и ука-шали-бы церкви, поддерживали и обеспечивали церковные причты, заводили и содержали школы, устроили богадѣльни, лазареты и страннопріимные дома, призрѣвали нищихъ, устраивали вспомо-гательныя кассы, и пр., и проч.

Нѣкоторое понятіе объ организаціи и дѣятельности братствъ дадутъ помѣщаемые въ слѣдѣ за симъ документы замостскаго братства. Ихъ четыре: 1) грамота Гедеона Балабана, епископа львовскаго, на учрежденіе старшаго братства при церкви св. Ни-колая въ г. Замостьѣ, 1606 г., 2) его-же грамота на учрежденіе тамъ-же младшаго братства, 3) дополнительные къ уставу брат-ства пункты, данные митрополитомъ кіевскимъ Сильвестромъ Кос-совымъ и 4) постановленіе обоихъ этихъ братствъ о взаимныхъ ихъ отношеніяхъ. Владѣльцемъ г. Замостья єomoю Замойскимъ утверждены первый изъ этихъ документовъ, а не третій, какъ ска-зано въ началѣ этой книги въ статьѣ: „Забытыя иноческія оби-тели“. Послѣдніе два относятся къ 1647--48 г.

1.

Грамота Гедеона Балабана, епископа львовского, на учреждение замостьского братства при церкви св. Николая.

ВО ИМЯ ОТЦА и СЫНА и СВЯТАГО ДУХА. АМИНЬ.

Благоволеніемъ Бога Отца, и благодатию Господа нашего Іисуса Христа, и дѣйствомъ святого Духа. Смиреніе наше отъ благодати дара и власти всесвятого и животворящаго Духа, отъ сътворителя Бога, въ Тройци хвалимаго: благодатию Божию Гедионъ Болобанъ, епископъ галицкій, лвовскій и Каменца-Подольскаго, и ексарха великого өрону константинополскаго. — По Христову повеленію и Духа святого строенію, послѣдующе апостолскому и святыхъ отецъ преданію, повелѣвающе, посѣщающе Христову съборную и апостолскую церковъ за его королевской милости, Жиггимонта третьего, короля полскаго и великого княжати литовскаго, русскаго, прусскаго и прочая. Въ лѣто отъ създания міру ¹³⁴¹, а по Рождествѣ Господа нашего Іисуса Христа ¹⁴ лѣтъ, мѣсяца марта ²⁸ дня. В то время пришедши передъ насъ и передъ наше право духовное, славетный панъ Феодоръ Волосовичъ, мещанинъ замойскій, ктиторъ храма святого ереарха Христова Николая, хотячи братство устроити съединившееся любовию духовною, закона Христова заповѣдемъ послѣдующе, благоугодно Богу во Тройци единому и Пречистои Его Матере, въ честь и въ хвалу Его святому угоднику ереарху Николѣ. Того ради мы, смиренный Гедионъ, епископъ по дару святого Духа, пастырскимъ строениемъ повелѣваемъ и благословляемъ ихъ на сие братство духовное, утверждающе ихъ евангельски жити, съставляюще любовъ по закону Христовы церкве творыти судъ истиненъ и милостию въ потребахъ братамъ недостаточествующимъ, а злыхъ казнити. Сие богоугодное законное братство выше писаное и ниже реченная общая повинни такъ держати: съшедшееся на день урченный въ домъ выбранный, любовию и тихостию другъ друга честию болша себѣ творяща, а маются сходiti за обсыланіемъ знамене братскаго въ двѣ недѣлѣ, или въ четыри, или якъ потреба и якъ прилучится. Повиненъ кождый братъ полгрона дати до скринки братскои, а вступного грошей

шесть, кто первый разъ вступаетъ въ братство. А хто бы хотѣлъ вступити въ сие братство, или шляхтичъ, или мещанинъ, или предмѣщанинъ или съ посполитыхъ людей вшелякого стану, якъ тутопиній, такъ сторонний, маеть дати грошей шесть вступного. А кото-рый бы мешканя мѣль далеко отъ сего братства, то въ рокъ по шести грошей маеть давати до скринки братской. А братя спольне каждого року мауть выбирати зъ межи себѣ старшихъ четыри браты, поручаючи имъ все старшинство братства того; скрынка братская маеть быти у старшого брата, а ключъ у младшого, личбу мауть чинити старши братя предъ всѣми въ рокъ отдаочи уряды свои. А вѣстки ровны собѣ мауть быти, а кого бы братя выбрали на старшинство и онъ бы ся збороняль безъ причины слушнои, ви-ненъ дати три безмѣны воску. А братя старшіе мауть пилне перестерѣгати повинности своей. Казнь всѣмъ посполитая маеть быти на дзвонници сѣдѣти. А еслибы братъ брата словомъ наган-билъ, маеть быти карань сидѣнямъ, а вины камень воску маеть дати и брата перепросити, неотходячи, и все братство перепросити. Слова непотребные, корчемные хтобы молвиль въ братствѣ, вины на томъ фунтъ воску. А мауть одицъ до другого съ послушаніемъ мовити. Которой бы братъ вѣдалъ брата выступнаго, не маеть его таити, але маеть его оповѣсти въ братствѣ, жебы былъ карань. А кто бы тайлъ злости, при виномъ карань быти маеть, якъ братя найдуть, или двома, или безмѣномъ воску, или полькаменемъ, или каменемъ, противно выступку. А если бы который зъ межи старшихъ братовъ, якимъ колвѣкъ обычаемъ, знался быти выступнымъ, за что молодшихъ карутъ, маеть быти старшій двояко и трояко карань, болшего бо томления достоенъ чести ради, а который бы братъ былъ карань сидѣнямъ или виною, маеть по карности заразъ перепросити того, кому былъ провинилъ, ведлугъ росказанія Господа нашего Иисуса Христа: да не зайдетъ солнце во гнѣвѣ вашемъ. А хто бы не отдалъ вины братской, поруку не отходячи маеть по-ставити два браты до другои схаждки. А судитися мауть радя-чымъ восполокъ, якъ старшихъ, такъ молодшихъ, и якъ молодшии призволяятъ всѣ, такъ старшии мауть сказовати. А который бы братъ мѣль якую справу, а не могъ бы свое и речы справовати, волно ему взяти двохъ братовъ на пораду и на помочь; справа вшелякая братская не маеть быти выношена далей отъ порога дому братскому, а на

кого бы ея досвѣдчено, двѣяко маеть карань быти—съдѣніемъ и безмѣномъ воску, а кто бы гордѣль братскими судомъ, якъ преслушникъ церкве судится, а если ся того не каеть до четвертои недѣлѣ, да отъ церкви отлучится, и священникъ маеть его въ церкви предъ всѣми обличити и отъ церкви отлучити, да посрѣмится. И аще нѣкій братъ именуемъ будеть блудникъ, или лихомецъ, или идолослужитель, или пяница, или драпежникъ, с таковыми не только посполитовати, але с ними ни ясти, ни пити. А если з допущенія Божаго будетъ на брата яковый упадокъ или немочь, а не мѣль бы достатку, мають его братя всломогати братскими пѣнзами и въ немочи призирати. А котормъ бы братя помогали въ напастехъ, въ бедахъ, въ недостаткахъ, позычающи имъ пѣнзии, не мають отъ нихъ лихвити. А позычали мають не па захованія смотрячи, и не тымъ, которые хотятъ быти богатшые, але тымъ, которые болшии недостатки терпятъ з допущенія Божаго. А кото-
рый бы братъ христіанский преставился съ того свѣта, мають его всѣ братя отпровадити къ гробу, къ тоей церкви, которой былъ па-
рафїи, и свѣча братская маеть быти въ церкви. Мають тѣжъ быти свѣчѣ братские къ отprovаженю мертваго къ гробу. А кгды будеть братство знаменемъ братскимъ обсылано, во двѣ недѣли, или якъ потреба прилучится, или на погребъ, не схочеть ля прити который братъ за трудностями своими пилными, маеть оповѣсти передъ старшимъ братомъ. А если бы было досвѣдчено, ижъ не былъ зат-
рудненъ, маеть быти карань фунтомъ воску. Ктому тѣжъ каждый братъ маеть вписати въ помянникъ церковный имя отца своего, и матере своея, и близкихъ пріятелей своихъ представшихся. А свя-
щенникъ церкве тое маеть читати помянникъ братскій по утрни и по вечерни въ дни поминальныя, и во великий постъ, по уставу церковному, а на каждый рокъ мають быти двѣ литоргии, за все братство, заздоровная и помянная, и убогихъ по силѣ надѣлити, а священику своему мають братя изъ скринки на рокъ кону гро-
шей давати за поминанія преставльшихся, на Рожество Христово золотый, а золотый на Воскресение Господне. Сего ради мы, сми-
ренный Гедионъ епископъ, бачивши згоду и любовь ихъ, благо-
словляемъ ихъ и мою Божию повелѣваемъ имъ хранити сия пре-
дания неразорне, верне. А кто бы мѣль пометати сие братство, на
томъ пехай будеть клятва святыхъ отецъ ѿ и ю. Благословеніе-

же Божие и благодать святого Духа буди на всѣхъ вѣрующихъ заповѣдемъ Его и творящихъ волю Его, и благословение святыхъ отецъ вселенскихъ седми соборовъ, и благословение Гедиона, епископа галицкого, лвовскаго и каменецкаго, и екзархи константино-польскаго престола, о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, Ему же слава въ вѣки вѣкомъ. Аминь.

Писанъ и данъ

Гедионъ епископъ власною рукою.

Грамота лисана на большомъ пергаменномъ листѣ; внизу слѣды шнура, на которомъ была иривѣшена въ пушкѣ печать, но самой печати не достаетъ. На оборотѣ грамоты по срединѣ находится пожѣта позднѣйшаго времени: Partis 3-tiae, № 3-tio, а въ началѣ слѣд. замѣтка:

Року 1656. Мы братство замосцкое всѣ обещъ квѣтовали пана Ференца Волосовича брата нашего съ церковныхъ гроший, що былъ далъ на церковь спрошонихъ гроший, такожъ и дарованыхъ сумы осми сотъ зол(отыхъ) шестидесять и пять зол(отыхъ), грошай сѣмъ, при бытности пана Мурата и пана Аничо, и при пану Крынку, Трушу, Яцку Затарскимъ, Стефану Анастасевичу, Лукашу, и при пану Артему Некрасевичу и Стефану Жугаевичу.

2.

Благословенная грамота того же Гедеона Балабана, епископа лвовского, младшему замостыскому братству.

Текстъ этой грамоты мы не приводимъ, такъ какъ она отъ слова до слова сходна съ предыдущею, за исключеніемъ слѣд. словъ:

Въ лѣто... по Рожествѣ Господа нашего Иисуса Христа 1656 мѣсяца декабря 20 дня. В то время пришедши передъ насъ и передъ наше право духовное славетное братство младенческое замойское, хотячи и проч.

Списокъ этой грамоты также на большомъ пергаменномъ листѣ, но это не подлинникъ, а копія, и къ ней привѣшена печать самого братства, въ пушкѣ, съ изображеніемъ на одной сторонѣ Покрова Божія Матери, а на другой святителя Николая, и съ подписью вокругъ: *Сія пушка привилею братства молодшаго церкви замосцкой. 1656.*

3.

Дополнительные пункты устава замостьского старшаго братства при церкви св. Николая.

1 (11). „Повинни (священники братскіе) на рокъ 4 акафисти до Пресвятой Богородици въ кождой чверти року отправляти, так тежъ и паастаси за преставлшихся, ведлугъ часу и ухвали братской, а священнику отъ акафисту, так тежъ и отъ паастасу, по грошей 12 повинни давати, и коливо повинни справляти. Знову 12 служебъ Божіихъ до року повинни отправляти на кождой мѣсяцъ по двѣ, заздоровну и за упокой, также ведлугъ часу и ухвали братерской, въ который день, сщенику отъ тыхъ служебъ Божіихъ повинни давати по грошей шесть, на которыхъ набоженствахъ повинни всѣ братіа быти безъ жаднихъ вымовокъ, а который бы братъ не мѣль быти, не мѣючи жадної великой забави, на такового вины и не-отпустно фунтъ воску. 2 (12). Если бы который зъ брати вписныхъ мѣль на ишшос мешканіе перенестися, теды маеть пупилис (publice) при зебраню всѣхъ братій ознаймити, иж то *non temere* чинитъ, и просити маеть, яко его за притомного мѣли, такъ и въ небытности абы о немъ памятали, а той братъ повиненъ завше любъ на сторонѣ досить ве вшисткомъ чинити и милости братерской бы намнѣй не уступати, и що рокъ презъ листъ о собѣ ознаймити, а гды до трехъ лѣтъ о собѣ не ознаймить, маеть быти зъ реестру вымазаний, такъ жывыхъ, якъ и умарлыхъ, чого пилно маютъ постерѣгати братіа старшіи; а гды бы не могъ до того прйти, бывши который въ далекихъ країнахъ, албо въ иныхъ земляхъ, таковому выбачить мауть. 3 (13) Каждый братъ, любо притомный, любо не притомный, при смерти, останокъ выроку жывота своего, повиненъ на тестаментѣ положити своесть, абы по смерти его дана была вѣдомость братству, и що колвекъ будетъ субстанціи, абы легацію учиниль на убогіе и хоріе того зебраня. 4 (14). Которій колвекъ вписуется въ реестръ братерскій, маеть присягу учинити, абы до конца жывота своего мѣль во всемъ чинити досить и святую православную вѣру въ соборной апостольской церкви сохранити“.

Пункты эти извлечены изъ подтверждительной братству грамоты митрополита кіевскаго Сильвестра Коссова, во всемъ осталномъ буквально повторяющей грамоту

Гедеона Балабана; но начала митрополичьей грамоты идти, а потому неизвестна ея дата и поводъ къ ея написанию. Въ концѣ грамоты печать и подпись:

Сильвестръ Коссовъ, митрополитъ киевскій, галицкій и всея Россіи, екзарха константинопольской.

4.

Постановленіе того же братства обѣ отношеніяхъ его къ братству младшему покровскому.

Лѣта Господня 1661, мѣсяца апрѣля 15-го дня, по старому календарю.

Принявъ во вниманіе панове братство старшее св. Николая и признавъ дѣломъ законнымъ и пристойнымъ, чтобы, ко славѣ Господа Бога и украшенію церкви святой, (продолжалась) эта слава и украшеніе, которое начато ревностнымъ стараніемъ пановъ братій братства младшаго, и вслѣдствіе просьбы ихъ къ намъ, какъ старшимъ братіямъ, чтобы мы позволили имъ ввести всякий порядокъ и усердное стараніе относительно украшенія церкви святой, и дабы они не ослабѣвали въ служеніи своемъ избранному ими образу покрова Пресв. Дѣвы, которое описано въ ихъ правилахъ, но во всакомъ случаѣ были усерднѣйшими,—мы, какъ братія старшіе, совѣщавшись всѣ, съ согласія нашего старшаго братскаго позволяемъ и имъ, какъ братству младшему, даемъ пункты или надлежашій порядокъ, назначая имъ, для всякаго порядку, двухъ братій нашихъ старшаго братства, каждый годъ особыхъ, безъ которыхъ не должно быть ни какое постановленіе и совѣщаніе, равно какъ безъ нихъ не должна пріобрѣтаться никакая вещь и не должно производиться ни одно денежное дѣло, но всегда съ совѣта и вѣдома оныхъ двухъ пановъ ассессоровъ, а сіи паны ассессоры должны всегда съ ними присутствовать на созываемыхъ духовническихъ сходкахъ и тамъ совѣщаться съ ними о добромъ церковномъ порядкѣ и управлять ими, а непокорныхъ карать по ихъ правиламъ. Панове братство старшее напоминаютъ и просить пановъ братій младшихъ прежде всего о томъ, чтобы не было никакого собранія и совѣщанія въ корчмныхъ домахъ, сплетень и непристойныхъ пересудъ какъ о своихъ братіяхъ младшихъ, такъ и о старшихъ, которые этотъ пунктъ заключаются такъ: если бы кто

услышалъ пересуживающаго непристойно, а этотъ не доказалъ бы того, чтѣ говорилъ, вины на таковаго камень воску и сидѣніе въ теченіи трехъ дней въ публичной *куни*. Другой пунктъ подають панове братство старшее и просятъ, чтобы каждый братъ младшаго братства, вступивши уже въ супружество, оставался еще въ младшемъ братствѣ годъ и шесть недѣль. А старшіе браты подають это младшей братіи не по своему мнѣнію и совѣту, а вслѣдствіе собственаго распоряженія, воли и постановленія преосвященнаго его милости отца митрополита кіевскаго, господина и пастыря нашего. А по истеченіи года и шести недѣль, паны братство младшее или старшіе ихъ обязаны будутъ отдать вступившаго въ супружество братству старшему, или поручить его, какъ брата, а онъ долженъ будетъ поблагодарить братству младшему или старшимъ его, чтобы младшіе сами собой съ младшими же совѣтовались о добромъ порядкѣ церкви святой, и что бы то братство собственно было младшее, чего и мы желаемъ. Ключъ отъ кассы денежнай долженъ быть одинъ у пановъ ассессоровъ или котораголибо изъ нихъ, а другой—у младшихъ или старшаго ихъ. Избранный въ шафары, составивши, съ вѣдома пановъ ассессоровъ, реестръ серебра и всего относящагося къ образу, обязанъ будстъ вписать вновь поступающее, засвидѣтельствовать и показать на сходкѣ передъ всей братіей и въ присутствіи пановъ ассессоровъ, а вписавши въ реестръ, хранить въ добромъ *порядкѣ*.

И пусть то будетъ къ славѣ Божіей и украшенію церкви святой, а имъ во спасеніе души, на что и эти пункты, чтобы паны младшіе браты, или старшіе ихъ руками подписали для лучшей и вѣрнѣйшей силы этого постановленія. Состоялось въ Замостьѣ вышеписанного года и дня, на чмъ тогда и подписывались:

Давидъ Максимовичъ, на той часъ братъ старшій

Даниилъ Куриловичъ, на той часъ братъ старшій

Игнатій Симонъ Рассиковичъ, братъ старшій

Леонтій Лагодзинскій, братъ старшій.

Подлинникъ писанъ на простой бумагѣ въ малую четвертку по польски; подпіси также по польски.

Библіографія.

Архив князя Воронцова. Книга двадцать пятая. М. 1882 г.

Въ послѣдней 25-й книгѣ архива князя Воронцова помѣщено нѣсколько документовъ, относящихся къ исторіи Малороссіи конца XVIII в. Первый представляетъ любопытный споръ Рazuмовскаго съ молодымъ великороссійскимъ чиновникомъ Олсуфьевымъ о предѣлахъ гетманской власти. Членъ коллегіи и церемоніймейстеръ Олсуфьевъ дѣжалъ свои замѣчанія на оригинальныхъ листахъ, посыпаемыхъ гетманомъ черезъ коллегію самой Императрицѣ; гетманъ въ свою очередь давалъ на эти замѣчанія свои объясненія или вѣрнѣе возраженія. Великороссійскій чиновникъ старается уличить малороссійскаго гетмана въ стремлениі къ обособленію, къ независимости отъ центральнаго правительства; онъ обращаетъ вниманіе Императрицы на то обстоятельство, что полковникъ миргородскій Остроградскій „въ противность имянныхъ указовъ, не Ея Императорскимъ Величествомъ, но гетманомъ самопроизвольно въ тотъ чинъ произведенъ“; указывая на дѣло грека Юрьева, онъ замѣчаетъ, что „отбывательства и уклоненія отъ должно послушного исполненія по высочайшему имянному указу ни для какихъ представлений гетману дозволять не должно. Ибо точно симъ примѣромъ онъ еще тѣмъ болѣе независимость свою и мнимое отъ апелляцій на его рѣшенія исключеніе утверждать (следовательно, въ чемъ захочетъ, указамъ не повиноваться) поводъ получить“.

Гетманъ, возражая Олсуфьеву, заявляетъ, что онъ дѣйствовалъ въ этихъ случаяхъ на основаніи законныхъ правъ, повидимому Олсуфьеву неизвѣстныхъ. „Ежели бы Ея Императорскому Величеству всѣ обстоятельства, права, законы и установленія, которыя сама Ея Величество соизволила высочайшею

свою рукою конфірмовать нынѣшнему гетману, были донесены (которыя уповательно по проискамъ Олсуфьева пропущены при докладахъ), то нигдѣ опредѣленія не найдется, чтобы полковни-ковъ и старшинъ, которые вольными голосами всего народа вы-бираются временемъ изъ самыхъ нижнихъ чиновъ, конфірмовать высочайшимъ монаршимъ и своеручнымъ утвержденіемъ: ибо ежели бы ихъ чины уравнены были съ чинами великороссій-скими, тогда въ волѣ Ея Императорскаго Величества останется, до какого чина, смотря по рангамъ, гетману дозволено будетъ опредѣлять". Въ своемъ послѣднемъ возраженіи Разумовскій про-сить Императрицу защитить его отъ несправедливыхъ нападокъ Олсуфьева... „Нынѣ отъ нестерпимости моей, пріпадая къ сто-памъ Ея Императорскаго Величества, всеподданѣйше прошу отъ помянутаго церемонімейстера Олсуфьева меня, всеподданѣйшаго раба, оборонить и дабы повелѣно было всѣ голосы и помѣты своеручныя его Олсуфьева, клонящіеся къ вѣчному моему без-слапію, изъ архивы коллежской взять къ Ея Императорскому Величеству и, разсмотря, всемилостивѣйше уничтожить". Весьма характеренъ, по нашему мнѣнію, фактъ, что гетманъ Малорос-сии, пользуясь личнымъ расположениемъ Императрицы, братъ любимца Императрицы Алексія Разумовскаго, долженъ быть просить защиты отъ чиновника коллегіи въ дѣлѣ, где онъ былъ, какъ кажется, совершенно правъ. Этотъ самый Олсуфьевъ впо-слѣдствіи сдѣлался довѣренѣйшимъ лицомъ Екатерины II, вмѣ-стѣ съ Тепловымъ, по малороссійскимъ дѣламъ. Ему было пору-ченено составить записку для будущаго малороссійскаго генералъ-губернатора, какъ это видно изъ письма къ нему императрицы, помѣщенного въ Рус. Арх. 1863 г., 433.

Другой документъ—„Мнѣніе его сіятельства графа Алексія Петровича Бестужева-Рюмина о классахъ малороссійскимъ чи-намъ, съ изъясненіями на каждый пупктъ того мнѣнія отъ гет-мана графа Разумовскаго"; относится онъ къ 1764 г. Бестужевъ-Рюминъ стоитъ противъ пожалованія малороссійскимъ чинамъ клас-совъ на подобіе великороссійскихъ: иначе придется, говорить онъ, даровать такие равни и другимъ нерегулярнымъ войскамъ, наприм., Донскому; при выборѣ въ должности вольными голосами (какъ это теперь существуетъ у малороссіянъ), многие достигнутъ важныхъ чиновъ незаслуженно и получать такимъ образомъ преимущество надъ великороссіянами. Разумовскій старается опровергать соображенія гр. Бестужева-Рюмина и соглашается

съ нимъ только въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ пунктахъ. Мы съ своей стороны замѣтимъ, что просьба Разумовскаго объ уравненіи ранговъ и чиновъ не шла въ разрѣзъ со взглядами центрального правительства на общегосударственные интересы; въ томъ-же 1764 году послѣдовалъ указъ объ уничтоженіи гетманства и затѣмъ объ уравненіи классовъ.

Наконецъ, третій документъ—„Записка о Малой Россіи“, приложенная къ предыдущему мнѣнію гр. Бестужева-Рюмина. Записка эта начинается краткимъ историческимъ очеркомъ о про-исхожденіи народа малороссійскаго и затѣмъ переходитъ къ су-щественному своему пункту—критикѣ порядковъ, господствовав-шихъ въ то время (1764 г.) въ Малороссіи; сюжеты, затронутые тамъ, крайне любопытны (о непорядкахъ, которые происходятъ отъ чиновниковъ Малой Россіи, о умаленіи козаковъ и посполи-тихъ войсковыхъ, о ревизіи, о расхищеніи посполитыхъ дворовъ, о правахъ малороссійскихъ, о неудобствѣ, что козаки съ поспо-литыми перемѣшаны въ деревняхъ, о вольномъ переходѣ); не менѣе интересны приводимые тамъ факты и соображенія. Но за-писка тѣмъ не менѣе не имѣетъ никакого самостоятельнаго значенія: она представляетъ простое *переложеніе извѣстной записки Теплова*, исключая только историческое введеніе, котораго пѣть у Теплова. Во введеніи Бестужевъ-Рюминъ указываетъ даже литературу во-проса по исторіи Малороссіи (*Histoire des diètes de Pologne*, 2) *Relation des cosaques*, 3) *Therenot. Recueil des voygages*, 4) *Dictionnaire de Morerі*, также лѣтописи малороссійскія и статьи Хмель-ницкаго и прочихъ гетмановъ; а особливо *Histoire de la guerre des cosaques contre la Pologne, par Pierre Chevalier*); но представ-ленный имъ самимъ очеркъ полонъ самыхъ грубыхъ ошибокъ и ложныхъ заключеній. По его словамъ, литовскій князь Гедиминъ Кіевъ покорилъ въ 1240 году послѣ битвы надъ Ирпенемъ; начало запорожскаго козачества онъ относитъ къ 1340 году и т. д.

Самая записка повторяетъ часто слово въ слово, иногда въ переложеніи, записку Теплова¹). Приведемъ наудачу для образца нѣсколько мѣсть изъ записки Бестужева-Рюмина и Теплова.

1) О непорядкахъ, которые происходятъ ишнѣ отъ злоупотребленія правъ и обы-кновеній, грамотами подтвержденными Малороссіи (Записки о южной Руси, Кулиша, ч. II, стр. 175—196).

Вотъ начало одной и другой записки:

Записка Бестужева-Рюмина.

Долговременное сего народа отъ самодержавія Всероссійскаго отдѣленіе, а потомъ привычка къ польскому праву, которое королями Казимиромъ, Сигизмундомъ первымъ и Стефаномъ Батори, для лучшаго притязанія въ единство своей области, въ нихъ вкоренено, вкоренило въ Малороссійской народъ особливыя мысли о своихъ вольностяхъ и обыкновеніяхъ.

А вотъ — конецъ:

Сіи суть только генерально показанные непорядки въ Малороссійскомъ народѣ; но ежели бы нужда востребовала все сіе яснѣе показать, то надлежить только заглянуть въ теченіе ихъ судовыхъ дѣлъ, тогда множайшиe еще показаться могутъ. Много о томъ, какъ видно, помышлялъ блаженный и вѣчныя памяти Государь Императоръ Петръ Великій; но понеже край малороссійской до познанія его въ самое жесточайшее восинное время пришелъ, а поправленіе его требовало не мало времени, то хотя изъ многихъ учрежденій и видны были ко всему начатки премудраго господа, до времени не доставало то привести въ порядокъ, чѣмъ исподо-

Записка Теллова.

Долговременное сего народа отъ самодержавія Всероссійскаго отдѣлевіе, а притомъ приобыкновеніе (sic) къ польскимъ правамъ, которыя королями Казимиромъ, Сигизмундомъ I и Стефаномъ Баторіемъ, для лучшаго приведенія въ единство своей области, въ нихъ вкоренены, вкоренили въ сей малороссійской народъ и особливыя вольности и обыкновенія.

Сіи суть токмо генерально показанные непорядки въ малороссійскомъ народѣ; но ежели бы нужда востребовала все сіе яснѣе показать, то надлежить только заглянуть въ теченіе ихъ судовыхъ дѣлъ, въ произведеніе государевыхъ повелѣній и во внутреннюю ихъ собственную экономію; тогда множайшиe еще показаться могутъ. Много о томъ, какъ видно, помышлялъ блаженный и вѣчно достойный памяти Государь Императоръ Петръ Великій, но понеже край Малороссійской до познанія его въ самое жесточайшее время пришелъ, а поправленіе его требовало немалаго времени, то хотя изъ многихъ учрежденій и видны были ко всему сему

воль дѣлать надлежало, а между тѣмъ смерть сего великаго монарха застигла.

начатки премудраго Государя, до времени не доставало то привести въ порядокъ, что исподоволь дѣлать надлежало, а между тѣмъ смерть сего великаго Монарха застигла, и больше никто о томъ не мыслилъ.

И такъ, записка Бестужева-Рюмина представляетъ чуть ли не простую копію съ записки Теплова. Записку Теплова г. Кулишъ относить къ царствованію императрицы Елизаветы Петровны, но основаній въ пользу своего мнѣнія не приводитъ никакихъ. С. М. Соловьевъ въ 33 примѣчаніи къ 26 тому „Исторіи Россіи“ относитъ ее ко времени уничтоженія гетманства. Мы склоняемся болѣе къ мнѣнію С. М. Соловьева, тѣмъ болѣе, что тогда уясняется вѣсколько вопросъ и о запискѣ Бестужева-Рюмина. Несомнѣнно, что Тепловъ игралъ двойную игру въ малороссийскихъ дѣлахъ: наставникъ и ближайшій совѣтникъ гетмана Разумовскаго, онъ, какъ никто другой, способствовалъ уничтоженію гетманщины. Нужно полагать, что записка Теплова была написана для Екатерины II съ цѣлью оправдать уничтоженіе гетманства, но пока еще не получила огласки; быть можетъ также, что Тепловъ до поры до времени считалъ неудобнымъ дать свою фамилію подъ своею запискою, а потому то Бестужевъ-Рюминъ приписалъ ее себѣ.

Что касается до записи Теплова, то взгляды на нее, какъ извѣстно, расходятся. Г. Кулишъ видѣтъ въ ней картину малороссийскихъ порядковъ конца прошлаго вѣка, нарисованную кистью патріота. Максимовичъ, напротивъ, видѣтъ въ ней тенденціозную карикатуру человѣка, злобно относившагося къ Малороссіи. Это вопросъ очень любопытный, но затрогивать его здѣсь въ библіографической замѣткѣ мы не имѣемъ возможности; скажемъ только, что Тепловъ, какъ намъ кажется, былъ болѣе правъ, чѣмъ доказываетъ Максимовичъ.

Дм. Багалѣй.

Библіологический словарь и черновые къ нему материалы П. М. Строева. Приведены въ порядке и изданы подъ редакцією академика А. Ф. Бычкова. С.-Петербургъ, 1882 г.

Книга составлена на основаніи материаловъ, собранныхъ по-коеннымъ академикомъ П. М. Строевымъ для исторіи славяно-рос-

сійской литературы и хранившихся въ академіи наукъ, въ пяти портфеляхъ. Они содержать частію совершенно обработанныя статьи, въ видѣ библіологического словаря отъ буквы А до буквы Е, отъ № 1 до № 87 включительно, частію статьи, оставшіяся еще въ сыромъ видѣ, отъ № 88 до № 314, и сверхъ того „Смѣсь“, названную такъ самимъ собирателемъ. Всѣ эти материалы, за небольшими исключеніями, являются однимъ изъ результатовъ снаряженной академіею вакъ археографической по Россіи экспедиціи, принесшей такую существенную пользу отечественной исторіи.

Библіологический словарь и материалы расположены въ азбучномъ порядкѣ именъ и фамилій писателей и переводчиковъ. Въ первомъ при каждомъ лицѣ сначала сообщаются нѣкоторыя біографическія о немъ данныя, а затѣмъ исчисляются его сочиненія и переводы, иногда съ подробнымъ изложеніемъ ихъ содержанія, а иногда и съ присовокупленіемъ ихъ критической оцѣнки, и почти всегда съ указаніемъ лучшихъ списковъ и мѣстъ ихъ храненія. Въ „материалахъ“ же только указаны рукописи, въ которыхъ П. М. Строевъ во время своего археографического путешествія и при другихъ библіографическихъ работахъ находилъ то или другое сочиненіе извѣстнаго автора, и весьма рѣдко приведены библіографическія и другія данныя.

Къ составленію словаря, или точнѣе сказать—къ обработкѣ собраннаго материала, П. М. Строевъ приступилъ 9 сентября 1835 года; 6 ноября того-же года онъ еще занимался этимъ трудомъ, но затѣмъ онъ его оставилъ. Если бы П. М. Строевъ окончилъ и напечаталъ свой трудъ своевременно, то онъ, безъ всяаго сомнѣнія, занялъ бы почетное мѣсто среди пособій для изученія нашей древней литературы и внесъ бы въ нее много новыхъ данныхъ; но теперь, когда послѣ 1835 года, въ теченіе 40 лѣтъ, явилось вѣсколько важныхъ изслѣдованій по исторіи русской литературы, на основаніи вновь открытыхъ данныхъ,—изданы каталоги нѣкоторыхъ рукописныхъ собраній и напечатанъ обзоръ русской духовной литературы архіепископа Филарета,—начало библіологического словаря П. М. Строева и собранные имъ материалы утратили во многомъ свое значеніе, хотя тѣмъ не менѣе они заключаютъ въ себѣ по мѣстамъ любопытныя подробности, обнародованіе которыхъ не безполезно.

Въ виду послѣдниго обстоятельства и сознавая, что печатать теперь вполнѣ словарь П. М. Строева и материалы къ нему зна-чило бы повторять иногда всѣмъ и давно извѣстное, академикъ А.

Ө. Бычковъ сличиль ихъ съ „Словаремъ“ митрополита Евгенія, съ „Обзоромъ“ архієпископа Філарета и съ тѣми дополненіями, которые были вызваны появленіемъ въ свѣтѣ послѣдняго труда, съ цѣллю выдѣлить тѣ даннія, которые представляютъ интересъ въ какомъ-бы то ни было отношеніи. Впрочемъ, чтобы дать полное понятіе о составѣ Словаря и материаловъ для исторіи славяно-российской литературы, академикъ Бычковъ перечислилъ всѣ статьи, въ нихъ входящія, сохранивъ данный имъ П. М. Строевымъ азбучный порядокъ расположения. Изъ этихъ статей одна напечатаны цѣлкомъ (таковыя означены звѣздочкою), другія же, содержащія даннія, частію уже обнародованныя, частію-же представляющія интересъ только по разнымъ своимъ подробностямъ,— сокращено; наконецъ при статьяхъ, не заключающихъ ничего новаго, оставлены лишь имя и фамилія лица и сдѣланы ссылки на вышеупомянутыя сочиненія, въ которыхъ можно найти все, въ этихъ статьяхъ находящееся. Подобныя-же ссылки сдѣланы и при другихъ статьяхъ, когда или исключено изъ нихъ уже известное, или когда свѣдѣнія, въ нихъ помѣщенные, пополняются данными, находящимися въ приведенныхъ сочиненіяхъ; отсутствіе-же ссылокъ при статьяхъ служить указаніемъ, что этихъ статей нѣть ни въ „Словарѣ“ митрополита Евгенія, ни въ „Обзорѣ“ архієпископа Філарета.

Насъ интересуютъ преимущественно статьи, имѣющія какой-либо мѣстный южнорусскій интересъ. Въ бібліологическомъ „Словарѣ“ и материалахъ къ нему отмѣчены звѣздочкой или напечатаны безъ ссылокъ на „Словарь“ Евгенія и „Обзоръ“ Філарета, сдѣдовательно представляютъ наибольшій интересъ, статьи мѣстнаго южнорусскаго характера подъ слѣдующими заглавіями: Аѳанасій Пузына, епіскопъ луцкій и острожскій; Аѳанасій Филиповичъ, игуменъ брест-литовскій; Аѳанасій Кальнофойскій, монахъ кіево-печерской лавры; Брежевскій Амвросій, шляхтичъ литовскій; Будний Симонъ, одинъ изъ издателей катехизиса въ духѣ лютеранскомъ и въ нарѣчіи литовско-русскомъ; Бѣлободскій Янъ, учёный бѣлорусъ; Варлаамъ Ясинскій, митрополитъ кіевскій; Виталій, іеродіаконъ віленскаго Духова монастыря; Гавріїль Домецкій; Гедеонъ Одорскій, архімандритъ крупицкаго батуриинскаго монастыря; Гозвідскій Теодоръ, греческій и польскій переводчикъ въ Москвѣ; Григорій Димитріевичъ, священникъ шаргородскій, XVII в.; Дилецкій Николай, изъ Вильны; Досией, архімандритъ пічерскій, страчтовавшій во св. гору афонскую; Елісей Плетенецкій, ар-

химандріть кієво-печерскій; Ігнатій інокъ, переводчикъ Баронія; Іларіонъ, митрополитъ кіевскій; Іпатій Пощий, єпископъ владиміро-волинскій; Ісаїя Балабанъ, архимандріть унівскій и дерманскій; Іосифъ Кирилловичъ, ієромонахъ кіево-печерскій; Кипріанъ святогорецъ, монахъ кіево-печерскаго монастыря; Константинъ Борковскій, архимандріть Данилова монастыря; Корвинъ-Красовскій Василій; Кохановскій, ієромонахъ; Симеонъ Полоцкій; Скибинскій Григорій Алексєевичъ, докторъ філософії; Феодоръ Михайлопольський, діаконъ; Феофеанъ, монахъ чудова монастыря, и друг., такоже в'єсколько житій, пов'єстей о чудотворныхъ іконахъ, каноновъ, літописей, патерикъ печерскій, переводы сочиненій, сдѣланые неизвѣстными лицами, пов'єсти и сказанія, слова и поученія, сочиненія неизвѣстныхъ авторовъ, и проч.

Нѣкоторыя изъ этихъ статей сообщаютъ совершенно новыя свѣдѣнія, доселъ неизвѣстныя въ нашей літературѣ. За то нѣть въ „Бібліологическомъ Словарѣ“ свѣдѣній о такихъ писателяхъ или произведеніяхъ древней письменности и литературы, о которыхъ стало извѣстно послѣ трудовъ митрополита Евгенія и архіепископа Филарета и вызваныхъ ими дополненій. Но составленіе полнаго „Бібліологического Словаря“, на основаніи всѣхъ доступныхъ въ настоящее время источниковъ, и не входило въ задачи академика Бычкова.

Н. П.

Ernst Bonnel. Beiträge zur Alterthumskunde Russlands von den ältesten Zeiten bis um das Jahr 400 nach. Chr. hauptsächlich aus der Berichten der griechischen und lateinischen Schriftsteller. Erster Band. St. Petersburg, 1882.

(Эрнестъ Боннель. Дополненія къ археологии Россіи, съ древнійшихъ временъ до 400 года по Р. Х., составленныя преимущественно по извѣстіямъ греческихъ и римскихъ писателей. Томъ I, Петербургъ, 1882 г.)

Объемистый томъ, изданный г. Боннелемъ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, посвященъ весь изслѣдовашю древнійшихъ извѣстій о южной Россіи, сообщаемыхъ Геродотомъ. Авторъ, обладая большою эрудицію, извлекъ изъ греческой литературы всѣ свѣдѣнія, крупныя и мелкія, относящіяся къ Скиѳіи и Скиѳамъ, и

воспользовался ими для поясненія и комментировки свѣдѣній Геродота; затѣмъ онъ пересмотрѣлъ всю новѣйшую литературу, относящуюся къ избранному имъ сюжету и разсмотрѣлъ все высказанныя понынѣ гипотезы, относящіяся къ даннымъ, сообщаемымъ греческимъ отцемъ исторіи о географії, этнографії и исторіи скиѳовъ. Особенно интересна послѣдняя глава, представляющая опытъ изслѣдованія о языкахъ скиѳовъ, предпринятаго на основаніи сличенія скиѳскихъ именъ (числомъ до 60), уцѣлѣвшихъ какъ у Геродота, такъ и у другихъ греческихъ писателей, а равно на надписяхъ, найденныхъ въ Ольбіи, Тираſѣ и другихъ греко-понтійскихъ городахъ.

На основаніи какъ филологическихъ сближеній, такъ и разсмотрѣнія быта, обычаевъ, религіозныхъ вѣрованій и историческихъ извѣстій о скиѳахъ, г. Боннель приходитъ къ убѣжденію, весьма точно обставленному научными доводами, что скиѳы (точнѣе господствовавшее въ Скиѳіи племя) принадлежали къ иранской вѣтви арійского племени. Вотъ вкратцѣ важнѣйшіе выводы автора, сообщаемые имъ въ заключеніи его сочиненія: „Скиѳы и Савроматы составляли народъ иранскаго племени, который за нѣсколько столѣтій до Р. Х. былъ вытѣсненъ изъ Азіи другимъ иранскимъ народомъ (вѣроятно массагетами) за Волгу и постепенно, въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, овладѣлъ всею страною, лежавшею между Дономъ и устьемъ Дуная. Народъ этотъ сохранился въ самомъ чистомъ видѣ въ группѣ такъ называемыхъ царскихъ или свободныхъ скиѳовъ, которые во времія Геродота обитали между Герросомъ¹⁾ и Дономъ, а также занимали Крымъ, за исключениемъ гористой его части. Савроматы составляли правдоподобно помѣсь, произшедшую отъ браковъ скиѳовъ съ женщинами покоренныхъ ими киммеріянъ, обитавшихъ къ востоку сть азовскаго моря. Такой смѣшанный народъ населялъ, повидимому уже въ пятомъ столѣтіи, страну, лежащую на востокѣ отъ азовскаго моря между Дономъ и Босфоромъ Киммерійскимъ (Керченскимъ проливомъ). Точно также и къ западу отъ Герроса скіѳы смѣшались съ

¹⁾ Авторъ не находитъ возможнымъ точно опредѣлить, какую рѣку Геродотъ разумѣлъ подъ именемъ Герроса; разсмотрѣвъ всѣ высказанныя въ этомъ отношеніи гипотезы, онъ предполагаетъ, что рѣка Волчья (притокъ Самары) соединялась въ то времія съ Калміусомъ и образовывала значительную рѣку, которую Геродотъ и обозначилъ именемъ Герроса. (Стр. 71, 106).

туземнымъ киммерійскимъ народонаселеніемъ. Киммеріяне, занимавшіе страну до прихода скиевъ, вышли въ болѣе раннее время изъ передней Азіи, вытѣсненные вѣроятно изъ первоначальной родины борьбою семитскихъ народовъ между собою или можетъ быть нашествіемъ египтянъ; они, до выхода изъ Азіи, находились въ весьма продолжительныхъ сношеніяхъ съ этими народами и заимствовали у нихъ многія черты культуры, чѣмъ и объясняются слѣды семитскаго вліянія, которые можно подмѣтить среди скиевъ. Киммеріяне были соплеменники скиевъ; они были предками племенъ: кельтическаго и лето-славянскаго; правдоподобно та часть киммеріанъ, которая оставила страну и поселилась за предѣлами Скиїи послѣ пришествія скиевъ, была известна въ послѣдствіи подъ именемъ: невровъ, агаѳиновъ и тавровъ. Собственные скиевы и савроматы (или, по крайней мѣрѣ, часть послѣднихъ) были предками германцевъ (именно отъ собственныхъ скиевъ произошли готы). Остальная часть населенія Геродотовой Скиїи, хотя и обозначается общимъ именемъ скиевъ и савроматовъ, но имъ это имѣть только политическое значеніе, большинство же народонаселенія состояло изъ оставшихся въ странѣ киммеріанъ и должно быть причислено пѣ вѣтвямъ кельтической и лето-славянской. Относительно народа, населявшаго страну еще до пришествія киммеріанъ (финны или баски?), ничего пока положительного установить не возможно; но предположеніе о существованіи этого первобытнаго населенія возможно" (стр. 501—503).

Приведенные выводы г. Боннеля можно раздѣлить на двѣ группы положеній, не обладающихъ въ равной мѣрѣ историческою достовѣрностью и не одинаково обставленыя какъ научнымъ материаломъ, такъ и критическими приемами. Всѣ тѣ положенія автора, которыя основаны на познаніи классическихъ писателей и имѣютъ цѣлью объяснить извѣстія Геродота объ этнографіи и истории Скиїи, несомнѣнно составляютъ цѣнныій вкладъ въ науку и по добросовѣтности изученія, ясности изложенія и трезвости взгляда заслуживаютъ полную благодарность всѣхъ интересующихся давними о древнѣйшей исторіи южной Россіи. Другая группа положеній автора, въ которыхъ онъ пытается связать народы геродотовой Скиїи съ историческою этнографіею и позднѣйшею исторіею европейскихъ народовъ, не обладаетъ качествами первой группы. Въ попыткахъ автора мы постоянно встречаемъ если не предвзятую мысль, то по меньшей мѣрѣ стремленіе уста-

новить гипотезу на такомъ количествѣ данныхъ научныхъ, кото-
рыя вовсе не достаточны для того, чтобы придать ей характеръ
сколько нибудь достовѣрный. Для примѣра разсмотримъ положенія
автора, на основаніи которыхъ онъ съ большою увѣренностью
высказываетъ мнѣніе о томъ, что скиѳы (царскіе) были предками
германцевъ. Сличивъ сказаніе Геродота о скиѳахъ съ извѣстіями
Страбона, Цезаря и Тацита о бытѣ германцевъ, авторъ высказываетъ
следующія положенія: „оба народа уподобляются другъ
другу по слѣдующимъ признакамъ: оба поклонялись божеству какъ
существу духовному, не допуская ни изображеній боговъ, ни хра-
мовъ. Богамъ приносили въ жертву людей (воиноплѣнныхъ), до-
 машнихъ животныхъ, особенно лошадей, но никогда для жертво-
приношенія не употребляли свиней. Угадывали волю боговъ по-
средствомъ гаданія, при чемъ цыфра 3 имѣла особенное значеніе.
Не было господствующаго жреческаго сословія, но царь исполнилъ
функции верховнаго жреца и въ религіозныхъ дѣлахъ пользовался
исполнительной властью. Во время Страбона и Цезаря германцы
были кочевниками въ такой же мѣрѣ, какъ скиѳы во время Геро-
дота. Оба народа питались по преимуществу молокомъ и мясомъ
своихъ стадъ, также дичью и рыбой, не занимались земледѣліемъ,
хотя уважали это занятіе, они любили предаваться хищническимъ
набѣгамъ, охотѣ и войнѣ потому, что жилища ихъ граничили съ
пустынями (?). Населеніе, занимавшееся земледѣліемъ въ стра-
нахъ какъ скиѳовъ, такъ и германцевъ, было населеніе коренное
кельтическое, литовское или славянское, покоренное воинствен-
ными пришельцами-кочевниками. Какъ у скиѳовъ такъ и у гер-
манцевъ господствовало единоженчество. У скиѳовъ, какъ и у гер-
манцевъ, мужчины и женщины носили одинаковую одежду. Черепа
убитыхъ враговъ сохранялись и служили вместо чаши. Договоры
закрѣпляли присягою, приносимою на оружіи. Ссоры рѣшались
часто публичнымъ поединкомъ. Полагали, что жизнь продолжается
за гробомъ, потому покойникамъ клали въ могилу оружіе, лоша-
дей, часть драгоцѣнностей, иногда жену, рабовъ и слугъ. Пять
служителей, окружавшихъ скиѳскихъ царей (чашникъ, поваръ, ко-
нишний, камердинеръ и герольдъ) представляютъ первообразъ при-
дворныхъ чиновъ позднѣйшихъ германскихъ королей (?). Короли
какъ у германцевъ, такъ и у скиѳовъ, могли быть избираемы и
устраняемы народнымъ собраніемъ. Многіе изъ числа приведен-
ныхъ обычаевъ до того характеристичны, что нельзя не признать
 тождества обоихъ народовъ и потому не можетъ быть сомнѣнія

въ томъ, что скіеи и савроматы были болѣе или менѣе прямymi предками германцевъ". (Стр. 388—389).

Рассмотрѣвъ эти неоспоримыя, по мнѣнію автора, черты тождества обоихъ народовъ, мы не только не можемъ признать ихъ вполнѣ доказательными, но даже не находимъ въ нихъ основанія для самой осторожной гипотезы въ пользу положенія автора. Всѣ перечисленныя имъ этнографическія черты быта на врядъ-ли могутъ быть признаны характеристическими; онъ или указываютъ лишь на извѣстную степень культуры, черезъ которую проходили всѣ народы (кочевой бытъ, культъ мертвыхъ, пристрастіе къ войнѣ и грабежу и т. п.), или составляютъ нѣсколько наивныхъ сближеній явлений слишкомъ отдаленныхъ и разнородныхъ (какъ замѣчаніе о царскихъ служителяхъ). Такія черты быта, какъ пристрастіе къ войнѣ и охотѣ, отсутствіе храмовъ и жрецовъ, принесеніе присяги на оружіи, употребленіе череповъ вмѣсто чащъ, гаданіе, поединки и т. д. могутъ быть указаны въ исторической этнографіи многихъ племенъ: славянъ, литовцевъ, тюрковъ и т. д.

Въ заключеніе можемъ высказать еще одно сожалѣніе по поводу сочиненія г. Боннеля: онъ почти совершенно отстранилъ материалъ собственно - археологическій и не обратилъ вниманія на богатыя раскопки, совершенные на территоріи новороссійскаго края Императорскою Археологическою Коммисіею, чѣмъ лишилъ себя весьма важнаго и, при настоящемъ состояніи науки, обязательнаго материала для дополненія и поясненія Геродотовыхъ извѣстій о Скиѳіи.

В. А.

Історические материалы изъ архива киевской губернскої правленія, выпускъ 2-ой. Изданіе редакторъ неофиціальной части Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, А. А. Кіевъ, 1882 г.

Въ январской книжкѣ Кіевской Старинѣ сообщено было объ издаваніи историческихъ матеріаловъ, хранящихся въ архивѣ кіевскаго губернского правленія, предпринятомъ редакціею Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей. Почтенная редакція продолжаетъ вести задуманное дѣло и очевидно чѣмъ даѣте подвигается разработка архива, тѣмъ болѣе интересный и цѣльный матеріалъ она находитъ возможнымъ извлечь и сгруппировать въ своемъ изданіи.

Передъ нами второй выпускъ „Историческихъ материаловъ“, ко-
торый, отличаясь тою же добросовѣтностью редакціи, далеко пре-
восходитъ 1-й выпускъ полнотою и взаимною связью предлагаемаго материала. Въ выпускеъ этомъ помѣщено 18 дѣлъ. Половина
ихъ относится къ разнымъ событиямъ, представляющимъ болѣе
или менѣе важный историческій интересъ; между ними особенно
обращаетъ на себя вниманіе дѣло о поземельной собственности
самарскаго пустынно - николаевскаго монастыря. Какъ извѣстно,
монастырь этотъ основанъ былъ въ началѣ XVII ст. на земляхъ
запорожскихъ (въ 2-хъ верстахъ отъ нынѣшняго города Новомосковска, екатеринославской губ.). Послѣ упраздненія запорож-
ской общины, монастырь продолжалъ существовать еще нѣко-
торое время въ качествѣ монастыря приписанаго къ кіево-межи-
горскому, приходомъ котораго считалось нѣкогда все Запорожье.
Дѣло, помѣщенное въ „Историческихъ материалахъ“, заключаетъ
документы (1778—1781 г.), относящіеся къ ходатайству межигор-
скаго монастыря объ оставленіи въ его пользованіи земель и
угодій, пожертвованныхъ въ пользу самарскаго монастыря запо-
рожцами, а также опись этихъ земель и угодій. Довольно инте-
ресно также уголовное, политическаго характера, дѣло (1753 г.),
возникшее по тому поводу, что случайно, при обыскѣ дома од-
ного изъ кіевскихъ мѣщанъ (Холявки), найдены были копіи ука-
зовъ „подъ извѣстнымъ титуломъ“ (т. е. писанные отъ имени
Іоанна Антоновича), которые по смыслу Высочайшаго указа
приказано было раньше отослать, „куда слѣдуетъ“. За неиспол-
неніе этого указа и за упоминаніе „имени извѣстныхъ персонъ“
въ спискѣ, при которомъ препровождались „куда слѣдуетъ“ оты-
сканные документы, кіевскій магістратъ заслужилъ „довольный
репримандъ“, а канцеляристы его попали подъ судъ. Другая по-
ловина дѣлъ, помѣщенныхъ въ „Историческихъ материалахъ“, со-
ставляетъ группу документовъ, связанныхъ между собою содер-
жаніемъ; это материалы для истории крестьянъ, крѣпостнаго
права и крестьянскаго землевладѣнія въ кіевскомъ намѣстниче-
ствѣ въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія. Здѣсь помѣщены
свѣдѣнія о побѣгахъ крестьянъ отъ помѣщиковъ, о закрѣпошеніи
цослѣдними козаковъ, объ отчужденіи крестьянскихъ земель и,
между прочимъ, два весьма драмматические факта о сопротивленіи
козаковъ, при отчисленіи ихъ въ крѣпостные. Особенно рѣзко
обозначается сопротивленіе это въ дѣлѣ „о возмущеніи въ селѣ
Турбаяхъ“ (нынѣ Трубай, хорольскаго уѣзда) 1789 года. Здѣсь

народное раздражение, вызванное припискою козаковъ въ крѣпостные, разразилось весьма рѣзкою вспышкою, жертвою которой пали помѣщики Степанъ и Иванъ Базилевскіе и подверглись оскорблѣніямъ и насилиямъ члены суда, выѣхавшіе въ Турбай для установленія правъ Базилевскихъ.

Вообще 2-й выпускъ историческихъ матеріаловъ представляетъ цѣнныи вкладъ въ сокровищницу мѣстной археографіи, и мы искренно желаемъ, чтобы редакція Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей продолжала начатое ею полезное предпріятіе. Мы встрѣтимъ съ тѣмъ большимъ интересомъ слѣдующіе выпуски „Историческихъ матеріаловъ“, что, какъ мы слышали, редакція успѣла уже собрать столь значительный запасъ документовъ, что въ дальнѣйшихъ выпускахъ она намѣрена въ каждой книжкѣ группировать матеріалы, имѣющіе другъ съ другомъ связь по содержавію, такъ, что каждая книжка будетъ представлять наборъ источниковъ по какому-либо отдельному сюжету изъ исторической жизни края.

A.

Извѣстя и замѣтки

(историческая, этнографическая и историко-литературная).

ПАСѢКА ГЕТМАНА Б. ХМЕЛЬНИЦКАГО¹⁾.

Въ февралѣ 1705 года инокиня кіевопечерскаго дѣвичьяго Вознесенскаго монастыря, нѣкая Феодосія Кондратьева Хмельницкая, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Феодоромъ, очевидно послѣднимъ отпрыскомъ знаменитой гетманской фамиліи Хмельницкихъ, продала честнымъ отцамъ выдубицкаго михайліовскаго монастыря за сто талерей монеты доброй свою отчизну и дѣдизну—пасѣку съ садами въ лѣсу Лебединъ, о которомъ поется въ гайдамацкихъ пѣсняхъ и который находился въ западной части нынѣшняго чигиринскаго уѣзда и окружалъ село Лебединъ. Въ частности положеніе пасѣки, проданной инокинею Хмельницкою, по актамъ опредѣлено такъ: „въ лѣсѣ Лебединѣ, на потоцѣ водномъ, текучимъ въ поле на долину, прозваніемъ Липянку, къ речкамъ Товмачу и Висѣ сходѣ имѣючимъ“. Тогдашній игуменъ выдубицкаго монастыря Варлаамъ Страховскій позаботился закрѣпить новое земельное пріобрѣтеніе и въ маѣ 1707 года выхлопоталъ у гетмана Ив. Мазепы универсаль, которымъ утверждалось право монастыря на владѣніе лебединскою пасѣкою и „владзою гетманской“, накрѣпко приказывалось, „абы никто з старшихъ и меншихъ войсковыхъ и послолитыхъ людей не смѣль и не важился въ диспонованію тое пасѣки монастыреви выдубицкому жаднимъ способомъ найменшои чинити перешкоды,

¹⁾ Свѣдѣнія о ней заимствованы изъ рукописнаго сборника документовъ кіево-выдубицкаго монастыря.

кривды, долегливости, утаженя и спустошена". Но tempora mutantur: пять лѣтъ спустя, правобережная Украина, по прутскому договору, отошла въ польское владѣніе, и отъ могучаго „рейментарскаго“ универсала, какъ юридического акта, для честныхъ отцевъ выдубицкаго монастыря осталось лишь одно пріятное воспоминаніе. Теперь спокойное „диспонованье“ ихъ лебединскою пасѣкою было поставлено въ зависимость отъ благорасположенія польского магната Яна-Каетана Яблоновскаго, старосты чигиринскаго, и еще болѣе отъ его ближайшаго подчиненнаго, смѣлянского губернатора Войтехя Буяльскаго, въ волости котораго находился лебединскій лѣсъ. Чернцы выдубицкіе скоро успѣли войти въ пріятельство съ п. Буяльскимъ, вели съ нимъ дружескую корреспонденцію, время отъ времени посылали ему „презенты“, въ видѣ „юхты“ (кожи) и другихъ натуральныхъ приношеній, брали на себя коммисіонныя порученія по размѣну для него польскихъ золотыхъ на русскіе рубли и проч. и подъ его пріятельскою защитой мирно ходили въ лебединской пасѣкѣ, содѣржа въ ней на „послушаніи“ нѣсколько человѣкъ изъ братіи. Но подъ конецъ 30-хъ годовъ XVIII в. лебединскіе жители Яцько, Иванъ, Грицько и Макаръ Засенки предъявили претензію на лебединскую пасѣку, принадлежавшую будто-бы ихъ дѣду Василю Засю. Въ подтвержденіе своихъ правъ они представили какіе-то документы и сослались на свидѣтельство мѣстныхъ старожиловъ. Дѣло поступило на судъ смѣлянского губернатора, который хотя и водилъ пріятельство съ игуменомъ и братіей выдубицкаго монастыря, но опасался явно пожертвовать интересами Засенковъ, подданныхъ своего патрона, старосты чигиринскаго, и потому приступилъ къ обстоятельному разслѣдованію спорнаго дѣла. Сохранились многочисленныя показанія старыхъ людей, раскрывающія небезинтересную исторію лебединской пасѣки. Еще до Хмельницкаго пасѣкою этою владѣлъ польскій шляхтичъ, по прозванию Пшунка. Въ его время жилъ въ Лебединѣ козакъ Кайданъ, который за какія-то „значныя преступленія противу закона Божія и статутовъ“ подпалъ старостинскому суду „и явилъ себя достойнымъ смерти висѣльничей“. Когда его вели уже на мѣсто казни, онъ встрѣтилъ знакомаго ему раньше пана Пшунку и стала съ плачемъ просить послѣдняго спасти его отъ позорной смерти, обѣщаюсь за то быть рабомъ ему до конца своей жизни.

Ласковый панъ сжалился надъ несчастнымъ козакомъ Кайданомъ и открыто взялъ его подъ свое покровительство, а вслѣдъ за тѣмъ, при помоши личныхъ связей съ старостой и надлежащихъ донативъ (подарковъ) судовымъ урядникамъ, совсѣмъ освободилъ его отъ суда и наказанія. Въ актовыхъ книгахъ старинныхъ южнорусскихъ судовъ XVI и XVII столѣтій не рѣдко встрѣчаются записи, по которымъ лица мѣщанского, боярского и другихъ подобныхъ сословій обязывались пожизненно быть крѣпостными людьми какого-нибудь шляхтича, вызволившаго ихъ отъ смертной казни по приговору суда за уголовныя преступленія. Такую же запись вѣроятно выдалъ пану Шункѣ и провинившійся козакъ Кайданъ и сталъ его вѣчнымъ рабомъ. Великодушный Шунка потребовалъ отъ своего новаго подданнаго небольшой работы: онъ сдѣлалъ его пасѣчникомъ въ своей лебединской пасѣкѣ. Скоро послѣ того вспыхнуло возстаніе Хмельницкаго. Панъ Шунка бѣжалъ въ Польшу, а его пасѣку въ лебединскомъ лѣсу взялъ себѣ самъ гетманъ Богданъ Хмельницкій. Пасѣчникъ Кайданъ не послѣдоваль за своимъ паномъ, а остался смотрѣть за пчелами нового хозяина. Все это показали лебединскіе старожилы, въ числѣ которыхъ оказался одинъ очень старый пасѣчникъ Яковецъ, не разъ бывшій атаманомъ въ Лебединѣ и знавшійся въ молодости съ еще болѣе старыми людьми, свидѣтелями эпохи Хмельницкаго. „И тое (прибавиль Яковецъ въ своемъ показаніи) я чувь запевне одѣ старого пасичника Ивана Близнюка, що того-жъ часу и времене войско турецкое, якъ шло с-подъ Чигирина, въ пасіці Пшунчиной ичолы гетманскии Хмельницкого выбили; и отъ того часу не було ичолъ гетмана Хмельницкого въ пасіці Пшунчиной“.

А послѣ тревожной эпохи временъ Дорошенка, сохранившейся въ народной памяти подъ именемъ „великой руины“, съ лѣвобережной Украины, именно изъ с. Власовки, „бовкуномъ перевезся“ въ Лебединъ сынъ гетманского пасѣчника Кайдана, Василь Зась, „и, вшедши въ Пшунчину пасѣку, ставъ называтись господаремъ до половины пасѣки, а про другу половину сказавъ, що тая половина—гетманишина, а якои гетманихи—того не упомню. Потомъ не скоро чернѣцѣ киевскіи приихали съ купчими письмами, то я чувь отъ своего тестя Кривенського, що Кривенській казавъ Засевѣ при мнѣ: „отъ тебѣ, брате Василю, уже не мѣсце въ пасѣцѣ, коли

найшлися господарѣ“. И чуви я отъ Кривенького жъ, що и отаманъ Горбинка тое жъ сказавъ Засевѣ: „брате Засю, уже тобѣ не мѣсце въ той пасѣцѣ, шукай собѣ где инде мѣсця“. А чернецъ киевскій говоривъ Засевѣ: „коли тобѣ жаль пасѣки, дай въ манастиръ сто золотыхъ, и твоя будетъ пасѣка“. Тое жъ и отаманъ и люди говорили Засевѣ, жебы купивъ у чернцовъ пасѣку; але Зась, порадившись зъ своею женою, не схотѣвъ куповать пасѣки, а скоро чернцѣ съ ичолою ввезлися въ Пшунчину пасѣку, того жъ часу Зась совсѣмъ вывюзся въ Почекаеву пасѣку“.

Всѣ подобныя показанія лебединскихъ старожиловъ достаточно подтверждали наслѣдственные права Засенковъ на дѣдовскую часть лебединской пасѣки и потому смѣлянскій губернаторъ въ 1739 г. присудилъ выдѣлить имъ половину спорной пасѣки. Высланные имъ лебединскіе жители, во главѣ съ атаманомъ, провели межу и положили по тогдашнему обычаю „клейна“, т. е. межевые знаки: „первое клейно—крестъ на грушѣ противъ погреба; другое клейно на берестовомъ пнѣ—такожде крестъ; третье клейно надъ ставкомъ на яблонѣ, а на томъ боцѣ ставка дубъ росоховатый великий, а съ приходу такожде дубъ съ клейномъ крестовымъ“. Но отцы выдубицкіе не хотѣли подчиниться этому рѣшенію и настаивали на своемъ правѣ безраздѣльного владѣнія пасѣкою. Смѣлянскій губернаторъ, въ письмѣ къ архимандриту, униженно оправдывался, что онъ рѣшилъ дѣло по сущей справедливости, указывая, что въ монастырскихъ документахъ не опредѣлены границы спорной пасѣки и что эти документы не были никогда подтверждены чигиринскимъ старостою; въ крайнемъ случаѣ онъ совѣтовалъ архимандриту апеллировать къ его принципіалу, старостѣ Яблоновскому, и въ видахъ болѣе вѣрнаго успѣха дружески наставляя, что „dałeko by rzecz fundamentalnieysza była, gdyby za te pasieki certum quantum importare do skarbu j. m. mego dobrodzięja“¹). Послѣдовали-ли честные выдубицкіе отцы этому совѣту, изъ дѣла не видно.

О. Левицкій.

¹) Т. е. «было-бы гораздо надежнѣе внести за эту пасѣку пзвѣстную сумму въ кассу его милости, моего добродія» (ст. Яблоновскаго).

КЪ ИСТОРИИ ЗАПОРОЖЬЯ.

Въ іюньской книжкѣ „Кievskoy Старины“, на стр. 548, помѣщена небольшая замѣтка подъ заглавиемъ: „Гдѣ именно жили запорожцы во время подчиненія своего крымскому хану“. Авторъ замѣтки, г. Левченко полагаетъ, что они жили въ это время или на болотистомъ островкѣ, называемомъ „Кошовая“, или-же на другихъ днѣпровскихъ островахъ, но не въ алеѣковскомъ уѣзда, т. е. на таврическомъ берегу Днѣпра. Мы просимъ г. Левченко прочитать со вниманіемъ стр. 21—54 2-й части книги нашей подъ заглавиемъ: *Исторія Новой Сѣчи или посльднію Коша запорожскому*, изданной въ Одессѣ въ 1846 году, и онъ найдетъ подробный отвѣтъ на свой вопросъ: гдѣ жили запорожцы во время своего злополучнаго скитанія подъ крымскимъ покровительствомъ? А именно—послѣ бѣгства Мазепы, съ старшиною малороссійскою и частью запорожской, съ шведскимъ королемъ Карломъ въ Бессарабію, мятеjный кошевой Костя Гордѣенко перешель изъ разоренной полковникомъ Галаганомъ „Старой Сѣчи“ на Чертомлыкъ¹⁾ на крымскія степи за Днѣпромъ и тамъ поставилъ свой кошъ на р. Каменкѣ, близъ нынѣшней почтовой станціи Мѣловой. Тамъ умеръ онъ,—эта несчастная жертва Мазепиной крамолы, и тамъ до сихъ поръ сохранилась его могила съ надгробнымъ каменнымъ крестомъ. Спустя нѣкоторое время, русскія войска ихъ оттуда выгнали, и коаки, скитаясь по разнымъ ногайскимъ кочевьямъ, въ томъ числѣ и въ одесскомъ нынѣшнемъ уѣзда, близъ лимановъ, только по заключеніи мира съ Турциею могли успокоиться и основать Сѣчь въ Алеѣкахъ въ 1712 г., гдѣ и оставались подъ тяжкимъ татарскимъ надзоромъ до 1730 г., т. е. до возвращенія подъ родныя русскія знамена, съ дозвolenіемъ императрицы Анны Ioannовны. Между 1730 и 1732 годами они основали себѣ Кошъ, уже посльдній, на р. Подпольной, близъ древняго козачьяго пепелища, назвавъ его „Новою Сѣчью“²⁾.

¹⁾ Нынѣ с. Капуловка, екатеринославской губерніи и уѣзда, принадлежащее къ удѣльному вѣдомству.

²⁾ Нынѣ с. Покровское, принадлежащее удѣльному вѣдомству екатер. губ. и уѣзда.

Но на островѣ Кошевомъ у Херсона, ничтожномъ по пространству и постоянному въ XVIII столѣтіи его затопленію, они обитать не могли; это доказывается еще тѣмъ, что тамъ было устроено генераломъ Александромъ Румянцевымъ, отцемъ Задунайскаго, укрѣпленіе, названное *Александъ-Шаникомъ*. Это крѣпость нынѣшняго Херсона и бывшаго въ немъ адмиралтейства. Слѣдовательно военное начальство не допустило бы селиться на правомъ берегу Днѣпра мятежникамъ, которыхъ еще многіе годы преслѣдовало наше правительство.

Пользуясь случаемъ поговорить о запорожцахъ, мы предлагаемъ здѣсь еще одинъ документъ изъ столь скучнаго архива аleshковской Сѣчи. Это ярлыкъ основателя ея Капланъ-Гирея I хана крымскаго, узнавшаго, что запорожцы оставили этотъ Копъ и перешли за Днѣпръ на свои древнія пепелища. При этомъ ярлыкъ былъ посланъ козакамъ и тотъ „листъ“ Орлика, который мы напечатали въ апрѣльской книжкѣ „Кievской Старины“. Переводъ ярлыка сдѣланъ былъ, вѣроятно, однимъ изъ тѣхъ бѣглыхъ поляковъ, какими въ XVIII столѣтіи наполнены были лагери и дворы богатыхъ вельможъ западной Европы, Турціи и Крыма:

„Переводъ листу наѧнѣйшаго хана его милости“.

„Кошовому атаману, старшинѣ и всему войску запорожскому низовому поздоровленіе.

Листъ вашъ прислалиste до брата моего Оръ-Бея¹⁾), черезъ который освѣдчилиste ему, же (что) зичите (желаете) себѣ повернуться подъ крыла нашей стороны и же отмѣняется намѣреніе, которое взялиste были предъ себѣ отыти до Москвы. Что игди (когда) помянутый солтанъ намъ ознаймиль (сообщилъ) и листъ, который вы до его писалиste, намъ для вѣдома прислаль, вѣльце съ того утѣшилемся. Богъ всемогущій знаетъ наше сердце и намѣреніе и якъ вси беи, мурзы и цѣлое панство крымское старается о вашей цѣлости и желаетъ вамъ всякого добра. Памятайте, что вы ѿли у насъ хлѣбъ и соль и жилиste у васъ до бре. Ежели вы зичите (желаете) себѣ повернуться назадъ, будемъ вамъ рады и пріимемъ васъ ласкаве, якъ гостей, и обѣщаемъ

¹⁾ Оръ-Бей—начальникъ перекопскаго замка, обыкновенно князь или сугтанъ изъ царствующаго дома Гиреевъ.

вамъ заховати тую самую приязнь, якую до васъ мѣлисъмо и будете защищаться такъ добре нашею обороною и нашимъ страннолюбіемъ, яко и передъ тымъ, и мы вамъ позволимъ все тое, что передъ симъ мѣлисте. Гдѣ зась (же) мѣете осѣсти, даемъ вамъ вольность обрати (избрать) себѣ такое мѣсто, гдѣ сами хотите. Однакоже ражу (совѣтую) вамъ для вашего добра и пожитку и для нашего уподобанья стати кошемъ на томъ мѣстѣ, на котормъ осѣдлисте бывши прежде, удавшия (переходы) подъ нашу оборону¹⁾.

„По указу Порты Оттоманской, пашъ Орликъ, гетманъ вашъ, который зоставалъ (находился) до тыхчасъ въ Солонику, пришелъ теперь до насъ для злученія са (соединенія) съ нами. Пишеть до васъ листъ свой, якій мы вамъ посылаемъ при семъ нашемъ листѣ. Яко и онъ мыслить тожь самое, что мы и вы, и который старается о вашемъ добрѣ и пожитку публичномъ, такъ потреба, же бысте вѣрили тому всему, что вамъ въ листѣ своеемъ выражаетъ. Для того найбазей (болѣе всего), же онъ есть вашъ голова и вашъ вождь и же вы повинни ити за его радою. Зъ нашей стороны упевняемъ (увѣряемъ) васъ, же мы примемъ васъ ласкове и же вы не будете мѣть жадной кривды и насилия ни отъ насъ, ни отъ панства крымскаго, ежели повернетесь на мѣсце, которое я вамъ назначаю. Остатокъ скажетъ вамъ устне отдавца сего нашего листу гетманъ Дубоссарскій²⁾), якій листъ для большей вамъ вѣры власною (собственною) рукою подпи-сумъ, и печатью нашею отвержаемъ“.

Капланъ Гирей-Ханъ³⁾.

А. Скальновскій.

КЪ ИСТОРИИ ВѢРОВАНІЯ О ПРОДАЖѢ ДУШИ ЧОРТУ.

Въ числѣ имѣющихся у насъ дѣлъ генерального малороссійскаго войскового суда, относящихся до вѣдовства и колдовства, на-

¹⁾ Т. е. въ Алешкахъ, на стражѣ противъ устроеннаго нашимъ правительствомъ Александръ-Шанцъ (послѣ крѣпости гъ Херсонѣ).

²⁾ Дубоссары (херс. губ.) и Балта были владѣнія (чифлики) хановъ крымскихъ и управлялись атаманами, армиями.

³⁾ Этотъ Капланъ-Гирей I былъ три раза на престолѣ крымскомъ въ 1707, 1713 и 1730 г.

ходится одно интересное во многихъ отнозеніяхъ дѣло о продажѣ души чорту. Возникло оно въ г. Глуховѣ, въ генеральной войсковой канцеляріи, въ сентябрѣ 1749 года, и озаглавливается такъ: *Дѣло о колоднику Ивану Роботѣ, отступившему отъ Бога и предавшему себя демону.*

Состоитъ это дѣло, кромѣ не достающей промеморіи или отношенія генеральной войсковой канцеляріи въ духовную митрополію кіевской консисторію, писанной въ сентябрѣ того-же года, изъ слѣдующихъ документовъ: 1) отвѣтной на нее промеморіи кіевской консисторіи 22 ноября 1749 года, 2) возвращаемой при ней подлинной росписки Ивана Роботы, которою онъ записалъ душу и тѣло свое демону, 3) указа генеральной войсковой канцеляріи въ войсковый генеральный судъ отъ 28 марта 1750 года, 4) прощенія въ этотъ судъ Ивана Роботы о скорѣйшемъ разсмотрѣніи его дѣла отъ 25 мая того-же года, 5) показанія его въ томъ-же судѣ 5 іюня 1750 г., 6) полуистлѣвшаго рѣшенія войскового генеральнаго суда объ Иванѣ Роботѣ, 7) двухъ рапортовъ въ этотъ судъ полтавской полковой канцеляріи объ исполненіи его рѣшенія, 1750 года августа 14 дня и 1751 г. сентября 15 дня и 8) подписки отца подсудимаго Федора Роботы въ принятіи имъ сына изъ полковой тюрьмы 1751 г. сентября 15 дня.

Было-бы утомительно для читателей перечитывать всѣ эти документы, съ небольшими варіаціями передающіе не сложное дѣло о богоотступнику Иванѣ Роботѣ. Мы передадимъ сущность и ходъ этого дѣла, приводя лишь наиболѣе характерныя мѣста документовъ.

Въ г. Глуховѣ, въ глуховской войсковой канцеляріи служилъ канцеляристомъ Иванъ Робота. Былъ онъ сынъ значковаго товарища Федора Роботы, а учился предъ тѣмъ въ кіевской академіи до реторики и латинскому языку обученъ былъ. Какого состоянія былъ его отецъ и какъ учился сынъ въ академіи, изъ дѣла не видно; но можно по существу дѣла заключить, что ни отецъ его не обладалъ состояніемъ, ни самъ сынъ не просвѣтился, какъ должно, въ тогдашнемъ святилищѣ наукъ. Уже три года служилъ онъ здѣсь и имѣлъ отъ роду 22 года. Положеніе канцеляристовъ всегда и вездѣ самое печальное: въ собственномъ смыслѣ они пытаются отъ крупницъ, падающихъ отъ трапезы ихъ господъ, начальниковъ. Таково было положеніе и Ивана Роботы. Нужда одолѣвала его, по-

моши ни откуда. Въ то тѣмное по понятіямъ время въ кругу людей и выше его господствовало повѣрье, что тамъ, гдѣ уже никто не поможетъ, пособитъ бѣсъ. Одного хотѣлъ Робота — „споможенія“, прибавки, такъ сказать, къ жалованью, которой тщетно подъчасъ алчутъ и вынѣпніе канцеляристы. Но вспоможеніе отъ демоновъ можно получить не иначе, какъ записавъ имъ душу. Для большей, видно, крѣпости рѣшился бѣдный канцеляристъ, конечно, послѣ тяжкаго раздумья, записать демону не только душу свою, но и тѣло. Но и росписка должна быть не простая: ее надо было писать своею кровью, а кровь добыть изъ собственнаго ми-зынца. Входя въ душу темнаго человѣка того времени, можно представить себѣ весь ужасъ его положенія, его мукъ, страданій и борьбы съ самимъ собою, пока онъ покончитъ съ такимъ ужаснымъ дѣломъ. А тутъ надо нести росписку въ поле, куда-либо на перекрестокъ, въ темную при томъ ночь... туда, гдѣ нѣтъ людей, гдѣ черти собираются, „на вкулачки боятся“. Все это, видно, продѣлалъ канцеляристъ, искашвій „споможенія“.

3-го сентября козакъ сотни глуховской Федоръ Рудковскій представилъ въ генеральную войсковую канцелярію доношеніе, а при томъ доношеніи и карту, которую хожалый Давидъ Винда съ товарищи нашли за городомъ. Въ картѣ значилось отъ слова до слова такъ: *темнозрачному адскихъ пропастей начальнику и служителемъ ею демономъ вручаю душу і тѣло мое, ежели по моему требованію чинити мнъ споможеніе будутъ...*

Кровю своею подписался Иванъ Робота.

Виновный былъ на лице тутъ-же въ войсковой канцеляріи. Его потребовали къ допросу. Онъ „потаился“, — письмо, говорить, и подпись не моей руки; но тутъ было много бумагъ, его рукою писанныхъ. Шесть „повѣтчиковъ“ сличали почеркъ росписки съ письмомъ Роботы, — „письмо явилось быть сходно“. Роботъ пригрозили „жестокимъ боемъ“, и онъ повинился. Тогда его заковали въ кандалы и подъ карауломъ отправили при особой промеморії въ кievскую консисторію „для учиненія съ нимъ по указамъ и правиламъ св. отецъ“. Суевѣрный невѣжа становится преступникомъ, простое недомысліе трактуется, какъ сознательное отреченіе отъ Бога, и это послѣднее судится по указамъ и по правиламъ св. отецъ. Промеморію подписали Иванъ Челищевъ и Яковъ Якубовичъ, какъ

члены главнаго управлениі страны, старшій канцеляристъ Василій Туманскій и канцеляристъ Стефанъ Юзефовичъ.

Въ консисторії Робота отрекся отъ своего показанія, заявивъ, что оно вынуждено было у него страхомъ „боя“. Консисторія со всѣмъ дѣломъ возвратила его въ ту-же войсковую канцелярію, для „учиненія о его разномъ показаніи надлежащаго по указамъ раз-смотрѣнія“. Оба учрежденія держались строго въ предѣлахъ своей компетенції: войсковая канцелярія путемъ увѣщаній и угрозъ ис-торгла было у своего подчиненнаго признаніе его вины, но назна-чить по этому наказаніе не считала себя въ правѣ; въ свою оче-редь консисторія, не видя добровольнаго признанія, ни стороннихъ уликъ, не рѣшалась входить въ дальнѣйшее разслѣдованіе и пола-гать какое либо рѣшеніе. Въ виду уклончиваго отвѣта консисторії, войсковая канцелярія рѣшилась оставить ее въ покоѣ и передала дѣло о „колоднику Ивану Роботѣ“ въ войсковой генералный судъ. Тутъ сдѣланъ былъ ему передопросъ. Робота ни въ чёмъ не измѣнилъ своего объясненія, даннаго въ консисторії: онъ стоялъ на томъ, что сознаніе его въ войсковой канцелярії было вынужденное, что даль онъ его, „боаясь бою“, что на самомъ дѣлѣ „карты до темно-зрачнаго адскихъ пропастей начальника и служителей его демо-новъ никогда никакъ онъ, какъ не писалъ, такъ и кровию своею на той карткѣ демонамъ не подписывался“; теперь онъ даже утвер-ждалъ, что „та картка, по свидѣтельствованіи ея обрѣтающимися въ генеральной войсковой канцеляріи канцеляристами, совершенно къ писму его не сходна и кто ее писалъ и чрезъ то подлогомъ написання и подписомъ руки его кровию его изобидѣлъ,—не вѣ-даетъ“. Тѣмъ не менѣе войсковой судъ, не обращаясь уже къ ком-петенції суда духовнаго, собственною властію 3-го августа постанов-виль: „колодника Ивана Роботу... въ находчайся въ полтавскомъ полку мужескій нефорощанскій монастырь при писменомъ видѣ от-править съ требованіемъ, дабы тамо его опредѣля какому ис-кусному старцу, велено было содергать подъ добрымъ присмотромъ, съ надлежащимъ духовнымъ истязаніемъ, воздержуя отъ всякихъ непотребныхъ поступковъ чрезъ полній круговій годъ не опускно,... по прошествіи такового полнаго года, буди оному Роботѣ, по ду-ховному жъ разсужденію, болѣе въ той обители къ исправленію своего житія быть не доводитимется, то оного Роботу съ той оби-

тели въ полковую полтавскую канцелярію было прислано, а въ полковой канцелярії, за присилкою означенного Роботы, сискавъ отца его, полку полтавского значкового товарища Федора Роботу, отдать онаго ему съ подпискою, что онъ объявленного сына своего имѣеть содержать впредь подъ надлежащимъ родительскимъ страхомъ“.

Осужденный Робота 11-го августа былъ доставленъ по назначению и „за скудость въ томъ монастырѣ монаховъ искусствихъ старцевъ“ принятъ въ келію къ самому архимандриту и начальнику монастыря Гаврілу Яновскому, который донесъ о томъ какъ полковой канцеляріи, такъ и кіевскому митрополиту.

Спустя годъ съ небольшимъ, именно 24 авг. 1751 г., игуменъ нефорощанского монастыря доставилъ Ивана Роботу въ канцелярію полтавского полка съ заявлениемъ, что онъ выжилъ, по рѣшенію войскового суда, въ монастырѣ цѣлый круговой годъ и что „по духовному разсужденію, болѣе ему тамъ содержану быти не доводится“. „Сысканъ“ былъ отецъ его Федоръ Робота и „ему сынъ его Иванъ отданъ съ подпискою, что имѣеть онъ его впредь содержать подъ надлежащимъ родительскимъ страхомъ. Сент. 16 дня 1751 г.“

Такъ закончилось это курьезное дѣло о „колоднику Иванѣ Роботѣ“, спудель высшаго училища, чиновникѣ высшаго учрежденія. Молодой, едва начавшій служебную свою карьеру человѣкъ, какъ ее всѣ тогда начинали, обвиняется въ самомъ тяжкомъ и позорномъ по тогдашнімъ понятіямъ преступленіи — преданію себя „въ помощь демонамъ“, а это преступленіе ни что иное, какъ поголовное суевѣріе и невѣжество того времени. Хотя не подлежить сомнѣнію, что самые законы, по которымъ судился Робота, и самые его судьи и начальники не стояли въ понятіяхъ выше его, но потому онъ и судится и осуждается. Дѣйствительно ли онъ, подъ двойнымъ гнетомъ нужды и суевѣрія, „предалъ себя въ помощь демонамъ, ежели они ему вспоможеніе чинить будуть“ въ скудномъ, конечно, его содержаніи, или кто нибудь поступилъ съ нимъ „подлогомъ написанія“ роковой картки, судить теперь трудно, а тогдание суды были, конечно, убѣждены въ правотѣ своего суда, и мы должны тѣмъ болѣе имъ вѣрить, что, сравнительно съ тогданими законами о вѣдовствѣ и колдовствѣ, они судили милостиво и снисходительно. Тѣмъ не менѣе юноша, предъ которымъ еще не начинала улыбаться фортуна, губить свою карьеру, быть можетъ

и самую жизнь. „Чрезъ девять мѣсяцей, писалъ онъ въ судъ войсковой задодго до рѣшенія своей участи, я бедній въ невинности содержуюсь подъ карауломъ, дневнаго препитанія жажденъ, прихожу въ немалое изнеможеніе“. Почти годъ тюремнаго заключенія, съ пересылкою изъ инстанціи въ инстанцію, и монастырское заключеніе свыше года рѣшили участъ его на всегда. Онъ опозоренъ, обезславленъ, лишенъ карьеры, службы, средствъ пропитанія и, какъ негодный для общества, сдается подъ началъ родительской для содержанія подъ надлежащимъ страхомъ. Послѣдующая судьба его не известна, но дорисовать ее не трудно. И всему виною одно нелѣпое вѣрованіе, что можно отъ бѣсовъ вспоможеніе получать.

И до сихъ поръ еще среди малороссийского народа не вымерло это вѣрованіе, и до сихъ поръ еще многіе простолюдины вѣрятъ въ возможность для человѣка вступать въ непосредственный отношения съ чортомъ, убѣждены даже, что есть люди, которые действительно состоятъ въ такихъ отношенияхъ и назовутъ вами такихъ людей. Существуетъ также вѣрованіе, что къ некоторымъ женщинамъ летаетъ *нечистая сила*, въ образѣ змія, который состоитъ съ ними въ любовныхъ отношенияхъ. Сильно держится вѣрованіе, что *чортъ*, тому или другому богатому человѣку, *грози носить*. Все это такія же вѣрованія, какъ и то, изъ котораго возникло дѣло Ивана Роботы. Каждое изъ такихъ вѣрованій составляетъ только частичное проявленіе общераспространенныхъ въ ста-родавнія времена антропоморфическихъ представлений о злыхъ духахъ, демонахъ, чертяхъ, какъ существахъ такихъ, которыхъ могутъ вступать съ человѣкомъ въ обыкновенные житейскія отношения: любовные, брачные, семейные, дѣловые, договорные.

Общераспространенное вѣрованіе, что договоръ съ чортомъ долженъ быть подписанъ кровью, *добытою изъ мезинца*, въ свою очередь указываетъ на глубочайшую древность общаго вѣрованія о возможности для человѣка дѣловыхъ и семейныхъ отношений съ чортомъ и перенесено на эти отношения изъ обыкновенныхъ между людьми отношений. Употребленіе крови играетъ вообще большую роль въ сношеніяхъ, союзахъ и сдѣлкахъ первобытнаго человѣка. Междуплеменные и брачные союзы, договорные отношения и про-

стия сдѣлки многихъ дикихъ и полудикихъ племенъ, нынѣ живущихъ, скрѣпляются и теперь тѣмъ или другимъ видомъ употребленія крови. Есть данные подтверждающія, что и народы, стоящіе на той или другой степени цивилизациі, переживали нѣкогда дѣйствительное употребленіе крови въ всевозможныхъ международныхъ и бытовыхъ сдѣлкахъ и сношеніяхъ.

Всѣдѣствие антропоморфическихъ представлений о чортѣ и о взаимныхъ отношеніяхъ между нимъ и человѣкомъ, употребленіе крови не могло не быть перенесено и въ вѣрованія о договорахъ съ дьяволомъ, и въ практику этихъ вѣрованій. Представленіе объ употребленіи крови въ отношеніяхъ человѣка съ человѣкомъ давно исчезло у цивилизованныхъ народовъ. Но то, что оно сохранилось среди этихъ народовъ въ низшихъ ихъ классахъ въ примѣненіи къ договорамъ съ чортомъ, и указываетъ на то, что оно нѣкогда имѣло соответствующую ему дѣйствительность среди народа въ обыкновенныхъ договорахъ и сдѣлкахъ.

На роспискѣ, составляющей предметъ нашего дѣла, написано: *Кровію своею подписался Иванъ Робота.* Мы внимательно изслѣдовали, дѣйствительно ли эти слова написаны кровію, и убѣдились, что они написаны тѣми же самыми чернилами, какъ и вся росписка. Мы думаемъ, что выражение: *кровію своею подписался*—имѣеть такое же значеніе, какъ „руку приложилъ“. Это формула нынѣ не соответствующая дѣйствительности, но указывающая на то, что въ стародавнія времена дѣйствительно совершалось то, что она обозначаетъ нынѣ.

А. О. Кистяковскій.

ПОСЛѢДНЯЯ САМОЗАЩИТА Г. КІЕВА.

Въ связи дѣлъ кіевскаго городскаго магistrата за 1840—1850 г. мы нашли постановленіе магistrата, состоявшееся 13 декабря 1842 года, о выдачѣ Антону Лакердѣ свидѣтельства о его службѣ и о правѣ его, какъ гражданина и члена магistrата, на Высочайшее благоволеніе за охрану г. Кіева въ 1831 году. Этотъ документъ сообщаетъ о фактѣ, который былъ известенъ до сихъ поръ лишь немногимъ кіевскимъ старожиламъ, по преданію,—именно

о самозащитѣ города въ 1831 г. отъ „злонамѣренныхъ“ людей, подъ коими разумѣлись тогда польскіе мятежники. Обстоятельства дѣла, на сколько они выяснились изъ найденнаго нами документа, состоять въ слѣдующемъ: когда польскій мятежъ сталъ быстро разрастаться, когда помѣщики кіевской губерніи одинъ за другимъ становились въ ряды инсургентовъ и жертвовали имуществомъ для своего общаго дѣла, „почтеннѣйшее общество кіевскихъ гражданъ“, вмѣстѣ съ членами магистрата и подъ предсѣдательствомъ своего войта Гр. Ив. Киселевскаго¹⁾), „учинили разсужденіе“ („сбрасываясь“, „створиша вѣче“, „сдумаша“, „совѣщаша“, какъ выразился-бы лѣтописецъ) о положеніи города. Вспомнили при этомъ кіевляне, что древніе „привилеи“ польскихъ королей и „особыя грамоты великихъ государей“, даютъ имъ право отражать врага собственными силами и вмѣняютъ имъ въ обязанность охрану своего города и уѣзда, и потому „признали нужнымъ“, по бывшему въ 1812 году примѣру, „вооружить изъ среды себя для охраненія города и отраженія злонамѣренныхъ такое количество конныхъ и пѣшихъ, какое начальство предназначитъ“. Постановленіе это состоялось 1 мая 1831 г. и лишь только послѣдовало по нему разрѣшеніе генераль-губернатора Княжнина отъ 8-го мая, какъ 12-го числа того-же мѣсяца составленъ былъ отрядъ изъ 1000 человѣкъ пѣхоты и 200 конницы. Императоръ Николай I, уведомленный губернаторомъ о таковой готовности кіевлянъ, выразилъ чрезъ него свое особое Высочайшее благоволеніе всѣмъ лицамъ, участвовавшимъ въ организаціи и составѣ „гражданской стражи“. По всей вѣроятности отрядъ былъ сформированъ подобно тому, какъ формировался онъ и въ мирное время для церемоній, и только болѣе былъ приспособленъ къ совершившимся событиямъ. Начальникомъ отряда былъ избранъ ратетъ магистрата Иванъ Гавриловичъ Мажный, тогда уже шестидесятилѣтній старикъ, командовавшій городской милиціей до уничтоженія ея въ 1834 году и „во время французской компаніи исполнявшій разныя порученности, какъ по назначенію градскаго обще-

¹⁾ Онъ «війтова въ» въ Кіевѣ съ 1827 по 1834 годъ; въ 1833 г. при реекріптѣ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени, быть можетъ, за участіе въ сформированіи городской милиціи, если только не въ виду предстоявшаго увольненія отъ обязанностей войта съ введеніемъ нового городового положенія.

ства, такъ и бывшаго тогда гражданскаго губернатора де-Санти, до устройства по тому случаю разныхъ потребностей и къ охраненію города отъ опасности". Съ Мажнымъ, какъ главнымъ начальникомъ отряда, раздѣлялъ власть его ближайшій помощникъ „полковникъ“ Иванъ Петровичъ Романовскій, также ратегерь магистрата, имѣвшій подъ своимъ начальствомъ „адъютанта“, обязанности котораго исполнялъ тогда гражданинъ Хотяновскій. Хотя отрядъ сформированъ былъ совсѣмъ по военному, но до военныхъ дѣйствій не доходилъ и вся дѣятельность этой „гражданской стражи“ состояла въ объездѣ конницей города „внутри и около“, да въ занятіи въ немъ пѣхотой карауловъ и постовъ. Съ подавленіемъ мятежа и съ изданіемъ государемъ амнистіи 1-го ноября 1831 года польскимъ революціонерамъ, дѣятельность стражи, конечно, также должна была прекратиться, а 10-го декабря того-же года губернаторъ объявилъ гражданамъ Кіева вторичное Высочайшее благоволеніе за „примѣрное усердіе“ и проч. отряда, который, отдаленный отъ непріятеля, ограничивался линіе „строгимъ соблюденіемъ правилъ военной дисциплины“. Это невинное упражненіе на видъ только воинственныхъ кіевлянъ породило въ то время *своего рода* бурю, какъ разсказалъ о томъ внукъ бывшаго кіевскаго войта Иванъ Киселевскій въ № 115 „Зари“ за текущій годъ. По его разсказу, основанному на семейныхъ преданіяхъ и уцѣлѣвшихъ какихъ-то документахъ (желательно было-бы видѣть ихъ въ печати), кіевляне, сформировавъ отрядъ, „вскорѣ были поражены внезапнымъ изъ Петербурга распоряженіемъ, по которому они устраялись отъ исполненія гарнизонной службы по г. Кіеву. Въ то-же время самъ войтъ былъ вытребованъ черезъ фельдѣ-егера въ столицу. Оказалось, что польскія газеты прорубили, будто войтъ Киселевскій, занявъ своими войсками кіевскую цитадель, водрузилъ на валахъ ея польское знамя и ждетъ прихода поляковъ. Личные объясненія его оказались совершенно достаточными для того, чтобы убѣдить кого слѣдуетъ въ безъосновательности слуховъ, распространенныхъ польскими газетами.

Невольно приходится сказать: и тогда, какъ и теперь (процессъ 11-ти во Львовѣ) поляки изъ муhi дѣлали слона, но тогда въ удовольствіе себѣ, теперь изъ страха за себя.

И. Каманинъ.

НЕВОЛЬНОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ И ТОСКА ПО РОДИНѢ, НАКЪ ПОДОЗ- РИТЕЛЬНОЕ ЧУВСТВО.

Въ старое доброе время, когда помѣщикъ безвозбранно и безконтрольно распоряжался судьбою унаслѣдованныхъ или купленныхъ имъ крестьянъ, производились надъ ними всякаго рода (единичныя и огульныя) насилия, въ томъ числѣ и невольное ихъ переселеніе изъ одного имѣнія въ другое, хотя бы для этого имѣ пришлось идти за три-девять губерній. Въ большей части такихъ переселеній имѣлись въ виду ближайшіе хозяйственныя разсчеты помѣщика, благосостояніе же переселяемыхъ всего менѣе принималось въ соображеніе,—они просто трактовались, какъ рабочій скотъ, породу которого можно улучшать посредствомъ смѣшеній...

Опытъ такого переселенія произведенъ былъ послѣ сороковыхъ уже годовъ помѣщикомъ одной изъ малороссійскихъ губерній И. И. Сердюкомъ, и вотъ что случилось при этомъ.

Состоялъ онъ членомъ корреспондентомъ Императорскаго Вольнаго Экономического Общества. Въ бытность свою въ Петербургѣ въ 50-хъ годахъ, Сердюкъ, какъ членъ общества, счелъ нужнымъ представиться его предсѣдателю, которымъ былъ тогда кн. В. В. Долгорукій. По предложению сего послѣдняго, имъ тогда же была написана и въ Трудахъ общества помѣщена статья, подъ заглавиемъ: „Краткій очеркъ хозяйственныхъ занятій мстиславскаго помѣщика И. И. Сердюка“¹⁾). Въ статьѣ говорилось между прочимъ: „Я перевѣль изъ Малороссіи въ мстиславскій уѣздъ, могилев. губ., въ с. Кудричи 25 мужчинъ и 25 женщинъ малороссіанъ, въ тѣхъ соображеніяхъ, чтобы племеннымъ смѣшеніемъ довольно сильно и довольно нравственного элемента привить къ белорусскому краю крѣпкихъ и добронравственныхъ хлѣбопашцевъ. мнѣ стоило большаго труда и издержекъ обзвести переселенцевъ хозяйствомъ, ублажить ихъ тоску по отчизнѣ и сблизить, или, такъ сказать, сроднить различные характеры, уравновѣсить разнородную природу въ хозяйственномъ быту“, и проч.

Когда въ слѣдь за напечатаніемъ статьи,—рассказывалъ намъ И. И., я прибылъ снова въ Петербургъ и явился къ князю, онъ

1) См. Труды Имп. в. эк. Общ. за 1850 г. Т. II, № 4, стр. 16 (смѣса).

встрѣтилъ меня слѣдующими словами, произнесенными, противъ обыкновенія, взволнованнымъ голосомъ: „что вы, батюшка, надѣлали?—Государь читалъ и приказалъ подобныхъ статей не печатать“... Послѣ столь неожиданного приема, я не нашелъ удобнымъ просить дальнѣйшаго объясненія отъ князя и отправился къ секретарю общества Бурнашеву. Тотъ объяснилъ мнѣ, что всѣ журналы просматриваются въ III отдѣленіи генераломъ Дубельтомъ и неблагонамѣренныя въ нихъ статьи и мѣста, имъ подчеркнутыя, представляются Государю, что и № Трудовъ съ моего статьею былъ также представленъ и въ ней подчеркнуты были рукою Дубельта слова: *ублагиши ихъ тоску по родинѣ*, но что Государь противъ этихъ словъ написалъ: „вздоръ“.

Любопытно было бы знать,—прибавимъ отъ себя,—относился ли рѣзкій отзывъ справедливаго Государя къ самому, такъ сказать, *подчеркнутію* приведенныхъ словъ, или ко всему „Очерку хозяйственныхъ занятій племеннымъ смѣшненіемъ“—точно бы рѣчь шла о разведеніи овецъ, или объ улучшеніи породы рогатаго скота. Въ связи съ словами предсѣдателя общества, сказанными автору статьи, конечно, не безъ основанія, и послѣднее предположеніе весьма вѣроятно.

Какъ бы ни было, но характерная отмѣтка Дубельта отбила надолго ревностному экспериментатору и корреспонденту охоту брать въ руки предательское перо, претворявшее чернила въ отраву.

Ст. Фонъ-Носъ.

РѢДКАЯ ДРЕВНЯЯ НАДПИСЬ.

Въ Переяславскомъ Вознесенскомъ монастырѣ, въ церкви Рождества Богоматери, есть икона Божіей Матери, издревле почитаемая чудотворно. Различные чудеса отъ этой иконы описаны въ особой древней рукописи, хранящейся въ той обители. Кто-то изъ братіи читалъ рукопись и, вѣроятно, нашелъ въ ней указаніе на надписи о чудесахъ на самой иконѣ; но на иконѣ риза и надписи закрыты.

14 декабря прошлаго года казначай монастыря, іеромонахъ Парфеній, съ различимъ іером. Иринархомъ, въ присутствіи іеро-

діакона Іова и послушника Виктора Троицкаго сняли ризу „для провѣрки описанныхъ въ рукописи чудесъ“ и нашли на иконѣ надпись конца XVII вѣка, значительно попорченную, но которая, по сличеніи съ упомянутою рукописью, даетъ слѣдующій оригиналъный текстъ:

“Сей образъ пресвялтой Божиѣ есть Чудоѣній, котою и сибліиша Невѣсту на нынѣшнійъ Тиодоръ, попаду Микольскю, Карпихъ Лагутинъ; лежала презъ килка лѣтъ въ ногѣ, и тако прѣзъ сонъ Оной вказала, мовлчи: О тиетъ постѣль послана міжко, да ты плачешъ: А мнѣ тиуются віютъ ѿ школѣ, да я не плачу, и ць блажиць мене поднай. Еслі ты мене очистишъ ѿ гнуса сїгѡ, то вѣдешъ на ногахъ скончъ ходити; скоро малюѣ отдала, тѣди здорова стаала, и я Невѣсту малюѣ дознала ласки пресвялтой Богородици, же и мнѣ ногу праѣю исцілила, рокъ яхпѣ мѣслца дікієріл ні дна“.

Надпись, очевидно, составлена и начертана тѣмъ самимъ Иваномъ маляромъ, которому Богородица ногу правую исцѣлила. Помимо этого надпись даетъ и другія указанія и, между прочимъ, на обстоятельство, послужившее поводомъ къ объявленію иконы чудотворною. Икона до этого времени находилась въ школѣ, конечно, въ переднемъ углу. Въ углу заводилась паутина, скоплялась всякая нечистота. Стѣны были сосновыя, вѣроятно, и за иконой и вокругъ ея завелись клопы. Были кромѣ того щели и сквозь ихъ посвистывалъ вѣтеръ. Въ школѣ и теперь рѣдко наблюдаютъ за чистотой, а въ тѣ поры и подавно. Школа-ли была въ домѣ священника, или священникъ жилъ въ школѣ, неизвѣстно; но связь между ними на этотъ разъ несомнѣнна. Лежала тутъ съ пораженными какою-то болѣзнию ногами попадья Теодора Карпиха Лагутиха. Ни возрастъ, ни состояніе ея неизвѣстны,—была-ли она жена, теща или мать наличного тогда священника, или дальняя родственница, священническая вдова. Быть можетъ, „коноопли она мочила“, или въ бродъ черезъ рѣчку переходила, только какимъ-то случаемъ ноги ей отняло. Быть можетъ, какъ безнадежно больная, и положена она была въ школѣ, спокойствія ради, и—лежала тамъ дни и ночи, чая, когда кто къ ней заглянетъ. Лежала и по цѣлымъ часамъ на образъ глядѣла. Что иное и могъ тогда дѣлать безпомощный, безнадежно больной. Видѣла она, какъ обсыпали икону мухи, пауки и

клопы, слышала долетавшій до ушей ея чрезъ щели свистъ вѣтра въ звукахъ: *тию-тию* и—набожная, изстрадавшаяся душа ея не разъ, конечно, болѣла о такомъ неблагоговѣйномъ содеряніи иконы и, быть можетъ, собственную болѣзнь ставила въ связь съ этимъ обстоятельствомъ. И вотъ образно видится ей во снѣ то, что мысленно не разъ она на яву себѣ представляла. Она спѣшилась передать объ этомъ видѣніи окружающимъ, съ помощію ихъ и призванного маляра, очищаетъ и реставрируетъ образъ, и сама чувствуетъ себя съ той поры здоровою. Вдохновенный разсказомъ страдалицы маляръ въ свою очередь чувствуетъ, что мучившая его боль въ правой ногѣ прекратилась и тутъ-же наноситъ на обновленный имъ образъ приведенную выше надпись. Образъ объявляется *чудовынмъ* и, безъ сомнѣнія, съ этой именно поры переносится въ церковь и становится предметомъ всеобщаго почитанія до сего дня.

Таково происхожденіе древней переяславской чудотворной иконы Божія Матери! Поцадья Карниха Лагутиха, да хроменький Иванъ маляръ своими недугами и страданіями, своею вѣрою и молитвою дали поводъ къ ея прославленію.

Образъ писанъ на холстѣ, а наклеенъ на сосновой доскѣ, какъ свидѣтельствуютъ снимавшіе съ него ризу; они-же удостовѣряютъ, что наклейка производилась не въ то время, когда образъ обновлялся, а послѣ, когда онъ обветшалъ, и что это было причиною того, что нѣкоторыя слова надписи, современной объявлению образа чудовынмъ, повреждены.

НЕОБЫЧНАЯ ЗАСТАВА.

Кто знакомъ съ кругомъ церковнаго богослуженія, тому известно, что въ послѣдніе три дня страстной недѣли и во всю пасхальную недѣлю псалтырь совсѣмъ не читается при богослуженіи. Въ старыя времена этимъ обстоятельствомъ пользовались дѣячки, что бы заполучить лишнюю кварту водки на страдную пору не-прерывнаго чтенія и пѣнія по нѣскольку часовъ въ день, въ ожиданіи праздничныхъ доходовъ. Извѣстно, что въ старину дѣячки южной Россіи не принадлежали къ клиру, не были подвѣдомы консисторіямъ, но избирались самими прихожанами, съ согласія

священника. Словомъ это были люди вольной профессії, въ своеі родѣ артисты. Шили они, какъ и ихъ избиратели, и лишня рюмка не ставилась имъ въ укоръ. Въ это-то время дѣячки, говорять, пользовались особою привилегією закладывать въ шинкахъ церковную псалтырь на все то время, пока она не нужна при богослуженіи, а въ Єомину субботу, когда на вечернѣ читается обычная первая каѳизма, церковный староста отправлялся къ шинкарю и выкупалъ у него заложенную книгу. Въ дѣствѣ я самъ зналъ въ лѣвобережной Малороссії одного стариннаго дѣячка, имѣвшаго пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ, который, по прочтеніи положенной въ страстную среду на преждеосвященной обѣднѣ каѳизмы, закрывалъ псалтырь и не клалъ ее на полку клироса, а держалъ у себя подъ мышкой, чтобы не отнялъ староста, и носилъ обѣдни прямо отправлялся съ нею къ *Срулю* и заставлялъ ее за кварту водки. Щомню, какъ однажды староста забылъ во время выкупить книгу, и дѣячку пришлось наизустъ отхватать всю каѳизму.

Подобный этому случай встрѣтился намъ въ гродской луцкой книгѣ подъ 1621 годомъ (по каталогу кіевск. центрального архива № 2819, листъ 647), съ тою лишь разницею, что здѣсь церковная книга была заложена въ шинкѣ не дѣячкомъ, а викарнымъ священникомъ. Вотъ буквальныій переводъ судебнаго рѣшенія по жалобѣ священника владиміръ - волынскай михайлівской церкви Якова Залускаго о церковной книгѣ, заложенной его викаріемъ жиду-шинкарю за спиртные напитки и перезаложенной послѣднимъ въ другія руки: „Дѣялось во Владимірѣ, въ одномъ жидаискомъ домѣ, въ присутствіи раввина и другихъ старшинъ раввинской общины, 7 января, 1621 года. Предо мною Войтехомъ Милачевскимъ, подвоеводою волынскими, во время отправленія судовъ надъ жидами владимірскими, было предъявлено дѣло между велебнымъ о. Яковомъ Залускимъ, священникомъ владимірской церкви св. Михаила, ист-цемъ, и владимірскимъ жидомъ-шинкаремъ Беніашемъ, отвѣтчикомъ, по слѣдующему поводу: когда поименованный священникъ о. Яковъ Залускій уѣзжалъ гостить къ роднымъ, то все имущество михайлівской церкви, какъ-то: утварь, книги и проч. поручилъ подъ надзоръ и охрану своему викарію, Єеодору, впредь до своего возвращенія. Но означенный викарій, вмѣсто надзора за цѣлостью церковныхъ вещей, взявшись изъ михайлівской церкви служебную

книгу, пошелъ съ нею въ шинокъ жида Беніаша и заложилъ ее за спиртные напитки на сумму въ 20 грошей польскихъ. Послѣ того жида Беніашъ, чрезъ посредство своей шинкарки, продающей въ его домѣ пиво, медъ и горѣлку, перезаложилъ означенную церковную книгу, за такую - же сумму, протопопу владимірскому Григорію Лозовицкому, и, не смотря на то, что истецъ, о. Яковъ Залускій, по возвращеніи во Владиміръ, готовъ былъ возвратить Беніашу 20 грошей польскихъ, послѣдній отказывается выкупить книгу изъ того мѣста, куда онъ заставилъ ее. По выслушаніи предъявленныхъ сторонами заявлений и возраженій, я подвоевода, принялъ во вниманіе, что названная книга перешла въ чужія руки по винѣ шинкаря Беніаша, постановилъ, чтобы послѣдній сегодня же, до закрытия судебнаго засѣданія, выкупилъ означенную книгу изъ рукъ протопопа и возвратилъ ее истцу о. Якову Залускому, получивъ отъ него 20 грошей; въ случаѣ же неисполненія Беніашемъ настоящаго опредѣленія, онъ долженъ подвергнуться штрафу въ три польскихъ гривны въ пользу суда и противной стороны. Черезъ часъ послѣ того явился ко мнѣ вышепоименованный Яковъ Залускій, священникъ михайловскій, и заявилъ, что книга ему возвращена и онъ болѣе не имѣеть никакихъ претензій къ жиdu Беніашу; поэтому я на вѣчныя времена освобождаю послѣдняго отъ отвѣтственности по настоящему дѣлу".

О. Л.

КЪ ПОРТРЕТУ САВВЫ ГРИГОРЬЕВИЧА ТУПТАЛО.

Прилагаемый къ настоящей книжкѣ портретъ Саввы Григорьевича Туптало представляетъ на первый взглядъ особу духовнаго чина,—священника, архимандрита или архіерея. Никто, не присмотрѣвшись къ нему внимательно и не будучи знакомъ съ мѣстною исторіею и археологіею, не могъ бы подумать, что это лицо мірское, при томъ военного званія, козакъ и старшина козачій въ его обыкновенномъ костюмѣ. Это однако сотникъ кіевскій, а название его *Савва Григорьевич Туптало*.

Замѣчательно долгая жизнь его захватываетъ собою три столѣтія и проходитъ чрезъ всю почти исторію козачества, если не считать

времени зарожденія и упадка онаго. Начало его жизни принадлежитъ XVI ст., самая жизнь обнимаетъ весь XVII вѣкъ, а конецъ переходитъ въ XVIII столѣtie. Въ его жизни, если бы она могла быть извѣстна, представилась бы намъ вся исторія козачества. Савва Григорьевичъ Туптало—сподвижникъ Хмельницкаго и отецъ симпатичнѣйшаго и ученѣйшаго святителя земли русской, угодника Божія, св. Димитрія Ростовскаго, и—эти два обстоятельства еще болѣе привлекаютъ къ его личности наше вниманіе. По мѣсту рожденія онъ сынъ въ строгомъ смыслѣ кіевской земли, по мѣсту службы и долгаго жительства онъ нашъ родной кіевлянинъ. Тутъ учился знаменитый впослѣдствіи сынъ его Даніилъ,—свѣтильникъ, свѣтившій и свѣщацій всей Россіи; тутъ были три дочери его; тутъ самъ Савва воевалъ, начальствовалъ и ктиторствовалъ, тутъ и жизнь свою долгую и благочестивую скончалъ.

Къ сожалѣнію, о долгой жизни лица, котораго портретъ мы теперь представляемъ, дошло до настъ весьма мало свѣдѣній, которыя могли бы дать намъ понятіе какъ о немъ самомъ, такъ и о его богатомъ особенностями времени. Родился онъ въ 1599 году въ мѣстечкѣ Макаровѣ (нынѣ кіевской губерніи и уѣзда), въ 50-ти верстахъ на западъ отъ Киева, нѣкогда резиденція извѣстнаго въ исторіи Польши своими безумными подвигами польского бандита Самуила Лаша.

Первое свѣдѣніе о жизни Саввы Григорьевича Туптала встрѣчаемъ только въ 1650 г., т. е. когда ему прошло уже свыше 50 лѣтъ. Въ это время онъ записанъ въ реестръ войска запорожскаго въ качествѣ рядового козака макаровской сотни кіевскаго полка. Вскорѣ потомъ онъ выбранъ былъ сотникомъ той-же сотни и вслѣдъ затѣмъ перешелъ, также въ званіи сотника, въ кіевскую полковую сотню. Это была самая тяжкая пора для родной земли Туптала и Україны обоихъ береговъ, пора крайняго напряженія ея силъ въ борьбѣ ея съ Польшею на жизнь и смерть. Несчастный бѣлоцерковскій договоръ, новыя насилия надъ православнымъ украинскимъ населеніемъ со стороны наводнившихъ страну польскихъ войскъ и поднявшихъ голову чановъ, изгнаніе тѣхъ и другихъ изъ края, Переяславская рада и подчиненіе Москвѣ, новая война съ Польшею, борьба партій и кровавыя смуты Юрія Хмельницкаго и его продолжателей, разореніе Киева и передача его Польшѣ, разо-

реніе училища братскаго, не давшее сыну Тупталы докончить тамъ курсъ наукъ—таковы были событія и обстоятельства, среди которыхъ Туптало долженъ былъ нести свою тяжелую службу. Скромное имя сотника теряется въ вихрѣ этихъ событій, но въ ту пору, когда всякая наличная сила страны приходила въ дѣйствіе, и Туптало съ своею сотнею принималъ въ нихъ живое и дѣятельное участіе и если имя его ничѣмъ не отмѣчено въ исторіи этихъ событій, то, кромѣ всякихъ случайностей, нельзя не видѣть въ этомъ указанія на характеръ всей вообще дѣятельности болѣе чѣмъ зрелага по возрасту семьянина, направлявшейся болѣе къ подвигамъ благочестія, нежели къ подвигамъ военнымъ. Онъ много заботился обѣ образованіи единственнаго сына своего, а когда смутныя обстоятельства воспрепятствовали окончанію онаго, сына на 17 году—опредѣлилъ его въ кирилловскую обитель, гдѣ онъ былъ монахомъ, проповѣдникомъ и игуменомъ. Три дочери его, извѣстныя намъ съ монашескими именами Шамфіліи, Февроніи и Параскевы, основали рядомъ съ кіево-іорданскою церковью николаевскій женскій монастырь, въ которомъ преемственно одна за другою были игуменьями, когда братъ ихъ игуменствовалъ въ сосѣднемъ кирилловскомъ монастырѣ, а отецъ ихъ былъ ктиторомъ этой обители. Это по духу того времени было высшимъ идеаломъ жизни и Савва Туптало и его престарѣлая супруга Марія Михайловна считались самыми счастливѣйшими родителями. Всю вообще вторую половину своей жизни Савва Туптало прожилъ въ Кіевѣ, гдѣ пользовался значительнымъ уваженіемъ и благосостояніемъ. Изъ современного документа мы знаемъ, что въ 1686 году онъ занималъ еще должность кіевскаго сотника и пользовался отъ мостовой пошлины, взимавшейся за проѣздъ черезъ рѣку Ирпень у мѣстечка Мостица. Затѣмъ извѣстенъ намъ только годъ смерти престарѣлаго сотника: скончался онъ въ 1703 году, 103 лѣтъ отъ роду, и погребенъ въ троицкой церкви при кіевскомъ кирилловскомъ монастырѣ, ктиторомъ которой онъ состоялъ при жизни. Въ той-же церкви погребена была и жена Саввы Туптала—Марія Михайловна, скончавшаяся также въ Кіевѣ въ 1688 году. По указанію дневныхъ записокъ св. Димитрія Ростовскаго, каменный домъ его родителя находился на Подолѣ, близъ притиско-никольской церкви. Въ 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія онъ находился еще во дворѣ купца Курлюкова и имѣлъ разобранъ.

Надъ могилою благочестиваго сотника немедленно послѣ его кончины былъ повѣшень на стѣнѣ точный поясной портретъ его на холстѣ, который, вслѣдствіе поврежденія, въ 1760 г. августа 10-го дня, замѣненъ существующею теперь копіе его. Копія эта и особливо копія церкви ростовскаго монастыря нѣсколько отсту-паютъ отъ подлинника и придаютъ изображенію видъ святаго угод-ника. Нашъ снимокъ сдѣланъ съ гравюры, принадлежащей А. М.. Лазаревскому, хотя нѣсколько поблекшей, но вѣрнѣе передающей существенные черты оригинала. Въ 1870 г. кіевскій кафедральный протоіерей П. Г. Лебединцевъ издалъ снимокъ съ портрета Саввы Григорьевича по копіи 1760 года, повторенный съ того-же клише въ 1881 г. барономъ М. И. Эренбургомъ. На предлагаемомъ пор-третѣ надпись слѣдующая:

„Савва Туптало, сотникъ кіевскій, жилъ въ нижнемъ Кіевъ юродъ. Отъ рожденія ста трехъ лѣтъ, въ день Богоявленія Го-сподня, въ третью часу дня преставился, въ 1703 году, и похре-бенъ въ кіевскомъ кирилловскомъ монастырь, въ которомъ и ктито-ромъ былъ онъ“. На ободкѣ, кругомъ портрета надпись: „Отецъ новоизведенна чудотворца, митрополита ростовскаго, святителя Христова Димитрія“.

Подъ портретомъ, изданнымъ пр. Лебединцевымъ и повторен-нымъ барономъ Эренбургомъ, надпись въ стихахъ такая:

Благочестивый мужъ Туптало Сава,
Запорожского войска честь и слава,
Въ Богоявленскій день отверсту небу,
Воспешствія тамо совершилъ потребу,
Въ третій часъ на день третьяго року
Семь сотъ тысячи—з троична кроку,
Въ троичномъ кирильскомъ почи чину,
Дуплею Тройцы лице да зритъ выну.
Въ вѣку семъ добръ жилъ сто и три лѣта;
Обы сторичну взялъ мзду троичиа свѣта.

Портретъ изображаетъ Савву Туптала въ преклонныхъ лѣтахъ, вѣроятно подъ конецъ его жизни; старческое, но высоко осмыслен-ное и энергическое лицо сотника, значительно видоизмѣнено и со-вершенно потеряло характеръ въ копіи, которою пользовался ба-

ронъ Эренбургъ. По обычаямъ стариковъ своего времени, Савва Туптало изображенъ съ длинною сѣдою бородою и съ длинными бѣлыми волосами, падающими на плечи равномѣрно по обѣимъ сторонамъ головы; въ рукахъ онъ держитъ длинный посохъ съ набалдашникомъ. Прическа и посохъ на первый взглядъ придаютъ фигуру сотника характеръ духовнаго лица. Одѣтъ онъ въ шубу съ отложнымъ мѣховыемъ воротникомъ, застегнутую на пеѣ, съ тремя металлическими пуговицами на правой сторонѣ, и тремя петлицами изъ посумента на лѣвой. Изъ подъ шубы виднѣется длинный „кунтушъ“ изъ адамашка зъ частыми срѣбрными квітками“, какія мы встрѣчаемъ въ описяхъ движимаго имущества знатныхъ козаковъ того времени; рукава кунтуша и край его полы оторочены толстымъ снуркомъ; на груди онъ застегнутъ рядомъ металлическихъ пуговицъ; поверхъ кунтуша повязанъ поясъ изъ мягкой шелковой матеріи, такъ называемый „турецкій“, концы отъ котораго, шитые узоромъ, свѣшиваются съ правой стороны. Вверху портрета, съ лѣвой стороны его, въ медальонѣ, составленномъ изъ арабесковъ, помѣщенъ гербовый щитъ, на немъ въ красномъ полѣ изображенъ бѣлый треугольникъ, вѣроятно условный знакъ, употреблявшися Тупталомъ для клеймъ и печати.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

августъ.

1882 г.

—

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайлівск. ул., собств. друкарь.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

ГODЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ III.

А В Г У С Т Ъ.

1882 г.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайлівск. ул., собств. домъ

СОДЕРЖАНИЕ.

Августъ, 1882 г.

I. ЗАБЫТЫЯ ИНОЧЕСКИЯ ОБИТЕЛИ (монастыри холмской и замостской въ общей судьбѣ русско-уніатскаго монашества). <i>Оконч.—Н. Петрова</i>	199
II. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССИИ. 3., Миклашевские	243
4., Свѣчки.— <i>Ал. Лазаревскаго</i>	253
III. КОВЗАРЬ ОСТАПЪ ВЕРЕСАЙ, его пѣсни и думы. <i>К. Ф. У. О.</i>	259
IV. О МУЗЫКѣ ДУМЪ И ПѢСЕНЬ ОСТАПА ВЕРЕСАЯ. <i>А. К—снаго</i>	283
V. ИЗЪ ПРАКТИКИ СТАРЫХЪ СУДОВЪ	288
VI. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ КОЛІВЩИНИ или РѢЗНИ 1768 г. <i>Н. Костомарова</i>	297
VII. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ Б. ЗАПОРОЖЬЯ	322
VIII. БИБЛIOГРАФIЯ: а) Памятная книжка кievskой епархi. Составили А. В—новъ и свящ. В. Антоновъ. Кiевъ. 1882.—б) Жизнь и произведения Тараса Шевченка (сводъ матерiаловъ для его бiографiи), съ портретомъ. Составилъ М. К. Чалый. Кiевъ. 1882.—в) Die Ungern oder Magyaren. Paul. Hunvalfy. Vien und Teschen. 1881.—г) Посадъ Вилковъ. Историко-статистический и бытовой очеркъ. Составиль Георгiй Бахталовскiй. Кишиневъ. 1881 г.	340
IX. ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ (историческая, этнографическая и историко-литературныя): а) Относится ли пѣсня о взятии Азова къ событиямъ XI вѣка?—б) Послѣдний писарь войска запорожского Глоба.—в) Взглядъ народа на Шевченка.—г) Исчезнувшiя и исчезающiя въ южной Россiи животныя.—г) Состоянiе полицiи въ малороссiйскихъ городахъ XVIII в.—д) Документальная свѣдѣнiя о Саввѣ Тупталѣ и его родѣ.—е) Курута. (Пѣсня-былина)—ж) Возстановленiе древней паперти кiево-софiйскаго собора.	362

Продолжается подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“. Новые подписчики получаютъ журналъ за весь годъ, начиная съ 1-го номера. Щѣна съ приложенiями и пересылою 10 руб. — Адресъ: Въ редакцiю „Кіевской Старины“, Кiевъ, Софiевская площасть, д. Волкова, противъ памятника Хмельницкаго.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 29-го іюля 1882 года.

Забытая иноческая обитель.

(Монастыри холмский и замостской въ общей судьбѣ русско-уніатскаго монашества).

(Окончание).

III.

Вскорѣ послѣ совращенія замостскихъ православныхъ церквей и братствъ въ унію и введенія въ Замостьѣ базиліанъ, состоялся извѣстный замостской соборъ 1720 года, положившій яркую печать на послѣдующую исторію уніатскихъ базиліанскихъ монастырей, съ которою отсель связана была и судьба замостского уніатскаго николаевскаго монастыря. Ко времени замостского синода уже закончилось совращеніе православныхъ монастырей въ унію: оставшіеся къ этому времени православными монастыри оставались таковыми до конца существованія Польши. Поэтому уніаты могли уже теперь не стѣсняться въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ „схизматиками“, чтобы изъ-за нихъ придерживаться православныхъ обрядовъ и обычаевъ, и уже прямо могли теперь объявить себя на сторонѣ католической церкви, ея обычаевъ и обрядовъ, что и не замедлили сдѣлать. Еще во второй половинѣ XVII вѣка холмскій уніатскій епископъ Яковъ Суша сдѣлалъ папѣ чрезъ нунціатуру представленіе объ ограниченіи власти митрополита и епископовъ постановленіями тридентскаго собора, которыхъ отчасти и прияты были въ основаніе Nexus'a или союза базиліанъ съ уніатскимъ митрополитомъ Жоховскимъ, составленного въ 1686 году. Но болѣе полное примѣненіе правилъ тридентскаго собора къ уніатской церкви и базиліанамъ сдѣлано было на замостскомъ соборѣ 1720 года, при уніатскомъ митрополитѣ Львѣ Кишкѣ. Постановленія

этого собора дали униатамъ тему для развитія униатской церкви въ духѣ латинства и въ частности—постановленій тридентскаго собора и примѣнялись и къ соединенію всѣхъ униатскихъ монастырей въ одинъ базиліанскій орденъ, и къ внутренней организаціи сего ордена, и къ измѣненію богослуженія и обрядности униатской церкви по образцу католической церкви и проч. Такъ, съ 1720 года базиліане заняты были преимущественно рѣшеніемъ сложнаго вопроса о соединеніи всѣхъ униатскихъ монастырей въ одну базиліанскую конгрегацію; а съ половины XVIII вѣка производилась внутренняя работа надъ переустройствомъ базиліанскаго ордена на началахъ католической церкви.

Относительно соединенія униатскихъ монастырей въ одинъ базиліанскій орденъ на замостьскомъ соборѣ постановлено было слѣдующее: „поелику дознано опытомъ и одобрено постановленіями св. соборовъ, что нѣть болѣе успѣшнаго средства къ возстановленію или соблюденію монашескаго порядка и дисциплины, какъ всѣ монастыри, не подчиненные генеральнымъ начальникамъ и не имѣющіе своихъ орденскихъ визитаторовъ, соединить въ одно тѣло или конгрегацію, то св. синодъ, слѣдя по стопамъ сихъ каноновъ, постановилъ, чтобы монастыри владимірской, луцкой, холмской, львовской и перемышльской епархій, черезъ годъ послѣ опубликованія настоящаго декрета и по полученіи пригласительной грамоты превелебнѣйшаго митрополита, собрались на конгрегацію и потомъ каждое четырехлѣтіе выбирали генерала, провинціала и орденскихъ визитаторовъ и постановляли и рѣшали все прочее, что можетъ казаться необходимымъ для надлежащаго управлениія всею провинціей и для возстановленія монашеской дисциплины. Предсѣдательствовать-же будетъ на первой сей генеральной капитулѣ превелебнѣйшій господинъ митрополитъ, и на нее приглашенъ будетъ высокопреподобнѣйшійprotoархимандритъ провинціи литовской, дабы участвовавши долгое время въ сихъ генеральныхъ капитулахъ могли дѣломъ и совѣтомъ помочь другимъ. Новый же protoархимандритъ на будущее время будетъ подчиняться тому, кому велитъ подчиняться св. престолъ¹⁾). Такимъ образомъ, замостьскимъ собо-

¹⁾) *Synodus provincialis Ruthenorum, habita in civitate Zamoscia anno 1720, Romae, 1724, титуль XI — «О монастыряхъ и положеніи монаховъ».*

ромъ проектировались двѣ провинціи базиліанскаго ордена, соотвѣтствовавшія главнымъ составнымъ частямъ Польши, Литвѣ и собственно Польшѣ, къ которой принадлежала и юго-западная Русь, т. е. провинція литовская, прежде существовавшая, и польская или русская, вновь образуемая. Созданная въ силу этого постановленія замостьскаго синода базиліанская генеральная капитула 1727 г. не состоялась вслѣдствіе возникшихъ споровъ между польскими и литовскими базиліанами изъ-за двѣнадцати монастырей, находившихся въ предѣлахъ Польши, но еще прежде вошедшихъ въ составъ литовской базиліанской провинціи. И только при преемнике Льва Кишки, уніатскомъ митрополитѣ Аѳанасіѣ Шептицкому, на львовской конгрегації 1739 года, митрополитъ, управлявшій епархіями кіевской, львовской, галицкой и каменецкой, и епископы владимірскій, лупкій, перемышльскій и холмскій освободили подчиненные имъ монастыри, за исключеніемъ архимандрическихъ, изъ-подъ своей власти, которая поэту му перешла къ самому базиліанскому ордену и къ папѣ, какъ генералиссимусу всѣхъ орденовъ. Но при этомъ митрополитъ и епископы предложили такое условіе, „что, если какіе-либо отдельные монастыри, вслѣдствіе визитації (ревизії) будущагоprotoархимандрита, по бѣдности ихъ фундуша должны будутъ упраздниться, то принадлежащіе имъ фундуши должны быть отданы въ распоряженіе мѣстнымъ епископамъ и присоединены къ приходскимъ церквамъ“¹⁾. За епископами оставалась также ревизія монастырей, имѣющихъ приходы, каковыми были холмскій и замостьскій²⁾). Въ послѣдствіи времени, папскимъ декретомъ 2 мая, 1744 года, предписано было уніатскому митрополиту Аѳанасію Шептицкому, вмѣстѣ съ начальниками базиліанскаго ордена, упразднить малочисленные монастыри или присоединить ихъ къ другимъ, такъ чтобы въ каждомъ удобно могло жить 10 или по крайней мѣрѣ 8 монаховъ²⁾). Вслѣдствіе этого, на дубенской консультаціи (совѣщаніи) 1745 года было решено оставить въ польской или русской провинціи самостоятельными 38 монастырей, присоединить къ

¹⁾ Акты этой конгрегаціи въ библіотекѣ волынской дух. семинарія, № 1289.

²⁾ Bullae et brevia Summorum pontificum..., congregationem Ruthenorum ordinis S. Basilii Magni concernentia, и проч., Почаевъ, 1767 года, ч. 2, стр. 1—60.

другимъ 60 и упразднить 25 монастырей, если только послѣдніе не обеспечены будуть со стороны фундаторовъ пожертвованіемъ, достаточнымъ для содержанія по крайней мѣрѣ 8 монаховъ¹⁾). Но вмѣстѣ съ тѣмъ начальники базиліанскаго ордена обратились къ папѣ съ просьбой не упразднять монастырей, достаточныхъ для содержанія *пяти* монаховъ, при чёмъ обѣщали совсѣмъ закрыть всѣ прочіе, не могущіе содержать по *пяти* монаховъ; просили однако, чтобы, въ качествѣ приписныхъ къ сосѣднимъ монастырямъ, сохранить и тѣ небольшія монашескія обители, кои не могутъ содержать и по пяти монаховъ. Эти послѣдніе, въ силу декрета 2 мая 1744 года, неизбѣжно должны были подлежать упраздненію, но монахамъ и ихъ не хотѣлось отдавать свѣтскому клиру, какъ о томъ имъ объявлено было бывшимъ апостольскимъ нунціемъ, потому они просили сдѣлать новое исключеніе для монастырьковъ, не имѣющихъ приходовъ, заявляя, что монастыри съ приходами они безпрепятственно готовы отдать свѣтскому клиру. Папа согласился оставить за базиліанами на десятилѣтіе тѣ монастыри и резиденції, въ коихъ можетъ содержаться до пяти монаховъ, но требовалъ при этомъ, что бы въ теченіи шести мѣсяцевъ или года совершенно оставлены были ими всѣ остальные монастыри, резиденціи и миссіи, т. е. не могущія содержать и пяти монаховъ, и чтобы вчредь не допускались новыя фундаціи монастырей, если онѣ недостаточны для содержанія по крайней мѣрѣ восьми монаховъ. Въ числѣ оставляемыхъ за базиліанами монастырей, резиденцій или миссій, не могущихъ содержать и по пяти монаховъ, папа различалъ такие, которые принадлежали прежде свѣтскому клиру, или имѣютъ приходы, и такие, которые основаны монахами и приходовъ не имѣли. Первые изъ нихъ онъ предписывалъ безусловно передать во владѣніе епископа или свѣтскаго клира той епархіи, въ которой они числятся; вторые, согласно 5 главѣ 21 сессіи триентскаго собора, разрѣшалъ приписать къ сосѣднимъ базиліанскимъ монастырямъ, но съ тѣмъ, что бы монахи не имѣли болѣе тамъ постояннаго жительства, а находящіяся при нихъ церкви подлежали, наравнѣ съ приходскими, власти и вѣдѣнію мѣстнаго епи-

¹⁾ См. Дѣло польской базиліанской провинціи съ литовской о 12-ти монастыряхъ, 1747 г., Summarium, № 14 и 60.

скопа¹⁾). Но, взамѣнъ этой невольной уступки свѣтскому клиру, базиліане привлекли къ своему ордену архимандричы монастыри и самихъ архимандритовъ, прежде подчинявшихся непосредственно митрополиту. Nexus'омъ или союзомъ уніатскаго митрополита Аѳанасія Шептицкаго съ базиліанскимъ орденомъ, 1743 года, въ архимандричыхъ монастыряхъprotoархимандриту или генералу предоставлена власть только надъ монахами, а не надъ архимандри томъ, который долженъ былъ подчиняться митрополиту²⁾). Но, вслѣдствіе домогательства базиліанъ, папскимъ декретомъ 30 марта 1756 года, постановлено было, чтобы и архимандриты монастырей помянутой конгрегаціи подчинялись непосредственной власти protoархимандрита, какъ главнаго начальника, при чёмъ каждый изъ нихъ получалъ отъ митрополита посвященіе и предъ нимъ же приносилъ присягу на вѣрное служеніе, но инсталляцію, т. е. самое назначеніе на должность настоятеля извѣстнаго монастыря, безъ чего ему пришлось-бы остаться съ однимъ лишь саномъ, получалъ отъ protoархимандрита³⁾).

Такимъ образомъ ядро польско-русской базиліанской провинціи и всего базиліанскаго ордена составляли архимандричы и игуменскіе самостоятельныя и, слѣдовательно, болѣе богатыя монастыри. Они высыпали на провинціальныя и генеральныя конгрегаціи своихъ настоятелей и депутатовъ, на что не имѣли права приписные, філіальные монастыри. Эти конгрегаціи или сѣѣзды созывались чрезъ четыре или много черезъ восемь лѣтъ для избранія генерала ордена, провинціаловъ для каждой провинціи и другихъ орденскихъ чиновниковъ, для перемѣнъ монастырскихъ настоятелей, а также для разсмотрѣнія и рѣшенія общихъ монастырскихъ дѣлъ извѣстной провинціи или всего ордена. Нѣкоторое подобіе этихъ конгрегацій или сѣѣздовъ представляютъ нынѣшніе сѣѣзды православнаго бѣлаго духовенства, обще-епархиальныя и окружные.

¹⁾ См. акты цочаевской провинціальной капитулы 1755 г., сесс. 1, въ рукоп. волынск. дух. семинаріи, № 1289.

²⁾ Акты дубенской капитулы 1743 г., сесс. 7, 9 и 11, въ рукописи волынск. дух. семинаріи, № 1289.

³⁾ Bullae et brevia Summorum pontificum, 1767 г., ч. 2, стр. 103—113.

Какое-же мѣсто и значеніе имѣлъ въ общемъ строѣ базиліанскаго ордена замостьскій николаевскій уніатскій монастырь? Мы оставили его еще въ томъ зачаточномъ, переходномъ состояніи, когда онъ собственно и не былъ еще монастыремъ, а былъ лишь приходскою церковью, при которой, вмѣсто бѣлага священника, служилъ уніатскій монахъ. Казалось бы, монастырь этотъ долженъ былъ стушеваться въ массѣ другихъ ничтожныхъ базиліанскихъ монастырей и закрыться въ силу приведенныхъ нами папскихъ опредѣленій, допускающихъ существованіе только такихъ монастырей, которые могли содержать не менѣе восьми и въ крайнемъ случаѣ не менѣе пяти монаховъ; но не такъ случилось на самомъ дѣлѣ. Эти-же самыя папскія опредѣленія, кажущіяся на первый взглядъ строгими и стѣснительными для базиліанъ, на самомъ дѣлѣ лишь содѣйствовали увеличенію и процвѣтанію базиліанскаго ордена и отдѣльныхъ его монастырей, вызывая въ бѣдныхъ монастыряхъ всю энергию для сохраненія своего существованія и соревнованіе съ другими болѣе богатыми и значительными монастырями. Такіе бѣдные монастыри употребляли всѣ ухищренія для того, чтобы пріобрѣсть фундуки, достаточный для содержанія по крайней мѣрѣ восьми монаховъ, и попасть въ число монастырей, пользовавшихся правомъ голоса на базиліанскихъ съѣздахъ. Большею частію они выращивали необходимое содержаніе у фундаторовъ своихъ или другихъ благотворителей, или-же мало по малу пріобрѣтали недвижимыя имущества на свои собственные средства. Такъ постепенно поднимался на ноги и замостьскій уніатскій монастырь, по-следовательно испытавъ всѣ превращенія отъ личинки до бабочки. Сначала онъ былъ, кажется, простою резиденціей или подворьемъ, потомъ—миссіей, далѣе—приписнымъ монастыремъ и, наконецъ, самостоятельнымъ. Чтобы достигнуть послѣдняго, ему нужно было преодолѣть всѣ препятствія, какія представлялись ему и со стороны мѣстныхъ церковныхъ братствъ, и со стороны епископской власти, не хотѣвшей выпустить его изъ своихъ рукъ; но онъ не остановился передъ этими препятствіями и преодолѣлъ ихъ.

До 1739 года, замостьская никольская церковь и ея настоятель базиліанинъ визитовались или ревизовались мѣстнымъ холмскимъ уніатскимъ епископомъ, какъ ихъ непосредственнымъ начальникомъ. Такъ, 26 мая 1721 года визитовалъ братство никольское

епископъ холмскій Іосифъ Левицкій¹⁾), а въ 1726 году тотъ-же епископъ опредѣлилъ границы обоихъ замостьскихъ приходовъ, городскаго никольскаго и предгороднаго вознесенскаго, такимъ образомъ, чтобы къ городской никольской церкви принадлежали дома въ стѣнахъ самой крѣпости и на улицахъ Лановой, Садовискѣ, Подграблѣ и Яновичахъ, а къ предгородной вознесенской — предмѣстье Львовское, Новый свѣтъ, Гусиная улица, Подставье и Волька Калиновская; онъ подтвердилъ также постановленія коммисіи 1699 и 1701 годовъ относительно погребенія умирающихъ при той церкви, при которой они пожелаютъ, съ уплатою четвертой части погребального дохода приходскому священнику. Въ 1732 году визитовалъ или ревизовалъ обѣ замостьскія церкви и состоявшія при нихъ братства холмскій уніатскій епископъ Фелиціанъ-Филиппъ Володковичъ²⁾), при чёмъ подтвердилъ пункты устава старшаго братства замостьскаго св. Николая, данныя ему прежде православнымъ епископомъ львовскимъ Гедеономъ Балабаномъ и кіевскимъ митрополитомъ Сильвестромъ Коссовымъ, но съ значительными дополненіями и измѣненіями относительно порядка выбора старшихъ братчиковъ и управлениія дѣлами братства.

Если сравнить эти пункты³⁾ съ прежними уставами братства, то въ нихъ невольно бросается въ глаза видная, подавляющая роль базиліанскаго настоятеля, который уже по самому своему званію настоятеля стоялъ во главѣ братства и считался его распорядителемъ: безъ него не могло состояться ни одно засѣданіе, ни одинъ актъ братства. Вслѣдствіе этого, самое братство теряло свою прежнюю самостоятельность и вліяніе на настоятеля и сдѣгалось въ рукахъ послѣдняго только послушнымъ орудіемъ для благоустроенія церкви и достиженія цѣлей базиліанъ, какъ отчасти сознавались въ этомъ и сами замостьскіе базиліане. Въ 1781 году замостьскій игуменъ Филаретъ Мочарскій писалъ въ своей замѣткѣ о происхожденіи замостьскаго монастыря, что сюда введены были базиліане

¹⁾ Обѣ этой визитѣ упоминается въ визитѣ никольской церкви 1752 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

²⁾ Акты этихъ визитаций 1732 года — въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

³⁾ Punkta po zak czoney wizycie w klasztorze zamoyskim... podane, 9 окт., 1732 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

„на полныхъ правахъ, безъ всякой зависимости отъ братства“ ¹⁾). Понятно, такое прииженіе братства не могло нравиться его членамъ, которые, поэтому, при первомъ удобномъ случаѣ и обнаружили желаніе отдѣлаться отъ базиліанъ. Случай этотъ представился вскорѣ по освобожденіи уніатскихъ монастырей изъ-подъ епископской власти на львовской базиліанской конгрегації 1739 года и по соединеніи всѣхъ уніатскихъ монастырей въ одинъ базиліанскій орденъ.

Мы имѣемъ достовѣрныя свидѣтельгтва, что уніатскіе епархіальные архіереи недовольны были освобожденіемъ уніатскихъ монастырей изъ подъ ихъ власти ²⁾) и потому старались возможно менѣе уступить базиліанамъ и ограничить, по возможности, постепенно расширявшійся кругъ ихъ вліянія. Такія же чувства и настроенія сталъ питать къ замоѣскимъ базиліанамъ и холмскій уніатскій епископъ Фелиціанъ Филиппъ Володковичъ. 12 мая, 1740 года, т. е. на другой годъ послѣ львовской конгрегації, онъ даль предписаніе холмскому провинціалу Каршинскому и замоѣскому декану Павлу Соколовскому—назначить администратора къ предгородной замоѣской Вознесенской церкви, которая въ то время приписана была къ городской церкви, дабы Вознесенскіе прихожане „болѣе не принадлежали городской церкви, находящейся внутри крѣпости“ ³⁾).

Съ теченіемъ времени, пользуясь многочисленностю монаховъ замоѣскаго монастыря и царскими постановленіями о подобнаго рода монастыряхъ, епископъ Володковичъ простираль виды и на самый замоѣскій монастырь и въ этомъ отношеніи сопшелся съ желаніями и стремленіями никольского братства и дѣйствовалъ съ нимъ за одно, чтобы изгнать базиліанъ изъ Замоѣя.

¹⁾ *Origo monasterii zamoscensis*, 1781 г., въ бумагахъ замоѣскаго монастыря.

²⁾ См. протестъ митрополита и уніатскихъ епископовъ, 1742 г., противъ освобожденія базиліанъ отъ подчиненности митрополиту въ дѣлѣ м. Гребницкаго съ базиліанскимъprotoархимандритомъ, 1755 г., *Summarium*, № 7; см. Труды кіев. дух. академіи, февраль 1871 г., стр. 318—320.

³⁾ *Instrumentum* Володковича отъ 20 мая 1740 г., въ бумагахъ замоѣскаго монастыря.

Что въ это время замостьскій монастырь былъ еще не значи-
теленъ и малочисленъ, это видно изъ того, что на дубенской кон-
сультациі 1745 года этотъ монастырь не признанъ былъ самосто-
ятельнымъ, слѣдовательно не имѣлъ и восьми монашествующихъ
лицъ и приписанъ былъ къ верхратскому монастырю польской или
русской провинції¹). А такъ какъ замостьскій монастырь имѣлъ и
прихожанъ, то, на основаніи постановленій замостьскаго собора и
папскихъ распоряженій, никольская церковь и состоявшее при ней
братство подлежали ревизіи мѣстнаго уніатскаго епископа, а не
орденскаго начальства, которое вѣдало только самихъ монаховъ ба-
зиліанъ. Въ одну изъ такихъ епископскихъ ревизій, въ 1752 году,
и возбужденъ былъ вопросъ объ обращеніи замостьскаго николь-
ского монастыря по прежнему въ приходскую церковь и объ уда-
леніи изъ Замостья монаховъ базиліанъ. Въ это время члены брат-
ства заявили, а епископъ Фелиціанъ Филиппъ Володковичъ записалъ
въ акты ревизіи, что „находящіяся въ архивѣ братства права и
привилегіи гласятъ, дабы замостьскою каменною церковю управ-
лять свѣтскій священникъ, какъ и дѣйствительно на памяти всѣхъ
людей послѣднимъ управителемъ и поссесоромъ былъ нѣкогда ве-
лебный отецъ Машкевичъ, по смерти коего какимъ способомъ ве-
лебные отцы базиліане завладѣли тою церковю, объ этомъ неиз-
вѣстно болѣе изъ преданія людей помнятыхъ, жромъ того, что bla-
женной памяти его милость отецъ Іосифъ Левицкій, епископъ холм-
скій, непосредственный предшественникъ превелебнаго теперешняго
визитатора, назначилъ на время администраторомъ духовныхъ дѣлъ
вдовствующей частопоминаемой церкви своего капеллана, велебнаго
отца Миколая Блещинскаго чина св. Василія Великаго, послѣ ко-
тораго ихъ милости отцы базиліане присвоили себѣ это мѣсто и
церковь, какъ ясно видно, безъ законной уступки со стороны свѣт-
скаго клира, безъ надлежащаго ввода и передачи. Посему нисколько
не будетъ противорѣчить первоначальной презентациі патрона, если
бы на основаніи вышепомянутыхъ правъ и привилегій, распоряди-
телемъ и поссесоромъ каменной замостьской церкви былъ отецъ
приходской священникъ свѣтскій, русино-греко-уніатскій; особенно

¹) Дѣло цольской базиліанской провинціі съ провинціей литовской о 12-ти монастыряхъ, 1747 г., Summarium, №№ 44 и 60.

если принять во внимание декретъ счастливо надъ всѣмъ міромъ христіанскимъ господствующаго святѣйшаго отца Бенедикта, того имени XIV папы римскаго, которымъ повелѣвается, чтобы велебные отцы базиліане, владѣющи приходскими церквами, если не имѣютъ фундушъ, достаточнаго для содержанія восьми монаховъ, и надлежащей ограды, отдавали ихъ въ руки и распоряженіе епископамъ. Посему велебные отцы базиліане, живущіе при городской замостьской церкви, такъ какъ содержатся одной только милостынею, должны въ теченіи полугода отъ нынѣшняго акта или позаботиться о надлежащемъ фундушѣ на восемь монаховъ и о томъ, чтобы была монастырская ограда, или же отступиться отъ этой церкви, которою владѣютъ безъ всякаго права¹). Обезпеченными же монастырями, по базиліанскимъ постановленіямъ, считались тѣ монастыри, коихъ фундушъ ежегодно могъ доставлять имъ по 500 или, по крайней мѣрѣ, по 400 злотыхъ польскихъ на человѣка²). Слѣдовательно фундушъ, необходимый для содержанія полнаго самостоятельнаго монастыря, долженъ быть такой, который бы ежегодно давалъ монастырю процентовъ не менѣе 3200 злотыхъ. Въ то время большую частію получалось съ капитала по 7%; слѣдов., капиталъ, необходимый для содержанія самостоятельнаго монастыря, долженъ быть не менѣе 50,000 злотыхъ польскихъ.

Очевидно, замостьскіе базиліане, живущіе доселе одною почти милостынею, не могли въ теченіе полугода образовать фундушъ въ 60000 злотыхъ и должны были уступить никольскую церковь свѣтскому клиру или мѣстному епископу; но въ такихъ крайнихъ обстоятельствахъ они постарались освободиться изъ-подъ опеки непрасположеннаго къ нимъ никольского братства, или по крайней мѣрѣ подорвать его значеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ позаботились о пріобрѣтеніи капитала, который бы обеспечивалъ ихъ существованіе на будущее время.

Для противодѣйствія никольскому братству, въ которомъ жили еще прежнія православныя традиціи, базиліане основали при той же никольской церкви новое братство св. Онуфрія и на утвержде-

¹) Визита никольской замостьской церкви 16 ноября 1752 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

²) См. Труды кievской дух. академіи, маі, 1871 г., стр. 308.

ніє его испросили папскую буллу, отъ 5 мая 1753 г. Святѣйшій отець, желая поддержать новоучрежденное братство, цѣль котораго была ему понятна, не поскупился на одну лишнюю индульгенцію, какъ самое заманчивое средство для привлеченія въ братство возможно большаго числа членовъ. „Получили мы, говорить онъ въ указанной буллѣ, извѣстіе, что при церкви монаховъ чина св. Василія Великаго, города Замостья, холмской епархіи, находится канонически основанное или имѣющее основателься одно благочестивое и набожное братство обоего пола вѣрующихъ во Христа, подъ названіемъ св. Онуфрія (но не для людей одного специального ремесла), коего братчики и сестрицы обыкновенно совершаютъ или имѣютъ въ виду многія дѣла благочестія и любви: потому, дабы братство получило съ теченіемъ времени болѣшій успѣхъ, по милосердію всемогущаго Бога и власти св. его апостоловъ Петра и Павла, даемъ милосердно о Господѣ полную индульгенцію и отпущеніе всѣхъ грѣховъ всѣмъ обоего пола во Христа вѣрующимъ, которые вступая въ братство впослѣдствіи,—въ первый день ихъ постушенія, если истинно покаявшись и исповѣдавшись, примутъ святѣйшее таинство евхаристіи; также полную—какъ записавшимся, такъ и на будущее время имѣющимъ записаться въ помянутое братство братьямъ и сестрамъ, въ случаѣ смерти кого либо изъ нихъ, если также, истинно покаявшись и исповѣдавшись, пріобщатся, или, если этого не могутъ сдѣлать, то по крайней мѣрѣ съ сокрушеніемъ произнесутъ устами имя Иисусово, или сердцемъ благочестиво призовутъ; равно также полную—и тѣмъ нынѣшнимъ и будущимъ братьямъ и сестрамъ помянутаго братства, тоже истинно покаявшимся, исповѣдавшимся и пріобщившимся, которые каждый годъ будутъ набожно посѣщать церковь братства, или капеллу, или ораторію въ главный праздничный день помянутаго братства, разъ навсегда избранный означенными братьями и утвержденный епископомъ, отъ наступленія вечера до захода солнца этого дня, и тамъ возносить усердныя молитвы къ Богу о мирѣ всѣхъ христіанъ, искорененіи ересей и возвышеніи св. матери церкви. Сверхъ сего (даемъ)—семь лѣтъ и столько же четыредесятницъ помянутымъ братьямъ и сестрамъ, тоже истинно кающимся, исповѣдавшимся и пріобщившимся, которые будутъ посѣщать церковь, или капеллу, или ораторію въ другіе четыре года—

ые праздники, или въ непраздничные, или въ воскресные дни, разъ навсегда избранные помянутыми братчиками и утвержденные тѣмъ же епископомъ, какъ о томъ сказано выше, и будуть тамъ молиться, на тотъ день, въ который они исполнятъ все это. Если же они будутъ присутствовать на литургіяхъ и другихъ богослуженіяхъ, поемыхъ и читаемыхъ въ церкви, или капеллѣ, или ораторіи, или на публичныхъ и частныхъ собраніяхъ сего братства, дѣлаемыхъ гдѣ либо, или будутъ принимать бѣдныхъ, или водворять миръ между врагами, или будутъ содѣйствовать примиренію или постараются о немъ, или кто приметъ участіе въ погребеніи тѣлъ какъ умершихъ братьевъ и сестеръ, такъ и другихъ, или будутъ сопровождать какія либо процесіи, совершаemыя съ разрѣшеніемъ епископа, и святое таинство евхаристіи въ процесіяхъ къ больнымъ, и другія, совершаemыя гдѣ либо и какимъ либо образомъ, или, въ случаѣ невозможности, произнесутъ однажды, услышавъ звукъ колокольчика, молитву Господню и ангельское привѣтствіе за души усопшихъ братій и сестеръ, или кого либо совратившагося наставлять на путь спасенія и научать невѣduющихъ заповѣдямъ Божіимъ и тому, что относится ко спасенію, или совершать какое либо другое дѣло благочестія и любви; то за исполненіе каждого изъ перечисленныхъ дѣлъ снимаемъ шестьдесятъ дней изъ наложенныхъ на нихъ или иначе какимъ либо образомъ обязательныхъ эпитетій въ принятой церковію формѣ. Но мы желаемъ, чтобы, въ случаѣ дарованія помянутымъ братьямъ и сестрамъ, исполняющимъ вышесказанное, другихъ индульгенцій постоянныхъ, или простирающихся на время еще не прошедшее,—теперь не имѣли силы, и чтобы въ томъ случаѣ, если помянутое братство присоединено уже къ какому либо архибратству, или присоединится впослѣдствіи, или сольется по какой либо другой причинѣ, или какъ либо иначе устроится, прежняя и всякія другія буллы апостольскія нисколько не имѣли для нихъ силы и оттолѣ, по этому самому, также считались уничтоженными¹⁾). Замѣчательно въ этой буллѣ стремленіе отмежевать надѣленное всякими индульгенціями онуфріевское братство отъ какого-то другаго архибратства, вѣроятно никольского, и если не уничтожить послѣднее,

¹⁾ Булла эта—въ бумагахъ замоцьского монастыря.

то, по крайней мѣрѣ, ослабить его привлеченіемъ его членовъ къ новому братству. Изъ послѣдующихъ документовъ мы видимъ, что хотя никольское братство и продолжало существовать послѣ этого времени, но уже не заявляло никакой почти дѣятельности.

Послѣ ослабленія такимъ способомъ никольского братства, важнѣйшюю заботою замостьскихъ базиліанъ было пріобрѣтеніе фундуша, который обеспечивалъ бы существованіе и будущность ихъ монастыря. Приманкою поминовеній и папскихъ индульгенцій они привлекли къ себѣ многихъ жертвователей въ пользу своего монастыря, которые обыкновенно обеспечивали монастырю на своихъ имѣніяхъ значительные капиталы, съ ежегодною уплатою съ нихъ по монастырю отъ 5 до 7%, или же дарили самыя недвижимыя имущества. Кромѣ того, сами замостьские базиліане пріобрѣтали путемъ покупки въ пользу монастыря различные земельные участки и дома и въ разное время получали въ управлениѣ приходскіе kostely и униатскія церкви, обращая ихъ недвижимыя имущества и доходы въ пользу своего монастыря. Такимъ образомъ, кромѣ 400 золотыхъ, назначенныхъ Анной Замойской на содержаніе никольской церкви и при ней священника, во второй половинѣ XVIII вѣка сдѣланы слѣдующія болѣе крупныя пожертвованія и записи на замостьскій монастырь. Въ 1754 году Янъ Якубъ Замойскій и другіе опекуны Замойской ординаціи отдали замостьскому монастырю, за взятыя будто бы ими изъ кассы польской базиліанской провинціи деньги, два фольварка—Вендреевскій и Крышковскій. Въ 1758 году вдова Иоанна Гассова записала замостьскому монастырю на всѣхъ своихъ имѣніяхъ сумму въ 1280 золотыхъ. Въ 1761 году кіевскій ловчій Стефанъ Терлецкій записалъ замостьскому монастырю 7000 золотыхъ на имѣніи своеі Снятичахъ. Въ 1762 году Янъ Якубъ Замойскій записалъ на имѣніи своеі Лабункахъ 30,000 золотыхъ на учрежденіе миссіи въ замостьскомъ монастырѣ¹). Собраныхъ такимъ образомъ въ короткое время капитальныхъ суммъ набиралось до 80,000 золотыхъ польскихъ²); съ нихъ проценту мо-

¹⁾ Всѣ записи на эти суммы находятся въ бумагахъ замостьского монастыря, подъ означенными годами.

²⁾ См. прошеніе замостьского игумена Аркадія Зеневича графу Замойскому, 11 августа 1802 года.

настырь долженъ бытъ получать въ годъ свыше 5,000 злотыхъ. Но въ это число не включены капиталы, единовременно пожертвованные монастырю наличными деньгами. Кроме того, замостьскій монастырь получилъ въ 1758 году въ свое завѣдываніе предгородную замостьскую церковь со всѣмъ ея имуществомъ, которое, по упраздненіи этой церкви въ концѣ XVIII вѣка, сдѣлалось собственностью замостьскихъ базиліанъ; а около 1779 года онъ получилъ въ свое управлѣніе и лабунскую церковь съ привадлежностями ея. Много также приобрѣтено было замостьскимъ монастыремъ поземельныхъ участковъ и домовъ въ самомъ городѣ Замостьѣ и его предмѣстяхъ и окрестностяхъ¹).

Такими путями замостьскій базиліанскій монастырь въ непроложительномъ времени сдѣлался изъ бѣднаго монастыря зажиточнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самостоятельнымъ, и получилъ извѣстное значеніе въ ряду другихъ базиліанскихъ монастырей. Въ 1763 году онъ былъ уже гласнымъ монастыремъ и имѣлъ своего представителя на провинціальной бѣлостоцкой капитулѣ, бывшей въ этомъ году²). Кромѣ игумена, монастырь содержалъ не менѣе семи монаховъ и въ числѣ ихъ двухъ миссіонеровъ, которые должны были проповѣдывать и совершать извѣстныя миссіонерскія процесіи для совращенія православныхъ въ унію и утвержденія ихъ въ уніатскомъ исповѣданії³). Кромѣ того, замостьскій монастырь во второй половинѣ XVIII вѣка содержалъ у себя орденскія базиліанскія студіи или школы, обыкновенно состоявшія у базиліанъ изъ отдельныхъ классовъ орденской семинаріи, реторического, философскаго, богословскаго и проч., разбросанныхъ по разнымъ монастырямъ и переводимыхъ изъ одного въ другой. До 1763 года помѣщалась въ замостьскомъ монастырѣ, вѣроятно въ теченіи четырехъ лѣтъ, богословская школа, переведенная въ этомъ году въ свято-георгіевскій львовскій монастырь, гдѣ она была и прежде, а въ 1772 году мы видимъ въ замостьскомъ монастырѣ философскую базиліанскую школу.

¹) Свѣденія объ нихъ въ бумагахъ монастыря.

²) Труды кіев. дух. академіи, январь, 1872 г., стр. 26.

³) Опись владѣній и доходовъ монастыря, 1781 г., въ бумагахъ монастыря замостьскаго.

лу¹⁾), которая въ 1781 году состояла изъ одного профессора и семи учениковъ^{2).}

Но въ то самое время, когда замостській базиліанскій монастырь достигъ значительной степени своего благосостоянія, наступили раздѣлы Польши между тремя соѣдними державами, имѣвшіе роковое значеніе и для всего базиліанскаго ордена, и въ частности для этого монастыря.

IV.

„Первый раздѣль въкоторыхъ частей Польши,—говоритъ базиліанинъ Лука Сульжинскій,—сдѣланъ тремя соѣдними монархами и утвержденъ трактатомъ между Польшею и этими монархами въ 1772 году. Россія получила всю Бѣлоруссію, Австрія или пезарь римскій — страны, называемыя теперь Лодоміріей и Галиціей, король прусскій — древніе Прусы. Въ захваченномъ Пруссіей краѣ не было никакихъ базиліанскихъ монастырей, въ Лодоміріи-же и Галиціи, равно и въ Бѣлоруссіи, много находилось этихъ монастырей, и всѣ они хорошо были устроены. Управлѣніе этими монастырями, вошедшими въ раздѣль, хотя уже находившимися за границей, долго еще послѣ того принадлежало прежнему ихъ начальству, находившемуся въ Польшѣ: провинціа́лъ литовскій завѣдывалъ монастырями бѣлорусскими, а коронный — лодомірскими и галиційскими, подъ верховнымъ надзоромъprotoархимандрита или генерала ордена всей нашей конгрегаціи... Въ 1780 году послѣдовала генеральная капитула въ Тороканѣ, подъ предсѣдательствомъ (перешедшаго въ пре-дѣлы Польши) митрополита Смогоржевскаго. Она продолжалась болѣе двухъ мѣсяцевъ. На ней присутствовали и всѣ заграницные настоятели, имѣющіе голосъ. На этой капитулѣ утвержденъ былъ давно составленный, а теперь исправленный кодексъ постановлений ордена св. Василія Великаго. На этой-же капитулѣ изъ двухъ провинцій, литовской и коронной, образованы четыре провинціи, а именно: коронная провинція раздѣлена была на двѣ, одну подъ тѣмъ-же названіемъ, а другую — галиційскую и лодомірскую; равнымъ образомъ и литовская — на литовскую собственно и бѣлорус-

¹⁾ Труды кіев. дух. академіи, юль, 1871 г., стр. 151.

²⁾ Опись владѣній и доходовъ замостськаго монастыря, 1781 года.

скую. Для каждой отдельно выбраны были особые провинциалы съ усвоеннымъ имъ штатомъ должностныхъ лицъ; генераломъ-же илиprotoархимандритомъ избранъ Іосифъ Моргулецъ, бывшій впослѣдствіи архимандритомъ мѣлецкимъ... Въ 1788 году вновь послѣдовала генеральная капитула въ Жидичинѣ, которую созвалъ викарный генералъ Іероѳей Корчинскій, немедленно по смерти Іосифа Моргульца получившій изъ столицы апостольской званіе protoархимандрита... На той капитулѣ не было уже ни одного настоятеля изъ заграничныхъ провинцій, т. е. галицкой и бѣлорусской, ни должностныхъ лицъ этихъ провинцій, хотя къ нимъ и посланы были пригласительные письма; они прислали только отъ себя извиненія, что мѣстное правительство запретило имъ быть на этомъ съѣздѣ. Такъ какъ за нѣсколько лѣтъ до этой генеральной капитулы вышепомянутыя двѣ недавно образованныя заграничныя провинціи отложились отъ protoархимандричьей власти и подчинились власти своихъ епархиальныхъ епископовъ (что произошло, не знаю какъ сказать, по одной-ли волѣ мѣстныхъ правительствъ, или также и по интригамъ тамошнихъ нашихъ монаховъ, что вѣроятнѣе); то передъ этой капитулой конгрегація наша состояла только изъ двухъ провинцій, находившихся въ остальномъ краю польскомъ. Что дѣгалось въ тѣхъ двухъ отложившихся, недавно образованныхъ провинціяхъ, послѣ ихъ отложенія, извѣстно всякому. Въ Галиціи и Лодоміріи важнѣйшіе монастыри взяты въ казну и оставлены только самые убогіе. Архимандрія уніевская уничтожена, свято-юрская церковь въ Львовѣ, со всей своей монастырской землей, кромѣ одной каменной линіи, и съ принадлежащимъ ей огородомъ, отдана въ Вѣнѣ Шептицкому, сначала епископу львовскому, потомъ митрополиту, всегда дѣйствовавшему противъ базиліанъ. Какія-же притѣсненія были для нашихъ монаховъ и обряда нашего въ Бѣлоруссіи, уже подъ властію новоназначенаго отъ имперіи архіепископа полоцкаго Лисовскаго, это можно видѣть изъ энциклики его къ духовенству“, въ которой,—замѣтимъ мы отъ себя,—ничего больше нѣтъ, кромѣ указанія на искаженіе унитами древняго греческаго обряда и приглашенія возвратиться къ нему и руководствоваться, по крайней мѣрѣ, евхологіономъ папы Бенедикта XIV. Вслѣдствіе подобныхъ стѣсненій, дѣйствительныхъ или мнимыхъ, уніаты переходили изъ предѣловъ Россіи въ Галицію, а изъ Галиціи въ Польшу.

Тотъ-же Сульжинскій передаетъ, что „нѣкоторые изъ ксѣндзовъ уходили за границу, въ Галицію“, а въ одномъ декретѣ вѣнскаго двора, отъ 21-го марта 1785 года, мы встрѣчаемъ извѣстіе, что „нѣкоторыя духовныя (унитскія) лица изъ этихъ панствъ (т. е. Галиції) тайнымъ образомъ уходятъ за границу“ ¹⁾). Но послѣ третьаго раздѣла Польши въ 1795 году разорено было и послѣднее гнѣздо орденскаго базиліанскаго самоуправленія, дотолѣ остававшееся въ Польши: должностъ протоархимандрита или генерала ордена была уничтожена, и распавшіяся части базиліанскаго ордена уже не имѣли никакаго видимаго объединительного центра и испытывали различную судьбу въ разныхъ государствахъ, которымъ онѣ достались.

Послѣ первого раздѣла Польши, въ 1772 году, замостьскій монастырь достался, вмѣстѣ съ Галиціей и Лодоміріей, австрійской имперіи.

Въ первые годы австрійскаго владычества замостьскій базиліанскій монастырь не чувствовалъ особыхъ стѣсненій для себя и даже задумать было воспользоваться смутными обстоятельствами первого раздѣла Польши для своего обогащенія. Въ 1775 году поѣтное правленіе белзскаго округа, въ силу императорскаго декрета отъ 1 августа того-же года, требовало отъ монашескихъ начальниковъ, чтобы они немедленно, по полученіи сего предписанія, представили помянутому правленію точную и вѣрную вѣдомость, въ которой-бы ясно было обозначено куда, кому и на какой конецъ раздѣлены, уплачены или отданы имущества бывшихъ прежде, теперь-же уничтоженныхъ провинціальныхъ кассъ? При этомъ велико предостеречь ихъ, чтобы никто не осмѣшивался скрыть или утаить какія-либо деньги или имущества, принадлежавшія помянутой кассѣ предъ уничтоженiemъ или раздѣломъ ея, въ той увѣренности, что высшее правительство строго накажеть таковыхъ преступниковъ и найдетъ вѣрные способы къ открытію такихъ утаенныхъ денегъ или имуществъ²⁾). Уже изъ этого предписанія можно

¹⁾ Краткія извѣстія о положеніи базиліанскаго ордена и разныхъ перемѣнахъ въ его управлениі, съ 1772 года, Л. Сульжинскаго—въ почаевскомъ архивѣ, № 94. Въ русскомъ переводѣ, съ примѣчаніями, въ Трудахъ кіев. дух. академіи, 1868 г., за юль, октябрь и ноябрь.

²⁾ Предписаніе это—въ архивѣ замостьскаго монастыря.

заключить, что бывшая касса базиліанской провинції была утаена или раздѣлена между наличными монастырями. На основаніи же другихъ документовъ мы можемъ предполагать, что значительный кушъ изъ этой кассы достался и замостскому монастырю. Въ 1778 году этотъ монастырь получилъ отъ холмскаго капшеляна Венглинскаго какую-то сумму въ 40,000 злотыхъ, по всѣмъ вѣроятіямъ принадлежавшую провинціальной кассѣ, и положилъ ее въ кассу графа Замойскаго, который 6 октября 1778 года далъ замостскому монастырю собственноручную росписку въ томъ, что онъ взялъ въ долгъ у монастыря эту сумму на годъ за проценты, обеспечивши ее на своихъ имѣніяхъ и особенно на ключѣ гродецкомъ, въ подольскомъ воеводствѣ. Въ 1781 году, съ разрѣшенія своего начальства, замостскій монастырь взялъ изъ этой суммы, на покрытие своихъ долговъ, 6500 злотыхъ, изъ нихъ израсходовалъ 3500 злотыхъ, а остальная 3000 зл. отдалъ секретно въ долгъ нѣкоему Войцеху Кочовскому, назначивъ ихъ на уплату долговъ своихъ вицинскому и чернелавскому (иначе Лѣсокъ) монастырямъ. Эти секретныя денежныя операциіи объясняются въ одной запискѣ замостскаго настоятеля тѣмъ, что онѣ совершались „во время извѣстныхъ каждому замѣшательствъ, опасеній и отчаянія всего духовенства, при внезапномъ упраздненіи монахинь францисканокъ въ Замостьѣ и другихъ монахинь по другимъ мѣстамъ, а также во время опасности, угрожавшей и мужскимъ монастырямъ“. Съ остальныхъ 33,500 злотыхъ получались въ пользу замостскаго монастыря проценты до 1786 года ¹⁾.

Въ послѣдствіи времени не только эти суммы не были удержаны монастыремъ, но утрачены были и другія суммы, несомнѣнно принадлежавшія монастырю, а съ остальныхъ оставшихся за монастыремъ имѣній и суммъ взималась пошлина на содержаніе австрійскихъ войскъ и въ кассу религіи. Сумма 33,500 злотыхъ „конституціей польской 1786 года взята на Рѣчь Посполитую“. Проценты съ нѣкоторыхъ другихъ суммъ, положенныхъ на имѣніяхъ жертвователей, перестали получаться потому, что эти имѣнія и владѣльцы

¹⁾ Informacya wiadomych i niewiadomych klasztorow zamoyskimi interesow, 1783 г., и документы замойскаго монастыря о суммѣ 33500 зл. въ дѣлѣ 1811 года, въ бумагахъ замостскаго монастыря.

ихъ оказались теперь въ предѣлахъ другихъ государствъ. Около 1788 года монастырь сталъ платить подати въ фондъ религійный и въ кассу войсковую ¹⁾). Во время втораго и третьаго раздѣловъ Польши средства монастырей еще болѣе уменьшились, такъ какъ благотворители монастыря, въ виду секвестрованія духовныхъ имѣній правительствомъ, брали эти имѣнія обратно себѣ. Такимъ образомъ взята была у замостскаго монастыря графомъ Замойскимъ часть поля въ ланахъ яновецкихъ ²⁾). Перестали получаться и проценты съ 30,000 злотыхъ, пожертвованныхъ Яномъ-Якубомъ Замойскимъ на учрежденіе миссіи, вѣроятно по ненадобности уже самой миссіи за повсюднымъ упраздненіемъ православія. Въ 1804 году всѣхъ капитальныхъ суммъ и долговъ за частными лицами было у монастыря 12,107 злотыхъ, 24 гроша. Съ этой суммы ежегодно получалось доходу 683 злотыхъ 45 грошей, изъ коихъ платилось податей 12 злотыхъ и 28 грошей. Остальные деньги шли на содержаніе четырехъ монаховъ и трехъ клириковъ, студентовъ философіи ³⁾).

Не менѣе чувствительно было для базиліанъ и ограниченіе ихъ орденской автономіи. Поводомъ къ тому была чуть-ли не базиліанская генеральная конгрегація, бывшая въ 1780 году въ Тороканѣ, на которой, въ числѣ прочихъ, присутствовали и галиційскіе базиліане. Австрійскому, да и русскому правительству не было интереса поддерживать существованіе тѣсно сплоченного базиліанскаго ордена, имѣвшаго корни свои въ чужомъ государствѣ. На жировицкой генеральной капитулѣ 1780 года былъ и замостскій настоятель Филаретъ Мочарскій; но онъ почему-то не пашелъ возможнымъ возвратиться въ свой монастырь и остался официаломъ у Владимира-Волынскаго униатскаго епископа ⁴⁾). Послѣ сего замостскій монастырь подчиненъ былъ непосредственно власти мѣстнаго холмскаго епископа, который въ послѣдствіи временіи раздѣ-

¹⁾ O stanie klasztoru bazylian zamyskich, 1791 г.,—въ бумагахъ замостскаго монастыря.

²⁾ Просьба игумена Аркадія Зеневича Замойскому, 1802 г., тамъ-же.

³⁾ Доношеніе игумена Зеневича начальству, 18 февр. 1804 г., тамъ-же.

⁴⁾ Informacja wiadomych i niewiadomych klasztorowi Zamyskiemu interesow, Ф. Мочарскаго, 1783 г., тамъ-же.

лялъ эту власть съ провинціаломъ галиційской базиліанской проповѣднії.

Прибывъ въ мартѣ 1783 года на ревизію замостьскаго монастыря, холмскій униатскій епископъ Максимилианъ Рылло нашелъ въ немъ много нестроеній и беспорядковъ. Это былъ человѣкъ строгихъ правилъ и крутаго нрава, во всякомъ случаѣ администраторъ замѣчательный,—въ родѣ Якова Суши, и также горячо, какъ онъ, преданный дѣлу уніи. Онъ подавилъ послѣдніе остатки православія въ Холмщинѣ. По сохранившемуся на мѣстѣ преданію, онъ вызывалъ въ Холмъ тѣхъ изъ униатскихъ священниковъ, которые продолжали еще носить бороды и рясы, самолично обрѣзывалъ имъ волосы и приказывалъ перемѣнить костюмъ, а непокорныхъ подвергалъ строгимъ наказаніямъ. Его поразила крайняя распущенность монаховъ, полное разстройство хозяйственныхъ дѣлъ монастыря, своееволіе братіи, которая сама себя рядила, и онъ, не выѣзжая изъ монастыря, рѣшился ввести въ немъ строгій порядокъ, который самъ таѣлъ любилъ. Подвергши все на мѣстѣ тщательному изслѣдованію, Максимилианъ Рылло для поправки монастыря издалъ особый декретъ въ 11-ти пунктахъ, главнѣйшіе изъ которыхъ тутъ-же приведены въ исполненіе. Этотъ декретъ¹⁾ открываетъ намъ недуги, какими страдала тогда замостьская обитель и находившаяся при ней философская школа, ученики которой входили въ составъ братіи, равно и тѣ мѣры, какими энергическій епископъ принялъся врачевать ихъ. Въ числѣ этихъ мѣръ *disciplina*, проще сказать плеть, играла не послѣднюю роль. Вотъ что происходило тогда въ замостьскомъ монастырѣ и его философской школѣ.

Бывшій предѣ тѣмъ настоятель Филаретъ Мочарскій бѣжалъ въ Владимиръ-Волынскій, быть можетъ, отъ своееволія братіи, съ которою справиться не могъ. Управление его монастыремъ епископъ-ревизоръ призналъ „не осмотрительнымъ“: монастырь, говорить онъ, оказался въ жалкомъ положеніи и до того разстроеннымъ, что не только не могъ выдавать братіи на одежду, но и покрыть стояніе долги. Монастырь около двухъ лѣтъ оставался безъ настоятеля.

¹⁾ Подлинникъ—въ бумагахъ замостьскаго монастыря 1783 г., подъ заглавиемъ: «Decretum reformationis disciplinae monasticae».

зателя, а это естественно вело братію къ полной распущенности, своеолію и растратѣ монастырскаго имущества и доходовъ. Вѣдомость о монастырскихъ дѣлахъ, составленную по требованію верховнаго имперскаго управлениія, самъ епископъ признаетъ сомнительною; столь-же трудно было ему добраться до истины въ монастырскихъ инвентаряхъ и доходахъ. Въ церкви, въ богослуженіи царствовалъ полный беспорядокъ: монахи опаздывали на службу церковную и заставляли прихожанъ ждать; многіе не хотѣли участвовать въ хорѣ, приходили, когда кому вздумается, пѣли не соответственно порядку литургіи, иные читали молитвы про себя, когда другіе пѣли, пѣли вообще не стройно, службу Божію совершили поспешно, многое опускали, нарушая единообразіе службы церковной, производя беспорядокъ и соблазнъ, выставляя предъ набожными прихожанами свое лишь нерадѣніе. Въ частной жизни своей монахи предавались пьянству, заводили между собою ссоры и кляузы, шатались днемъ и по ночамъ въ монастыре, заводили компанию съ мірянами вообще и въ частности съ женшинами. Братья школьніки не отставали отъ братіи монастырской даже по части волокитства и двое изъ нихъ—Маріанъ и Георгій уличены были въ этомъ послѣднемъ не задолго до прїѣзда епископа въ ма-сляничное воскресенье. Занятія философіею, къ которымъ братья школьніки, какъ выражается епископъ, назначены *ог сиу послушанія*, были ими заброшены, и они отвиливали отъ нихъ „чисто по своему лукавству“. Строгіе профессора исключили многихъ изъ нихъ, если не всѣхъ, что епископъ осудилъ предъ всею общиной и на будущее время воспретилъ,—вѣроятно для того, чтобы не лишиться вовсе учениковъ; но школьніки, какъ говорить онъ, обнаружили еще большее бездѣльничество: они осмѣлились бранить одного изъ учителей словами жестокими, свойственными однимъ разбойникамъ и бандитамъ, а почтенный братъ Георгій Коссарабовичъ до того допшелъ въ своей дерзости, что не только преслѣдовалъ своего профессора самыми непотребными словами, но однажды, въ пьяномъ видѣ, грозилъ убить его. Тѣ же братья школьніки, подъ видомъ заботливости о своей общинѣ, а скорѣе для того, чтобы отдѣлаться отъ непрошеныхъ менторовъ, послали въ бециркъ доносъ на отцевъ Варлаама Калиновича и Юліана Наржинскаго, будто они замышляли бѣжать за границу (т. е. въ Россію), что

однако не подтвердилось никакимъ доказательствомъ. „Почтенный братъ прокураторъ“ продолжалъ пынствовать при бытности самого епископа, а на увѣщанія отвѣчалъ дерзостями.

Максимилианъ Рылло, которому на этотъ разъ въ дѣлѣ возстановленія дисциплины и жизни монашеской предоставлена была неограниченная власть, поступилъ не только со строгостю, но вмѣстѣ съ крайнею осторожностю, дабы не разогнать своеольныхъ монаховъ или школьниковъ, но, удержавъ ихъ на мѣстѣ, постепенно прибрать къ рукамъ. Онъ началъ съ того, что назначилъ безголовому монастырю настоятеля въ лицѣ викария Варлаама Калиновича, человѣка, какъ говорится въ декретѣ, доброй нравственности, извѣстнаго и довольно заслуженнаго въ базиліанскомъ орденѣ. Составивъ тутъ-же инвентари и вручивъ по нимъ новопоставленному все движимое и недвижимое имущество монастыря въ полное распоряженіе, безъ права однако отчуждать, продавать и дарить, и строго обязавъ его представлениемъ въ свое время и въ своемъ мѣстѣ самого подробнаго отчета, епископъ предоставилъ ему полную власть надъ непокорными монахами и школьнниками, обязавъ всѣхъ ихъ оказывать ему должное почтеніе, послушаніе и содѣйствіе. „Знайте, объявлялъ онъ въ декретѣ монахамъ, что я никому не дозволю вмѣшиваться въ управление монастыремъ, но всяко изъ васъ обязанъ дѣлать только то, чего требуетъ отъ него долгъ, исполнять то, что прикажетъ настоятель; ему я вручаю управление всей общиной и строго его обязываю, въ случаѣ сопротивленія общины, немедленно доносить о томъ мнѣ, подъ угрозою не принятія его самого ни къ какимъ должностямъ въ нашихъ епархіяхъ“. За беспорядки въ богослуженіи дѣлалось строгое внушеніе и всѣмъ вообще монашествующимъ предписывалось быть аккуратными и точными въ выполненіи расписанія времени и часовъ для богослуженія и не только исправно по нему поступать, но исполнять такъ, какъ прикажеть настоятель, безъ всякаго возраженія и ропота. Въ случаѣ сопротивленія, епископъ уполномочивалъ настоятеля подвергать виновнаго безъ всякихъ объясненій запрещенію богослуженія. Еще строже отнесся епископъ къ уклоняющимся отъ участія въ хорѣ: виновный въ этомъ, послѣ двухъ замѣчаній, въ третій разъ подлежалъ оставленію безъ обѣда, а въ послѣдующій—дисциплинѣ, иначе говоря, его должны были разложить и сѣчь плетью до тѣхъ поръ, пока кто либо изъ

братії не прочтеть весь псаломъ: *Помилуй мя Боже;* при дальнѣйшемъ-же ослушаніи, обѣ немъ должно было доносить консисторіи. Виновные въ ссорахъ и распрахъ присуждались къ семидневному молчанію, а при повтореніи—суду консисторіи. Брата прокуратора за пьянство и продерзость самъ епископъ рѣшилъ подвергнуть дисциплинъ, т. е. дать ему столько плетей, сколько ихъ влѣзетъ во все членіе псалма: *Помилуй мя Боже.* Прочіе виновные въ такихъ-же проступкахъ оставлены безъ наказанія въ надеждѣ на исправленіе ихъ, какъ болѣе просвѣщенныхъ. Для предупрежденія праздношатательства и компаний съ мірянами, особливо-же съ женщинами, а равно подозрѣнія въ побѣгѣ за границу, строжайше, подъ опасеніемъ заключенія въ карцерь, воспрещалось выходить за ограду безъ дозвolenія настоятеля, а этому послѣднему вмѣнялось въ обязанность не дозволять отлучаться за городъ двумъ монахамъ или двумъ школьнікамъ (но, прибавимъ отъ себя, только тремъ или болѣе, какъ это принято и теперь въ католическихъ монастыряхъ и семинарияхъ), а въ городѣ двумъ школьнікамъ, и ни самому не отлучаться, равно и никому не дозволять отлучаться въ далекій путь безъ разрѣшенія епископа или его чиновника, что и изданными тогда распоряженіями гражданской власти воспрещалось. Съ школьніками епископъ поступиль, какъ принято было тогда поступать со школьніками: братья Маріанъ и Георгій за наклонность къ волокитству лишены были въ теченіи трехъ дней лучшаго кушанья за обѣдомъ, прочіе, въ томъ-же виновные, должны были просить прощенія у братії, цѣлуя имъ ноги. Всѣ вообще школьніки (они помѣщались въ верхнемъ этажѣ небольшаго монастырскаго зданія) не смѣли, безъ дозвolenія настоятеля сходить въ нижнія келліи, подъ опасеніемъ наказанія 50 поклонами. За грубое оскорблѣніе профессора братъ Георгій дотолѣ долженъ былъ на колѣнахъ просить у него прощенія, доколѣ онъ самъ не назначить ему соотвѣтственнаго его винѣ взысканія, а прочіе виновные въ томъ-же должны были просить у него прощенія, только однажды ставъ предъ нимъ на колѣна въ присутствіи всѣхъ членовъ общины. Строгій епископъ, опредѣляя то или другое наказаніе, каждый разъ почти замѣчаетъ, что хотя виновные заслуживали-бы строжайшаго наказанія, но онъ дѣлаетъ снисхожденіе по своей отеческой любви; на самомъ дѣлѣ, какъ мы выше упомянули, онъ боялся крутymi мѣрами обезлюdzić

общину и особливо школу философию, которая, кажется, имѣла всего четырехъ лишь учениковъ и одного профессора, принадлежавшаго также къ числу братіи. Чтобы смириТЬ непокорныхъ *философовъ*, сверхъ обычныхъ ихъ занятій въ школѣ и хорѣ, онъ назначалъ имъ другую работу: братъ Маріанъ долженъ былъ помогать ризничему, братъ Еронимъ смотрѣть за столовою, а братья Августинъ и Георгій за библіотекою и коридоромъ, а всѣ вмѣстѣ—писать поученія, произнося ихъ прежде въ столовой, потомъ въ церкви, и тѣмъ облегчать трудъ проповѣдника и не давать ему повода уклоняться отъ участія въ хорѣ.

Какъ однако ни строги были правила, преподанныя холмскими епископомъ замостскому монастырю для возстановленія въ немъ монашеской дисциплины, трудно было одною строгостію поднять значение монастыря, искусственно созданнаго и такъ скоро разставшаго свои нравственные основы. И по началу нельзя было ничего лучшаго ждать отъ обители, созданной рукою польского патрона съ цѣллю подавленія православія и разширенія уніи, приближавшей къ латинству. Монастырь прежде всего самъ на себѣ оправдалъ цѣль своего назначенія. На удержаніе въ немъ какихъ либо остатковъ восточного обряда и русской народности, на удержаніе его самаго, хотябы въ обезличенномъ и искаженномъ видѣ, также трудно было надѣяться. Кругомъ его царилъ духъ иновѣрный и иноплеменный; католичество давно уже точило зубы на созданную имъ-же унію; новое государство, въ которое неожданно попалъ замостской монастырь, было въ порѣ секуляризациіи монастырей; въ высшихъ слояхъ даже польско-католического общества носились уже модныя идеи французского свободомыслія и индифферентизма въ дѣлахъ вѣры. Тѣмъ не менѣе замостскому монастырю постановленіемъ новаго правительства разрѣшено было существованіе на дальнѣйшія времена. Отъ участіи другихъ монастырей онъ спасенъ былъ состоящимъ въ его завѣдываніи приходомъ и содѣржимою монастыремъ базилианскую орденскую студіей или школой. Въ 1802 году замостской настоятель Аркадій Зепевичъ, испрашивая у графа Замойскаго вспомоществованіе своему монастырю, писалъ между прочимъ слѣдующее: „Теперешня перемѣны да не будутъ препятствіемъ ясновельможному пану и благодѣтелю оказать монастырю милостивое вниманіе и благотворительную любовь, ибо этотъ мона-

стырь нашъ находится въ подаваніи его милости вельможнаго пана (т. е. ему принадлежало право представлениа кандидатовъ на монастырскія должности) и утвержденья навсегда вѣнскимъ декретомъ, особенно по той причинѣ, что имѣеть приходъ и для общественнаго блага воспитываетъ орденское юношество¹⁾). Приходъ и орденская студія и составляли предметъ особенной заботливости замостьскаго базиліанскаго монастыря въ остальное время жизни его въ австрійскихъ предѣлахъ.

Что касается отношеній замостьскаго монастыря къ своему приходу, то въ нихъ видимъ мы, съ одной стороны, нѣкоторое, можетъ быть и невольное, уваженіе къ стародавнимъ обычаямъ прихожанъ, унаслѣдованнымъ еще отъ православія, а съ другой стороны—стремленіе базиліанъ постепенно сладить особенности русской обрядности и богослуженія и сблизить его съ господствовавшимъ въ государствѣ католическимъ обрядомъ. Этими традиціями и стремленіями условливались нѣкоторыя особенности въ богослуженіи, церковномъ порядкѣ и требоисправленіи замостьскаго монастыря, которыя перечислены въ меморіалѣ замостьскаго настоятеля Иларіона Ломбовскаго, 1791 г. Меморіалъ открываетъ любопытныя черты въ уніатствѣ того времени, утратившіяся впослѣдствії. Вотъ что отмѣчаетъ уніатскій монахъ изъ практики своей обители и принадлежащаго ей прихода: 1) Церковный день начинается звономъ къ заутрени, или хвалою Господу Богу, откуда сохранившееся доселъ выраженіе: „тягать за хвостъ хвалу Господню“, равнозначущее слову звонить. Звонъ къ заутрени въ семь часовъ утра. Чтеніе полунощницы совершается частнымъ образомъ, т. е. каждымъ про себя, въ виду случающихся приходскихъ требъ. Въ воскресенья и праздники въ девятомъ часу звонъ къ главной обѣднѣ, или сумми, потомъ, черезъ четверть часа—на проповѣдь, которая слѣдовала за евангеліемъ. Но окончаніе утрени всегда бываютъ молебствія, даже въ будніе дни, если есть дьякъ (видно, безъ дьяка и молебна не могли отслужить оо. базиліане). 2) Въ воскресенья и праздники во второмъ часу звонъ на катихизисъ (изученіе молитвъ и заповѣтъ).

¹⁾ Прошеніе настоятеля Аркадія Зеневича графу Замойскому, 11 августа 1802 г.,—въ архивѣ замостьскаго монастыря.

дей и ихъ объясненіе, чего у насть, увы!—нѣтъ и не было никогда; послѣ катехизиса бываетъ для собравшихся людей вечерня. 3) Въ воскресенія и праздники ходилъ монахъ въ ратушу къ заключеннымъ съ поученіемъ: въ одну четверть или половину года отъ коллегіатскаго (католическаго) костела, а въ другую отъ монастыря. 4) Къ сестрамъ милосердія, по требованію больныхъ, ходилъ монахъ съ духовной помощью, равно и по солдатскимъ лазаретамъ. 5) На Вознесеніе ежегодно бываетъ въ предгородной церкви обѣдніе съ проповѣдью, бесплатно, кромѣ того числа литургій, сколько нужно для возобновленія св. даровъ (до такой степени монастырь не радѣлъ о приходѣ, выживъ изъ него священника и такъ рѣдко тамъ обѣдни бывали). 6) Обязательства (т. е. поминовенія) мѣсячныя (разъ въ мѣсяцъ) всегда правятся, какъ въ таблицѣ, седмичныя же (разъ въ недѣлю) за Потоцкихъ больше году уже не правятся. Но когда, замѣчаетъ настоятель, возвращена будетъ съ процентами, по начатому иску, сумма данная монастырю и обезпеченная за границей на Гродкѣ (имѣніи Потоцкихъ), которая на основаніи польской конституціи 1787 года, задерживалась въ теченіи всего моего управлениія, то нужно будетъ снова править седмичныя обязательства, съ прибавленіемъ, соотвѣтствующимъ накопившимся процентамъ (послѣднее въ особенности интересно: за проценты—процентъ). 7) Браки всегда должны вѣнчаться до полудня при совершеніи и принятіи брачущимися страшныхъ таинъ; нужно притомъ троекратное оглашеніе, равно полученіе свидѣтельства отъ коллегіатскаго костела, если жена—греко-католическаго обряда, и тутъ бракъ получаетъ полякъ. И не мѣшало бы, чтобы новобрачущіеся при свидѣтеляхъ заявляли, что они добровольно и не принужденно вступаютъ въ супружество. Не было здѣсь обычая того, ибо никто не ожидалъ ни малѣйшаго принужденія; во всякомъ случаѣ безъ опаснѣя сообразоваться съ закономъ цесарскімъ, и съ установленною записью метрикъ о родившихся, бракосочетавшихся и умершихъ... 8) Ежегодно тутъ бываютъ братскія засѣданія: братства свято-никольскаго за недѣлю предъ св. Николаемъ въ маѣ, а братства покровскаго за недѣлю предъ св. Покровомъ; какъ первое, такъ и второе братства съ свои праздники нанимаютъ обѣдни (не упоминаются братства онуфріевское,—оно не шло въ счетъ, какъ свое, и братство вознесенское, переставшее, конечно, существовать съ

закрытиемъ прихода). 9) Есть тутъ дьякъ Петръ. За то, что въ церкви всегда продаетъ свои свѣчи, онъ обыкновенно съ другими мірянами обывателями каждый праздникъ и каждое воскресеніе поетъ литургію бесплатно, только за то, что дадутъ изъ чести. 10) Въ видахъ сбереженія монастырскаго освѣщенія на олтарѣ, въ будніе дни св. литургіи большею частію совершаются на олтаряхъ св. Покрова и св. Николая, потому что на тѣ олтари доставляютъ освѣщеніе братства (уніатско-іезуитская разсчетливость). 11) Передъ Рождествомъ Христовыемъ, Пасхою и св. Онуфріемъ раздаются погожнія лампы, которыя имѣютъ обычай наливать не только *наша Русь*—прихожане, но и поляки, а особенно рѣзники, и такимъ образомъ церковь не только не тратится на лампы, но и свѣчи дѣлаются на нужду монастырскую, лишь бы только стекла ставало на это. 12) Есть тутъ такой обычай (католическихъ монастырей), что люди изъ сель приносятъ телятъ, барановъ, гусей, съ тою цѣллю, чтобы получить исполненіе своихъ желаній при помощи св. Николая и св. Онуфрія, и также часто требуютъ *артоса*, *іорданской воды* отъ лихорадки и *вѣнковъ*. Посему за помянутые приносы правились обѣди: въ одинъ мѣсяцъ обѣдня предъ св. Николаемъ, а въ другой предъ св. Онуфріемъ, въ среду. А для удовлетворенія желанія здѣшнихъ и стороннихъ людей всегда святятся два артоса; и воды много святится, до двухъ кадей, кроме *іорданіи*; этой въ 1791 году не было изъ-за грязи, посему не достало и *іорданской воды*, освященной въ навечеріе Богоявленія, а такой воды монастырь, сохрания ее цѣлый годъ, долженъ удѣлять по немногу просящимъ¹⁾).

Такъ не много въ уніатской обители осталось изъ того, что напоминало ея связь съ православіемъ. Весь дневной порядокъ богослуженія, всѣ эти, такъ сказать, сверхъ-должны дѣла базиліанскихъ іереевъ, которыхъ мы не находимъ въ православномъ мірѣ и въ которыхъ они чередуются съ католическими ксендзами, языкомъ, на которомъ они говорятъ и пишутъ, эти боковые олтарики, „мпи-читанія и спѣванія, раннія и суммы“, даже это множество лампъ, равно телятъ, барановъ и гусей—все указываетъ на совершившееся

¹⁾) Grato successori memoriale o stanie klastoru bazylian zamoy-skich, 1791 г.—въ архивѣ замостского монастыря.

слитіє уніатства съ латинствомъ. Осталось лишь нѣсколько церковно-народныхъ обычаевъ и ихъ только не уничтожаютъ монахи базиліане, ибо отъ нихъ такой доходъ, какого не имѣли и ксендзы-католики. Остался историческій дѣякъ вольной профессіи, не имѣющій уже школы, но продающій свои свѣчи въ церкви и носящій частныя службы за неумѣлыхъ базиліанъ. Въ дѣлѣ вѣры, ея исповѣданія нѣть уже никакого почти отличія отъ латинства, но осталось едва слабое сознаніе своей отличной народности,—*наша Русь*, случайно проговаривается игуменъ-базиліанинъ. Но скоро и этого не станетъ и къ тому направлено высокое покровительство учредителей уніатской обители Замойскихъ и работавшаго за его спи-ной мѣстного католического коллегіата.

Мы не знаемъ, по побужденію-ли его, или сами по себѣ базиліане притянули къ себѣ приходъ на предмѣстьѣ и въ с. Лабунькахъ, но оставивъ ихъ безъ священниковъ и служа тамъ разъ или нѣсколько разъ въ годъ, они тѣмъ самымъ открыли тамъ широкій просторъ для миссіонерскаго дѣйствія католическихъ ксензовъ. Такъ и до послѣднихъ дней шло всюду обращеніе уніатовъ въ латинство, такъ велось оно и здѣсь. И вотъ теперь, когда такъ далеко уже шагнула польско-католическая пропаганда, ей надо было сломить послѣднюю преграду для своихъ дѣйствій, а она могла еще быть въ этой отдельной философской школѣ при базиліанской обители, которая воспитывала и давала хотя не многихъ, но все таки самостоятельныхъ дѣятелей въ уніатствѣ. При оскудѣвшихъ средствахъ монастыря и незначительности числа учениковъ его школы, не трудно было расположить базиліановъ прекратить самостоятельное обученіе ихъ буйныхъ питомцевъ, предоставивъ имъ ходить на лекціи въ замостьской лицей, преобразованный изъ замостьской академіи. Но неимѣнію прямыхъ, положительныхъ данныхъ, мы не можемъ сказать, кому пришла первая обѣ этомъ мысль; но, судя по общему ходу дѣлъ замостьской обители отъ первого ея возникновенія, по инициативѣ посторонней и для цѣлей католичества, нельзя не видѣть и въ этомъ дѣлѣ участія посторонней, весьма искусной руки. По крайней мѣрѣ не въ интересахъ базиліанъ было жертвовать такимъ учрежденіемъ, съ которымъ, какъ видѣли мы выше, связано было самое существованіе ихъ монастыря. Передавая своихъ питомцевъ, своихъ будущихъ дѣятелей въ науку католиче-

скихъ ксендзовъ, оо. базиліане, конечно, не сознавали уже, что наносятъ этимъ послѣдній ударъ своему отдельному существованію: надъ всѣмъ царila и тогда уже *świeta jedność* и они могли утѣшать себя тѣмъ, что избавляются отъ необходимости содержать своего особаго профессора, что ихъ орденскіе воспитанники, находясь подъ ихъ постояннымъ руководствомъ, будутъ лишь ходить на лекціи въ польско-католической лицей. Какъ-бы ни было, братя школьніки, введенные еще недавно декретомъ Максимилиана Рылла въ кругъ монастырской жизни и тѣсно съ нею связанные, теперь составляли изъ себя особую въ монастырѣ школьнную общину, мало имѣвшую съ нимъ связей. Надо было регламентировать особо порядокъ занятій членовъ этой общинѣ и ихъ отдельную жизнь въ монастырѣ. Это сдѣлано въ 1801 году базиліанскимъ провинціаломъ галицкой провинції Дороѳеемъ Михальскимъ. Вотъ какія правила опредѣляли жизнь братьевъ школьнниковъ и отношенія ихъ къ монастырю:

- 1) Ксендзъ закристіанъ наблюдаетъ, чтобы каждый день звонили на возстаніе отъ сна въ четвертомъ часу.
- 2) Братія школьніки тотчасъ-же послѣ звонка встаютъ и, одѣвшись и поправивши постель, собираются въ одну келлію.
- 3) Собравшись въ одну келлію, братія совершаютъ установленныя молитвословія, т. е. полунощницу и утреню безъ канона даже до первого часа, и притомъ такимъ образомъ, чтобы одинъ изъ нихъ читалъ вслухъ, а другіе слушали, стоя съ благоговѣніемъ и почтеніемъ.
- 4) По совершеніи такимъ образомъ утреннихъ молитвословій, немедленно идутъ въ церковь для слушанія св. литургіи, во время которой должны будутъ прочитать себѣ частнымъ образомъ часы, начавши отъ первого часа до обѣдницы включительно.
- 5) По выслушаніи св. литургіи, возвращаются въ свои келліи и тамъ въ молчаніи готовятся къ школѣ изъ предметовъ, объясненныхъ профессорами на публичныхъ лекціяхъ, изъ коихъ имѣеть быть произведено профессорами частное испытаніе въ школѣ.
- 6) По надлежащемъ приготовленіи себя къ школѣ, если останется время, читаютъ авторовъ, которые говорять о предметахъ, объясненныхъ профессорами на лекціяхъ.
- 7) Въ три четверти восьмаго всѣ вмѣстѣ выходятъ изъ монастыря на лекціи въ лицей, откуда послѣ 10 часовъ снова всѣ возвращаются въ монастырь, нигдѣ не замѣшиваясь, такъ чтобы въ одиннадцатомъ всѣ находились въ монастырѣ.
- 8) По возвращеніи своемъ

въ монастырь съ лекцій, отдохнувши четверть часа, тотчасъ при-
нимаются за чтеніе и припоминаніе себѣ предмета, объясненнаго
профессорами на только-что бывшихъ лекціяхъ, совѣщаясь между
собою о томъ, что было объяснено въ школѣ и какія были сдѣланы
профессорами прибавки или замѣчанія во время лекцій. 9) Когда па-
стуپить время обѣда, тотчасъ послѣ звонка всѣ являются въ столовую
и тамъ по старшинству вступленія своего въ орденъ садятся за
столъ, во время которого, подкрепляя тѣло пищею, мысль свою
должны обращать на слушаніе чтенія, которое всегда должно быть
предлагаемо во время стола. 10) Послѣ обѣда пользуются свой-
ственнымъ монашескому состоянію отдыхомъ, т. е. могутъ себѣ
пройтись по дѣдинцу или монастырской оградѣ въ дни ясные, въ
дни же ненастные могутъ въ это время заняться, для развлечения
мыслей, бѣганіемъ въ своихъ келліяхъ, что однако должно проис-
ходить безъ всякаго крику, безъ непріятности другому и безъ обиды
братской. 11) По истеченіи времени послѣобѣденного отдыха, при-
лежно готовятся къ школѣ до половины втораго часа, такъ чтобы
въ три четверти уже готовы были къ выходу изъ монастыря въ
лицей на публичныя лекціи, по окончаніи которыхъ должны всѣ
находиться въ монастырѣ. 12) По возвращеніи своемъ въ мона-
стырь съ публичныхъ лекцій, отдохнувъ немнога, дѣлаютъ тоже
самое, о чёмъ сказано выше, въ восьмомъ пунктѣ, и такъ до ве-
черняго времени; а если бы осталось времени отъ помянутаго вза-
имнаго совѣщанія, то могутъ или писать сочиненія, или приготов-
ляться изъ объясненныхъ предметовъ, или же читать авторовъ.
13) Во время ужина дѣлаютъ тоже самое, что и во время обѣда,
какъ сказано въ девятомъ пунктѣ. 14) Равно также и послѣ ужина
пользуются такимъ же отдыхомъ, какъ и послѣ обѣда, о чёмъ
сказано въ 10 пункте. 15) Послѣ сего отдыха всѣ вмѣстѣ соби-
раются въ одну келлію, гдѣ такимъ же порядкомъ вычитываютъ
себѣ вечерню и повечеріе, какой предписанъ выше въ третьемъ
пунктѣ для отправленія полунощницы и утрени. 16) По соверше-
ніи положенныхъ вечернихъ молитвъ, или готовятся на завтрашній
день къ школѣ, или занимаются чтеніемъ авторовъ, или же пишутъ
сочиненія по преподаннымъ предметамъ. 17) Такія ихъ вечернія
упражненія и занятія продолжаются не болѣе, какъ до девятаго,
а много до половины десятаго часу, такъ чтобы къ десяти часамъ

всѣ уже были на своихъ постеляхъ. 18) Въ дни, свободные отъ публичныхъ уроковъ, какъ-то: въ воскресенья, праздники, вторники и четверги, если будетъ хорошая погода, всѣ вмѣстѣ послѣ обѣда отправляются въ поле на рекреацію, на которой должны быть не болѣе двухъ часовъ. 19) Изъ монастыря по своимъ частнымъ дѣламъ никогда не должны выходить безъ предварительного дозволенія настоятеля, а когда получать это дозволеніе, то могутъ идти не въ одиночку, но съ назначеннымъ себѣ товарищемъ, а вышедши такимъ образомъ, должны будутъ возвратиться въ монастырь въ назначенное время и лично явиться къ мѣстному настоятелю. 20) Для облегченія живущихъ въ семъ монастырѣ отцовъ, которые во время стола имѣютъ обыкновеніе читать въ трапезѣ, должны также и братья школьніки совершать чтеніе въ той-же трапезѣ поочередно, одинъ за другимъ, по недѣлѣ; но это только во время ужина, ибо за обѣдомъ и впредь будутъ читать сами отцы. 21) Въ дни воскресные, также въ нарочитые праздники, свободные отъ публичныхъ уроковъ, должны быть въ церкви на всякомъ богослуженіи, т. е. на утрени, св. литургії поемой, на проповѣди и вечерни. 22) Черезъ одно воскресеніе въ другое, также въ нарочитые праздники Спасителя и пресв. Дѣвы, равно и въ дни святыхъ патроновъ нашего ордена, должны исповѣдываться и причащаться съ надлежащимъ приготовленіемъ и всякимъ благоговѣніемъ. 23) Опрятность въ келляхъ и въ одѣяніи должны соблюдать такъ, чтобы никто не дѣлалъ имъ замѣчанія за это. 24) Гдѣ бы ни находились, въ церкви-ли, или въ школѣ на публичныхъ лекціяхъ, или въ столовой и въ келляхъ своихъ, или-же наконецъ въ чужомъ домѣ среди мірянъ,—должны тщательно избѣгать всего того, что вообще принято называть неблаговоспитанностію, простотой и невѣжествомъ, а тѣмъ болѣе того, чѣмъ бы могло соблазнить мірянъ. 25) Каждый братъ обязанъ ежегодно произнести, въ церкви или въ трапезѣ, три проповѣди, написанныя или имъ самимъ, или другимъ, для пріученія себя къ проповѣданію Христова ученія, въ виноградникѣ котораго приготавляются трудиться. Дабы съ большимъ удобствомъ сдѣлать это, для сего они должны выбрать себѣ, во время вакаціи, время и предметъ и сообщить отцу проповѣднику, кто и когда будетъ проповѣдывать. 26) Каждое воскресеніе и каждый четвергъ съ четырехъ часовъ по полудни обязаны имѣть репетиціи изъ тѣхъ предметовъ,

которые объяснены профессорами въ теченіи недѣли. Къ репетиціямъ должны приготавляться хорошо, по очереди, одинъ за другимъ, такъ что-бы въ теченіи цѣлаго часу могъ говорить и произносить на память въ присутствіи другихъ соучениковъ своихъ, которые, сидя спокойно, внимательно должны слушать и вникать, и если бы говорящій ошибся въ чемъ нибудь, другіе должны указывать ему и поправлять".—Близайшій надзоръ за воспитанниками и точнымъ исполненіемъ приведенной инструкціи поручался старшему изъ нихъ, который назывался братъ руководитель (*ductor*). Такимъ теперь назначался братъ Максимилианъ Литынскій; ему всѣ прочіе должны подчиняться: провинившимся онъ имѣлъ право дѣлать выговоръ, а о непослушныхъ обязанъ былъ доносить настоятелю монастыря. Въ свою очередь этому послѣднему вмѣнялось въ обязанность, послѣ каждого экзамена наводить справки у профессоровъ объ успѣхахъ и поведеніи учениковъ и такія свѣдѣнія доставлять провинціалу во Львовъ. Въ заключеніе инструкціи провинціалъ-начальникъ требовалъ, чтобы братья школьніки (ихъ всего было шесть) помѣщались по два въ одной келіи и чтобы лекціи репетировались сперва каждыми двумя, а потомъ всѣми вмѣстѣ—въ теченіе часу¹⁾.

Приведенные правила опредѣляютъ лишь вѣнѣшнюю, формальную сторону жизни воспитанниковъ монастырской философской школы, не касаясь ни предметовъ, ни характера ихъ занятій; но частыя въ нихъ указанія на репетиціи и коррепетиціи указываютъ отчасти на характеръ какъ самихъ лекцій, состоявшихъ въ перифразѣ учебниковъ или замѣнявшихъ ихъ древнихъ авторовъ, такъ и приготовленій этихъ лекцій, заключавшихся въ зазубриваніи учебниковъ и авторовъ, въ большей части латинскихъ. Съ другой стороны въ правилахъ нѣтъ и намека на отношенія воспитанниковъ-уніатовъ къ новой для нихъ польской, притомъ свѣтской школѣ и то, какъ они должны себя держать въ иновѣрной и иносплеменной средѣ, чтобы не отдалаться отъ главнаго дѣла своего воспитанія. Видно, подобные вопросы не беспокоили болѣе руководителей уніатского юношества, предназначавшагося къ духовному служенію,

¹⁾) Rosporzadzenie I. X. prowincyala michalskiego, 20 сентября, 1801 года—въ бумагахъ замоцьского монастыря.

порѣшившихъ уже, что и въ уніатствѣ и въ латинствѣ одна вѣра, одинъ Богъ и одинъ наїсвятѣйшій отецъ въ Римѣ. Въ правилахъ находимъ одно лишь характерное предостереженіе для воспитанниковъ монастырскихъ, попадающихъ теперь въ свѣтскую школу, именно чтобы въ ихъ поведеніи не допускалось ничего такого, что отзывалось - бы неблаговоспитанностю. Оо. базиліане опасались только, чтобы ихъ воспитанники не сконфузили себя предъ шляхетными учениками лицея; опасенія-же за окончательную утрату своей вѣроисповѣдной и національной особенности и на умъ имъ не всходили. Такъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ продолжали жить монашество замѣстъскаго монастыря и во всей перепискѣ онаго мы не встрѣтили ни одного указанія на какое-либо стремленіе ихъ къ обособленности отъ польско-католическаго міра: напротивъ, во всемъ видится быстрая ихъ съ нимъ ассимиляція, а поверхъ не труднаго механическаго исполненія обязанностей по совершенію богослуженія и требъ въ приходѣ, нескончаемыя мелочныя хлопоты о материальныхъ интересахъ и нуждахъ монастыря.

V.

Во время наполеоновскихъ войнъ нынѣшняя Холмщина испытывала различные превратности. Разгромивъ Пруссію подъ Іеною, Наполеонъ, по тильзитскому трактату 1807 года, передалъ Россіи бѣлостокскую область, а изъ частей Польши, инкорпорированныхъ Пруссіею по двумъ послѣднимъ раздѣламъ, образовалъ маленькое герцогство варшавское, которымъ онъ надѣлилъ союзника своего, короля саксонскаго. Въ 1809 году герцогство сдѣлалось театромъ войны Франціи съ Австріей. Варшаву заняли австрійскія войска, между тѣмъ какъ польскія, подъ предводительствомъ князя Іосифа Понятовскаго, завоевали западную Галицию, Краковъ и Люблинъ, при чемъ сожженъ былъ и фольварокъ замѣстъскаго монастыря¹⁾). По вѣнскому конгрессу 1815 года и по особому трактату съ Австріей и Пруссіей, возвращена Пруссіи часть герцогства варшав-

¹⁾ О сожжении фольварка см. «Konsygnacyja szkody spalonego folwarku XX. Bazylianow zamoyskich na przedmesciu Hrubieszowskim w czasie dobywania fortecy die 19 maja 1809 roku — въ бумагахъ замѣстъскаго монастыря».

скаго, Австрі—часть Галиці, а остальное герцогство варшавское досталось Россіи и преобразовано было въ конгрессовое Царство Польское съ двухъ-палатнымъ сеймомъ.

Что же касается базиліанскихъ монастырей герцогства варшавского и Царства Польского, то они, находясь подъ верховнымъ управлениемъ холмскаго уніатскаго епископа, составили въ 1810 г. въ Холмѣ провинціальную капитулу, почти одновременно съ почаевской капитулой волынскихъ базиліанъ, и образовали изъ себя особую базиліанскую провинцію, подъ титуломъ Рождества пресв. Дѣвы Маріи, управляемую своимъ визитаторомъ или провинціаломъ, который выбирался на провинціальныхъ капитулахъ на четыре года. Эта провинція состояла изъ слѣдующихъ базиліанскихъ монастырей: варшавскаго, холмскаго, люблінскаго, бѣльскаго и замостьскаго. Такимъ образомъ всего было только пять монастырей, изъ которыхъ нужно было выбирать провинціала или визитатора, одного протоконсультора, трехъ консульторовъ и одного секретаря, да нужны были и избиратели. Поэтому всѣ почти наличные базиліане провинціи Царства Польского привлекались къ участію въ провинціальныхъ капитулахъ и выборахъ на должности.

Капитулы, созываемыя провинціаломъ, открывались подъ предсѣдательствомъ холмскаго епископа, который, по избраніи новаго провинціала, уступалъ ему предсѣдательское мѣсто при дальнѣйшихъ занятіяхъ капитулы. Капитулы занимались выборами должностныхъ лицъ провинціи и устройствомъ внутреннихъ дѣлъ провинціи и отдѣльныхъ монастырей. Со времени образования герцогства варшавскаго, намъ извѣстны слѣдующія капитулы, происходившія въ Холмѣ: 1810 года; 3 октября 1814 г.; 21 и 22 ноября 1818 г.; 1825 г.; 1829 г.; 21 сентября 1833 г.; ^{12/21} сентября 1838 г. Провинціалами или визитаторами за это время были слѣдующія лица: Фелиціанъ Шумборскій 1814—1818 г.; Вицентій Сѣдлецкій 1818—1824 г.; Янъ Биллевичъ, викарій, по нареченіи Сѣдлецкаго холмскимъ суффраганомъ, 1824—1825 г.; Исидоръ Яміолковскій 1825—1834 г.; Василій Калиновичъ 1834—1838 г.; Янъ Биллевичъ 1838—1844 г.

Кромѣ выбора должностныхъ лицъ провинціи, на капитулахъ базиліане занимались дѣлами по внутреннему устройству провинціи въ духовно-нравственномъ и экономическомъ отношеніяхъ. Особенно

замѣчалась между монахами распущенность нравовъ, противъ которой издано нѣсколько постановлений на капитулахъ 1814 и 1818 годовъ и на консультѣ 1815 года. Этими постановленіями предо-ставлялось настоятелямъ право употреблять, по отношенію къ неис-правимымъ монахамъ, тяжелыя и унизительныя наказанія, какъ снятіе монашеской одежды, облаченіе въ сукманъ (сермягу) и на-значеніе на работу: услуженіе при кухнѣ, рубку дровъ и т. п., но каждый разъ съ разрѣшеніемъ провинціала¹⁾). Мы не имѣемъ пол-ныхъ постановлений этихъ капитуль, но въ разновременныхъ рас-поряженіяхъ провинціаловъ находимъ характерныя указанія на то, какого рода мѣры употреблялись противъ неисправимыхъ монаховъ. Такихъ двухъ монаховъ нашелъ въ замостской обители въ 1815 году визитаторъ Шумборскій, именно—Феофил Гарашковскаго и Модеста Делавскаго. Первый изъ нихъ, по словамъ визитатора, до того дошелъ, „что на него уже почти не дѣйствуютъ братскія вра-зумленія и наказанія, которымъ онъ подвергался, поелику пьянство до того взяло верхъ надъ нимъ, что, безъ стыда таскаясь по го-роду, произвѣль соблазны, въ монастырѣ совершилъ безчисленные проступки; на него и женскій полъ жаловался настоятелю за не-приличное обращеніе, соблазны и безстыдные поступки; у него ни-кто изъ служащихъ монастырскихъ и собратій не избѣжалъ ссоры и худаго обращенія; другой, Модестъ, ночною порою тайкомъ вы-ходитъ изъ монастыря и гдѣ-то проводить ночное время въ рас-путствѣ“. Относительно обоихъ визитаторъ оставилъ такое распо-ряженіе мѣстному настоятелю, послѣ первого усмотрѣнія съ ихъ стороны подобныхъ безчиній: 1) снять съ нихъ монашескую одежду и надѣть на нихъ простой сукманъ; 2) воспретивъ всякое священ-нодѣйствіе, заставить исполнять работу кухоннаго сторожа, рубить топоромъ дрова, убирать кухонную посуду и вообще дѣлать все то, что ему прикажутъ; 3) не освобождать ихъ при этомъ отъ утренняго и вечерняго молитвословій, но держать ихъ въ это время вдали отъ хора и братій; 4) первого изъ нихъ въ пятокъ подвергнуть изъ чужой руки дисциплинѣ въ теченіи всего псалма *Поми-луй мя Боже* и весь тотъ день оставить на сухомъ хлѣбѣ; 5) при

¹⁾ Посланіе провинціала Сѣдлецкаго, 29 ноября, 1818 года, въ бумагахъ замостского монастыря.

изъявленіи покорности и искренняго раскаянія, позволить ему въ томъ-же самомъ одѣяніи просить прощенія и цѣловать ноги у всей братіи, въ столовой, и тогда возложить на него габитъ (рясу); 6) съ этого времени позволить ему бывать въ хорѣ и въ столовой вмѣстѣ со всѣми, но разрѣшеніе священнодѣйствій отложить до такого времени, до какого настоятель сочтетъ нужнымъ¹⁾).

Изъ помѣщенной въ февральской книжкѣ „Кievskoj Stariны“ лѣтописи катановскаго базиліанскаго монастыря въ Подолії мы знаемъ, что практиковался и болѣе суровый способъ предупрежденія и пресеченія преступленій со стороны неисправимыхъ монаховъ-базиліановъ, именно—погребеніе ихъ заживо, или заключеніе до смерти въ каменную клѣтку, съ совершеніемъ и чина погребенія; но теперь не видимъ уже такой мѣры и безнадежно испорченные братья, дабы они не заражали собою другихъ, изгонялись вовсе изъ базиліанскаго общества, иногда съ предоставленіемъ изгоняемому права вступить въ другой болѣе строгій, конечно, католическій орденъ, иногда-же и вовсе безъ этого права. Такъ, изгнанъ былъ въ 1839 году изъ базиліанскаго общества иподиаконъ Анастасій Трояновскій за то, что замѣченъ былъ въ прелюбодѣяніи, пытался вытравить плодъ у одной женщины, дерзко обращался съ настоятелемъ, проматывалъ чужія вещи, давалъ ложную присягу и проч. Трояновскій отличался худою нравственностью еще въ то время, когда учился въ Варшавѣ²⁾). Вообще упадокъ нравственности въ оставшихся еще базиліанахъ былъ такъ силенъ, что самые настоятели монастырей не всегда были свободны отъ пороковъ, за которые такъ сурово должны были казнить подчиненную имъ братію, и ихъ теперешнему провинціалу, согласно предписаніямъ конституцій, предоставлялось право удалять отъ должности всякаго игумена, если онъ служитъ соблазномъ для своихъ подчиненныхъ³⁾). Сравнивая жизнь русско-уніатскаго монашества, искашаго въ католическомъ мірѣ высшаго для себя идеала, съ жизнью православнаго нашего монашества за одинъ и тотъ-же періодъ времени, ни-

¹⁾) Циркуляръ визитатора Шумборскаго, 31 января, 1815 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

²⁾) Протоколъ ^{10/22} іюня, 1839 года, тамъ же.

³⁾) Актъ холмской провинціальной капитулы 1838 года, тамъ же.

какъ нельзя сказать, чтобы на сторонѣ первого было какое-либо преимущество, кромѣ нѣкоторой доли образованія и внѣшней по-лировки.

Положительная сторона отшельнической жизни, какъ она была разработана здѣсь цѣлымъ рядомъ конгрегаций и ихъ нерѣдко скру-пулезныхъ постановленій и правилъ, не представляеть также никакихъ возвышенныхъ идеальныхъ стремленій. Всѣ эти многочис-ленія конституціи въ базиліанствѣ регламентируютъ только ор-ганизацію общины и внѣшнюю сторону жизни ея членовъ, оставляя въ сторонѣ ея сущность, духъ, высшія, конечныя цѣли. Индиви-дуальная жизнь базиліановъ не выработала за все время существова-нія ордена ни одного типа подвижника; самое понятіе о подвиж-ничествѣ было ими заброшено, какъ на это указывалъ еще знаме-нитый авторъ Альбуса. Не міръ стремился къ нимъ, но они искали міра и его телятъ, барановъ и гусей... Въ чемъ вся жизнь ихъ прошла? Въ нескончаемыхъ хлопотахъ организоваться на манеръ католическихъ орденовъ... Чего достигли они чрезъ это? Потери своей вѣры и народности. Все время трудились они для цѣлей внѣшнихъ, постороннихъ и ничего не выработали для себя. По-слѣднія правила монастырской базиліанской жизни, выработанныя послѣ всѣхъ религіозныхъ расприй и политическихъ переворотовъ, когда ограниченная въ средствѣ и числѣ холмско-базиліанская об-щина мирно доживала свой вѣкъ подъ скипетромъ Россіи, крайне безцвѣтны, безжизненны и представляютъ значительное уклоненіе отъ древняго типа монашества. Эти правила мы находимъ въ цир-кулярныхъ распоряженіяхъ базиліанскихъ провинціаловъ, относя-щихся къ 1819, 1839 и 1842 годамъ. Сводя всѣ эти правила, мы можемъ представить себѣ послѣднюю по времени жизнь уніатскаго монашества въ слѣдующемъ видѣ и положеніи. Монашествующая братія, кромѣ времени литургіи, должна была находиться въ пол-номъ сборѣ утромъ и вечеромъ, для общей молитвы. Вставать ут-ромъ полагалось въ пять часовъ, въ хорѣ быть—въ половинѣ шестаго; часы отправлялись въ десять часовъ, вечерня—въ три. Предъ за-утреней читалась полунощница, какая слѣдуетъ, т. е. во всѣ дни вседневная, въ субботу субботняя, а въ воскресенье троичень канонъ. Предъ заутреней и послѣ вечерни требовалось читать другія положенія молитвословія, но чтеніе ихъ представлялось произво-

дить каждому брату про себя. Сверхъ того настоятель долженъ былъ раздавать братіи книжки нравоучительныя, которыми бы они занимались, находясь въ келліи, для пользы духовной и предостереженія себя отъ праздности, которая,—замѣчалось въ циркулярахъ, —служитъ началомъ пьянства и всякаго зла. Ни одинъ священникъ-монахъ не освобождался отъ общей молитвы; но игуменъ могъ выходить, по окончанію псалмовъ, для хозяйственныхъ распоряженій, а всякий другой только съ его вѣдома. Проповѣдники праздничный и воскресный пользовались льготой настоятеля. Викарій, онъ-же и ксендзъ-регентъ, или по нашему уставщикъ, завѣдывающій хоромъ и вмѣстѣ новиціатомъ, если таковой находился при монастырѣ, обязанъ былъ ежедневно быть въ церкви и одна только болѣзнь могла освободить его отъ того. Столъ имѣли братія всегда въ определенное время—обѣдъ въ двѣнадцать, ужинъ въ шесть часовъ, по знаку колокольчика. Кушанья, замѣчается въ циркулярахъ, должны быть здоровыя,—безъ скудости, но и безъ большаго менажу. На заботливость настоятеля возлагалось, чтобы братія имѣли пиво по крайней мѣрѣ зимою и во время поста. Росписаніе блюдъ, „по силѣ возможности монастыря“, полагалось слѣдующее: „*въ воскресенье на обѣдъ: супъ, кусокъ мяса, овощи или пирожное*“ (*legomina*), а если сможетъ монастырь, то и жаркое; на ужинъ—крупничекъ и картофель или клюски, но непремѣнно два блюда; *въ понедѣльникъ*—борщъ со свининой или съ чѣмъ прикажетъ игуменъ, какое нибудь пирожное, вместо овощей, или квашеная капуста; ужинъ—крупничекъ и картофель; *въ вторникъ*—капустнякъ, кусокъ мяса и какая нибудь каша; на ужинъ—бульонъ съ кускомъ мяса, пирожное или картофель; *въ среду*—журъ или борщъ, каша съ олеемъ и горохъ съ уксусомъ, *въ четвергъ*—супъ, кусокъ мяса, овощи съ приправой или пирожное, вечеромъ—затирка и картофель; *въ пятницу* борщъ, заправленный олеемъ или журъ, жаркое съ горохомъ, поджареннымъ на олѣѣ, олатки на капустѣ; *въ субботу*—крупникъ съ мясомъ, каша съ солониной, а третье по усмотрѣнію настоятеля. Вообще кушанья требовалось мѣнять, по усмотрѣнію и волѣ настоятеля, но такъ, чтобы никто изъ братіи не былъ голоденъ. Для священниковъ, говорится въ циркулярахъ, нѣть завтрака, потому имъ слѣдуетъ, по обычаю, рюмка водки. Поочередное чтеніе братію св. писанія, правилъ св. Василія Великаго и житій святыхъ Господнихъ за

обѣдомъ и ужиномъ составляло необходимую принадлежность стола. Ошибки чтеца въ столовой могъ поправлять только игуменъ, а если бы его не было на лицо, то заступающій его мѣсто. Особое правило обѣтъ этомъ указываетъ на то, что въ это время ослабѣло уже въ братіи умѣніе читать пославянски. Никто изъ братіи не долженъ былъ вставать и выходить изъ столовой до окончанія обѣда или ужина, безъ позволенія настоятеля, какъ никто не могъ брать къ себѣ въ келію обѣда или ужина; взятое подлежало отбору, а виновный—наказанію. Безъ нужды и позволенія настоятеля, монахи не должны никуда выходить за фортуку, подъ опасеніемъ взысканія, а вышедшій съ разрѣшенія настоятеля по возвращеніи долженъ явиться къ нему. Никто также не долженъ былъ выходить на прогулку послѣ положенного времени. Всѣмъ хозяйствомъ завѣдывалъ, распоряжался настоятель и потому онъ освобождался отъ требованія, которое возлагалось на викарія и проповѣдника.

Вся эта регламентація монашеской жизни не представляетъ ничего особенного, кромѣ нѣкоторыхъ льготъ и довольно сытнаго стола. Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что эти правила довольно общаго характера оставались въ большей части на бумагѣ, а жизнь монаховъ среди міра шла за міромъ и временемъ. Указанія на это находимъ въ нѣкоторыхъ специальныхъ правилахъ тѣхъ-же циркуляровъ, какъ напр. въ запрещеніи „отсель монахамъ быть въ театрахъ и на публичныхъ зрѣлищахъ“, заниматься политическими вопросами, писать письма къ властямъ, безъ вѣдома настоятеля, ходить въ церковь и на требы въ капотахъ (сюртукахъ); поднимать ропотъ противъ настоятеля, производить наговоры другъ на друга, сбѣять роздоры и взаимныя несогласія.

Изъ документовъ этого времени видимъ, что базиліанская община Царства Польскаго, состоявшая изъ пяти монастырей, продолжала содержать новиціатъ для пополненія своего состава и воспитанія поступающаго въ монахи юношества. Одно время этотъ новиціатъ находился въ варшавскомъ базиліанскомъ монастырѣ, на Медовой улицѣ. Подчиняясь болѣе или менѣе монашескимъ правиламъ, новиціи или новички въ монашеской жизни имѣли и свою особую организацію. Ими завѣдывалъ и руководилъ помощникъ настоятеля или викарій, носившій поэтому название магистра новиціата. Ему помогалъ въ завѣдываніи одинъ изъ братіи, по

назначенію настоятеля, съ именемъ вице-магистра. Новиці, безъ вѣдома магистра, не могли никуда выходить и ни одному изъ отпевъ дѣлать услуги; самъ настоятель могъ распорядиться новиціемъ лишь съ вѣдома магистра. Новиціи должны были прислуживать при каждой литургії, и магистръ обязанъ былъ слѣдить за тѣмъ, чтобы они вели себя при алтарѣ надлежащимъ образомъ; онъ же назначалъ ихъ къ сакристії (ризницѣ), чтобы въ ней соблюдались были всякой порядокъ. Новиціи прислуживали также въ столовой, при недостаткѣ хлопщевъ, съ помощью ихъ исполнялось въ ней установленное чтеніе. Одинъ изъ новиціевъ назначался трапезнымъ и съ него взыскивались порчи и убытки по столовой. Въ лѣтнее время новиціи привлекались къ занятіямъ въ огородѣ (но не къ тяжелой работѣ), напримѣръ полотью грядъ, поливанью всходовъ и истребленію червей. Вообще назначеніе ихъ было чисто служебное и нѣсколько страдательное. Ни на какое дѣйствительное подготовленіе ихъ къ монашеству указаній не находимъ въ постановленіяхъ о нихъ¹⁾.

Матеріальные средства возвращенныхъ Россіи базиліанскихъ монастырей были въ слѣдующемъ положеніи. Въ 1824 году варшавскій монастырь и онуфріевское при немъ братство имѣли ежегодного доходу 2825 золотыхъ и 6 грошей, люблинскій 1565 золотыхъ, бѣльскій 5574 золотыхъ и 12 грошей и замоѣскій 2490 золотыхъ, кромѣ земельныхъ участковъ и зданій, занимаемыхъ самими монахами²⁾). Въ послѣдствіи времени фундушевыя суммы базиліанскихъ монастырей взяты были въ государственный польскій банкъ, который и выдавалъ монастырямъ съ этихъ суммъ назначенный жертвователями процентъ³⁾). Сверхъ того, около 1833 года ксендзъ Кудревичъ пожертвовалъ на холмскую епархіальную семинарію 1000 золотыхъ и на монастыри холмскій, замоѣскій и люблинскій по 1000 золотыхъ⁴⁾.

¹⁾) Распоряженіе провинціала 1/13 марта, 1842 г., въ бумагахъ замоѣскаго монастыря.

²⁾) Wykaz prosty wszystkich summ klasztorow warszawskiego, lubelskiego, bialskiego y zamoyskiego, 1824 г., тамъ же.

³⁾) Wykaz summ klastoru zamoyskiego, 1823 г., тамъ же.

⁴⁾) Актъ холмской капитулы 1833 г., тамъ же.

На эти средства содержалось въ перечисленныхъ монастыряхъ самое незначительное число монаховъ; да и сами настоятели старались поменьше имѣть подчиненныхъ себѣ монаховъ, чтобы меньше тратиться на нихъ и больше получать самимъ себѣ. Въ 1823 году въ замостьскомъ монастырѣ было только двое монашествующихъ лицъ—игуменъ и его помощникъ, на которыхъ работали по монастырю: парубокъ, девъ господыни, девка, пастухъ и три хлопца ¹⁾). Въ 1844 году въ люблинскомъ монастырѣ жилъ одинъ только настоятель его Байкевичъ, хотя монастырь могъ содержать и другихъ монаховъ ²⁾). Визиты или ревизіи монастырей производились очень рѣдко и настоятели монастырей, стоявшіе сами во главѣ провинціального управления, безконтрольно и безбоязненно распоряжались церковнымъ имуществомъ и, перемѣщаясь въ другіе монастыри, брали съ собой изъ прежняго монастыря то, что хотѣли.

Замостьскій монастырь, коего бумагами мы пользуемся, не представлялъ, конечно, исключенія изъ общаго правила. Весьма мало имѣемъ мы свѣдѣній о внутренней жизни его за это время, но и самая эта жизнь едва-ли представляла что нибудь особенное, протекая однообразно и монотонно въ житейскихъ попеченіяхъ и изрѣдка озnamеновываясь какимъ либо крупнымъ монашескимъ скандаломъ. Опредѣленныя свѣдѣнія по исторіи замостьскаго монастыря за послѣднее время сохранились лишь обѣ именахъ и времени управления его настоятелей. Изъ нихъ намъ известны за это время: Германъ Ламбовскій, упоминаемый 1809 года; Самуилъ Громовичъ, упоминаемый 1823 года; Янъ Биллевичъ 1825—1829 г.; Иосафатъ Байкевичъ 1829—1833 г.; Никаноръ Краевскій 1833—1838 г.; Самуилъ Громовичъ 1838—9 г.; Иосафатъ Байкевичъ 1839—1842 г.; Исидоръ Бандзеревичъ 1842—1847 г.; и Пелагій Ржевусскій, упом. 1855 г. Отмѣтимъ нѣкоторые известные намъ факты изъ времени управления этихъ настоятелей. Въ 1828 году, при игуменѣ Биллевичѣ, произведена визита или ревизія церкви замостьскаго монастыря, послѣ чего не было ревизіи до 1842 года. Во время насто-

¹⁾ Wykaz summ klastoru zamoyskiego, 1823 года..

²⁾ Письмо настоятеля холмскаго монастыря Крашкевича къ провинціалу Биллевичу отъ 20 марта, 1844 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

ятельства Громовича, въ 1839 году взять былъ провинціаломъ изъ замостьскаго монастыря одинъ колоколъ, безъ вѣдома декана и братства, и переданъ бѣльскому монастырю. Во время настоятельства Байкевича пропало много вещей изъ монастырскаго хозяйства и церковной утвари¹). При томъ-же Байкевичѣ совершенно почти заброшенъ былъ лабунскій приходъ, завѣдываемый замостьскимъ монастыремъ. Вслѣдствіе этого провинціалъ Биллевичъ 11 января, 1839 года, сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: „къ церкви лабунской, по крайней мѣрѣ, черезъ двѣ недѣли въ третью побѣхать, и такъ нужно распорядиться, чтобы тотъ пародъ, который ходить на богослуженіе въ латинскіе костелы, пріѣздомъ священника въ субботу вечеромъ былъ предувѣдомленъ, что на слѣдующій день богослуженіе будетъ совершаться въ ихъ церкви, согласно съ ихъ исповѣданіемъ“²). Допускай уніатовъ ходить въ католическіе костелы, тотъ-же Байкевичъ позаботился въ 1840 году починить для замостьскаго монастыря старый церковный органъ³).

Въ любой католической странѣ подобные бѣдные и ничтожные по численности монаховъ монастыри давно бы были бы уничтожены въ силу папскихъ постановленій, допускающихъ существованіе такихъ только монастырей, которые имѣютъ фундушъ, достаточный для содержанія восьми, по крайней мѣрѣ, монаховъ, принося притомъ какую либо общественную пользу. Но промежуточное положеніе холмскихъ уніатскихъ монастырей между католичествомъ и православіемъ, между русскимъ владычествомъ и фактическию самостоятельностію царства польскаго, продолжило ихъ предсмертную агонію до конца послѣдняго польскаго повстанія. Всеобщее возвращеніе уніатовъ къ православной церкви въ Литвѣ и на Волыни въ 1839 году не коснулось уніатовъ и базиліанъ бывшаго царства польскаго именно по тому самому, что они числились въ предѣлахъ Польши, закрывались ея фактическою самостоятельностію

¹) Визита церкви приходской замойской, 1823 года, тамъ же; въ концѣ визиты приписана замѣтка ксендза Шмилевскаго, производившаго ревизію въ 1842 году.

²) Въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

³) Условіе о починкѣ органа, 30 марта, 1840 г., тамъ же.

и не имѣли никакихъ связей съ литовско-русской униатской епархіей и церковію. Напротивъ, униаты царства и литовские шли своими противоположными дорогами. Тогда какъ въ Литвѣ и на Волыни митрополитъ Лисовскій, луцкій епископъ Кохановичъ, митрополитъ Іосифъ Сѣмашко съ ближайшими своими сотрудниками и другіе исподволь очищали униатскій обрядъ отъ католическихъ нововведеній и приближали его къ обряду восточной церкви,—униаты царства польского, наоборотъ, все болѣе и болѣе уклонялись въ латинскую сторону и сближались съ римско-католиками, среди которыхъ жили. Это отчасти можно видѣть даже и изъ тѣхъ немногихъ визитъ или ревизій имущества замостьскаго монастыря, какія мы имѣемъ подъ руками. Такъ напр. въ визитахъ 1732 и 1752 года почти исключительно перечисляются принадлежности православного богослуженія и книги, изданныя православными во Львовѣ, Вильнѣ и Кіевѣ и между ними сочиненія Кирилла Транквилліона, Лазаря Барановича и другихъ православныхъ писателей. Но въ визитѣ 1828 года эти книги уже не числятся и вновь являются такие предметы, какъ напр. конфесіональ, боковые олтарики, реликвіарь, органъ и тому подобныя принадлежности богослуженія въ католическомъ духѣ¹⁾). Послѣ присоединенія литовскихъ униатовъ къ православію, провинціаль базиліанской провинції въ царствѣ польскомъ Биллевичъ совѣтуетъ только, какъ мы видѣли выше, подчиненнымъ ему монахамъ не заниматься обсужденіемъ политическихъ дѣлъ Россіи, не оскорблять императора и быть ему вѣрными, а замостьскій настоятель Байкевичъ заботится о починкѣ старого органа для своего монастыря.

Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ болѣе базиліане вообще, а холмскіе и замостьскіе въ частности, уподоблялись во всемъ (отъ помышленій до одѣжды и языка) польско-католическимъ монахамъ различныхъ наименованій. Все внутреннее убранство ихъ храмовъ, вся внѣшняя сторона ихъ богослуженія напоминали католические костелы, и только уцѣлѣвшіе въ Холмѣ и Замостьѣ иконостасы, да славянскій языкъ, книги на которомъ съ трудомъ разбирали базиліане послѣднихъ годовъ, говорили о сродствѣ ихъ съ церковію

1) Визиты эти—въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

восточную. Странная историческая роль ихъ была окончена: о по-всемѣстномъ нѣкогда въ Холмщинѣ православіи не осталось и преданія; самая унія руками этихъ-же ея представителей, а больше ихъ небрежностю, была въ такой степени подавлена, что изъ трехъ приходовъ, принадлежавшихъ монастырю замостскому, къ 60-мъ годамъ нынѣшняго столѣтія не осталось и десятка прихожанъ, а въ окрестностяхъ Холма и самомъ Холмѣ лишь не многія сотни сплошного нѣкогда русскаго населенія остались вѣрными уніи, смутино однако понимая отличіе ея отъ царившаго уже всюду католичества. Продолжать дальнѣйшее сліяніе уніатовъ съ католическою церковь было уже прямымъ дѣломъ католическихъ монаховъ и ксендзовъ и оо. базиліанамъ дѣлать было уже совсѣмъ нечего. Они являлись слѣпымъ и жалкимъ орудіемъ католицизма въ его исключительно интересахъ. Подкаپываясь съ ревностію, достойною лучшей участіи, подъ православіе, они вмѣсть съ тѣмъ вырыли и для себя ровъ и въ одной ямѣ похоронили и вѣру и народность и свою собственную самостоятельность. Предъ началомъ возстанія и въ самое возстаніе монахи базиліане были самыми ярыми его сторонниками и противниками Россіи.

Въ такихъ обстоятельствахъ застигъ ихъ Высочайший указъ 1864 г., которымъ положенъ былъ конецъ жалкому существованію всѣхъ уніатскихъ и множества католическихъ монастырей Царства Польскаго, на точномъ основаніи папскихъ буллъ, какъ не имѣющихъ опредѣленнаго числа монаховъ. Холмскій монастырь, ставъ только каѳедральнымъ соборомъ, сохранивъ нѣкоторые остатки обширнаго нѣкогда прихода; монастырь замостской обращенъ, по прежнему, въ приходскую церковь, но самый приходъ его давно уже сталъ добычей католичества.

Н. Петровъ.

Люди Старой Малороссії^{*}.

3. МИКЛАШЕВСКІЕ.

Родоначальникъ Миклашевскихъ, Михаилъ Миклашевскій, началъ службу при „дворѣ“ гетмана Многогрѣшнаго. Русскіе чиновники, посѣщавшіе въ то время Батурина, называютъ Миклашевскаго „челядникомъ“ гетмана¹); это название и указываетъ, что Миклашевскій принадлежалъ къ числу гетманскихъ „дворянъ“, которые набирались изъ разныхъ пришельцевъ, преимущественно поляковъ, для личной службы гетману, вознаграждавшему ихъ за эту службу, иногда и войсковыми урадами. Миклашевскій пользовался особыеннымъ довѣріемъ Многогрѣшнаго, у которого генеральный есаулъ Грибовичъ, нѣжинскій полковникъ Гвяитовка и Миклашевскій были главными совѣтниками²). Въ концѣ 1671 г. пронесся въ Батурина слухъ, что царь задумалъ смѣнить Многогрѣшнаго и назначить на мѣсто его Константина Соловину, кіевскаго полковника. Встревоженный гетманъ послалъ Миклашевскаго въ Козелецъ (полковой городъ кіевскаго полка) съ приказаниемъ схватить тамъ брата Константина — Якова, сковать его и привезти въ Батурина, чтобы здѣсь дознать отъ него, насколько вѣрны слухи о гетманствѣ его брата. Миклашевскій порученіе это исполнилъ и былъ награжденъ маєтностью: въ декабрѣ 1671 г. гетманъ далъ ему глуховское село Зазирки. А въ началѣ слѣдующаго года Многогрѣшный отправилъ Грибовича съ Миклашевскимъ въ Москву — разузнать, какъ тамъ на него смотрятъ и не думаютъ ли вправду смѣнить. Возвращаясь въ

^{*}) См. ген. и март. книжки „Кіев. Стары“.

¹⁾ Акты ю.-з. Россіи, IX, 643.

²⁾ Тамъ-же, 677.

мартѣ изъ Москвы, Грибовичъ и Миклашевскій встрѣтили своего патрона въ Сѣверскѣ, куда привезли его скованнаго Мокріевичъ съ Рославцомъ. Многогрѣшнаго повезли дальше, въ Москву, а Миклашевскому сказали—возвращаться въ Батурина¹⁾). На мѣсто Многогрѣшнаго былъ выбранъ Самойловичъ и Миклашевскій нашелъ въ немъ новаго патрона, отъ которого получилъ первый войсковой урядъ—нѣжинское есаульство. Въ актѣ 1681 г. читаемъ: „я, Павелъ Рѣзникъ, обыватель глуховскій, чиню вѣдомо, ижемъ зосталъ виноватъ урожоному его мил. п. Михайлу Миклашевскому, асаулови полку вѣжинскаго, суммы, грошей готовыхъ 50 золотыхъ (10 р.) сполна, которое суммы не мающи чимъ отдать, отдаю ему комору мою въ мѣстѣ Глуховѣ“. Черезъ годъ, въ 1682 г., Миклашевскій былъ уже генеральнымъ хорунжимъ, а съ 1683 г.—генеральнымъ есауломъ; послѣдній урядъ Миклашевскій сохранилъ и при Мазепѣ. Новый гетманъ, желая привлечь старшину на свою сторону и зналъ, что лучшій для этого способъ былъ въ надѣленіи старшины маєтностями, не скучился раздачею послѣднихъ; такимъ образомъ даны были маєтности и Миклашевскому: въ 1687 г. Мазепа далъ ему с. Кочерги, а въ слѣдующемъ—с. Волоитинъ, оба въ глуховской сотнѣ. Миклашевскій настолько разбогатѣлъ, что и самъ сталъ скупать грунтѣ, преимущественно въ Глуховѣ и окрестъ. Но въ будущемъ Миклашевскаго ждали еще большія богатства: въ 1690 г. Мазепа далъ ему стародубское полковничество. Миклашевскій лично не пользовался особыннымъ значеніемъ у Мазепы, который изъ своей старшины цѣнилъ лишь тѣхъ, за кѣмъ была известность въ народѣ; Миклашевскій же былъ человѣкъ пришлый, не имѣвшій въ Малороссіи родни. Но за Миклашевскаго стояли его свойственники—черниговскій полковникъ Яковъ Лизогубъ и генеральный есаулъ Андрей Гамалѣя; внукъ первого и сынъ послѣдняго были затѣями Миклашевскаго. Нѣтъ сомнѣнія, что по престательству этихъ сватовъ, которые оба пользовались у Мазепы большими значеніемъ, Миклашевскій и получилъ одинъ изъ лучшихъ урядовъ въ тогдашней Малороссіи.

Стародубскій полкъ, заключавшій въ себѣ пять сѣверныхъ уѣздовъ теперешней черниговской губерніи, считался тогда однимъ изъ богатѣйшихъ полковъ, такъ какъ это былъ центръ тогдашней торговли и промышленности въ Малороссіи; стародуб-

¹⁾ Акты ю.-з. Россіи, IX, 684—85.

скій полкъ велъ обширную пеньковую торговлю съ Ригою, а изъ промысловъ здѣсь особенно были развиты—поташное производство, слѣды котораго и теперь остались въ названіи значительнаго количества поселеній „будами“; остались здѣсь и „Рудни“, гдѣ нѣкогда выдѣлывалось желѣзо. Кроме того въ концѣ XVII в. Стародубщина заключала въ себѣ еще много пустырей, лѣсныхъ и прорѣчныхъ, очень удобныхъ для поселенія новыхъ слободъ, которая въ этой мѣстности продолжали садиться и въ первой половинѣ XVIII в. Въ такомъ полку полковнику представлялись громадныя выгоды: онъ садилъ новые слободы, устраивалъ „бузы“, велъ торговлю поташомъ и—богатѣль. Такъ дѣлали и Миклашевскій, который за пятнадцатилѣтнее управление свое стародубскимъ полкомъ, нажилъ громадныя богатства. Первые маестности въ стародубскомъ полку Миклашевскій получилъ уже въ 1691 г.; по универсалу 21 мая Мазепа далъ ему с. Каменныя Озера, въ сотнѣ новгородской, да село Нижнее, да утвердилъ за нимъ пріобрѣтенные самимъ Миклашевскимъ четыре мельницы на рѣчкахъ Титвѣ, Росукѣ и Ваблѣ, „соблюдая“ при немъ и „войсковую часть размѣровыхъ пожитковъ, на него, гетмана, належащихъ“. Черезъ два года, въ 1693 г., Миклашевскій полу-
чилъ еще два села: въ юлѣ—с. Воргонь, а въ ноябрѣ—с. Поноровку; „доносить ему, гетману, онъ, Миклашевскій, что домъ его въ домовыхъ потребахъ и во всегдашихъ для принятія людей расходахъ не можетъ быти удовольствованъ; и для того просилъ себѣ такого его гетманского призрѣнія, чтобы онъ с. Поноровку, въ уѣздѣ бакланскомъ, во владѣніе ему придалъ; и онъ, гетманъ, склоняясь на прошеніе его, то село Поноровку изъ своего владѣнія, для вспоможенія домовыхъ его потребъ, ему, Михайлу, отдалъ“.

Миклашевскій правилъ полкомъ и богатѣль до 1704 г.; въ этомъ году онъ былъ лишенъ уряда. Еще въ апрѣлѣ 1703 года Мазепа жаловался царю на Миклашевскаго, что онъ ведеть какую-то тайную переписку съ поляками; а въ слѣдующемъ году Мазепа, стараясь показать царю, что онъ окруженъ людьми сомнительной „вѣриности“, указалъ при этомъ снова на Миклашевскаго ¹⁾), котораго на этотъ разъ и лишилъ уряда. Нѣть сомнѣнія, что подозрѣніе, взведенное гетманомъ на полковника, было выдуманное: не таково было положеніе Миклашевскаго, и се-

¹⁾ Бантышъ-Каменскій, изд. 1830 г., III, 43.

мейное, и экономическое, чтобы онъ могъ думать о какой нибудь „невѣрности“; вѣрнѣе, что Мазепа просто завидовалъ богатству стародубского полковника и хотѣлъ этотъ урядъ отдать кому-нибудь другому, болѣе близкому себѣ человѣку. Вмѣстѣ съ лишенiemъ полковничаго уряда Миклашевскому грозило и лишеніе многихъ маєтностей, которая онъ успѣлъ пріобрѣсти, но не успѣлъ закрѣпить царскою грамотою. Нужно было выхлопотать у гетмана универсалъ, который-бы подтвердилъ ему всѣ наложены имѣнія. Миклашевскій зналъ, какъ подойти къ Мазепѣ: гетманъ въ это время стоялъ съ войсками въ Польшѣ, подъ Любартомъ; Миклашевскій отвезъ ему туда „наметъ“ (палатку) въ 100 талеровъ¹⁾ и получилъ въ августѣ того-же года универсалъ, по которому оставлены были за Миклашевскимъ всѣ пріобрѣтенныя имъ въ Стародубчинѣ маєтности: „мѣючи зъ ласки нашей гетманской и войсковой за значныя и вѣрныя прислуги въ войску запорожскому, за насть, гетмана, и аптецессоровъ нашихъ, значне на высокихъ войсковыхъ зостаючи урядахъ роненія (оказанныя), п. Михаиль Миклашевскій, значный войска запорожскаго товарищъ, на данныя отъ насть въ вѣчистую поссесію себѣ села, нашими унѣверсалами прикрытыя и монаршими грамотами подтвержденыя, въ полку стародубовскому будучія, а именно: с. Нижнее, с. Демянки, с. Понуровка, Ка॑ртушинъ, слободка Приваловка, с. Каменка, якіе то наши универсалы черезъ нѣjakій тамъ трафунокъ (какимъ то случаемъ) стражены зостали, на которыхъ вновь просилъ насть онъ, п. Миклашевскій, о выданье на тіе его давніе села нашего унѣверсалу, также на купленные и своимъ коштомъ заведенные грунта, що все абы унѣверсаломъ нашимъ было прикрыто, просилъ насть; теди мы, гетманъ, принявши ласкове его, п. Миклашевскаго, занесенное прощеніе — велѣлисмо теперь вновь выдати ему сей нашъ унѣверсалъ“.

Немилость Мазепы продолжалась однако-же не долго: въ 1705 г. Миклашевскому возвращенъ былъ стародубскій полкъ, можетъ быть за какой нибудь цѣнныій подарокъ, который могли поддержать братья зятя Андрея Гамалѣи — Михаиль и Антонъ, оба генеральныя урядники. Но ставъ разъ лишнимъ для Мазепы человѣкомъ, Миклашевскому нельзя уже было ждать добра. Преданіе говоритъ, что, желая избавиться отъ Миклашевскаго, Мазепа отпра-

¹⁾ Объ этомъ подаркѣ рассказывала вдова Миклашевскаго, Швайковская.

вилъ его въ 1706 г., въ Несвижъ, на весеннюю стоянку, съ четырьмя стами только козаковъ. Такой малочисленный отрядъ долженъ былъ привлечь шведовъ, съ которыми отряду трудно будетъ справиться. Разсчитывалъ ли такъ Мазепа или нѣтъ, но случилось именно такъ, что видно изъ черниговской лѣтописи: „марта 19 дня (1706 г.) Михаила Миклашевскаго, въ Несвижу на консистенціи, подъ часъ утрени, зрадецко (измѣннически) шведы напавши, забили, которые шведы передъ тѣмъ у мнишокъ (монахинь) лядскихъ въ клешторѣ ховалися (прятались) три дня; также и Андрея Гамалѣю, зятя его и иныхъ много козаковъ (шведы убили), а другихъ въ полонъ забрали“¹).

Миклашевскій женатъ былъ два раза; отъ первой жены, дочери глуховскаго сотника Рубана, осталось два сына и три дочери; а вторая жена была Анна Швейковская, возвращенная въ 1676 г. изъ Сибири — вдова гетманicha Якова Самойловича²); отъ нея у Миклашевскаго остался малолѣтній сынъ Иванъ.

Узнавъ о смерти мужа, вдова Миклашевская стала заботиться — пока везли тѣло убитаго въ Стародубъ для похоронъ — о томъ, чтобы скрыть часть мужинаго богатства отъ пасынковъ. „Покровская“ (горничная) Миклашевской рассказывала, что какъ только пришла вѣсть о смерти полковника, то немедленно пріѣхала къ вдовѣ его въ Стародубъ „пани Семёновая“ (вдова гетманicha Семёна Самойловича) и купила тутъ на базарѣ лубянку меду, которую и поставила въ домѣ Миклашевскаго за печью; а потому въ ту лубянку вдова Миклашевскаго поставила жестянную фляшку, заперту замкомъ; и фляшка та была съ деньгами; она была выкопана изъ земли, по приказу полковника, господаремъ его Даровскимъ, какъ только Миклашевскій женился на Швейковской, и поставлена была „въ великой скринѣ, въ камяницѣ“. Въ другой разъ изъ той-же „скрини“ (сундука) Миклашевская вынула другую жестянку, изъ которой взяла два мѣшечка червонцевъ, а третій — оставила въ жестянкѣ. Пасынки объ этомъ узнали только впослѣдствії.

Похоронивъ мужа, вдова Миклашевская поѣхала съ пасынками къ Мазепѣ — „поклониться“ и просить на осиротѣлую семью „призрѣнія“. При этомъ полковница поднесла гетману въ пода-

¹) Чертг. лѣтоп. по списку нашей библіотеки.

²) Бантышъ — Ках. Ш, примѣч. 20. Ср. Максимовъ, Сибирь и каторга, Ш, 113.

рокъ „креденсъ срѣбній“ (подносъ) въ тысячу талеровъ. Гетманъ обѣщалъ осиротѣлой семье милость, а вдовѣ далъ универсаль на с. Руховъ, „респектуючи на вдову Миклашевскаго, Анну Швайковскую, которой отецъ здавна до всей Малой Россіи усердную имѣль прихильность“. Село Руховъ уже и прежде находилось въ фактическомъ владѣніи Миклашевскаго, который пользуясь властью, оттянулъ это село отъ стародубской ратуши; не было только гетманского универсала; теперь ловкая вдова, поднеся серебряный „креденсъ“, успѣла выпросить этотъ универсаль только не за семью, а себѣ лично.

Затѣмъ начался дѣлежъ наслѣдства. Оставшимися девъгами и разными „клейнодами“ наслѣдники подѣлились безъ труда. Но не такъ легко было дѣлиться „маєтностями“, тѣмъ болѣе что одинъ изъ наслѣдниковъ бытъ малолѣтній и раздѣль, по Литовскому Статуту, долженъ быть временный, до совершеннолѣтія всѣхъ дѣлящихся.

„Маєтности“ Миклашевскій пожилъ богатыя; изъ современныхъ ему полковниковъ еще никто не наживалъ такихъ. Глуховскія имѣнія заключали въ себѣ села: Ворголь, Зазпрки, Волокитинъ, Кочерги и Палѣевку; слободы и хутора: Дороповку, Колотиновку, Кубаровъ и друг. Въ Стародубщинѣ Миклашевскій оставилъ шесть селъ: Нижнее, Каменку (Каменные Озера), Понуровку, Демьянки, Картушинъ и Руховъ; изъ нихъ три села—Демьянки, Картушинъ и Руховъ—отняты были у стародубской ратуши, которая, какъ и другія, владѣла селами и поддерживала имп. городское свое хозяйство; Нижнее, Каменка и Понуровка принадлежали „урядамъ“: Нижнее—полковничemu, Каменка—сотничemu уряду Новгород-сѣверска и Понуровка—гетманскому. Сель этихъ нельзя было отдавать, такъ какъ они переходили отъ одного урядника къ другому, смотря потому, кто занималъ этотъ урядъ. Тѣмъ не менѣе села эти были отданы Миклашевскому и закрѣплены за нимъ универсалами. Къ этимъ селамъ Миклашевскій прибавилъ еще с. Дѣвовку, въ почепской сотнѣ, уже собственою властью. Кроме селъ, были еще слободы и хутора, поселенные самимъ Миклашевскимъ: Истровка, Приваловка, Верхній Мливокъ, Буда-Понуровская и друг. Изъ этихъ имѣній с. Палѣевку Скоропадскій въ 1710 г. отобралъ у Миклашевскихъ для жены, а въ замѣнѣ далъ с. Бѣлый Колодезь, около Новозыбкова.

Всѣми этими имѣніями сыновья Михайла Миклашевскаго подѣлились сначала временно, такъ какъ братъ Иванъ не имѣлъ еще

„правныхъ лѣтъ“⁴, т. е. не достигъ того возраста (17-ти лѣтъ), когда получалъ право самостоятельного совершеннія юридическихъ сдѣлокъ. Потомъ, когда въ 1740 г. Иванъ Миклашевскій умеръ, старшіе его братья Андрей и Степанъ подѣлились съ племянникомъ Павломъ въ 1741 г. наслѣдствомъ окончательно. Поэтому раздѣлу на часть Андрея достались: Понуровка, Нижнее, Большой Колодезь, Истровка и хуторъ Деревяновскій. На часть Степана: Волокитинъ, Ворголь, Зазирки, Кочерги, Дорошовка, Колопиновка и Кубаровъ и, кромѣ того, Степану досталось право отыскивать села Дѣвовку и Каменку, которыхъ у Миклашевскихъ были отняты: Дѣвовка—Меншиковымъ, а Каменка—Лукьянномъ Журавкою. Наконецъ Павлу достались: Демьянки, Руховъ, Приваловка, Нов. Буда и д. Яблонка. Но черезъ нѣсколько лѣтъ Павелъ Миклашевскій заявилъ споръ противъ этого раздѣла на томъ основаніи, что, при совершенніи его, онъ еще не имѣлъ полныхъ семнадцати лѣтъ, вслѣдствіе чего по Литовскому Статуту раздѣлъ 1741 г. не могъ считаться окончательнымъ. Генеральный судъ призналъ споръ Павла Ивановича правильнымъ и Миклашевскіе еще долго спорили о правильности раздѣла 1741 г., который въ главныхъ частяхъ впрочемъ остался не измѣненнымъ, такъ-какъ только Понуровка перешла къ Павлу.

Старшіе сыновья Михайла Миклашевскаго, Андрей и Степанъ, служили бунчуковыми товарищами, т. е. жили по своимъ „маєтностямъ“ и, сколько могли, увелечивали ихъ. Оба они умерли около 1750 г. О старшемъ изъ нихъ знаемъ лишь то, что онъ дѣтей своихъ воспитывалъ въ Москвѣ, какъ видно изъ слѣдующаго прошенія, поданнаго имъ въ 1739 г., вмѣстѣ съ младшимъ братомъ Иваномъ, А. И. Румянцову: „имѣемъ мы желаніе сыновъ нашихъ нынѣ въ малолѣтствіи будучихъ и къ службѣ еще не згодныхъ, Петра, Михаила и Павла, ради изученія иностранныхъ языковъ и прочтіихъ отечеству и имъ полезныхъ наукъ, отправить въ Москву. Того ради означенными сынами нашими съ будучими при нихъ людми, именно: Иваномъ Данилевскимъ и двема хлопцами, имѣючимися при сынахъ нашихъ, въ Москвѣ пребывать, да Кондрагатомъ Мироновичемъ съ четырьма расколничой слободы Лужка емщиками—ради свободного проѣзду, просимъ дать пашпоргъ“⁵). Средняго брата—Степана Михайловича сохранилось завѣщеніе, пи-

⁴) Арх. генер. канцел., № 182.

савное въ 1750 г., которымъ онъ, назначивъ женѣ часть имѣній, оставшія подѣлились между четырьмя сыновьями. При этомъ Степанъ завѣщалъ дѣтямъ—не продавать ничего изъ своихъ имѣній постороннимъ лицамъ: „а ежели бы пожелали сыны мои что съ частей своихъ продать, то первое должны будуть объявить матери, братьямъ и сестрамъ и буде по объявлениіи купить изъ нихъ никто не пожелаетъ, то могутъ тогда продать постороннимъ; а безъ объявленія матери, братьямъ и сестрамъ—отнюдь не продавать въ чужія руки, подъ неблагословеніемъ моимъ отческимъ. Сынамъ моимъ Антону и Михаилу, съ опредѣленными изъ нихъ частями, жить при женѣ моей, а ихъ матери—по смерть ея, и они сыны мои безъ ея благословенія, воли и совѣта жениться иничего иного зачинать не повинны, подъ неблагословеніемъ моимъ отческо за-прещаю. Сего моего тестамента никому, а паче сынамъ моимъ ни подъ какимъ претекстомъ не нарушать, хочай бы что въ которую часть, а паче сынамъ моимъ Антону и Михаилу и большъ съ имѣній моихъ опредѣлено, для того что оные сыны мои безъ сочетанія брачнаго остались; а сыновъ Ивана и Петра я еще при жизни своей съ имѣнія своего со всякимъ довольствомъ бракомъ сочеталь, по три казана (винокуренные котлы) даль и хлѣбомъ ихъ для дѣланія горѣлки не малое время снабдѣвалъ. Аще же кто съ оныхъ сыновъ моихъ пренебрегая сіе мои повелѣніе исполнять не станетъ, то на томъ да будетъ Божіе и мое отческое неблагословеніе и оные да будутъ вовсе прокляты“.

Судьба младшаго изъ сыновей стародубскаго полковника Ивана представляетъ намъ эпизодъ довольно исключительный изъ семейной жизни тогдашняго общества. Родившись около 1700 г., Иванъ Миклашевскій выросъ уже безъ отца, а когда пришло время жениться, то не было уже и матери. Женился онъ на какой-то Евдокіи Васильевнѣ и 15 декабря 1724 г. у него родился сынъ Павелъ; а въ маѣ слѣдующаго года, изъ Петербурга присланъ былъ въ Глуховъ указъ „о высылкѣ пановъ бунчуковыхъ въ Гилянь“. Вельяминовъ постарался выправить въ этотъ походъ чуть не всѣхъ бунчуковыхъ, сколько ихъ тогда было. Выправлены были и всѣ три брата Миклашевскіе. Въ этомъ походѣ Иванъ Миклашевскій пробылъ болѣе двухъ лѣтъ. Вернувшись домой осенью 1727 г., онъ увидѣлъ, что во время отсутствія „честь дома его была нарушена“. Вотъ что послалъ онъ по этому случаю въ синодъ: „въ прошломъ 1725 г. послано было все товариство подъ гетманскимъ бунчуковымъ знакомъ

служащее въ походѣ Гилянскій; въ томъ числѣ и я быль высланъ и въ ономъ походѣ неотлучно обрѣтался черезъ три года, а чрезъ оное время жена моя Евдокія Васильева дочь, оставшаяся въ домѣ въ Стародубѣ, свалившися съ нѣкоторымъ моимъ-же служителемъ, прижила блудно двое дѣтей, изъ которыхъ одно безъ моей въ Малой Россіи бытности, а другое за возвращеніемъ моимъ изъ похода, взятая уже за тѣмъ порокомъ маткою ся въ домѣ свой, тамъ родила; чрезъ что до крайняго я пришелъ разоренія и обезславленія. И ради такового жены моей прелюбодѣянія, не могучи я имѣть ея за законную жену, понеже тотъ ея падежъ и во всенародное пришель извѣстіе, биль челомъ архіерею нашему черниговскому Иродіону Жураковскому, прося рѣщенія—съ женою мою разлучитись, а на другой женитись; но потому моему прошенію отъ октября мѣсяца 1727 г. не получилъ я резолюціи, а оная жена моя и налично предъ архіереемъ въ томъ своемъ прегрѣшеніи повиниласъ". Въ заключеніе Миклашевскій просилъ синодъ—развести его съ Евдокіей и дозволить жениться на другой. Въ дѣлѣ о разводѣ принималъ участіе и Феофанъ Прокоповичъ; но чѣмъ оно кончилось—не знаемъ. Умеръ Иванъ Миклашевскій въ 1740 г. и вдова его вышла замужъ за стародубскаго полковаго писара Степана Петрункевича. Отношенія между вдовою Ивана и сыномъ ея отъ Миклашевскаго—Павломъ, остались до того дружескія, что послѣдній, получивъ въ свое распоряженіе отцовское наслѣдство, подарилъ было изъ него с. Руховъ своему отчиму. Но при передѣлѣ имѣній Михаила Миклашевскаго, Руховъ отъ Петрункевича быль отобранъ и остался у Павла.

Изъ Миклашевскихъ третьяго поколѣнія быль замѣтенъ одинъ только Иванъ Андреевичъ (II), который женился на племянницѣ извѣстнаго Григорія Тецлова. При открытии новгород-съверскаго намѣстничества онъ быль избранъ губернскимъ предводителемъ.

Прилагаемъ родословный списокъ Миклашевскихъ, доведеный до конца XVIII в.

1. *Михаилъ Миклашевскій, „дворянинъ“ Многогрѣшааго 1671, есаулъ нѣжинскій 1681 г.; есаулъ генеральныи 1685 г., полковникъ стародубскій 1690+1706 г. Жена 1-я—дочь Данила Семеновича*

Рубана, сотника глуховского, 2-я — Анна Владимировна Швейковская, вдова Якова Самойловича.

2. Андрей, бунчук. товар. † ок. 1750 г. Жена 1-я княжна Марина Юрьевна Четвертинская, 2-я вдова Андрея Жураковского.	1
3. Степанъ, бунчук. товар. † ок. 1750 г. Жена Ирина Марковна, дочь Марка Аврамовича, „арендара“ пирятинского.	1
4. Дочь. Мужъ Степанъ Спиридоновичъ Шарай	1
5. Прасковья. Мужъ Андрей Ефимовичъ Лизонубъ.	
6. Настасья. Мужъ 1) Андрей Андреевичъ Гамалъ; 2) Петръ Корецкий, бунчук. товар. 1728 г.	1
7. Анна † 1730 г. Мужъ Иванъ Кондратьевъ, полковникъ сумской	1
8. Иванъ, бунчук. товар. 1725—1740 г. Ж. Евдокія Васильевна	1
9. Петръ, бунчуковый товарищъ 1754 г.	2
10. Михаилъ, бунчуковый товарищъ 1754 г.	2
11. Иванъ, капитяристъ войсков. 1754 г.; губернский предводитель дворянства новгородсъверского намѣстничества 1783 г. Жена Агафья Егоровна Теплова, вдова Кирилла Лобысевича, судья полков. стародубского. Имѣнія: Бѣлый Колодезь, Приваловка, Яблонка—948 крестьянъ м. п.	2
12. Настасья. Мужъ Иванъ Ивановичъ Бороздна, бунчужный генеральный 1762 г.	2
13. Елена. Мужъ Михаилъ Танский, полковн. кіевскій 1731 г.	2
14. Иванъ, бунчук. товар. 1737—1751 г. Жена Софья Андреевна Полуботокъ. Имѣніе—с. Зазирки	3
15. Петръ. Имѣніе—с. Волокитинъ	3
16. Антонъ. Имѣніе—с. Ворголь и д. Колошиновка	3
17. Михаилъ. Имѣніе—с. Кочерги, х. Кубаровъ и сл. Дорожовка	3
18. Марья. Мужъ Василий Андреевичъ Гудовичъ † 1764 г.	3
19. Павелъ, р. 1724 г.; бунчук. товар. 1741—1754 г.	8
20. Петръ, р. 1761 г.; адъютантъ гр. Румянцова	11
21. Андрей, р. 1763 г.	11
22. Егоръ, р. 1768 г.	11
23. Иванъ, р. 1772 г.	11
24. Настасья. Мужъ Михаилъ Петровичъ Искрицкий, секунд-маJORъ 1783 г.	11
25. Михаилъ, губернаторъ волынскій 1797 г.; губернаторъ	

малороссійскій 1797 г.; тайный советникъ и сенаторъ; † 1847 г. Жена Настасья Яковлевна Бакуринская.	19
26. Прасковья. Мужъ Григорій Петровичъ Искрицкій, секунд- маиръ 1783 г.	19
27. Дочь. М. Владиліръ Васильевичъ Велинскій, войск. товар. 1783 г.	.

4. СВѢЧКИ.

Родоначальника Свѣчекъ, Леонтия Назаровича, встрѣчаемъ въ первый разъ въ 1685 г., когда онъ былъ есауломъ лубен- скаго полка. За избраніемъ Мазепы въ гетманы, лубенскій полковникъ Григорій Гамалъ долженъ былъ почему-то оставить свой урядъ, который затѣмъ перешелъ къ Леонтию Свѣчкѣ. Въ это же время низложенъ былъ Мазепою переславскій полковникъ Леонтий Полуботокъ, который, пользуясь своею близостью къ гетману Самойловичу, присоединилъ къ переславскому полку не мало земель, принадлежавшихъ пирятинской сотни лубенскаго полка. Воспользовавшись немилостью Мазепы къ Полуботку, Свѣчка началь въ Москвѣ дѣло объ отнятыхъ земляхъ, которыя, по его ходатайству, и были возвращены пирятинцамъ. Въ этомъ дѣлѣ Свѣчка дѣйствовалъ не безкорыстно, такъ какъ изъ возвращенныхъ земель и ему досталась не малая ихъ часть, что видно изъ слѣдующаго интереснаго акта 1689 г.: „мы Петръ Барщевскій, протопопъ пирятинскій, Андрей Гладкій сотникъ пирятинскій, Тимофей Курченко атаманъ городовой, Семенъ Кавельскій войтъ, Марко и Федоръ бурмистры зо всѣми мѣщанами пирятинскими гдѣ пришлисмо съ поклономъ до его мил. п. Леонтия Свѣчки, полковника лубенскаго, дякуючи его милости и. полковникови за его добродѣйство, пижъ правуючися (ведя спорное дѣло) съ п. Леонтиемъ Полуботкомъ у Москвѣ, отстоялъ степъ ажъ изъ Сухою Оржицею до своего полку лубенскаго, сотни пирятинской, который п. Полуботовъ и Сырую Оржицу хотѣлъ отъѣхать дѣ полку переславскаго. И мы тое всѣ вольными голосами говорили п. полковникови, же вольно ему якій хотя себѣ узяти степъ для кошевя сѣна; онъ теди п. Леонтий Свѣчка полковникъ, не хотачи себѣ дармо ничего взяти у поссесію свою, даль двѣсти талерей грошей доброй монеты за Сухую Оржицу, почавши отъ шляху, который идетъ на село Коломійцы ажъ у вершинѣ самой Оржици Сухой съ принадлежащими

къ ней пологами¹⁾), ажъ до яру кущенаго Коноповскаго, ко-
торый тягнеть надъ самую Шелезавку и за селище Малютинс-
кое, на которомъ селицѣ вольно его милости п. полковнику Леон-
тію Свѣцѣ осадити людей, ико на своеемъ власномъ, купленномъ
грунтѣ.—По этому акту Свѣчка за двѣсти талеровъ пріобрѣталъ
десятки верстъ побережьевъ Сухой Оржицы, въ предѣлахъ те-
перешняго пирятинскаго уѣзда, которая, какъ видно, тогда были
почти вовсе не заселены. Кромѣ этихъ земель Свѣчка уже рань-
ше получиль отъ Мазепы тутъ же, по берегамъ Оржицы и Удая,
два села: Давыдовку и Деймановку и два хутора—Коломійцы и
Короваи; выхлопотавъ на эти маєтности царскую грамоту въ
1690 г., Свѣчка за три года своего полковничества сталъ вла-
дѣльцемъ большей половины пирятинской сотни. Пользуясь своею
властью, Свѣчка поселилъ въ этихъ земляхъ села и деревни—
Малютинцы, Городище, Караваи, Каевку и нѣсколько хуторовъ.
Нажитыя Свѣчкою богатства обратили на себя вниманіе самого
Мазепы, который вообще былъ завистливъ на „сокровища“. Ког-
да въ 1696 г. татары осадили лубенскій городокъ Голтуvu, гет-
манъ приказалъ Свѣчкѣ добыть точныя свѣдѣнія о движеніяхъ
непріятеля; но Свѣчкѣ повидимому не хотѣлъ самому выходить
изъ Лубенъ на поиски противъ татаръ и онъ доносилъ гетману
объ „оборотахъ“ непріятеля „по чужимъ повѣстямъ“. Мазепа,
укоряя Свѣчку за его не „рыцарское“ поведеніе, сдѣлалъ слѣдую-
щую приписку въ своеемъ листѣ: „Знати, же велика ваша ми-
лость памятаешь евангельское слово и тому прилѣжно послѣ-
дуешъ, идѣже есть сокровище ваше, тамо будетъ и душа ваша.
Домышляемся мы, же много ваша милость животныхъ своихъ
въ Лубняхъ зложилъ сокровищъ, а при нихъ и душу свою увя-
зуешь такъ моцно, же не хочется вашей милости и на, ку оборо-
нѣ отчизны, ити службу, зъ якихъ мѣръ и вимовки (отговорки)
передъ вами въ той мѣрѣ вынаходишъ; а такъ мы вашей мило-
сти упевняемъ, же тихъ всѣхъ сокровищъ вашихъ, за нашимъ
до Лубенъ прибытемъ, устережемо и додержимъ вашей милости
въ цѣлости, тилько по правдѣ ознайми намъ, гдѣ що сложено²⁾).
Леонтій Свѣчка умеръ въ 1699 г., написавъ въ томъ же го-
ду завѣщаніе, „по милости Божіей будучи хоробою (болѣзнью)

¹⁾) „Пологами“ въ полтавской губ. называются низкія побережья, которые въ чер-
ниговской губ. называется „оболоньами“.

²⁾) Акты Западн. Росс., V, 278.

обдаренній и видячи себе ближшимъ ко смерти, нежели ко животу сего временнаго бытія.“ По этому завѣщанію, Свѣчка недвижимое свое имѣніе раздѣлилъ между тремя сыновьями: Василіемъ, Лукьяномъ и Иваномъ; первому назначилъ „хуторъ надъ рѣкою Оржицею, прозвываемый Городище, со всѣми лѣсами, галми, ставками и лозами, ажъ внизъ Кориѣвки,“ „людей въ Кориѣвцѣ и Городищѣ новоосаженныхъ“ и село Антоновку. Второму—Лукьяну завѣщаны были „люде въ селѣ Малютинцахъ осаженніе“ и село Давидовка; третьему сыну, Ивану, отецъ назначилъ хуторъ въ селѣ Короваяхъ, „людей въ селѣ Короваяхъ при хуторѣ осаженныхъ“ и село Деймановку. Наконецъ невыданымъ замужъ двумъ дочерямъ „дѣвчатамъ Любцѣ и Ганнусѣ“ и женѣ Домнікіи Свѣчкѣ разную движимость. Воля завѣщателя подтверждена была и гетманомъ, впрочемъ относительно только двухъ старшихъ сыновей Леонтія Свѣчки; о младшемъ сыне умершаго полковника Мазепа ничего не сказалъ въ своемъ универсалѣ, вѣроятно найдя, что такъ какъ за Иваномъ Свѣчкою никакихъ службъ еще не было, то и на маєтности онъ не имѣть права. Впрочемъ Иванъ Свѣчка вскорѣ затѣмъ умеръ, и назначенный ему хуторъ Коровай перешелъ, согласно завѣщанію, къ Лукьяну Свѣчкѣ.— Леонтій Свѣчка оставилъ, кромѣ сыновей, трехъ дочерей, изъ которыхъ старшая, Зиновія, была выдана замужъ еще при жизни отца за пирятинскаго протоопона Якова Филиповича; вторую—Анну выдала замужъ уже вдова Леонтія Свѣчки за Григорія Кориѣвича, отъ котораго пошли теперешніе дворяне Огроновичи.

По смерти отца Василій и Лукьянъ Свѣчки продолжали увеличивать свои земельныя богатства, пока не сталъ лубенскимъ полковникомъ Андрей Марковичъ. Выпросивъ себѣ у Скоропадскаго с. Кулатинцы, Марковичъ пожелалъ присоединить къ этому селу исосѣдній Свѣчковскій хуторъ Коровай, которымъ въ это время владѣль Лукьянъ Свѣчка. Разными давленіями Марковичъ заставилъ послѣдняго уступить себѣ Коровай: по купчей 1720 г., Лукьянъ Свѣчка продалъ Марковичу за 5000 золотыхъ (золотой—20 коп. асс.) „грунтъ, именуемый Коровай, надъ рѣчкою Оржицею, съ подѣланными на немъ строеніями и съ осѣдлостью людей, икіе тамъ поселились“. Впослѣдствіи внуки Лукьяна Свѣчки говорили, что эта продажа ихъ дѣда была вынужденная, подтвержденіемъ чего служить то обстоятельство, что когда въ 1723 г. Румянцовъ прїѣхалъ въ Мазороссію про-

изводить слѣдствіе о разныхъ насилияхъ старшины, то Маркови-
чи очень боялись жалобы на нихъ со стороны Лукьянна Свѣчки¹).

По смерти Василія Леонтьевича Свѣчки, наследство его по-
дѣлено было между сыновьями Степаномъ и Иваномъ; старшему
достались разные хутора, а Ивану—с. Антоновка и земли при
рѣчкѣ Чумчакѣ. Какъ велъ свое хозяйство Иванъ Свѣчка, вид-
но изъ слѣдующаго письма гетмана Апостола, которое онъ пи-
салъ въ 1732 г., къ генеральному хорунжему Горленку, послан-
ному въ прилуцкій полкъ для разбора козачьихъ жалобъ на при-
тѣсненія державцевъ. Вотъ это письмо: „Мой ласкавій пріятелю,
пане хорувжій енералній. Пишешъ витъ въ листѣ свое мъ изъ
Прилуки, что слѣдовалъ о козацтвѣ антоновцевъ (козаковъ с.
Антоновки), которыхъ буничковый товарищъ Иванъ Свѣчка под-
вертаетъ въ подданство пепалежне и не малыя имъ дѣлаеть
обиды и грабить у нихъ статки (рогатый скотъ и лошадей). И
по разсмотрѣніи витъ довелось, дабы означеные козаки, по си-
лѣ высокомонаршаго указа, были козаками и впредъ п. Свѣчка
оныхъ не притягалъ бы себѣ въ подданство и жадныхъ (ника-
кихъ) имъ ве чинилъ обидъ и не интересовался бы до нихъ; а
заграбленные у нихъ статки возвратиль бы, указомъ нашимъ
витъ ему прекладаль (предлагаль). Однако онъ нашему указу,
по предложенію вашему, противнымъ явился, въ чёмъ требуешъ
витъ отъ насть резолюцію, якъ-бы съ вимъ, Свѣчкою, поступить.
Затѣмъ предлагаемъ вашей милости: попеже онъ п. Свѣчка не-
слушне выше выраженныхъ козаковъ въ подданство себѣ при-
вернуль и статки у нихъ, не належне позабираши, не возвра-
щаетъ и, надъ указъ нашъ, ажъ по сее время у себе удержуетъ,
того ради пошли витъ отъ себе кого исправного, абы столько жъ,
сколько бы моіть стоять заграбленный козацкій статокъ, забра-
но было у него Свѣчки и тотъ грабежъ поотдавай в. м. напрасно
отъ него ограбленнымъ козакамъ, которые потомъ не мѣютъ
оному Свѣчцѣ грабежа того ворочать, поколь власнихъ ихъ ско-
тинъ и что позабирахъ—не возвратить; а означенныс Антонов-

¹) Внуки Лукьянна Свѣчки—Яковъ Гамалѣя (отецъ извѣстнаго медика Платона
Гамалѣя) и Андрей Вакуловичъ писали въ 1767 г., въ коміссію для сочиненія Гене-
ральной Описи, что „Гетманъ Скоропадскій и полковникъ лубенскій Андрей Марковичъ
не вѣдомо зачто на дѣда нашего Лукьянна Свѣчку недоброходство занявші, нѣкоторыя
села отняли“. Въ подлинной рукописи „Дневныхъ Записокъ“ Якова Марковича находится
нѣсколько укаznаній, что Лукьянъ Свѣчка хотѣлъ жаловатися Румянцову за отнятіе
Коровасъ Адрессъ Марковичемъ.

цы село по слѣдствію не доводится имъ быть въ посполитой тяглости, чтобы были до козацкого причтены компуту¹⁾).

Пользуясь безсиліемъ гетманской власти, Иванъ Свѣчка увеличивалъ свои богатства какъ „притягая козаковъ въ подданство“, такъ и захватывая ихъ земли. Досталась Ивану Свѣчкѣ купленная отцомъ его въ 1706 г., „стѣнка, стоячая надъ Чумчакомъ, за яромъ сѣнокоснымъ, ниже села Коломайцовъ“; изъ этой „стѣни“ Свѣчка, разными прихватами сосѣднихъ земель, образовалаъ большое имѣніе, настоящее село Свѣчковку.

Иванъ Свѣчка умеръ бездѣтнымъ и наслѣдство его перешло къ двумъ сестрамъ, изъ которыхъ одна была замужемъ за Юркевичемъ, а другая за Александровичемъ.

Богатство сыновей Василія видно изъ того, что у его правнука, Петра Алексѣевича Свѣчки, въ концѣ XVIII в., было болѣе 4000 крестьянъ²⁾.

Младшій братъ Василія, Лукьянъ, сыновей не имѣлъ; оставшимися послѣ него имѣніями, изъ которыхъ главное было село Малютинцы, унаследовали зятья его—Яковъ Гамалій и Андрей Вакуловичъ. На этихъ новыхъ владѣльцевъ жаловались въ 1767 году малютинскіе козаки, что они продолжали захваты Свѣчекъ, которые, по объясненію жалобщиковъ, захватили подъ свою власть село Малютинцы не по праву, а насилиемъ. „Село Малютинцы,“ писали въ своей жалобѣ козаки, „издревне предковъ нашихъ ко-зачая осѣдлость и спокойное ихъ старинное владѣніе. Бывшій же полковникъ лубенскій Леонтій Свѣчка, по своей полковничьей власти находясь и усмотря къ пользѣ своей угодное мѣсто—Малютинскую осѣдлость и втиснувшись самовластно межъ Малютинскихъ старинныхъ козаковъ, началъ завлаживать селомъ Малютинцами. И отъ тѣхъ временъ, какъ самъ полковникъ Свѣчка владѣлъ и до нынѣшняго времени, наследники его бунчуковый товарищъ Яковъ Гамалія да значковый товарищъ Андрей Вакуловичъ помянутымъ селомъ Малютинцами и степомъ свободнымъ неналежне владѣючи, привели нась къ крайнему утѣсненію, предковскія наши земли козачія смѣшивши къ своимъ неналежне, владѣютъ условне, а нась изъ спокойнаго владѣнія вы-бивають самовластно.—Крѣпость ихъ, которую они представля-

¹⁾ Арх. Генер. Канцел.

²⁾ Въ с. Городище—1065, Коровайхъ—513, Селегахъ—430, Карп'евъзъ—801, Петровъзъ—671, Каевъзъ—448, и въ разныхъ хуторахъ—302, об. г.

ютъ (въ комиссію для сочиненія Генеральной Описи) мы имѣемъ за неправильную по той причинѣ, что она подчищена, да и тая крѣпость ихъ имѣетъ свою силу на землю по-за рѣчкою Оржицею, которая нынѣ состоитъ во владѣніи князя Трубецкаго, да коллежскаго совѣтника Теплова; а и сей земль, которая въ осѣдлости малютинской издревле состоитъ, козачьяго владѣнія, никакой силы тая ихъ крѣпость не имѣетъ". Изъ этой жалобы между прочимъ видно, что въ половинѣ XVIII в. часть оржицкихъ земель была отнята у Свѣчекъ Тепловымъ, который поселился здѣсь большую слободу, теперешнее мѣстечко Тепловку.

А. Лазаревскій.

КОБЗАРЬ ОСТАПЪ ВЕРЕСАЙ, ЕГО ДУМЫ И ПѢСНИ.

Всякое явленіе, въ которомъ такъ или иначе выражается жизнь народа, хотя-бы условія жизни съ теченіемъ времени измѣнились и причины, вызывавшія это явленіе, перестали существовать, служить признакомъ движенія жизни народной и уже велѣдствіе того, что это явленіе существовало, оно припадлежитъ исторіи. Къ числу такихъ проявленій народной нашей жизни, сохраняющихъ несомнѣнное историческое значеніе, относятся изустные памятники народной поэзіи, которая по важности своей могутъ стать на ряду съ лѣтописными сказаніями и другими письменными источниками нашей исторіи.

Югъ Россіи, благодаря своимъ историческимъ и этнографическимъ условіямъ, представлялъ особенно плодородную почву для возникновенія и распространенія различныхъ, совершенно своеобразныхъ произведеній музы народной. Изъ этихъ памятниковъ можно было-бы составить своего рода поэтическую исторію общественныхъ явленій въ жизни южной Россіи, обрисовывающихъ прошлую политическую и обыденную жизнь народа съ его завѣтными идеалами, побужденіями и стремленіями, знать которые такъ важно для характеристики эстетической, бытовой и соціальной его физіономіи. Поэтому естественно, что на малорусскія народныя пѣсни давно уже обращено вниманіе,—давно уже стали собирать и записывать эти драгоценные памятники и давно уже, рядомъ съ художественными достоинствами пѣсенъ лирическихъ, высоко ставится исторический характеръ многихъ думъ и пѣсенъ. Отсюда цѣлый рядъ

сборниковъ, представляющихъ памятники поэзіи малорусского народа¹). Пересматривая эти сборники, невольно задаешься вопросомъ: кто же былъ творцомъ этого громаднаго количества записанныхъ уже изъ устъ народа пѣсенъ, въ числѣ которыхъ не мало есть и думъ? Виновники этого богатства намъ неизвѣстны, какъ неизвѣстно количество тѣхъ думъ, которыя врачаются еще въ народѣ, но намъ не извѣстны, равно и число тѣхъ, которыя въ памяти пѣвцовъ были стерты всепоглощающимъ временемъ, не бывъ своевременно записаны. Назвать по имени творцовъ этихъ пѣсенъ не возможно; ихъ имя—народъ, или, вѣрнѣе, тѣ идеалы общественной жизни того или другаго времени, которые вдохновляли нѣкоторыхъ избранниковъ влагать въ слово и тонъ пѣсни мысли и чувства, мечты и желанія всего народа,—вообще воспринимаемая народомъ впечатлѣнія и переживаемая имъ событія. Иное дѣло—хранители такихъ народныхъ произведеній, извѣстные издавна подъ именемъ *кобзарей*: ихъ народъ всегда зналъ, и чтилъ, и отличалъ своимъ особымъ сочувствиемъ и вниманіемъ. Не смотря на измѣнившійся строй жизни, они и доселѣ живутъ въ народѣ; но число ихъ годъ отъ году рѣдѣеть и хранимый ими поэтическо-историческій матеріалъ время отъ времени забывается, измѣняется или совсѣмъ утрачивается. Для науки важно сохранить всякую крупицу подобнаго матеріала, сохранить память о каждомъ такомъ пѣвицѣ, равно и о томъ, что онъ поетъ.

Мы имѣли случай недавно видѣть и слышать одного изъ такихъ пѣвцовъ—Остапа Вересая, пріобрѣвшаго не только въ народѣ, но и въ образованномъ обществѣ значительную извѣстность, и хотимъ подѣлиться съ читателями какъ біографическими о немъ свѣдѣніями, такъ и свѣдѣніями о томъ историческомъ матеріалѣ, хранителемъ которого онъ служитъ и который мы имѣли случай лично провѣрить.

¹) Сборники: Цертелева (1819 г.), Максимовича (1827, 1834, 1849 г.), Срезневскаго (1833—38 г.), Лукашевича (1836 г.), Зѣньковича (1850 г.). Медлинскаго (1854 г.), Мордовцева (1859 г.), Костомарова (1859 г.), Лисенка и Русова (1873 г.), Антоновича и Драгоманова (1874—75 г.) и др. въ Россіи и Вацлава зъ Олеска (1833 г.), Жеготы Паули (1839—40 г.), Шапіковича 1837 г.), Головацкаго (1863—72 г.), и др. въ Галичинѣ, Буковинѣ и Венгрии.

Остапъ Вересай (по уличному—Лабза) родился 1803—1805 года въ с. Калюжинцахъ, прилуцкаго уѣзда полтавской губерніи. Отецъ его Микита былъ слѣпой нищій, игрой на скрипкѣ зарабатывавшій себѣ хлѣбъ, причемъ имѣлъ хату и кусокъ поля. Ослѣпъ Остапъ на четвертомъ году отъ роду, какъ онъ разсказывается, „зъ пристріту“ или отъ дурнаго глазу. Съ раннихъ лѣтъ онъ почувствовалъ въ себѣ непреодолимую страсть къ игрѣ на бандурѣ и пѣнію; „якъ було кобзарь прыйде у хату до моего батька“, говорить онъ, „та стане грать и співать, то я стою коло ёго и самъ не знаю, чи ёму-бѣ у пазуху улізъ, чи ёго до себе у пазуху взявъ“! Отецъ отдалъ Остапа въ ученіе къ кобзарю Микитѣ изъ Кладьковки надъ Десною, проживавшему тогда въ с. Береживкѣ. По сложившемуся у кобзарей обычаю, ученикъ ничего не платить, да и не можетъ платить за ученіе своему маэстро (по мѣстному—„майстру“); даже одежду даетъ ему учитель, но за-то все, что только выручить уже обученный чему-нибудь ученикъ, идеть въ пользу учителя. Ученіе продолжается примѣрно 3 года; въ теченіе этого срока ученикъ во всемъ повинуется своему учителю и за великий грѣхъ считается обманутъ или обидѣть его дѣломъ, словомъ и даже помышленіемъ. Если случалось, что ученикъ уѣгалъ отъ учителя или этотъ послѣдній самъ прогонялъ его, то другой кобзарь-учитель, къ которому бѣглецъ пристанетъ, не бралъ во вниманіе времени, проведенного въ ученіи прежде, и у этого новаго „майстра“ ученикъ долженъ пробыть полныхъ три года. Остапъ Вересай тоже перемѣнилъ нѣсколькихъ учителей, отъ которыхъ онъ уходилъ потому, что тѣ были или пьяницы, или очень строги, или же ничему не учили. У Микиты онъ былъ только недѣлю, въ теченіе которой его „майстеръ“ пьянствовалъ безъ просыпу. Такъ какъ Остапъ былъ единственнымъ сыномъ у своихъ родителей, то мать его сильно безъ него скучала и настояла на томъ, что отецъ взялъ его обратно домой. Пробывъ около четырехъ лѣтъ въ домѣ отца, который, хотя и умѣлъ играть на скрипкѣ, не могъ удовлетворить стремленія сына къ бандурѣ, Остапъ отправился въ Ромны, где на ярмаркѣ нашелъ себѣ учителя-кобзаря андріашевскаго Ефима, съ которымъ не мало свѣту исходилъ: въ теченіе шести недѣль они побывали въ Лубнахъ, Голтвѣ, Демидовкѣ, подъ Кременчугомъ, въ Хоролѣ и Лохвицѣ. За смертью Ефима, Остапъ, уже

пятнадцати-лѣтній юноша, присталъ въ тѣхъ-же Ромнахъ къ кобзарю Семену Кошовому изъ села Голінки. Отъ этого кобзаря онъ перенялъ искусство игры на бандурѣ, но крутой нравъ учителя заставилъ Остапа уйти и отъ него. Вскорѣ однако самъ Кошовой зашелъ за Остапомъ и взялъ его обратно къ себѣ, договорившись съ отцомъ, что курсъ обученія долженъ окончиться въ 35 недѣль; въ дѣйствительности-же Остапъ былъ у него только четыре мѣсяца, такъ какъ по причинѣ сильной лихорадки онъ былъ отправленъ домой. Когда-же послѣ выздоровленія Остапъ опять пришелъ къ Семену, говоря: „прийміть мене, панъ-отче, та доведіть до ума!“, учитель ему отвѣтилъ: „йди и грай, а то й самъ учи, кого хочешь!“ Это обстоятельство показываетъ, что напѣ кобзарь былъ недюжинныхъ дарованій, такъ какъ онъ не только не пробылъ требуемыхъ обычаемъ трехъ лѣтъ у какого-нибудь изъ его учителей, но и все время его обученія всѣми тремя его „майстрами“ не составить требуемыхъ обычаемъ трехъ лѣтъ.

Этимъ оканчивается исторія обученія Остапа Вересая. Далѣе слѣдуетъ самостоятельная его жизнь, когда онъ перенимаетъ отъ подобныхъ себѣ слѣпцовъ—пѣвцовъ новыя пѣсни и думы. Изъ кобзарей, имѣвшихъ большое вліяніе на судьбу Вересая, былъ Федоръ Трюшъ, часто посѣщавшій домъ его отца¹⁾). Пробовалъ Вересай оставить себѣ пріемника и имѣлъ пять учениковъ: Василя Бублика, Тараса изъ Никоновки, Ярохтея изъ Берёзовки, Антона

¹⁾ Здѣсь считаемъ не лишнимъ привести списокъ тѣхъ извѣстныхъ бандуристовъ, которые или уже умерли, или-же остаются еще въ живыхъ. Черниговской губ. сочинскаго уѣзда, въ м. Александровкѣ—Андрій Шутъ, въ м. Менѣ—Андрій Бешко, въ г. Сосницѣ—Алексій Ракъ; борзенскаго уѣзда, въ с. Брытанахъ—Іванъ Романенко; нѣжинскаго у. въ с. Терешовкѣ—Павло Братица (долженъ имѣть лѣтъ 57, учился у Бешки), въ с. Макіевкѣ—Прокопъ Дубъ (35 лѣтъ, учился у Овсія Сліпого изъ Шняковиць того-же уѣзда); стародубскаго уѣзда въ Семяновкѣ—Антонъ, въ Спасскомъ—Навель Козель. Полтавской губ., прилуцкаго уѣзда, въ с. Сокиринцахъ—Остапъ Вересай; лубенскаго уѣзда въ м. Оржицѣ—Архипъ Никоненко; роменскаго уѣзда въ с. Бубнахъ—Трихонъ; пирятинскаго уѣзда въ с. Крячковкѣ—Федоръ Алексѣевъ, въ Вечіркахъ—Антонъ; гадяцкаго уѣзда въ с. Розбішевкѣ—Федоръ Саковенко и Іванъ Лиходиръ. Харьковской губ. въ г. Харьковѣ—Гарбузъ; богословскаго уѣзда въ Ольшакѣ—Левко и Петро Колиабы, въ Красномъ Кутѣ—Ригоренко; ахтырскаго уѣзда въ Тростинцѣ—Залавскій.

Негрія изъ Каюжинецъ и Данила „Анголя“ изъ Береживки; но ему какъ-то не счастливилось: всѣ ученики рано умирали. Особено приятное для него воспоминаніе оставилъ послѣ себя послѣдній его ученикъ, „Анголь“ Данило. „Той якъ сынъ добрый бувъ, тільки-жъ не шанувався. Бувало кажу ему: чого тобі, Данило, на оти проклятии досвітки, на празникій та на попразені ходить? Ни, не слухавъ. Якъ пиду часомъ мижъ челядь грати на ти досвітки, або празникъ, то тільки то й славы, що горілка; я вже це знаю. Не слухавсь Донило, пишовъ мижъ челядь—за великимъ ганявся, та й вбили єго“.

Изъ дальнѣйшей жизни нашего бобзаря интересны его сватанье и женитьбы. Спустя четыре года послѣ окончанія курса ученія, Вересай сталъ свататься. Къ одной дворовой дѣвочцѣ онъ цѣлый годъ ходилъ верстъ за 50 въ с. Рудовку, но та изъ подъ вѣнца ушла изъ церкви. Съ другой дѣло пошло лучше, но священникъ запросилъ шесть рублей за вѣнчаніе, что было „не по-ціно“ для нищаго-кобзаря. Наконецъ, на третьей онъ женился; имѣлъ отъ нея дочь Мотрю, которую и выдалъ замужъ за плотника Арама. Зять оказался пьяницей и буяномъ и, пользуясь благосклонностью при панскомъ дворѣ, причинялъ овдовѣвшему тогда тестю всевозможныя обиды и непріятности, такъ что Вересай, боясь быть посаженнымъ „на быка“ (особый инструментъ, въ родѣ неподвижныхъ кандаловъ), принужденъ былъ бѣжать изъ родного села, изъ собственной хаты. Во время своихъ скитаній онъ зашелъ въ с. Сокиринцы, прилуцкаго уѣзда, имѣніе Г. П. Галагана. Здѣсь привлекала его вдова Приська, которую онъ зналъ еще дѣвицею. Сватаніе на ней продолжалось 7 лѣтъ. Бывало прійдетъ нашъ кобзарь къ ней, станетъ подъ окошкомъ и начнетъ играть на бандурѣ. „Не ходи ты до мене“, кричить вдова, „—соромъ мені одь людей! йди къ чортовому батькові!“ На это Остапъ отвѣчаетъ: „не жени (гони) ты мене, матери твоїй бісъ! йди за мене за-міжъ!“ и самъ плачетъ, и она плачетъ. „Одружила мене изъ цимъ дідомъ его бандура: якъ прийде мене сватати, то й выжену; а якъ заграє на бандуру, то й заверну!“—вспоминаетъ теперь его жена.

Въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, полякуючій нынѣ П. А. Кулишъ, нарочно объѣзжая Малороссію и Украину съ цѣлью розыскать въ народѣ преданія о козацкой старинѣ, нашелъ Остапа

Вересая и потомъ, проживая въ Петербургѣ, долгое время находился съ нимъ въ перепискѣ, причемъ разъ присыпалъ ему денегъ на поминъ души Т. Г. Шевченка. Объ этомъ Вересай такъ рассказываетъ. „Приславъ Кулішъ мені пять рублівъ грошей на поминки по Тарасові, стильки-жъ и Шуту Андрієви. Коли Шуту Андрію дошли гроши, а Шута Андрія у світі немає; то ти гроши, пише Кулішъ, „на—тобі, Остапе! нашлась така добра людина, що поминає Тараса, й оце дала тобі грошей“. А я записавъ у граматку Й Щута Андрія: такъ обохъ и поминаю“. О Шевченкѣ Вересай отзывається такъ: „була голова—оцей Тарасъ, та мабуть вже такої не буде! Богъ зародивъ... може вона й малà була, я не бачивъ, але-жъ розумна! У нась мабуть і не буде вже такої; може Богъ кому другому дастъ, а намъ вже ни!“

Другой этнографъ-художникъ Жемчужниковъ, сидя за мольбертомъ, чистосердечно плакалъ, слушая распѣваемыя Остапомъ думы и пѣсни.

Въ началѣ прошлаго десятилѣття, дѣйствительный членъ географического общества П. П. Чубинскій записалъ нѣсколько пѣсень отъ Остапа Вересая, а въ 1873 году Н. В. Лисенко и А. А. Русовъ, по порученію юго-западнаго отдѣла этого общества, занялись изученiemъ репертуара этого кобзаря и записали отъ него 6 думъ, 11 пѣсень религіозно-нравственнаго содержанія и 5 сатирическихъ пѣсень¹⁾). Въ томъ-же году, 28 сентября, Вересай пѣлъ нѣкоторыя изъ своихъ думъ и пѣсень въ экстренномъ собраніи юго-западнаго отдѣла географического общества въ Києвѣ. Полтора года спустя, известный статистикъ и этнографъ, В. С. Козловъ, взялъ съ собою Вересая въ Петербургъ. Орестъ Миллеръ, читавшій въ то время великимъ князьямъ Сергію и Павлу Александровичамъ курсъ словесности, какъ разъ подошелъ въ эту пору къ изложению памят-

¹⁾ I) Думы: 1) Про бурю на чорному морі, 2) Якъ три брати зъ Озова втикали, 3) Про вдову й трохъ сынивъ, 4) Отчимъ, 5) Невольниця и 6) Про Хведора Безрідного. II) Пѣсни «поважливи»: 1) Про правду, 2) Пісня, що по нещастю живучи на світі співають, 3) Про страшний судъ (Михайлова псальма), 4) Блудящій сынъ, 5) До-часнѣго живого чоловіка, 6) О мукахъ Христа, 7) Великій мій жалю!, 8) Миколай, 9) Про страшний судъ, 10) Розставання души зъ тіломъ и 11) Пустельникъ и Пятница. III) Сатирическія пѣсни: 1) Щиголь (пташине весилля), 2) Дворянка, 3) Хома та Ярема, 4) Кисиль и 5) Бугай.

никовъ малорусской народной поэзіи; чтобы иллюстрировать эти лекціи, онъ просилъ г. Козлова привести во дворецъ кобзаря, гдѣ этотъ послѣдній пропѣлъ нѣсколько думъ и пѣсень, за что получилъ отъ ихъ высочествъ серебряную табакерку, съ надписью:

*Кобзарю Остапу Вересаю
отъ великихъ князей
Сергія и Павла Александровичей.
Марта 4-го 1875 г.*

Кромѣ того Вересай пѣлъ въ засѣданіи императорскаго географического общества, въ археологическомъ и другихъ ученыхъ обществахъ, въ концертѣ, устроенному въ залѣ приканичьяго клуба, а также въ концертѣ, устроенному въ зданіи Соляного Городка, съ туманными картинами къ думѣ о бѣгствѣ трехъ братьевъ изъ Азова, исполненными художникомъ Мартыновичемъ. Поѣздка въ Петербургъ значительно поправила материальное обстоятельства нищаго кобзаря, такъ что послѣ возвращенія на родину онъ построилъ себѣ новую просторную хату, въ которой и до сихъ поръ живетъ со своей немалочисленной семьей. Семья этого 77-лѣтняго старика состоитъ въ настоящее время изъ 15 душъ и вся живетъ однимъ домомъ. У жены его Приськи было двое дѣтей; теперь они уже оба семейные: у женатаго сына (37 лѣтъ) 5 дѣтей (4 мальчика и 1 девочка), а у дочери (42 лѣтъ)—двоє дѣтей (калька сынъ 18 лѣтъ и дочь 15 лѣтъ). Подслѣдоватый пасынокъ Вересая, овдовѣвшій прошлою осенью, женился вторично тоже на вдовѣ съ тремя дѣтьми; слѣпая-же падчерица Остапа за-мужемъ за слѣпымъ-же лирникомъ, но тотъ уже нѣсколько лѣтъ разошелся съ женой и только изрѣдка навѣщаєтъ домъ этой замѣчательной семьи, состоящей изъ старииковъ, калькъ и малолѣтокъ.

Въ послѣднія два пребыванія Остапа Вересая въ Киевѣ, осенью прошлаго года и весною настоящаго, нами записаны изъ устъ его три новые думы и нѣсколько пѣсень религіозно-нравственного и сатирическаго содержанія, а также варіанты почти всѣхъ думъ и пѣсень, записанныхъ девять лѣтъ тому назадъ гг. Лисенкомъ и Русовымъ отъ того-же кобзаря. Изъ не вошедшихъ въ сборникъ, помѣщенный этими послѣдними въ т. I за 1873 г. Записокъ юго-западнаго отдѣла имп. рус. геогр. общества, нами записаны те-

перь думы: 1) *Неволницька, про каторгу бесурмлянську*, 2) *Про сестру й брата* и 3) *Про Йоасая Коновченка*, а также п'есни релігіозно-нравственного содержання: 1) *Годі вамъ шуміти, зеленые луги!* и 2) *Якъ трудно во гріхахъ умирати*, и сатирическія: 1) *Старый зз молодою* (простацька) и 2) *Мішаночка*. Такимъ образомъ известный въ настоящее время репертуаръ Остапа Вересая состоитъ изъ 9 думъ, 13 релігіозно-нравственныхъ и 7 сатирическихъ п'есень. Нѣть сомнѣнія, что этимъ еще не изчерпывается все то количество п'есень и думъ, которая Вересай поетъ и пѣлъ прежде. Не нужно забывать, что бандуристы перенимаютъ и перенимали какъ историческія, такъ и другія п'есни по традиції—путемъ простого запоминання слышанного отъ другихъ подобныхъ себѣ слѣпцовъ-пѣвцовъ; само собою разумѣется, память иногда измѣняетъ имъ: въ данную минуту они поютъ однѣ п'есни и думы, а въ другое время—другія, или варианты первыхъ. Все это имѣеть значеніе для исторіи народной словесности, а потому, каєтъ ни скуденъ матеріалъ, добытый нами на этотъ разъ отъ кобзаря, мы подѣлимся имъ съ читателями, сличая записанные нами памятники народнаго творчества съ обнародованными прежде.

I.

Д у м а н е в о л н и ц ь к а¹⁾(ПРО КАТОРГУ БЕСУРМЛЯНСЬКУ)²⁾.

У святую неділю то-то не сизыи орлы клекотали,
То біdnіи неволники у тяжкій неволі горбо заплакали:
Залізо-кайданы брязчали,

¹⁾ Эта невольницкая дума совершенно не похожа на ту, которую записала отъ Вересая гг. Лисенко и Русовъ; она представляетъ варіантъ думы, помѣщенной въ сборникѣ Максимовича за 1849 г. на 10 стр. и у Кулиша въ Запискахъ о Южной Руси, т. I, стр. 42, съ которой и будемъ сравнивать, отмѣчная болѣе выдающіяся отличія, не указывая на менѣе важныя.

²⁾ Каторга—по турецки *kadriga*, т. е. галера съ 24—26 скамьями для гребцовъ, по 3—4 человѣка на каждой скамье. Неволники приковывались къ скамьямъ и въ такомъ положеніи отправляли тяжелую работу гребцовъ.

А вони собі у гору руки знімали¹⁾,
 Та Господа милосердного прохали-благали:
 „Дай намъ, Господи, дрибенъ дощикъ изъ неба,
 А буйний вітеръ изъ низу,
 То чи не буде на Чорному морі сильна хвиля вставати,
 Та чи не буде изъ каторги турецької якорівъ изривати;
 Бо тая каторга турецькая—такъ намъ доїла, такъ намъ доїла²⁾,
 Залізо-кайданы логи пообрывало,
 Козацьке-молодецьке тіло до костей постирато³⁾.
 Колы баша турецький,
 Недовірокъ християнський,
 Вже по рынку похожае,
 Та на свои турки зб-зла гукає:
 „Турки-нечари, кажу я вамъ: добре дбайте,
 По три пучки тернины у руки тавелги червоною набираите,
 Одъ ряду до ряду заходжайте,
 Та по три рази въ одно місто неволника затинайте!“⁴⁾
 То турки-нечари добре дбали,
 По три пучки терновыхъ у руки червоною тавелги набирали,
 Одъ ряду до ряду заходжали,
 Та по три рази въ одно місто бідного неволника затинали,
 До костей козацьке тіло молодецьке оббивали,
 Кровь християнську неповинно ироливали.
 То якъ стали бідны неволники на собі кровь зобачати,
 Стали турка клясти—проклинати:
 „Ой, ты, турокъ проуклітий, віро бесурмлянська,
 Розлуко християнська!
 Ты не одного сына изъ отцемъ и зъ матерью розлучила,
 И брата зъ сестрою,
 И мужа зъ женою,
 Товариша изъ товаришемъ;

¹⁾ Послѣдніе 2 стиха у Кулиша составляютъ одинъ стихъ:

У гору руки пидімали, кайданами забрязчали.

²⁾ Доїла—допекла. На этомъ повтореніи кобзарь дѣлаетъ удареніе; этого нечѣть въ думѣ, съ которою сличаемъ; причемъ тамъ 4 предпослѣдніе стиха оканчиваются существительными (дощикъ, вітеръ, хвиля, зъ... каторги), что не типично для думы.

³⁾ Въ думѣ Кулиша: Бідного неволника но-тричі въ однімъ місці затинайте!

Бідному неволинку ніжли й спокою немає¹⁾).
 Визволь насть, Господи, изъ тажкои неволи
 Та на тихім воды,
 И на ясныи зори,
 Та у край веселый,
 Междо міръ хрещеный,
 У городы християнськи!²⁾
 Дай, Боже, люду царському,
 Народу християнському
 На здоровья и на многія літа
 До конца віка!³⁾)

II.

Дума про сестру и брата⁴⁾).

(И у неділю та барзо рано-пораненьку
 То-то не сивая зозуля у саду кувала
 И ве дробная птиця у лісі щебетала⁵⁾),
 То сестра до брата изъ чужкои далекои стороны листы писала.
 Да поклінъ подавала⁶⁾):
 „Ой братику мій милый,
 Та голубонько сивый!
 То ты прибудь до мене⁷⁾), та созвідай мене у чужій стороні.
 Та прий лихій, нещасливій хуртовині.“

¹⁾ Этого стиха у Кулиша совсѣмъ нѣть.

²⁾ У Кулиша вмѣсто двухъ послѣднихъ стиховъ:

Славу на многія літа.

³⁾ Въ сборникѣ Метлинскаго есть похожая дума—Чужсина, на 355 стр., записанная Метлинскимъ въ зѣньковскомъ уѣздѣ. Дума-же, озаглавленная такъ-же, какъ нами помѣщенная, на стр. 434 этого сборника, походитъ на думу «Отчимъ», которую поетъ Вересай, а потому мы и будемъ сличать нашъ варіантъ, съ первою изъ этихъ думъ, тоже указывая только на болѣе видныя отличія.

⁴⁾ Этого стиха нѣть въ думѣ «Про чужину».

⁵⁾ У Метлинскаго нѣть: «листы писала»; въ замѣнѣ этого: «поклоняла».

⁶⁾ Этого нѣть у Метлинскаго, а стѣдовательно и въ отвѣтѣ брата нѣть соответствующихъ словъ: «до тебе прибувати, не могу, сестро, прибути».

— Сестро-жъ моя мила,
 Та голубонько сива! ¹⁾)
 Радъ-же-бъ я до тебе прибувати,
 Тебе созвідати
 У чужій стороні,
 При лихій, нещасливій хуртовині ²⁾;
 Та не можу, сестро, прибути за быстрыми ріками,
 За темными лугами,
 Та за широкими степами,
 Та й далекими сторонами ³⁾.
 „Братику-жъ мій милый,
 Та голубонько сивый!
 То ты черезъ быстрыи ріки білымъ лебедонькомъ переплыви,
 А черезъ темни луги яснымъ соколомъ перелени,
 А черезъ широкіи степы,
 Та черезъ далекіи стороны
 Хочъ малесенъкимъ перепелонькомъ перейди.
 Та сядь-унади сизымъ голубомъ на отецъкимъ подвірьи,
 Та жалібно загуди,
 Та отцевській домъ и матчинъ звесели ⁴⁾,
 А мені тоску-печаль на серці розведи.
 Явъ дастъ Богъ людямъ празникъ, а світлый-пресвітлый Велікденъ ⁵⁾,
 То люде до церковці йдуть,
 Якъ бджилоньки гудуть,
 Плече зъ плечемъ черкають ⁶⁾,
 Та одно бдного зъ празникомъ поздоровляютъ,
 А на мене безділну-безрідну ани хто-жъ-то и не погляне.

¹⁾ Словъ обращенія брата къ сестрѣ и сестры къ брату въ думѣ Метлинскаго нѣть; на ихъ мѣсто во всей думѣ вставлены слова:

Братъ (или состра) то зачувае,
 Словами промовляе.

²⁾ Двухъ послѣдніхъ стиховъ у Метлинскаго нѣть, чтò противно типичному настроению думы, повторяющему въ отвѣтѣ обороты вопроса.

³⁾ Этого стиха тоже нѣть.

⁴⁾ То-же.

⁵⁾ У Метлинскаго такъ: «Що теперь, брате, святий день, Великъ-день, Празникъ роковый».

⁶⁾ Этого стиха нѣть.

А зъ церкви йдуть на хлібъ, на сіль—на честь зазываютъ,
А мене безділу-безрідну наче и родомъ не знаютъ^{1).}

Що-то, братику, якъ у нашого отца люди бували,
Хлібъ-сіль ідали,

То тоди нась добре люди знали,
Насъ кумы и побратимы добре витали^{2).},
А теперъ, якъ пришибла злая година,
Лихая хуртовина,

То теперъ одрикається одъ нась и кровная родина^{3).}.

Якъ трудно дереву у лісі безъ корини,
То такъ то трудно у чужій стороні проживати безъ родини;
Якъ тяжко-важко зъ сырой земли білый камень зняти,
То такъ то тяжко-важко въ чужій стороні безъ роду, безъ
сердешної родинонъки помірати^{4).}.

Дай, Боже, на здоровля та на многій літа
Усімъ православнымъ християнамъ до ковиці віка!

III.

Дума про Йвася Коновченка^{5).}

Ой тамъ на славній Вкраїні, у городі у Черкасі,
Тамъ жила удова

¹⁾ Послѣдніе 4 стиха такъ:

Одно одного на здоровья пытас,
Одно одного на бенкетъ зазывае,
А мене никто по родини не займае,
Будто воно мене та й не знае!

²⁾ Вместо этихъ двухъ стиховъ одинъ: Тогда нась кумы и побратимы добре знали.

³⁾ Одцуралися кумы и побратими.

⁴⁾ Фигура, заключающаяся въ этихъ 4-хъ строчкахъ, у Метлинскаго выражена иѣсколько иначе:

То такъ-то тяжко, та такъ важко
Землі безъ травы, риби безъ воды,
Птиці безъ ліса пробувати;
То такъ-то тяжко та важко чоловіку въ чужій чужині
На чужій стороні,

Безъ отпя, безъ нееньки, безъ сердешного роду пробувати.

⁵⁾ Кромѣ теперешняго, намъ известны еще 2 варианта этой думы: 1) по-мѣщанный въ сборникъ Максимовича за 1834 г., стр. 51—57, и 2)—въ сбор-

Черкаська жена
 Коновчиха,
 По мужу Грициха;
 Та мала собі сына Йвася Коновченка-удовиченка.
 Вона его зъ малыхъ літъ годувала,
 У вайми не пускала,
 На чужи руки, на потурання не давала,
 Та до доброго разуму доводила,
 Та все милосерного Твбрця благала-молила:
 „Господи Боже милый и всі святые!
 Поможить мені сына Йвася годувати,
 До доброго разуму доводити,
 Щобъ було де при старости літъ віку дожити,
 Головоньку приклонити“.
 Якъ ставъ Йвасъ Коновченко-удовиченко до доброго разуму
 доходити,
 Стали козаки, стари паны молбдци, у городъ у Черкасъ на-
 ходити,
 Стали охотнє війско выѣликати.
 Тоді Йвасъ Коновченко-удовиченко до вдовы—черкаської
 жены промовляє словами,
 Й обильєтся гиркими слезами:
 —Ой мамо, мамо, удово,
 Черкаськая жено, Коновчихо!
 Займи-жъ ты чотыри воли чабаны, у городъ до жида Кро-
 лёва оджени¹⁾)
 И добрый зъ нимъ торгъ учини,
 Та пятдесятъ червонцивъ доложи,
 Та мені одного коня купи,
 Которого козацькая—молодецькая душа полюбила,

никъ Метлинскаго 1854 г. стр. 413—424, записанная Кулишемъ отъ Андрія Шута, но эти варианты на столько отличаются отъ нашего, какъ по объему, такъ и относительно последовательности рассказа, и другихъ частностей, что мы не находимъ удобнымъ дѣлать сличенія.

¹⁾ «До жида Кролёва», очевидно—искаженіе. Въ думѣ, помѣщенной у Максимовича сказано: «... до города Крылова»; въ думѣ, записанной Кулишемъ, этотъ городъ названъ Корсуномъ, а жида просто называется «соландаремъ» или «рандаромъ».

То промовить удова словами
 Й обильється горко слезами:
 „Бодай ты, сынку Йвасю Коновчичу-удовиченку, сёго не
 дождавъ,

Щобъ я отцевську худобу зубузала,
 Та тобі коня куповала;
 А лучше-жъ-бо, сынку Йвасю, у полі хліба-соли пахати,
 Козаківъ на хлібъ на силь зазывать,
 То будуть тебе люде добре знати,
 Будутъ тебе читати—поважати”.

То обізветься Йвась словами
 Й обильється горко слёзами:
 —Ой мамо, мамо, удово,
 Черкаськая жено!
 Хочъ и буду я на полі хліба-солі пахати,
 Козаківъ на хлібъ на силь зазывать,
 Та ве хотілося мені за плугомъ ходити,
 Та спины ломати,
 Своихъ сап'яніхъ чобітъ по борознамъ выкравляти,
 Китаївыхъ жупановъ пыломъ напылати!

У неділю барзо рано удова,
 Черкаськая жена,
 Думала—гадала,
 Изъ своего дому у Божій домъ одхожала,
 И всю козацьку—молодецьку зброю зхоронила,
 Тильки козацькои—молодецькои шабли не зхоронила.

То Йвась Коновченко одъ сна вставае,
 Лице вмывае,
 По світлиці прохожае,
 Нигде козацькои—молодецькое зброй не забачає;
 Бере козацьку булатну шаблю й за плечи закладає,
 Та зъ города выхожае,
 Та на четь мили за городомъ у дорозі козакивъ піхомъ на-
 ганяє.

Козаки, стари паны молдци, ёго не взнали,
 Йвася Коновченка-удовиченка, молодого лыцаря, дорогою
 поздоровляли.

Ой то-то-жъ-то удова,
 Черкаськая жена, Коновчиха

Изъ Божого дому прихожае,
 А вже сына Ивася Коновченка и дома немае.
 То вона тоди до земли припадае,
 У гору руки знімае,
 Бога милосердного благае:—
 „Бодай тебе, сыну Йвасю, три недоли не побили:
 Першая недоля щобъ тебе не побила—
 Щобъ ружія не стреляла,
 Другая недоля щобъ тебе не побила—
 Щобъ тебе шабля булатная не рубала,
 Третя недоля щобъ тебе не побила—
 Щобъ отцеви и матерени слёзы ни въ якій потребі не спо-
 ткали“.

Тоди удова, черкаськая жена, Коновчиха добре думала—
 гадала,
 Чотыри волы чабавыхъ займала,
 Та въ городъ до жида Кролёва одигнала,
 Добрый торгъ учинила,
 И пятдесятъ червонцівъ доложила,
 Та Йвасю Коновченку коня купила,
 Котораго душа козацька—молодецька полюбила,
 А рядовыми козаками до війска коня одсылала.
 Тоди Ивась Коновченко на кони сідає,
 Хрестъ на собі складає,
 Господа милосердного призыває,
 Та до пана Хвилона¹), кірсунського полковника, словами
 промовляє:
 „Пане мій, пане Хвилоне, кірсунській полковнику!
 Благослови мені на Черкаси-долину²) зъ Арчиникомъ³) по-
 гуляти,
 Памъяти козацької заживати
 Й зпамена турецького доставати“.

¹) У Максимовича—Філоненка.

²) У Максимовича Ивась говорить матери, что хочетъ «пидъ городъ Тягиню гуляти», а въ обращеніи къ Філоненку—«на Черкеню-долину»; это послѣднее название упомянуто и въ варіантѣ, записанномъ Кулишемъ.

³) Этого имени нѣть ни у Максимовича, ни у Метлинского. На вопросъ: кто это? Вересай отвѣтилъ: «ще такій татарський лыцарь бувъ,—князь, а може полковникъ».

То промовить Хвилонъ, корсунській полковникъ, словами
И обильється горко слёзами:

Не благословлю я тобі, Йвасю Коновченку, на Черкаси-до-
ливі зъ Арчиникомъ гуляти,
Памнити козацької й знамена турецького доставати:
Ще й ты дитя молодее, нигде не бувало,
Та козацького звýчаю не розизнало,

А есть козаки, стари паны молодци,—нехай вони на долині
Черкаси гуляють,

Памяти козацької заживають
И знамéна турецького доставають“.

То промовить Йвась словами,
Обильється горко слёзами:

„Пане мій, пане Хвилоне, корсунській полковнику!
Поймай ты утя старое й малое,
Та пусти ты на море,
То таъ поплыве малое, а икъ бы старое“.

Якъ пишовъ Йвась Коновчёнко-удовиченко на Черкась-до-
ливу зъ Арчиникомъ гуляти,
Памяти козацької заживати
Й знамена турецького доставати,
То винъ симсотъ изрубавъ,
А симсотъ живыхъ у руки забравъ;

То Хвилонъ корсунській полковникъ израдівъ: его пидъ руви
хватае,

Червону китайку простилає,
Напитки й наїдки становить,
Словами говорить:

„Йвасю, Йвасю Коновченку-удовиченко!
Ще й ты дитя и малое й молодое,
Ще-жъ нигде не бувало,
Та багато козацького звýчаю розизнало“.

Промовить Йвась словами:
„Пане мій, пане Хвилоне, корсунській полковнику!
Благослови мені оковиту водку вживати,

То йще не таъ буду на Черкаси долині зъ Арчиникомъ
гуляти“.

То промовить Хвилонъ словами:
„Не благословлю я тобі, Йвасю, оковитои водки вживати,
Бо оковитая водка тебе зрадить,

И зъ хрещённого світа тебе забавить“.

То винъ на те не давъ,

Та оковитои водки кубокъ наливавъ,

Такъ наливъ, такъ наливъ,

Ажъ козацьке молодецьке серце звеселивъ.

Тоди на коня сідае,

Городомъ проїзжае,

Старого й малого дорогою зневажае;

А за городъ виїжае —

Сонь ёго знемогае,

Ой то винъ головоньку коневи на гриву склоняе.

Турецька-бесурмлянська віра п'яного чоловіка за четъ мили
взнали,

Та йще за четъ мили назадъ одступали;

То вони поки ёго п'яного зарубали,

Ще симсотъ за собою утеряли;

Тильки то не добре вчинили,

Що коня не вловили.

Кинъ по табору турецькому гуляє,

На собі кривави поводы обрыває;

То Хвилонъ корсунській полковникъ сее забачає;

На своихъ козаківъ старыхъ словами гукає:

„Козаки, стари паны молодци! добре вы дбайте,

Пидите, коня поймайте

Того, що по табору турецькому гуляє;

Мабуть нашого Йвася Коновченка-удовиченка, молодого лы-
царя, на світі номає“.

То козаки, стари паны молодци, коня вловили,

До пана Хвилона корсунського полковника приводили.

То Хвилонъ, корсунській полковникъ до вдовы,

Черкаської жено

Письмо одсылає,

Поклинъ передаває:

„Удово, удово, черкаськая жено!

А вже твій сынъ Йвасъ одружився:

Узвавъ собі жинку горду-прегорду, а пышну-препышну, у
Черкасі-долині високу могилу!“

То удова, черкаськая жена,

Коновчиха

У гору руки знимала,

Господа милосердного благодарила й прохала:
 „Благодару-жъ Тебе, Бога небесного, що мій синъ Ивась
 одружився;
 Хочъ уязвъ собі жену горду-прегорду, пышну-
 препышну,
 То все-таки буде при кому віка дожити,
 При старости літіахъ головку прихилити“.

Хвионъ корсунській полковникъ зъ рядовыми козаками до
 удовы коня привождае,
 То удова коня забачае,
 До сырой земли припадае,
 Хвиона корсунського полковника проклинае:
 „Бодай ты, Хвионе, корсунській полковникъ, щастя-доли
 не мавъ.
 Якъ ты моего сына Ивася Коновченка-удовиченка, молодого
 лыцаря, за все висько втерявъ!“
 То промовить Хвионъ, корсунській полковникъ,
 словами

Й обильється горко слёзами:
 „Ой стой ты удова,
 Черкаськая жено!
 Ты мене не лай,
 Й мені молодому щастя-доли не терай,
 Бо ты сама не добре вчинила,
 Що такого коня ему купила“.
 То удова думала гадала,
 У свій домъ козакивъ зазывала,
 Восимъ веділь шістсотъ козакивъ у домі продержала,
 Хліба-соли не забороняла,
 За-разомъ похоронъ и весілля гуляла
 Й подарки давала.

—
 Дай Боже на здоровъя та на многи літа
 А й до кінця віка!

(Оту думу Остапъ Вересай переняль оть своего зятя Василя Ени, лирика
 изъ с. Бѣлоцерковки, лохвицкаго уѣзда.

Приведенные три думы, какъ вообще вся историческая пѣсни,
 распѣваемыя бандуристами, принадлежать къ козацкому эпосу;

первая изъ нихъ относится по крайней мѣрѣ къ XVI вѣку, вторая, относительно времени возникновенія, имѣеть характеръ неопределенный, третья-же относится къ болѣе поздней эпохѣ козацкихъ войнъ, а именно къ половинѣ XVII столѣтія. Такимъ образомъ эти три думы вмѣстѣ обрисовываютъ намъ до нѣкоторой степени весь періодъ полнаго славы козачества.

Козачество взяло на себя ініціативу въ защитѣ страны, труда и цивилизаціи отъ татаръ. Татарскіе набѣги особенно усилились къ концу XV и въ началѣ XVI столѣтій; украинскія степи являются тогда театромъ ловли татарами невольниковъ, которыми переполняются главнѣйшіе невольничіи рынки Крыма и Царьграда. Татары обязывались давать въ Турцію часть своихъ плѣнныхъ, другихъ продавали; эти послѣдніе принуждены были прѣлыхъ шесть лѣтъ пробыть въ рабствѣ, и только по истеченіи этого срока они становились свободными, однако не смѣли уйти изъ страны. Въ эту эпоху сложилась характерная форма украинской думы, самый старый образецъ которой -невольницкая.

Отличительные признаки думы — чрезвычайно грустный тонъ, болѣе прозаическое, чѣмъ стихотворное изложеніе, вольный, неравный размѣръ, очень близко подходящій къ благозвучной, ритмической прозѣ съ риѳмами, причемъ нѣкоторые стихи совершенно не риѳмуются, другое-же имѣютъ по нѣсколько соответствующихъ риѳмъ, а самую риѳму по большей части составляютъ глагольныя окончанія. Содержаніе излагается главнымъ образомъ въ формѣ разговора дѣйствующихъ лицъ другъ съ другомъ или съ силами природы, причемъ построение отвѣта всегда имѣеть нѣкоторое сходство со строемъ вопроса (это особенно рельефно видно въ приведенной нами второй думѣ). По ритму и тону всѣ думы весьма похожи одна на другую и довольно однообразны, какъ однообразны были звываніе вѣтра на широкихъ украинскихъ степяхъ и плескъ морскихъ волнъ, со всѣхъ сторонъ окружавшихъ томящіхся въ галерахъ невольниковъ.

Нѣсни о судьбѣ невольниковъ слушались напімъ народомъ съ особыеннымъ участіемъ, такъ какъ въ тѣ времена въ средѣ народа не мало было такихъ, которыхъ отцы, братія или сыновья побывали въ рукахъ „турецкихъ-бесурмлянскихъ“. Безъ сомнѣнія, такія думы, распѣваемыя мѣстными рапсодами—бандуристами,

имѣли сильное вліяніе на слушателей—козаковъ, возбуждали со-
страданіе къ участіи несчастныхъ страдальцевъ за вѣру и волю,
побуждали козаковъ къ подвигамъ противъ турокъ и татаръ какъ
для освобожденія этихъ невольниковъ, такъ и для отмщенія за при-
чиненные бѣдствія. Подобныя думы не теряли своего значенія и
въ болѣе позднія времена козачества, хотя тогда являются уже но-
вые подвиги и новые герои: Кишка Самйло, Федоръ Безродный,
Данило Нечай, Ивась Коновченко. Кто былъ этотъ послѣдній, не-
извѣстный исторіи, герой и въ какомъ походѣ онъ участвовалъ,
трудно рѣшить. Правда, всѣ собирали и записывали истори-
ческихъ пѣсенъ (Максимовичъ, Метлинскій, Жегота Паули, Кулишъ)
пріурочиваются его въ 1684 году, т. е. къ походу козаковъ въ бѣл-
городскій (аккерманскій) край за гетманства Кунинскаго, причемъ
Максимовичъ, на основаніи этой одной думы, Филоненка (якобы
сына Филона Джеджелія) вводитъ въ списокъ корсунскихъ полков-
никовъ. Но послѣ взятія Чигирина турками въ 1678 году корсун-
скій полкъ пересталъ существовать, а раньше того времени ни
одинъ Филоненко не былъ корсунскимъ полковникомъ. При Остря-
нинѣ въ 1638 году упоминается Филоненко, но онъ былъ полков-
никомъ вольницы козацкой. Изъ числа историческихъ личностей,
носившихъ имя Филона, извѣстны два полковника: полтавскій Фи-
лонъ Гаркуша, назначенный въ 1659 году отъ Выговскаго, но не
принятый полтавцами, а слѣд. это былъ только номинальный пол-
ковникъ, и кропивянскій—Фilonъ Джеджелі или Джаджалій, спод-
вижникъ Хмельницкаго отъ 1649 по 1658 годъ. Судя по буйному
характеру этого послѣдняго Филона и по его ненависти къ тата-
рамъ, а также по тому значенію и вліянію, какимъ онъ пользо-
вался въ глазахъ козаковъ, намъ кажется болѣе всего подходящимъ
—отнести нашу думу ко времени Джеджелія, тѣмъ болѣе, что земли
кропивянского полка лежали противъ Черкасъ, по ту сторону Днѣ-
пра, хотя на географической указанія, заключающіяся въ думахъ,
полагаться не всегда можно.

Вообще приведенные три думы представляютъ только варіанты
уже извѣстныхъ думъ, но этимъ не умаляется ихъ значеніе. Сли-
ченіе варіантовъ нагляднѣе всего уясняетъ намъ, какъ видоизмѣ-
нялись вообще думы. Не будучи записанною, а переходя отъ бандуриста
къ бандуристу изустно, дума сама собою разбивалась на

варіанты. Бандуристъ, смотря по времени и обстоятельствамъ, а иногда по вдохновенію, вносилъ въ данную думу одну—другую черту вновь или замѣнялъ прежнюю иною. Такимъ образомъ дума развивалась и измѣнялась безъ нарушенія исторической правды. Но съ течениемъ времени условія жизни измѣнялись, поэтическіе разсказы о герояхъ давнаго прошлаго и событияхъ, совершившихся когда-то, теряли какъ для народа, такъ и для самого кобзаря свою жизненную силу и свѣжесть. Тогда дума или подкрашивалась и непомѣрно разширялась не пущей къ дѣлу болтовней, или-же скращалась съ измѣненіемъ нѣкоторыхъ историческихъ частностей. Дума о Коновченкѣ, записанная Кулишемъ отъ Шута, представляеть образецъ именно такой раздутой, растянутой на цѣлый часъ пѣнія думы; дума о томъ-же героѣ, записанная нами отъ Вересая, принадлежитъ ко второму разряду измѣнившихся думъ: она вдвое короче кулишевской думы, но картина томленія козаковъ въ неволѣ представлена въ ней вполнѣ рельефно, хотя и въ сжатой формѣ. Имѣя въ виду сказанное выше о характерныхъ чертахъ думъ вообще, нашу думу мы ставимъ выше предыдущей: она проще, акція идетъ живѣе, основныя черты выставлены рельефище.

Невольницкая дума замѣчательно сохранилась въ памяти народной; дума-же объ Иванѣ Коновченкѣ сильно измѣнилась, не смотря на то, что эта послѣдняя сложилась, по крайней мѣрѣ, на сто или полтораста лѣтъ позднѣе первой думы. Въ чёмъ причины этого странного явленія? Неужели лучше помнить повѣствованіе о томъ, что было раньше, чѣмъ разсказать о болѣе позднихъ событияхъ? Главная причина, по нашему мнѣнію, лежить въ измѣнившемся вмѣстѣ съ жизнью характерѣ самихъ-же бандуристовъ. Современные намъ кобзари—это не прежніе пѣвицы и вмѣстѣ участники народныхъ страданій, а простые передатчики того, что сохранила народная память; они не имѣютъ уже въ виду воодушевить своихъ слушателей, разжечь въ нихъ рыцарскія страсти, но стараются лишь разжалобить ихъ, заставить прослезиться, а этимъ склонить въ свою пользу—къ подаянію нищѣему-слѣпцу. Думы въ родѣ „невольницкой“ или „о сестрѣ и братѣ“—болѣе общаго характера и рассказываютъ о бѣдствіяхъ и явленіяхъ, прочувствовать которыя можетъ всякий современный человѣкъ, которому только не чужды религіозно-нравственные стороны, выводимыя въ этихъ думахъ.

Межу тѣмъ думы, такъ сказать, политического характера въ настояще время для народа не имѣютъ значенія. Немалое имѣли вліяніе на думы и послѣдующія явленія въ народной жизни, особенно гайдамачина, заслонившая собою представленія и воспоминанія о предшествовавшихъ событіяхъ. Не безъ причины кобзари сохранились теперь почти исключительно по лѣвой сторонѣ Днѣпра. Главнѣйшія движенія народныхъ массъ позднѣйшей эпохи происходили въ правобережной Украинѣ, а это не могло не имѣть вліянія на возникновеніе новыхъ думъ и измѣненіе прежнихъ, или образованіе въ нихъ значительныхъ варіантовъ. Сохраненію и поддержанію въ народѣ думъ не благопріятствуютъ иногда и новые распорядки: новый строй жизни не различаетъ бродяги-нищаго отъ странствующаго артиста старыхъ временъ, и полицейская власть въ ряду нищихъ, шляющихся по ярмаркамъ, не рѣдко захватываетъ и бандуристовъ и водворяетъ ихъ на мѣсто жительства. Нѣчто подобное случилось, напр., и съ Остапомъ Вересаемъ, когда онъ въ прошломъ году былъ посаженъ въ кутузку въ Прилукахъ; но тутъ-то табакерка, подаренная ему великими князьями, сослужила ему службу: лишь только онъ показалъ ее блостигелямъ порядка, какъ тотъ чѣмъ-же былъ выпущенъ на свободу. Съ тѣхъ поръ Вересай называетъ эту табакерку своимъ „прачпортомъ“.

Репертуаръ Остапа Вересая, кромѣ думъ, составляютъ еще, какъ мы сказали, „поважливі пісни“ и „простацькі“. Въ первой изъ записанныхъ нами пѣсень религіозно-нравственнаго содержанія („Годі (полно) вамъ шуміти“) въ прекрасной поэтической формѣ выражаются сожалѣніе о бесполезно проведенной молодости и муки поздно пробудившагося сомосознанія:

Віуть вітры въ стѣпу—запрету не мають;
Идуть мысли въ день и вѣщи—спокою не дають!

Содержаніе второй пѣсни: „Якъ трудно во гріахъ умирati“— опредѣляется самимъ заглавіемъ; подобная пѣсня находится въ сборнике Метлинскаго, на стр. 371, подъ заглавіемъ: „Смерть“.

Пѣсни сатирическаго содержанія, входящія въ репертуаръ Вересая, осмѣшиваютъ ненормальности человѣческой жизни и ув-

лоненія отъ здраваго смысла; но эти пѣсни онъ рѣдко поетъ и вообще не придаетъ имъ особаго значенія, называя ихъ „простацкими“ и желая этимъ выразить, что только, привыкнувъ къ вкусамъ слушателей-простолюдиновъ, онъ позволяетъ себѣ пѣсть такія пѣсни.

Приводимъ первую изъ указанныхъ нами пѣсень, представляющую не мало художественныхъ чертъ.

Годі вамъ шуміти, зеленыи луги!	
Годі мліти серцю моему зъ незноснои туги!	2
Якъ цвіты прекрасныи скоро одцвітаютъ,	
То такъ насъ молодій літā скоро покидаютъ.	2
Пройшли літа скоро, якъ быстрыи ріки,	
А я живу при нещастій черезъ усі віki,	2
Віуть вітры въ степу—запрету не мають,	
Идутъ мысли въ день и въ нощи—спокою не дають.	2
Старость моя й жизноть! не можу терпіти,	
Що я не вмівъ молодыми літами владіти.	2
Теперь я не зваю, якъ дожити віку;	
Ой де-жъ мені подітися, бідному чоловіку?	2
Пойду я зъ печалью а въ темныи луги;	
Ой чимъ-же я візволюся зъ великои туги?	2
Лучше жъ мені жити въ пущахъ мижъ звірами,	
Ані-жъ мені при нещастій жить мижъ ворогами.	2
Лучше мені жити въ степу, у пустыні,	
Ані-жъ межъ людьми при нещастій жити на едіні!	2
<hr/>	
Есть такіи люде, що пужды не знаютъ,	
Одъ убогого, одъ мизерного двери зачиняютъ,	2
Прежди смерти душі царства своїй не дбають.	2

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ объ устройствѣ инструмента, на которомъ кобзарь аккомпанируетъ себѣ при пѣніи, а также о приемахъ при самой игрѣ.

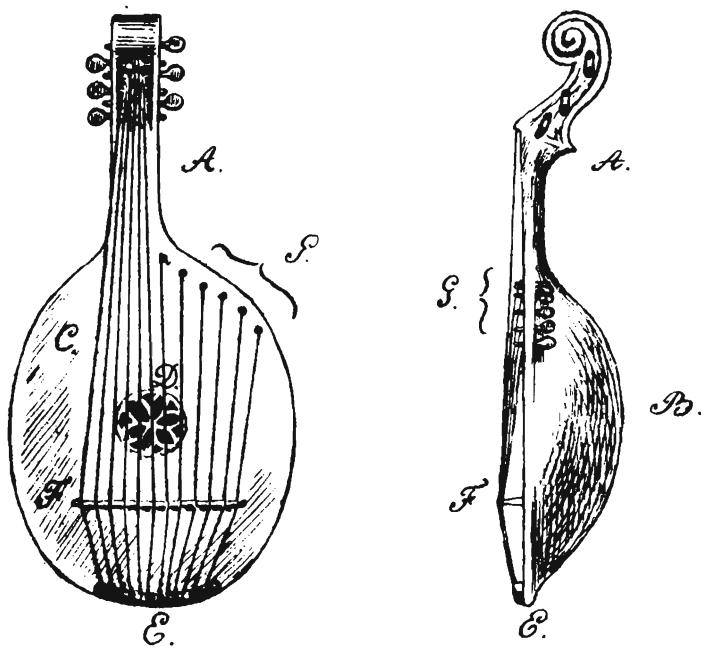
Бандура, какъ показываетъ прилагаемый рисунокъ, состоитъ изъ ручки или грифа **A**, выпуклого овала—спідняка **B** и вибрирующей поверхности—верхняка **C** или дейки съ отверстиемъ—голосникомъ **D**. Струны, начинаясь отъ прикрепленного къ окружности

овала *пристронника* **E**, перекидываются черезъ деревянный порогъ —*кобылку* **F** и идутъ къ головкѣ ручки, въ которой сидятъ ко-
локочки для подтагиванія или опусканія струнъ. Всѣхъ струнъ 12
(но бываетъ 20, 30 и болѣе). Шесть большихъ струнъ называются
бунты: 3 первыя—басы, всѣ они *кишкоби*, причемъ первый басъ
обмотанъ канителю; 4-ая мѣдная (*дротѣва*), 5-ая *прийма* и 6-ая
терція—они изъ кишечкъ прозрачныхъ—*римськихъ*; шесть корот-
кихъ струнъ носятъ название *пристронковъ*, они бываютъ изъ ки-
шечкъ и мѣдныя.

Кобзарь играетъ на бандурѣ сидя и держитъ ее въ косвен-
номъ положеніи, но при игрѣ пьесъ плясовыхъ—совершенно вер-
тикально. Лѣвой рукой нажимаетъ струны, правою же рукою пе-
ребираетъ, причемъ, для произведенія болѣе сильного, рѣзкаго зву-
ка, надѣваетъ на указательный палецъ наперстокъ съ косточкой,
т. е. деревянной полоской изъ лозы или орѣшика. Когда нѣ-
сколько бандуристовъ играютъ вмѣстѣ, то одни играютъ преиму-
щественно на *пристронкахъ*, другіе же имъ вторятъ на *бунтахъ*,
что, замѣтимъ, производить весьма пріятную гармонію.

Н. Ф. У. О.

Рисунокъ
типической
бандуровы.

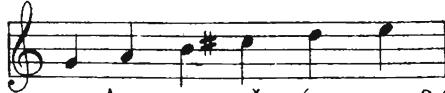
Объяснение знаковъ см. въ текстѣ.

О музыкѣ думъ и пѣсень Остапа Вересая.

Въ первомъ томѣ „Записокъ юго-западнаго отдѣла императорскаго географическаго общества“ помѣщена обстоятельная статья о томъ-же предметѣ, который избирается и нами для настоящей замѣтки. Но этотъ предметъ такъ мало еще изслѣдованъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣеть такое огромное значеніе въ смыслѣ историко-эстетическомъ, что чѣмъ больше будетъ высказано о немъ мнѣній, хотябы и не вполнѣ согласныхъ между собою, тѣмъ большая откроется возможность будущему изслѣдователю южно-русской музыки прійти къ положительнымъ выводамъ относительно ея характерныхъ особенностей, выдѣляющихъ ее изъ семи родственныхъ ей напѣвовъ всѣхъ другихъ славянскихъ племенъ. До самаго послѣдняго времени всѣ изслѣдователи народной славянской музыки относили ее къ такъ называемымъ средне-вѣковымъ церковнымъ ладамъ. Это мнѣніе до сихъ поръ еще господствуетъ среди многихъ изъ специалистовъ музыкантовъ. И дѣйствительно, при поверхностномъ изслѣдованіи славянской народной музыки, легко прійти къ такому выводу: съ первого взгляда мы имѣемъ здѣсь какъ будто всѣ признаки этихъ старо-церковныхъ ладовъ. Но при болѣе тщательномъ изслѣдованіи, въ частности, великорусскихъ пѣсень, сдѣланномъ г. Мельгуновымъ, оказалось, что эти пѣсни имѣютъ основаніемъ болѣе древнюю почву—именно греческіе строи. Чтобы быть понятнымъ для читателя, я выскажу здѣсь некоторыя положенія изъ исторіи европейской музыки вообще. Какъ и всѣ другія искусства, музыка не сразу явилась во всеоружіи современной гармоніи съ ея роскошною, въ смыслѣ разнообразія построеній, обстановкой. Какъ живопись развилаась изъ плоскостныхъ изображеній, безъ всякаго соблюденія перспективы (египетскіе рисунки), такъ и музыка въ началѣ не

имѣла тѣхъ качествъ, которыя придаютъ ей характерную окраску — не имѣла гармоніи. Это была, такъ сказать, плоскостная музыка, музыка одноголосная, *гомофоничная*. Относительно живописи мы имѣемъ чрезвычайно интересныя изслѣдованія, какъ напр., изслѣдованія Гладстона о неполномъ представлѣніи древними греками всѣхъ цвѣтовъ нашего спектра; такъ и въ музыкѣ: — древніе народы не различали мелкихъ мелодическихъ единицъ, какъ наши полутоны, ихъ слухъ воспринималъ только цѣлые тоны; поэтому мы и видимъ кажущіяся для современаго уха чрезвычайно странными китайскія и валлійскія (шотландскія) гаммы изъ 5 цѣлыхъ тоновъ. Въ дальнѣйшемъ развитіи своею музыка, какъ и другія искусства, шла все впередъ и уже у грековъ временъ Аристотеля выразилась въ строгой и стройной системѣ изъ семи строевъ. Но система эта все-же значительно отличалась отъ нашей. Начальная христіанская музыка воспользовалась материаломъ, оставленнымъ ей классической древностью и на немъ основала всѣ свои цѣспошнія. Но изобрѣтеніе органа и другія обстоятельства заставили музыку уклониться отъ прежнаго гомофонического (одноголоснаго) пути и перейти къ полифоніи (многоголосицѣ). Первые зачатки полифоніи мы встречаемъ въ IX-мъ вѣкѣ послѣ Рождества Христова въ произведеніяхъ фландрскаго монаха Убальда или Гукбальда въ видѣ такъ называемой діафоніи. Гукбальдъ писалъ свои произведения для двухъ голосовъ, шедшихъ параллельно въ интервалахъ квинты, кварты или октавы. Такова была основа современной полифоніи. Въ послѣдующемъ развитіи музыка шла уже все дальше и дальше по пути полифоніи, измѣня, сообразно съ требованіемъ послѣдней, свои основные единицы, т. е. древне-греческие строи, лежавшіе въ ея основаніи. Такъ произошли средне-вѣковые церковные лады, приведенные въ стройную систему знаменитымъ музыкантомъ XVI-го вѣка Глареаномъ (Glareanus). Глареановскіе лады имѣютъ уже совершенно иныхъ названія, чѣмъ греческіе строи, имѣютъ отличное отъ послѣднихъ значеніе. Изъ этихъ ладовъ развился наипъ современный мажоръ и миноръ. Наша современная музыка и ея строи имѣютъ то отличіе, что всякая мелодія, всякая гармонія стремится закончиться въ опредѣленный тонъ, въ опредѣленный аккордъ, построенный на извѣстной нотѣ. Эта-то нота, которой стремятся закончиться наши мелодіи и гармошіи и служить показателемъ строя

мелодіи, называется *тоникой* строя. Средне-вѣковые лады такое стремление обнаруживаютъ слабѣе, древне-греческіе строи почти вовсе лишены его. Въ этомъ одно изъ существеннѣйшихъ отличій ихъ. Теперь спрашивается, къ какого рода строямъ слѣдуетъ отнести нашу древнюю южно-русскую музыку? Странно было-бы предполагать, что славянское племя, исходящее изъ одинакового арійскаго корня съ греческимъ, но съ самой ранней поры своей жизни ставшее вдали отъ западно-европейскихъ народовъ и ихъ культуры, должно было развить свою музыку совершенно также, какъ развили ее западно-европейцы. У славянъ не было повода къ такому развитию полифоніи, которое имѣлось у западно-европейцевъ, и они въ большей чистотѣ должны были сохранить первообразъ европейской музыки, музыку гомофоничную, сродную музыкѣ древнихъ грековъ. Такъ уже a priori мы пришли къ выводу, что средне-вѣковые церковные лады, выросшіе на почвѣ полифоніи, не должны бы были вполнѣ соотвѣтствовать строямъ нашей славянской и, въ частности, южно-русской музыки. Почтенный авторъ статьи „Записокъ“, по нашему мнѣнію, допустилъ неточность, посмотрѣвъ на южно-русскіе напѣвы съ предвзятой точки зрењія, господствовавшей въ то время, идентичности строя малорусской музыки съ церковными западными ладами. Но вполнѣ добросоѣстное отношеніе къ дѣлу и здѣсь дало себя знать: авторъ указываетъ, что церковные лады не составляютъ господствующаго элемента въ южно-русской музыкѣ, что въ ней встрѣчаются и наши мажоръ, миноръ и мадьярскія гаммы, и, наконецъ, признаки, приводящіе ее въ соприкосновеніе съ восточной музыкой. Ни однимъ только словомъ авторъ не заикается о древне-греческихъ строяхъ, а между тѣмъ они-то и составляютъ главный элементъ въ нашей музыкѣ. Говоря о строѣ шести короткихъ струнъ (приструнків) бандуры авторъ считаетъ его *лидійскимъ* средне-вѣковымъ ладомъ. Съ виду это кажется совершенно вѣрнымъ: звукорядъ—

совершенно соотвѣтствуетъ по виду лидійскому церковному строю. Авторъ далѣе (на стр. 346) говоритъ, что кобзарь этихъ струнъ не прижимаетъ, а играетъ на нихъ, не измѣняя звука. Но мнѣ удалось видѣть и слышать иное. Остапъ Вересай, показывая, какъ надо играть плясовыя пѣсни на двухъ бандурахъ, укорачи-

ваетъ и *приструнки* и играетъ на нихъ также, какъ и на *бунтажъ* (длинныя струны). При этомъ оказывается необыкновенно интересное явленіе: кобзарь не заключаетъ своей игры въ тоникъ, какъ слѣдовало бы въ лидійскомъ ладу, а безразлично заканчиваетъ свою игру или въ тонику, или въ нижнюю квинту, или въ верхнюю терцю. Это уже чистый признакъ древне-греческихъ лидійской, гиполидійской и синтонолидійской гаммъ, повышенныхъ на цѣлый тонъ, ибо эти древне-греческія гаммы соотвѣтствовали по высотѣ своего начала напримеру Г. Иногда Вересай настраиваетъ приструнки иначе:

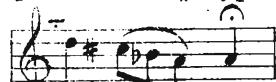
что соотвѣтствуетъ древне-греческой іонійской гаммѣ

(найчаше встрѣчаемой въ великорусскихъ пѣсняхъ), при чемъ точно также держится полной свободы заключеній, вращаясь то въ основной, то въ *типо*, или въ *синтоно* ладу. Что касается собственно музыки и напѣвовъ думъ, то здѣсь я могу сообщить не много новаго. Дума въ исполненіи Вересая, котораго мнѣ довелось слышать въ настоящій его прїездъ только дважды, имѣть характеръ полной импровизаціи. Одну и ту же думу Вересай одинъ разъ исполняетъ такъ, другой разъ иначе. Основной мелодическій рисунокъ всѣхъ думъ совершенно одинаковъ. Онъ почти совершенно точно совпадаетъ съ приложенній къ упомянутому тому „Записокъ“ мелодіей думы. Мелизматическая украшенія, придаваемы ей Вересаемъ этому основному безритменному мотиву, трудно поддаются записыванью. Мельчайшія интервалы придаютъ этимъ украшеніямъ характеръ, близкій къ восточнымъ мелодіямъ; это, какъ кажется, можетъ быть объяснено долговременнымъ соприкосновеніемъ малоросовъ съ татарами и турками. Въ этихъ украшеніяхъ можно найти много общаго съ пѣсней Муэзина передъ восходомъ солнца (см. „Illustrirte Musiq.-Geschichte“ von E. Nauman, в. 99). Замѣчу, что окончаніе каждой мысли заканчивается опредѣленной фигурой

въ „Запискахъ“ она

представлена такъ

Быть можетъ эта разница зависитъ отъ импровизационнаго характера исполненія Вересая. Я не считаю нужнымъ выписывать здѣсь всѣхъ мелизмовъ, какіе мнѣ удалось записать. Чтобы уяснить себѣ ихъ значеніе, у меня нѣтъ еще достаточно матеріала; какъ сырой же матеріалъ, они не имѣютъ значенія. Мнѣ кажется, что изслѣ-

дованіе въ указанномъ мною направлениі, т. е. насколько наши мелодіи отличаются по строю отъ западныхъ, насколько онѣ сходны съ древне-греческими и чѣмъ разнятся отъ этихъ послѣднихъ, со-ставляетъ интереснѣйшую задачу, могущую повести къ новымъ от-крытиямъ въ области эстетической акустики, какою она является у Гельмгольца. Быть можетъ ближайшія изслѣдованія откроютъ, что наша музыка хотя сродна, но не идентична ни съ древне-гречес-кой, ни съ средне-вѣковой западной. Намеки на это имѣются въ разницѣ изслѣдованій хотя и поверхностныхъ, какъ мои и автора статьи „Записокъ“. Быть можетъ эти изслѣдованія открываютъ новые горизонты въ области тональностей и обновятъ начинаящую уже ветшать современную ихъ систему. Дождутся-ли наши мелодіи та-кихъ изслѣдованій?

А. Н-сній.

ИЗЪ ПРАКТИКИ СТАРЫХЪ СУДОВЪ.

„Невѣроятныи изсвѣтъ отъ простоиодчивости по предосужденію“.

Не подъ этимъ заглавиемъ, но съ такими названіями и характеристикою находится въ одномъ изъ кievскихъ архивовъ „дѣло о порѣзаніи“ малолѣтними еврейками на малолѣтнемъ-же крестьянскомъ мальчикѣ „тѣла для испущенія христіанской крови“. Дѣло не сложное, не продолжительное по времени, но интересное какъ по существу, такъ и по многимъ его частностямъ: въ немъ проглянуло, кажется, неизвѣстное доселѣ народное вѣрованіе объ употребленіи евреями христіанской крови при разрѣшениі отъ бремени еврейскихъ женщинъ, равно отобразилась вся процессуальная сторона такихъ и подобныхъ дѣлъ прежняго времени.

Отъ временъ глубокой древности, отъ вѣковъ отдаленныхъ идетъ непримиримая вражда между христіанскимъ и еврейскимъ населеніемъ всѣхъ странъ. Наша южно-русская страна представляетъ въ семъ отношеніи исключение развѣ въ смыслѣ вышаго народнаго озлобленія противъ исповѣдниковъ Іеговы, проявлявшагося надъ ними наиболѣе частымъ и наиболѣе чувствителыи образомъ. Отъ Изъяслава и Владимира Мономаха до Гопты и Желѣзняка и отъ этихъ послѣднихъ до нашихъ дней, чувства кievлянъ, чувства всего южно-русскаго народа къ еврейскому поколѣнию не измѣнились ни на iota. Нечего говорить о томъ, что въ основѣ этихъ чувствъ лежатъ прежде и болѣе всего экономическія отношенія, а потомъ вѣроисповѣдное отличіе; по сверхъ этого въ нихъ видную роль играетъ особый циклъ вѣрованій, ничего общаго съ догматами христіанства не имѣющихъ, но твердыхъ и непоколебимыхъ, всасываемыхъ съ молокомъ матери, обоснованныхъ на

вѣковой традиції. Едва ли и теперь удалось-бы вамъ, читатель, разувѣрить нашего простолюдина въ томъ, что „у жида пѣтъ души“, а есть только „пара, что изъ скотины выходитъ“,—даже не тотъ „дымецъ малъ“, что видѣлъ врачи—иностраницъ въ минуту кончины московскаго великаго князя Василія Васильевича, исходящимъ отъ тѣла его. Къ числу вѣрованій, столь давнихъ и новсюдныхъ, относится и увѣренность въ употребленіи евреями христіанской крови. Вѣрованіе это и связанныя съ нимъ казуистика имѣютъ свою литературу, крайне любопытную въ томъ отношеніи, что изъ всѣхъ, писавшихъ объ этомъ *pro et contra*, никто никого ни въ чемъ не убѣдилъ и что изъ большаго числа возникавшихъ въ судебной практикѣ случаевъ обвиненія евреевъ въ добываніи христіанской крови, ни одинъ не доказанъ окончательно, но и ни одинъ не оставленъ безъ большаго или меньшаго подозрѣнія. Тотъ-же характеръ недоказанности и вмѣстѣ нѣкотораго сомнѣнія носить на себѣ и настоящій случай, о которомъ мы хотимъ разсказать, ради одной его особенности по существу и нѣкоторыхъ характерныхъ частностей.

Дѣло происходило не особенно давно, лѣтъ пятьдесятъ назадъ, въ предѣлахъ киевской губерніи. Въ васильковскомъ уѣздѣ, не вдалекѣ отъ самаго города Василькова, вправо отъ широкаго почтоваго тракта на Бѣлую Церковь, лежитъ большое село Плисецкое. Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія въ немъ жилъ еврей Фроимъ, по фамиліи Каминскій. Фамилія нимало не еврейская, и это указываетъ на то, что либо самъ Фроимъ, либо вообще родъ его вполнѣ натурализовался въ „краѣ забраномъ“, а быть можетъ зашелъ сюда изъ „Конгрессувки“. Въ тридцатыхъ годахъ было уже царство откуповъ и процвѣтало оно во всю свою мощь какъ на Сѣверѣ, такъ и на югѣ Россіи, на послѣднемъ—въ „народѣ избранномъ“. И въ окрестностяхъ с. Плисецкаго былъ откупщикъ, а въ самомъ Плисецкомъ его приказчикъ Фроимъ. Былъ онъ съ достаткомъ, жилъ здѣсь 14-ть лѣтъ, своимъ дѣломъ занимался, людей не чуждался. У Фроима была своя Сура, а отъ нея онъ имѣлъ двухъ дочерей — Лею и Хайку,—какихъ лѣтъ, это также трудно опредѣлить, какъ трудно опредѣляются годы евреевъ-дѣтей при полученіи пассажирскихъ билетовъ и евреевъ-юношей при добываніи воинской повинности. Рядомъ съ Фроимомъ жилъ казенный

крестьянина Кузьма Мироненко, а у него жена Дарья и трое малолѣтнихъ дѣтей: дочь и два сына, изъ которыхъ одинъ былъ старше дочери, а другой имѣлъ лишь пять мѣсяцевъ отъ рожденія и проводилъ время въ „колыскѣ“ (люлькѣ) подъ присмотромъ старшаго брата и сестры, а иногда и самостотельно. Дочери Фроима приходили къ дѣтямъ Мироненка „бavitъся“, или поиграться. До происшествія, о которомъ возникло дѣло, посѣщенія ихъ были рѣдки, а ко дню происшествія участились и стали ежедневными. Вотъ какъ было самое дѣло.

30 сентября 1832 года Кузьма Мироненко куда-то отлучился изъ деревни; жена его Дарья была на огородѣ, а грудной ея ребенокъ, пятимѣсячный Федоръ оставался въ хатѣ, подъ присмотромъ старшихъ дѣтей. Подъ вечеръ Дарья Мироненкова, навѣдавшись въ хату, застала тамъ какъ своихъ дѣтей, такъ и дочерей Фроима-Лею и Хайку; но при ней-же ея старшія дѣти выбѣжали на дворъ, а она, покормивши, быть можетъ, грудное дитя, ушла на огородъ, оставивъ въ хатѣ Лею и Хайку. Что было въ слѣдъ за тѣмъ, не известно; но спустя некоторое время Дарья Мироненкова увидала, что старшій сынъ ся несетъ къ ней на огородъ плачущаго Федю, а взявъ этого послѣдняго къ себѣ на руки замѣтила, что задняя часть его исцарапана или порѣзана во многихъ мѣстахъ. Старшій сынъ пояснялъ, что, придя въ хату, онъ засталъ, что старшая дочь Фроима держала маленькаго брата его на рукахъ и успокаивала его при сильномъ его плачѣ. Мать видѣла много царапинъ, или порѣзовъ, конечно, легкихъ, нашла и запекшуюся кровь, соображала, что царапины не могли быть дѣломъ случайнымъ. Мать Леи и Хайки была на сносяхъ; Мироненкова слышала и вѣрила, что еврейки при трудныхъ родахъ прибѣгаютъ къ помощи христіанской крови известнымъ имъ образомъ. Въ душѣ ея явилось подозрѣніе, не были-ль тѣ порѣзы произведены дочерьми Фроима. Она бросилась обыскивать, ихъ и въ карманѣ младшей нашла нѣсколько кусковъ стекла. Подозрѣніе переходило въ увѣренность. Мироненкова боролась и съ своими мыслями и съ постигшеею ее бѣдою. Въ порывѣ гнѣва и досады, она бѣжитъ ко двору Фроима и срываетъ съ менышей его дочери платокъ. Та подняла крикъ, выбѣжалъ Фроимъ и набросился на сосѣдку. Поднялась „сварка“ или ругань, не обошлось, быть можетъ, и безъ схватки; платокъ былъ отнятъ.

Изъ того, что жена Фроима не упоминается при этомъ и вскорѣ, какъ видно изъ дѣла, отъ бремени разрѣшилась, заключить можно, что въ ту пору она болѣла родами. Въ послѣдствіи Мироненкова объяснялась, что потому она платокъ сорвала, чтобы самъ Фроимъ позвалъ ее въ судъ; другими словами: она боялась сама обжаловать еврея, опиравшагося на своего патрона-откупщика и вѣроятно не разъ дававшаго чувствовать свою силу односельчанамъ-крестьянамъ, и хотѣла открыть его вину при случаѣ, въ качествѣ отвѣтчицы. Было-ли въ самомъ дѣлѣ такъ, рѣшить трудно. Почему-то однако жалобу свою она принесла волостному тутъ-же жившему головѣ лишь на третій день, а изъ того, какъ первоначально принятая жалоба, видно, что не одна Мироненкова боялась повѣреннаго откупщика. Самъ голова, выслушавъ такое ужасное заявленіе, обратился къ мѣстному священнику Халничу, но и тотъ „не могъ ничего сказать“. Можетъ быть, тѣмъ дѣло и кончилось бы, если бы голова не обратился за совѣтомъ къ командиру квартировавшой въ селѣ Плисецкомъ роты, капитану Рожманту. Тотъ послалъ за Миронenkами, самъ распросилъ ихъ и „сейчасъ-же велѣлъ послать до онаго еврея четырехъ человѣкъ солдатъ для караула до рѣшенія дѣла“. Голова послалъ донесеніе въ васильковскій земскій судъ; въ немъ, со словъ Мироненковой, прямо говорилось, что дочери Фроима, вынувъ изъ люльки ея дитя „начали стекломъ рѣзать оному младенцу тѣло во многихъ мѣстахъ и испустили большую кровь“, съ подушенія Фроима.

Такъ началось это курьезное дѣло, предъ которымъ сталъ-бы въ туникѣ любой изъ современныхъ юристовъ. Чѣмъ доказать или опровергнуть фактъ преступленія необычайного, невѣроятнаго? Съ которой стороны ни поверни это дѣло,—уликъ, слѣдовъ масса и въ тоже время ихъ вовсе нѣтъ. Остается ни опровергнутымъ, ни заподозрѣннымъ въ своей дѣйствительности фактъ внезапнаго израненія ребенка и „испущенія большой крови“ въ отсутствіе его матери, только предъ тѣмъ видѣвшей его невредимымъ, въ отсутствіе дѣтей, за нимъ присматривавшихъ, но въ присутствіи двухъ малолѣтнихъ евреекъ. Что происходило въ ту пору, когда эти дѣвочки оставались одни съ христіанскимъ дитятею, никто видѣть не могъ; но у одной изъ нихъ за столомъ дитя на рукахъ, и она его успокоиваетъ, у другой много битаго стекла въ карманѣ. На дѣт-

скій плачъ въ деревняхъ, въ быту крестьянскомъ, обыкновенно не обращаютъ вниманія, и дитя плачетъ по нѣсколькоу часовъ; но видно крикъ израненаго Феди былъ особенный, видно пораненіе его бросалось слишкомъ въ глаза, когда малолѣтній также братъ его выхватываетъ его изъ рукъ евреечки и бѣжать съ нимъ къ матери на огородъ. Допустить случайное исцарапаніе какою - нибудь въ вѣ платьѣ евреечки торчавшею иголкою или валявшимися гдѣ либо кусками стекла не приходится уже и потому, что такое объясненіе не было приведено обвиняемою стороною, что для нея было такъ легко. „Колыска“, обыкновенно почвы или плетенка, набитая всячкимъ тряпцемъ, еще менѣе могла быть орудіемъ пораненія, какъ не была и дотолѣ, и на нее, какъ ни на что другое не указываютъ ни обвиняемые, ни свидѣтели, ни самій судь. Что пораненіе ребенка Мироненковой было не пустяпное, видно по тревогѣ матери, ея гнѣву и раздраженію, по ея паконецъ рѣшимости обжаловать сильного цовѣреннаго еще болѣе сильного откупщика. Есть и другія указанія на серьезность факта: голова обращается къ священнику, священникъ отказывается даже сказать что либо, а капитанъ, распросивъ, не задумывается поставить военный караулъ къ дому Фроима. Трудно допустить, чтобы ни головѣ, ни капитану не пришло на мысль осмотрѣть израненаго ребенка и если первый въ своемъ рапортѣ рѣшительно говорить о „испущеніи большой крови“, а второй рѣшается на мѣру чрезвычайную — военный караулъ, то для нихъ не оставалось сомнѣнія въ фактѣ значительного или случайного пораненія дитяти.

Доселѣ все за обвиненіе, отселѣ все противъ него. Произведено слѣдствіе и — никакихъ доказательствъ, никакихъ слѣдовъ и признаковъ доселѣ такъ несомнѣннаго факта. Приходилось бы и намъ съ вами, читатель, какъ и тогдашнему суду, заключить, что это былъ „неопроятный извѣтъ, по одному только, отъ простомудровости предосужденію“. Но въ дѣлахъ старыхъ (и однихъ ли старыхъ?) судовъ была всегда своя закулисная сторона, и въ настоящемъ дѣлѣ она оставила по себѣ такие слѣды, что ее и въ настоящее время и не записному юристу можно разглядѣть и опять воспроизвести. Попробуемъ, читатель.

Перенеситесь мысленно къ тому отдаленному времени, погрузитесь на минуту въ тогдашнюю уѣздную и сельскую жизнь, при-

помните тогдашніе суды и власти, откупа и царство израильское и положеніе крестьянской души, хотя бы и казенной, но бывшей во всемъ и за все въ отвѣтѣ. Вотъ съ одной стороны семья Мироненковыхъ, которой мать въ такой непрерывной работѣ, что ей и за дитятею присмотрѣть некогда; съ другой, семья приказчика по откупу, 14 лѣтъ живущаго на одномъ мѣстѣ. Если и теперь любой шинкарь—еврей, поживъ короткое время въ селѣ, овладѣваетъ всѣми пружинами сельской жизни, пріотрѣтъ авторитетъ и вліяніе свойственными ему способами, знаетъ всю подноготную крестьянина, владѣетъ его карманомъ и трудомъ, то что могъ значить пятьдесятъ лѣтъ назадъ въ с. Плисецкомъ повѣренный откупщика Фроимъ? Что онъ былъ съ деньгою, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію; что онъ имѣлъ силу и вліяніе, видно по всему началу дѣла, если не исходу его. Самъ онъ мѣщанинъ сосьдняго г. Василькова; его патронъ, конечно, васильковскій купецъ, а тамъ суды, тамъ родня Фроима, тамъ его патронъ, тамъ еврейскій кагаль. Думаете ли, читатель, что этотъ Фроимъ до караула и подъ карауломъ, и его родня и патронъ, и этотъ кагаль оставались равнодушными къ такому „невѣроятному извѣту“, какъ обвиненіе въ „испущеніи большой христіанской крови“, падающее на все еврейство?

Весь ходъ дѣла удостовѣряеть въ противномъ, хотя мы не видимъ потаенныхъ пружинъ, а только примѣчаемъ повсюду ихъ дѣйствіе.—Судъ, въ то время очень медленный и тяжелый на подъемъ, поднимается въ путь на третій день послѣ рапорта головы и пребываетъ на мѣсто происшествія въ лицѣ засѣдателя земскаго суда Тулуба. Простой смыслъ могъ бы сказать, что разъ дѣло идетъ о пораненіи, необходимъ судебнно-медицинскій или хотя-бы обыкновенный осмотръ; но земскій судъ не отряжаетъ врача, а командируетъ—не извѣстно почему и для чего—депутата съ военной стороны. Земскій засѣдатель, прибывъ на мѣсто, допрашиваетъ лишь мать потерпѣвшаго дитяти и отца обвиняемыхъ дѣвочекъ. Ни до кого ему больше дѣла нѣтъ; онъ знать не хочетъ, что могли-бы сказать эти обвиняемыя и братъ потерпѣвшаго малютки, который первый видѣлъ его пораненіе. Засѣдатель не считаетъ нужнымъ хотя-бы взглянуть на израненное дитя и записываетъ показаніе его матери, что дитя здорово, прибавляетъ даже „не вредимо“, мѣняетъ

льта обвиняемыхъ по показанію ихъ отца, назначая старшей 9 лѣтъ вмѣсто 12 и младшей 5 вмѣсто 7-ми, считаетъ нужнымъ занести въ протоколъ заявленіе Фроима, что ни ему, ни вообще евреямъ кровь христіанская ни въ какомъ случаѣ не нужна, обходитъ мотивъ подозрѣнія и беременность матери обвиняемыхъ и переходить къ спасительному повальному обыску, для которого всегда въ такомъ дѣлѣ найдется нѣсколько „питуховъ“ и еще больше должниковъ и инымъ способамъ обязанныхъ повѣренному виннаго откупа, а когда обыскъ даль легко предвидимый результатъ, приходитъ къ заключенію, что „никакой важности по оному дѣлу не заключается“. Жаловавшаяся прежде такъ энергически Мироненкова предъ засѣдателемъ какъ-бы отступается отъ прежнихъ, много разъ повторенныхъ словъ, по крайней мѣрѣ, сильно понижаетъ тонъ обвиненія, говорить только, что, при видѣ крови на дитяти, ей стало „сердечно“. Засѣдатель могъ-бы и покончить на томъ; но его беспокоило мелочное разнорѣчіе въ показаніяхъ Мироненковой и Фроима: первая говорила, что въ карманѣ меньшой евреечки были куски стекла, а второй—что то были куски разбитой тарелки. Даная очная ставка и Мироненкова не стала противурѣчить.

Все это такъ предупредительно-поспѣшно, такъ строго-законно, такъ добросердечно и человѣколюбиво. Засѣдатель Тулубъ, представивъ въ судъ вышеприведенное свое заключеніе, поспѣшилъ даже отнести къ капитану Рожманту о снятіи съ Фроима военнаго караула. Но надо знать этихъ добрыхъ судей доброго старого времени. Все въ ихъ дѣйствіяхъ было предусмотрѣно, строго разсчитано, но такъ искусно замаскировано, что напрасно вы стали-бы судить по ихъ дѣйствіямъ объ ихъ истинныхъ намѣреніяхъ. У нихъ во всемъ былъ свой особый разсчетъ. Поспѣшность суда—отъ чего? Надо ревность показать, быстроту дѣйствія, преслѣдованіе по горячимъ слѣдамъ. Но при этомъ какъ-то невзначай, въ попыхахъ, конечно, забывается о судебнo-медицинскoмъ, даже простомъ осмотрѣ. Что-же? Дополнить можно: въ тѣ времена годы, десятки лѣтъ проходили въ дополненіяхъ. Оно и лучше для самаго дѣла: ведь это не какія либо серьезныя и глубокія раны, которыя и потомъ обнаружать несвоевременностъ осмотра, это лишь царапины, легкіе порѣзы верхнихъ покрововъ кожи, и только въ редакціи волостного писаря явилось тутъ „испущеніе большой крови“. Нѣ-

сколько дней и на быстро работающемъ дѣтскомъ организмѣ отъ нихъ не останется и сльда. Тогда безопасно можно и осмотръ произвести и слѣдствіе дополнить. Такъ и поступилъ земскій судъ. Какъ однако ни медлилъ онъ командировкою врача, все таки врачъ Кладкевичъ (военный), производившій освидѣтельствованіе пятимѣсячнаго Федора Мироненка, нашелъ „небольшой значекъ подъ ляшкою, присохшій“; но, по его мнѣнію, онъ „вреда на тѣлѣ и ма-лѣйшаго не причинилъ.“

Семь мѣсяцевъ лежало это дѣло въ васильковскомъ земскомъ судѣ и только 2-го мая 1833 года передано въ васильковскій магистратъ, которому, какъ мѣщанинъ, подсуденъ былъ Фроимъ. Зачѣмъ такъ долго лежало?—А неравно обвиняемый или потерпѣвшая поинтересуются положеніемъ дѣла и оборотомъ, какой оно можетъ принять: вѣдь надо-же ихъ любопытству удовлетворить... Въ томъ и особенность старыхъ судовъ, что они быстро набрасывались на дѣло новое, чѣмъ либо выдающееся и какую либо надежду подающее, и потомъ не выпускали его изъ рукъ, доколѣ не выжмутъ изъ него все.

Передачею въ магистратъ законченного слѣдствія земскій судъ могъ-бы покончить свою роль въ возникшемъ дѣлѣ, если-бы его засѣдатель не вздумалъ сорвать съ головы 5 рублей на поѣздку въ с. Плисецкое военного врача Кладкевича, хотя, мимоходомъ сказать, на эту сумму можно было тогда и весь уѣздъ проѣхать и назадъ вернуться. Видно, голова не хотѣла своего подарить, и судъ просилъ магистратъ съ рѣшеніемъ дѣла опредѣлить, на чей счетъ должны быть обращены эти 5 р. Въ своемъ заключеніи о Фроимѣ онъ сослался на указы Екатерины 10 февраля 1763 года, въ которомъ выражено ея изреченіе, впослѣдствіи такую громкую известность получившее, что, при недостаткѣ уликъ, лучше десять виновныхъ оправдать, нежели одного невиннаго осудить, а противъ Мироненковой указалъ на суровый военный законъ, обращавшій грозившее обвиняемому наказаніе на голову не доказавшаго извѣстчика.

Спустя мѣсяцъ, магистратъ положилъ рѣшеніе, какое по ходу слѣдствія и приведеннымъ законамъ не трудно опредѣлить. Фроима обѣлили: самъ онъ,—значится въ рѣшеніи магистратскомъ, не повинился, по слѣдствію ни въ чемъ не уличенъ, а по повальному

обыску одобренъ, почему и опредѣлено оставить его отъ суда свободнымъ.— „Виновнаго не оказалось“, прибавлялъ магистратъ, но чѣмъ предавать, по обычаю тогдашнему, дѣло въ волю Божію, усмотрѣль вину въ „простолюдчество“ (невѣжественной простотѣ) Мироненковой „по одному только предосужденію“ (предубѣждѣнію, предразсудку), почему постановилъ внушилъ ей и „впредь отъ такихъ нелѣпыхъ предосужденій воздержаться“ и на ея же счетъ обратилъ и тѣ 5 рублей, что проѣздилъ военный врачъ Кладкевичъ.

Магистратскіе, да и земскіе суды, не менѣе Мироненковой повинные „въ предосужденіи отъ простолюдства“, именно по этому одного не могли сообразить, что если она по одному невѣжественному предразсудку могла заподозрить семью сосѣда - еврея въ столь тяжкомъ преступлѣніи, то не существовалъ-ли и въ противной сторонѣ и средѣ, къ которой она не принадлежала, не менѣе невѣжественной и дико-фанатичной, соотвѣтственный предразсудокъ или повѣрье, если не въ употреблѣніи, то только въ „испущеніи христіанской крови“ въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ слышала Мироненкова, еврейскія женщины дѣтей рождаются, и не подвинулъ-ли этотъ предразсудокъ семью Фроима на то незначительное тиранство надъ христіанскимъ младенцемъ, отъ которого онъ въ здоровыи не пострадалъ. Но какъ проникнуть въ темную еврейскую среду, въ глубь ея вѣрованій и предразсудковъ, во мракъ дѣяній, изъ нихъ проистекающихъ? И голова, и капитанъ, и земскій засѣдатель, и Магистратъ, и сама Мироненкова напрасно трудились надъ разрѣшеніемъ неразрѣшимаго вопроса, „не съ подушениемъ ли его Фроима (на этомъ все подозрѣніе и слѣдствіе держатся) двѣ малолѣтнія дочери его рѣшились на „испущеніе христіанской крови“, когда матери ихъ пришлось родить. Отъ всего процесса только и остается для насъ новый оттѣнокъ народнаго вѣрованія о суевѣрномъ употреблѣніи евреями христіанской крови; но было-ли такое суевѣріе въ еврейской массѣ, или оно только плодъ суевѣрія нашего народа, такъ и осталось неизвѣстнымъ.

И выходитъ, какъ мы въ началѣ сказали, что въ такихъ дѣлахъ ни одна сторона ничего не можетъ доказать. Приведенное дѣло одно изъ тысячныхъ тому доказательствъ. Нужны какие либо другіе приемы для разрѣшенія этого вопроса, играющаго и въ наше время не малую роль въ жизни обѣихъ народныхъ массъ.

Материалы для истории Колівщини или рѣзни 1768 г.

Въ то время, когда въ Россіи царствовала Екатерина II, въ юго-западномъ русскомъ краѣ, пребывавшемъ еще подъ властію польской Рѣчи Посполитой, происходило гайдамацкое движение, разразившееся въ 1768 году страшною уманской рѣзнею. Послѣднее событие на первый разъ представляется какъ-бы отдельнымъ эпизодомъ въ исторіи южно-русского народа. Такъ на него долго смотрѣли и многие искали причинъ этого события въ ближайшихъ къ тому времени явленіяхъ, и дѣйствительныхъ, и вымыщленныхъ, никогда не происходившихъ. Польскіе историки обыкновенно взваливали вину, главнымъ образомъ, на русскую политику того времени и давали вѣру баснѣ о томъ, будто императрица Екатерина II черезъ своихъ агентовъ разсыпала манифестъ, которымъ разожгла противъ поляковъ южно-русское простонародіе, исповѣдующее, наравнѣ съ цѣльмъ народомъ русскимъ, православную (или, какъ ее называли поляки, схизматическую) религию. (Ср. Morawski, Dzieje Polski. V. 87. Józ. Szujskiego, Dzieje Polski, IV. 440). Русскіе изслѣдователи опровергали эту басню. Соловьевъ (Истор. Росс., XXVII, стр. 307), опираясь притомъ на свидѣтельство одного польского писателя, указалъ даже лицо, сложившее подложный манифестъ отъ имени русской государыни. Между тѣмъ этотъ документъ вездѣ въ Европѣ почитался за подлинный манифестъ русской государыни и съ такимъ же значеніемъ былъ во французскомъ переводѣ напечатанъ въ Сборникѣ Аигенберга, заключающемъ дипломатическіе акты, относящіеся къ Польшѣ. Въ Кіевѣ въ 1879 году издана была книжечка: «Уманская рѣзня». Это переводъ извѣстнаго въ польской литературѣ мемуара г-жи Кребсь, которая въ своемъ дѣтствѣ была свидѣтельницей уманского события, ставшаго трагическимъ для ея родителей да и для ней самой. Переводчикъ, г. Рева, въ своемъ предисловіи къ издаваемому переводу, критически разобралъ этотъ манифестъ и доказалъ неоспоримо его подложность. Въ послѣднее время (Кіевская Стар., 1882 г., мѣсяцъ май, стр. 308—310) напечатанъ подлинный манифестъ императрицы Екатерины II отъ 9 июля 1768 г., распространенный тогда-же на польскомъ языкѣ между жителями Рѣчи Посполитой. Въ немъ русская государыня извѣщала всѣхъ, что ходившіе подъ ея именемъ указы — подложны, никто отъ ней не посыпался подни-

мать ея единовѣрцевъ противъ согражданъ иныхъ вѣроисповѣданій, и тѣ, которые выдаютъ себя за отрядъ низового запорожскаго войска, будто бы отправленный по ея волѣ — не болѣе какъ воры, разбойники, нарушители общественного спокойствія, а потому будуть, послѣ ихъ поимки, подлежать карѣ. Обѣщалось помилованіе только тѣмъ изъ нихъ, которые, раскаявшись въ своихъ преступленіяхъ, окажутъ участіе въ поимкѣ зачинщиковъ и будутъ представлять пойманыхъ ближайшимъ войсковымъ командамъ. Нѣтъ ни единаго несомнѣннаго историческаго свидѣтельства, подающаго хотя-бы только намекъ на подпущеніе южно-русскаго простонародія со стороны русской государыни. Однако, ни отсутствіе вѣрныхъ историческихъ свидѣтельствъ, ни явная несостоятельность документа, на которомъ основывалось обвиненіе, не могутъ до сихъ поръ выбить изъ головы у польскаго общества увѣренности въ участіи Россіи и ея государыни въ этомъ дѣлѣ. Поляки всегда готовы приписывать вліянію Москви и москалей все дурное, испытанное Польшею въ прошедшія времена, не исключая даже и такихъ временъ, когда не существовало Москвы. Такъ православіе называютъ поляки московскою вѣрою и готовы сами вѣрить и другихъ увѣрять, что приверженность подвластнаго имъ русскаго народа къ православной или восточной вѣрѣ была навѣяна и подогревалась москалями; поляки не хотятъ знать, что въ южной и западной Руси еще прежде, чѣмъ эти края очутились подъ польскою властію, господствовала православная вѣра греко-славянскаго обряда, и то было еще тогда, когда Москвы и въ поминѣ не было; а слѣдовательно приверженность народа къ вѣрѣ своихъ предковъ естественно могла проявляться безъ всякаго посторонняго воздействиія. При существующемъ настроеніи польского міросозерцанія не удивительно, если въ такихъ вопросахъ, какъ возстаніе южно-русскаго простонародія противъ польского шляхетства, поляки хватаются за всякое обвиненіе противъ Россіи, вовсе не заботясь подвергать его критикѣ, и разъ усвоивши его себѣ, съ трудомъ отъ него отстанутъ. Кромѣ патріотическихъ предубѣждений, отчасти поддерживаетъ невѣрные взгляды и скудость числа изданныхъ вѣрныхъ источниковъ, которые бы могли пролить болѣе свѣта и установить правильныя воззрѣнія. Правда, въ издаваемомъ киевской археографическою комиссіею Архивѣ юго-западной Россіи напечатано уже не мало документовъ, относящихся къ состоянію народа въ южной Руси въ XVIII вѣкѣ и даже специально къ гайдамачеству, съ превосходными изслѣдованіями, составляемыми на основаніи печатаемыхъ документовъ и прилагаемыми въ качествѣ предисловій къ каждому тому изданія. Но изданіе Архива юго-западной Россіи не дошло до 1768 года, до эпохи, когда происходила уманскія рѣзни. Тѣмъ не менѣе однако, изданные до сихъ поръ документы, относящіеся къ XVIII вѣку достаточно уже показываютъ, что событие, совершившееся въ 1768 году, неизбѣжно должно было состоять въ непосредственной связи съ цѣлью рядомъ такого же рода событий, происходившихъ въ предшествовавшее время. Оказывается, что борьба южно-русскаго народа съ Польшею, начавшаяся уже давно и проявившаяся рѣзко

въ половинѣ XVII столѣтія эпоху Хмельничины, не окончилась въ XVII вѣкѣ, а перешла въ осьмнадцатый вѣкъ. Послѣ смерти Богдана Хмельницкаго Украина правой стороны Днѣпра, вслѣдствіе возникшихъ тамъ усобицъ, подпала снова подъ власть поляковъ, но южнорусскій народъ не хотѣлъ оставаться подъ ненавистною для него властію и энергически возставалъ противъ ней, опираясь на помощь со стороны московскаго государства. Скоро однако московское правительство заключило перемиріе съ Польшею и формально, по договору уступило Польшѣ правобережную Украину. Покинутое своими покровителями тамошнее козачество металось, само не зная, что дѣлать, подпадало подъ управление разныхъ своихъ-же гетмановъ, спорившихъ между собою за власть, отдавалось даже турецкому султану, лишь-бы не быть подъ властью поляковъ, и тогда южно-русскій народъ, спасаясь отъ ужасовъ, раздиравшихъ его отечество, сталъ толпами убѣгать за Днѣпръ и селиться на земляхъ, принадлежавшихъ московскому государству. Такимъ образомъ заселилась слободская Украина, а правобережная Украина все пустѣла и пустѣла и наконецъ совершенно опустѣла. Остались южноrusсские жители въ такъ называемомъ Полѣсѣ, на Волыни и въ сѣверной части Подолія, да въ Червопой Руси, состоя подъ властію Польши, находясь въ зависимости, иные же и въ полномъ порабощеніи у польского шляхетства. Край, лежавшій къ востоку отъ этихъ странъ, собственно Украина козацкая, занимавшая пространство значительной части нынѣшнихъ губерній кіевской и подольской, сдѣлался почти безлюдною пустынею.

Но не долго приходилось этому краю оставаться въ такомъ состояніи. Уже въ концѣ XVIII вѣка возникло у малорусскаго народа стремленіе населять эту пустынью, хотя еще недавно покиннутую своими прежними обитателями, но все-таки снова приманившую къ себѣ и плодородіемъ своей почвы и благодатнымъ климатомъ и раздольнымъ привольемъ. Русское правительство сдерживало побѣги народа какъ изъ лѣвобережной Украины, такъ и изъ Слободской. Однако правобережная Украина годъ отъ году все болѣе и болѣе заселялась пришельцами изъ этихъ странъ. Новосельцы являлись туда съ унаслѣдованною отъ отцовъ и дѣдовъ непріязнью къ польскому шляхетству, а попытки поляковъ распространить на нихъ свою власть и водворить между ними прежніе порядки привели къ кровавымъ столкновеніямъ. Вспыхнуло восстание южно-русскаго простонародія противъ польского шляхетства не только въ Украинѣ, заселявшейся вновь, но и въ тѣхъ краяхъ, где оно не переставало пребывать подъ шляхетскою властію. Возстаніе это вызвано было появлениемъ козачества, недавно возродившагося, разгорѣлось въ 1702 году, было укрощено свирѣпыми мѣрами, но не было погашено совершенно. Въ 1711 году Украина козацкая, находившаяся въ какомъ-то неопределенномъ состояніи, какъ-бы въ чересполосномъ владѣніи Россіи и Польши, населенная козаками, которые по своему званію подчинялись регименту малороссійскаго гетмана лѣвобережной Украины, была окончательно уступлена отъ царя Петра Польшѣ. Всѣмъ тамошнимъ козакамъ старшинамъ и рядовымъ козакамъ дозволялось съ

своими семьями и движимыми имуществами переселяться на лѣвый берегъ Днѣпра и каждому, по своему желанію, водворяться въ какомъ-нибудь изъ козацкихъ полковъ лѣвобережной гетманщины или въ какихъ-нибудь иныхъ краяхъ, находящихся подъ властію царской державы (Арх. юго-зап. Росс. Ч. III, т. I, 757). Тогда козачество совершенно уничтожилось въ правобережной Украинѣ, возвращенной русскимъ государемъ польской Рѣчи Посполитой. Нѣкоторые изъ тамошнихъ козаковъ воспользовались дарованнымъ дозволеніемъ и переселились въ царскія владѣнія; другіе остались въ мѣстахъ прежняго жительства и подрали подъ власть шляхетства, начавшаго тотчасъ-же утверждать свое господство въ новопріобрѣтенномъ краѣ.

Польскіе паны въ Украинѣ захватили пустыя земли; для веденія хозяйства имъ нужна была рабочая сила, и они стали зазывать къ себѣ насельниковъ, привлекая обѣщаніями льготъ и разныхъ выгодъ. Украина стала тогда заселяться снова еще разъ и все людьми того-же южно-русского происхожденія, къ которому принадлежали и прежніе жители этого края. Новосельцы приходили на селитву, привлекаемые панскими обѣщаніями, но съ тайнымъ недовѣріемъ къ этимъ обѣщаніямъ и съ непріязнью въ сердцѣ къ польскому шляхетству. Такое недовѣріе съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени осталось типичною чертою южно-русскихъ поселянъ этого края. Не могла скоро испариться непріязнь къ панамъ-ліхамъ, напротивъ она стала еще развиваться, потому что польскіе паны не оставили прежняго способа обращенія съ подвластнымъ южно-русскимъ народомъ, отдавая его въ волю арендаторамъ доходовъ своихъ, а эти арендаторы были обыкновенно іudeи. Не покинули паны и своего завѣтнаго католического фанатизма и стали по старому пытаться вводить въ народъ унію. И вотъ—опять открылась борьба южно-русского простонародія съ польскимъ шляхетствомъ. Борьба эта явилась теперь въ новой формѣ. Эта форма была—гайдамачество. Оно, по характеру и приемамъ своей дѣятельности, походило на прежнее козачество, но отличалось отъ него отсутствіемъ сословной солидарности. Сначала гайдамачество дало себя знать въ краяхъ волынскомъ и подольскомъ еще до передачи отъ царя Петра Украины Польшѣ: оно было тогда непосредственнымъ продолженіемъ неугашенного возстанія 1702 года. Не переставали возникать ватаги «своевольныхъ гультаевъ», составлявшіяся изъ поработленыхъ шляхетству поселянъ, къ которымъ приставали мѣщене и всякие прішельцы, между прочимъ даже и люди шляхетского происхожденія. Въ польскомъ обществѣ почти всегда господствовало нестроеніе и происходили явленія своевольства. Не рѣдко обыватель шляхтичъ, поссорившись съ своимъ сосѣдомъ обывателемъ, такимъ-же шляхтичемъ, выѣсто того, чтобы начать противъ него судебній искъ, нападаль на его имѣніе съ ватагою, составленную изъ своихъ и чужихъ крестьянъ и разныхъ «гультаевъ». При такихъ наѣздахъ происходили всякия безчинства и разоренія. То было въ шляхетскихъ нравахъ. Въ сохранившихся уголовныхъ дѣлахъ о гайдамакахъ зачастую попадаются имена лицъ «урожоныхъ»,

т. е. лицъ шляхетскаго происхожденія въ качествѣ участниковъ и не рѣдко предводителей гайдамаккой ватаги. Такимъ образомъ шляхетство своими обычными наездами другъ на друга, само пріучало подвластныхъ ему хлоповъ къ самовольству и собственнымъ пріѣромъ дало имъ повадку расправляться и за себя путемъ насилия, а не путемъ закона, который въ Польшѣ вообще былъ малосиленъ.

Съ утверждениемъ шляхетскаго господства въ бывшей козацкой Украинѣ, получившей прежнее административное наименование кіевскаго воеводства, и въ этомъ краѣ распространилось гайдамачество и тамъ нашло оно свой главный центръ. Польские историки придаютъ ему разбойничій характеръ. Оно и должно было имѣть его, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ. Гайдамаки были люди, недовольные тогдашнимъ общественнымъ порядкомъ; ихъ преслѣдовали власти, и они по необходимости должны были скрываться въ лѣсахъ и не быть разборчивыми въ добываніи способовъ къ своему существованію, по крайней мѣрѣ, пока не пріобрѣтутъ къ себѣ и къ своимъ цѣлямъ сочувствія ее единовѣрныхъ и единоплеменныхъ обывателей страны. Но послѣднее случилось скоро, благодаря накоплявшейся все болѣе и болѣе враждѣ простонародія къ шляхетству. Число гайдамаковъ увеличивалось въ южно-русскіи краяхъ, подвластныхъ Польшѣ, умножались ихъ шайки большою частію панскими подданными, и мѣры къ ихъ истребленію для польского шляхетства становились все болѣе и болѣе затруднительными. По сосѣдству съ Украиною, на югъ отъ нея, находилось Запорожье, край населенный воинственнымъ братствомъ того-же южно-руссаго племени, всегда готовымъ откликнуться къ народнымъ страданіямъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ и подать имъ помощь. Запорожцы приходили въ прямое и непосредственное общеніе съ гайдамаками, наполняли собою ихъ ватаги и являлись часто предводителями и устроителями этихъ ватагъ, какъ люди болѣе опытные и искусные въ войсковомъ дѣлѣ. Борьба шляхетства съ гайдамачествомъ готовилась превратиться въ открытую борьбу двухъ національностей: польской поработительной и порабощенной южно-русской, искающей себѣ освобожденія. Въ Украинѣ правой стороны Днѣпра засиналось снова возрожденіе дважды убитаго козачества. Эпоха этой борьбы изображена въ изданныхъ кіевскою археографическою комиссіею документахъ подъ редакціею профессора В. Б. Антоновича (Арх. югоз. Росс. ч. III. Т. II).

«Гайдамачество», говоритъ достопочтенный профессоръ въ предисловіи къ изданнымъ документамъ, — «сдѣлалось какъ-бы нормальнымъ явленіемъ въ быту юго-западнаго края: крестьянское населеніе свыкалось съ нимъ все болѣе и болѣе; количество крестьянъ, поступавшихъ или состоявшихъ въ связи съ нимъ, постоянно увеличивалось; становилось очевиднымъ, что гайдамакское движение раньше или позже должно охватить массу народонаселенія, если не измѣнится порядокъ общественного строя. Такая минута, казалось, пришла было въ 1750 году и только, благодаря несвязности и разрозненности дѣйствій гайдамакиихъ отрядовъ и отсутствію сколько-нибудь ясной постановки ими вопроса, удалось шляхетству на этотъ разъ предот-

вратить катастрофу тѣми экстренными мѣрами, какія были прияты военными начальниками, шляхетскими сеймиками и особенно, по просьбѣ послѣднихъ, русскими пограничными властями (*ibid.* стр. 124). Тогда весь юго-западный край былъ покрытъ многочисленными гайдамацкими отрядами, разбѣгавшимися во всѣхъ направленияхъ и наводившими повсемѣстно трепетъ на дворянъ; послѣдніе должны были прекратить свои обычныя занятія; они не могли вести хозяйства и не получали дохода съ имѣній, изъ которыхъ крестьяне или ушли къ гайдамакамъ или могли призвать послѣднихъ, если-бы помѣщикъ сталъ властительно взыскивать панщину, они должны были отказаться отъ веденія судебныхъ дѣлъ, такъ какъ проѣхать въ «городъ» было не безопасно, да и самые города, гдѣ помѣщались гродскіе суды, подвергались нападеніямъ. Въ такомъ положеніи гайдамачество продолжало находиться еще въ теченіи восемнадцати лѣтъ, и наконецъ, въ 1768 году, благодаря выгодно-сложившимся политическимъ обстоятельствамъ того времени, разразилось страшною катастрофою, носящею имя «Колившины» (*ibid.* стр. 126—127, 128).

Нѣсколько лѣтъ уже мы ожидаемъ выхода въ свѣтъ новаго тома актовъ о гайдамакахъ, который должна издать киевская археографическая комиссія. Этотъ второй томъ будетъ заключать документы, относящіеся къ 1768 году, къ эпохѣ уманской рѣзни. Въ чаяніи появленія этого желанного изданія не будетъ, надѣемся, излишнимъ, напечатаніе четырнадцати документовъ, касающихся описанной эпохи. Документы эти доставлены намъ отъ г. Поля, екатеринославскаго обывателя, извѣстнаго въ своемъ краѣ знатока мѣстной старины, чрезъ посредство А. Л. Боровиковскаго, которымъ обоимъ считаю долгомъ принести мою признательность за любезное и обязательное вниманіе. Кромѣ одного польского письма съ русскимъ переводомъ, сдѣланнаго въ то время (№ 1), гдѣ убѣжавшій отъ уманскаго погрома полякъ описываетъ близкую къ себѣ трагедію въ своеобразныхъ чертахъ, нѣкоторые изъ помѣщаемыхъ здѣсь документовъ относятся къ личности Неживого, одного изъ предводителей гайдамацкихъ ватагъ, до сихъ поръ извѣстнаго только по голому имени. Этотъ Неживый самъ лично не участвовалъ въ уманской рѣзни съ Железнякомъ и Гонтою, но расправлялся съ поляками и юдеями въ другихъ жилыхъ мѣстностяхъ правобережной Украины, между прочимъ въ Мошнахъ, Каневѣ, Медведовѣ и получилъ отъ обывателей этихъ городковъ свидѣтельства на письмѣ о томъ, что онъ не причинилъ никому изъ нихъ никакого оскорблѣнія, а по ихъ желанію освобождалъ ихъ отъ поляковъ и юдеевъ, дѣлавшимъ имъ обиды. Неживый сносился съ начальниками командъ войска русской императрицы, разставленныхъ въ пограничныхъ форпостахъ, излагалъ имъ въ своихъ отпискахъ причины, приведшія его взяться за оружіе, и прилагалъ при своихъ отпискахъ выданныя ему свидѣтельства украинскихъ обывателей (№№ 2. 3. 4. 89).

И онъ самъ и тѣ земляки его, что давали ему свидѣтельства, изъявляли желаніе вѣрно служить императрицѣ всероссийской. Но потомъ Неживый, не заставши въ Крыловѣ ни одного человѣка изъ поляковъ и юдеевъ и узнавши, что

всѣ они оттуда уѣзжали подъ защиту русскихъ войскъ, сталь этимъ недоволенъ и домогался выдачи своихъ жертвъ (№ 5). 18 июня Неживый съ своею ватагою взялъ мѣстечко Палѣво-Озеро, перебилъ тамъ захваченныхъ враговъ, чо иѣкоторые успѣли заранѣе уѣхать въ турецкій городокъ Балту. Неживый послалъ къ тамошнему каймакану просьбу о выдачѣ бѣглецовъ. Но турки не только не выдали ихъ, а еще послали военную силу и сожгли Палѣво-Озеро, откуда гайдамаки тѣмъ временемъ выступили. (№ 7) Неживый овладѣль турецкою слободою Голтою близь Балты, гдѣ также расправился по гайдамацки съ поляками и юдеями, какихъ успѣль тамъ застать (№ 6), а 26 июня онъ былъ въ Крыловѣ, откуда послалъ къ одному изъ русскихъ командировъ, подполковнику Хорвату, просьбу о выдачѣ бѣглецовъ, обреченныхъ на гибель народнымъ ищенiemъ и изъявляль желаніе лично объясниться съ русскимъ военнымъ начальствомъ. По этому поводу произошло свиданіе Неживого съ высланнымъ для этой цѣли русской службы офицеромъ, поручикомъ кн. Машевовымъ. Оно происходило на «гребль» (плотинѣ) по указанію Неживого. На всѣ представленія гайдамацкаго предводителя русскій офицеръ на отрѣзъ объявилъ, что невозможно выдавать бѣглецовъ, которые явились искать защиты (№ 10). Неживый съ своимъ отрядомъ удалился изъ Крылова, установивши тамъ козацкій порядокъ и назначивши атамана, какъ это дѣжалось во всѣхъ жилыхъ мѣстностяхъ, приставшихъ къ гайдамацкому восстанію. Отѣзжая Неживый объявилъ атаману и всѣмъ крыловскимъ обывателямъ, чтобы они, въ случаѣ нужды, обращались съ просьбою о защите къ русскому войску, увѣряя, что въ скоромъ времени всѣ тамошнія мѣста будутъ принадлежать российской, а не польской державѣ и всѣ они должны считать себя российскими, а не польскими обывателями (*ibid*). Но въ іюлѣ получены были отъ верховной власти (вѣроятно послѣ манифеста императрицы отъ 9 іюля, напечатаннаго въ майской книжкѣ «Кievской Старинѣ») предписанія о преслѣдованіи гайдамаковъ, и кievский генераль-губернаторъ Воейковъ разсыпалъ подначальнымъ командирамъ соотвѣтствующіе приказы (№№ 11. 12). Изъ елисаветградской провинціи отправлены были въ погоню за гайдамаками отряды гусарскихъ пикинерныхъ и компанейскихъ командинъ, и приказано было объявить всѣмъ польскимъ шляхтичамъ, укрывшимся отъ погрома въ елисаветградской провинціи, что они могутъ спокойно пребывать въ русскихъ владѣніяхъ подъ высочайшею защитою до совершенного истребленія гайдамаковъ и до возстановленія порядка въ ихъ отечествѣ, когда возможно будетъ имъ безопасно возвратиться въ свои жилища. Но такая-же милость оказана была и польскимъ козакамъ, которые изъявляли желаніе переселиться въ русскія владѣнія подъ тѣмъ предлогомъ, что не хотѣть быть въ согласій съ барскою конфедерациею, а такое несогласіе выставлялось побудительною причиною и у гайдамаковъ къ восстанію противъ польскихъ властей. Имъ дозволялось по желанію переходить въ Россію и селиться тамъ съ своими семьями, устроившись слободами, по указанію начальства. Первый примѣръ показалъ прибывшій въ Кременчугъ еще въ апрѣлѣ 1768 года

козацкой атамань Сухина съ шестидесять двумя человѣками, прибѣгнувшій подъ высочайшій покровъ ея императорскаго величества съ желаніемъ оставаться вѣчно въ подданствѣ (№ 13). За тѣмъ всѣхъ пойманныхъ гайдамаковъ, оказавшихся подданными русской императрицы, преимущественно изъ запорожцевъ, доставленныхъ въ елисаветградскую провинцію и особенно въ Кременчугъ, приказано было судить и за доказанное сопротивленіе оружію ея императорскаго величества, а равно за разнообразныя варварства, совершенныя ими въ Польшѣ, приговорить къ смертной казни, но предъ самимъ исполненіемъ ея взмѣнить въ тѣлесное наказаніе кнутомъ съ наложеніемъ клеймъ и съ вырваніемъ ноздрей, послѣ чего отправить въ ссылку въ Нерчинскъ, оковавши на мѣстѣ въ кандалы (№ 13¹).

Постѣдній изъ печатаемыхъ здѣсь документовъ — секретное письмо Воейкова находившемуся въ Кременчугѣ бригадиру Черткову, отъ 14 декабря того-же года о препровожденіи изъ Смѣлой содержавшихся тамъ русскихъ подданныхъ, бывшихъ въ числѣ гайдамаковъ, а между ними оказывается поручикъ черного гусарскаго полка Станкевичъ. Неизвѣстно, было-ли это единичное явленіе, когда русскій офицеръ участвовалъ въ возстаніи южно-русскаго народа противъ польскаго шляхетства, или можетъ быть это былъ одинъ изъ немалаго числа такиъ.

Н. Костомаровъ.

С.-ПБ. Май.

№ 1.

*Письмо пана Якова Кузакевича къ русскому полковнику Чорбѣ,
съ описаниемъ уманской рѣзни 1768 года²).*

Съ величайшимъ почтеніемъ получилъ я письмо вашего Высокородства ко мнѣ и вмѣстѣ съ нимъ и приказъ къ его благородію г. поручику Мацкову на счетъ помѣщевія и безопасности въ Архангелѣ, за что и повергаю къ ногамъ его благодарность. Теперь же, пока самъ буду въ возможности пасть къ ногамъ вашей велиможности, ужасное, неслыханое и никогда не практикованное (неслучавшееся) дѣлаю донесеніе, что гайдамаки числомъ въѣсколько сѣть, соединившись съ крѣпостными уманскими и коза-

¹) Вотъ неотразимое опроверженіе польскимъ писателямъ, клевещущимъ на Екатерину II, будто она не наказывала своихъ подданныхъ, участвовавшихъ въ гайдамакскомъ возстаніи 1768 года, а иныхъ даже и награждала.

²) Подлинное письмо на польскомъ языѣ, но при немъ современный переводъ на русскій языкъ, сдѣланный по полученніи письма. Мы печатаемъ одинъ лишь переводъ, найди онъ вполнѣ сходнымъ съ подлинникомъ.

ками тамошними, т. е. съ сотникомъ Кгонтенкомъ и Уласенкомъ тожъ сотникомъ и другими ватагами уманскими, которые измѣнили присягъ въ вѣрности къ высокородному благодѣтелю своему, штурмомъ взяли Умань, гдѣ собравшихся съ разныхъ сторонъ для безопасности дворянства съ имуществомъ, женами дѣтьми около пяти тысячъ и болѣе и жидовъ тоже со всѣмъ имуществомъ, же-нами и дѣтьми болѣе семи тысячъ всѣхъ безъ малѣйшаго исключенія дня 21 іюня по римскокатолическому календарю текущаго года до ноги вырѣзали и между ними губернатора Младановича, подскарбія Рогашевскаго, для заключенія договоровъ на счетъ имѣній отъ его высокородія пана воеводы нашего высланнаго, съ женами и дѣтьми, а равнымъ образомъ и ксендзовъ какъ дитинскаго обряда, такъ и отцовъ базиліанъ съ прихода тамошняго и монастыря Маньковецкаго варварски поумерщвляли и повѣшали. Кромѣ того, въ костелѣ и часовнѣ отцовъ базиліановъ олтари и образа поопрокидывали, стрѣляли, списами (пиками) кололи, пресвятые тайны на землю съ дарохранительницы (сумборіум) выбросили, топтали, обезчещивали, образъ самаго Спасителя, изображенаго на крестѣ, списами кололи, стрѣляли и, наконецъ, за голову повѣсили; у распятія головки пообрывали и велѣли женщинамъ эти головки Христовы грудью кормить. Вообще трудно описать, вспомнить ужасно, какія оскверненія изображеніямъ самаго Бога дѣлали, чего бы даже и бусурмане не дѣлали. Цѣлый городъ и предмѣстье покрыли трупами. Я только съ погранича до Арханграда, а другой высокородный полковникъ Обухъ съ частію семейства, и то отдельно, съ помощью Божіею, спаслись бѣгствомъ. Бунтъ возрастая въ силѣ, все дальше и дальше польскій край подвигается и умножается, и до того доходитъ этотъ край злополучія, что свои на своихъ нападаютъ погибаютъ взапарно, и гдѣ былъ только дворянинъ или полякъ или жидъ, вездѣ своимъ варягамъ шпіонствомъ разузнали и погубили. Мы только съ женами находимся здѣсь въ Арханградѣ и отсюда желаемъ отправиться въ Елисаветъ, Кременчугъ и Киевъ для снисканія покровительства (защиты) имѣніямъ его вельможности нашего благодѣтеля. Сообщая(ю) при этомъ ужасныя продѣлки Максима Желѣзняка, Войска Низового запорожца, который успѣль распустить множество своихъ возваній и прокламаций во всей Уманщинѣ, а также Ивана Кгонтенка и Пантелеимона Уласенка, уманскихъ сотниковъ. Желая этимъ просить великодушнаго покровительства и помощи, дабы отвратить совершенное разореніе имуществамъ

вельможного пана и благодѣтеля нашего, не имѣю никакой возможности извѣстить вѣсть о семъ, ибо эти злодѣи наполнили край и всѣ дороги позанимали, развѣ чрезъ Киевъ, пользуясь покровительствомъ г. генералъ-аншефа, генераль-губернатора кіевскаго, къ которому дѣляемъ особенное донесеніе, всепокорнѣйшее проси, чтобы это письмо, приложенное къ оному донесенію, дошло вскорости рукъ вашихъ въ Киевъ. А при семъ прилагаемъ еще всепокорнѣйшую просьбу къ вашей милости, чтобы особымъ указомъ г.-дамъ пограничнымъ коммандантамъ русскимъ приказано было дѣлать розыскъ деньгамъ, серебру и другимъ вещамъ, таскаемымъ въ тѣ стороны, и чтобы веци тѣ оставались при командахъ до дальнѣйшаго распоряженія вашего, котораго великодушію и покровительству препоручаясь, имѣю честь писаться

Вашей вельможности, милостиваго государя, низайшій слуга Яковъ Кузалкевичъ.

11 іюля 1768 г.

Архангельскъ¹⁾.

№ 2.

Письмо запорожскаго атамана, уманскаго куреня, Семена Неживого къ ятсарскаго полка командиру Федору Чорбѣ, 21 іюня 1768 г.

Высокородный и высокопочтенный г.-нъ полковникъ, правящій командою, нашъ всегдашній благодѣтель.

Поневажъ въ польской области показалось немалое разорение, яко и въ староствѣ чигиринскомъ отъ году 1766-го отъ уніатъ, которые уніаты народу христіанскому великие бѣды и разоренія дѣлали, при томъ-же разореніи, священниковъ благочестивыхъ словивши, головы, бороды и усы обстригали и тиранско мучили не токмо священникамъ и монахомъ тое дѣлали, но и народу христіанскому, и еще войско конфедераткое, въ Украину спровадивши, хотѣли народъ христіанскій мучити, яко въ городѣ Каневѣ отъ козакъ отобравши ружья хотѣли (ихъ) смертью казнить. Я Семенъ Неживый, атаманъ куреній уманскій, впдачи кривду народа православнаго, собравши козаковъ, вооружился и тѣхъ

¹⁾ Нинѣ посадъ херсонской губерніи на рѣкѣ Сакицѣ, на самой границѣ кіевской и херсонской губерніи, иначе называемой Архангельскъ. Въ XVIII столѣтіи тамъ находилось русское пограничное укрѣпленіе.

ковфедератовъ зъ Украины отогналъ, а нѣкоторыхъ ляховъ и живодъ смерти предалъ. Теперича содержусь въ Медвѣдовцѣ со всею своею командою и ожидаю отъ вашего высокородія милостивой резолюції: что миѣ впредь поступать; поневажъ со всею своею командою народу христіавскому никакой обиды не дѣлалъ и которые города доставалъ, и тѣ города подписалися, при которомъ письмѣ до вашего высокородія для разсмотрѣнія и предоставлю. В. в-дія покорный слуга, атаманъ курѣя уманскаго Семенъ Неживый со всѣмъ своимъ товариствомъ.

Іюня 21 дня, 1768 г. зъ Медведовки.

№ 3.

Свидѣтельство отъ мошенцевъ.

Благородному и достопочтенному г-ну атаману курѣя уманскаго войска запорожскаго Семену Неживому отъ мѣщанъ мошенскихъ.

За прибытіемъ къ намъ зъ войскомъ г-на атамана Семена Неживого въ мѣстечко Мошна наши мѣщане мошенскіе, видя свою крайнюю нужду и отягощеніе отъ ляховъ, такъ и отъ войско-выхъ, яко тежъ и отъ губернатора мошенскаго Подгородецкаго, который то Подгородецкій много людямъ мошенскимъ разныхъ обидъ делалъ не только свецкому народу, но и духовному чину за благочестіе: людей свецкихъ до полусмерти віями забивали, уніатамъ гонителімъ великую протекцію даваль во всемъ, что наши священники мошенскіе, которые до благочестія пристали, всюды гонимы были, по лѣсахъ и по разныхъ мѣстахъ укрывались; сверхъ-же того той-же губернаторъ на нашу громаду великое страхованіе наносивъ и за подлинно мниль ва нась конфедерацио спровадити изъ ляховъ, чтобы зъ насъ христіанъ ни одній души въ живыхъ не осталося, все то г-ну атаману Семену Неживому представляли. И ежели-бъ мы смерти нечаянной отъ поляковъ не убѣгли, и близко тое уже къ намъ приходило. Что же г-нъ Семенъ Неживый атаманъ бытностію его въ Мошнахъ и зъ воинствомъ людямъ вашимъ мошенскимъ ви меншай кривды не учинилъ, совестію о томъ свидѣтельствуемъ и какое подпишуемся, неграмотные бывши, крестами. Атаманъ городовой мошенскій Василь Кирченко, Иванъ Бабичъ, Марко Гречула, Иванъ Левченко, Антонъ Швецъ, Данило Яршовъ, Петро Высочинъ, Максимъ Птичеко, Иванъ Каля, Моисей Моргунъ, Авдр. Дуда,

Грицко Слюсарь, Никода Сусенко, Корній Костаченко, Іванъ Гречуха, Фесько Гречуха, Іванъ Яцына, Максимъ Швецъ, Федоръ Прулевъ (послѣ каждого значекъ №).

Къ сему и цѣлая громада мошенская.

Дано сіе свидѣтельство в мѣстечкѣ Мошнахъ іюня 15, 1768 г.

№ 4.

Свидѣтельство каневскихъ мѣщанъ и козаковъ.

Благородному господину атаману кур'яна уманского, войска запорожского Семену Неживому отъ мѣщанъ и козаковъ каневскихъ.

За прибытіемъ къ намъ зъ войскомъ до Канева, которому наши козаки каневскіе, видя свою нужду и ближнею смерть и прочихъ христіанъ, доносили ему атаману, чтобы посланного отъ нихъ съ таковымъ резономъ, что господа наши каневскіе въ замку обрѣтающіися совѣтовали между собою не премѣнять никакоже намѣренного дѣла: оныкъ козаковъ прежде атамановъ, потомъ рядовыхъ обрѣтающихіися между собою, отобравши оружіе отъ нихъ, выгубили смертно. И съ тоей причины слышали отъ всѣхъ которыхъ таковую нечаянную смерть не токмо на себе, но и на прочихъ христіанъ; оные каневскіе козаки и просили вышепомянутаго атамана войска запорожского, но токмо слышали объ ономъ войску за нѣсколько недѣль. То вышепомянутий атаманъ посыпалъ до замку три раза команды своей зъ писаніемъ козака, дабы оные господа каневскіе не опасовалися никакова разоренія отъ нихъ, но только посовѣтовать между собою желалъ. На то отвѣтствовали, что они—готовы до битвы.

И по тѣмъ тремъ посылкамъ видя ихъ противныхъ, приказалъ атаманъ дворъ поручиковъ согласно съ командою своею пустой запалить, отъ котораго то и замокъ загорѣлса, и въ то время господа каневскіе съ войскомъ польскимъ и козаками каневскими з дворовъ уступили; по выходѣ же зъ замку козаки отъ поляковъ отлучились и прилучились къ командѣ вышепомянутаго атамана и были при командѣ его. Той же вышепомянутий атаманъ, будучи въ городѣ нашемъ Каневѣ, жителямъ здешнимъ каневскими никаковой обиды не дѣлалъ, но токмо и то по возможности своей отъ мѣщанъ каневскихъ что имѣлъ, тѣмъ войсковыхъ козаковъ кормилъ и грабительства христіанамъ никакова не дѣлалъ; въ томъ мы ему атаману вышепомянутому войска запорожского

козаки и мѣщане каневскіе даемо квитанцію съ подписаніемъ рукою
нашихъ во свидѣтельство.

Въ Каневѣ іюня 12 дня року Божія 1768. Яко же неумѣвшіе
пісанію крестъ святый саморучно полагаемъ.

Леско Сало атаманъ козацкій ☒

Алексій Галушка атаманъ, ☒

Іванъ Пи аной атаманъ ☒

Ів. Секанъ атаманъ ☒

И всѣ городовые козаки

Мѣщане: Василь Куссейко, атаманъ городовий ☒

Яковъ Серенкo, Семенъ Ковальскій цехмистръ, Прокопъ Лаба-
ренко, Тимошанъ Крамарь. Послѣ каждого имени слѣдуетъ
знакъ ☒

№ 5.

*Письмо атамана запорожскаго Неживого къ подполковнику Хорвату, въ которомъ жалуется, что русскія военные власти прими-
маютъ и укрываютъ поляковъ и жидовъ отъ козацкой расправы.*

Высокородный и достойный почтеня господинъ подполковникъ
Ів. Хорвате, нашъ всегдашній благодѣтель.

Случилося намъ съ командою прїхать въ Крыловъ полской, только не имѣемъ себѣ того счастія, что не застали а ни единого поляка, такжѣ и жида. Поневажъ пребралися всѣ подъ вашу команду въ границу россійскую, и не знаемъ съ какой причины ваше высокородіе оныи погано-невѣрныи врагамъ и непрія-
телямъ Ея Императорскому Величеству, также жъ и правовѣр-
ными христіанамъ принимаете; понеже оные проклятые жидове
ввесь народъ христіанскій своимъ поганствомъ сквернятъ, то
хиба Вашему высокородію великое награжденіе зделали, что
оныхъ принимаете? за что? Просимъ отъ оныхъ все имущество
отобрati и на сю сторону къ намъ выдать хоча и сонныхъ. По-
нежевши (?) не за имущество втруждаемося, только абы вѣра
христіанская отъ насъ ²⁾ не была большъ скверненная и чтобъ
не было враговъ на государство, также жъ и на правовѣрныхъ
христіанъ. А ежели ваше высокородіе не исполните ³⁾ нашего

¹⁾ Вѣроятно ошибка переписчика—виѣсто: „поневажъ“.

²⁾ Можетъ быть описка: надо би было—„отъ нихъ“, таъкъ по смыслу рѣчи.

³⁾ Быть можетъ и здѣсь переписчикъ описался виѣсто: не изволите.

прошениі зделать, то просимъ всепокорнѣйше, абы вволили насъ¹⁾ къ намъ утрудиться хоча и на половину гребли для совѣту съ нами. Притомъ яланяемся вашему высокородію хлѣбомъ и солью; и мы не прѣхали, чтобы на воеводство къ вамъ, только за своимъ интересомъ, что вамъ повелѣно дѣлать и притомъ зостаемся:

Вашему высокородію доброжелательные слуги

Семенъ Неживый атаманъ,

Василь сотникъ съ товариствомъ.

№ 6.

Рапортъ премьеръ майора Булыба правиошему въ крѣпости се. Еписаветы за коменданта Христіану Григорьевичу Корфу о гайдамакомъ набѣгъ на слободу Голту и о преслѣдованиіи гайдамаками поляковъ и жидовъ.

Вчерашияго, то-есть 24 числа, въ третьемъ часу съ полдня, прѣхавъ до девятнадцати человѣкъ запорожскихъ козаковъ въ ханску слободу Голту, прислали двухъ человѣкъ своихъ къ тамошнему каймакану съ требованіемъ, чтобы онъ выслалъ съ Голты укрывшихся туда поляковъ и польскихъ жидовъ. И какъ онъ каймаканъ выслать не похотѣлъ, то они запорожцы, прибѣжавъ туда, учинили тамошнимъ жидамъ грабительство и разорение, и находящихся тамъ во укрывательствѣ двухъ польскихъ шляхтичей и до семи жидовъ польскихъ же до смерти закололи, а нѣсколько жидовъ, убѣгая ихъ запорожцевъ нападенія, хотя переплыть чрезъ рѣку Бугъ на здѣшнюю сторону для укрывательства, утонуло. Тожь и сего числа въ десятомъ часу дня, во оную слободу Голту прибѣжавъ, нѣсколько изъ тѣхъ запорожцевъ человѣкъ, убили до смерти трехъ голтянскихъ жидовъ, а нѣкоторыхъ до полусмерти прибили, и имущество ихъ грабили. Печередшихъ на здѣшнюю сторону въ слободу Орель, объявилъ мнѣ, что де посланный отъ него каймакана въ запорожскій гардъ Бегилей, возвращаясь оттуда, обратно, видѣлъ, что запорожской команды на запорожскій гардъ перешло того же 24.

1) Въ списѣ, бывшемъ у насъ, это слово поставлено въ скобкахъ. Смысль дальнѣйшей рѣчи тогъ, что атаманъ Семенъ Неживый просить выѣхать къ нему на средину плотины, за которую на другомъ берегу онъ стоялъ съ козаками, для совѣщенія.

числа п'шихъ до тридцати, а конныхъ до двадцати человѣкъ, и состоять въ урочищѣ Романковой, разстояніемъ отъ Голты за пятнадцать верстъ, да перебѣхавши съ ханской стороны на здѣшній орловскій форпостъ чумаки объявили, что вчерашияго жъ 24 числа видѣли на степи, въ ханской сторонѣ, близь Гарду, до полтораста человѣкъ запорожской команды п'шей, а запорожскій гардовой писарь Быстрицкій, будучи у меня сего числа по его надобности объявилъ, что де на запорожскій Гардъ никакой команды не переходило на ханскую сторону, тоже и состоящей въ Гарду запорожской команды ни единъ де человѣкъ никуда не отлучался, а частъ только де та команда изъ числа находящейся въ Умани запорожской же команды; и некоторые же изъ перешедшихъ на здѣшнюю сторону въ слободу Орель изъ оной слободы Голты объявили, что де овѣ будучи во оной слободѣ Голтѣ слышали, что за Кодымой на ханской сторонѣ верстъ въ четыре собирается татарское войско, а для чего—неизвѣстно, о чёмъ вѣщему высокородію рапортъ, и ежели паче чаянія тѣ запорожцы и отсель укрывшихся на здѣшней сторонѣ поляковъ и жидовъ о выдачѣ ему требовать станутъ, какъ въ томъ повелѣно будетъ, прошу вашего высокородія снабдить резолюцію.

Премьеръ-майоръ Владимиръ Вульфъ.

25 іюня
1768 года.

№ 7.

Показанія купцовъ о нападеніи запорожцевъ и гайдамаковъ на Паліево-Озеро, избѣженіи тамъ поляковъ и жидовъ и о покушеніяхъ на турецкое мѣстечко Балту.

1768 года 21 іюня въ крѣпости св. Елисаветы купцы Александръ Солемянцевъ, Евфимъ Шапотниковъ и Тимоѳей Балашовъ сказкою показали: въ бытность де ихъ въ мѣстечкахъ ханскомъ Балтѣ и польскомъ Паліевомъ-Озерѣ для торговаго промысла видѣли, что сегодня 18 числа прїехавъ во оное польское мѣстечко Паліево Озеро команда до трехсотъ человѣкъ, которые себя называли запорожцами, бывшихъ тамо поляковъ и жидовъ пиками покололи и имущество ихъ забрали, а потомъ съ оной команды послано двухъ человѣкъ во оное ханское мѣстечко Балту къ турецкому воеводѣ Якубу Агѣ съ прошеніемъ, чтобы онъ укрывшихся туда поляковъ и жидовъ съ онаго мѣстечка на польскую

сторону выгналъ и чтобъ оной командѣ никакой обиды отъ стороны турецкой не было. Однакъ онъ воевода трехъ перешедшихъ туда для укрывательства поляковъ и жидовъ не выгналъ оттуда, и того-жъ числа оная команда, убоясь яко бы турковъ, съ онаго польского мѣстечка Палѣева-Озера выѣхала и не въ отдаленности отъ онаго мѣстечка стала; что усмотря турки, считая ихъ за гайдамаковъ, переѣхавъ на польскую сторону съ тѣмъ, чтобы ихъ ловить, оное польское мѣстечко Палѣево Озеро зажгли и, напавши того мѣстечка на купцовъ и прочихъ тамошнихъ жителей, начали рубить, считая ихъ за бунтовщиковъ, будто яко бы они той команды поддались, и потомъ побѣжали было за оною командою въ погонь, однакъ убоялись оной, возвратились въ мѣстечко Балту. Тожъ оная команда къ оному польскому мѣстечку возвратилась; на которую команду тѣ турки съ ихъ сторонъ до полдня съ ружья пали убили двухъ человѣкъ, тожъ одного грека и трохъ волоховъ. Оная команда на ихъ турковъ не палила; а послѣ какъ прїѣхало еще конной до четырехсотъ человѣкъ при ихъ полковникѣ та-ко-вой-же команды,— а какъ онаго полковника зовутъ и прозываютъ неизвѣстно—съ четырьмя пушками, то въ ту пору и оная команда начала на турецкую сторону съ пушекъ палить; и тогда турки и прочіе тамошніе жители, убоясь, побѣжали съ онаго мѣстечка Балты, за которыми большая часть оной команды въ погонь побѣжала, и тѣмъ учинила сраженіе. А убито-ль кого на ономъ сраженіи или нѣтъ—неизвѣстны-жъ; а потомъ возвратились на польскую сторону, гдѣ оная команда до отѣѣзду ихъ, купцовъ, оттуду находилась. Болѣе вышеописанного они Соломянцовъ, Шапошниковъ и Бадашовъ ничего не видѣли и не слыхали и что въ томъ по самой справедливости показали, въ томъ и подписались на подлинномъ тако:

Крѣпости св. Елисаветы купецъ Александръ Соломянцевъ, крѣпости св. Елисаветы купецъ Тимоѳей Бадашовъ, а вмѣсто него неграмотного по его прошенію подписался Евфимъ Шапошниковъ.

№ 8.

Письмо атамана Семена Неживого Чорбѣ отъ 30 июня 1768 года.

Высокородный и высокопочтенный г-нъ жолтого гусарского полку полковникъ, высокомилостивый вашъ государь и наособливѣшій патронъ!

Нарочныи войска запорожскаго бывъ посланныи козакъ Василем Таловъ для увѣдомленія, что бѣжавшіе гусары, забравши изъ собою казну и амуницію, присягаютъ самовольству и конфедерациі польской и противъ вѣрно(сти) нашей всемилостивѣйшѣй ея императорскаго величества и всея Россіи много наиаденія и разбойства делаютъ, начь же будучи христіанамъ не хотя того оставить, только въ вѣрность Ея Императорскаго Величества, хотя и нынѣ, все товариство должны смертю страждать. Что же приказъ отъ вашего высокородія и патрона словесный и письменный, дабы явиться къ Гаграгавову (?) для разговоровъ, сего дня крайне не могу, но дnia 1 іюля съ приставою вашихъ дезертировъ служить одолжаемся. Мы же вѣрные и всенайподданнѣйшіе Ея Императорскаго Величества просили вашего высокородія отъ нашего войска посланнаго Василья Бузка да жителя медведовскаго Дауда войта приказать отпустить, дабы мы отъ вашего высокородія обиды не могли признать. Впрочемъ и отданый отъ насъ всего войска всенижайшій первый поклонъ зостаемся вашему высокородію, высокомилостивому государю и наисобливѣйшому патрону, всенижайшіе слуги Семенъ Неживый съ товариствомъ.

Іюня 30 дня 1769 г. зъ Медведовки,

№ 9.

Свидѣтельство медведовцевъ.

Благородному и достойно почтенному атаману войскъ низовыхъ запорожскихъ Семену Неживому куреня уманскаго отъ мѣщанъ и козаковъ медведовскихъ.

Сего 1768 г. мѣсяца мая 18 числа въ полской области въ староствѣ чигринскомъ вездѣ по городахъ и селахъ великое разореніе народу показалося отъ поляковъ, то-есть отъ конфедератовъ, которые то, прїехавши въ Жаботинъ войска четыреста пятьдесят человѣкъ съ козаками и черезъ три дни стоячи, ходили пинные по лѣсахъ и людей жаботинскихъ, которые позбѣгали по лѣсахъ, ловили и, имущество отъ оныхъ отобравши, до полусмерти вѣями забивали, и скота рогатого зъ города Жаботина немалое число забрали. Которые-жъ то конфедераты, враги и непріятели Ея Императорскому Величеству и Коронѣ польской, прїехавши сто человѣкъ у Медведовку и стали въ замку и заразъ отъ козаковъ и

кляновъ (?¹) списы и оружъя со всѣми припасами отобрали и, недовольны тѣмъ будучи, но еще хотѣли нашего пана полковника Квасковскаго взять съ собою до конфедерациі, но онъ ушолъ въ границу россійскую. И неотмѣнное ихъ такое намѣреніе было, чтобы пановъ и козаковъ съ собою забрать, а священниковъ греко-россійской православной вѣры и людей главныхъ и ктиторей мучити смертно за благочестіе, и чтобы привести всѣхъ до присяги и на вѣрность конфедерациі. Но мы всѣ правовѣрные христіане, не хотя своей присяги касовати благочестивой, но, вѣрными быть (хотя) Ея Императорскому Величеству, отъ ихъ конфедераторовъ гордо (sic) бѣжали зъ домовъ своихъ по лѣсахъ, островахъ и на розныхъ мѣстахъ непристойныхъ скрывалися и чрезъ тое гоненіе не единъ въ домахъ имущество потерявъ. И какъ бы сей атаманъ отъ войска запорожскаго Семенъ Неживый, собравши команду козаковъ и вооруживши, оныхъ конфедераторовъ зъ Украины (не) отогналъ, то бы онъ поляки, чтобы похотѣли, то тобъ и здѣлали съ нами. Понеже пановъ²) нашихъ и арендаторовъ розогнали и не было за насъ никакого обстоятеля; только сей атаманъ Семенъ Неживый сталъ за вѣру христіанскую и конфедераторовъ отогналъ зъ Украины и явился съ командою у Медведовку, грабительства и обиды народу христіанскому не дѣлавъ нигдѣ, но еще великое спомоществованіе отъ своеvolыцевъ; и какъ бы не онъ у насъ содержался, то бы до сего времени великое кровопролитіе между народомъ было и имущество были бы отъ насъ пограблены. Но только онъ отъ насъ громадъ требуетъ харчей для войска, а грабительства не дѣлаетъ И въ томъ мы ему атаману Семену Неживому свидѣтельство (даемъ) и подписуемся руками своими властными. Написуемъ кресты. Дѣялося сіе на урядѣ городовомъ въ Медведовкѣ дня 1 іюля 1768 году.

Семенъ Рудъ, атаманъ городовой \oplus

Федоръ Латка, Василь Буханъ, Григ. Колесникъ,avr. Гончаръ, Борисъ Гончаръ, Симонъ Крамарь, Уласъ Зобенко, Сем. Ко-
валь. Послѣ каждого изъ этихъ именъ слѣдуетъ слѣдуетъ знакъ \oplus

Къ сему и целая громада медведовская.

¹⁾ Быть можетъ въ этомъ мѣстѣ, испорченномъ переписчикомъ, надобно читать кіяковъ: такъ назывались въ Украинѣ и въ Подольшѣ мужики, ходившие на заработки. Они всегда ходили съ большими палками, называемыми кіями.

²⁾ Подъ панами разумѣлись запорожские войсковые товарищи, водворившіеся въ разныхъ мѣстахъ правобережной Украины.

№ 10.

Рапортъ къ полковымъ дѣламъ жолтаго гусарскаго полка поручика князя Манвелова о переговорахъ съ атаманомъ гайдамаковъ Неживымъ, домогавшимся выдачи бѣжавшихъ поляковъ и жидовъ.

По отправленіи вчерашняго числа отъ меня въ четвертомъ часу къ полковымъ дѣламъ рапорта, злоумышленные гайдамаки съ атаманомъ Неживымъ, тожъ и сотникомъ Василіемъ предъ вечеромъ прибыли болѣе (какъ?) и на человѣкъ сто. Прибывши въ польскій Крыловъ, означенный атаманъ Неживый присланнымъ на имя господина подполковника Хорвата письмомъ просили (кое письмо при семъ оригиналъ прилагается), что (бѣ) для иѣкотораго совѣту съ чими выйти на греблю; по каковымъ обстоятельствамъ я перво предпринялъ самую крѣпчайшую предосторожность и, совокупивъ(ся съ) своею и козачьею командою, прибывъ къ крѣловскому форпосту, гдѣ возлѣ онаго оставя, а я—съ поручикомъ Бутовичемъ и прапорщикомъ княземъ Манвеловымъ и Танталевымъ, тожъ и зъ сотниками, вышли на половину гребли, куда и означенный атаманъ Неживый и сотникъ Василій къ намъ прибылъ съ хлѣбомъ и солью, а при томъ объявили: что мы де не для чего иного прибыли, какъ только требовать отъ васъ о выдачѣ жидовъ и поляковъ; на это я онымъ объявилъ, что тѣхъ жидовъ и поляковъ, потому что оные въ силѣ предложеніевъ находятся у насъ подъ защитой, отдать невозможно. И такъ оные, установивъ отъ себя въ польскомъ Крыловѣ расположеніе, и опредѣливъ въ оному атамана, приказывали ему, чтобы по ихъ приказаніямъ единственное исполненіе чинили; а потомъ—отѣхали до села Конабарка, гдѣ и находятся понынѣ; а сверхъ того приказали оному атаману, что если каковы между оными поляками и жидами у нихъ супшиціи оказываться будутъ, то давали бы къ намъ знать, и просили оные насть, чтобы и въ томъ вспомоществованіе чинили, а во всемъ объявиля притомъ, что де оные мѣста будутъ въ скоромъ времени россійской державы, а не польской и чтобы тѣ мужики считались россійскими, а не польскими жильцами.

Поручикъ князъ Иванъ Монвеловъ.

Іюня 26. 1768 г.

№ 11.

Кіевскою генерал-губернатора Восікова бригадири Черткову о преслѣдованії гайдамаковъ и бывлецовъ.

Высокородный и высокопочтенный господинъ бригадиръ!

Вашего высокородія четыре рапорта отъ 17 и 18 сего со всѣми къ онымъ приложеніями исправно до меня дошли, на которые слѣдующее для вѣдома и въ наставленіе вамъ предписываю. Елико до перехода запорожскихъ козаковъ чрезъ Гардъ въ ханскую сторону для удобнѣйшаго съ гайдамаками въ пути соединенія принадлежить, то, въ силу моихъ ордеровъ, отъ кошевого атамана командированіемъ, при шести полковникахъ и при нѣсколькихъ куренныхъ атаманахъ, разныхъ партій въ степь запорожскую и рѣкою Днѣпромъ къ Очакову, надлежащіе мѣры уже приняты вами для пресѣченія перехода гайдамакамъ въ Польшу, такъ и для переловленія возвращающихся оттуда съ добычею въ запорожскія земли, чѣмъ безъ сумнѣвія (sic) къ искорененію сей зловордной шайки не малый способъ поданъ быть можетъ, если только содержаніе прежнихъ моихъ ордеровъ о преслѣдованіі, поимкѣ и истребленіи оныхъ точно наблюдаемо и въ исполненіе неослабное и ревностное стараніе приложено будетъ. Татарское за Кодымою собраніе хотя по обстоятельствамъ и видится быть дѣйствомъ гайдамацкаго на Балту и Голту нападенія, слѣдовательно не яное въ себѣ заключающее, какъ собственную предостережность отъ другихъ гайдамацкихъ въ татарскія мѣста пустощеній, однако презирать оное не должно, ибо предосторожность, а найпаче при пограничности, никогда излишнею не признавается; и для того изволите, ваше высокородіе, по полученіи сего, немедленно одного надежного и искусного офицера отправить къ вачальнику Едисанской Орды съ письмомъ для искавія яко бы какого либо за границу съ немалою суммою бѣжавшаго купца, прося, чтобы, въ силу вѣчно мирнаго трактата и сосѣдственной дружбы въ отысканіи онаго, приказано было стараніе приложить и по отысканіи (чтобъ) оный совсѣмъ, что при немъ найдено будетъ, посланному на руки отдать(въ) и до границы препровожденъ быль, такъ (какъ) и съ нашей стороны съ подобными отъ нихъ бѣглецами неоднократно уже поступлено. Подъ которымъ претекстомъ посланный стараться долженъ о подлинныхъ обращеніяхъ и на мѣреніяхъ той орды развѣдать, а между тѣмъ въ разговорахъ от-

зываться и увѣрять можетъ, что набѣгшая на Балту и Голту разбойническая шайка, состоявшая въ немаломъ числѣ всякой сволочи, польскихъ козаковъ, мужиковъ и другихъ гайдамаковъ, разоряющихъ польскую Украину, вашими войсками большою частю разбита и переловлена, которой остатокъ уповательно также скоро истребленъ быть имѣеть. И такъ, что симъ нарочнымъ посланцемъ развѣдано будетъ, меня немедленно увѣдомить. По второму вашему рапорту, при которомъ сказка купцовъ елисаветградскихъ Евфима Шапошникова съ товарищами, надлежить также у начальника Едисанской Орды справедливаго удовлетворенія, по собственной дружбѣ, требовать, и что потомъ послѣдуетъ, меня увѣдомить. По третьему—всѣмъ находящимся въ елисаветградской провинціи польскимъ шляхтичамъ, кои подъ покровительство ея имп-го в-ства прибѣгнули для спасенія живота отъ гайдамацкаго гоненія, приказать до дальнѣаго ордера оставаться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятся, пользуясь подъ высочайшею защитою дозволеннымъ имъ благоденствіемъ до совершеннаго истребленія всѣхъ гайдамаковъ и возстановленія въ ихъ отечествѣ прежняго покоя и тишины; а когда желанное спокойство возстановлено будетъ и опасность къ возвращенію въ ихъ отчество минется—отъ меня имъ знать дано будетъ, и они тогда безпрепятственно въ свои дома отпущены быти имѣютъ. И такъ мнѣ остается ожидать, въ силу прежняго моего ордера, присылки отъ васъ имяннаго списка всѣхъ шляхтичей польскихъ, ретировавшихся въ елисаветградскую провинцію, съ означеніемъ чина, фамиліи и служителей обоего пола; на послѣдній (рапортъ), при которомъ сказка отставнаго ротмистра Иванченка и допросъ сотника Власенка съ переводами двухъ писемъ губернатора Квитневича, рекомендую: арестованное вино ротмистру Иванченку съ распискою отдать приказать, ибо, какъ видно, Квитневичъ съ нимъ въ томъ помирился¹). Ротмистра Иванченка хотя и не надлежало по причинѣ экономіи въ домѣ отпустить, однако, когда оное за надежными поруками учинено, то быть такъ, но смотрѣть надобно, чтобы какимъ либо образомъ онъ скрыться не могъ. Сотника же Власенка до дальнѣаго ордера содержать подъ карауломъ въ крѣпости, а вещи какъ Иванченка, такъ и Власенка оставить въ смотрѣніи вахмистра Бабки, не ока-

¹) Обстоятельства, на которыхъ здѣсь дѣлается замѣтъ, неизвѣстны.

жется ли иногда и впредь по онымъ какой либо улики, по кото-
рой тогда и дальнѣйшее слѣдствіе произведено быть можетъ¹⁾.

Вашего высокородія охотнѣйшій слуга

Федоръ Воейковъ.

Киевъ. 31 іюля

1768 г.

№ 12.

*Toго же Воейкова тому же бригадиру о преслѣдованіи гайдама-
ковъ и о содержаніи карауловъ.*

Высокородный и высокопочтенный господинъ бригадиръ!
Два ваши рапорта отъ 23 съ приложеніемъ исправно здѣсь по-
лучены. Первый, служащій только для вѣдома, сстается въ своей
силѣ, а на второй предписывается, что во уваженіе вашего пред-
ставления, яко за отправленіемъ для истребленія и поимки раз-
бойниковъ въ Польшу гусарскихъ и пикнерныхъ и компаний-
скихъ командъ и умножающицся ежечасно арестантами, равно
какъ и въ разсужденіи обширности границъ Елисаветградской
провинціи, на которой тамошними гусарскими, компанийскими и
пикнерскими полками форпосты содержутся и беспрестанные
разѣзды чинятся однимъ пѣхотнымъ козловскимъ полкомъ, отъ
котораго двѣ роты на подкрѣпленіе главныхъ форпостовъ пос-
ланы, по числу некомплекта всѣ караулы въ крѣпости въ Кре-
менчугѣ и надъ арестантами, безъ крайней тѣгости и изнуренія
солдатъ, исправляемы быть не могутъ, отъ меня одну генералъ
аншефу и кавалеру графу Румянцеву сообщено. По его благо-
разсмотрѣнію приказать изъ ближнихъ полковъ конный или пѣ-
хотный въ Елисаветградскую провинцію командировать до со-
вершенаго возстановленія въ Польшѣ покоя; и такъ пока оный
полкъ или какая другая команда и тамъ прислава будетъ, изво-
лите приказать по вашему разсмотрѣнію въ Кременчугѣ хотя
гарнизонными солдатами надлежащей караулъ содержать.

Вашего высокоблагородія охотнѣйшій слуга

Федоръ Воейковъ.

Киевъ 31 іюля по полудни въ 6 часу 1768 году.

¹⁾) Власенко сотникъ—вѣроятно иначе Уласенко, товарищъ Гонты. Допроса, уч-
иеннаго ему, о чёмъ здѣсь намекается, не имѣли мы въ рукахъ.

№ 13.

Отношения киевского генерал-губернатора Войкова бригадиру Черткову: 1) о возвращении польских козаков, пожелавших поступить в подданство России, 2) о допросе и отсылке содержащихся в Кременчуге запорожцев, участвовавших с гайдамаками и 3) о суде и приговоре над виновными. Августа 15, 1768 года.

1.

Высокородный и высокопочтенный господинъ бригадиръ! По рапорту вашему отъ прошедшаго апрѣля о вышедшаго изъ польской Украины козацкаго атамана Сухина съ шестьюдесять двумя человѣками польскихъ козаковъ, кои, уѣзжая отъ согласованія съ польскими конфедератами, приѣхнули подъ высочайшій покровъ Ея Императорскаго Величества съ желаніемъ оставаться вѣчно въ подданствѣ, объявляя, что къ такому же выходу и еще многое число козаковъ намѣреніе имѣютъ, съ желаніемъ учинить въѣрности службы присягу и выведя всю свою фамилію, поселиться слободою, гдѣ мѣсто отведено будетъ, Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйше отъ меня донесено съ испрошеніемъ высочайшаго указа, что съ вими и съ являющимися впредь учинить повелѣно будетъ; начто высочайшимъ рескриптомъ отъ 11 іюля всемилостивѣйше повелѣно: во уваженіе указанаго отъ нихъ усердія принять ихъ ласково и помѣстить между настоящими въ Елисаветградской провинціи поселянами, не завода особыхъ для нихъ поселеній, пока замѣшательства въ Польшѣ продолжаться будутъ, а при томъ дозволить имъ пользоваться всѣми тѣми выгодами, кои согласоваться могутъ съ узаконеніями по тамошнему мѣсту учиненными. Сie разумѣется и о тѣхъ польскихъ козакахъ, кои впредь изъ польской Украины по объявленію сихъ выходцевъ съ такимъ же точно намѣреніемъ, съ какимъ и они приѣхали, выходить будутъ.

Во всеподданнѣйшее исполненіе такого Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго повелѣнія изволите ваше высокородіе потребное къ распределенію ихъ по вашему разсмотрѣнію учинить расположеніе и, по вмѣщеніи всѣхъ, меня въ свое время рапортовать.

Вашего высокородія охотнѣйшій слуга Федоръ Войковъ,
15 августа. 1768 г.

2.

Высокородный и высокоочтенный господинъ бригадиръ! По полученіи сего извольте, ваше высокородіе, приказать кому надлежитъ какъ можно скорѣе всѣхъ въ елисаветградской провинціи и въ Кременчугъ находящихся между содержащимися гайдамаками запорожскихъ козаковъ, каждого особо по приложеніемъ при семъ пунктамъ, допросить и таковыи съ нихъ допросъ съ нарочнымъ комиѣ отправить, между тѣмъ надлежитъ ихъ злодѣевъ по приложенному при семъ экстракту изъ указа формальнымъ образомъ судить ихъ и приговоръ сдѣлать съ нарочнымъ ко мнѣ рапортовать.

Пункты, по которымъ допрашивать пойманыхъ въ Польшѣ на разбоя запорожцевъ:

1. Стараться вывѣдать прямое начало заговора оныхъ пойманыхъ въ Польшѣ запорожцевъ, а особливо, кто изъ нихъ подговорщикъ быть самъ, или же всѣ отъ другихъ научены были и гдѣ именно зборище ихъ началось?

2. Съ вѣдома ли кошевого атамана и войсковой старшины отлучились въ Польшу?

3. Съ какимъ намѣреніемъ сдѣлали нападеніе на слободу Балту и что кѣмъ гдѣ учинено?

Вашего высокородія охотнѣйший слуга Федоръ Воейковъ.

15 августа 1768 г.

3.

Экстрактъ присланнаго въ кіевскую губернскую канцелярію изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ указа отъ 24 іюля 1768 года.

1. Тотчасъ по полученіи сего указа произвестъ надъ помянутыми запорожцами надлежащій судъ, который однакожъ весьма скоро оконченъ быть долженъ.

2. Въ судѣ положивъ на мѣрѣ формальный приговоръ на основаніи законовъ,— ибо колодники, будучи взяты съ ружьемъ въ рукахъ противу войскъ ея имп-го в-ства, не могутъ конечно оправдаться ни въ бунтовчицемъ супротивлѣніи волѣ и оружію Ея Величества, ни въ разнообразныхъ въ Польшѣ произведенныхъ варварствахъ, когда они на самомъ дѣлѣ пойманы и слѣдовательно судимы быть должны, яко бунтовщики, нарушители общаго покоя, разбойники и убийцы.

3. Когда по симъ уваженіямъ, вслѣдствіе всѣхъ на свѣтѣ законовъ, опредѣлена будеть смертная казнь, перемѣнить ее, при самомъ исполненіи, въ тѣлесное наказаніе кнутомъ, кляймомъ и вырваніемъ ноздрей, ссылкою въ Нерчинскъ, оковавши на мѣстѣ въ кандалы.

Въ губернскую канцелярію изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ указа (экстрактъ). Канцеляристъ Федоръ Ониксимовъ.

№ 14.

Секретное письмо киевского генерал-губернатора Войкова бригадиру Чертову о мѣрахъ къ поимкѣ и о доставленіи капитана Станкевича, участвовавшаго въ гайдамацкомъ бунтѣ.

Высокородный и высокопочтенный г-нъ бригадиръ!

Изъ сообщенія его сіятельства, г-на генерала аншефа и кавалера, графа Петра Александровича Румянцева усмотрѣль я, что между пойманными посланною въ Польшу нашихъ войскъ командою около Жаботинка и Смѣлой гайдамаками находится бездѣльникъ чернаго гусарскаго полку капитанъ Станкевичъ съ нѣсколькимъ числомъ россійскихъ подданныхъ, которые содержатся въ Смѣлой. А какъ сіе мѣсто въ близости елисаветградской провинціи находится, то отъ меня г-ну генералу майору и кавалеру Исаакову ордеромъ подтверждено для взятъя оныхъ оттуда и препровожденія до Кременчуга отправить достаточную изъ гусаръ и пикинеръ команду. Того ради вашему высокородію найприлѣжнѣйше рекомендую, по приводѣ сихъ злодѣевъ къ вамъ, приказать оныхъ подъ крѣпкимъ содержать карауломъ и надъ помянутымъ бездѣльникомъ Станкевичемъ изслѣдоввать: какъ и съ чѣмъ былъ онъ отправленъ въ Польшу и для чего нашимъ войскамъ противился? Прочихъ гайдамакъ всѣхъ обыкновеннымъ образомъ допросить: кѣмъ они подговорены и съ какимъ намѣреніемъ въ Польшу пошли. О получении сего и о исполненіи меня во свое время рапортовать.

Вашего высокородія покорный слуга Федоръ Войковъ.

Кievъ 14 декабря 1768 года.

Матеріалы для історії б. Запорожъя*).

*Насытишася сыновъ и оставилъ
останки младенцемъ Псал. XVI ст. 14.*

Помѣщающиеся ниже документы являются такъ сказать посмертными записями Запорожья; они относятся къ тому времени, когда Запорожье прекратило уже свое историческое существование, и даютъ вѣкотория свѣдѣнія о томъ, какъ дѣлалось его огромное наслѣдство и какъ само оно, разгромленное и разбитое на части, но возродившееся въ одной изъ своихъ частей въ формѣ войска черноморскаго, путь различныхъ ходатайствъ искало мѣста для своего поселенія. Подлинно *инициатива трудившася, друзіи же въ трудъ ихъ внидоша*, а тѣ, кто трудился, пищутъ, *идь главу подклонити*. Львины части забрали при этомъ дѣлежѣ главные вѣновники и зрители уничтоженія Запорожья, эти, по выражению народной пѣсни, «папы, генералы и сенаторы»¹⁾, которые при всякихъ подобныхъ кризисахъ являются первыми кандидатами на подобное наслѣдство; остальное раздается по инструкціи, порціями 1500—12000 десятинъ, всякому охочему и захожему лицу привилегированаго сословія, но въ сравненіи съ тѣми сотнями тысячъ десятинъ, что достались генераль-прокурору Вяземскому, князю Прозоровскому и многимъ другимъ, оно представляло уже такъ сказать обѣйки гигантскаго по размѣрамъ запорожскаго прога.

*) Печатаемые подъ этими заглавіемъ восемь документовъ принадлежали къ обширной коллекціи рукописей б. профессора кіевскаго университета А. И. Ставровскаго, а имъ добыты изъ архива б. секретаря Потемкина В. С. Попова. Достопочтенный Алексѣй Ивановичъ, такъ долго съ честію трудившійся для исторіи, къ прискорбію, давно лежитъ, разбитый параличемъ, а драгоценное его собраніе, истощаясь постепенно, не скоро, кажется, станетъ достояніемъ науки. Доставшаяся намъ крупица уступлена намъ однимъ изъ сыновей заслуженнаго профессора.—Ред.

¹⁾ См. эту пѣсню въ февральской книжкѣ „Кіев. Ст.“, стр. 436.

Бывшія запорожскія земли обнимали собою почти все пространство нынѣшніхъ двухъ губерній херсонской и екатеринославской и заключали въ себѣ свыше десяти миллионовъ десятинъ земли. Запорожскія владѣнія образовывались постепенно и такихъ размѣровъ достигли въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Всѣ они были заняты и удерживаемы съ оружіемъ въ рукахъ; тутъ, можно сказать, каждый клочокъ земли много разъ обагряеиь былъ кровью его обладателей. Запорожцамъ не страшины были такие враги—сосѣди, какъ поляки и татаре; съ ними много вѣковъ они мѣрялись своими силами и на борьбу съ ними посвящено было все ихъ существованіе. Со стороны Польши ихъ владѣнія шли по чертѣ нынѣшніхъ губерній: кіевской, подольской и херсонской, со стороны Турціи и татаръ точныхъ границъ не было, и какъ татаре захватывали запорожскія земли, такъ и запорожцы проникали внутрь ихъ земель и тамъ пытливъ свои *пазырки*. Одно время запорожцы фактически лпшились было своего наслѣдія лѣтъ на двадцать, именно послѣ катастрофы, постигшей Мазепу съ Карломъ XII, съ 1709 по 1733 г., но въ ихъ отсутствіе ни одна изъ сосѣднихъ державъ, ни даже татаре, не посягнули на ихъ землю и, когда «по созволенію своему собственному» возвратились они снова въ подданство россійское, то безвозбранно поселились «на своихъ древихъ и праведно принадлежащихъ земляхъ». «Всѣ тіе мѣста, писать имъ при этомъ баронъ Вейсбахъ, при посредствѣ котораго велись переговоры о возвращеніи запорожцевъ, ваши собственныя, и въ оные мѣста, яко вамъ прямо принадлежащія, ни Россія, ни Порта, ни Ханъ крымскій и никто вступать не можетъ и не имѣеть и для того этого мѣстамъ между обоми имперіями (россійскою и турецкою) разграниченія не было, понеже оныя вамъ принадлежатъ»¹⁾). Совсѣмъ иначе взглянули на запорожцевъ съ ихъ землями, когда возвращеніе ихъ въ русское подданство стало совершившимся фактомъ. Уже послѣ пятилѣтней неудачной войны Россіи съ Турциею (1735—1739 г.) по никѣйской конвенціи, часть земель запорожскихъ отошла къ Турціи, а по велико-ингульскому инструменту 1740 г., дополнившему бѣлградскій трактатъ, всѣ запорожскія земли вошли въ составъ Россійской Имперіи и стали трактоваться, какъ общегосударственные земли, которыми правительство въ правѣ распорядиться по своему усмотрѣнію. Въ основѣ дальнѣйшихъ дѣйствій правительства относительно запорожцевъ и ихъ земель легли съ одной стороны недовѣріе къ запорожцамъ за участіе ихъ въ измѣнѣ Мазепы, съ другой—намѣреніе чрезъ ихъ пустыни, путемъ заселенія послѣднихъ и постройки на нихъ укрѣплений придвигнуться постепенно къ берегамъ Чернаго и Азовскаго морей. Еще съ 1735 г. баталіонъ войска, приданый Кошу какъ-бы для вспоможенія и находившійся съ запорожцами въ походѣ, на обратномъ пути зазимовалъ въ Сѣчи, а за тѣмъ не только оставленъ тамъ навсегда, но и усиленъ въ своемъ составѣ съ возведеніемъ

¹⁾ Исторія Нов. Сѣчи. Скальковскаго, ч. II, стр. 73.

порученного ему особаго укрепления. Такія-же укрепления, послѣ бѣлгородскаго трактата, годъ за годомъ возводились на запорожскихъ земляхъ, начиная отъпольской границы внизъ по течению Днѣпра. Въ тоже время здѣсь поселямы были выходцы изрѣнняго времени изъ Россіи, изъявившіе согласіе возвратиться въ отечество. Съ 50-хъ годовъ запорожскія земли предоставлены для поселенія четырехъ ново-сербскихъ полковъ, образованныхъ изъ славянскихъ выходцевъ, и населеніе запорожскихъ куреней сдѣвши было съ своихъ мѣстъ въ пустынныя степи, а внослѣдствіи поселены были еще два полка, набранныя изъ молдованъ, волоховъ, грековъ и др. Запорожскія владѣнія сокращались годъ за годомъ путемъ отвода подъ военныя и другія поселенія, а равно—укрѣпленія, по указаніямъ высшей власти, и просто путемъ захвата. Запорожцевъ вытѣсняли съ Кубани, гдѣ они нашли для себя новыхъ удобныхъ мѣстъ, и со стороны р. Калмуса, гдѣ они приходили въ столкновеніе съ другою военною общиной донскихъ казаковъ. Ихъ земельные права нарушали и татаре, искавшіе выгодныхъ пастьбищъ, и сосѣдніе польскіе помѣщики, а самоличная ихъ расправа съ узурпаторами встрѣчала строгое осужденіе со стороны правительства и становилась невозможна. Протесты съ одной, жалобы съ другой стороны вели къ нескончаемымъ спорамъ и разслѣдованіямъ, рѣдко когда оканчивавшимся въ пользу запорожцевъ, но болѣе и болѣе навлекавшимъ на нихъ гневъ правительства. Разселившіяся въ разныгъ концахъ Запорожья русскія военные власти, дѣйствуя безконтрольно и безнаказанно въ своихъ земельныхъ притязаніяхъ къ запорожцамъ, не признавали никакихъ ихъ историческихъ правъ, да и въ самомъ Петербургѣ не находили уже ихъ жалованныхъ грамотъ, универсаловъ и даже договорныхъ статей Хмельницкаго. Запорожцы видѣли себя въ полной почти блокадѣ, ихъ вѣковое достояніе упливало изъ ихъ рукъ, поѣздки ихъ депутатій въ Петербургъ и странствованія ихъ по переднимъ елисаветинскихъ и екатерининскихъ вельможъ становились все унижительныѣ и бесплоднѣе. Словомъ: неофиціальный, или частный разборъ ихъ земель начался гораздо раньше формального уничтоженія Запорожья, и есть много основаній думать, что имущественное его наслѣдство болѣе, чѣмъ что либо другое, входило въ разсчеты людей рѣшавшихъ безповоротно его кончину.

Мы не будемъ говорить о самомъ разореніи Запорожья; для настѣнѣ въ данномъ случаѣ имѣть значеніе лишь общий характеръ этого великаго въ народной жизни событія, главная причина котораго, какъ бы мы ни объясняли оное, лежитъ все таки въ разгорѣвшемся тогда честолюбіи Потемкина. Сытый, избалованный временщикъ, распоряжался по своей прихоти судьбами обширнѣйшаго края, новороссійскаго, додумался до неосуществимаго греческаго проекта и проглядѣль позади себя единовѣрный и единокровный, стоявшій въ польскомъ ярмѣ народъ, единственнымъ представителемъ и защитникомъ котораго служило Запорожье. Ему нѣть дѣла до своихъ; онъ не ломаетъ головы надъ переустройствомъ Запорожья, согласно инымъ требованіямъ вѣнѣній и внутренней политики, онъ стремится какъ нибудь перешагнуть всѣ эти степи и море, добраться до Царграда, возстановить древнюю Византію,

и, ради своихъ фантастическихъ проектовъ, онъ спѣшить покончить съ запорожцами, попираеть историческія ихъ права и значеніе, одно упоминаніе ихъ объ этихъ правахъ превращаетъ въ тяжкое государственное преступленіе, которое влечеть за собою для представителей Запорожья лишеніе всѣхъ служебныхъ и имущественныхъ правъ и сурое заточеніе на крайніе пункты Сѣвера. Ему и на мысль не всходило, что если для осуществленія его плановъ требовалось скорое заселеніе края, то лучшими его колонизаторами могли быть тѣ же запорожцы, выдѣлявшіе отъ себя семеиныхъ козаковъ съ ихъ зимовниками и отлично устроенными хозяйствами, и что они предпочли-бы, конечно, всякое иное свое устройство и переустройство совершенному уничтоженію и подчинились бы оному также безмолвно, какъ и объявленному смертному приговору; но онъ безъ дальнихъ разсужденій лишаетъ ихъ вѣковаго ихъ достоянія,—заслуженныхъ храбрѣйшихъ воиновъ силится привлечь къ ненавистному и для обыкновенного человѣка крѣпостному яру, разными льготами привлекаетъ въ край всякий иноземный сбродъ, раздастъ пожитки войсковые бѣглымъ грекамъ и арнаутамъ, надѣляетъ свободныя земли огромными частями бесплатно всѣмъ, кто приметъ на себя трудъ вводить рабство въ край, никогда не знавшій его и служившій убѣжищемъ отъ него.

Ко времени уничтоженія Запорожья, т. е. къ 1775 году, Потемкинъ придумалъ проектъ раздѣленія довѣренной ему новороссійской провинціи на двѣ губерніи: новороссійскую и азовскую. Запорожскія земли подѣлены были между той и другой, но о раздачѣ ихъ въ первой свѣдѣній у насъ нѣть, хотя, конечно, и тамъ она не могла быть иной. Губернаторомъ послѣдней назначался Чертковъ, доселѣ помощникъ Потемкина по управлѣнію всѣмъ краемъ. Изданная имъ инструкція относительно раздѣла б. запорожскихъ земель, спустя три года послѣ уничтоженія Запорожья, въ основныхъ чертахъ своихъ принадлежитъ, конечно, Потемкину, на ордерѣ котораго основана. Въ основѣ ея лежитъ крѣпостническій взглядъ того времени: хотѣлось заселить край; бесплатная раздача богатѣйшихъ земель служила вѣрнѣйшимъ къ тому средствомъ, но ихъ нельзя было предоставлять лицамъ не свободныхъ сословій, ибо это служило-бы подрывомъ господствовавшаго въ имперіи строя и образовало бы провинцію, надъ общественнымъ и гражданскимъ устройствомъ которой пришлось-бы ломать голову. Тутъ и прославленный гений не могъ придумать иной формы, какъ та, которая была всюду предъ глазами, т. е. раздавать земли лицамъ привилегированныхъ классовъ съ обязательствомъ заселенія ихъ въ извѣстный срокъ и въ извѣстной мѣрѣ на тѣхъ-же началахъ крѣпостническихъ отношеній. Нельзя не признать, что раздача земель совершалась на самыхъ широкихъ льготахъ; въ свою очередь имировизированные владѣльцы огромныхъ участковъ, конкурируя между собою, должны были давать другъ передъ другомъ разныя льготы селившимся на ихъ земляхъ; но въ результатѣ получалось тоже крѣпостническое иго, отъ котораго народъ массами бѣгалъ во всѣ стороны. Такимъ образомъ заселеніе края, не смотря на всѣ льготы, шло крайне медленно и туда даже

до недавняго времени, земля, переходившая изъ рукъ въ руки, оставалась достояніемъ че многихъ, и когда народъ, столько вѣковъ носившій невольничье ярмо, получилъ наконецъ свободу, край очутился въ тѣхъ-же почти земельныхъ условіяхъ, какъ и другія части имперіи.

Само собою разумѣется, что б. запорожцы не могли принять никакого участія въ этой новой искусственной колонизації ихъ-же края, такъ какъ она шла въ разрѣзъ со всѣми ихъ вѣковыми стремленіями и привычками къ свободѣ и приволью. Даже военная служба въ регулярныхъ кавалерийскихъ войскахъ, послѣ учненіаго надъ ними насилия, не могла ихъ прельстить и усилія всемогущаго Потемкина образовать изъ оставшихся запорожцевъ два пикнерные полка кончились ничѣмъ. Позже, спустя семь лѣтъ, при видѣ обширнаго, ничѣмъ не обезпеченнаго края и особенно въ виду приближавшейся турецкой войны, Потемкинъ вспомнилъ запорожцевъ, почувствовалъ въ нихъ нужду и чрезъ посредство ихъ старшинъ стала вновь приглашать ихъ въ козацкую службу подъ его личніемъ предводительствомъ; но это возвзваніе его, прежде всего вызвало волненіе въ народѣ и толки о возобновленіи запорожской Сѣчи, приведшіе народъ, какъ даётъ понять второй изъ приводимыхъ документовъ, къ нелегкому отвѣту предъ разными Халчевскими, Борхами, Булацелями и другими новонародившимися обладателями запорожскихъ земель. Когда-же наконецъ, усиліемъ запорожскихъ старшинъ: Головатаго, Харька, Чепеги и Легкоступа, разсыянныя останки «славнаго войска низового» снова собраны были на службу подъ названіемъ черноморцевъ и, привывъ дѣятельное участіе въ войнѣ съ Турциею 1787—1791 г., покрыли себя новою славою, то въ награду за всѣ свои подвиги, которые очень цѣнилъ самъ Потемкинъ, обѣщавшій имъ завоевываемыя тогда земли между Бугомъ, Днѣстромъ и Чернымъ моремъ, за послѣдовавшею смертію Потемкина, едва не были обращены въ крестьянское званіе. Обширнѣйшія владѣнія ихъ были разобраны до клочка; новозвоеванныя земли не были имъ переданы, хотя значительная часть козачихъ семействъ поселилась на нихъ, по указанію Потемкина. Оставалось искать новаго мѣста и такимъ оказалась знакомая отчасти, хотя дамекая и болотистая, Тамань. Особому искусству своихъ ходатайствъ и расположению приближенныхъ Потемкина, Каховскаго и Попова, переформированные теперь по семейному запорожцы обязаны были полученіемъ новаго мѣста для своего поселенія. Приводимая переписка по сему дѣлу не даетъ, къ сожалѣнію, свѣденій о томъ, чѣмъ кончилось ходатайство черноморцевъ о выпущеніи съ ними на Тамань тѣхъ изъ ихъ сподвижниковъ, которые перешли къ нимъ изъ разныхъ губерній и заграничныхъ мѣстъ (Украины), но которыхъ помѣщики всѣми мѣрами выискивали и старались удержать на мѣстѣ. Она только показываетъ, какъ неизвѣстно было народу крѣпостное состояніе и какъ велико было его стремленіе къ козачеству: въ короткій промежутокъ времени отъ призыва Потемкина до окончанія турецкой кампаніи остававшееся едва половинное число запорожцевъ, не смотря

на потери отъ войны, обыкновенной смертности и чумы увеличилось болѣе, чѣмъ вдвое, а число всѣхъ готовившихся къ переселенію на Тамань простидалось до 25-ти тысячъ лицъ мужскаго пола.

I.

*Инструкція азовскаго губернатора Василия Черткова относительно
раздѣла б. запорожскихъ земель.*

Отъ генералъ поручика азовскаго губернатора и кавалѣра азовской губернскай канцеляріи предложеніе.

Ордеромъ его свѣтлости, господина генералъ-аншефа, сенатора, государственной военной коллегіи вице-президента, трехъ губернскаго государева намѣстника, всѣхъ россійскихъ и разныхъ орденовъ кавалѣра, князя Григорія Александровича Потемкина, отъ 26 декабря прошлаго 1777 года, подъ № 2764, предписано, для удобнѣйшаго и скорѣйшаго въ пустыхъ мѣстахъ заведенія селеній, назначенный владѣльцамъ въ отводъ казенныхъ земли, утверждать за ними, на основаніи положенія о семъ въ штатахъ, вѣчно, однако-же, отводить каждому не менѣе тысячи пяти сотъ и не болѣе двѣнадцати тысячъ десятинъ, со льготою для заселенія десяти лѣтъ, а въ представленномъ планѣ о сей губерніи, о раздѣленіи земли подъ селеніе, обѣ утвержденіи оной въ вѣчность, о продажѣ изъ рукъ въ руки, о подѣлѣ между наследниками и о льготномъ времени, 5-й главы въ нижеписанныхъ статьяхъ, изображенъ; а именно: въ 1-й—чтобъ необитаемыя земли изъ бывшихъ запорожскихъ дачъ составленныя, а особливо задонскія земли таганрогскаго уѣзда заселить и усилить, яко нужную по пограничности тѣхъ мѣсть сторону, обитателями, раздавать для заселенія въ вѣчность всякаго званія и чина людямъ, исключая однодворцевъ, крестьянъ и прочихъ помѣщичьихъ людей, нетолько проживающимъ и при должностяхъ состоящимъ, но и кто жительство имѣеть въ Великороссіи и Малороссіи, равно иностранцамъ, изъ-за границы приходящимъ и на вѣчное подданство присягу учинившимъ, съ дачею на десять лѣтъ льготы и съ обязательствомъ, чтобъ оныя во время тѣхъ льготныхъ лѣтъ заселили выводимыми изъ незапрещенныхъ мѣсть людьми, во 2-й—оныя земли раздѣлить на участки, каждый въ полторы тысячи десятинъ, и во всякомъ заселено бъ было неменьше тринадцати дво-

ровъ, дабы и помѣщикъ имѣлъ въ той-же дачѣ землю для своего обихода, но кто похощеть населить на такомъ-же участкѣ и болѣе того числа дворовъ, таковому не воспрещать и отдавать одному участками не болѣе восьми, то есть: двѣнадцать тысячъ десятинъ, и не меныше одного, которые и населить, соразмѣрно вышеписанному участку по полторы тысячи десятинъ; а именно: на трехтысячномъ двадцать пять, на шеститысячномъ пятьдесятъ, на двѣнадцатитысячномъ участкѣ сто дворовъ, а ежели за отводомъ будетъ оставаться гдѣ промежутокъ, въ такомъ случаѣ или просящему отдать, или чтобъ въпустѣ безъ платежа не оставалась, набавлять въ дачи, въ смежности въ населеніи взятыя; въ 3-й—при отводѣ давать каждому специальные планы при участкахъ со взысканіемъ за обмежеванную землю по три деньги за десятину, но болѣе двѣнадцати тысячъ десятинъ одному во владѣніе, равно, какъ на женъ, незамужнихъ дочерей, такъ и на малолѣтнихъ сыновей особыхъ участковъ (кромѣ достигнувшихъ изъ сыновей въ совершенныя лѣта, тожъ и такихъ женъ, которыхъ остаются во вдовствѣ, не имѣя никакихъ наследниковъ) или полныхъ двѣнадцатитысячныхъ участковъ не давать, однако, кому неѣть законнаго запрещенія въ покупкѣ (исключая малолѣтнихъ), замужнимъ женамъ и дѣвицамъ покупать и въ закладъ брать не возбранять, но не болѣе положеннаго числа десятинъ, дабы чрезъ то зажиточные не присваивали себѣ пространныхъ дачъ, а малоимущіе, особливо изъ-за границы переселившіеся и вступившіе въ поселеніе полки офицеры безъ земли и по отставкѣ безъ пропитанія быть не могли, но по тѣмъ отдаваемымъ во владѣніе землямъ никто, кромѣ природныхъ дворянъ и по службѣ пріобрѣтеннаго дворянства себѣ присваивать не можетъ, потому что дворянинъ—не по землѣ имъ владѣемой, а по природѣ или заслугамъ, въ 4-й—по прошествіи льготныхъ десяти лѣтъ, кто заселитъ свою землю, или прежде, вышеписаннымъ числомъ дворовъ, давать межевые книги и надлежащіе планы съ штемпелями, за подписаніемъ намѣстническаго правлења, оставляя при ономъ съ нихъ точныя копіи, взыскать при дачѣ ихъ еще другія за каждую десятину по три деньги, чѣмъ и состоится сборъ по три копѣйки, въ силу межевой инструкціи, главы 29, пункта 8, и платить, по минованіи вышеписанныхъ льготныхъ лѣтъ, ежегодно съ земли по прежнему о новороссійской губерніи положенію за каждую десятину удобной земли въ годъ по пяти деньгъ, въ 5-й—ту населенную землю каждому, по утвержденіи за нимъ

вышеписаннымъ образомъ, вольно указаннымъ порядкомъ продать, заложить и въ приданое отдать, но не иначе, какъ полуторытысячными участками по одному, по два, по три и по осьми, а меньше полуторы тысячи дачь не раздроблять, такъ что хотя бы случилось, что у кого-либо наследниковъ осталось столько, что полутора тысячными участками ихъ подѣлить было не можно, то тѣхъ, которымъ недостанетъ земли, прочимъ полюбовно или по суду удовольствовать, по разсчету, деньгами, въ 6-й—не имѣющіе дворянства, ни чиновъ штабъ и оберъ-офицерскихъ, никто готоваго покупать не можетъ, а пользуется онъ или его потомки за труды и употребленное ими иждивеніе только тѣмъ, сколько симъ подъ поселеніе возьметъ земли и что на оной обѣзведеть, въ 7-й—какъ таковое имѣніе поселеніемъ людей пріобрѣтается не по наследству, но собственными трудами и иждивеніемъ того, кто взялъ пустую землю, то таковой и воленъ при жизни, или при кончинѣ отдать въ наследство, кому заблагоразсудитъ, объявляя на то свои записи въ присутственныхъ мѣстахъ, гдѣ кому ближе, а безъ того, ежели записи объявлены не будутъ, такового имѣніе принадлежитъ въ родъ ближнимъ наследникамъ, на основаніи сей главы, 5-й статьи; въ 8 й—кто во время льготныхъ лѣтъ взятую землю положеннымъ числомъ дворовъ не заселить, таковому межевой книги и подлѣжащаго съ stemпелемъ плана не давать, почему онъ ту землю до того времени ни продать, ни заложить, ни по какимъ сдѣлкамъ укрѣпить и ниже въ приданое отдать не можетъ, но, не взирая на то, платить долженъ за каждую десятину въ годъ по пяти денегъ и въ нарядахъ и въ прочихъ по земству управленияхъ быть, наравнѣ съ заселившими не по числу имѣющихихся у него дворовъ или поселянъ, а по количеству земли; въ 9-й—кто отъ населенія взятой имъ земли, по прошествіи льготныхъ лѣтъ или и прежде откажется, то съ такового за все время, сколько онъ тою землею пользовался, взыскать по пяти денегъ, за десятину за каждый годъ, въ сходство чего и благоволить оная губернская канцелярія, по окончаніи нынѣшняго лѣта межеванія, снятая земли, на коихъ подлѣжащия межевые знаки постановлены, за тѣми просительями оставить въ вѣчномъ владѣніи, со взысканіемъ съ нихъ половинного числа положенныхъ по межевой инструкціи пошлинъ, кои и причислить къ межевой суммѣ, и на тѣ дачи сочинить специалные планы, раздѣля аглицкой дюймъ въ четырѣста сажень, за подписаніемъ губернской канцеляріи присудствующихъ, но безъ постановленія

штемпелей, дать каждому помѣщику при указѣ, изъ оныхъ пла-
новъ копію для сочиненія въпредъ, ежели кто населить взятую
землю положеннымъ числомъ людми, надлѣжащаго положеннаго
по межевой инструкціи плана и межевыхъ книгъ отослать въ
губернскую межевую экспедицію, а прежде данной во ону отъ
меня ордеръ о сочиненіи надлѣжащихъ плановъ, раздѣля аглицкой
дюймъ въ двѣстѣ, а специалныхъ въ пять сотъ сажень, отме-
нить, соблюдая, чтобъ ни за кѣмъ ни по отводу, ни купленныхъ
послѣ учрежденія новороссійской губерніи, то есть 1764 году,
болѣе двѣнадцати тысячи, а менѣе тысячи пяти сотъ десятинъ
не было, исключая тѣхъ, кои по древнимъ грамотамъ и кре-
постямъ до состоянія еще новороссійской губерніи и по сооруженіи
оной безспорно владѣли, еслиже кому либо до полученія выше-
упомянутого его свѣтлости повелѣнія, какъ тогда въ сохраненіе
Высочайшаго интереса, чтобъ земли въпустѣ и безъ полученія
въ казну доходовъ не лежали, отдавались въ наймы, безъ со-
блюденія того, чтобъ двѣнадцати тысячъ десятинъ не превосхо-
дило, отдано въ наймы съ отводомъ или по уроцищамъ и безъ
отвода, болѣе двѣнадцати тысячъ десятинъ, у таковыхъ, поелику
теперь, особливъ по причинѣ переходящихъ изъ Крыма христи-
янъ, недостатокъ окажется можетъ, сколько по изъмѣреніи изъ
лишнего окажется будущаго 1779 года, генваря съ 1-го числа,
отобрать по прежнему, въ казенное вѣдомство, со взысканіемъ
положенныхъ поземельныхъ денегъ съ опредѣленного при отдачѣ
въ наемъ времени по 1-е генваря 779 года, и сколько у кого и
въ какихъ уроцищахъ отобрано будетъ, мнѣ дать знать, а пред-
варительно безъ потеряня времени сочинить алфавитную всѣмъ
азовской губерніи помѣщикамъ вѣдомость, съ показаніемъ, скол-
ко кому по прошеніямъ, когда и въ какихъ именно уроцищахъ,
съ основаніемъ азовской губерніи, въ наймы отдано, новороссій-
скою же губернскою канцеляріею отведено и послѣ 1774 года
въ принадлѣжащихъ нынѣ до азовской губерніи мѣстахъ кѣмъ
и гдѣ куплено. Подлѣнное подпись Василей Чертовъ.

Свидѣтельствовалъ въ должностіи секретаря коллежскій ре-
гистраторъ Яновскій.

Вверху помѣта: получено 13 ноября 1778 года, на сторонѣ № 1967.

II.

Рапортъ екатеринославскаго дворянскаго предводителя Руденка генерал-аншефу Михаилу Коховскому о воиненіяхъ въ народѣ по поводу слуховъ о возстановлніи Запорожья и не допущеніи крестъянъ къ запискѣ въ козаки¹⁾.

По учинившемуся между народомъ разглашенію, что паки возобновляется бывшая Запорожская Сѣчь и что якобы каждого состоянія людямъ, не только свободно собирается во оную, но даже и приглашаются всѣ, кто только пожелаетъ составлять оную,увѣряя одинъ другаго, будто и всѣ бывшіе запорожскіе земли отданы имъ будуть, по прежнему, и словомъ—якобы возвращается и вся ихъ прежняя воля, а кому присовокупляютъ и самое лестное для каждого простаго званія обнадеживаніе, что пожелавшій записатся въ Кошъ, гдѣ бы не былъ на жительствѣ, освобождается съ семьею и имѣніемъ отъ всякой зависимости и повинностей, а потому и помѣщичи подданные, подкрепляемые писарями казенныхъ селеніевъ и самими подговорщиками, разъсѣявшимися повсюду, берутъ въ свою сторону силу указовъ, выпущенныхъ о записавшихся уже многимъ числомъ въ черноморскіе козаки бывшихъ запорожцахъ, отложась отъ послушанія своихъ помѣщиковъ и уклоняясь отъ должной ихъ повинности, и совсѣмъ не бывшіе никогда въ Запорожье, оставляя свои домы, идуть для записи въ козаки, съ тѣмъ только умысломъ, чтобы посредствомъ наименованія козаковъ, освободить въ силу означеннаго увѣренія семью и имѣніе, нажитое за помѣщикомъ, и здѣлать оные отъ него независимымъ, противу всей справедливости, и чтобы не быть добрымъ и полезнымъ государству и обществу поселяниномъ и не исправлять по званію своему своего ремесла, а прошататься въ праздности и тунеядствѣ, поколь возродится зловреднѣе еще помысли бывшихъ запорожцовъ, и посему екатеринославскаго уѣзда помѣщиковъ: гна оберъ-привантмейстера и губернскаго магистрата предсѣдателя Халчевскаго, пропедшаго марта противъ—24-го и 28-го числъ сего го-

¹⁾ Копія этого рапорта, безъ надписи и даты, озаглавлена рукою самаго Коховскаго съ замѣткою, что онъ присланъ ему Руденкомъ отъ 14 апрѣля 1789 года за № 9-мъ. Она, какъ и слѣдующія копіи, изготавлена для секретаря кн. Потемкипа, Василия Степановича Попова.

ду, семнадцать человѣкъ, а г-на генералъ поручика и кавалѣра графа Борха тринадцать человѣкъ, да г-на секундь-маиора Була-целя двенадцать человѣкъ, сего апрѣля противъ 13-го числа, ихъ подданныхъ, записанныхъ по ревизіи за ими въ томъ званіи и никогда не бывшіе въ Запорожье, ушли къ подговорщикамъ для записи въ козаки, съ которыхъ первого уже сѣмь человѣкъ воз-вратились съ билетомъ, даннымъ имъ войска черноморскихъ ко-заковъ отъ маиора Гулика, въ которомъ и написалъ онъ, будь-то они всѣ въ Запорожье служили и находились въ куреняхъ, въ томъ билетъ означенныхъ, нынѣ же де каки служить жела-ютъ, то, для исправленія себя на службу, отпущены въ домуы на три недели, и какъ такова записка не справедливая и разру-шающая доброй порядокъ, то изъ числа тѣхъ пришедшихъ начальничьихъ три человѣка отосланы къ суду въ уѣздной судѣ, но сіе одво удержать ихъ не можетъ, ибо отъ многихъ послѣдо-вать имъ хотящихъ положено, какъ скоро тѣмъ ушедшими ус-пѣхъ будетъ, то и прѣтчимъ ихъ дорогою итти. О чемъ должностію поставляю донести вашему превосходительству и просить, не благоугодно-ли будетъ съ вашей стороны здѣлать тому пре-грады, дабы цомѣщичихъ подданныхъ, и особливо тѣхъ, кои никогда въ Запорожье не были и не служили козаками, не под-говаривали и не принимали и никакихъ билетовъ не давали, и для явного уничтоженія объявленныхъ несправедливыхъ разгла-шеній виновныхъ тому велѣть наказать, ибо безъ того могутъ въ совершеное разореніе притти всѣ слободы и послѣдовать можетъ упадокъ въ земледѣліи и домостроительствѣ, а за тѣмъ въ казенной подати и общемъ исправленіи, но кому еще и уг-рожаетъ своеолѣство и независимость своихъ начальниковъ гра-бежемъ и разбоемъ.

II.

Всеподданнѣйшая просьба преобразованныхъ изъ б. запорожцевъ черноморскихъ козаковъ о поселеніи ихъ на Тамани¹⁾.

Всепресвѣтѣйшая, державнѣйшая, великая Государыня, Императрица Екатерина Алексѣвна, Самодержица всероссійская, Государыня всемилостивѣйшая!

¹⁾ Копія этой просьбы, сообщенная тѣмъ же генер. Коховскимъ тому же Ва-силию Ст. Панову.

Всеподданнѣйше просить войска вѣрныхъ козаковъ черноморскихъ атаманаъ коптевый, арміи бригадиръ и кавалеръ Захарій Алексеевъ сынъ Чепега, войсковые старшины и всіо войско.

При начатіи нынѣ кончившейся съ Портою Оттоманскую компаніи, по всевысочайшему вашего императорскаго величества соизволенію и покойнаго свѣтлѣйшаго князя и великаго гетмана Григорія Александровича Шотемкина Таврическаго повелѣнію, мы изъ бывшихъ запорожцовъ и другихъ заграничныхъ мѣстъ, будучи собраны на сухомъ пути конныхъ и пѣшихъ, такъ же и на флотиліи старшинъ и козаковъ двенадцать тысячъ шесть сотъ двадцать два, служили вашему императорскому величеству до окончанія оной усердно.

По повелѣнію покойнаго свѣтлѣйшаго князя и великаго гетмана устроены между нами старшины, яко то войсковые: коптевый, судія, писарь и есауль, полковники, сотники, полковые есаулы и хорунжіе, пушкарь, довбышъ и куренные атаманы; даль намъ покойникъ булаву и перначей семнадцать, знамено большое бѣлое и прaperовъ малыхъ четырнадцать, войсковую печать и часть артиллеріи, а подъ поселеніе намъ отводъ земли обѣщаль у вашего императорскаго величества изходатайствовать.

И до того какъ повелѣлъ оный покойный свѣтлѣйшій князь нашъ съ разныхъ вашего императорскаго величества губерній и заграничныхъ мѣстъ на вновь пріобрѣтенную между рѣкъ Буга и Днѣстра, также и на Кинбурнской сторонѣ земли переселяться, то уже и переселилось на оную ста(рыхъ куреней?) съмъ сотъ пятдесятъ девять, а въ нихъ мужеска пять тысячи шестьдесятъ восѣмъ, да женска половъ четыре тысячи четыреста четырнадцать душъ, и завели себѣ хозяйство порядочно, яко то домостроительство, водяныя и вѣтренныя мельницы, хлѣбопашество, скотоводство, лѣсы, сады, винограды, пасѣки, рыболовные заводы и все, что есть нужное къ оному хозяйству; прочихъ же таковыхъ, кои и въ позапрошедшую съ Портою Оттоманскую войну отъ бывшаго Запорожья вашему императорскому величеству служили, оныхъ губерній, разныхъ уѣздовъ самыя помѣщики и ихъ прикащики, не взирая на данныя отъ нась свидѣтельства, присваиваются непринадлежаще въ подданство, самихъ содерживая подъ стражею, а ихъ женъ и дѣтей угнѣтая ежедневно работою, къ совмѣстному поселѣнію не выпускаютъ; а ежели всѣ служившіе съ ихъ сѣмействами будутъ выпущены, то соберется самаго мужескаго полу на двадцать пять тысячи.

Изъ числа переселившихся на вышеписанную землю отъ нѣкоторыхъ старшинъ и козаковъ взошли къ намъ жалобы, что при переселеніи ихъ изъ подъ-помѣщиковъ, овныя помѣщники и ихъ приказчики собственного ихъ имѣнія много безъвинно ограбили и не возвращаются, и какъ мы и потомки наши, будучи вѣшего императорскаго величества вѣрноподданные рабы, обѣщаемся и должны вашему императорскому величеству и наслѣдникамъ всероссійскаго престола служить вѣрою и правдою, и все, что къ пользѣ отечества касатися будетъ исполнять со усердіемъ, такъ какъ долгъ сыновъ всероссійскаго отечества требуетъ: прибѣгая подъ покровительство вѣшего императорскаго величества, всеподданнѣйше рабски просимъ насть войско во всегдашнее свое Монаршее благоволеніе матерински принявъ, для поселенія на Таманѣ, съ окрестностями оной, милостиво повелѣть отвесть выгодныя земли такъ достаточно, чтобъ имѣющее быть пріумноженіе сему войску безъ-нуждно помѣщаться могло, и на вѣчно-покойное потомственное оною владѣніе отправленному съ симъ, избранному отъ войска войсковому судіи, арміи полковнику и кавалеру, Антону Головатому съ старшинами высочайшую вѣшего императорскаго величества милостивую грамоту выдать, такъ-же и о выпускѣ изъ губерній служившихъ вашему императорскому величеству старшинъ и козаковъ съ ихъ семействами и имѣніемъ, и о возвратѣ заграбленнаго у таковыхъ имѣнія учinitъ милостивѣйшее разсмотрѣніе.

Февраля дна

1792 года.

IV.

*Копія съ письма къ графу Николаю Ивановичу Салтыкову, по тому же предмету писаннаю, 24-го февраля 1792 года изъ Яссъ,
Михаиломъ Коховскимъ.*

Я имѣлъ честь при рапортѣ моемъ представить вашему сіятельству съ прошенія на всевысочайшее имя къ ея императорскому величеству войска козаковъ черноморскихъ атамана кошеваго, арміи бригадира и кавалера Чепеги копію, съ которымъ на сихъ дняхъ отправится въ Петербургъ тогожъ войска полковникъ и кавалеръ Головатой. Ваше сіятельство усмотрѣть изволите изъ онаго, что просять они поселившихся между Буга

и Днестра и на Кинбурнской сторонѣ казаковъ перевезти на Таманъ. Симъ по мнѣнію моему позволить можно туда переселиться; но о прочихъ просимыхъ ими изъ губерніи не малаго числа людяхъ, кажется, нельзя приступить прежде, пока отъ губернаторовъ не присланы будутъ обстоятельный вѣдомости о числѣ мужеска и женска пола всѣхъ прежде бывшихъ запорожцевъ, и по соображенію въ тѣхъ губерніяхъ по сему обстоятельству.

При семъ имѣю честь препроводить карту съ означеніемъ на овой границѣ просимой ими земли, которую если благоугодно будетъ ея императорскому величеству всемилостивѣйше имъ по-жаловать, то не угодно ли будетъ вашему сіятельству изходатайствовать у ея императорскаго величества, чтобъ при означеніи имъ границѣ повелѣнно было назначить оныя берегомъ Тамана по проливу Яникольскому, такъ какъ черта границы онаго на приложенной картѣ; сіе послужитъ къ предохраненію могущихъ впредь произойти у нихъ съ яникольскими и керченскими жителями ссоръ за рыбную ловлю, и что черноморскимъ козакамъ и безъ сего пролива достанется много рыбныхъ мѣстъ.

Предъ симъ имѣль я честь упомянуть вашему сіятельству въ моемъ письмѣ о укрѣплѣніи на Таманѣ и содержаніи тамъ двухъ баталіоновъ въ гарнизонѣ; но поелику теперь не малое число черноморскихъ казаковъ охотно туда переселиться желаютъ, то и найдутся они въ состояніи и безъ того сами себя защищать.

V.

Рапортъ бригадира Чепеги ген. Коховскому о дозволеніи черноморской войсковой депутаціи отправится въ Петербургъ и выдаче ей подорожной и прогоновъ¹⁾).

Рапортъ войска вѣрныхъ козаковъ черноморскихъ атамана кошеваго, арміи бригадира и кавалера Чепеги, войсковыхъ старшинъ, полковниковъ и всего войска, писанный къ генералу ап-шефу Коховскому отъ 21 февраля 1792 года подъ № 107-мъ.

Мы, имѣя намѣреніе для испрошенія у Ея Императорскаго Величества подъ поселеніе намъ на Таманѣ съ окрестностями оной отводу земли и прочаго отправить съ прозьбою, на всевы-

¹⁾ Копія изъ бумагъ В. Ст. Попова.

сочайшее ея императорского величества имя написанною, въ Санктпетербургъ избранного отъ насть въ депутаты войскового судію, арміи господина полковника и кавалера Головатого съ шестью человѣкъ старшинами, вашего высокопревосходительства покорнейше просимъ, въ томъ намъ давъ позволеніе, о снабденіи его Головатого съ будущими при немъ на четыриадцать лошадей подорожною и прогонными деньгами, учинить милостивое разсмотреніе.

Феорали 26-го 792.

Vl.

Письмо генер. Коховскаго къ В. С. Попову по предмету переселенія черноморцевъ на Тамань.

Милостивый Государь мой!
Василий Степановичъ.

Признательнейшую приношу вамъ мою благодарность за сообщеніе мнѣ въ трехъ пунктахъ примѣчаній вашихъ, касающихся до переселенія на Тамань черноморскихъ казаковъ. Я тотъ же часъ по полученіи писма вашего послалъ за господами Чепегой, Головатымъ и прочими ихъ сотоварыщами; по прибытии ихъ ко мнѣ певеговоря съ ними по дѣлу до нихъ касающемсяя, не умѣдлю обовсемъ обстоятельно васъ увѣдомить. Я надѣюсь, что безъ малѣйшаго затрудненія переселятся они на Тамань, такъ какъ и по первому отъ меня имъ предложенію обѣщали то здѣлать.

Депутація къ высочайшему Двору будетъ также отъ нихъ отправлена, но теперь ли ону должна они отправить, или по переселеніи ихъ на Тамань, съ прошеніемъ и позволеніемъ тамъ сѣлиться и въ мѣстѣ просить о утвержденіи за ними тѣхъ земель, кои они для себя изберутъ, о чемъ покорнейше прося не оставить безъ увѣдомленія пребывающаго съ искреннимъ почтеніемъ и преданностію,

Милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнейшаго слугу,

Михайлу Коховскому.

13 февраля
1792 г.
въ Яссахъ.

Р. S! Сейчасъ получилъ отъ господина Чепѣги отвѣтъ на мое къ нему писмо, которое при семъ прилагаю.

Ваше высокопревосходителство!

Милостівій батку;

Письмо вашего высокопревосходителства, писанное отъ 9 сего февраля о скорѣйшемъ мнѣ прибытии въ Яссы, съ великимъ удовольствіемъ имѣлъ честь получить, за которое приношу вашему высокопревосходительству всенижайшую благодарность, и по оному вскорѣ вслѣдъ за симъ къ вамъ пребыть имѣю!

Впрочемъ пребываю съ истеннымъ высокопочитаніемъ и совершенію преданностію на всегда таковимъ.

Вашего высокопревосходителства, милостивого батка, все-покорнѣйшій слуга

Захарій Чепѣга.

7. 12 Февраля

1792 г.

Слободзяя.

8 марта, 792.

VII.

*Отвѣтъ ген. Коховскому В. С. Попову съ дополнительными замѣ-
чаніями о переселеніи черноморцевъ на Тамань.*

Милостивый Государь мой!

Василій Степановичъ.

Все по письму вашему ко мнѣ отъ 28 генваря съ черноморскими козаками сдѣлано. Ови отправляютъ на сихъ дніяхъ къ ея императорскому величеству съ прошеніемъ полковника Головатого и прочими. Съ рапорта ко мнѣ отъ бригадира Чепеги и прошенія къ ея императорскому величеству при семъ копіи прилагаю. Я писалъ къ графу Николаю Ивановичу Салтыкову, что полковникъ Головатый отправится отъсель въ Петербургъ. Съ письма моего къ его сіятельству прилагаю также ко усмотренію вашему копію. Съ коей изволити увидеть мои замѣчанія въ разсужденіи ихъ прошенія о выходѣ прежде бывшихъ запорожцевъ изъ губерній. Кажется, что вдругъ приступить къ тому нельзя; а чтобы удовлетворить ихъ просьбу, то слегка можно ихъ въ томъ обнадежить, а между тѣмъ преподать всѣ имѣ способы къ скрѣйшему переселенію всѣхъ находящихся теперь между Буга и Днестра и на Кинбурнской сторонѣ.

Я не упомянуль въ письмѣ къ графу Николаю Ивановичу о просимой ими волной торговлѣ, не объясняясь и съ вами, не известенъ будучи, на какомъ основаніи въ Тавридѣ и во вновь приобрѣтенной области будетъ оная учреждена.

Имѣю честь быть съ искреннимъ почтеніемъ и преданнос-
тю вашего превосходительства, милостиваго государя, покорнѣй-
шій слуга

Михаилъ Коховскій.

24 февраля

1792 г.

въ Яссахъ.

VIII.

*Письмо ген. Коховскаго къ В. С. Попову съ известиемъ о перегово-
рахъ его съ представителемъ черноморской депутаціи полковникомъ
Головатымъ по предмету переселенія ихъ на Тамань.*

Милостивій Государь,

Василій Степановичъ.

Господинъ полковникъ Головатой прибыль въ здѣшнюю об-
ласть. Въ десяти верстахъ отъ Кошаостоялъ онъ нѣсколько
дней въ лагерѣ, въ ожиданіи прибытія архіепископа Амвросія; въ
15 день августа имѣлъ онъ свой вѣзѣдъ въ Кошъ при пушеч-
ной пальбѣ. Всѣ козаки и всѣ поселяне обоего пола собраны
были въ Кошъ для сего всерадостнаго дня. Описаніе всей цере-
моніи и торжества, думаю, къ вамъ уже отправлено. Четвертаго
дня онъ былъ у меня. Мы говорили съ нимъ о пути ихъ въ по-
жалованную имъ землю, о провожатыхъ отъ нижняго земскаго
суда отъ Соколовъ къ Бериславлю, о продовольствіи ихъ въ пу-
ти провіантѣ, о высылкѣ козаковъ изъ екатеринославской гу-
берніи, о козакахъ, кои похотятъ здѣсь остаться, тожъ и о мол-
дованахъ и волохахъ, живущихъ въ ихъ селеніяхъ, остающемся
у козаковъ разнаго рода хлѣбѣ, о заготовленныхъ ими лѣсахъ
и обѣ оставляемыхъ ими домахъ, мельницахъ и прочихъ строе-
ніяхъ. Посудя съ нимъ о всемъ вышеписанномъ, иное мы раз-
рѣшили, съ другимъ, что должно здѣлать, постановили. По по-
лученіи отъ Коша на все вышеписанное письменного отзыва,
не премину я донести о всемъ въ подробности. Нынѣ же имѣю
честь донести вашему превосходительству, что всѣ казаки, быв-
ше на дѣйствительной службѣ, идутъ въ Фанагорію охотнѣйше.

Не служившіе же, переиѣздіе изъ екатеринославской губерніи подъ видомъ службы, и устроившіе здѣсь свои дома и имѣющіе лошадиные, рогатаго скота и овечьи заводы, не всѣ идутъ. Изъ молдованъ же и волоховъ живущихъ въ селеніяхъ козачьихъ ни кто итти не желаетъ. О чемъ отъ трехъ селеній поданы ко мнѣ сего дни прозьбы. Надѣясь на благоразуміе г. Головатаго и его ко мнѣ добѣренность, уповаю, что поможетъ намъ Богъ все сіе устроить наилучшимъ и полезнѣйшимъ образомъ.

Имѣю честь съ совершенѣйшимъ высокопочитаніемъ быть,
Милостивый Государь, вашего превосходительства всепокорнѣй-
шій слуга.

Василій Коховскій.

Августа 28 д.

1792 г.

Дубосары.

Библіографія.

Памятна книжка кіевської епархії (кіевський епархіальний календаръ). Составили А. В—новъ и свящ. В. Антоновъ. Київъ. 1882.

„Изданиемъ Памятной книжки кіевской епархії редакція ея, говорится въ предисловіи, хотѣла-бы удовлетворить серіозной потребности. Въ общемъ составъ русской церкви кіевская епархія представляетъ собою одну изъ важнѣйшихъ частей не только по обширности, но и по внутреннему значенію своихъ духовныхъ и религіозно - общественныхъ учрежденій. Статистика всѣхъ органовъ и учрежденій церковно-религіозной епархіальной жизни, начиная отъ первой всероссійской древнѣйшей святыни, кіево-печерской лавры, и отъ маститаго первосвятителя церкви кіевской до скромной сельской приходской церкви и ея смиреннаго служителя, эта статистика, соединенная съ краткими историческими свѣдѣніями о всѣхъ церковныхъ учрежденіяхъ, не есть, думаемъ, дѣло излишнее и безполезное. Календарная статистика эта дасть сжатый, но по возможности всесторонній очеркъ епархіальной жизни во всей ея пространственной, количественной, такъ сказать, сторонѣ, а отчасти и во внутренней, качественной, насколько послѣдняя открывается изъ данныхъ, подлежащихъ статистикѣ.“

„Памятна книжка кіевской епархії раздѣляется на двѣ части. Въ первой содержатся историко-статистическая свѣдѣнія: 1) объ епархіальномъ управлениі, какъ центральномъ, такъ и уѣздномъ, 2) о кіево-печерской лаврѣ и всѣхъ монастыряхъ кіевской епархії, мужскихъ и женскихъ, 3) о духовно - учебныхъ заведеніяхъ кіевской епархії и 4) объ обществахъ, имѣющихъ церковныя, религіозныя или нравственные цѣли. Вторая часть содер-

житъ статистические списки церквей кіевской епархії по всѣмъ уѣздаамъ, по алфавиту, съ обозначеніемъ по возможности всѣхъ относящихся до церквей, духовенства и приходской жизни свѣдѣній. Въ заключительномъ отдѣлѣ представлены общія статистическая свѣдѣнія по всѣмъ, по возможности, сторонамъ епархіальной, церковно-религіозной жизни".

Конечно, для обиходнаго употребленія мѣстнаго духовенства „Памятная книжка кіевской епархії“ представляетъ незамѣнимую справочную книгу по всѣмъ отраслямъ епархіальной жизни. Но, кромѣ практическаго своего значенія, она имѣеть и научное. Въ послѣднемъ отношеніи двѣ части „Памятной книжки“ имѣютъ для насъ неравный интересъ. Первая часть книжки составлена преимущественно на основаніи печатныхъ источниковъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ и доступныхъ, занимающимся исторіею мѣстнаго края, тогда какъ вторая часть и дополнительный отдѣлъ заключаютъ церковно-статистическая свѣдѣнія, основанныя на малодоступныхъ источникахъ, именно клировыхъ вѣдомостяхъ за 1879 годъ и другихъ офиціальныхъ свѣдѣніяхъ, собранныхъ въ 1880 и 1881 годахъ. Мы укажемъ только нѣкоторые общіе итоги и выводы въ заключительномъ отдѣлѣ книжки.

Всѣхъ причтовыхъ церквей въ кіевской епархії, со включеніемъ женскихъ монастырей и учебныхъ заведеній, 1301; приписныхъ и кладбищенскихъ церквей 105. Изъ сихъ 1406 церквей каменныхъ 162, остальная деревянная и одна желѣзная. Изъ общаго числа церквей частными лицами, помѣщиками, купцами, духовными лицами и др. построено около 200 церквей; всѣ же прочія построены или возобновлены частію прихожанами, частію казною, частію прихожанами съ пособіемъ отъ казны. Построеніе церквей, прогрессивно возвышавшееся во второй половинѣ прошлаго столѣтія, значительно упало съ первыхъ годовъ текущаго столѣтія и шло весьма медленно до 40-хъ годовъ. За все это время построено было всего 149 церквей, слѣдовательно менѣе 4 церквей въ годъ. Но съ 40-хъ годовъ, когда правительствомъ обращено было вниманіе на церковно-строительное дѣло въ юго-западномъ краѣ, постройка церквей быстро усиливается, такъ что съ 1842 по 1861 г. построено вновь и возобновлено 325 церквей, т. е. болѣе 16 церквей въ годъ. Еще быстрѣе двинулось это дѣло съ 1862 г., когда въ заботамъ правительства, еще болѣе усилившимся послѣ польского мятежа, присоединился и свободный трудъ благодарнаго Богу и Царю освобожденнаго крестья-

нина. Съ 1862 по 1879 г., за 18 лѣтъ, построено и возобновлено уже 365 церквей, т. е. болѣе 20 церквей въ годъ.

По праздникамъ и святымъ, въ честь коихъ построены церкви, кіевская епархія представляетъ слѣдующія данныя. Церквей Покровскихъ 221, Рождество-Богородичныхъ 173, Михайловскихъ 161, Николаевскихъ 143, Успенскихъ 91, Троицкихъ 82, Иоанно-Богословскихъ 79, Димитріевскихъ 55, Преображенскихъ 44, Параскeveevскихъ 46, Воздвиженскихъ 25, Георгіевскихъ 23, Воскресенскихъ 20, Петро-Павловскихъ 17, Иоанно-Предтеченскихъ 14, Аннинскихъ 13, Ильинскихъ 12, Космо-Даміановскихъ 12, Александро-Невскихъ 10, Введенскихъ 9, Варваринскихъ 7, Казанскихъ 4, Борисо-Глѣбскихъ 3, Владимірскихъ 3 и проч. „Соображеніе этихъ данныхъ, говорятъ составители книжки, приводить къ выводамъ: 1) объ отчужденіи Малороссіи отъ Великороссіи въ религіозномъ отношеніи въ прежнее время. Изъ древнихъ церквей епархіи нѣтъ ни одной, посвященной имени великороссійскихъ святыхъ, напр. Сергія Радонежскаго, или сооруженной въ честь особенно чтимыхъ въ Великороссіи чудотворныхъ иконъ — Смоленской, Владимірской, Знаменской и др. Нѣкоторое сближеніе начинается уже въ самое послѣднее время; такъ 4 церкви въ честь Казанской иконы Богоматери построены въ 60-хъ годахъ, Митрофаніевская въ 1841 году, всѣ Александро-Невскія сооружены въ честь достославнаго Царя-Освободителя, въ періодъ его царствованія. Замѣтны слѣды исторического отчужденія нынѣшней епархіи и отъ самого Киева, святымъ коего изъ древнихъ церквей посвящены только три Варваринскія церкви. 2) Огромное большинство храмовъ посвящено праздникамъ и святымъ, которые приходятся въ осеннее время, отъ 15 августа до 1 ноября, и затѣмъ слѣдуютъ праздники, падающіе на конецъ весны и лѣта, тогда какъ праздникамъ и святымъ, память которыхъ падаетъ на зиму и начало весны, соединяющеся съ великимъ постомъ, посвящено сравнительно очень мало храмовъ. Здѣсь можно видѣть бытовыя черты народной жизни. 3) Обращаетъ на себя вниманіе множество храмовъ въ честь праздниковъ Богородичныхъ (501) и изъ святыхъ преимущественно чествованіе св. архистратига Михаила, св. Николая, св. Димитрія и св. Георгія. 4) Замѣчательно также сравнительно слабое чествованіе пророка Иліи (12 церквей) и Пантелеимона (1 церковь) и отсутствіе храмовъ въ честь такихъ святыхъ, какъ Власій, Флоръ и Лавръ; только значительное распространенное чествованіе св. Параскевы

(38 церквей) показываетъ, по видимому, тождество малороссійскихъ религіозныхъ представлений съ великороссійскими относительно нѣкоторыхъ святыхъ.

Общій составъ служащаго бѣлага духовенства въ кіевской епархіи: протоіереевъ 33, священниковъ 1297, діаконовъ 188, причетниковъ 1535, всѣхъ 3044; кромѣ того, просфорень 638. Въ мужскихъ монастыряхъ епархіи (кромѣ лавры, въ которой монашествующихъ 205) въ 1881 году состояло монашествующихъ 211, послушниковъ 171; въ женскихъ монастыряхъ состояло монахинь 200, послушницъ 305. О предосудительныхъ поступкахъ духовенства состояло въ консисторії дѣлъ (съ оставшимися отъ прежнихъ лѣтъ) 468, изъ коихъ окончательно рѣшено 346. По всѣмъ этимъ дѣламъ признано виновными и подвергнуто взысканію епархиального начальства 40 лицъ. Найбóльшія взысканія: визведеніе въ виція должности (2 священника), исключеніе изъ клира (20 причетниковъ), запитимія въ монастырѣ (5 человѣкъ). Въ средстvахъ содержанія духовенство, кромѣ случайныхъ доходовъ отъ прихожанъ, обезпечивается жалованьемъ отъ казны, церковною землею, церковными помѣщеніями и %, съ принадлежащихъ причтамъ церквей капиталовъ. О содержаніи духовенства кіевской епархіи вообще нельзѧ не замѣтить, что, сравнительно съ содержаніемъ духовенства большинства великороссійскихъ епархій, оно представляется значительно болѣе удовлетворительнымъ и по высшимъ окладамъ жалованья, и по высшимъ процорціямъ земли, притомъ по большей части черноземной, и по сравнительно болѣе общему обезпеченію церковными помѣщеніями.

Число и движение православнаго народонаселенія по кіевской епархіи за 1879 годъ было слѣдующее: въ Кіевѣ: муж. 12,970, жен. 12,065, обоихъ половъ 25,035; въ уѣздныхъ городахъ и уѣздахъ муж. 981,122, жен. 1,007,683, обоихъ 1,988,805; всего 2,013,840. Браковъ было 24,679; умерло 79,503, родилось 117,527. Вѣдомости кіевской консисторії о дѣлахъ бракоразводныхъ представляютъ слѣдующія данныя: съ оставшимися отъ прежнихъ лѣтъ состояло въ производствѣ бракоразводныхъ дѣлъ въ 1879 г. 268, въ 1880 г. 220, въ 1881 г. 181. Изъ этихъ дѣлъ отказано въ расторженіи браковъ въ 1879 г. по 31 дѣлу, въ 1880 г. по 37, въ 1881 г. по 61. Расторгнуто браковъ въ 1879 г. 188, въ 1880 г. 140, въ 1881 г. 122. Изъ общаго числа расторженій браковъ за три года (450) наибольшее число расторгнуто за безвѣстностію, именно 246, за тѣмъ за ссылкою въ Сибирь на поселеніе 62, за прелюбодѣяніе

14, по неспособности 5, по близкому родству 2 и за вступленіе въ бракъ при жизни одного изъ супруговъ 2. Всѣхъ вебывшихъ у исповѣди и св. причастія по епархіи въ 1879 г. было 1406, а въ 1881 г. 1579 душъ обоего пола.

Начало церковно-приходскихъ школъ относится къ эпохѣ, предшествующей освобожденію крестьянъ, и особенно быстрое распространеніе ихъ—къ первымъ годамъ по освобожденіи. Пользуясь пробудившимся въ народѣ стремлениемъ къ грамотѣ и удовлетворяя ему, митрополитъ Исидоръ (нынѣ с.-петербургскій) 31 августа 1859 года сдѣлалъ распоряженіе, „чтобы во всѣхъ мѣстечкахъ и селахъ, гдѣ еще не заведены училища, были открыты въ самыхъ домахъ спященниковъ школы, если таковыхъ не будетъ устроено со стороны сельского общества, и чтобы въ школахъ сихъ учили чтенію и письму и преподавали законъ Божій примѣнительно къ понятіямъ сельскихъ дѣтей“. Встрѣтивъ живое сочувствіе въ мѣстной гражданской власти, распоряженіе это сопровождалось значительнымъ успѣхомъ, такъ что въ теченіе года открыто было 385 школъ. Еще съ большою ревностію заботился о школахъ митрополитъ Арсеній. Къ 1 янв. 1861 года открыто было уже 1036 школъ, въ которыхъ учащихся было 16,269 мальчиковъ и 4,654 дѣвочечки. Въ 1866 г. въ 1246 приходахъ кіевской епархіи церковно-приходскихъ школъ значилось 1360, въ коихъ учащихся было мужеска пола 34,128, а женскаго 8,898, всего 43,626. Колеблясь около этихъ крупныхъ цифръ, число школъ и особенно учащихся въ нихъ начинаетъ значительно падать съ 1878 года, такъ что въ теченіи трехъ лѣтъ число школъ убавилось на 186 и число учащихся въ нихъ мальчиковъ на 6,453, дѣвочекъ 2,263. Уменьшеніе это съ одной стороны, можетъ быть, показываетъ только болѣе точную и сообразную съ дѣйствительностію отчетность о школахъ, а съ другой объясняется и распространеніемъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, взамѣнъ церковно-приходскихъ школъ.

Церковно-приходскія попечительства возникли изъ высокой идеи древнихъ братствъ—объединить приходскую общину въ дѣлѣ св. вѣры и церкви, привлечь участіе прихода къ попеченію о приходскомъ храмѣ, церковно-приходской школѣ, священнослужителяхъ, бѣдныхъ и больныхъ прихода и о нравственно-религіозной жизни прихода. Плодотворное учрежденіе это, опредѣленное „пректомъ положенія объ устройствѣ приходскихъ попечительствъ при православныхъ церквяхъ“ отъ 4 августа 1864 г., не могло не

привиться въ юго-западномъ краѣ, родинѣ древнихъ братствъ, гдѣ остатки ихъ еще сохранились. Въ 1865 году въ кіевской епархіи учреждено было 18 попечительствъ, въ слѣдующемъ году 33, въ дальнѣйшіе годы иногда еще болѣе, такъ что до 1879 года всѣхъ церковно приходскихъ попечительствъ открыто было по кіевской епархіи 294. Въ 1879 г. открыто было 20 попечительствъ, въ 1880 г. 13, въ 1881 г. 7. Многія изъ этихъ попечительствъ были и до настоящаго времени остаются поминальными, но многія сразу заслужили сочувствіе приходского общества и успѣли дать и даютъ доселѣ прекрасные плоды. За 1879 г. попечительствами пожертвовано: въ пользу церквей 41,967 р.; на церковно-приходскія школы 2757 р.; на содержаніе причта 1605 р. Средства попечительствъ составляются изъ пожертвованій членовъ, изъ оброчныхъ статей, отъ сыченія меда въ храмовые праздники, отъ сборовъ и пожертвованій существующихъ по мѣстамъ молодецкихъ и сестрическихъ братствъ, отъ славленія или колядованія въ праздникъ Р. Христова, отъ нарочитыхъ сборовъ по приходу или сборовъ во время исповѣди въ пользу попечительствъ, отъ работъ, платы за которыхъ жертвуется въ пользу попечительствъ, отъ устроенной при церквяхъ продажи иконъ, крестиковъ и т. п., отъ штрафовъ за проступки и проч. Всё это въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даетъ попечительствамъ значительныя суммы.

Штундизмъ, возникшій въ херсонской губерніи, занесенъ въ кіевскую херсонскимъ одноворцемъ Яковомъ Цибульскимъ, прѣѣхавшимъ въ село Плюсное, таращанскаго у., и особенно крестьяниномъ села Чаплинки, того-же уѣзда, Герасимомъ Балабаномъ, который, бѣжавъ въ херсонскую губернію и заразившись здѣсь штундизмомъ, въ 1871 году былъ водворенъ на жительство въ селѣ Чаплинкѣ. „Здѣсь онъ постепенно заражалъ умы неопытныхъ въ дѣлѣ вѣры крестьянъ, сосредоточивъ свою религіозную проповѣдь въ корчмѣ и привлекая прозелитовъ обильными угощеніями на значительныя средства, присыпаемыя ему изъ херсонской губ. для пропаганды. Особенно успѣшно пошло это дѣло, когда къ штундизму присталъ волостной чаплинскій писарь Ляжоцкій и когда волостное правленіе обратилось въ мѣсто собранія штундистовъ. Здѣсь началась открытая дерзкая проповѣдь Балабана противъ церкви, ея ученія, обрядности и особенно противъ духовенства. Въ 1872 году эта открытая пропаганда лжеученія и публичныя оскорблениія церкви послужили основаніемъ къ привлечению Балабана къ духовному суду кіевской консисторіи; но, ли-

чезмѣрно показавъ себя православнымиъ, расколоучитель былъ возвращенъ на родину и, ссылаясь на мнимое оправданіе своего ученика консисторію, началъ еще съ большимиъ усердіемъ и успѣхомъ дѣло совращенія, распространяя штундизмъ и по сосѣднимъ съ Чаплинкою селамъ и деревнямъ. Только вслѣдствіе усиленныхъ стараний священниковъ, административныя власти обратили наконецъ вниманіе на распространяющуюся заразу и приняли рѣшительныя мѣры. За публичное издаѣваніе надъ св. иконами самъ Балабанъ и нѣсколько фанатическихъ сектантовъ были заключены въ тюрьму и подверглись продолжительному заключенію. Вразумленные этими мѣрами, сектанты впослѣдствіи менѣе заявляли себѣ публичнымъ оскорблениемъ святыни православной церкви⁴.

„Совершенно несрѣднѣе, по видимому, духу православнаго народа русскаго и въ особенности народа малорусскаго, выстрадавшаго и кровью отстоявшаго свое православіе, протестантское лжеученіе штундизма, какъ и всякое лжеученіе, имѣющее ревностныхъ пропагандистовъ, какъ фанатиковъ, распространяется, но оно распространяется далеко не такъ быстро, какъ представляется въ периодической печати, тенденціозно передающей обѣ этомъ общія и чрезмѣрно преувеличенія извѣстія... По официальнымъ свѣдѣніямъ, въ 1879 г. въ Таращанскомъ, звенигородскомъ и сквирскомъ уѣздахъ, всѣхъ штундистовъ было 1223 души обоего пола. Нынѣ мы имѣемъ статистической свѣдѣнія о штундистахъ за 1880 г., собраніяя полиціею, и за 1881 годъ официальная свѣдѣнія консисторіи. По свѣдѣніямъ полиціи, въ 1880 г. штундистовъ было: въ звенигородскомъ уѣздѣ 272 души обоего пола, въ сквирскомъ 55, въ г. Таращѣ 13 и Таращанскомъ уѣздѣ 1140, а всего 1480 душъ обоего пола. По свѣдѣніямъ же консисторіи за 1881 годъ: 1) въ Таращанскомъ уѣздѣ состояло штундистовъ въ селахъ: Чаплинъ 353, Косяковъ 269, Веселомъ Кутѣ 42, Жидовской Греблѣ 39, Попруженѣ 86, Плоскомъ 57, Малой Березинѣ 68, Крутыхъ Горбахъ 32, Тиновкѣ 29, Разумницѣ 20,—всего 995; 2) въ звенигородскомъ: Вотылевкѣ 53, Шубинскихъ Ставахъ 17, Чижовкѣ 9, Яблоновкѣ 8, Каменномъ Бродѣ 112, Виноградѣ 43, Бояркѣ 39, Рѣвикахъ 28, Моринцахъ 21, Кобелянкахъ 14, Рыжановкѣ 8, всего 352 души; 3) въ сквирскомъ: Скибинцахъ 34, Курьяницахъ 12, всего 46; 4) въ другихъ уѣздахъ: Василькоескомъ (въ д. Яблоновкѣ 6), Чигиринскомъ (въ с. Топиловкѣ 11) и въ Каневскомъ (въ селѣ Красногоркѣ 9), всего 26 душъ, а во всѣхъ уѣздахъ штундистовъ обоего пола 1420 душъ. Такимъ

образомъ штундизмъ хотя распространяется пространственно и охватываетъ новые мѣстности¹⁾, но численно усиливается мало и даже ослабѣваетъ, или не распространяется болѣе въ мѣстахъ своего первоначального появления. Въ этихъ послѣдніихъ отчеты показываютъ и случаи возвращенія къ православной церкви. Такъ, благодаря увѣщаніямъ и собесѣданіямъ священниковъ и псаломщиковъ, въ 1879 году возвратилось изъ штундизма въ православіе 25 душъ въ с. Вотылевкѣ и 35 душъ въ с. Великомъ Кутѣ; въ 1881 г. въ Вотылевкѣ возвратились 14, въ Шубинскихъ Ставахъ 22, въ Моринцахъ 2 души. Въ с. Вотылевкѣ въ 1879 г. вмѣстѣ съ другими обратился къ православной церкви бывшій у штундистовъ діакономъ отставной солдатъ Іоакимъ Косый, пробывшій въ штундизме 6 лѣтъ. По его собственному сознанію, онъ былъ самымъ убѣжденнымъ, закоренѣлымъ штундистомъ и главнымъ распространителемъ штундизма въ с. Вотылевкѣ; но возникшее въ немъ желаніе посвѣщать богослуженіе православной церкви и частыя собесѣданія съ мѣстнымъ священникомъ и псаломщикомъ (изъ окончившихъ курсъ семинарії) привели его къ убѣженію въ неправотѣ штундитскаго ученія и къ возвращенію въ православіе съ женой и 4-ми дѣтьми. По возвращеніи, Косый обратился къ покойному митрополиту Филоею съ просьбою о принятіи старшаго своего сына въ училище кіево-печерской лавры для утвержденія въ истинахъ православной вѣры, въ чемъ ему и не отказано. Въ видахъ успѣшишаго противодѣйствія штундизму, съ 1877 года назначено особое пособіе священникамъ и окончившимъ курсъ семинарії псаломщикамъ, слушающимъ въ зараженныхъ штундизмомъ приходахъ, а также давы особыя средства на покупку въ церковныя библіотеки учебныхъ пособій для собесѣданій съ штундистами. При предубѣженіи противъ священниковъ, штундисты съ большимъ довѣріемъ относятся къ псаломщикамъ".

Раскольники (старообрядцы) кіевской епархіи всѣ состоятъ изъ великорусскихъ переселенцевъ и сосредоточиваются главнымъ образомъ въ четырехъ пунктахъ кіевской губерніи: въ Кіевѣ, Черкассахъ, м. Чернобыль и Бердичевѣ. По свѣдѣніямъ консисторії за 1881 годъ, раскольниковъ въ кіевской губерніи 5776

¹⁾ Послѣ 1879 г. онъ распространялся въ слѣдующихъ новыхъ мѣстностяхъ: таращан. у. въ Кругихъ Горбахъ, Тяновкѣ и Разумницѣ; сквирского у. Скибинцахъ, Курьянцахъ, Капустинцахъ; въ Топиловкѣ чигир. у. и въ Красногородкѣ канев. уѣзда.

душъ обоего пола. Изъ нихъ 2,265 принадлежать къ поповщикамъ ской секты и 3,511 безпоповцевъ. По свѣдѣніямъ полиціи за 1880 годъ число раскольниковъ нѣсколько болѣе и простирается до 7,443 душъ.

Изъ иновѣрцевъ въ кіевской епархіи проживаютъ католики, протестанты и евреи. Католиковъ, по свѣдѣніямъ клировыхъ вѣдомостей 1879 г., (съ присоединеніемъ 10,409 католиковъ г. Кієва, по переписи 2 марта, 1874 г.) 56,016 душъ обоего пола; но по свѣдѣніямъ офиціального церковнаго католическаго календаря для слуцкой и житомирской епархіи число католиковъ кіевской епархії простирается до 79,239 душъ обоего пола. Костеловъ и приходовъ 53, філій 22, каплицъ 115. Протестантовъ, по свѣдѣніямъ однодневной переписи г. Кієва 1874 г., въ Кіевѣ находится 2740 душъ; количество протестантовъ въ губерніи не выше этого числа. Евреевъ, по переписи 1874 г., въ Кіевѣ значится 13,803, за послѣдніе годы число это по крайней мѣрѣ удвоилось, прини- маю однако же указаніе „переписи“ и показанія клировыхъ вѣдомостей за 1879 г., получаемъ общее число еврейскаго народо-населенія въ кіевской губерніи 300,057 душъ обоего пола.

Такимъ образомъ, общее число народонаселенія православ-наго и иповѣрческаго по кіевской епархіи простирается свыше 2,450,000 душъ обоего пола.

Составители „Памятной книжки“ сознаются, что они не располагали полными и точными данными для церковной статистики и это подтверждаетъ самая книжка. Подозрительными кажутся многія ихъ цифры, особенно о числѣ православнаго насе-ленія г. Кієва, не всегда вѣрны и выводы ихъ. Такъ, намъ ка-жется невѣрнымъ выводъ о слабомъ чествованіи пророка Іліи и св. Пантелеймона въ кіевской губерніи, такъ какъ сравни-тельно малое число церквей во имя ихъ восполняется обилемъ народныхъ преданій объ этихъ святыхъ. Не можетъ также свидѣтельствовать объ отчужденіи Малороссіи отъ Великороссіи въ религіозномъ отношеніи отсутствіе въ первой чествованія свв. мучениковъ Флора и Лавра, считающихся покровителями лоша-дей, такъ какъ обыкновенный рабочій скотъ въ Малороссіи--волы, а не лошади. Отдѣль о составѣ бѣлага духовенства въ кіевской епархіи могъ-бы быть восполнень по нашему мнѣнію другими не безинтересными свѣдѣніями, кроме предложенныхъ. Интересно бы знать образовательный цензъ бѣлага духовенства, особенно въ г. Кіевѣ, гдѣ, несмотря на существованіе академіи,

большинство священниковъ, говорятъ, состоитъ изъ студентовъ семинаріи, и даже не окончившихъ въ первомъ разрядѣ семинаріи и вовсе не бывавшихъ въ ней. Весьма важно знать, насколько привился институтъ псаломщиковъ изъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ семинаріи, и какой процентъ они составляютъ въ общемъ числѣ причетниковъ. Не излишни были бы свѣдѣнія о проповѣднической и вообще учительной дѣятельности мѣстного духовенства, о положеніи причетниковъ, о такъ называемыхъ составителями книжки „случайныхъ доходахъ“ духовенства, о перемѣщеніяхъ съ прихода на приходъ, съ мѣста на мѣсто, статистикѣ рукоположеній, увольненій за штать, смерти и проч. Данныя по нѣкоторымъ изъ этихъ пунктовъ разсѣяны въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ. Даѣе, въ „Памятной книжкѣ“ указано только общее число не бывшихъ у исповѣди и св. причастія прихожанъ, безъ указанія причинъ небытія, между тѣмъ какъ нѣкоторыя изъ этихъ причинъ могли бы быть указателями предрасположенія прихожанъ къ церковному расколу, въ родѣ штундизма. Говоря о церковно-приходскихъ школахъ, составители „Памятной книжки“, совершенно упустили изъ виду прежнія церковныя школки, съ ихъ дѣлами или бакалѣрами, служившія готовою почвою для новыхъ школъ, а ініціативу этихъ послѣднихъ напрасно приписали тогдашней епархіальной власти, а не самому духовенству, какъ было на самомъ дѣлѣ. Для объясненія упадка церковно-приходскихъ школъ въ послѣдніе годы, необходимо было бы знать, кто преподаетъ въ этихъ школахъ, сами-ли священники, или причетники, или же особые учителя, и съ какимъ образовательнымъ цензомъ; но обѣ этомъ ничего не сказано въ „Памятной книжкѣ“. Въ заключеніе пожелаемъ, чтобы при новомъ изданіи „Памятной книжки кіевской епархії“, если оно послѣ дуетъ, по-больше было точностиъ историческихъ свѣдѣніяхъ по кіевской епархіи и поменьше корректурныхъ ошибокъ, которыя, мѣстами, непріятно поражаютъ читателя въ настоящемъ изданіи.

Н. П.

Жизнь и произведения Тараса Шевченко (сводъ матеріаловъ для его біографіи) съ портретомъ. Составилъ М. К. Чалый. Кіевъ. 1882.

Г. Чалый еще въ 1862 году помѣстилъ въ журналѣ „Основа“ (№№ 5 и 6), подъ псевдонимомъ Савы Ч., нѣсколько ма-

теріаловъ для біографії Шевченка и тогда же приглашалъ своихъ земляковъ „поспѣшить обнародованіемъ мельчайшихъ подробнѣстей изъ жизни нашего самобытнаго народнаго поэта“. Съ того времени немало уплыло воды въ Днѣпрѣ, и все таки къ тому, чтб было известно въ печати о жизни поэта въ годъ его смерти, очень мало, или почти ничего не прибавилось. „Успѣхъ собрать еще вѣсколько матеріаловъ для жїзнеописанія нашего незабвеннаго кобзаря,—говорить г. Чалый въ предисловіи къ своей книгѣ,—я спѣшу оказать посильное содѣйствіе будущему его біографу и помочь ему возсоздать во всей полнотѣ своеобразную личность этого замѣчательнаго человѣка, котораго смерть не даромъ совпала съ великимъ всероссійскимъ событиемъ 19 февраля, 1861 года. Вполнѣ сознавая несовершенство настоящаго своего труда, я не имѣлъ претензіи написать полную біографію художника-поэта Шевченка, достойную его славы: это не болѣе, какъ сводъ хронологически расположенныхъ матеріаловъ, частію уже известныхъ читающей публикѣ, частію совершенно новыхъ“.

Сводъ этотъ въ книгѣ г. Чалаго раздѣленъ на четыре части, изъ коихъ три заняты біографіей Т. Г. Шевченка, и только четвертая посвящена его произведеніямъ. Слѣдовательно, біографія поэта преимущественно предъ его произведеніями занимала г. Чалаго. Это, впрочемъ, и естественно, такъ какъ біографія Шевченка далеко еще не исчерпана не только другими его біографами, но и самимъ г. Чалымъ въ настоящей его книгѣ, тогда какъ кругъ произведеній Шевченка считается болѣе или менѣе опредѣлившимся и законченнымъ. Скажемъ вѣсколько словъ о біографіи Т. Г. Шевченка и объ его произведеніяхъ по книгѣ г. Чалаго.

„Браткай автобіографія поэта, заключающаяся въ письмѣ его къ редактору „Народнаго Часнія“, говоритъ г. Чалый, имѣеть для насъ болѣе внутреннее, психологическое значеніе; что же касается внѣшней, фактической стороны ея, то въ ней пропущено много несмета важныхъ подробностей, необходимыхъ для полнаго уразумѣнія симпатичной личности Кобзаря, какимъ мы его знали при жизни. Пробѣлы эти только отчасти восполнены немногими изъ его многочисленныхъ когда то поклонниковъ“. Кто восполнялъ эти пробѣлы, г. Чалый, къ сожалѣнію, не перечисляетъ. Но мы не можемъ не замѣтить, что собирая матеріалы, уже известные читающей публикѣ, авторъ рассматриваемой книги, совершенно игнорировалъ иѣкоторые изъ нихъ. Такъ напр.,

онъ не воспользовался воспоминаніями Тургенева и Полонского о Шевченкѣ, приложенными къ пражскому изданію его произведеній, 1876 года, и новыми „материалами для біографії Т. Г. Шевченка“ Е. А. Ганненка. А между тѣмъ эти уже извѣстные въ печати материалы не излиши были бы для г. Чалаго. Вотъ примѣры тому. Разсказавъ о покушеніи Шевченка жениться на горничной Лукерьѣ въ 1860 г., г. Чалый замѣчаетъ о немъ слѣдующее: „послѣ этого, уже послѣдняго покушенія на женитьбу, поэтъ сдѣлался неумолимо лютъ на все женское племя до самой своей болѣзни“. Но изъ материаловъ Ганненка мы знаемъ, что и послѣ неудавшейся попытки жениться на Лукерьѣ, Шевченко не оставилъ мысли о женитьбѣ и писалъ въ Полтаву къ старому своему товарищу Федоту Т., прося его пріискать ему „полтавку кир“ чernobrивку“. Г. Т. сваталъ за Шевченка дочь г. В—скаго. Въ другомъ мѣстѣ своей книги г. Чалый, говоря о недостойномъ будто бы обращеніи графа Перовскаго съ Шевченкомъ, совершенно упустилъ изъ виду другой разсказъ объ отношеніяхъ Перовскаго къ Шевченку, переданный г. Тургеневымъ. Какой-то череачуръ исполнительный генераль, передаетъ г. Тургеневъ, узнавъ, что Шевченко, не смотря на запрещеніе, написалъ два-три письма, почель за долгъ донести объ этомъ В. А. Перовскому въ одинъ изъ его приемныхъ дней; но тотъ, грозно взглянувъ на усерднаго доносителя, значительнымъ тономъ промолвилъ: „генераль, я на это ухо глухъ; повторите мнѣ съ другой стороны то, что вы сказали!“ Генераль понялъ, въ чемъ дѣло, и, перейдя къ другому уху Перовскаго, сказалъ ему иѣ-что, вовсе не каѳавшееся Шевченка. И. С. Тургеневу показывали Шевченко крошечную книжечку, переплетенную въ простой дегтярный товаръ, въ которую онъ заносилъ свои стихотворенія и которую пряталъ въ голенищѣ сапога. Къ чести Перовскаго нужно замѣтить, что онъ былъ другомъ поэта Жуковскаго и едва ли могъ позволить себѣ недостойное обращеніе съ Шевченкомъ. О фактѣ такого обращенія г. Лѣковъ слышалъ будто бы между прочимъ, отъ мужа своей тетки, англичанина Шкота, управлявшаго имѣніями Перовскаго. Но могъ-ли быть г. Шкотъ въ Ново-Петровскомъ укрѣплевіи, гдѣ только и возможна была встрѣча Перовскаго съ Шевченкомъ?!

За небольшими сказанными исключеніями, сводъ печатныхъ свѣдѣній о Шевченкѣ составленъ г. Чалымъ полно и обстоятельно. Доселъ извѣстныя, большею частію отрывочныя свѣдѣнія

о жизни Шевченка приведены имъ въ хронологический порядокъ и переданы въ связномъ разсказѣ. Но главное достоинство книги г. Чалаго состоить въ сообщеніи новыхъ материаловъ для биографіи Шевченка. Это большею частію—неизданная доселѣ переписка съ Шевченкомъ его друзей, воспоминанія послѣднихъ и личныя воспоминанія самого автора книги. Вследствіе этого, книга отличается такимъ обиліемъ и полнотою биографическихъ свѣдѣній о Шевченкѣ, что она далеко превосходитъ всѣ доселѣ извѣстныя биографіи Шевченка и лучшую изъ нихъ, составленную покойнымъ Масловымъ. Особенною полнотою отличаются свѣдѣнія о жизни Шевченка съ того времени, когда онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе своихъ земляковъ, т. е. приблизительно съ 1848 года, такъ что съ большею извѣстностю Шевченка увеличиваются и биографическая свѣдѣнія о немъ.

Впрочемъ, и въ этой лучшей части своего труда г. Чалый допустилъ, по нашему мнѣнію, нѣкоторые недостатки, которые легко могли бы быть устранины при наличныхъ средствахъ. Во первыхъ, г. Чалый мѣстами, за отсутствіемъ положительныхъ извѣстій, допускаетъ не вѣрныя предположенія, которые однако же облекаетъ въ форму положительныхъ извѣстій. На стр. 17-й онъ говоритъ, что лебединская мотронинская обитель „въ описываемое время замѣчательна была еще и тѣмъ, что „на цвинтарѣ“ ея, подъ щеркви, похоронено много „коліївъ“, о чемъ свидѣтельствовали каменные могильныя плиты, съ уцѣлѣвшими на нихъ надписями и что Тарасъ, тогда уже грамотный, удовлетворая любознательности богомольцевъ, прочитывалъ эти надписи“. Лебединскій—вовсе не мотронинскій монастырь; гдѣ погребены „колії“, про то вѣдали моденскій судъ, кіево-губернская и другія канцеляріи, предположеніе же, основанное на грамотности Шевченка и на существованіи якобы каменныхъ могильныхъ плитъ съ надписями надъ могилами „коліївъ“, можетъ лишь ввести неопытныхъ читателей въ заблужденіе. Во вторыхъ, сводя различныя свѣдѣнія о жизни Шевченка въ одинъ связный разсказъ, г. Чалый не всегда подвергалъ ихъ строгой критикѣ и не устранилъ внутреннихъ противорѣчій между ними. Мы укажемъ нѣсколько примѣровъ хронологическихъ неточностей изъ периода жизни Шевченка между 1843—1847 годами. На стр. 41 г. Чалый говоритъ, что всю зиму 1844 года Шевченко провелъ въ Яготинѣ у Репниныхъ. А между тѣмъ есть основаніе думать, что въ самомъ началѣ 1844 года Шевченко не былъ уже въ Яготинѣ: поэма „Чигириинъ“ записана

имъ 19 февраля 1844 г. въ Москвѣ (Москвѣ?), а русская по-
вѣсть „Наймичка“ окончена 25 февраля, 1844 г., въ Переяславѣ.
Въ іюнѣ 1844 г. Шевченко является въ Петербургѣ, какъ видно
изъ подписи подъ стихотвореніемъ „Сонъ“. Вообще въ подписяхъ
подъ нѣкоторыми изъ тогдашнихъ произведеній Шевченка есть
нѣсколько указаний на станціонные пункты въ его страннической
жизни. Хронологія же стихотвореній Шевченка даетъ понять,
что онъ увлекся идеями кирилло-меѳодіевскаго кружка не въ
1846 году, когда онъ будто-бы познакомился съ Н. И. Костомар-
овымъ, а годомъ раньше. Только въ 1845 году Шевченко, Ку-
лишъ и Костомаровъ, входившіе въ составъ кирилло-меѳодіев-
скаго общества, могли быть въ Киевѣ вмѣстѣ.

Четвертая часть книги г. Чалаго, заключающая обзоръ важ-
нѣйшихъ произведеній г. Шевченка, излагаетъ собственно содер-
жаніе главнѣйшихъ произведеній поэта въ простомъ прозаиче-
скомъ разсказѣ и имѣетъ въ виду преимущественно читателей
великороссовъ. Но въ концѣ этой части есть двѣ заново отдѣ-
ленныя главы: „О стихотвореніяхъ Шевченка, какъ матеріалѣ
для музыкальныхъ произведеній“, п „О Шевченкѣ, какъ живо-
писцу“. Изложеніе содержашія важнѣйшихъ произведеній Шев-
ченка не представляетъ почти ничего новаго въ сравненіи съ
подобнымъ же изложеніемъ барона Баттаглія и А. Т-аго, и
даже уступаетъ имъ въ томъ отношеніи, что г. Чалый совер-
шенно отказывается опредѣлить и установить хронологію произ-
веденій Шевченка. „Соблюсти хронологически-точный порядокъ
въ распределеніи произведеній Шевченка, какой старается удер-
жать баронъ Баттаглія, говорить г. Чалый, по нашему мнѣнію,
довольно трудно: самъ поэтъ не только не помнилъ времени со-
зданія того или другаго стихотворенія, но подъ гнетомъ небла-
гопріятныхъ для свободнаго творчества обстоятельствъ, по воз-
вращеніи изъ ссылки, иногда не узнавалъ нѣкоторыхъ изъ своихъ
собственныхъ произведеній, написанныхъ въ раннюю, лучшую
пору своей поэтической дѣятельности“. Махнувъ рукою на хро-
нологію произведеній Шевченка, г. Чалый не обращаетъ даже
вниманія на тѣ несомнѣнныя хронологическія даты, какія имѣ-
ются на нѣкоторыхъ произведеніяхъ Шевченка. Извѣстно, что
въ „Хатѣ“ Кулиша, 1860 г., помѣщено было десять стихотворе-
ній Шевченка. Объ этихъ стихотвореніяхъ г. Чалый говоритъ,
что они „по всей вѣроятности, написаны въ ссылкѣ“. А между
тѣмъ въ „Хатѣ“ подъ каждымъ изъ этихъ стихотвореній есть

опредѣленная хронологическая дата: они писаны между 1847—1859 годами, во время ссылки и послѣ нея. Конечно, довольно трудно опредѣлить и установить хронологію произведеній, но не невозможно. Она можетъ быть возстановлена, хотя приблизительно, на основаніи сохранившихся датъ подъ произведеніями Шевченка, обозрѣнія печатныхъ изданій произведеній Шевченка, указаній его дневника и воспоминаній его друзей, и проч. И только установивъ хронологію произведеній Шевченка, мы можемъ ожидать изложенія исторіи развитія самаго поэта и его идей, необходимой для его изученія и уразумѣнія.

Есть у г. Чалаго нѣкоторые проблѣлы и въ перечавъ сочиненій Т. Гр. Шевченка. „Изъ произведеній“, написанныхъ Шевченкомъ на общерусскомъ литературномъ языку, говорить авторъ книги, извѣстны въ печати только четыре: „Тризна“ (1844), Дневникъ, „Нечастный“ (1881) и „Музыкантъ“. Мы прибавимъ съ своей стороны, что извѣстны также въ печати русскія произведенія Шевченка: отрывокъ изъ драмы „Никита Габдай“, помѣщенный въ „Маякѣ“ за 1842 годъ, и отрывки изъ повѣсти „Матрозъ“, напечатанные въ газетѣ „Трудъ“ за 1881 годъ.

Можно было бы предъявить автору и нѣкоторыя другія требования относительно изложенія произведеній Шевченка, именно: 1) чтобы показано было отношеніе нѣкоторыхъ, покрайней мѣрѣ слабѣйшихъ произведеній Шевченка устнымъ народнымъ произведеніямъ,— напр. поэмы „Петрусь“ къ народной пѣснѣ о Петрушѣ; 2) чтобы показано было отношеніе нѣкоторыхъ произведеній Шевченка къ другимъ украинскимъ писателямъ, напр. поэмы „Червець“ къ „Чорной Радѣ“ Кулиша (стр. 84—86 „Чорной Рады“, 1857 г.) и 3) особенно, чтобы показано было вліяніе на Шевченка русскихъ поэтовъ Жуковскаго, Пушкина и Лермонтова, намѣченное въ общихъ чертахъ г. Кулишомъ. Послѣднее требованіе тѣмъ болѣе естественно, что книга г. Чалаго назначается и для великорусскихъ читателей и выполненіемъ этого требованія могла бы еще болѣе расположить ихъ въ пользу Шевченка. Но мы не предъявляемъ этихъ требованій какъ потому, что они не входили въ кругъ задачъ автора книги, такъ и потому, что не всѣ же требованія можно предъявить одному и тому же труженику науки. Большое спасибо г. Чалому и за то, что онъ сдѣлалъ для біографіи Шевченка столько, сколько никто другой раньше его. Книга его составляетъ необходимое пособіе для всякаго любителя и изслѣдователя украинской литературы,

и должно думать, что эта капитальная книга дастъ новый толчекъ къ критическому обзору жизни и произведеній Тараса Григорьевича Шевченка.

Н. П.

Die Ungern oder Magyaren. Paul. Hunvalfy. Vien und Teschen. 1881.

Это сочиненіе венгерскаго этнографа-историка состоить изъ шестнадцати небольшихъ главъ: 1) Вступленіе, 2) До-венгерское время въ Панноніи и Дакіи, 3) Древнійтія извѣстія о венграхъ, 4) Национальное родство венгровъ, 5) Происхожденіе и прародина венгровъ, 6) Религія и духовная жизнь венгровъ, 7) Вліяніе тюркскихъ народовъ на венгровъ, 8) Вліяніе славянъ, 9) Христіанство и государство въ Венгріи, 10) Прительцы въ Венгріи, 11) Географія и топографія, 12) Пѣсня о nibелунгахъ и венгерскія хроники, 13) Политическое и соціальное развитіе, 14) Духовное развитіе, 15) Современное положеніе и 16) Антропологическое мѣсто ма-дьяръ.

Первая десять главъ составляютъ одно отдѣленіе, которое интересно и для русскаго, историка. Особенно важны для насъ главы: III, IV, V, VII, VIII и X.

Первоначальная история венгровъ связана съ южной Россіей. Константина Б. говоритьъ, что они жили подъ Хозаріи, между Волгой и Днѣпромъ, и были въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ этимъ оригинальнымъ государствомъ. Авторъ приводить извѣстія этого писателя и арабскаго ученаго Ибнъ-Даста, который говоритъ, что венгры живутъ скотоводствомъ, охотой и рыбной ловлей, что они принадлежать къ тюркскому племени. Г. Унвальфи, какъ и слѣдуетъ, не признаетъ послѣдняго извѣстія араба. Однако же онъ приводить изъ него цитату, которая вполнѣ едва-ли къ намъ относится. Ибнъ-Дастъ, жившій въ X в., уже не засталъ венгровъ на ихъ прежнихъ мѣстахъ: все это пространство занимали печенѣги, бытовая черты которыхъ и отнесены Ибнъ-Дастомъ къ венграмъ. Такихъ смышленій въ арабскихъ извѣстіяхъ мы знаемъ довольно. Чертами венгерскими могутъ быть признаны только, что ихъ государь называется Кенде, а собственное имя его Дусиле. Хозаре никогда не возводили укрѣпленій противъ венгровъ, а противъ печенѣговъ, иди, какъ путаютъ некоторые ара-

бы, противъ гузовъ. Тутъ авторомъ сдѣланъ промахъ. Нельзя также иначе смотрѣть и на отождествленіе г. Унвальфи узовъ и половцевъ. Византійскія хроники, арабскія сочиненія и даже наши лѣтописи—всѣ говорятъ противъ такого маѣнія. Константина Б. не знаетъ куманъ-половцевъ, а говорить только объ узахъ и печенѣгахъ. Половцы, или кумане византійцевъ и венгровъ, выступаютъ гораздо позже на историческую сцену. Узы борются съ ними и на берегахъ Дуная и на берегахъ Дона, какъ это извѣстно изъ нашихъ и византійскихъ лѣтописей. Здѣсь нѣтъ возможности приводить фактовъ, но стоитъ только просмотрѣть собраніе арабскихъ извѣстій Досеона, чтобы убѣдиться въ этомъ. Арабы знаютъ нашихъ половцевъ или подъ именемъ кумановъ или кипчаковъ. Узы—это торки нашихъ лѣтописей.

Не принявъ мнѣнія Ибнъ-Даста о тюркизмѣ венгровъ, г. Унвальфи въ слѣдующей главѣ старается разрѣшить вопросъ о ихъ племенной принадлежности. Еще г. Европеусъ въ 1874 г., на основаніи сличенія языковъ венгерскаго съ финскимъ, пришелъ къ заключенію о родствѣ венгровъ съ племенами вогуличей, остыковъ. Г. Унвальфи представляетъ сравнительную таблицу языковъ венгерскаго, вогульскаго, финскаго и тюркскаго. Сначала идетъ таблица словъ, выражающихъ понятія частей тѣла, затѣмъ таблица, озаглавленная „Naturliches und sittliches Leben“, потомъ конкретныхъ понятій, родства и, наконецъ, именъ числительныхъ. Сравнивая числительные имена, авторъ приходитъ къ выводу, что финско-угрскіе народы въ самое древнее время своей жизни считали только до 7, имѣли семиричную систему. Дѣйствительно слова, выражающія понятія чиселъ до 7-ми, совершенно сходны въ языкахъ венгерскомъ, вогульскомъ и финскомъ. Даѣте 7-ми слова совершенно различны. „Мы можемъ, говоритъ авторъ, принять время семиричной системы за самое древнее время или праріодъ (Urzzeit) финско-угрскихъ языковъ и народовъ“. „На сѣверѣ они простирались до Ледовитаго океана, съ юга ихъ ограничивали различные народы по великому пути. Области рѣкъ—Двины, Камы, Волги, Ялка, Иртыша, Оби и средняго и сѣвернаго Урала служатъ предѣлами родины этихъ племенъ, изъ которыхъ (предѣловъ) они распространялись на западъ и югъ.

Во время совмѣстнаго жительства угро-финскія племена занимались охотой, рыбной ловлей; у нихъ была уже болѣе или менѣе развита семейственность и общественность; были занятія рукомеслами, употреблялись домашнія животныя, какъ лошадь и

собака. Все это явствует изъ тождества словъ въ языкахъ угро-финскихъ племенъ для выражения данныхъ понятій.

Опредѣливъ область распространенія угро-финскихъ племенъ въ періодъ ихъ сожительства путемъ лингвистики, г. Унвалфи старается очертить границы венгерского племени на основаніи извѣстій венгерскихъ лѣтописей. Онѣ называютъ двѣ рѣки, Тогату и Эстуль, Этель. Первую авторъ признаетъ за Иртышъ, впадающій въ Обь. Этель, конечно, Волга. На востокъ отъ Денциі и Магорії, прародины венгровъ, по хроникамъ, простирается земля Юріавъ (*Jurianorum*). Эту Юріанію г. Унвалфи совершенно неправильно сближаетъ съ нашей Югрой, которую Ioannъ IV покорилъ въ 1499 г. (?). Юgra, покоренная русскими, и есть та самая Угria, изъ которой произошли венгры, какъ иѣсколько выше утверждалъ и авторъ, намѣчая границы угро-финскихъ племенъ. Если вообще можно объяснить Юріанъ Тураца, то ихъ слѣдуетъ сблизить съ Югуріей, центръ которой былъ у верховьевъ Иртыша, которая занимала центральную Азію. Населявшій ее народъ были тюрки. У нихъ, по словамъ Рубрукаса, былъ источникъ и корень турецкаго и команского парѣчій. Еще Вивіенъ-де-С. Мартенъ предупреждалъ, чтобы не смѣшивать этихъ двухъ Югурій, т. е. финской Угры, или Югры, съ тюркской Югуріей. Это-то сосѣдство съ тюркской Югуріей и могло имѣть влияніе на языкъ венгровъ. Такъ съ южными животными венгры, по мнѣнію г. Унвалфи, познакомились чрезъ тюрковъ; съ продуктами земледѣлія, съ домашними орудіями, мебелью, предметами одежды, они ознакомились чрезъ тѣ-же руки, сюда-же нужно отнести религіозныя и духовныя понятія, всѣ они выражаются словами, заимствованными изъ языковъ тюркскихъ. Авторъ не допускаетъ, чтобы эти слова вошли изъ языковъ печенѣжскаго или узскаго: съ первыми венгры были во враждѣ, вторые не были ихъ сосѣдями. Особенно дружественный отношенія были съ хазарами. Къ венграмъ переселились изъ Хазаріи кабары, которымъ г. Унвалфи и приписываетъ влияніе на венгерскій языкъ, внесеніе въ него тюркскихъ словъ. Кромѣ кабаровъ, вѣроятно, долю влиянія оказали и печенѣги, а еще раньше и сосѣдство Югуріи. Скандинавскія саги сохранили память о борьбѣ угрскихъ племенъ съ тюрками. Саги знали эти племена еще до раздѣленія ихъ. Затѣмъ и враждебная отношенія печенѣговъ начинаются только тогда, какъ ихъ потѣсили узы.

Кромѣ влиянія тюркскаго, венгры испытали влияніе и славянства. Отъ славянъ, по мнѣнію автора, они заимствовали названія

церковныхъ и религіозныхъ предметовъ и лицъ, понятія и лица общественности и политики, растеній, земледѣлія, ремесль.

Отчего венгры не расплвились въ мѣстныхъ элементахъ? Это г. Унвальфи объясняетъ сравнительной ихъ многочисленностью при появлениі въ Панноніи и не высокой степенью культуры туземцевъ. Глава, въ которой авторъ трактуетъ о пришельцахъ въ Венгрію, раздѣлляется на нѣсколько отдѣленій, по числу переселившихся въ Венгрію народовъ. Авторъ сначала ставить измаелитовъ, затѣмъ печенѣговъ, кумановъ, татаръ и нѣмцевъ. Каждому изъ этихъ племенъ посвященъ краткій очеркъ исторіи его въ Венгріи; это почти простое перечисленіе фактовъ, довольно сухое, не лишенное вѣкоторыхъ интересныхъ данныхъ, хотя и пе безъ мелкихъ промаховъ. Вообще одинъ изъ недостатковъ автора, это почти полное отсутствіе ссылокъ, незнакомство съ русскими источниками и даже отчасти съ арабскими. Но мы уже видѣли, насколько интересны первыя главы труда г. Унвальфи; не менѣе интересна и вторая часть, гдѣ авторъ рисуетъ политическое устройство Венгріи и взаимные отношенія ея сословій. Мы должны еще воздать благодарность автору, что онъ употребилъ въ своемъ труде доступный нѣмецкій языкъ, а не венгерскій.

П. Голубовскій.

Кіевъ. 1882 г. Іюля 18.

Посадъ Вилкова. Историко-статистический и бытовой очеркъ. Составилъ Георгий Бахталовскій. Кишиневъ. 1881 г.

Предъ нами брошюра во сто съ небольшимъ страницъ, посвященная описанію никому неизвѣстнаго уголка Бессарабіи, п. Вилкова, близъ Килии, въ устьяхъ Дуная. Поселеніе это бѣдное, исторія его не давняя, не богатая фактами, интересная, по видимому, для однихъ лишь вилковцевъ; источники для нея также скучные: документы мѣстной управы, записи церковныхъ, рассказы старожиловъ. Тѣмъ не менѣе трудъ г. Бахталовскаго не лишенъ значенія для людей интересующихся исторіей южной Россіи. Съ усердіемъ и любовью авторъ отдался своему труду, кропотливо и добросовѣстно собирая и разбирая скучные материалы и старался выжать изъ нихъ все, чѣмъ можно освѣтить исторію этого темнаго, заброшенаго уголка и привести ее въ исторію края. Только подобными трудами можетъ пополняться и разыскиваться

наша общая история, и нельзя не желать, чтобы такія изслѣдования являлись у насъ чаще и чтобы люди, посвящающіе имъ свой досугъ, не смущались кажущеюся мелочностью тѣхъ свѣдѣній, которыя могутъ быть сообщены ими о близкихъ имъ почему-либо городахъ и городишкахъ. Посадъ Вилковъ—это одинъ изъ тѣхъ отпрысковъ Запорожья, которые оно дало отъ себя, погибая не естественною смертію и которые лишь теперь понемногу приводятся въ извѣстность. По мѣстному преданію, онъ основанъ запорожцами послѣ уничтоженія Сѣчи (въ 1775 г.), когда одна часть сѣчевиковъ не скоро нашла себѣ мѣсто на Кубани, а другая въ слѣдъ за разореніемъ роднаго Коша эмигрировала въ Турцию. Отдѣлившися горесть послѣднихъ, заняла то мѣсто, на которомъ теперь стоитъ Вилковъ и которое принадлежало тогда Турціи. Кубанцы посвѣщали своихъ братьевъ, поселившихся за предѣлами родной земли и, можетъ быть, въ честь ихъ одно изъ гирлъ Дуная называется у простонародья Кубанкой.

Завивъ пустынныя, частію болотистыя, частію песчаныя мѣста вблизи Дуная, набожные запорожцы прежде всего устроили себѣ здѣсь церковь изъ лозняка, камыша и глины. Можно вообразить себѣ по материалу для постройки, что это была за церковь. Но ими движетъ преданіе о дорогой Сѣчи и убогую свою церковь - мазанку они посвящаютъ имени Покрова Пресвятыхъ Богородицы, въ подражаніе сѣчевой, а при ней устраиваютъ колокольню. Это были истые сѣчевики; по старому обычаю жили они въ куреняхъ, наполняя свой составъ бѣглецами изъ Украины, на-воднившими Бессарабію, и занимаясь рыболовствомъ.

Послѣ присоединенія Бессарабіи къ Россіи (въ 1812-мъ году, по букаレストскому трактату), холостые вилковские запорожцы, по словамъ г. Бахталовскаго, „не желая оставаться въ российскихъ владѣніяхъ, перешли за Дунай и поселились въ Турціи“ (стр. 9—10). Уходя изъ Вилкова, они унесли съ собой два колокола отъ покровской, вилковской церкви, но зарыли ихъ въ землю въ старой Килии. Впослѣдствіи вилковцы вырыли изъ земли эти „дзвоны“ и перевезли ихъ обратно въ свое селеніе. Сперва жители Вилкова состояли исключительно изъ украинцевъ, но позже сюда мало-по малу стали стекаться и великороссы, главнымъ образомъ старообрядцы, уѣгавшіе отъ религіозныхъ притѣшений на родинѣ. Элементъ великороссійской превозмогъ малороссовъ, причемъ часть послѣднихъ совершенно выбрались изъ Вилкова, а большинство поселилось вблизи построенной запорожцами Покровской цер-

кви (стр. 10—11), такъ что теперъ населеніе Вилкова состоитъ, выражаясь словами письменныхъ документовъ вилковской ратуши, „изъ двухъ породъ“—великорусской и украинской, къ которымъ пристала также „малая толика“ вездѣсущихъ евреевъ (стр. 21). Великоруссы и малороссы существенно различаются здѣсь въ вѣроисповѣданіи, обычаихъ и обстановкѣ жизни, вслѣдствіе чего каждая изъ этихъ „двухъ породъ“ имѣеть въ Вилковѣ свое осо-бое кладбище и вообще сторонится другой.

Не безъинтересны, въ историческомъ отношеніи, сообщенія автора о томъ, какъ взыскивались съ вилковцевъ въ старину казен-ные подати исправникомъ Копейкинымъ. „Копейкинъ, говоритъ авторъ, со словъ о. Гончарова (старика-протоіерея, рассказывав-шаго ему о прежнемъ житьѣ-бытьѣ вилковцевъ), выбрался въ ис-правники изъ волостныхъ писарей и, съ цѣлью ускоренного сбора податей, имѣлъ обыкновеніе натравливать жителей недалеко ле-жавшаго селенія Галилеѣштъ на вилковцевъ; эти галилеи вры-вались въ ихъ дома, ломали мебель, заливали огонь въ печи и чи-нили многія иныя пакости“ (стр. 24).

Преданные мирнымъ занятіямъ рыболовства, вилковцы, одно-ко, во время турецкихъ войнъ, иногда принимали участіе въ войнѣ съ бусурманами; такъ, въ 1828 году сорокъ лодокъ съ вилковцами участвовали въ переправѣ русской арміи черезъ Дунай, ниже Рени. Числись казенными поселянами, жители Вилкова были надѣлены пахатной землей; но послѣдняя, какъ на бѣду, лежала отъ ихъ обиталищъ чуть не за тридцать верстъ и за нее нужно было пла-тить налоговъ чуть-ли не больше, чѣмъ самая земля эта прино-сила дохода (стр. 29). Это обстоятельство подало поводъ вилков-цамъ хлопотать о переименованіи ихъ селенія въ посадъ, каковыя хлопоты, наконецъ, и увѣнчались успѣхомъ въ 1840 году.

Пропуская исторію вилковской ратуши, не представляющую прямаго исторического интереса, остановимся на разсказѣ автора о бѣглыхъ, искашившихъ пріюта и спасенія въ Бессарабії. Одною изъ причинъ обѣденія посада Вилкова и уменьшенія количества его жителей, говоритъ г. Бахталовскій, „должны быть признаны мно-гочисленныя дѣла о припискѣ къ Вилкову бѣглыхъ или бродягъ, повлекшія за собою ссылку многихъ вилковцевъ въ Сибирь“ (стр. 70). Всѣмъ известно, какова была жизнь помѣщичьихъ крестьянъ во времена крѣпостного права; немногимъ лучше этого жилое и сектантамъ въ строгія времена Николая I-го. Тѣ и другіе, поэтому, искали спасенія за границей и вблизи турецкой границы; адми-

нистрація-же, въ свою очередь, употребляла всѣ усилия къ прекращенію здѣсь бродяжничества. Бѣглецы получали, такъ сказать, права гражданства въ Бессарабіи различными путями: иногда бѣглецъ, подмазавъ, *идѣ надо*, добывалъ себѣ изъ ратуши свидѣтельство о томъ, что онъ „значится въ числѣ приписывающихся къ вилковскимъ, напримѣръ, мѣщанамъ,—иногда онъ принималъ имя и фамилію какого-нибудь умершаго обывателя и вносили за него подати, иной разъ бѣглецъ поступалъ въ члены какого-нибудь семейства и т. п. Такія продѣлки не всегда благополучно сходили съ рукъ вилковцамъ. Такъ въ 1843 г., за пріемъ и укрывательство вѣкоего бѣлага, называвшаго себя Петлеваненкомъ, судили шестьнадцать человѣкъ вилковцевъ-малороссовъ, изъ числа которыхъ семь душъ понесли тяжелое наказаніе (ссыпка въ Сибирь, наказаніе плетью, тюремное заключеніе на семь дней и денежный штрафъ), а остальные девять человѣкъ оправданы.

Гр. Д—Нъ.

Извѣстія и замѣтки

(историческая, этнографическая и историко-литературная).

ОТНОСИТСЯ ЛИ ПѢСНЯ О ВЗЯТИИ АЗОВА *) КЪ СОБЫТИЯМЪ XI ВѢКА?

Въ іюльской книжкѣ Киевской Старинѣ за текущій годъ напечатана статья достопочтенного г. Стоянова: „Южнорусская пѣсня о событии XI вѣка“, имѣющая цѣллю сообщить очень важное открытие въ области нашей южнорусской этнографіи. Дѣло въ томъ, что на мѣстѣ, близкомъ къ мѣстности древнаго города Торческа, взятаго половцами въ 1033 году, изъ усть селянъ записано преданіе, сходное съ лѣтописнымъ повѣствованіемъ. По лѣтописи (П. С. Р. Л. 1. 93—94) разсказывается, что когда половцы съ большой силой обступили Торційскій градъ, выступили противъ враговъ князья изъ Киева: Святополкъ Изяславичъ, Владимира Мономаха и менѣшій братъ послѣдняго Ростиславъ. Но между ними настала безладица и они обратились въ бѣгство съ своими дружинами. Молодой князь Ростиславъ при переправѣ черезъ рѣку Стругу утонулъ передъ глазами старшаго своего брата Владимира Мономаха. „Половцемъ же осѣдящимъ Торцьскій, противящимся же Торцьскомъ и крѣпко борющимся изъ града убиваху многы отъ противныхъ; половци же начаша налегати и отъмиаху воду и изнемогати начаша людье въ градѣ водною жажею и голодомъ. И прислаша Торци къ Святополку глаголюще: аще не пришелши брашна, предатися имами. Святополкъ же посла имъ и не бѣ лѣ вкра-

*) Кіев. Старина, іюль, стр. 81.

стися въ градъ множествомъ вой ратныхъ. Изнемогоша люди въ градѣ гладомъ и предашиася ратнымъ“.

Одинъ изъ мѣстныхъ поселянъ Корній Валовый передаетъ дошедшее до него преданіе такъ:

Этотъ городъ былъ еще при тѣхъ князьяхъ, которые княжили когда-то въ Кіевѣ, Красномъ и Трипольѣ; тому уже будетъ съ тысячу лѣтъ. Говорятъ, городъ Торчъ былъ очень силенъ и не-пріятель (а тогда все орды ходили) никакъ не могъ его добыть. Только начнутъ лѣзть на валы, торчане бросаютъ на нихъ колоды съ валовъ: поколотятъ ихъ добрымъ порядкомъ—они и отойдутъ въ свои шанцы. Однако хитростями городъ взяли: воду отвернули со Стугны, да чумакомъ; князья пришли на помошь торчанамъ и стали между собой толковать и ссориться. А орда, не долго думая и совѣтуясь, какъ бросится на нихъ, и потопила всѣхъ въ Стугнѣ.

Другой мѣстный туземецъ Омелько продолжалъ разскажъ такъ:

Враги же все не отступаютъ отъ Торча, облегли его кругомъ такъ, что тамъ стало нечего Ѵсть и пить: отвели, значить, воду, а сами приготовили пятдесятъ возовъ чумацкихъ: въ переднихъ наложили хлѣбного зерна, а въ остальныхъ сами залегли и говорятъ: мы вамъ провіантъ веземъ присланный отъ помощи. Дѣло происходило ночью. Имъ отворили ворота. Они такимъ образомъ взяли Торчъ: вотъ это и значить: чумакомъ взяли городъ. И въ пѣснѣ про это поется:

А зробимъ, братці, півтораста возовъ,

Да поидемо въ Азовъ.

Приходе купчина, пытае.

У нась, брате, товаръ дорогий...

Шѣснѧ, которую привелъ Омелько, найдена была въ нѣсколькихъ варіантахъ. Содержаніе ея таково: богачъ бурлакъ собираетъ ватагу молодцовъ, все изъ мастерового народа, снаряжаетъ возы съ дорогими мѣхами на продажу, а въ заднихъ возахъ вмѣсто товара запрятываются молодцы. Они отправляются въ какой-то городъ, различно именуемый въ различныхъ варіантахъ пѣсни. Такимъ способомъ они овладѣваютъ этимъ городомъ. По нѣкоторымъ же варіантамъ они просто продаютъ свой товаръ вмѣстѣ съ воза-

ми и волами. Пѣсня эта не составляетъ мѣстнаго сокровища, распространена повсюду и мнѣ была извѣстна уже лѣтъ сорокъ. Позволю себѣ не согласиться съ выводами достопочтеннаго изслѣдова-теля и укажу почему:

1) Намъ остается желательнымъ знать: былъ-ли грамотенъ Корней Валовый и не сообщиль ли ему свѣдѣній о древнемъ Торчѣ кто-нибудь изъ печатной книжки, а объ этомъ, хотя бы кратко, можно найти въ любой русской исторіи, въ нѣкоторыхъ же и подробно съ мелочами лѣтописнаго разсказа. Вездѣ, гдѣ есть мѣстности, которыхъ названія почему-либо извѣстны въ исторіи, мѣстные грамотѣи любятъ читать и другимъ передавать прочитанное о своей мѣстности. Что-то уже слишкомъ близко къ лѣтописи знаетъ этотъ Корней Валовый о событияхъ XI вѣка и притомъ такихъ, какъ неудача русскихъ при переправѣ черезъ Стугну и потопленіе ихъ. Какъ могло такое событие, одно изъ многихъ, похожихъ въ главныхъ чертахъ другъ на друга, уцѣлѣть въ теченіи 800 лѣтъ въ народной памяти?!

2) О безыскусственности разсказа Омелька не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Но въ немъ сходство съ лѣтописнымъ повѣтствованіемъ только то, что осажденные въ Торчѣ принуждены были къ сдачѣ города отведеніемъ воды и голодомъ. Такой конецъ обыкновенно полагается въ преданіяхъ обо всѣхъ старинныхъ городахъ. Въ псковской губерніи обо всѣхъ старинныхъ псковскихъ пригородахъ разсказываютъ на мѣстѣ одно и тоже: городъ былъ большой, церквей въ немъ было нѣсколько десятковъ, силенъ былъ городъ, да взяли его потому, что воду отвели изъ такой-то рѣки и подвозу сѣастнаго не стало; да вѣдь оно такъ всегда почти и бываетъ! Вѣрность въ сказаніи Омелька въ этомъ случаѣ зависитъ отъ естественности: все равно, есть ли въ лѣтописи о такомъ концѣ Торческа, или нѣтъ, въ разсказѣ о старомъ городѣ, взятомъ врагами, преданіе окончится именно такою чертою. Что касается до взятія Торческа посредствомъ ввезенныхъ туда повозокъ съ запрятанными молодцами, Омелько здѣсь пріурочилъ къ своему Торческу общую, извѣстную ему пѣсню. Мы готовы биться обѣ-закладъ, что въ другой мѣстности, гдѣ есть городище стариннаго города, непремѣнно можно услышать такое же пріуроченіе этой же самой пѣсни.

3) Что касается до самой пѣсни въ ея основѣ, то мы не сомнѣваемся причислить ее къ разряду древнихъ; замѣтимъ, что намъ она всегда казалась заимствованною изъ великорусскихъ, хотя уже отъ времени сильно притертою въ малорусскомъ народномъ обиходѣ, но это не уничтожаетъ въ ней колорита древности, напротивъ, еще болѣе придаетъ она: чѣмъ древнѣе пѣсня, тѣмъ близости въ ней можно найти больше съ другою единоплемененою народностью. Когда сложился въ ней образъ народного міровоззрѣнія, представляющей взятіе чужого города посредствомъ хитраго проведенія туда воиновъ,—мы сказать не въ состояніи; но вѣрно то, что онъ сложился и облекся въ пѣсню вслѣдствіе не какого нибудь случая, бывшаго тамъ или здѣсь когда-то, а пѣлаго, можетъ быть, ряда мелкихъ случаевъ, и потомъ самъ былъ источникомъ многихъ болѣе или менѣе въ свое время важныхъ подобныхъ событий, происходившихъ въ дѣйствительности, такъ какъ этотъ образъ составилъ часть народного міросозерцанія, которое всегда, иногда и незамѣтно, движаетъ историческимъ ходомъ судьбы народа. Эти пятдесятъ или двѣсти пятдесятъ возовъ со скрытыми тамъ воинами—тотъ же деревянный конь хитроумнаго Одиссея, введенныій подъ дружелюбнымъ предлогомъ въ Трою, и тайно нагруженный воинами, которые съ наступленіемъ ночи встали изъ своего убѣжища и разорили всю Трою. Что этотъ деревянный конь въ свое время сдѣлался образомъ народного єллинскаго міросозерцанія, показываетъ то, что послѣдующая исторія греческихъ республикъ не скучна событиями, когда воюющія стороны брали верхъ посредствомъ хитраго введенія своихъ силъ и къ соперникамъ подъ дружелюбными предлогами. Въ исторіи другихъ народовъ можно также встрѣтить такой же образъ народного міросозерцанія, и подобнаго рода дѣйствительно бывшія события, которые безъ сомнѣнія возникали въ значительной степени отъ этого міро-созерцанія, укоренившагося прежде.

4) Наша пѣсня о введеніи возовъ съ воинами, подъ дружелюбнымъ предлогомъ привоза товара на продажу, вѣроятноноситъ въ себѣ зародыши разныхъ народныхъ вымысловъ и дѣйствительныхъ событий, порождаемыхъ силою обычнаго народного міросозерцанія; но напрасны будутъ усилия пріурочить ее къ какому-нибудь определенному историческому событию въ томъ или дру-

гомъ вѣкѣ нашей исторіи. Ее уже, какъ видно, относили къ событіямъ XVII вѣка. Псевдо-Конисскій разсказываетъ подобное событіе по поводу освобожденія козаками Палѣя изъ польского плѣна; неизвѣстно, самъ ли псевдоисторикъ пригналъ тотъ разсказъ къ Палѣю или взялъ уже готовое приложеніе его въ народѣ. Во всѣхъ варіантахъ видно, что идетъ скорѣе дѣло о временахъ казацкихъ, а не о древнихъ княжескихъ. Города, упоминаемые въ разныхъ варіантахъ различно, все таки заимствованы изъ географіи позднѣйшей козацко-татарской эпохи, а не удѣльно-вѣчевой: Азовъ, Кременъ (Исланъ—Керменъ), Кипеневъ, Ростовъ, Щучинъ (?). Изслѣдователь большое значеніе для себя видитъ въ томъ, что одинъ варіантъ кончается такъ, какъ будто орда захватываетъ и вводить въ городъ возы, что (говорить онъ) болѣе согласно съ лѣтописью, по которой Святополкъ не могъ доставить брашна осажденнымъ торчаномъ (Кievsk. Стар., іюль 1882 г., стр. 93). Дѣйствительно есть такой варіантъ, тдъ говорится, что орда забрала волы и возы; о не говорится, что орда ввезла эти возы, овладѣвъ ими прежде, какъ бы хотѣлось достопочтенному г. Стояному, желающему во чтобы то ни стало подогнать эту пѣсню къ подобію съ лѣтописнымъ повѣствованіемъ о взятіи Торческа половцами. По смыслу этого варіанта выходитъ, что привезшіе товаръ говорять: завтрашній день увидимъ, братья, сами, что будетъ.

А по завтрашнемъ, братья,
Побачемо ще й сами...

Далѣе говорится, съ вечера орда городомъ овладѣла кругомъ (городъ обняла), къ полуночи—вошла въ городъ, а на разсвѣтѣ—забрала возы и волы. Хотя, вообще, излагается событіе не ясно, но все-таки видно, что явленіе орды совершается уже послѣ того, какъ возы введены въ городъ, а не орда эти возы вводила, какъ хочется достопочтенному изслѣдователю. Онъ увлекается въ желаніи непремѣнно привязать эту пѣсню къ Торческу до того, что окончаніе вышеупомянутаго варіанта: „кому недостаетъ суконъ и золота, тотъ беретъ молодыхъ туркенъ“ толкуетъ такъ, какъ будто слово: туркеня—турчанка, здѣсъ начинъ—торкеня—обитательница города Торческа, тогда какъ слово: туркеня—самое употребительное до сихъ поръ и совершенно умѣстно въ варіантѣ, гдѣ

дѣйствие происходитъ въ городѣ Азовѣ, населенномъ турками. Болѣе правдоподобно гг. Рудченко (Чум. пѣсни, 84) и г. Т—въ (Вѣстникъ Европы, мартъ 1877 года) склоняются по этимъ чертамъ варіанта, о которомъ идетъ рѣчь, видѣть здѣсь великорусскую разбойничью пѣсню, или же пѣсню о взятіи Азова донскими козаками при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ; но это имѣеть правдоподобіе только относительно особенностей одного этого варіанта пѣсни, а не всей пѣсни. Вообще варіантъ этотъ не составляетъ единой и неизмѣнной редакціи всего народнаго произведенія; напротивъ, въ большей части другихъ извѣстныхъ намъ варіантовъ этой пѣсни вовсе не упоминается обь ордѣ, которой здѣсь въ заключеніе всего достаются привезенные возы съ товарами. Пѣсни, какъ всѣмъ занимавшимся ими вѣдомо, въ текущемъ обращеніи среди народа видоизмѣняются; изъ одной отдѣляются части и образуютъ особья пѣсни, одна пѣсня соединяется съ другою, изъ чужой заходятъ случайно стихи и даже большія части и придаютъ иной смыслъ содержанію, иногда даже винѣдряются части единственны по сходству или даже по отдаленному подобію напѣва, и притомъ пѣсни въ одномъ краѣ поются иначе, чѣмъ въ другомъ, подвергаясь вліянію и говоровъ и индивидуальныхъ особенностей поющихъ лицъ. Поэтому, чтобы понимать истинный смыслъ пѣсни и ея первоначальное бытіе, нужно имѣть въ виду только основныя черты ея, а не случайныя: отличать тѣ и другія составляетъ важнѣйшее искусство въ этнографії.

5) Ничего не помогаетъ г. изслѣдователю и приведенный имъ разсказъ о томъ, что, по сообщенію Омелька, одинъ разъ дѣти на мѣстѣ древняго Торческа нашли яму и въ ней шолковый клу-
бочекъ. Когда они стали его мотать, вдругъ изъ подъ земли показалась церковная глава и стала выходить церковь. Но тутъ при-
бѣжала мать и церковь опять ушла подъ землю. Этотъ поэтичес-
кій разсказъ не принадлежитъ исключительно одной какой нибудь мѣстности и даже одному какому нибудь краю. Онъ ходить по всей Руси, повторяется почти вездѣ, гдѣ есть преданіе обь ушедшой подъ землю церкви, которая иногда, хотя рѣдко, является людямъ. Такихъ преданій мнѣ

Изъ всего изслѣданія многоуважаемаго г. Стоянова одно только представляетъ вкладъ въ науку: это опредѣленіе мѣсто-
дѣйствія

ложенія древняго Торческа на р. Стугнѣ, чѣдь и осталось у мѣстныхъ жителей подъ именемъ Торча, какъ называютъ они до сихъ поръ бывшій городъ. Любопытно было бы, если бъ археологи нашли возможнымъ поискать въ глубинѣ земли остатковъ его бытія и жизни его обитателей.

Н. Костомаровъ.

Іюля 11-го 1882 года.

ПОСЛѢДНІЙ ПИСАРЬ ВОЙСКА ЗАПОРОЖСКАГО ГЛОБА.

Въ Русской Старинѣ 1875 года (ноябрь) была помѣщена мною статья: „Калнишевскій, послѣдній кошевої Запорожской Сѣчи“, написанная мною по случаю истеченія ста лѣтъ со времени уничтоженія „славнаго войска запорожскаго“. Въ этой статьѣ, между прочимъ, напечатаны собранныя мною въ 1862 году преданія бѣломорскихъ поморовъ о Калнишевскомъ, свѣдѣнія объ отправкѣ его изъ Архангельска для содержанія въ Соловецкій монастырь, заимствованыя изъ дѣлъ архангельского губернскаго архива, всеподданнѣйшій докладъ кн. Потемкина о заточеніи кошеваго атамана въ Соловецкій монастырь, войскового суды Головатаго и войскового писаря Глобы въ сибирскіе монастыри,—указъ св. синода архимандриту соловецкаго монастыря Досиою о способѣ содержанія Калнишевскаго въ заточеніи, надпись на евангелии, пожертвованномъ монастырю Калнишевскимъ и надпись на памятниѣ, устроенному надъ могилой Кальнишевскаго архимандритомъ Александромъ. Въ указанной статьѣ мною мимоходомъ упоминается также о томъ, что войсковой писарь Глоба былъ сосланъ въ г. Туруханскъ, въ тамошній монастырь, где и умеръ около 1790 года. Это послѣднее извѣстіе сообщено было мнѣ въ г. Воронежѣ извѣстнымъ любителемъ русской литературы Н. Д. Мизко, родственникомъ Глобы по матери. Считаю нелишнимъ сообщить все то, что было передано мнѣ г-мъ Мизко, а также что извѣстно о Глобѣ изъ другихъ источниковъ.

По свѣдѣніямъ, заключающимся въ „Історії Новой Сѣчи“ А. Скальковскаго, Иванъ Яковлевичъ Глоба первоначально служилъ писаремъ на запорожскихъ перевозахъ и въ паланкахъ; въ 1762

году онъ былъ выбранъ войсковымъ писаремъ и, въ качествѣ та-
коваго, въ томъ же году участвовалъ, вмѣстѣ съ кошевымъ атама-
номъ Григорiemъ Федоровимъ, въ поѣздкѣ въ Петербургъ по дѣ-
ламъ войска. Подъ 1765 годомъ о немъ снова упоминается, какъ
о войсковомъ писарѣ. Послѣднюю должность онъ, вмѣстѣ съ ко-
шевымъ Калнишевскимъ, сохранилъ въ теченіи 10 лѣтъ, до самаго
уничтоженія Сѣчи, чего до того времени въ Кошѣ „изъ вѣку вѣ-
ковъ не бывало“. Въ 1765 г. онъ снова участвовалъ въ депутації,
отправленной запорожцами въ Петербургъ. Затѣмъ встрѣчаемъ его
принимающимъ участіе въ компанії 1770 года, за которую онъ
получилъ отъ государыни золотую медаль. Глоба отличался выда-
ющимся умомъ, познаніями и сметливостью, такъ что прослылъ са-
мымъ умнымъ козакомъ въ Сѣчи (т. II, стр. 290 и 303; т. III стр.
83). Объ его дарованіяхъ можно заключать, напримѣръ, по сочи-
ненной имъ рѣчи, которая сказана была запорожскою старшиною
Екатеринѣ II-й 9 сентября 1762 года въ петровскомъ дворцѣ, подъ
Москвой, гдѣ императрицу поздравляли съ благополучнымъ восше-
ствиемъ на престолъ „знатныя персоны обоего пола“. Рѣчь эта,
напечатанная въ Русскомъ Вѣстнике за 1840 годъ (т. II, стр. 163),
начинается словами: „Всѧ премудростю, силою, славою и благо-
стю своею сотворивый Господь вѣчно и непоколебимо узаконилъ
рѣкамъ вѣдать свой югъ, магниту сѣверъ, тучѣ востокъ, солнцу
западъ, намъ же, человѣкамъ, учрежденную надъ собою власть“.
Произнесенная запорожцами рѣчь произвела благопріятное впечат-
леніе на императрицу, такъ что она, по окончаніи рѣчи, „мило-
стиво изволила кошеваго атамана и старшину о своемъ покрови-
тельствѣ обнадежить, и какъ атамана, такъ и старшину, припад-
шихъ къ стопамъ Ея Императорскаго Величества, жаловать къ
рукѣ“.

Послѣ разоренія Сѣчи, Глоба, вмѣстѣ съ кошевымъ и гене-
ральнымъ судьею, понесли на себѣ всю отвѣтственность за вины
Запорожскаго войска. Они, какъ сказано выше, въ 1776 году были
заключены въ монастыри. Заточеніе ихъ было строгое, такъ какъ
въ указѣ св. синода предписывалось, „чтобы узники сіи содержаны
были безвыпускно изъ монастырей и удалены-бѣ были не только
отъ переписокъ, но и отъ всякаго съ посторонними людьми обра-
щенія“. Кошевой Калнишевскій находился въ заточеніи до 1801

года, когда онъ былъ освобожденъ по высочайшему повелѣнію, хотя и не оставлялъ уже соловецкаго монастыря до смерти, послѣдовавшей въ 1803 году. Но Глоба не дождался свободы; онъ умеръ въ заточеніи въ 1790 или въ 1791 году.

По смерти заключеннаго, изъ тобольскаго намѣстническаго правленія было сдѣлано сообщеніе екатеринославскому намѣстническому правленію, а изъ послѣдняго присланъ указъ новомосковскому нижнему земскому суду о розысканіи родственниковъ „умершаго секретнаго арестанта Ивана Яковлева Глобы“. Обращеніе екатеринославскаго намѣстническаго правленія къ новомосковскому земскому суду послѣдовало вслѣдствіе того, что родственники покойнаго жили возлѣ г. Новомосковска. Умершій имѣлъ родную сестру Авдотью Яковлевну, бывшую замужемъ за Василемъ Бойко¹⁾. Родственники заточеннаго разыскивались по той причинѣ, что послѣ его смерти осталось нѣкоторое имущество и деньги. Вотъ реестръ этого имѣнія, составленный въ Туруханскомъ монастырѣ 7 сентября 1791 года и сообщенный тобольскимъ намѣстническимъ правленіемъ:

1) Сундукъ кедровой, окованный изъ дѣка чернымъ желѣзомъ.

2—8) Кафтаны: к. штофной по голубой землѣ, съ разными травами, подложенъ чорной выбойкой; к. штофной по бѣлой землѣ, съ разными травами, стеганый на красномъ кумачѣ; к. штофу краснаго, стеганый на хлопчатой бумагѣ, подложенный кумачемъ; к. алой обѣяри съ травами, полы обложены тою-жъ обѣярою; к.

¹⁾ По сообщенію Никол. Дм. Мизко, Василій Михайловичъ Бойко служилъ первоначально въ полтавскомъ магистратѣ, выѣхавъ съ Петромъ Котляревскимъ, отцомъ извѣстнаго автора перелицеванной Энеиды и Наталки-Полтавки, въ бытность бургомистромъ Григорія Паскевича, дѣда фельдмаршала. Дочь Бойка, Елизавета (р. 1760 г., ум. 1820 г.) состояла въ замужествѣ за Федоромъ Мироновичемъ Легкоступомъ. Этотъ Легкоступъ сначала запорожецъ, а впослѣдствіи капитанъ русской службы, былъ племянникъ и воспитанникъ запорожского старшины Якова Легкоступа, строителя новомосковской соборной церкви; онъ жилъ въ послѣднее время въ 17-ти верстахъ отъ г. Новомосковска, въ своемъ имѣніи, где и умеръ въ 1793 г. (род. въ 1741 г.) отъ раны, полученной отъ напавшихъ на него гайдамаковъ. Дядя его Яковъ Легкоступъ родился въ 1700 г., построилъ новомосковскій соборъ въ 1774 г., умеръ въ 1798 г. Дочь Федора Мироновича Легкоступа, Александра (р. 1790 г., ум. 1822 г.), была матерью Н. Д. Мизко.

алаго атласу, подложенъ красной пестрой выбойкой; к. бѣлой тонкаго сукна, полы подложены малиновой тафтой, вокругъ обложенъ узкимъ золотымъ позументомъ; к. синяго сукна безъ подкладки, вокругъ обложенъ золотымъ шнуркомъ.

9—12) Шубы: ш. лисьяго хребтоваго мѣха, покрыта голубымъ сукномъ, вокругъ обложена золотымъ узенькимъ позументомъ; ш. черныхъ мерлушекъ, покрытая алымъ сукномъ, по польамъ обложенная узенькимъ золотымъ газомъ; ш. краснаго сукна, мѣхъ лисий, черевій; ш. синяго сукна, мѣхъ бѣлій.

13) Кирейка песочнаго сукна, подложена каказой.

14) Тулубъ непокрытой, бѣлыхъ мерлушекъ.

15) Кушакъ персидской, краснаго шелку, на концахъ серебромъ тканый.

16) Кушакъ шелковой, краснаго цвѣту.

17) Пуховикъ, наволочка мѣховая.

18) Одѣяло стеганое, бахтовое.

19) Простыня льнянаго холста, простая.

20) Пологъ коноплянаго холста.

21) Коврикъ перетканой, небольшой, шерстяной.

22) Коверъ шерстяной полосатый, простой.

23) Коверъ простой, шерстяной-же.

24) Стаканъ серебрянъ, въсомъ 22 золотника.

25) Тарелокъ оловянныхъ 5, два блюда оловянные, большиe, плоские, два блюда глубокіе, одно изъ нихъ ветхое, одно небольшое.

26) Два чайника красные небольшиe; одинъ котель красной мѣди, въ полведра; кубикъ для двоенія водки, мѣдной четвертной.

27) Чугунка небольшая, на ножкахъ.

Все перечисленное имущество досталось Е. В. Байковой, племянницѣ И. Я. Глобы; деньги-же она оставила на монастырь (турханскій).

П. Ефименко.

ВЗГЛЯДЪ НАРОДА НА ШЕВЧЕНКА.

Вездѣ въ Малороссіи можно услышать о Шевченкѣ разнообразные рассказы и толки. Я часто разспрашивалъ о немъ нашихъ крестьянъ, чтобы узнать, знаютъ-ли они своего поэта и какъ на

него смотрять. Оказалось, что имя Шевченка народу хорошо знакомо. Мало того, народъ представляет ею и изображаетъ въ своихъ легендарныхъ рассказахъ героемъ, равнымъ другимъ любимымъ историческимъ лицамъ, каковы Морозенко, Нечай, Палій и друг. Обыкновенно малорусскій народъ всѣмъ своимъ любимымъ героямъ придавалъ чародѣйскій образъ, необыкновенную силу и другія качества, которыя опредѣляютъ „характерника“. Такимъ „характерникомъ“ въ глазахъ народа является и Шевченко.

Замѣчательно то, что народъ съумѣлъ понять и оцѣнить своего поэта, какъ нельзя лучше, что и выразилъ въ своихъ рассказахъ по своему. Подводя итогъ всему тому, что мнѣ приходилось о немъ слышать, я видѣлъ, что онъ представляется народнымъ героемъ, стоящимъ за родной ему „сермяжный людъ“; онъ протестуетъ противъ угнетенного и бѣдственнаго положенія крестьянъ и ратуетъ за ихъ „волю“.

Что касается тѣхъ чертъ, которыя характеризуютъ личность Шевченка, какъ „характерника“, то они очень различны и переходятятся не вездѣ одинаково. О проводахъ его тѣла на Украину и о погребеніи я слышалъ самые разнообразные рассказы, наполненные сверхъ-естественными приключеніями. Впрочемъ всѣ увѣрены, что Шевченко не похороненъ въ Украинѣ: одни говорятъ, что онъ остался живъ, а вместо него былъ привезенъ кто-то другой, другие—что его во время перевозки подмѣнили и украли, треты—что онъ самъ, какъ „характерникъ“, помощью своей чародѣйской силы всталъ невидимо изъ гроба. Не знаю, что породило въ народѣ такія мысли и слухи.

Мнѣ указывали высокую „могилу“ не далеко отъ его родины (въ 25 верстахъ), въ которой какъ будто-бы зарыть привезенный гробъ. „Могила“ эта находится вблизи густаго, непроходимаго лѣса и про нее ходить въ народѣ много чудесныхъ рассказовъ, связанныхъ съ именемъ поэта.

Не смотря на то, что Шевченко былъ еще не такъ давно, существованіе его относится народомъ къ давнему времени. О немъ говорятъ такъ-же, какъ и о Кармелюкѣ, существованіе котораго относится къ гораздо раньшему періоду, и рассказы о немъ ходятъ, какъ преданія.

Привожу дословный рассказъ одного крестьянина, записанный мною въ звенигородскомъ уѣзде; въ немъ лучше всего и полно выразился народный взглядъ на поэта.

„Бувъ собі колись-то такий великий характерникъ—Шевченко; та такий, що зъ нимъ никто не мігъ зриянуться. Іздивъ вінъ, жа́жутъ, скрізь по світі та збирає одъ панивъ разні листы—бумаги. Кажуть, що якъ вінъ умеръ, то його привезли въ домовині звітильсь зъ далека на Україну, бо якъ умиравъ, то сказавъ, щобъ його поховали въ степу на могилі, ніби-бъ-то въ риднімъ краю. Отъ його і привезли туди до Жидівського¹⁾), до теї роскопаної могили, де коло здорового шляху, стали здіймати зъ воза домовину, тай не здіймутъ—така важка. Шо не робили, ніякъ не здіймутъ, та мусіли приклікати зъ села двадцять дівокъ (чеснихъ), та ажъ ті зняли ії. Але-же́ якъ після роскрили ії, то вона була тілки повна разніхъ списівъ—бумагъ, а його самого не було; та такъ ізъ тими бумагами і закопали. Кажуть, що після хтось-то хотівъ ту могилу роскопати та забрати списи (бо зъ ними можно було-бъ одібратъ назадъ у людей ту землю, що у панівъ забрали після панщини), та у того чоловіка одібрали руки і ноги, то вінъ і покинувъ докопувати.

Та Шевченко цей дуже клопотався за людей, що робили у панівъ панщину і дуже просивъ за нихъ царя, щобъ той давъ імъ волю. А царъ все таки волі не дававъ. Отъ разъ вінъ приходить до царя, его впустили въ палатку; ввійшовши въ палатку вінъ хапъ за шапку та объ землю трахъ, тай каже тоді цареві: „оце тілки й твоє землі, що підъ моєю шапкою, а надъ всею землею паны царюють! Весь світъ я ізъїздивъ, а ні-де не бачивъ, щобъ такъ було гірко та важко жити людямъ, якъ въ твоімъ царстві!“...

Записано 1880 г. въ с. Гусаковой, звенигородского уѣзда.

А. Смоکтій.

ИСЧЕЗНУВШІЯ И ИСЧЕЗАЮЩІЯ ЮЖНОЙ РОССІИ ЖИВОТНЫЯ.

Общеизвестенъ фактъ, что съ увеличеніемъ населенія во всѣхъ странахъ начинается уменьшеніе числа дикихъ животныхъ, а нѣ-

¹⁾ Лѣсъ недалеко отъ села Гусаковой, звенигородского уѣзда.

которые породы ихъ даже совершенно исчезаютъ. Тотъ-же фактъ повторился и въ южной Россіи.

Самая интересная порода животныхъ, представители которыхъ попадались еще въ херсонской губ. менѣе 30 лѣтъ тому назадъ,— это были дикия лошади, по мѣстному *тарланы*. Послѣдній разъ въ херсонской губ. (какъ я слышалъ отъ очевидцевъ, мнѣ же лично не приходилось ихъ видѣть) ихъ видѣли въ 1856 г. въ херсонскомъ уѣздѣ, верстахъ въ 40 отъ г. Николаева, недалеко отъ бывшаго военного поселенія *Новый Бугъ*. Въ херсонскомъ-же уѣздѣ дикия лошади долго еще держались въ другомъ углу, въ урочищѣ „Шестерня“, близь села Ново-Воронцовки, въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ праваго берега Днѣпра и верстахъ въ 60 отъ Херсона. Рассказы очевидцевъ сходятся въ томъ, что эти лошади были вообще небольшаго росту, сѣро-пепельной масти (мышастой), имѣли черныя гривы и хвосты и вдоль спины непремѣнно была черная-же полоса. Дальше рассказы объ нихъ нѣсколько расходятся: одни говорили, что эти лошади, не смотря на свою быстроту, были не красивы, большеголовыя и съ грубыми копытами; по рассказамъ-же другихъ, дикия лошади представляли собою въ миниатюрѣ идеаль этого благороднаго животнаго: они были очень стройны, имѣли маленькия сухія головки съ большими выразительными глазами, тонкія шеи и копыта крѣпкія „стаканчикомъ“. М. Е. Шварцъ, начальствовавшій долгое время цѣлымъ округомъ въ южныхъ военныхъ поселеніяхъ, и много разъ видѣвшій дикихъ лошадей, именно въ послѣднемъ видѣ описывалъ мнѣ ихъ. Некрасивыя-же особи, по его мнѣнію, были ничѣмъ инымъ, какъ помѣсью съ простыми домашними лошадьми, потому что дикия жеребцы временемъ подкрадывались къ пасшимся домашнимъ лошадямъ и уводили съ собою кобыль. По его словамъ, случалось даже издали видѣть (потому что дикия лошади не подпускали къ себѣ на близкое разстояніе) въ стадѣ дикихъ лошадей—домашнихъ лошадей съ остатками упряжи. Любимѣйшимъ мѣстопребываніемъ ихъ была совершенно ровная степь, безъ всякихъ углубленій, на которой малѣйшій предметъ былъ-бы видѣнъ на большое разстояніе. По словамъ Рубана (писателя прошлаго вѣка) въ прошломъ вѣкѣ дикие кони водились даже въ полтавской губ., по р. Орели.

Олени. Уже старожилы не помнить и отъ отцовъ своихъ не слыхали, когда водилась въ лѣсахъ южной Россіи эта дорогая дичь. Покойный профес. А. С. Роговичъ (извѣстный знатокъ естественныхъ наукъ) говорилъ мнѣ, что еще въ прошломъ вѣкѣ олени водились даже въ полтавской губ. Помнится, что обѣ этомъ вспоминаетъ и г. Рубанъ въ своемъ „Описаніи Малой Россіи“.

Лоси. Въ 1840 г., почти на моихъ глазахъ, былъ убитъ лось верстахъ въ 20 отъ Конотопа, близъ деревни Козацкой Дубровы, но теперь что-то про нихъ совершенно не слышно въ черниговской губ.; если немного и сохранилось, то развѣ въ мглинскомъ и суражскомъ уѣздахъ. Въ кievской губ. еще въ недавнее время лосей было множество въ Бородянскихъ лѣсахъ (киев. уѣз.) Тамъ было для нихъ приволье въ непроходимыхъ дѣственныхъ чащахъ. Когда же до тѣхъ лѣсовъ добрался алчный еврей и принялъся рубить ихъ на всемъ пространствѣ, то лоси всею массой эмигрировали оттуда. Очевидцы рассказывали мнѣ, что лѣть 10 или 15 тому назадъ огромное стадо лосей (нѣсколько сотъ, а можетъ быть и тысяча головъ) переправлялись чрезъ рѣку Тетеревъ по направлению на сѣверо-западъ; по всей вѣроятности они перешли въ минскую или гродненскую губ. Если и осталось нѣсколько экземпляровъ лосей въ кievской губ., то развѣ только въ самыхъ сѣверныхъ мѣстахъ радомысьльского уѣзда по надѣ р. Припетью. Про существованіе ихъ въ волынской губ. тоже что-то мало слышно: тамъ евреи забирали въ свои руки имѣнія, въ видѣ долгосрочныхъ арендъ,—а гдѣ прочно поселяется еврей, тамъ лѣса окончательно гибнуть, лоси же только и могутъ держаться въ прочныхъ старыхъ лѣсахъ.

Почти тоже самое, что про лосей, можно сказать и про *дикихъ кабановъ*: еще въ недавнее время въ радомысьльскомъ уѣздахъ (киев. губ.) и въ сѣверныхъ уѣздахъ Волыни дикия свинья составляли довольно обыкновенную дичь, теперь-же представляютъ онѣ большую рѣдкость.

Медведи въ южной Россіи истреблены окончательно. Въ черниговской губ. они еще встрѣчались въ 40-хъ годахъ. Въ кievской губ. они, повидимому, были истреблены еще раньше, такъ какъ въ радомысьльскомъ уѣздахъ я разспрашивалъ стариковъ, и они медвѣдей уже не видѣли; тоже самое можно сказать и про Волынь. О множествѣ медвѣдей, водившихся въ прежнее время въ тѣхъ мѣстахъ

можно судить по вкоренившемуся обычаю ставить ульи довольно высоко на деревья; это делаютъ всѣ селяне кievскаго и волынскаго полѣсъя.

Бобры. Объ изобиліи бобровъ въ прежнее время во всей лѣсистой полосѣ южной Россіи показываютъ многочисленныя названія, напоминающія это животное—бобрикъ, бобровица, и т. п.; въ радомысьскомъ уѣздѣ есть даже рѣка Жеревъ, название которой указываетъ, что тамъ когда-то „живорвали“ бобры, то есть просто водились тамъ. Въ концѣ 40-хъ и въ началѣ 50-хъ годовъ воротникъ изъ такъ называемаго литовскаго бобра стоилъ обыкновенно 3 руб. серебр. Этотъ одинъ фактъ доказываетъ, что бобровъ водилось много. Въ изданной Лазаревскимъ „Румянцевской описи Малороссіи“ въ одномъ изъ сель близъ г. Козельца (кажется въ Новомъ Быковѣ) упоминается, какъ объ особомъ сословіи, о „бобровникахъ“, обязанность которыхъ была—поставлять бобровые мѣха гетману. Впрочемъ, какъ величайшая рѣдкость, они еще существуютъ въ самыхъ неприступныхъ болотахъ кievской губ.; по крайней мѣрѣ года три тому назадъ въ Киевѣ на Бессарабскомъ базарѣ продавали живаго бобра.

Россомахи и рыси, о которыхъ, впрочемъ, жалѣть нечего, къ счастью тоже перевелись. Однако рысь была убита въ житомирскомъ уѣздѣ, какъ писали о томъ въ „Кievлянинѣ“, года 4—5 тому назадъ. Въ радомыськомъ уѣздѣ одинъ шляхтичъ разсказывалъ мнѣ, что лѣтъ 20 тому назадъ россомаха сдѣлала нападеніе на его воловъ и одного вола загрызла на смерть.

Бабаки (*Arctomys bobas*) тоже составляютъ теперь величайшую рѣдкость, мнѣ известно только одно урошище въ конотопскомъ уѣздѣ, где они изъ года въ годъ водятся, а въ 30—40-хъ годахъ ихъ нерѣдко можно было встрѣтить прирученными въ частныхъ домахъ. У моихъ родителей нѣсколько лѣтъ жилъ одинъ экземпляръ. Въ прежнее-же время ихъ было такое множество, что польский инженеръ Бопланъ, жившій въ 30-хъ годахъ XVII вѣка, въ своемъ „Описаніи Украіны“ говорить, что почюю опасно былоѣ хатъ степью, такъ какъ лошадь могла легко поломать себѣ ноги вслѣдствіе множества байбачьихъ норъ.

Барсукы тоже довольно рѣдки, но еще не перевелись окончательно, такъ какъ полосатыя шкурки этого животнаго можно по-

временамъ увидѣть, въ видѣ украшенія, на охотничьей сумкѣ како-нибудь полѣсовщика или вообще завзятаго охотника.

Сайи (*Antilopa saiga*) по украински „Сулахи“ еще въ прошломъ вѣкѣ водились въ нынѣшней херсонской губ. по надѣ р. Бугомъ, а теперь, какъ говорятъ, изрѣдка встречаются только въ степяхъ земли Войска Донского.

Даже сарны (*Cervus capreolus*), еще недавно составлявшіе довольно обыкновенную дичь, теперь сильно уменьшились въ числѣ. Близъ г. Конотопа есть лѣсъ „Сарнавицна“. Помѣщикъ М. И. Рахубовскій, жившій близъ этого лѣса, разсказывалъ мнѣ, что въ началѣ 50-хъ годовъ зимой сарны забѣгали по временамъ даже въ его дворъ; теперь-же и тамъ ихъ мало. Сильное истребленіе дичи, особенно сарнъ, произвѣлъ въ черниговской губ. въ началѣ 60-хъ годовъ нѣкій богатый самодуръ В—въ, который со свитою изъ 60 охотниковъ и огромнаго количества собакъ прошелъ чрезъ всю черниговскую губ., безсмысленно истребляя дичь.

Про зубровъ, живущихъ, какъ известно, въ Бѣловежской пущѣ, я вспомню здѣсь только ради того, чтобы подать мысль, что эту рѣдкую породу можно-бы, по моему мнѣнію, поддержать, если-бы достать живыхъ экземпляровъ на Кавказѣ, гдѣ они водятся по рѣчкамъ Зеленчуку.

Здѣсь къ слову упомяну о замѣчательномъ исчезающемъ животномъ, именно о *полозахъ*¹⁾). Въ херсонской губ. я слышалъ объ нихъ довольно разсказовъ: напримѣръ, мнѣ показывали старинную могилу, гдѣ въ норѣ жилъ полозъ, похищавшій ягнятъ, а въ одной брошюрѣ, чуть-ли не про торговлю въ Новороссії въ началѣ этого вѣка, разсказывается, что въ огромныхъ бурьянахъ на степяхъ Новороссії, пока не стали разводить въ огромномъ количествѣ испанскихъ овецъ, водились такие огромные полозы, которые будто-бы воловъ душили; но за вѣрность подобнаго указанія не ручаюсь.

Мнѣ разъ только въ жизни случилось видѣть живаго *полоза*; это было въ степи, въ ананьевскомъ уѣздѣ; змѣя лежала шагахъ въ 15 отъ дороги, по которой яѣхалъ; проснувшись отъ стука

¹⁾ Большая змѣя изъ семейства *удавовъ* (*Peropoda*) родъ — *Eryx turcicus*, — такъ названъ въ зоологии видъ, водящійся вблизи Каспійскаго моря.

колесъ моего экипажа, она подняла голову на аршинъ отъ земли. Когда я приказалъ остановиться, чтобы ближе разсмотрѣть, то змѣя поползла, и въ это время я имѣлъ возможность хорошо разглядѣть: длиною она показалась, по глазомѣру, болѣе 5 арш.; голова величиною въ согнутую кисть руки взрослого человѣка; туловище толщиною въ руку. Цвѣту была сѣраго съ желтоватымъ отливомъ, какъ-бы вымазанная деревяннымъ масломъ. Попадаются подобные змѣи чаще всего по-надъ Бугомъ, среди скалъ. Самые большие экземпляры видѣли на островѣ Березани или Ада, лежащемъ въ Черномъ морѣ недалеко отъ Очакова.

Въ заключеніе вспомнимъ и о нѣкоторыхъ исчезающихъ породахъ домашнихъ животныхъ. Найбольшаго сожаленія заслуживаетъ, по незнанію и умѣлости, почти совершенно уничтоженная порода запорожскихъ лошадей. Порода эта, сформированная запорожцами, знавшими въ лошадяхъ толкъ, существовала въ теченіе не менѣе 200 лѣтъ; эти лошади были средняго роста, масти преимущественно темно-гнѣвой; имѣли всѣ достоинства татарскихъ лошадей, не имѣя пороковъ этихъ послѣднихъ. Какъ известно, татарскія лошади отличаются своею неприхотливостью на пищу и выносливостью въ Ѣздѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ они чрезвычайно некрасивы: костисты, горбоносы, съ большими головами и, какъ выражаются коннозаводчики, очень „строги“, то есть ихъ трудно выѣзжать, и выѣзженные они легко могутъ побить. Запорожская же лошадь, будучи такъ-же вынослива, хорошо держала тѣло, въ состояніи была сдѣлать въ жаркую пору въ одинъ перегонъ, безъ отдыха 70—80 вер., чрезвычайно доброѣзжа и голова довольно красивая, средней величины. Теперь этой породы въ Новороссіи не существуетъ; послѣдній заводъ (въ елисаветградскомъ уѣзде—вдовы Сагайдакъ) закупили цѣликомъ ремонтеры. Говорятъ, будто-бы существуютъ остатки этой породы гдѣ-то въ Черноморіи у потомковъ запорожцевъ.

Близка къ уничтоженію, или вѣрнѣе сказать—къ искаженію, драгоценная порода „Черкасскаѧ“ скота. Можно опасаться исчезновенія ея, благодаря стремленію новаторовъ къ безтолковымъ улучшеніямъ породъ. Первый примѣръ къ искаженію этой породы подалъ бывшій помѣщикъ балтѣкаго уѣзда, нѣкій Подгорскій, который соблазнился кажущимся, вслѣдствіе огромныхъ роговъ и сухощавости, огромнымъ ростомъ „венгерскихъ“оловъ, выписалъ изъ

Венгрии племенныхъ быковъ этой довольно скверной породы. Этотъ маломолочный скотъ много уступаетъ черкасскому скоту въ силѣ и мясистости, такъ какъ у первого сильно развиты кости и рога въ ущербъ мускуламъ. Подгорскій былъ очень богатый человѣкъ и считался отличнымъ хозяиномъ; онъ нашелъ себѣ массу подражателей, которые бросились покупать племенныхъ венгерскихъ быковъ, будто-бы для улучшенія, а въ сущности—для порчи породы своего скота.

М. Левченко.

СОСТОЯНІЕ ПОЛИЦІИ ВЪ МАЛОРОССІЙСКИХЪ ГОРОДАХЪ XVIII В.

Городъ Переяславъ, о которомъ идетъ рѣчь въ предлагаемомъ ниже отрывкѣ изъ современного документа¹⁾), принадлежалъ къ числу полковыхъ, т. е. по нашему губернскихъ городовъ; рядомъ съ Киевомъ, Черниговомъ, онъ пользовался важною привилегіею—магдебургскимъ правомъ; слѣдовательно, имѣлъ повидимому всѣ шансы для процвѣтанія. Но не такъ было на самомъ дѣлѣ. Всѣ вообще города лѣвобережной Украины къ половинѣ XVIII в. пришли въ состояніе крайняго упадка. Почти всѣ они крайне бѣдны: городские доходы ихъ были ничтожны; населеніе весьма незначительное,—въ Черниговѣ, напримѣръ, было всего 400 домовъ, счи-тая въ томъ числѣ и бездворныя хаты. Пожары были обыкновен-нымъ явлениемъ, а средства для борьбы съ ними были ничтожны.

Торговля парализовалась разными неустройствами; мѣстные мѣщане, обложенные тяжелыми налогами, не могли конкурировать съ прѣїзжими великокорсійскими торговцами, а также тѣми лицами ихъ собственного сословія, которые, выйдя въ чиновники или за-писавшись въ козаки, продолжали заниматься торговлей, будучи свободны отъ всякихъ повинностей и налоговъ; не менѣе жалобъ мы видимъ и на отставныхъ офицеровъ и рядовыхъ, о которыхъ мѣщане писали, что они вопреки законамъ „шинкуютъ горячимъ, простымъ и двойнымъ, виномъ и другими напитками“, на крестьянъ, которые „въ городовыхъ крамныхъ лавкахъ продажу товаровъ производятъ“. Нѣкоторые случайныя обстоятельства также способ-

¹⁾ Взять изъ румянцевской описи Малороссіи; полкъ переяславский.

ствовали паденію городскаго быта. Здѣсь на первомъ планѣ нужно поставить квартирную повинность, которая отличалась крайнею неравномѣрностью и несправедливостью; квартировали войска въ Малороссіи постоянно, число ихъ было всегда значительно, а число домовъ не велико, размѣщались же они почти исключительно по двоимъ бѣднѣйшихъ обывателей. Великороссійскіе офицеры и чиновники относились съ пренебреженіемъ къ малороссійскимъ обывателямъ, что опять возбуждало справедливыя жалобы со стороны послѣднихъ. Очень характеренъ въ этомъ отношеніи наказъ полтавскихъ гражданъ въ екатерининскую комиссію для составленія уложения 1767 г.

„А съ великороссійскихъ чиновниковъ, отъ которыхъ мы частыя обиды и побои, никогда и удовольствія никакого не получаемъ; и уже до того доплю, что если кто изъ нихъ чѣмъ насъ обидитъ или побьетъ, мы не смѣемъ и въ искальства входить; тѣмъ самымъ отъемлется у насъ куражъ къ купеческой жизни и промысламъ, теряя отъ унынія все то, что чѣмъ можетъ свой авантажъ, а казнѣ вашего императорскаго величества доходъ съискать“¹⁾.

Такова въ общихъ чертахъ картина городскаго быта Малороссіи во второй половинѣ XVIII в.; но въ такомъ-же видѣ ее рисуетъ въ своей запискѣ и тогдашній правитель Малороссіи, преемникъ послѣдняго гетмана Разумовскаго, гр. Румянцовъ. Не удивительно потому, что магдебургское право, подрываемое въ самомъ корниѣ канцелярскимъ, бюрократическимъ, а болѣе всего военнымъ элементомъ, не могло поддержать благосостоянія городовъ лѣвобережной Украины; здѣсь намъ приходится наблюдать тоже самое явленіе, которое еще раньше можно было наблюдать на правомъ берегу Днѣпра, въ польской Украинѣ. Мѣстная администрація вмѣшивалась и нарушила свободу выборовъ; мѣщане ремесленники должны были даромъ производить разныя тяжелыя работы гетману и старшинѣ. Для того, чтобы избавиться отъ бремени всяческихъ поборовъ, мѣщане записывались въ чиновники и козаки, чѣмъ, конечно, положеніе оставшихся еще болѣе ухудшалось. У многихъ городовъ были отняты принадлежавшія имъ земли: у однихъ села и деревни, у другихъ сѣнокосы, у третьихъ мельницы; въ результатѣ являлось пониженіе городскихъ доходовъ и отсутствіе городскаго bla-

¹⁾ Авсѣнко. Малороссія въ 1777 году, стр. 93—94.

гоустройства. Во многихъ городахъ вовсе не было полиції. Такъ граждане г. Глухова просятъ обѣ учрежденій у нихъ городской полиції, которая-бы заботилась о чистотѣ и о пожарной командѣ. Во время генеральной описи Малороссіи, произведенной гр. Румянцевымъ, рѣшили собрать свѣдѣнія о состояніи полиції въ разныхъ городахъ и печатаемое ниже „Представленіе“ служить отвѣтомъ на вопросъ ревизоровъ. Вотъ его текстъ о полиції можарной.

„Высокородному и высокопочтенному г-ну карабинерного полку маюру Александру Якубовичу отъ магистрату Переяславского.

Представленіе.

....Что жъ принадлежитъ до полиції, о которой требуется ви-правки, въ какомъ оная состояніи находится, то есть чиновники, такъ же инструмента, какие имѣются исправные и неисправные, и где содержатся, и сколько для оной всехъ и какихъ именно людей, и откуда опредѣленно, также съ мѣщанскихъ дворовъ, на лошадѣ для возки во время пожарное бочекъ зъ водою расположение, и съ которого году, и почему та полиція учрежденна; то оной полиції при магистратѣ содержать чѣ съ чего, для того, яко показаной магистратѣ, хотя искони утвержденъ королевскими привилегіями и государственными грамотами и чрезъ многие года находился при своихъ правахъ и волностяхъ, вѣдая одну главную команду, бывшую генеральную войсковую канцелярию, почему тогда при ономъ магистратѣ, а не где инде и полиція содержалась; во какъ въ недавнихъ годахъ полковою Переяславскою канцелярию оной магистратѣ былъ (взять) въ (ея) ведомство, то съ того времени, будучи подъ темъ полковой канцеляріи ведомствомъ, всѣ мѣщане лишились своихъ волостей и находились въ волѣ и приказаніи той полковой канцеляріи; и полковая Переяславская старшина разными образи завладѣвшіи людей изъ землями магистратскими, какъ въ городѣ, на подворкахъ, такъ и въ селахъ, магистрату Переяславскому високомонаршою грамотою жалованыхъ и бывшими гетманами универсалами наданихъ, ваконецъ всѣхъ того прошлого 1759 году и бывшие при ономъ магистратѣ для пожарныхъ случаевъ инструменты, а именно круковъ желѣзныхъ четири, виль желѣзныхъ трое, щитовъ повстяниыхъ, полотномъ подшитихъ, зъ пялцами деревянными, три, лѣствицъ деревянныхъ болшихъ, саженей въ востѣмъ, двѣ, бочекъ

зъ телегами добрими для возки воды пять, въ оную полковую канцелярию отобрали и содержали до сего юда ту полицию при полковой канцеларіи, а сего году оная полиция, неведомо почему, переведена била за городъ, за браму илтицкую не за версту и препорученна была въ ведомство сотнику терехтемировскому Михайлу Гриневичу, и оной сотникъ на ту полицию, что учили были забирать силнимъ образомъ людей магистратскихъ, то, напослѣдокъ того, каковъ обь оной полиції зъ малороссійской коллегіи полученъ въ магистратъ здешнемъ указъ, съ оного точную копию къ надлешащему усмотрѣнію вашему високоблагородию при семъ прилагаемъ".

Бурмистръ Кирило Іосифовъ.

Бурмистръ Димитрій Тимофеевъ.

Писарь Артемъ Даценко.

Райца Ныколай Мищенко.

1765 году
октября 23.

Сообщилъ Дм. Багалтъ.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЯ СВѢДѢНІЯ О САВВѢ ТУПТАЛѢ И ЕГО РОДѢ.

Къ іюльской книжкѣ „К. С.“ приложенъ портретъ, изображающій отца св. Димитрія Ростовскаго—Савву Туптала. Портретъ его, писанныхъ масляными красками, намъ приходилось видѣть несолько списковъ, но всѣ они позднѣйшаго времени и при томъ сдѣланы очень неудачно:кописты видимо подкрашивали подлинникъ, стараясь изображать какого-то ветхозавѣтнаго патріарха. Такая копія находится напр. въ собраніи В. В. Тарновскаго. Приложенный „Кievскою Стариною“ портретъ Саввы Туптала представляетъ снимокъ съ литографіі, изданной въ 30-хъ годахъ Снегиревымъ. Намъ кажется, что эта литографія передаетъ подлинникъ лучше всѣхъ копій, писанныхъ масляными красками. Имѣющаяся на портретѣ надпись, называющая Савву Туптала кievскимъ сотникомъ, какъ современная его кончинѣ, даетъ, конечно, свѣдѣніе несомнѣнное, но другихъ положительныхъ о немъ данныхъ мы не встрѣчаемъ. Единственное известное намъ документальное свѣдѣніе

мы нашли въ одномъ давнемъ изданіи ¹⁾), именно „Сибирскомъ Сборнику“, заключающемъ въ себѣ отписки кіевскаго воеводы, кн. Трубецкаго, къ царю Алексѣю Михайловичу, за 1673—1674 г. Въ одной изъ этихъ отписокъ (№ 49) читаемъ:

„7182 С 1674 г., ноября въ 14 день, пришолъ въ Кіевъ выходецъ ись полону; а въ роспросе боярину і воеводамъ князю Ю. П. Трубецкому съ товарыщи сказался: бываль киевской житель, Савою зовутъ, прозвище Туптула, а служилъ козацкую службу; тому ныне три года, взяли ево въ полонъ Пивина полку поляки подъ mestечкомъ Бышовымъ и привели въ Димеръ; а изъ Димера полковникъ Пиво отослалъ его въ Полшу къ гетману Яну Собескому. И ись Полши Сабескої съ полскими войски пошоль къ Волоскої земли воиною противъ турского. А ево де, Саву, гетманъ Янъ Сабескої отпустиль изъ обозу на волю, и далъ къ Петру Дорошенку листы“.

Итакъ 75-ти лѣтъ отъ роду отецъ Ростовскаго святителя несъ еще дѣйствительную козацкую службу со всѣми тягостями похода, сраженій и плѣна. И послѣ такой жизни и службы онъ умираетъ лишь на 103 году.

Не лишено значенія и иѣкотораго отношенія къ жизни доблестнаго малороссійскаго сотника духовное завѣщаніе одной изъ трехъ дочерей его, „Параскевіи Тупталовны“, которая пережила прочихъ сестеръ и была игуменіею кіевскаго юрданскаго женскаго монастыря. Это завѣщаніе ²⁾), которое мы здѣсь кстати приводимъ полностью, указываетъ на мѣстонахожденіе отческаго двора завѣщательницы и вообще рисуетъ обстановку кіевской монахини начала XVIII в. Текстъ его слѣдующій:

„Во имя Отца и Сына и святаго Духа. Аминь.

Я Параскевія Тупталовна, ігуменія монастыря юрданскаго, видячи себе ближшую ко смерти, неже ко животу, якъ на тѣлѣ скорѣлую, еднакъ же при разумѣ зуполномъ зостаючи, напрощъ поручаю себе милосердію Божому, а тѣло, якъ землю, землѣ и християнскому обиклому погребовѣ. И кого колвекъ чимъ когда

¹⁾ Сибирск. Сборн. М. 1845. Стр. 51—52.

²⁾ Акты юрданскаго монастыря въ библіотекѣ церк.-археол. муз. при кіевск. дух. академіи, по каталогу Петрова, № 216, літ. Ж., № 16.

въ житії оскорбила отъ мирского немирного пристрастія, отъ всѣхъ прощенія прошу и молю въ Богу превелебнаго господина отца ігумена святотроєцкаго кіевскаго, да по благоутробію своему позволить мѣстце въ церквѣ тѣлу моему грѣшному и изволить приняти до обители святой дворъ отческій власний близъ Притиского Николи стоячий, дабы за сie поминано душу мою грѣшну. Еще извѣстную послѣднимъ тестаментомъ, ижъ зостаю винна долгу до обители святой ѹорданской золотихъ сто, господину свято-константиновскому священнiku золотихъ сорокъ, старицѣ Ани зол. 20, наймиту золотихъ 10, уставницѣ таліровъ чотори, которіи довги, продавши раску песцову, луданомъ накритую, и раску соболюю, также луданомъ прикритую, и цѣны (цинковую посуду): полумисковъ деветъ, талірокъ шѣстьнадцать, сребраный роструханъ и кубочковъ два келейни мои и келю новую продавши, поотдавать повини. Келю, которая моя давная и въ которой умирзю, ись пекарнею и зовсѣмъ келейнимъ моимъ, полецаю, да и дитина моя съ ними, перебудеть до смерти; ложокъ одинадцять срѣбрныхъ на памятку сыну моему Іліи, до обители монастыря ѹорданскаго зол. 10, а такъ распорадивши, ись тихъ кубочковъ малихъ одинъ господину свято-константиновскому отдать всю диспозицію полецила келейнимъ моимъ и варую при семъ, абы сie остатная тестаментовая воля моя не была ни въ чомъ ни отъ кого нарушена, подъ неблагословенiemъ Божіимъ и подъ клятвою святихъ отецъ бывшихъ на соборѣ никейскомъ, а для большой вѣри, якъ неумѣючая писать, крестомъ святимъ ствержаю †. Еще келейнимъ и казанъ, що сукно чернять.

Сей тестаментъ писался въ Богу превелебного господина отца ігумена Кириловскаго Евстратія, при битности многихъ сестеръ и намѣсници въ товоремя Анфії року 1710 мѣсяца іюня дня 16, отъ мене иопа Григорія, попа святихъ и равноапостольнихъ царей Константина и Елени рукою власною.

А. Лазаревскій.

КУРТА*).

Сообщаемая пастушеская былина, подъ названіемъ *Курты*, еще отъ 60 годовъ получившая извѣстность отъ одного подолянина, любителя украинской народности, слышана мною въ урывахъ отъ разныхъ лицъ, въ разныхъ мѣстахъ и вариаціяхъ. Это самобытный и оригинальный памятникъ пастушескихъ былинъ, единственный, извѣстный мнѣ. Дѣлюсь имъ съ читателями „Кievской Старины“.. Трудно отыскать что либо лучше для представлениія живой картины и эстетического облика природы съ степнымъ пошибомъ, степнымъ миражемъ, который выражается въ словахъ: „онъ-де мріють“. Напѣвъ пѣсни въ высокой степени мелодичный и хватающей за сердце. Картина, передаваемая пѣснію, проста, но высоко поэтична. Жаркий полдень; изнуренный зноемъ и отсутствиемъ какихъ либо впечатлѣній пастухъ—чабанъ вздрогнулъ у могилы, а проснувшись не видитъ вокругъ себя ни своихъ овецъ, ни спутника одинокой своей жизни и стража стада—*Курты*. Кругомъ его безбрежная, какъ море, степь. Не на чёмъ глазу остановиться и лишь тамъ, гдѣ оканчивается горизонтъ, едва примѣтна „мрява“—игра палящихъ солнечныхъ лучей. Чабанъ окидываетъ истомленнымъ взоромъ степь, и подъ давленіемъ истомы и страха за участъ стада, обращается съ вопросомъ объ овцахъ къ орлу, что въ небѣ летаетъ, и вѣтру, что гуляетъ въ полѣ съ травою и въ морѣ съ волною, и тщетно выкликаетъ своего спутника. При воспоминаніи о вѣтре, въ его воображеніи живо рисуется такъ не сходная съ однообразною пастушескою бурной козачая жизнь и онъ вспоминаетъ недоброму Брюховецкаго и ласковымъ словомъ Кошеваго Сѣрка, то спрашивая объ овцахъ, то выкликая „Курту“. Напѣвъ этой части пѣсни глубоко заунывный и трогающей, особенно когда пѣніе сопровождается игрою на бандурѣ. Вотъ эта наибольшая часть пѣсни.

Ой ишовъ чабанъ горою
А курта йпла долиною!..

¹⁾ *Куртою* называется собака—овчарка, имѣющая короткій хвостъ. *Курта* или *куртка* значить и короткое, до пояса, одѣяніе; но въ какомъ случаѣ это слово, является собственнымъ и въ какомъ переноснымъ, решить трудно.

Пріп'єз...

Ня-ня, курта, ня!
А дежъ моі вівці!..

Сильдуетъ приправанье.

Ой заснувъ я на хвилинку,
А проснувся въ обідню годинку!
Ня-ня, курта, ня!..
Заснувъ чабанъ, заснувъ Степанъ,
Да не заснула курта,
Якъ кинется чабанъ-Степанъ,
А дежъ юго юрта!

Пріп'єз...

Ой я думавъ, що то вівці,
Ажъ то якісь, превражий синъ,
Да покопавъ кіпці!..

Пріп'єз...

Ой ты сизый орле,
Ты всюди літаешь,
И на горахъ и на скеляхъ спочиваешь,
Зъ высокости у ті бездны прозріваешь,
И гадюку и казюку—усе бачишь,
Чи не бачивъ моихъ овець?

Пріп'єз...

Ой ты, буйный вітре,
Ты всюди гуляешь,
И по степу ту ковылу,
Ту билыну знай гойдаешь,
Перекоти-поле—те качаешь,
И те море розбиваешь,
Сиві-гриви пидіймаешь,
И съ тимъ моремъ розмовляешь,
И ті чайки, мовъ ті стружки, розметаешь,
И ті люльки, ті бурульки роскуряешь,
Шапки на бікъ заломляешь,
И ті чубы розвіваешь,

Горде дубье нагинаешь,
Брюховецькихъ пидвертаєшъ
И насъ біднихъ вызволяешь,—
Чи не бачивъ моихъ овецъ?
Ня-ня курта, а дежъ мої вівці?

Ой зайду-жъ я на могилу,
Да на саму вершину
Да подивлюсь на долину,
А дежъ мої вівці!

Ой ты, батьку-Сірку,
Козацькій барвінку,
Та надівай шапку-бирьку,
Та вызволай чабана-товаринку.
Ня-ня курта-ня!...

Вдругъ издалека несется лай курты. Услыхавъ курту, Чабанъ, увидѣвъ отару, переходитъ изъ плачевнаго „завывання“ въ радостный порывъ, начинается танецъ, приграванье и припѣвъ „козачка“: ня-ня, курта, ня-ня, курта.

Онь де мріють,
Онь де вівці (2)
Ня, курта-ня
Ня, курта, ня!

Козачкомъ оканчивается эта оригинальная пѣсня-былина на томъ моментѣ, когда курта, какъ соучастникъ радости, появляется у ногъ своего хозяина.

Степанъ фонъ-Носъ.

ВОЗСТАНОВЛЕНИЕ ДРЕВНЕЙ ПАПЕРТИ КІЕВО-СОФІЙСКАГО СОБОРА.

Древнійша кіевская и всероссійская святыня—храмъ св. Софії, въ теченіі долгаго своего существованія, представлялъ постепенное отклоненіе отъ своего первоначального вида и только въ послѣднія сорокъ лѣтъ настало въ его судьбѣ обратное движение, далекое еще отъ полнаго его окончанія. Воздвигнутый въ 1036 году великимъ княземъ кіевскимъ Ярославомъ Мудрымъ, по образцу Софії цареградской, кіево-софійскій соборъ, въ теченіі вѣковъ, подвергался

много разъ наружнымъ и внутреннимъ передѣлкамъ, которая во многомъ измѣнили его древнее величие и красоту. Разновременно закрыты его наружные галлереи, обращенные въ паперти, закрыта была драгоценная фресковая стѣнопись подъ нѣсколькими слоями обыкновенной живописи, измѣнена и верхняя часть его сокрытіемъ однихъ, надстройкою другихъ куполовъ. Самый входъ въ соборъ и подходъ къ нему съ западныхъ или главныхъ дверей сильно измѣненъ. Не говоримъ о значительномъ его углубленіи въ землю, о множествѣ контрафосовъ, которые вызваны тяжелыми надстройками, но изъ которыхъ иные, на простой даже взглядъ, оказываются липкими и своею неуклюжестю закрываютъ и безобразятъ видъ древнѣйшаго нашего храма.

Уваженіе къ древности въ жизни народовъ наступаетъ не скоро и, развиваясь постепенно, служить показателемъ ихъ развитія. Подъ вліяніемъ этого чувства обратный ходъ въ исторіи софійского собора начался съ 40-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, когда, по повелѣнію императора Николая Павловича, приступлено было къ возобновленію собора для открытия и сохраненія его мозаики и фресковъ. Работы длились 10 лѣтъ, подъ наблюденіемъ академика Солнцева, и послѣдствіемъ ихъ было то, что теперь всякий, войдя въ храмъ св. Софіи, чувствуетъ себя въ храмѣ глубокой древности. Возстановленіе древняго наружнаго вида собора не входило въ планъ тогдашняго его обновленія, но уже тогда чувствовалась необходимость одного отступленія отъ обычая съдой древности, именно превращенія собора изъ холоднаго въ теплый, между прочимъ въ видахъ охраненія отъ сырости и порчи мозаическихъ и фресковыхъ изображеній. Было готово Высочайшее на то повелѣніе, но тогдашніе архитекторы не могли изыскать мѣста и способа для устройства отопленія: строить обыкновенные печи съ пробивкою трубъ въ стѣнахъ, представляющихъ, по свойству и давности постройки, сплошную окаменѣлую массу, было дѣйствительно невозможно, устроить калориферы въ фундаментахъ, при небольшой ихъ глубинѣ, также не нашлись. Никому не пришло тогда на мысль, что западная сторона собора отъ главнаго входа, сама по себѣ требовавшая исправленія по древнему фасаду, служить наиболѣшими для этой цѣли мѣстомъ. Здѣсь, какъ на съверной и южной сторонѣ, была паперть, или древнѣйшіе галлереи, которой продольная стѣна входила въ связь

съ такими-же стѣнами съверной и южной галлерей. Стѣна эта со сводами, скрѣплявшими ее съ соборомъ, или иначе западная паперть, обрушилась 6-го сентября 1625 г., во время запустѣнія собора въ рукахъ уніатовъ, длившагося 1610—1633 г. Митрополитъ Петръ Mogila, возвративъ православію св. Софію, очистилъ лишь мѣсто разрушенія и, закрывъ слѣды онаго, устроилъ на прилегавшихъ съ боковъ стѣнахъ и западной стѣнѣ собственно храма такія-же наружныя украшенія, какія были на стѣнахъ съверной и южной. Такимъ образомъ въ фасадѣ собора образовалось продольное углубленіе, впереди которого по обѣимъ сторонамъ выдвигались закрытые оконечности западной и южной паперей. Возстановить западную паперть пробовали еще въ XVII ст.—слѣды этого открыты теперь въ наружныхъ частяхъ какъ главной западной, такъ и боковыхъ стѣнъ; но плохая, какъ видно по остаткамъ извести, постройка снова рушилась и съ тѣхъ поръ мѣсто бывшей паперти оставалось до сего года пустымъ и едва-ли кто зналъ о существованіи онай. Слѣды неудачныхъ работъ закрыты были новыми наружными украшеніями поверхъ могилинскихъ, а вся подпольная часть паперти завалена была щебнемъ отъ обрушившейся постройки; въ позднѣйшее время площадь паперти отгорожена была желѣзною решеткою, существовавшею до 1843 г. и въ этомъ году разобранною.

Теперь такъ давно уничтоженная западная паперть, съ Высочайшаго соизволенія, возстановляется вновь, но не на старомъ, а на новомъ фундаментѣ, который углубляется до 5-ти аршинъ, вмѣсто трехъ. Это даетъ возможность устроить здѣсь, безъ всякаго опасенія для старыхъ стѣнъ, камеры для печей, посредствомъ которыхъ древнѣйшій напѣтъ соборъ въ первый разъ отъ времени своей постройки станетъ грѣваться. Тяжелое ощущеніе и гибельное влияніе производила температура въ соборѣ по промѣствіи зимы. Вѣточно входили въ глубокій, давно не открывавшійся погребъ, или ледникъ; на васъ вѣяло и холodomъ и сыростью. Далеко не всѣ посѣтители собора выдерживали такую атмосферу, почтенные-же предстоятели онаго платились нерѣдко здоровьемъ; сырость отзывалась на утвари, иконостасѣ и фрескахъ. Теперь всѣ эти невыгоды устраниются и соборъ подвинется еще на шагъ къ своему прежнему, хотя и не первоначальному, виду.

Само собою разумѣется, что при возстановленіи древней паперти сохраненъ будетъ прежній вѣнчаній ея видъ, и все наружные оной украшенія, за что ручается намъ археологическая опытность нынѣшняго настоятеля собора.

Съ начатиемъ работъ по возобновленію западной паперти собора признано нужнымъ въ южной стѣнѣ онаго открыть второй ходъ въ древней аркѣ, обращенной въ окно; при этомъ неожиданно на самой аркѣ открыты фресковыя изображенія двухъ святителей и такая-же большаго объема звѣзда. И такъ еще одна древность въ древнѣйшемъ храмѣ св. Софіи.

Пожелаемъ, чтобы кіево-софійскій соборъ на этомъ не остановился и сбросилъ съ себя еще нѣкоторыя, слишкомъ очевидныя и вовсе ненужныя наслоенія.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

с е н т я б р ь.

1882 г.

—

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайлівск. ул., собств. друкарь.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ III.

СЕНТЯВРЬ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 26-го августа 1882 года.

Ссыльные малороссияне въ архангельской губернії 1708—1802 г. *).

«Презъ незгоду всі пропали,
Сами себе звоёвали».

Дума Мазепы.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ мнѣ нѣсколько разъ приходилось бывать въ Архангельскѣ, и я пользовался кратковременнымъ пребываніемъ въ немъ для того, чтобы познакомиться съ мѣстнымъ центральнымъ архивомъ, состоящимъ при губернскомъ правленіи. Доступъ въ архивъ былъ для меня легокъ, благодаря просвѣщенному отношенію къ дѣлу губернаторовъ Арендаренка, Гартинга и кн. Гагарина.

Въ такъ называемомъ губернскомъ архивѣ въ Архангельскѣ собрано громадное количество дѣлъ, какъ нынѣ существующихъ въ губерніи присутственныхъ мѣстъ, такъ и давно упраздненныхъ, наприм. бывшой архангелогородской губернской канцеляріи, архангельского намѣстническаго правленія и др. Дѣла начинаются съ начала прошлаго столѣтія.

Разработкой губернского архива до меня никто не занимался. Послѣ меня разбиралъ дѣла и помѣщалъ болѣе интересныя изъ нихъ въ мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ такой-же случайный обитатель далекаго сѣвера, какимъ былъ и я, А. С. Голубьевъ, бывшій редакторомъ упомянутыхъ вѣдомостей. Въ послѣдніе годы,

*) Читано 3 февраля 1881 г. въ засѣданіи историко-филологическаго общества, состоящаго при харьковскомъ университѣтѣ.

какъ видно изъ научной хроники журнала „Древняя и Новая Россія“, дѣло разработки и обнародованія богатствъ архангельского архива принялъ на себя вице-губернаторъ Подысоцкій, который также помѣщалъ болѣе интересныя дѣла въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ.

Въ архангельскомъ архивѣ я успѣлъ познакомиться лишь съ отдѣломъ, заключающимъ въ себѣ дѣла бывшей архенгелогородской губернской канцеляріи. Этотъ отдѣлъ представляется очень много интересныхъ свѣдѣній для внутренней исторіи крайняго сѣвера. Здѣсь много дѣлъ, начиная съ царствованія Петра I-го, объ управлѣніи краемъ, о разнаго рода мѣстной промышленности: сельскомъ хозяйствѣ, морскихъ промыслахъ, кораблестроительствѣ, разработкѣ рудъ, торговлѣ, въ особенности заграничной, свѣдѣнія этого рода касаются, какъ состоянія промышленности, такъ и правительственно-ыхъ мѣропріятій объ улучшеніи промысловъ сѣвернаго края, о чемъ правительство заботилось уже съ начала прошлаго столѣтія. Много данныхъ, касающихся другихъ сторонъ внутренней жизни края, напримѣръ, о разбойничествѣ, которое тамъ принимало такие размѣры, что для уничтоженія его часто были отправляемы цѣлья команды солдатъ, съ которыми разбойники вступали въ открытый бой, о нападеніяхъ на русскихъ обитателей печорскаго края самоѣдовъ Карачеевъ, о частомъ нарушеніи пограничными жителями порубежнаго мира съ Швеціей и т. п. Исторія поземельнаго владѣнія, которое на отдаленномъ сѣверѣ имѣло своеобразный характеръ (тамъ всѣ сословія владѣли землей на правахъ собственности), могла-быть прекрасно разработана по многочисленнымъ материаламъ архива. Для исторіи знаменитаго поморскаго раскола, его распространенія и правительственно-ыхъ мѣропріятій противъ него также имѣется много данныхъ въ архивѣ; особенно большой интересъ представляютъ дѣла о самосожженіи раскольниковъ, которые цѣльми деревнями сожигали себя для того, чтобы избѣжать насилий со стороны правительства. Но наиболѣе всего интересенъ отдѣль такъ называемыхъ секретныхъ дѣлъ; онъ состоить изъ дѣлъ о ссылочныхъ и изъ производствъ „въ сказываніи слова и дѣла государева“. Въ архангельскую губернію въ прошломъ столѣтіи было сослано не мало извѣстныхъ въ исторіи личностей, и о некоторыхъ изъ нихъ сохранились разнаго рода производства; напримѣръ, по описямъ показаны дѣла о Степанѣ Лопуховѣ, кн. Семенѣ Щерба-

товъ, кн. Иванъ Долгорукомъ, кн. Мышецкомъ, Петръ и Иванъ Толстыхъ, коломенскомъ архіерѣ Игнатіѣ, воронежскомъ епископѣ Лаврентіѣ, о калмыцкихъ, кабардинскихъ и др. владѣтельныхъ лицахъ, польскихъ конфедератахъ и пр. Огромное количество дѣлъ, почти половина всего секретного отдѣленія, состоить въ производствѣ предварительныхъ дознаній по обвиненіямъ въ государственныхъ преступленіяхъ или, какъ тогда выражались, въ сказываніи слова и дѣла государева. Это адское слово раздавалось также и на крайнемъ сѣверѣ, какъ и въ остальныхъ частяхъ Россіи, и наводило ужасъ на мирныхъ обитателей. Быть можетъ тамъ его приходилось слышать еще чаще, нежели въ другихъ мѣстахъ, благодаря разнородному наплывному элементу на сѣверѣ. Стоило какому-нибудь негодяю, самому отверженному члену общества, произнести это слово на кого-бы то ни было, тотчасъ же хватали послѣдняго и вмѣстѣ съ доносчикомъ отправляли сначала въ архангелогородскую губернскую канцелярію для предварительного допроса, а цотомъ въ знаменитый преображенскій приказъ (впослѣдствіи тайную канцелярію). Тамъ, посредствомъ пытки, которая, по выражению Екатерины II-й, „есть надежное средство осудить невиннаго, имѣющаго слабое сложеніе и оправдать беззаконнаго, на силы и крѣпость свою уповающаго“, достигали результатовъ, какихъ нужно было инквизиторамъ. Большая часть доносовъ принадлежитъ солдатамъ, монахамъ, ссылнымъ и колодникамъ. Доносили они или на своихъ товарищахъ или на начальствующихъ и надзирающихъ лицъ. Побудительными причинами къ доносамъ чаще всего служили злоба, мщеніе, вслѣдствіе ссоры, строгаго обращенія начальствующихъ съ подчиненными, а иногда простое желаніе выйти изъ своего невыносимаго положенія. Въ тогдашнее время, когда общество отъ верху до низу было деморализовано покровительствомъ доносамъ, находились такія лица, въ особенности между ссылными, которыхъ нельзя было удержать отъ доносовъ никакими мѣрами. Конечно, менѣе всего можно ставить въ вину доносы заточеннымъ и колодникамъ, такъ какъ они дѣлали ихъ просто ради того, чтобы выйти изъ заточенія, хотя на короткое время воспользоваться свободой или, вѣрнѣе сказать, хотя на минуту увидѣть свѣтъ Божій. Неудивительно, если человѣкъ, посаженный на всю жизнь въ какую-нибудь земляную тюрьму, т. е. погребъ, употребить все усилия, чтобы по-

пользоваться кратковременнымъ измѣненіемъ своего положенія, если онъ даже знаетъ, что за этимъ можетъ послѣдовать самая смерть. Приведу примѣръ, взятый изъ дѣлъ архангельского архива:

По указу изъ преображенскаго приказа москвогорскаго монастыря, игуменъ Иоасафъ по розыскному важному дѣлу былъ посанженъ въ 1722 г. въ соловецкомъ монастырѣ въ крѣпкую тюрьму. Въ 1725 г. за ложный доносъ онъ снова былъ взятъ въ преображенскій приказъ, бить кнутомъ непощадно, а по учиненіи наказанія снова посланъ въ соловецкій монастырь. При отправкѣ внушиено ему, что если онъ будетъ впредь затѣвать ложные доносы, то ему будетъ учинена смертная казнь безъ пощады. Не смотря на это, онъ въ 1728 г. снова сдѣлалъ доносъ, снова посланъ въ преображенскій приказъ и затѣмъ снова возвращенъ въ соловецкій монастырь, съ предписаніемъ держать его неисходно подъ крѣпкимъ карауломъ и новыхъ его доносовъ не слушать.

Перечитывая описи секретныхъ дѣлъ и рассматривая самыя дѣла, я встрѣтилъ въ нихъ нѣсколько малороссійскихъ фамилій, и у меня явилась мысль собрать свѣдѣнія о своихъ соотечественникахъ, побывавшихъ на далекомъ сѣверѣ. Къ сожалѣнію оказалось, что нѣкоторые изъ дѣлъ о ссыльныхъ малороссіянахъ въ сороковыхъ годахъ были отосланы въ министерство внутреннихъ дѣлъ и только немногія уцѣлѣли. Пришлось пользоваться тѣмъ, что осталось. Собранныя изъ дѣлъ и описей свѣдѣнія пополнены по известнымъ печатнымъ источникамъ: Исторіи Малороссіи Бантышъ-Каменскаго, Маркевича и др. Такимъ образомъ составилась настоящая статья. Отрывокъ изъ нея (который здѣсь выпущенъ), касающійся заточенія въ соловецкомъ монастырѣ запорожскаго кошеваго атамана Кальнишевскаго, помѣщенъ въ журналѣ Русская Старина за 1875 годъ, № 11, подъ заглавиемъ: „Кальнишевскій, послѣдній кошевой Запорожской Сѣчи“.

Такъ какъ значительная часть малороссіянъ, сосланныхъ въ прошломъ столѣтіи въ архангельскую губернію, подверглась этому наказанію за политические доносы и даже нѣкоторые изъ нихъ не переставали заниматься сказываніемъ слова и дѣла государева въ ссылкѣ, то приходится предварительно сказать нѣсколько словъ объ историческомъ развитіи доносовъ въ Малороссіи, а затѣмъ уже

перейти собственно къ сообщенію свѣдѣній о ссыльныхъ малороссіянахъ въ архангельской губерніи.

Тотчасъ послѣ смерти Богдана Хмельницкаго въ Малороссіи начались интриги и борьба между старшиной за гетманскую булаву, и обнаружилось стремленіе гетмановъ возвратить Малороссію, вопреки волѣ народа, въ подданство Польши. Оба первые гетманы (Юрій Хмельницкій и Виговскій) преслѣдовали эту цѣль. Измѣна ихъ народному желанію вызвала междуусобіе въ Малороссіи и вторженіе въ нее войскъ, съ одной стороны польскихъ, съ другой московскихъ. Во время смуты, произведенной Виговскимъ и Юріемъ Хмельницкимъ, еще при жизни ихъ, явились новые искатели гетманства—слуга Юрія Хмельницкаго, Брюховецкій, затѣмъ Дорошенко, Нечай и Тетеря. Одинъ думалъ получить гетманскую булаву при посредствѣ запорожцевъ, другой подъ покровительствомъ турокъ, третій при содѣйствіи поляковъ и т. д. Все это происходило до андрусовскаго договора, по которому московское правительство раздвоило Украину, отдавъ, тоже вопреки волѣ малорусского народа, западную ея часть полякамъ. Раздвоеніе Украины вызвало одновременное появленіе ряда гетмановъ, какъ въ восточной, такъ и въ западной Украинѣ. Затѣмъ послѣдовало отдѣленіе части правобережной Малороссіи подъ покровительствомъ турокъ и появление сultанскихъ гетмановъ. Измѣны и борьба властолюбцевъ вызвали въ малороссіянахъ страсть къ доносамъ. Одни доносили на гетмановъ изъ преданности московскому правительству, другіе изъ своеокрыстныхъ видовъ; сначала доносы были справедливые, а потомъ расплодились и лживые. Доносителей на гетмана, говорить лѣтописецъ, подобрать было не трудно, ибо отъ частыхъ перемѣнъ гетмановъ и другихъ чиновниковъ завелось въ Малороссіи столько ябедниковъ, сколько было охотниковъ подхватить что либо въ пемѣнѣ, то есть въ мутной водѣ рыбу ловить ¹⁾.

На первого гетмана, Виговскаго, доносилъ московскому правительству полтавскій полковникъ Пушкарь, возставшій потомъ противъ Виговскаго съ оружіемъ въ рукахъ. Доность объ измѣнѣ Виговскаго былъ справедливый. Гетмана восточной Украины Много-

¹⁾ Маркевичъ II, 66, 298.

грѣшнаго, въ значительной степени умиротворившаго родину, сбросила съ уряда старшина и отправила въ Москву съ ложнымъ доносомъ, будто онъ имѣлъ тайное намѣреніе поддаться султану турецкому; въ числѣ доносчиковъ былъ и Иванъ Самойловичъ. Когда Самойловичъ сдѣлался гетманомъ, то на него было сдѣлано несколько доносовъ: первый—полковниками Дмитрашкомъ, Горленкомъ и Рославцемъ въ томъ, что будто онъ хотѣлъ измѣнить Россіи; въ пыткахъ эти лица признались въ ложности доноса и выдали заговорщиковъ. Второй доносъ былъ составленъ тайными кознями генерального есаула Мазепы; въ немъ участвовали генеральная старшина и многіе полковники; въ числѣ прочихъ лицъ и Василій Кочубей. Самойловича обвиняли во многомъ справедливо, но политическая сторона доноса оказалась лживою, наприм., будто гетманъ былъ причиною неудачнаго похода въ Крымъ кн. Голицына.

На гетмана Мазепу также были ложные доносы, первый, въ видѣ подложнаго письма, или „пашквиля“, приписанаго чернцу Соломону, второй — Данила Забѣлы; оба обвиняли Мазепу въ измѣнѣ. О второмъ доносѣ будетъ рѣчь впереди. Затѣмъ слѣдователь доносъ со стороны генерального суды Василія Кочубея и полтавскаго полковника Искры о намѣреніи Мазепы подчиниться полякамъ. Доносъ на этотъ разъ былъ справедливый, но побужденіемъ къ нему служила семейная обида.

Какъ извѣстно, Кочубей и Искра были казнены за доносъ, который слѣдователи признали лукавымъ. Соучастниками доносителей признаны: Иванъ Святайло, священникъ полтавской спасской церкви, бывшій въ родствѣ съ Искрой и вмѣстѣ съ тѣмъ духовникъ его и Кочубея, сынъ Святайла, также чернецъ Никаноръ, сотникъ полтавскаго полка и племянникъ Искры Петръ Кованько, писаря Кочубея и Искры (переписывавшіе доносъ) Колчицкій и Глуховецъ и восемь слугъ Кочубея и Искры. Изъ числа поименованныхъ лицъ священникъ Святайло, сынъ его и чернецъ Никаноръ отправлены были въ 1708 г. въ соловецкій монастырь съ повелѣніемъ никуда не выческать ихъ изъ монастыря; относительно Святайла приказано, если онъ пожелаетъ, постричь въ монахи. Остальные лица сосланы въ г. Архангельскъ съ тѣмъ, чтобы они были поверстаны въ солдаты или къ чему окажутся годными, по мнѣнію архангельского губернатора кн. Голицына. Замѣчательно

что Святайло и остальные лица были позабыты въ ссылкѣ, гдѣ они томились три года послѣ обнаружения измѣны Мазепы и лишь въ 1712 г. возвращены на родину, и то благодаря ходатайству рязанского митрополита Стефана Яворскаго¹⁾).

Это были первые ссылочные малороссіяне прошлаго столѣтія въ архангельской губерніи, по крайней мѣрѣ, насколько можно судить по историческимъ свѣдѣніямъ и по отсутствію дѣлъ о ссылочныхъ изъ малороссовъ въ архангельскомъ архивѣ ранѣе указанного года. Послѣ измѣны Мазепы появляются въ ссылкѣ уже не доносители, а сторонники Мазепы. Въ 1709 г. отъ Мазепы первоначально отстало 10 человѣкъ изъ генеральной старшины, полковниковъ и низшихъ урядниковъ; они явились въ Малороссію. Тамъ, по силѣ царскаго манифеста, они должны были лишиться жизни отъ рукъ палача, но Петръ I замѣнилъ смертную казнь ссылкою ихъ въ Сибирь и въ Архангельскъ. Изъ дѣлъ архангелогородской губернской канцеляріи видно, что въ числѣ лицъ упомянутой категории сосланы были въ Архангельскъ, между прочими, генеральный есаулъ Дмитрій Максимовичъ, сердюцкій полковникъ Яковъ Покотило и какой-то Дубяга. По всей вѣроятности, Дубяга—это бывшій съ 1668 г. наказной полковникъ миргородскаго полка, въ которомъ онъ замѣнялъ Данила Апостола во время малолѣтства послѣдняго, такъ какъ Апостоль былъ избранъ въ полковники за заслуги отца, будучи еще 10 лѣтъ отъ рода. Относительно полковника Якова Покотила мы не имѣемъ свѣдѣній. Но о Дмитріѣ Максимовичѣ мы наплы нѣкоторыя подробности, какъ въ архангельскомъ архивѣ, такъ и у извѣстнаго нашего писателя Максимовича. По этимъ извѣстіямъ Дмитрій Максимовичъ въ 1711 году былъ присланъ изъ Глухова въ Архангельскъ, гдѣ, по указу государя отъ 30 января 1713 г., опредѣленъ надсмотрителемъ коренной корабельной верфи, состоявшей подъ управлениемъ Федора Баженина; онъ отличался необыкновеній силой. Въ томъ же году присланы къ Дмитрію Максимовичу въ Архангельскъ сыновья его Федоръ и Иванъ. Изъ нихъ Федоръ въ царствованіе Елизаветы слу-

¹⁾ Маркевичъ. II, 441 п 541, Бантышъ-Каменскій, изд. 1822 г., ч. III, 32--119, IV, 43.

жилъ стародубскимъ полковникомъ и, подобно отцу, былъ чрезвычайный силачъ; Иванъ впослѣдствіи служилъ поручикомъ лейбъгвардіи измайловскаго полка и убитъ турками подъ конецъ Румянцевской войны¹⁾.

Въ 1712 г. въ архангельскую губернію отправлена вторая партія малороссіянъ, замѣшанныхъ въ измѣнѣ Мазеды, именно: батурина николаевскаго монастыря архимандритъ Гедеонъ Одорскій, монахъ Семенъ Остафьевъ, лохвицкій протопопъ Иванъ Рогачевскій и челядникъ архимандрита Одорскаго Иванъ Видковскій, родомъ изъ Черкасъ. Всѣ эти лица, по словамъ Бантышъ-Каменскаго, осуждены были къ ссылкѣ въ соловецкій монастырь²⁾.

Въ одномъ изъ дѣлъ архангельского архива находится слѣдующее извѣстіе о Рогачевскомъ: въ прошломъ 1712 году ноября 28 дня въ грамотѣ Его Царскаго Величества изъ приказу Малыя Россіи къ бывшему вице-губернатору писано: „по Его Великаго Государя указу посланъ съ Москвы исъ приказу Малыя Россіи къ городу Архангельску лохвицкій протоиоцъ Иванъ Рогачевскій и вѣльно его сослать отъ города Архангельскаго на житѣе въ соловецкій монастырь. Но Рогачевскій въ соловецкій монастырь не посланъ за зимнимъ временемъ, о чёмъ писано въ приказѣ Малыя Россіи. По Его Великаго Государя указу (1713 года апрѣля 12 дня) и по приговору бывшаго вице-губернатора Курбатова вѣльно ему Рогачевскому быть въ Архангельскѣ префектомъ во вновь учрежденныхъ школахъ“³⁾.

Авторъ историко-статистическаго описанія черниговской епархіи, архіеп. Филаретъ считаетъ Гедеона Одорскаго невиннымъ страдальцемъ. По его словамъ, Гедеонъ Одорскій былъ сначала ректоромъ кievской коллегіи, а за тѣмъ, съ 1695 по 1709 годъ, игуменомъ крупицкаго - батурина николаевскаго монастыря⁴⁾. При немъ

¹⁾ Марьевичъ, .II, 591; Бант.-Камен., IV, 29, Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1849 г., ч. 26.

²⁾ Бантышъ-Каменскій, IV, 43. Дѣло архангельского архива 1712 г. о ссылкѣ колодниковъ въ соловецкій монастырь, архимандрита Гедеона Одорскаго, монаха Семена и лохвицкаго протопопа Рогачевскаго, -- отправлено въ мин. вн. дѣлъ.

³⁾ Дѣло о протопопѣ Рогачевскомъ и Забѣлѣ 1721 г. по генеральн. описи подъ № 60,689.

⁴⁾ Монастырь этотъ находился при р. Сеймѣ въ 10 верстахъ отъ Батурина.

Мазепа, послѣ того какъ утвердилъ за монастыремъ всѣ древнія его имѣнія, универсаломъ марта 14-го 1708 г. отнялъ у монастыря въ Обмачевѣ 15 монастырскихъ крестьянъ на томъ только основаніи, что ко двору его понадобились служители, тогда какъ предшественникъ его, гетманъ Самойловичъ, людей для двора нанималъ. Вдѣбавокъ, во время шведской войны, когда Меньшиковъ страшно опустошалъ Батурина, разрушеніе коснулось и батуринского монастыря, въ которомъ были разрушены до основанія колокольня, настоятельскія и братскія кельи и гостинный дворъ. Архимандрита Гедеона обвиняли въ связяхъ съ измѣнниками Россіи и въ 1712 г. сослали въ соловецкій монастырь. „Какъ по отношеніямъ Мазепы къ монастырю, такъ и по самому послѣдствію обвиненія очевидно, что архимандритъ Гедеонъ пострадалъ невинно, какъ и монастырь, страдавшій за то только, что назывался батуриńskимъ; на все то была воля Меньшикова, и только“¹⁾). Интересно то обстоятельство, что въ монастырскихъ запискахъ относительно Одорского сказано, будто онъ „неизвѣстно куда скрылся“²⁾). Составитель записокъ, значитъ, или боялся сдѣлать даже указаніе на судьбу, постигшую игумена, или считалъ этотъ случай событиемъ чрезвычайно компрометирующемъ монастырь, такъ что нужно было о немъ умолчать.

Чрезъ семь лѣтъ послѣ ссылки протопопа Рогачевскаго и архимандрита Одорскаго въ Архангельскъ появляется бунчуковый товарищъ Данило Васильевичъ Забѣла, сынъ генерального хорунжаго Василія, внукъ генерального обознаго Петра Забѣлы, слѣдовательно лицо изъ велико-панской семьи. Данила Забѣлу можно считать типомъ тогдашнихъ доносчиковъ и сутягъ, а потому остановимся долѣ на этой интересной личности, пользуясь для ея характеристики, какъ указаніями нашихъ историковъ, такъ и дѣлами архангельскаго архива.

Данило Забѣла явился въ началѣ 1699 года въ Москву, гдѣ, обнадеженный Борисомъ Петровичемъ Шерemetевымъ, представилъ ложный доносъ на Мазепу, будто-бы тотъ выслалъ съ умысломъ къ крымцамъ своего канцеляриста Нетрика, опустошившаго въ

¹⁾ Историко-статистич. описание Черниг. епархія. Черниговъ. 1873 г. кн. III, стр. 286.

²⁾ Черниг. Губ. Вѣд., 1852 г. № 3. Матеріалы для мѣстной старинны П. Л.

1692 г. съ татарами Малороссію, и, намѣреваясь измѣнить Россіи, имѣлътайныя сношенія съ ханомъ. По желанію Мазепы и по повелѣнію Петра, доносчикъ отправленъ былъ къ гетману въ Батурина и, спрошенный въ войсковомъ судѣ, показалъ, что онъ говорилъ въ Москвѣ о гетманской измѣнѣ пьяный, безъ разума и памяти, не имѣя никакихъ наставниковъ. Когда его вели къ пыткѣ, онъ произнесъ: „меня погубила надежда на Шереметева“. По словамъ историка, „велѣли его взять на встряску, на которой съ полчаса будучи повѣщенъ, тоже говорилъ, что и передъ встряскою, потомъ отпущенъ былъ на землю на четверть часа, снова поднять идержанъ нѣсколько времени, гдѣ, вошія крикомъ великимъ, тѣже повновлять рѣчи“. По постановленію суда, Забѣла былъ лишенъ всего имѣнія и приговоренъ къ смертной казни, по Мазепа освободилъ его отъ казни, приказавъ до времени держать его подъ карауломъ. Такъ говорить Бантышъ-Каменскій о судьбѣ Забѣлы. Маркевичъ-же полагалъ, что Забѣла томился въ неволи 26 лѣтъ (т. е. до 1724 г.) и что по неизвѣстной причинѣ позабыли о немъ въ то время, когда замыслы гетмана обнаружились. По предположенію Маркевича причиной предохранительной неволи Забѣлы было то обстоятельство, что отобранные отъ него Мазепой имѣніе досталось потомъ Анастасіи Марковнѣ Марковичевой и гетману Скоропадскому, который былъ женатъ на ней и которому было невыгодно освободить Забѣлу и въ его пользу отобрать села у своей жены. Слова Маркевича относительно двадцатишестилѣтнихъ страданій Забѣлы въ неволѣ за доносъ на Мазепу не вѣрны, но то, что захвативши его имѣнія старались удержать ихъ въ своихъ рукахъ, справедливо, хотя и не относится къ одной Марковичевой¹⁾.

Въ 1710 г. мы видимъ Забѣлу свободнымъ и ходатайствующимъ о возвращеніи ему имѣній. 30 сентября упомянутаго года гр. Гаврило Головкинъ писалъ къ Скоропадскому по поводу Забѣлы: „Прошедшаго августа 30 дня писалъ я къ вельможности вашей о Даниилѣ Забѣлѣ, что челобитье его о нѣкоторыхъ маєностяхъ, особливо-жъ о селѣ Клишкахъ, было недѣльно, безъ всякихъ крѣпостей и явныхъ доводовъ, того для ему отказано и велѣно съ Москвы выслать на Украину. Нынѣ-же прїѣзжалъ тотъ шаленой

¹⁾ Маркевичъ II, 351; Бант. Камен. III, 40.

сюда и хотѣлъ еще о томъ-же докучать; но сколь скоро онъ здѣсь явился, взявъ его я передъ себя, гораздо за то словами наказывать, дабы онъ болѣе о томъ недѣльномъ своемъ запросѣ не докучать и, пригрозя ему гораздо, сказалъ, чтобъ онъ жилъ на Украинѣ подъ региментомъ вашей вельможности спокойно, велѣлъ его за городъ вывесть, такожъ и къ Москвѣ писать, чтобъ изъ Москвы его выслали немедленно на Украину¹⁾.

Только въ 1719 г. Забѣла появился въ ссылкѣ въ г. Архангельскѣ. Въ одномъ дѣлѣ архангельского архива сказано, что „1719 году генваря 3 дня по грамотѣ Его Императорскаго Величества изъ Петербурга изъ государственной посольской канцеляріи черкасъ Данило Забѣла присланъ къ г. Архангельскому на вѣчное житѣе за лживое его доношеніе на Его Царское Величество подданнаго, войска обѣихъ сторонъ гетмана Ивана Ильича Скоропадскаго, и велѣно его поставить въ солдатскую слободу за присмотромъ офицеровъ, чтобы онъ оттуда никуда не сѣхалъ²⁾). Неизвѣстно, како го рода доносъ былъ сдѣланъ на Скоропадскаго, но что Забѣла не оставлялъ своей страсти къ политическимъ доносамъ, видно изъ его дальнѣйшей практики этого рода въ ссылкѣ. Въ 1721 г. Забѣла написалъ слѣдующее письмо архангельскому вице-губернатору Ладыженскому:

„Вельможный господинъ, господинъ губернаторъ Петръ Евениловичъ, мой премилостивѣйшій господине, и особливый добродѣль.

Презентую о семъ вельможности вашей, добродѣви моему, ижъ терпѣлемъ я, якъ-бы можно знести до сихъ временъ, отъ Рогачевскаго попа, якыи другой певне въ злости на свѣте не взыщетца, и чи не ехидника токмо отъ рожденія. Я въ правдѣ словармъ Дмитрея Максимовича, Дубяги и протчимъ не вѣрилемъ, что говорили также злѣйшаго человѣка нѣть на свѣтѣ: „лютый и злый есть діаволъ, але Рогачевскій еще лютѣйшій“; чего я теперь самъ дознаlemъ. Лучилось мнѣ бити апрѣля 15 въ дому Якова Матвѣевича, подъячаго, на обѣдѣ, и презъ цѣлной обѣдѣ все мнѣ досаждаль ноганими слови, якіе не могу и выписати, а то ненавидячи за то, что зазванъ тутъ-же и я былъ кушать, а найпаче якъ врагъ

¹⁾ Материалы для отеч. истории, Суденко. К. 1855 г. т. II, 160.

²⁾ Дѣло о протопопѣ Рогачевскому и о Забѣлѣ 1721 г., № 60, 689.

ненавидяй добра, въмѣ, же за мою вѣрность Царскаго Величества, на мя такъ повсталъ. Гдѣ былъ и Покотило зъ своею женою, и порвался было до мене Рогачевскій бить за единый людской грѣхъ, а то все надѣючись на то, что за нимъ всѣ стали, яко единомысленники на мене единаго, и я сказалемъ ему: „знаты, вороже царскій и всего воинства, за що ты имѣешь печать на своихъ племянахъ и разве хощешь сиѣ своеи погибели, когда тебѣ того не довѣрять“? И Рогачевскій припомнилъ мнѣ проклятого Мазепу, и за тое Яковъ Матвѣевичъ подъячій и всѣ на мене обурилися за проклятого Мазепу и за ворога государева Рогачевскаго; сопхаль мене зъ избы своей Яковъ Матвѣевичъ подъячій. И радъ бимъ вѣдать, откуду воля имъ есть такая дана, что хтѣли мене убить; чому и Покотило змѣйникъ помогалъ. И когда-бы было разсужденіе у Якова подъячаго, чтобъ ему за дѣло мене за ворога царскаго безчестити и что за дѣло, зъ кватери перезавши, въ себѣ такого ташкого подзорного человѣка Рогачевскаго, ворога царева, въ себе держать и кормить, отъ чего бѣгаютъ мудрые люди. О чомъ доношу вельможности вашей, добродѣви, вѣдати и на разсужденіе себѣ въ такъ невиновѣдимыхъ и незноснихъ моихъ плачливихъ обидахъ полагаю, понеже всякому надѣ здоровье нѣчого нѣть милѣйшаго; гди-жъ и такъ мало здоровья имѣю, вѣрно ради мои прислуги Царскому Величеству. Въ чомъ пропу покорне оборони, дабимъ безвременно не пострадалъ отъ непавидящихъ мя правды ради и вѣрности своего Монархи, понеже и здѣсь невозможно прожить мнѣ, яко вѣрну рабу Государеву. Довлело-бы сихъ злобъ, что якъ живый зосталемъ зъ голодъ и холодъ и премногихъ неизреченыхъ досадъ и безчестія, что единому Богу оеѣрую. Нинѣ на ваше милосердіе себе отдаючи, прошу, дабы неукротимый тотъ, аки змій лютъ, наказанъ былъ и позналъ себе, аки овцу смиренну; понеже не смишивши онаго ворога царева, можетъ онъ якъ отмстити, теди вѣдаючи наасъ вѣрныхъ работъ, хощетъ на наасъ поискати, когда таковимъ не будетъ страха и наказанія. О що и повтори при доземномъ моемъ чолобитю прошу о разсужденіи. Нижайшій рабъ и всѣхъ благъ желатель, Данило Забѣла; писалъ своею рукою 1721 года, іюля 5 дня.

Того-же года и дня архангелородскому вице-губернатору, лейб-гвардіи капитану Петру Ефимовичу Лодыженскому малороссіецъ

Данило Забѣла словесно объявилъ: прошедшаго юна мѣсяца 28 дня, въ навечеріе святыхъ верховныхъ апостоловъ Петра и Павла, у города Архангельскаго въ соборной церкви во всеоющное пѣніе стоячи въ той церкви, посадской человѣкъ Василій Ивановъ сынъ Дунинъ сказывалъ ему Забѣлѣ: ссылкой де протопопъ Иванъ Рогачевскій говорилъ ему Дунину: „нашъ де Мазепа святъ и въ небѣ будетъ, а вашъ государь не будетъ въ небѣ“, да въ то-же всеоющное бдѣніе онъ-же Дунинъ ему, Забѣлѣ, сказывалъ, что де онай протопопъ Рогачевскій государя нашего проклинаетъ и онъ де Дунинъ его Рогачевскаго хотѣль бить и за волосъ дратъ и его де, Дунина, того Рогачевскаго бить и за волосъ дратъ не допустили, и тѣ-де его, Дунина, все слова слышалъ присланной зѣ дежныхъ дворовъ подьячій Петръ Никитинъ сынъ Егорковъ, а ежели онъ, Забѣла, въ семъ словесномъ извѣтѣ сказалъ ложно, и за то-бѣ указалъ ему Забѣлѣ Великій Государь учinitъ смертную казнь. Къ подлинному словесному чelобитью Данила Забѣла руку приложилъ“.

Началось дознаніе. На допросахъ холмогорецъ, посадскій человѣкъ Василій Дунинъ показалъ, что дѣло было на соловецкомъ подворы у стряпчаго соловецкаго монастыря Ивана Патракѣва, въ присутствіи ссылочаго донскаго казака Василія Поздѣева. На слова его, Дунина, что у насъ Мазепу проклинаютъ, протопопъ Рогачевскій отвѣталъ: „онъ, Мазепа, погребенъ честно архимандритомъ; кающихся Богъ приемлетъ“; болѣе-же ничего не говорилъ Рогачевскій. Въ соборной церкви, во время всеоющнаго пѣнія, при бытности подьячаго Петра Егоркова, онъ Дунинъ, будучи шьянъ, указывалъ на Забѣлу и говорилъ: это-де мазеповщина, протопопъ де Рогачевскій говорилъ, что Мазепа нашъ святъ и въ небѣ будетъ, а вашъ государь не будетъ въ небѣ. Егорковъ подтвердилъ слова Дунина такимъ образомъ: онай Дунинъ, указывая на Забѣлу, говорилъ: „это-де мазеповщина; протопопъ-де Рогачевскій сказываетъ въ церкви къ людямъ поученіе и людей учить, а самъ доброго не чинить и за Государя нашего Бога не молитъ, а Мазепу называетъ святымъ и говорилъ-де онъ, Рогачевскій, что де онъ Мазепа умеръ въ волоской земли и погребенъ честно архимандритомъ и въ небѣ будетъ, а вашъ государь не будетъ въ небѣ“. Патракѣвъ далъ такой отвѣтъ, что онъ въ то время, о которомъ

идеть рѣчъ, былъ рѣзанъ и отъ того рѣзанья былъ скорбенъ и поэтому не помнить, были-ли у него Рогачевскій и другое и о чёмъ они говорили. Казакъ Поздѣевъ также отозвался, что онъ неоднократно заходилъ къ Патракѣву во время его болѣзни, заходили тоже Рогачевскій и другое, но все-ли вмѣстѣ или порознь, того онъ не помнить и ничего не слыхалъ. На основаніи указа 1719 г. апрѣля 15, велѣно всѣхъ чиновъ людей и колодниковъ, оказывающихъ слово и дѣло о государевомъ здоровыи, чести, бунтѣ или измѣнѣ, заковавъ руки и ноги въ кандалы, присылать въ преображенскій приказъ подъ крѣпкимъ карауломъ. Вслѣдствіе этого, Рогачевскій, Забѣла и Дунинъ были отправлены въ приказъ въ оковахъ при одномъ капраѣ и десяти солдатахъ, вооруженныхъ ружьями¹). Дальнѣйшая судьба Рогачевскаго неизвѣстна, но Забѣла снова былъ возвращенъ въ Архангельскъ. На этотъ разъ уже ему самому пришлось испытать на себѣ послѣдствія доносовъ.

Въ слѣдующемъ, 1722 году, колодникъ Григорьевъ, судившійся за мошенничество, въ архангельской земской канцеляріи въ колоднической избѣ объявилъ, что онъ, будучи у рудокопателя Лодыгина, слышалъ отъ Забѣлы, какъ тотъ говорилъ ему, что знаетъ измѣну, а за кѣмъ и какая измѣна, того онъ Забѣла не выговорилъ; Забѣла оправдывался, что хотя онъ у Лодыгина дѣйствительно былъ, но обѣ измѣнѣ ничего не говорилъ, и ссылается въ томъ на свидѣтелей. Тѣмъ не менѣе онъ, вмѣстѣ съ Григорьевымъ, снова былъ отправленъ въ Москву въ тайную канцелярію, для розыска²).

Послѣ выдержанія узаконенныхъ пытокъ, Забѣла оправдался. Это видно изъ того, что въ 1724 году онъ былъ уже на свободѣ и началъ розыскивать конфискованныя у него за доносъ на Мазепу имѣнія, для чего подалъ въ судъ десять челобитень. Изъ этихъ челобитныхъ оказывается, что одни изъ бывшихъ его имѣній были отданы въ монастыри, другія брату его Ивану, села-же Евминка, Красуля, Рудковка и Бурки находились во владѣніи гетмана, а селомъ дѣда его Подгребія, Малою Красиловкою, завладѣли кiev-

¹) Дѣло о протопопѣ Рогачевскомъ и о Забѣлѣ 1721 г. № 60689.

²) Дѣло о посылкѣ москвитина Алексія Григорьева и черкашенина Даниила Забѣлы 1722 г., № 43.

скаго полка полчане. Но добиться возвращенія имѣній для Забѣлы было крайне трудно, такъ какъ каждый старался ихъ удержать за собой. Черезъ пять лѣтъ послѣ первыхъ челобитенъ, именно въ февралѣ 1729 г., послѣдовала высочайшая грамота на имя гетмана, въ которой предписывалось, чтобы гетманъ велѣлъ разсмотрѣть челобитныя Забѣлы въ генеральномъ войсковомъ судѣ, при разсмотрѣніи которыхъ „для доказательства быть сыну его Ивану, понеже онъ Забѣла обрѣтается здѣсь“, и по изслѣдованіи учинить рѣшеніе по указамъ и по малороссійскимъ правамъ. Но дѣло плохо двигалось, какъ можно судить изъ того, что подобныхъ первой царской грамоты было послано еще двѣ: одна 29 ноября 1730 г., другая 25 января 1732 г. Чѣмъ кончились всѣ эти тяжбы, намъ неизвѣстно, такъ какъ въ материалахъ для отечественной исторіи, изданныхъ Судіенкомъ (II, 160), изъ которыхъ заимствованы приведенные свѣдѣнія, дальнѣйшихъ указаній не имѣется.

Въ 1721 г. въ ссылкѣ является новая личность, писарь изъ Лубенъ, Захарій Петровичъ Шатока. Приговоромъ правительствующаго сената 1721 г. рѣшено: Захару Шатокѣ за неправые его о великихъ дѣлѣхъ доношенія вмѣсто смерти учинить казнь—вырѣзать языкъ и сослать въ ссылку въ соловецкій монастырь въ заточеніе въ короженскую тюрьму вѣчно, безвыходно, за крѣпкимъ присмотромъ; бумаги и чернилъ ему не давать. Въ грамотѣ же изъ иностранной коллегіи архимандриту соловецкаго монастыря Варсонофію отъ 10 июня 1721 г. предписано: „ежели онъ, Шатока, сидя въ тюрьмѣ, станетъ кричать и сказывать за собою какое наше государево слово и дѣло, и такихъ произносимыхъ отъ него Патоки словъ не слушать, для того, что онъ Шатока, доносиль о многихъ великихъ и важныхъ дѣлахъ, а потомъ предъ сенатомъ повинился, что то все затѣялъ напрасно, и показалъ онъ при томъ о себѣ, какъ и другіе о немъ при слѣдованіи дѣла показали, что онъ человѣкъ сумасбродный и многажды бываетъ въ безпамятствѣ и говоритъ то, чего и самъ не знаетъ, и для того онъ, по приговору сенатскому отъ смертной казни освобожденъ, и когда онъ по совершеніи дѣла приведенъ былъ къ казни и при томъ, паки крича, сказывалъ за собою великія дѣла, но того у него, по приговору сенатскому, ради вышеписанного же его сумасбродства и ложныхъ доношеній не принято; ежели-жъ приключится ему, Шатокѣ, какая

болѣзнь и смерть или и безъ того, когда онъ пожелаетъ, велѣть его священнику по христіанскому закону исповѣдывать и по до-
стоинству сообщать святыхъ таинъ, а когда умреть, погресть, гдѣ
пристойно⁴. Черезъ три года послѣдовалъ доносъ соловецкаго мо-
наха Дамаска, что Патока ему сказывалъ и хотѣлъ объявить Его
Императорскому Величеству о злоумышленномъ дѣлѣ на здоровье
Его Императорскаго Величества. Вслѣдствіе этого изъ преображен-
скаго приказа присланъ указъ допросить „гетманскаго генерального
писаря“ Патоку и, если онъ объявить слово и дѣло, прислать въ
приказъ. При допросахъ содержащейся въ корожной башнѣ Па-
тока показалъ, что онъ не генеральный писарь, а писарь изъ Лу-
бенъ, а съ соловецкимъ монахомъ никакихъ словъ не говоривалъ,
только 8 февраля послѣ святых литургіи кричалъ всенародно слово
и дѣло, именно о измѣнѣ и бунтѣ на господь графа Гавріила Ива-
новича Головкина и барона Петра Шафирова и того же дня то-жъ
слово и дѣло кричалъ въ трапезѣ, а какое слово и дѣло, то явить
самому Императорскому Величеству¹). Дальнѣйшая судьба Патоки
неизвѣстна.

Въ дѣлѣ Патоки весьма интересно первое опредѣленіе сената.
Съ какой стати сенатъ, признавъ Патоку за человѣка сумасброд-
наго, впадавшаго часто въ безпамятство, распорядился отрѣзать
ему языкъ и посадить его въ самую ужасную тюрьму, корожен-
скую башню, при чемъ велѣль не слушать произносимаго имъ
слова и дѣла государева. Не раскрывалъ ли Патока передъ сенатомъ
какой либо тайны относительно гр. Головкина и барона Ша-
фирова и другихъ высокопоставленныхъ лицъ, о чёмъ онъ заявилъ
впослѣдствіи. Заявленіе Патоки объ измѣнѣ Головкина и Шафи-
рова служить нѣкоторымъ подтвержденіемъ предположенія мало-
россійскихъ историковъ, что эти особы знали о подготовлявшейся
измѣнѣ Мазепы и вообще дѣйствовали въ интересахъ этого гетмана,
будучи имъ подкуплены. Не къ нимъ-ли относятся слова доноса
Кочубея и Искры, что „кто-то изъ близкихъ государственныхъ секре-
тарей и князя Александра Даниловича ему (Мазепѣ) о всемъ цар-
ственномъ поведеніи доноситъ, и, если о семъ (т. е. доносѣ)увѣ-

¹) Дѣло о ссыльномъ черкашинѣ Патокѣ, который содержится въ соловецкомъ монастырѣ въ тюрьмѣ, 1724 г., № 84.

даются, тотчасъ дадутъ ему знать". Къ нимъ могли относиться и предсмертныя слова Мазепы: „нехай одинъ я буду безталаннымъ, а не многіе, о якихъ вороги мои мабуть и не мыслили, або и мыслить не сміли: злая доля усе переиначила для невідомого конця¹⁾). Очень можетъ быть, что Патока, въ качествѣ канцеляриста, могъ въ свое всемя имѣть какія либо свѣдѣнія и документы, касающіяся измѣны Мазепы и пособничества ему Головкина и Шафирова. Вѣдь, по словамъ доноса Коубея и Искры, болѣе другихъ зналъ всѣ тайны заговора Мазепинъ писарь (Орликъ), потому что чрезъ его руки шла вся гетманская переписка, равно какъ и о доносѣ Коубея и Искры, не смотря на всю таинственность дѣла, знали ихъ писаря, Кожницкій и Глуховецъ, просто потому, что переписывали доносъ. Такжѣ случайно могъ узнать тайны мазепинскаго заговора, при участіи русскихъ знатныхъ особъ, и Патока. По всей вѣроятности, этому несчастному былъ отрѣзанъ языкъ для того, чтобы онъ не разглашалъ извѣстныхъ ему тайнъ. Но этого инквизиторамъ нельзя было достигнуть вполнѣ, такъ какъ Патока все-же не потерялъ возможности выговаривать слова. Что лица, которымъ отрѣзывали языкъ, сохраняли иногда способность выражать свои мысли, доказывается примѣромъ графини Анны Бестужевой. Бестужева, будучи сосланной въ 1743 г. въ Якутскъ, за участіе въ заговорѣ объ избраніи императоромъ Ивана Антоновича, говорила такъ вразумительно, что вполнѣ можно было понимать ее, не смотря на то, что у ней былъ отрѣзанъ конецъ языка²⁾.

¹⁾ Маркевичъ II, 407, 506.

²⁾ Это указаніе паходится въ статьѣ И. Сельского: «Ссылка въ восточную Сибирь замѣчательныхъ лицъ», помѣщенной въ 8 номерѣ Русскаго Слова за 1861 г. Въ указанной статьѣ, между прочимъ, сообщаются довольно интересныя свѣдѣнія о жизни въ ссылкѣ малороссіянъ, бывшихъ гетмановъ Многогрѣшнаго и Самуиловича и другихъ лицъ, стр. 4, 7, 8, 25 и 26. Кстати привести здѣсь нѣсколько словъ, помѣщенныхъ въ газетѣ «Грудъ» въ № 3-й за 1881 г. о малороссіянахъ, попавшихъ въ старые годы въ Вятку. Между малороссіянами, пребывавшими въ вятской губ., выдавался особенно Петро Дорошенко, бывшій гетманъ, высланный въ Вятку на воеводство и пробывший тамъ около двухъ лѣтъ (1681—1683). Просилъ онъ постоянно объ освобожденіи, но просилъ лишь переводъ въ ярославскую губ., где и былъ надѣленъ землею. Но особенно памятенъ въ исторіи Вятки былъ воспитанникъ кіевской академіи, епископъ Лаврентій Горка (1733—1737), переведенный туда изъ Рязани, «за нѣкія продерзости», какъ сказано въ указѣ. Это былъ первый насадитель «школьнаго ученія» въ вятской странѣ.

Послѣ Чатоки является въ ссылкѣ монахъ кіево-печерской лавры Досифей. Какъ видно изъ дѣлъ архангельского архива, Досифей былъ присланъ въ генварѣ 1755 г. на жительство въ сійскій монастырь. За что его сослали,—не известно; но можно думать, что за доносы, такъ какъ онъ, не пробывъ въ ссылкѣ и одного мѣсяца, сдѣлалъ политическій доносъ на малоумнаго холмогорца, а въ октябрѣ того-же года кричалъ слово и дѣло государево на своихъ собратій, двухъ монаховъ сійскаго монастыря. Для ознакомленія съ канцелярской перепиской тогдашняго времени по политическимъ дѣламъ между архангелогородской губернской канцеляріей и канцеляріей тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, приводимъ представленіе первой о доносѣ Досифея.

„Сего 1755 года, октября 6 дня, въ присланномъ въ архангелогородскую губернскую канцелярію съ троицкого антоніева сійскаго монастыря отъ намѣстника Германа Яковleva да отъ казначея іеродіакона Мойсея доношеніи написано: присланной въ тотъ сійской монастырь изъ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ въ генварѣ мѣсяцѣ сего 1755 года кіево-печерской лавры бывшій іеромонахъ Досифей въ неисходное изъ того монастыря до кончины живота его жительство сего октября 3 дня кричалъ слово и дѣло государево по второму пункту, а за кѣмъ знаетъ, того не объявилъ. А оной іеромонахъ Досифей присланъ при томъ доношениі, а въ губернской канцеляріи въ секретномъ распросѣ оной Досифей показалъ: сего октября 3 дня въ поминутомъ сійскомъ монастырѣ онъ, Досифей, слово и дѣло государево по второму пункту кричалъ и знаетъ то слово и дѣло государево того-жъ сійскаго монастыря за іеромонахами Аарономъ и Арсеніемъ, а Арсеній объявилъ за ростригою Федоромъ да за монастырскимъ служителемъ Яковомъ Бишкаромъ, а оное слово и дѣло знаетъ онъ касающеся до персоны Ея Императорскаго Величества, котораго обстоятельно здѣсь объявить невозможно, а услышалъ онъ, Досифей, то слово и дѣло отъ іеромонаха Аарона іюля 24 числа, а отъ іеромонаха-жъ Арсенія сентября 2 да 8 чиселъ сего 1755 г., а за другими-же за кѣмъ онъ, Досифей, какъ по первому, такъ и по второму пунктамъ, слова и дѣла не знаетъ и за собою не имѣеть, и по тому его, Досифееву, показанію Яковъ Башкиръ сысканъ у города Архангельскаго, а іеромонахъ Ааронъ и Арсеній и рострига Федоръ взяты

въ сійскомъ монастырѣ и чрезъ нарочную посылку привезены въ губернскую канцелярію. А по состоявшемуся въ прошломъ 1730 году апрѣля 10 дня указу, по первому пункту велѣно доносителей и объявителей въ великихъ дѣлахъ, которые въ секретныхъ распросахъ скажутъ, что знаютъ и доказать могутъ по первому пункту, то ихъ самихъ и на кого они доносятъ и единомышленниковъ ихъ братъ и подъ крѣпкимъ карауломъ присыпать въ правительствующій сенатъ, а по пятому пункту содержащихся колодниковъ и каторжныхъ невольниковъ и ссылочныхъ въ ссылки велѣно, ежели въ секретныхъ распросахъ такія дѣла показывать будутъ по первому пункту, по силѣ указу 1726 года іюля 12 дня, прежде пытать и буде съ указныхъ трехъ пытокъ въ томъ утвердятся, то ихъ самихъ и на кого говорить будутъ, за крѣпкимъ карауломъ присыпать въ правительствующій сенатъ. А по указу изъ бывшаго преображенского приказу 1727 года при распросахъ и розыскахъ о важныхъ словахъ, имянно высматривать не велѣно и хотя вышеписанный ссылочный, бывшій іеромонахъ Досифей, въ сійскомъ монастырѣ показанное слово и дѣло государево и объявляя по второму пункту и о томъ съ первого уведомленія болѣе двухъ мѣсяцовъ, а со втораго и третьяго чрезъ мѣсяцъ и умѣдлить, но въ губернской канцеляріи въ секретномъ распросѣ о томъ словѣ и дѣлѣ точно показалъ и изъяснилъ касающееся по первому пункту, котораго де здѣсь обстоятельно и объявить ему невозможно. И для того онъ, Досифей, и сійского монастыря іеромонахи-жъ Ааронъ и Арсеній и рострига Федоръ и монастырской служитель Яковъ Башкиръ, на которыхъ онъ, Досифей, показанную важность объявляетъ, скованы въ ножныхъ и ручныхъ желѣзахъ посланы въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ при семъ доношениі подъ крѣпкимъ карауломъ. А хотя-жъ, по силѣ указу 1730 года, апрѣля 10 дня, по пятому пункту ссылочнымъ и велѣно въ сказываніи по первому пункту слова и дѣла следовать пыткою, а вышеписанной іеромонахъ Досифей числится ссылочнымъ, точію онъ монашескаго чина еще не лишенъ; къ тому-жъ и показанную важность онъ, Досифей, объявляетъ такую, которой ему здѣсь и объявить не возможно. И за тѣмъ губернская канцелярія съ нимъ, Досифеемъ, въ силу того пятого пункта такимъ образомъ, какъ въ ономъ напечатано, поступить и не можетъ. А по указу прошлаго 1727 года изъ быв-

шаго преображенского приказа о такихъ важностяхъ точно выспрашивать не велѣно, а онъ, Досифей, по первому въ нынѣшнемъ 1755 году въ февраль мѣсяцѣ на холмогорца малоумнаго Василя Еремѣева доносу о такой-же важности прежде въ губернской канцеляріи, а потомъ и въ тайной канцеляріи чрезъ свидѣтелей доказалъ, и за тѣмъ и нынѣ по его, Досифееву, доносу здѣсь никакого произвожденія чинить и не надлежитъ. А за оными, обице съ другими колодниками, посланы въ конвоѣ архангелогородскаго гарнизона солдаты, которымъ въ одинъ путь отъ города Архангельска на одинадцать подводъ даны прогонныя деньги“.

Интересна инструкція, данная прaporщику, сопровождавшему этихъ колодниковъ: „Съ оными колодниками ѿхать тебѣ отъ города Архангельскаго до С.-Петербургга денно и ноцно со всякимъ скорымъ поспѣшеніемъ, не мѣшкавъ нигдѣ ни за чѣмъ ни одной минуты, и, будучи въ пути, ихъ между собою не соединять и ничего ни съ кѣмъ говорить ихъ не допускать, бумаги, черниль та-ко-жъ и никакихъ принадлежащихъ къ человѣческому погубленію орудій, яко-то: топора, ножа, вилокъ, шила, иглы, крестовъ съ гойтанами, пуговицѣ, запонокъ, перстней и веревокъ, чѣмъ могутъ себя умертвить и прочаго, та-ко-жъ и хмѣльного питья и ничего въ руки не давать, и о томъ посланнымъ при нихъ караульнымъ солдатамъ накрѣпко приказать, и самому тебѣ и унтер-офицеру повсегда надзирать, пищу ихъ самому тебѣ напередъ отвѣдывать, и чтобы въ рыбѣ и мясѣ, въ протчей тому подобной пищѣ костей не было; найпримѣрнѣше тебѣ того смотрѣть, чтобъ они съ дороги никакимъ вымысломъ убѣжать не могли, а фузей и штыки у конвойныхъ солдатъ взять и содержать тебѣ у себя въ телѣгѣ, только-бъ они шпаги однѣ обнажа крѣпко въ рукахъ держали“¹⁾...

Въ 1765 году въ соловецкій монастырь присланъ былъ, не извѣстно за что, подъ видомъ безумнаго, малороссиянина Антонъ Любимскій. О немъ я нашелъ въ черниговскомъ архивѣ слѣдующее повелѣніе Екатерины 2-й гетману Кирилу Разумовскому отъ 2 июня 1764 г.

¹⁾) Дѣло по доношенію троицкагоantonіева сійскаго монастыря отъ намѣстника іеромонаха Германа, при которомъ присланъ бывшій кіевопечерской лавры іеромонахъ Досифей. 1755 г., № 11.

„Графъ Кирила Григорьевичъ.

Малороссіяца Антона Любимскаго извольте отправить въ малороссійской межигорской монастырь съ тѣмъ, дабы онъ, по усмотрѣнному въ немъ поврежденію ума, отнюдь ни въ Великой, ни въ Малой Россіи не патался, а жилъ-бы неисходно и пищею довольноствованъ быль безъ всякаго утѣсненія въ томъ монастырѣ. Что касается до его одеждъ, извольте выдавать ему изъ скарбу малороссійскаго по пятидесяти рублей на годъ, и при томъ прикажите смотрѣть накрѣпко, чтобъ онъ не имѣлъ при себѣ никакого орудія, которымъ-бы вредъ себѣ могъ причинить; чего ради и везти его до того монастыря подъ надежнымъ присмотромъ“.

Вскорѣ Любимскій былъ перевезенъ въ соловецкій монастырь. Въ вѣдомостяхъ о секретныхъ соловецкихъ колодникахъ за 1780 годъ противъ его фамиліи стоитъ лишь отмѣтка: „1775 года марта 6 дня, по имянному Ея Императорскаго Величества, и по прислан-ніемъ изъ учрежденной о церковныхъ имѣніяхъ комиссіи и изъ кол-легії экономіи и изъ святѣйшаго правительствующаго синода послушномъ (?) указѣхъ малороссіянца Автонія Любимскаго велѣно со-держать, яко безумнаго, неисходно и предосторожность имѣть, дабы онъ и себя и кого другого какимъ орудіемъ не повредилъ и не допускать его имѣть бумаги, чернилъ и до письма“.

Стѣны соловецкаго монастыря заключали въ себѣ въ теченіі 25 лѣтъ (съ 1776 по 1801 г.) еще одного малороссіянина, на этотъ разъ личность выдающуюся въ исторіи юга, именно послѣд-няго кошеваго атамана Запорожской Сѣчи, Петра Калнишевскаго. Въ упомянутой ранѣе моей статьѣ о Калнишевскомъ, напечата-ній въ „Русской Старинѣ“ за 1875 г., помѣщены народныя преданія объ этомъ кошевомъ, записанныя мною отъ крестьянъ с. Ворзогоръ, у Бѣлаго моря, архивныя свѣдѣнія объ отправкѣ Калнишевскаго въ соловецкій монастырь, отысканныя мною въ архангельскомъ ар-хивѣ и документы о причинѣ ссылки Калнишевскаго, разыскан-ные, по моей просьбѣ, въ архивѣ соловецкаго монастыря, гг. Гоз-даво-Тышинскимъ и П. И. Чубинскимъ. Здѣсь-же, для полноты настоящей статьи, считаю нужнымъ сказать лишь нѣсколько словъ о положеніи Калнишевскаго въ заточенії. Калнишевскій, какъ извѣстно изъ исторіи, заключенъ быль въ соловецкій монастырь не за собственную вину, а за то собственно, что былъ представите-

лемъ запорожского войска, отжившаго свой исторический вѣкъ. Калнишевскаго содержали безвыходно много лѣтъ въ маленькомъ, сыромъ, холодномъ и полутемномъ чуланѣ въ одной изъ каменныхъ башенъ монастырской стѣны; впослѣдствіи ему было отведено лучшее помѣщеніе, рядомъ съ поварней. Не смотря на свое долговременное ужасное заточеніе и на свою глубокую старость (онъ умеръ 112 лѣтъ отъ рода), Калнишевскій не потерялъ умственныхъ силъ, какъ то было съ большинствомъ заключенныхъ. Безвыходно заточенные обыкновенно или вскорѣ умирали, или, по словамъ крестьянъ, дѣлались *блаженными*, т. е. сходили съ ума, или впадали въ идиотизмъ, и тогда жили долго. Слова крестьянъ на счетъ послѣдняго обстоятельства подтверждаются ежегодными вѣдомостями архимандритовъ о монастырскихъ узникахъ прошлаго столѣтія. Въ нихъ противъ многихъ фамилій заточенныхъ стоятъ отмѣтки, въ родѣ слѣдующихъ: „находится въ несовершенномъ умѣ, въ разстроенныхъ мысляхъ, скорбенъ умомъ“ и т. п.

Въ вѣдомостяхъ о колодникахъ соловецкаго монастыря за 1802 годъ встрѣчается еще фамилія одного малороссіянина—Саввы Сирскаго. О немъ сказано, что Сирскій первоначально содержался въ шлиссенбургской крѣпости, а въ іюнѣ 1801 г. препровожденъ въ соловецкій монастырь при указѣ святѣшаго синода, а за что—не дано знать. Присланъ онъ „для содержанія въ числѣ послушниковъ и употребленія въ монастырскихъ послушаніяхъ, которыхъ нимало не можетъ по немолодымъ своимъ лѣтамъ носить. Но по причинѣ учиненного имъ къ побѣгу изъ монастыря покушенія, для отвращенія и впредь такового, содержится по силѣ указа свят. синода въ вѣдомствѣ и за стражею здѣшняго воинскаго начальника, впрочемъ, находясь въ несовершенномъ разумѣ и разстроенныхъ мысляхъ, жизнь свою препровождаетъ скромно и спокойно“.

Въ мой перечень внесены не всѣ малороссіяне, томившіеся въ прошломъ столѣтіи въ неволѣ на далекомъ сѣверѣ. Какъ можно думать, были тамъ и многіе другіе. Такъ, въ описи черниговскаго архива, упоминается подъ 1717 годомъ о Яковцѣ Михайленкѣ, который бѣжалъ изъ ссылки изъ обители соловецкихъ чудотворцевъ, а въ описи уничтоженныхъ дѣлъ архангельскаго архива—о гайдамакахъ, поверстанныхъ въ солдаты, въ архангельскій гарнизонъ.

П. Ефименко.

Еще по поводу народной пѣсни: о взятии Торческа, или же Азова? *)

Въ іюльской книжкѣ „Кiev. Старины“ помѣщена статья А. И. Стоянова: „Южно-русская пѣсня о событиї XI вѣка“, въ которой авторъ пріурочиваетъ пѣсню, напечатанную въ Сборникѣ чумацкихъ пѣсень И. Я. Рудченка подъ № I, въ четырехъ варіантахъ, ко взятію половцами Торческа въ 1093 году. Такое пріуроченіе онъ основываетъ на совпаденіи многихъ чертъ лѣтописнаго разсказа объ этомъ событии и мѣстнаго о немъ преданія съ отдѣльными мѣстами пѣсни, преимущественно по двумъ приводимымъ имъ варіантамъ, изъ которыхъ второй до сихъ поръ не былъ извѣстенъ въ печати '). Здѣсь-же указаны и другія мнѣнія о значеніи этой пѣсни: одно г. Рудченка, видѣвшаго въ ней весьма древнія бытовыя черты торговли мѣхами и мѣновой торговли, и второе, г. М. Т—ова („В. Евр.“, 1877 г., кн. III), о великорусскомъ происхожденіи пѣсни, составляющей перефразировку прозаического сказанія о взятіи доццами Азова, которому должна была отвѣтить великорусская пѣсня, до сихъ поръ никѣмъ не записанная. А. И. Стояловъ полагаетъ (стр. 94), что поводомъ къ послѣднему мнѣнію послужило упоминаніе въ одномъ изъ варіантовъ пѣсни о плѣ-

*) См. «Кiev. Старина», іюль, стр. 81; августъ, стр. 362.

') Варіантъ изъ с. Вел. Спітники васильков. у. почти буквально совпадаетъ съ вар. Б. у г. Рудченка, помѣщеннымъ «Васильковъ», и былъ сообщенъ мною издателю чумацкихъ пѣсень; я даже полагаю, что это онъ и есть, а различія произошли только при перепискѣ и корректурѣ не подъ глазами издателя. Отсюда и пропускъ существенно важного примѣчанія пѣвица, указанного въ статьѣ г. Стоянова, которое находилось и въ моемъ спискѣ.

неніі, при взятіі разбойниками Азова, „молодыхъ черкесочекъ“. На самомъ-же дѣлѣ, такое мнѣніе, по болѣе вѣскимъ соображеніямъ, было высказано первоначально мною, въ 1874 году, въ рецензіи на Сборникъ г. Рудченка, причемъ я, конечно, отрицалъ всякую возможность *перефразирооки* донского сказанія въ малорусскую пѣсню, а только указывалъ на ихъ замѣчательный параллелизмъ.

При этомъ мнѣніи я остаюсь и теперь, а потому и долженъ вновь повторить свои доводы, затерянные въ старой газетной статьѣ, и дополнить ихъ нѣкоторыми новыми данными. Къ этому обязываетъ меня какъ давнишнее сотрудничество съ А. И. Стояновымъ по занятіямъ малорусской этнографіей, о которомъ съ такой теплотою упомянулъ мой почтенный другъ, такъ еще болѣе—стремленіе къ исторической истинѣ, хотя мнѣ на этотъ разъ, по совѣсти, очень больно отрѣшиться отъ мысли о существованіи въ нашей современной пѣсенности прямыхъ слѣдовъ историческихъ событий до-татарского периода. Въ видахъ такого разрѣшенія вопроса, которое въ отношеніи данного случая должно-бы быть окончательнымъ, мнѣ придется разсмотрѣть каждое изъ положеній, высказанныхъ въ концѣ статьи г. Стоянова.

Прежде всего замѣчу, что г. Рудченко, интересуясь въ пѣсняхъ преимущественно ихъ бытовою стороною, и потому принимая ихъ въ слишкомъ буквальномъ и современномъ смыслѣ, независимо отъ ихъ историческихъ наслоеній, важное значеніе которыхъ указано г. Стояновымъ (стр. 94—95), принялъ въ своемъ Сборнике основнымъ варіантомъ—искаженный и съ полузыбытымъ концомъ. Г. Стояновъ считаетъ столь-же искаженными и остальные варіанты этого Сборника, а наиболѣе цѣльнымъ—обнародованный имъ самимъ, —изъ м. Василівщины васильковскаго уѣзда. Не отрицаю важности этой редакціи, особенно ея послѣдняго стиха, я нахожу, однако, гораздо болѣе первообразнымъ списокъ М. А. Кропивницкаго изъ с. Григорьевки елисаветградскаго уѣзда. Въ общемъ онъ очень близокъ къ василівщинскому, но отличается отъ него существенно важною чертою: въ послѣднемъ снарядившихся купцами бурлакъ грабить въ Азовѣ орда, а въ григорьевскомъ—сами они грабить Азовъ, соотвѣтствуя этой „ордѣ“ (мы увидимъ ниже, какому историческому факту соотвѣтствуетъ и это упоминаніе объ ордѣ, т. е. татарахъ). Кромѣ того, здѣсь указываются подробности снаряженія

бурлакъ, изъ котораго видно, что число ихъ значительно превышаетъ число купеческихъ возовъ, т. е. они сами пользуются послѣдними для скрытнаго входа въ городъ, подъ видомъ товара, что поясняется спискомъ Н. И. Костомарова, примѣчаніемъ пѣвца къ снитинскому варіанту и той именно подробностью преданія о Торческѣ, гдѣ оно расходится съ лѣтописью; въ спискѣ-же василівщинскомъ ея нѣтъ. Поэтому, прежде всего необходимо возстановить здѣсь варіантъ изъ Григорьевки, полный текстъ котораго таковъ:

1. Ой що то за крячокъ
2. Надъ моремъ крякае,
3. Гей и що жъ то за бурлакъ
4. Молодцівъ збирає:
5. — „А збірайтесь, хлопці,
6. Да ѹ все народъ майстерный,
7. Да ѹ зробимо, братця,
8. Півтораста мы возівъ,
9. Да начепимъ-начепимъ
10. Півтораста мы яремъ,
11. Да возьмемо, братця,
12. По семеро молодцівъ,
13. А по восьмому, братця,
14. За-для кашоварости,
15. А по дев'ятому, братця,
16. За-для осторожности,
17. А по десятому, братця,
18. Щобъ волыки поганявъ.
19. Та поїдемо мы, братця,
20. Ажъ въ той городъ у Азовъ;
21. Та ѹ займемо мы місця
22. По широкимъ улыцямъ,
23. Да поставляемъ возы
24. У три ряды у шкадронъ.
25. Ой выйдутъ до насъ, выйдутъ
26. А два купці-молодці,
27. А спытають насъ, братця,
28. Що за товаръ у возахъ?

29. А мы скажемо, братця,
30. Що въ насъ товаръ дорогий:
31. Все лысыці та куныці
32. Та чорные соболі“:

33. Гей учора изъ вечора
34. Такий приказъ oddали,
35. А такъ якъ о півъ-ночі—
36. Азовъ-городъ узяли.
37. Ой выйшовъ да выйшовъ
38. А знать бурлакъ—сильно пребагать,
39. А крикнувъ вінъ покрикнувъ
40. Своімъ громкимъ голосомъ:
41. „Ой збрайтесь, хлопці,
42. Всі молодці на судно,
43. Та беріте-грабуйте—
44. Кому чого надобно:
45. Гей кому срібла, а кому злота,
46. Кому суконъ дорогихъ,
47. А кому мало, недостача,—
48. Черкесочекъ молодихъ“.

Перехожу теперъ къ изложенію Сказанія о взятії донскими козаками Азова, помѣщенаго въ 3-й книжкѣ „Чтеній моск. общ. ист. и древностей“ за 1864 годъ, все содержаніе котораго и многія мельчайшія подробности поразительно совпадаютъ съ приведеною пѣснію. Сказаніе это слишкомъ обширно, чтобы приводить его цѣликомъ, и я ограничусь краткимъ, но точнымъ пересказомъ его, приводя подлинникомъ тѣ мѣста, которые имѣютъ существенное значеніе для цѣли настоящей статьи. Замѣчу, что сказаніе мѣстами носитъ слѣды искаженій, языкъ его вовсе не современенъ событию, а по меньшей мѣрѣ на цѣлое столѣтіе позднѣе, признаки чего указу ниже; разсказу о взятії Азова предшествуетъ эпизодъ о захватѣ турецкихъ судовъ.

„Въ лѣта благочестиваго государя-царя и великаго князя Михаила Феодоровича, всея Россіи самодержца,—начинается сказаніе, —собравшееся военное вольное козачество изъ городовъ на тихой Донъ, атаманъ у нихъ былъ Нижнаго Новгорода, что на Волгѣ

рѣкѣ, Наумъ Васильевичъ. Въ нѣкое время азовскій паша, по на-
шему воевода, отъ турскихъ бояръ, отдае въ замужество дочь
свою за крымскаго хана, а по нашему ихъ царя старчева (т. е.
старшаго). И тотъ азовскій паша, нагрузя четыре буса (судна)
живота, отпустилъ на оныхъ дочь свою по Дону къ крымскому хану
Старчеву (sic), а провожатыхъ съ нею послалъ семьсотъ человѣкъ¹.
Узнавъ объ этомъ, атаманъ съ товарищи изготовили легкіе струги,
помолились Ioанну Предтечѣ и Николаю Чудотворцу и отправи-
лись въ числѣ четырехсотъ человѣкъ на добычу. „На Дону оста-
вили для обереженія сто человѣкъ, да чернаго попа Серапіона,
который къ нимъ пришелъ изъ Астрахани отъ архиепископа Ма-
карія, по нѣкоей винѣ случившейся“. Изъ засады въ камышѣ на-
пали добычники на турецкіе „бусы“, овладѣли ими и перебили
всѣхъ бывшихъ тамъ турокъ и татаръ, кроме дочери паши и ея
прислужницъ, а тогда всю добычу перевезли на Донъ сухимъ пу-
темъ на лошадяхъ. Паша выкупилъ свою дочь съ ея „дѣвками“,
давши козакамъ драгоцѣнностей на десять тысячъ рублей. Козаки
отослали всю добычу въ Астрахань и обмѣняли на русскіе товары.

Потомъ они собрались въ кругъ и стали совѣтовать о новомъ
предпріятіи: какъ-бы Азовъ городъ взять. И держали рѣчъ атаманъ
Наумъ Васильевичъ и есаулъ Иванъ Федоровичъ: „Разумно гово-
рите, козаки вольные, молодцы добрые! Какъ градъ Азовъ возь-
мемъ? Сдѣлаемъ стотридцать телѣгъ и покроемъ ихъ кожами крас-
ными и черными, и во сто телѣгъ положимъ по малу числу това-
ровъ, а въ тридцать¹) телѣгъ по четыре человѣка козаковъ съ
ружьями и русскими товарами... И начаша готовити телѣги, и по-
ложили въ тридцать телѣгъ по малу русскихъ товаровъ и по че-
тыре человѣка“. Изготовившись такимъ образомъ, „по совершеніи
молебнаго пѣнія, съ тихова Дону пошли ко Азову граду, и взяли
съ собою честныя иконы, и не доходя до Азова за день, стали въ
камышникѣ и начали думать, какъ-бы Азовъ взять“. Атаманъ рас-
порядился такимъ образомъ: „къ каждой телѣгѣ приставиль по

¹⁾ Это мѣсто исказано: далѣе говорится, что изъ телѣгъ въ Азовѣ вышло
четыреста козаковъ; следовательно, распределеніе телѣгъ изложено здѣсь пре-
вратно: товарами должно быть запято тридцать, а засадою сто, что и болѣе соот-
вѣтствуетъ характеру употребленій хитрости.

человѣку, а триста человѣкъ снарядилъ въ хорошее нѣмецкое платье и заготовилъ листъ къ азовскому пашѣ или коменданту, въ коемъ написано: Изъ астраханского царства отпущены товары съ торговыми людьми въ турецкую землю, въ городъ Азовъ. И козаки другими именами назывались, и о товарѣ на нѣсколько тысячъ объявили, таможенной откупѣ за печатью атамана написали, и противу того точную копію списали, въ самую же полночь пошли со всѣмъ обозомъ къ Азову“.

Встрѣченные нѣсколькими тамошними охотниками, козаки подарили имъ по три бѣлки и просили извѣстить въ городъ о своемъ прибытии. Когда донесли обѣ этомъ пашѣ, онъ послалъ восемь человѣкъ для опроса пріѣзжихъ и осмотра ихъ товаровъ.

„Татары и турки, видя на козакахъ платье долгое торговое“, спрашивали письма изъ астраханского царства отъ тамошняго воеводы и просили показать товаръ. Атаманъ велѣль развязать десять возовъ, въ которыхъ оказались: „котлы, порохъ, свинецъ, укладъ, холсты, сукна, добрые соболи, лисицы и бѣлки“. Козаки дали подарки досмотрщикамъ и заявили, что такой-же товаръ и въ остальныхъ возахъ, кромѣ двухъ, гдѣ хранятся дорогие подарки для папи. Узнавъ обѣ этомъ и видя, что даже досмотрщикамъ подарено по дорогой лисицѣ въ пять рублей, паша разрѣшилъ впустить мнимыхъ купцовъ въ городъ, куда они и вѣхали по заходженію солнца (т. е. на второй день по отходѣ изъ стана въ камышникѣ).

„И турки поставили ихъ на гостинной дворѣ, сказавъ имъ, чтобы товары вносили въ лавку; а козаки просили до утра оставить, а завтра, сказали, осмотримъ и перепишемъ, а оной товаръ просушимъ, и тогда въ лавки сносимъ“. Получивши согласіе турокъ, атаманъ, по требованію папи, отправляется къ нему съ „письменнымъ видомъ“ и несетъ въ подарокъ три сорока соболей, почему и встрѣчаетъ самый ласковый пріемъ. Уходя отъ папи, атаманъ говорить слугѣ его: „завтра принесу ему другіе подарки, чтобы у нашихъ возовъ караула не было, понеже мы опасныхъ людей сего города не боимся“. По докладу слуги „паша караулъ стоять не велѣль“, и козаки, поужинавъ, затворяютъ ворота гостинаго двора на запоръ, „и мало пріумолкли“.

Тогда атаманъ велѣль развязывать телѣги, и изъ нихъ выпло четыреста козаковъ. Ихъ тоже накормили, а потомъ собрались всѣ

въ кругъ. Атаманъ велѣль козакамъ раздѣлиться на партіи для одновременного нападенія въ разныхъ направленіяхъ, а самъ пошелъ ко двору паши; „у возвѣже оставили чернаго попа Серафіона и съ нимъ десять человѣкъ, чтобы помолились Богу и святымъ угодникамъ Іоанну Предтечѣ и Николаю Чудотворцу“. На турокъ напали врасплохъ, началась рѣзня, продолжавшаяся съ полуночи до разсвѣта: „и всѣхъ турокъ, и татаръ, и старыхъ бабъ побивали, а молодыхъ женокъ и дѣвокъ къ себѣ взяли“.

Число убитыхъ было такъ велико, что едва за два дня успѣли вывезти трупы ихъ въ море. „Молодыхъ-же ребятъ, женокъ и дѣвокъ и со всѣхъ домовъ имѣніе собравъ, начали дѣлить, и подѣлу на каждого козака досталось по три человѣка, а живота по двѣ тысячи рублей да по четыре коня. И взявъ съ собою иконы, несона посредъ града съ псалмопѣніемъ, и украсиша ихъ сребромъ и златомъ“.

Поселились затѣмъ козаки въ Азовѣ, „стали жить въ домахъ и создали церковь деревянную во имя Іоанна Предтечи и Николая Чудотворца и послали въ Астрахань къ архиепископу Макарію, чтобы даль имъ на освященіе церкви архимандрита, попа и діакона и антиминсъ. Преосвященный Макарій послалъ попа бѣлаго, и діакона, и антиминсъ, и грамоту, да живутъ тамъ въ Азовѣ. И многіе козаки на турчанкахъ женились, и въ христіанскую вѣру приведены (т. е. турчанки). Пронесошся о семъ вѣсть въ русскихъ странахъ и городахъ, и много людей къ нимъ въ Азовъ пришло, и собралось ихъ до пяти тысячъ человѣкъ“.

Изъ приведенного здѣсь краткаго изложенія Сказанія видно, что и само оно возбуждаетъ нѣкоторыя сомнѣнія. Изложеніе его крайне неровно: языкомъ мѣстами, какъ въ первой рѣчи атамана, рассказъ объ избіеніи азовскихъ турокъ и дѣлѣжѣ добычи,— вполнѣ соответствуетъ эпическому складу народныхъ преданій; въ другихъ мѣстахъ, церковнославянскіе обороты и повсемѣстное упоминаніе о религіозно-обрядовыхъ подробностяхъ, какъ о попѣ Серафіонѣ, молебствіяхъ, псалмопѣніи послѣ побѣды, перенесеніи и украшеніи иконъ, созданіи церкви и посыпкѣ въ Астрахань за духовенствомъ для нея и антиминсомъ,—заставляютъ думать, что слагателемъ его, или по крайней мѣрѣ первымъ списателемъ, было лицо духовное; наконецъ, употребленіе такихъ словъ, какъ комен-

даннѣ, копія, письменный видъ, упоминаніе о нѣмецкомъ платѣ у торговыхъ людей и т. под., служить указаніемъ, что напечатанная редакція Сказанія принадлежитъ свѣтскому грамотью и никакъ не старѣе второй четверти прошлаго столѣтія, а можетъ быть—и гораздо новѣе. Примирить эти противорѣчія можно единственno только предположеніемъ, что Сказаніе первоначально существовало въ видѣ народнаго преданія или даже и пѣсни, затѣмъ, подобно преданіямъ древнѣйшаго периода нашей исторіи, было облечено въ письменную форму какимъ нибудь книжникомъ изъ духовенства, и наконецъ подвергалось передѣлкамъ со стороны свѣтскихъ переписчиковъ. Насколько вѣрно такое предположеніе, покажетъ отчасти дальнѣйшій анализъ Сказанія.

По отношенію собственно къ нашей пѣснѣ, Сказаніе представляетъ замѣчательныя совпаденія, до полнаго тождества. Относительно мѣстности, изъ пяти извѣстныхъ вполнѣ варіантовъ Азовъ упоминается въ двухъ, равно какъ въ цитатѣ діда Омелька покойному П. И. Ревякину и въ „верзяканы“ солдата на Переяславской пристани; въ остальныхъ трехъ варіантахъ упоминаются „Ростовъ“ и „Щучинъ“,—мѣстности, тоже близкія къ Азову. Въ пѣснѣ подъ видомъ товара ввозятся въ городъ „буrlаки“, по Сказанію—вольные козаки. Въ перечисленіи товаровъ тамъ и здѣсь одинаково говорится о лисьихъ и собольихъ мѣхахъ, которые, по Сказанію и согласно всѣмъ историческимъ свидѣтельствамъ, служать предметами подарковъ, а показываютъ товары, въ приведенномъ здѣсь и костомаровскомъ спискѣ, по требованію мѣстныхъ городскихъ купцовъ, въ Сказаніи—азовскихъ досмотрщиковъ. Въ послѣднемъ варіантѣ „купецъ“ открываетъ рогожи съ возовъ, стоящихъ по темнымъ улицамъ, и тамъ открываются „добрі молодці“; примѣчаніемъ пѣвца къ лишенному окончанія снитинскому варіанту поясняется иносказательный смыслъ его послѣдняго стиха о „продажѣ“ товара, состоящаго изъ „козаковъ“; въ григорьевскомъ прямо излагается результатъ такой продажи: взятіе и разграбленіе Азова, какъ и въ Сказаніи. Далѣе, тамъ и здѣсь идетъ раздѣлъ добычи, въ составѣ которой входятъ и молодыя „черкесочки“, а въ обнародованномъ А. И. Стояновымъ спискѣ прямо сказано „туркені“,—турчанки Сказанія. Замѣчу, что предполагать здѣсь переходъ звука о въ у, туркеня вмѣсто торкеня, впрочемъ очень обыкновен-

ный въ Киевщинѣ, мы имѣли-бы право только тогда, когда-бы не было въ виду указанія на правильность записанной формы. Въ малорусской рѣчи туркеня именно и значить турчанка:

А на тому кораблі
Сидить турчинка изъ туркенею.

Установивъ, такимъ образомъ, тождество нашей пѣсни и Сказанія, или, вѣрнѣе говоря, происхожденіе ихъ изъ одного общаго источника, необходимо затѣмъ, для точности изслѣдованія, разрѣшить слѣдующіе вопросы:

Весьма возможно, что существовало въ народѣ общее преданіе обѣ особомъ видѣ военной хитрости для взятія города, напоминающемъ троянского коня, которое затѣмъ и пріурочивалось къ мѣстнымъ случаемъ, хотя-бы въ дѣйствительности такая хитрость и не въ каждомъ изъ нихъ употреблялась. Пріурочить ее однаково могло Сказаніе къ Азову, какъ и Омелько къ Торческу. Если, поестественному, отыщется достовѣрное историческое событие, къ которому пріурочивается безъ натяжекъ Сказаніе, а слѣдовательно и наша пѣсня, то слѣдуетъ разсмотрѣть, въ какой мѣрѣ обстоятельства этого события допускаютъ возможность дѣйствительного употребленія при немъ упомянутой военной хитрости.

Во вторыхъ, если на предыдущій вопросъ и получится утвердительное решеніе, то необходимо еще указать путь, какимъ могла распространиться въ приднѣпровской Малороссіи пѣсня о событии, имѣвшемъ мѣсто на отдаленномъ отъ нея Юговостокѣ.

Царствованіе Михаила Федоровича, къ которому само себя относитъ Сказаніе, было эпохой наибольшаго, какъ кажется, развитія удальства козаковъ по отношению къ ихъ магометанскимъ сосѣдямъ; и донцы, и запорожцы громили ихъ въ ту пору пуще всего. Оставляя въ сторонѣ послѣднихъ, представимъ краткій перечень набѣговъ донцовъ на турокъ и ихъ владѣнія. Въ 1622 г. они ограбили въ устьяхъ Дона шедшіе въ Азовъ турецкіе караваны. Въ 1623 г. они взяли турецкій корабль близъ Керчи, а затѣмъ напали на ногайцевъ и нанесли имъ большой уронъ, захвативъ много женщинъ, дѣтей и животинъ. Въ 1626 г. донцы овладѣли монастыремъ Иоанна Предтечи недалеко отъ Цареграда. Въ 1628 году, послѣ неудачнаго похода подъ Трапезунтъ, ограбили и сожгли

Карасу и Манкупъ въ Крыму. Въ 1630 г. ими былъ разгромленъ Синопъ. Въ 1633 г. на двадцати пяти стругахъ сдѣлали набѣгъ на Кафу, а потомъ захватили Иконію. Въ 1634 г. донскіе козаки рѣшились напасть на такую сильную крѣпость, какъ Азовъ, повредили городъ пушечной пальбой, но приступъ ихъ окончился неудачею. Наконецъ, козакамъ удаюось овладѣть въ 1637 году Азовомъ, который составляль для нихъ такое-же препятствіе къ свободному выходу въ море, какими были для запорожцевъ турецкіе „замки“ на Днѣпрѣ, на мѣстѣ пынѣшней Каховки и Берислава и на промежуточныхъ между ними островахъ, носившіе названія: Асламъ-керменъ, Таванъ, Кызы-керменъ, Муберекъ-керменъ и Мустрить-керменъ¹⁾.

Передадимъ главныя черты этого событія, оттѣняя тѣ ихъ особенности, которыми онѣ совпадаютъ съ пѣснею или Сказаниемъ. Задумавъ овладѣть Азовомъ и видя недостатокъ военныхъ припасовъ, донскіе козаки посылали на Москву, съ просьбою о присылкѣ таковыхъ, атамана *Ивана Каторжнаго*, именемъ своимъ соотвѣтствующаго есаулу *Ивану Федоровичу*, о которомъ говорится въ началѣ Сказанія. Была-ли удовлетворена просьба донцовъ, мы не знаемъ. Тѣмъ временемъ они устроили общій сѣездъ со всѣхъ городковъ и рѣчекъ и затѣмъ выступили къ Азову, въ числѣ четырехъ тысячъ четырехсотъ человѣкъ; Сказанію, имѣвшему цѣлью прославить козацкіе подвиги, вполнѣ естественно было умолчать о первой цифрѣ и оставить только вторую, какъ число воиновъ, скрытыхъ подъ видомъ товаровъ. Не доходя Азова, козаки *простояли* двѣ недѣли, конечно, скрываясь самымъ тщательнымъ образомъ, что вполнѣ соотвѣтствуетъ стоянкѣ ихъ въ камышникѣ, продолжительности которой Сказаніе не опредѣляетъ. Здѣсь прибыли къ нимъ на подмогу *астраханскіе* юртовые татары, послѣ чего они и овладѣли городомъ. Сказаніе нѣсколько разъ упоминаетъ о сношеніяхъ и связяхъ козаковъ съ Астраханью, да и въ Азовѣ прошли они подъ видомъ астраханскихъ торговцевъ; тотъ-же фактъ, что вмѣстѣ съ ними, въ качествѣ союзниковъ, дѣйствовали татары,

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, т. IX, стр. 273, 278, 282, 283, 285, 286, 291.

объясняетъ намъ упоминаніе объ ордѣ въ обпародованномъ г. Стояновымъ варианты пѣсни и разрѣшаетъ *на-половину* высказанное имъ недоумѣніе (стр. 93): „Если-бы какая-либо татарская орда въ болѣе позднее время захватила турецкій Азовъ и стала грабить турокъ и братъ въ плѣнъ турчанокъ, какимъ образомъ фактъ этотъ отразилъ-бы въ южнорусскомъ эпосѣ и на какомъ основаніи“? Идемъ далѣе: историкъ не говоритъ намъ о способѣ взятія Азова, но изъ простого сопоставленія фактовъ ясно, что здѣсь была употреблена *какая-то* военная хитрость, та-ли, что въ пѣснѣ и Сказаніи, или какая либо иная, на этомъ я не настаиваю, но во всякомъ случаѣ дѣйствовала не одна открытая сила. Козаковъ во взятіи города участвовало всего четыре тысячи четыреста, численность астраханскихъ юртовыхъ татаръ неизвѣстна, но послѣднихъ, какъ показываютъ намъ всѣ современные факты изъ исторіи югозападной Руси, при штурмѣ *крепости* можно почти не принимать во вниманіе. Азовская-же крѣпость была такъ сильна, что нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1641 году, подъ стѣнами Азова, защищаемаго *пятнадцатью* тысячами козаковъ, простояла все лѣто огромная турецкая армія, численность которой опредѣляютъ, хотя-бы даже съ болѣшимъ преувеличеніемъ, въ *двѣсти сорокъ* тысячъ человѣкъ, съ сотнею орудій,— повторяла, по неудачно, приступы къ крѣпости двадцать четыре раза и наконецъ вынуждена была снять осаду. По взятіи города козаками, они, говорить историкъ, не упускаютъ живымъ ни одного человѣка, на степи и па морѣ, что вполнѣ согласно не только со словами Сказанія, но и со смысломъ пѣсни, такъ какъ прежде чѣмъ дѣлиться „черкесочками“ или „туркенями“, необходимо было истребить ихъ отцовъ, мужей, братьевъ, все взрослое мужское населеніе. Отмѣтимъ, наконецъ, еще одну черту совпаденія: въ Сказаніи неоднократно упоминается о молитвахъ козаковъ Иоанну Предтечѣ и Николаю чудотворцу, основаніи церкви во имя этихъ угодниковъ и т. д. На земскомъ-же соборѣ 1642 года, по вопросу о томъ, возвратить-ли туркамъ Азовъ, или удержать его за собою, жители многихъ городовъ говорили царю: „Если не изволишь Азова принять, то онъ будетъ за бусурманами, и образъ *Иоанна Предтечи* будетъ у бусурмановъ: не навестъ-бы, государь, гнѣва Божія и гнѣва великаго свѣтильника *Иоанна Предтечи* и великаго святителя и чудотворца *Николая*, которыми поручилъ тебѣ Богъ *такой*

даліній кръпкій українскій городъ“. Однако правительство, изъ соображеній политическихъ, т. е. не желая навлечь на себя войны съ могущественною тогда Турціею, порѣшило иначе, и донцы, проповѣдѣвъ Азовомъ шесть лѣтъ, въ 1643 году, добровольно, изъ одного угощенія московскому правительству, удалились оттуда, не оставивши впрочемъ и камня на камнѣ¹⁾.

Такимъ образомъ, между историческими фактами и донскимъ Сказаниемъ оказывается самая тѣсная связь; а такъ какъ ранѣе уже установлена мною подобная-же связь между послѣднимъ и разбираемою пѣснею, то и она должна быть исключена изъ числа бытовыхъ, чумацко-бурлацкихъ, куда помѣстилъ ее г. Рудченко, и отнесена къ историческимъ, но съ пріуроченіемъ ея не ко взятію половцами Торческа въ 1093 году, какъ полагаетъ г. Стояновъ, а ко взятію козаками Азова, 18 іюня 1637 года.

Перейдемъ теперь къ вопросу, почему событие на берегахъ далекаго Дона отразилось въ малорусскомъ пѣсенному эпосѣ? Ближайшимъ образомъ напрашивается отвѣтъ, что пѣсня эта, наряду съ нѣкоторыми другими пѣснями, несомнѣнно донского происхожденія, могла быть занесена оттуда чумаками, имѣвшими впослѣдствіи съ Дономъ постоянныя сношенія, такъ какъ река эта очень часто упоминается въ пѣсняхъ, преимущественно чумацкихъ. Но, допуская возможность занесенія этимъ путемъ пѣсни о взятіи Азова, я долженъ сказать что такое предположеніе оставляло-бы безъ отвѣта одинъ изъ аргументовъ г. Стоянова, а именно,—по-чому-же пѣсня эта известна почти исключительно въ Приднѣпровыи, по крайней мѣрѣ, вѣтъ этой полосы существование ея до сихъ поръ констатировано только въ одномъ елисаветградскомъ уѣздѣ, хотя составъ пѣсеннности губерній полтавской и черниговской изслѣдованъ несравненно лучше. Минъ кажется, что область распространенія этой пѣсни, поскольку она до сихъ поръ опредѣлена, т. е. съ елисаветградскимъ уѣздомъ включительно, лучше всего можетъ быть объяснена разсмотрѣніемъ нѣкоторыхъ историческихъ обстоятельствъ, современныхъ взятію Азова.

Между Дономъ и Запорожьемъ въ рассматриваемую эпоху, т. е. во второй четверти XVII столѣтія, существовали самыя близкія,

¹⁾ Соловьевъ, там же, стр. 299 и слѣд.

можно сказать интимныя отношения. „Мы до сихъ поръ отдѣляли, говоритъ П. А. Кулишъ, характеръ козаковъ запорожскихъ отъ характера козаковъ донскихъ. Изъ разсказовъ Ахія (царевичъ, мнимый или дѣйствительный сынъ Магомета III, христіанскій претендентъ на турецкій престолъ), подтверждаемыхъ и другими докумен-тами, оказывается, что одна вольница отличалась отъ другой только признаниемъ надъ собою власти разныхъ государей... Мы находимъ въ монастырскихъ сказаніяхъ о черноморскихъ бу-ряхъ (у Кальнофойского) передовиками запорожскими—москвитянъ, а на Дону героями, въ родѣ эпического Кішки Самійла, запорож-скихъ полковниковъ, и знаемъ, какъ обѣ вольницы предпринимали общіе морскіе походы“¹⁾. „Тѣ и другие составляли, можно сказать, нераздѣльное товарищество“²⁾. Положимъ, на слова г. Кулиша, из-слѣдующаго факты всегда не иначе, какъ подъ угломъ зрѣнія из-вѣстной тенденціи, несомнѣмъ удачно ссылаясь притомъ-же на слова Пушкина, что „только глупецъ не перемѣняетъ никогда своихъ убѣжденій“,—полагаться далеко не всегда можно. Но имъ обна-родованъ въ цитированномъ изданіи (стр. 290—294) подлинный докумен-тъ, который, конечно, гораздо важнѣе выводовъ издателя, просто и безъискусственно изображающей отношенія того времени (1626 годъ) между донцами и запорожцами. Полковникъ запорож-скій Алексѣй Шафранъ попалъ въ турецкую неволю, гдѣ пробылъ „у каїнскаго воеводы на каторге (галерѣ) семь лѣтъ“, а потомъ успѣлъ, съ другими узниками, освободиться и бѣжалъ на Донъ. Отправившись впослѣдствіи отсюда въ Кіевъ, Шафранъ и три его товарища—козака сбились съ пути и приблудились къ городу Во-луйкѣ. Тамошнему воеводѣ показались они людьми подозритель-ными и отправлены имъ на Москву. Здѣсь ихъ подробно обо всемъ распрашивали, и вотъ что, между прочимъ, записано въ показані-яхъ Шафрана: „живеть онъ Олеша на Дону восемнадцать лѣтъ, а иные его товарищи живуть лѣтъ по пяти и по шести; а всѣхъ де ихъ на Дону есть съ тысячу человѣкъ; а въ Запорогахъ де дон-скихъ козаковъ также много;... только живуть переходя: они хо-

¹⁾ Матеріали для исторіи возсоединенія Руси, т. I, стр. 152.

²⁾ Тамъ-же, стр. 286.

*дятъ на Донъ, а зѣ Дону козаки кѣ нимъ, и живутъ, сколько гдѣ
кто хочетъ. А повелось де у нихъ то зѣ донскими козаки изстари,
что межъ себя сходатца и живутъ вмѣстѣ въ однихъ куреняхъ. Въ
нынешнемъ де лѣте ходили они на море,... а старшина у нихъ
былъ опъ Олексій, а съ нимъ были запороскіе черкасы и донскіе
козаки смѣсно за одинъ; а попали они зѣ Дону на море... и взяли
въ турскѣй землѣ городъ Трапизонъ". Допрашивавшіе дьяки, же-
лая уличить Шафрана въ сокрытіи будто имъ истинной цѣли прі-
ѣзда въ Волуйку, указывали, что она лежала ему не по дорогѣ:
„Вѣдомо подлинно, и знаютъ то многіе люди, что зѣ Дону въ За-
пороги цѣ изъ Запорогъ на Донъ ходятъ степью, не займуда Донца,
на Кармию (Калміусъ) да на Мохъ, а Донца не лазятъ". Очевидно,
сношенія въ этомъ направленіи были достаточно оживлены и посто-
янны, если московскіе дьяки могли указывать Шафрану надлежаж-
щій его маршрутъ. Противъ рѣчей Шафрана и товарищѣй были
допрошены также случившіеся на Москвѣ донской атаманъ Федоръ
Ханеневъ да донской козакъ Ивашка Гайдуковъ, которые съ своей
стороны подтвердили: „на Дону люди многіе, и черкасы бывають
мною, челосты до пятисотъ, а иногды и болыши... А то у нихъ
ведетца: какъ зѣ Дону поѣдутъ на Днепръ,—и они атаманомъ ска-
зываютца, а на добродѣтели ихъ челомъ бываютъ. А ъздять зѣ Дону
въ Запороги черезъ Миусъ да на Мохъ".*

Приведенный фактъ предшествуетъ взятию Азова; укажу ана-
логію и изъ времени, непосредственно за нимъ послѣдующаю. Въ
дневникѣ ксендза Шимона Окольского¹⁾, сопровождавшаго поль-
ское войско во время войны съ козаками 1638 года, паходимъ нѣ-
сколько указаній на сношенія запорожцевъ съ донцами и даже на
прямое участіе послѣднихъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, въ качествѣ
запорожскихъ союзниковъ. Такъ, упомянувъ о началѣ возстанія,
онъ говоритьъ, что возставшіе, „обравши собѣ па Запорожу Остра-
нила за старшого, и при немъ Скидана, зѣ посередъ себе до коза-
ковъ донскихъ, о помоющъ просили, выправили". И дѣйствительно,

¹⁾ Не имѣя подъ рукою польскаго подлинника Окольского, цитирую по южно-
русскому переводу Лукомскаго, 1770 года, въ приложеніи къ лѣтописи Величка,
т. IV, стр. 193, 208, 214.

послѣ отступленія поляковъ отъ Голты къ Лубнамъ, Остранинъ получилъ вѣсти, „иже ему на помошь килка полковъ заразъ надходить: еденъ ему провадилъ Путивлецъ, и виборного правъ въ своей волѣ и въ бунтахъ, между которими дунскій козакъ, цвѣчоній на войну, приходилъ“. Впрочемъ, отрядъ Путивльца прибылъ къ Лубнамъ уже послѣ бѣгства оттуда Остранина, а потому былъ подавленъ превосходными силами поляковъ, вынужденъ выдать своего вождя и сдаться на капитуляцію, несмотря на которую поляки вырѣзали всѣхъ сдавшихся. О первомъ появленіи пущивльцева полка, явившагося неожиданно для поляковъ, Окольскій сообщаestъ, что былъ высланъ на развѣдку о появившемся войсکѣ польской отрядъ. „Постаравшия теди о языкѣ (т. е. пльниаго), привели до его милости пана полковника; который (т. е. языкъ) повѣдалъ, же Путивлецъ, Мурка и Рѣпка вождове, людъ виборній, и добріи стрѣлци есть между ними; донцовъ пятьсотъ, другіи суть отъ границъ запорозскихъ, идутъ Остраниновѣ на помошь“. Самъ Остраниновъ отрядъ бѣжалъ тогда въ нынѣшнюю харьковскую губернію и поселился на сѣверномъ Донцѣ, у Чугуева, и лишь впослѣдствіи эти козаки вернулись въ окрестности Полтавы: въ 1641 году, въ Пущивльѣ, „въ роспросѣ густынскіе старцы сказали: слышали де онѣ въ литовской землѣ, что де Чигуевскіе Черкасы и Яцка Остренина сынъ ъѣдили гъ гетману Концу Полскому (т. е. Конецпольскому) бить челомъ о указѣ и отъ гетмана де прїѣхали, и гетманъ де Копецъ-Полской велѣлъ имъ Черкасомъ селитца слободою подъ своимъ городомъ подъ Полтавою“¹⁾).

И такъ мы видимъ, что сношенія и связи Дона и Запорожья были очень близки и до и послѣ 1637 года. Было-бы странно предположить, что запорожцамъ не былъ знакомъ Азовъ, что они не принимали участія въ предприятияхъ противъ этого города, и чтобы обѣ этомъ участіи не сохранилось у нихъ памяти. И точно, когда запорожскій копевой Сѣрко писалъ въ 1675 г. отъ имени всего войска свое извѣстное письмо къ крымскому хану, объясняя причину своего недавняго похода на Крымъ и перечисляя при этомъ прежніе подвиги запорожцевъ противъ турокъ и татаръ, онъ

¹⁾ Акты Южной и Зал. Россіи, т. III, стр. 54.

не забыть упомянуть и объ Азовѣ. „Року зась 1633, говорить Сѣрко, Сулима гетманъ войска низового запорозского, въ моноксилахъ отъ Сѣчи по Днепру, потомъ по Чорномъ мору, чрезъ весь Босфоръ Кимерійскій въ Меотицкое запливши езеро, досталь быль прекрѣпкого турецкого въ Азіи града Азова“ ¹⁾). Почти буквально извѣстіе это вошло въ „Собрание историческое“ Лукомскаго, со ссылкою на какую-то „Русскую лѣтопись достовѣрную“ ²⁾ и съ прибавлениемъ извѣстія о послѣдовавшей казни Сулимы: „1633 году Сулима, гетманъ войска низового запорожского, въ моноксилахъ или въ судахъ веселнихъ (гребныхъ) морскихъ, изъ Сѣчи по Дибрѣпу, чрезъ Босфоръ Киммерійскій въ Меотическое или Азовское море запливши, прекрѣпкій въ Азіи городъ Азикъ или Азовъ взяль. Сему гетману Сулиму король Владиславъ IV голову отсѣкти повелѣль въ Аршавѣ по жалобѣ на него, за взятие Азова, отъ турковъ“ ³⁾). Быль-ли походъ Сулимы вполнѣ самостоятеленъ, или-же онъ имѣть связь съ попыткою овладѣть Азовомъ со стороны донцовъ, которая относится къ 1634 году, по неразработанности источниковъ этой эпохи разрѣшить трудно, хотя дѣйствительность этого похода въ 1630-хъ годахъ и казнь за него Сулимы не подлежать сомнѣнію, такъ какъ о нихъ упоминается у современника, кіево-печерскаго монаха Афанасія Кальнофойскаго ⁴⁾). Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ полагать, что самая крѣпость Сулимою взята не была, а только ограблены и опустошены окрестности и города. Иначе тѣснимые

¹⁾ Лѣтопись Величка, т. II, стр. 381.

²⁾ Можно полагать, что эта лѣтопись, на которую Лукомскій ссылается и по отношенію къ гораздо болѣе раннему времени, отъ начала XVI вѣка, въ своемъ Собраниі Историческомъ, первая часть котораго напечатана въ приложениі къ кіевскому изданію «Лѣтописи Самовидца», стр. 321—372, была не что иное, какъ южнорусская компилиативная лѣтопись XVII вѣка, извѣстная въ спискѣ конца XVII столѣтія, іеромонаха Леонтія Боболинскаго. Отрывки изъ этого списка, 1699 года, напечатаны въ приложениі къ лѣтописи Грабянки, стр. 273—327. Но у покойнаго М. А. Макламовича имѣлась лѣтопись, въ рукописи *первой* половины XVII вѣка, которую пользовался, какъ оригиналъ, или какъ главнымъ источникомъ, Боболинскій. Что стало съ этимъ важнымъ и интереснымъ памятникомъ южнорусской письменности и исторіографіи, мнѣ непзвѣстно.

³⁾ Лѣтопись Величка, т. IV, стр. 180.

⁴⁾ Тѣратоурумъ lubo cuda, ktore byly... w monastyrze pieczarskim kijowskim, etc., Кіевъ, 1638 г., стр. 271: «z hetmanem swym na ten czas Sulimem, niedawno za przestepki swe przeciwko Rzeczy Pospolitej na gardle skarany u z niemałą kupą woyska puścili się czolnem na morze».

ею донцы не замедлили бы воспользоваться случаемъ и утвердиться здѣсь. Наконецъ, тотъ-же Лукомскій сохранилъ намъ и извѣстіе объ участіи запорожцевъ во взятии Азова въ 1637 году, настолько мотивированное и любопытное, что его стоитъ привести здѣсь вполнѣ. Передавъ о возстаніи Павлюка и пораженіи козаковъ подъ Кумейками, Лукомскій продолжаетъ:

„Того-жъ 1637 году согласились 4000 человѣкъ храбрыхъ козаковъ, которое часто помянутихъ лядскихъ утѣсненій болѣе нести не могли, искать своего щастія въ другихъ краяхъ пошли къ персіянамъ, чтобы на войцѣ противъ турковъ служить. Они пошли черезъ кримскіе и нагайскіе орды со всякою осторожностію въ Дону и имѣли на дорогѣ частой случай сражатся съ татарами, тамъ встрѣтились они съ 3000 человѣкъ донскихъ козаковъ, которые приняли ихъ весьма пріятно и притомъ освѣдомились о ихъ намѣреніи и походѣ. Услышавъ причину онаго, представляли тамъ они имъ опасности похода чрезъ толь многіе пароды и сомнѣніе свое, что найдутъ-ли они у персіянъ то, чего желають. Они говорили имъ: мы де имѣемъ для васъ, браття, запасу довольно; чего вы такъ далеко искать намѣрены, то найдете вы у насъ,—будемъ другъ другу вѣрни. Вотъ Азовъ: когда мы возьмемъ этотъ городъ, то будемъ имѣть способной проходъ въ Меотическое или въ Чорное море, гдѣ мы въ одицѣ походъ можемъ столько взять добычи, сколько вы во всѣхъ кровопролитіяхъ... у персіянъ никогда не получите“. Запорожскіе козаки, послушавъ между собою, согласились напослѣдокъ на предложеніе донскихъ. Пошли они вмѣстѣ подъ Азовъ, гдѣ турецкій гарнизонъ, котораго отъ трехъ до четырехъ тысячъ человѣкъ было, ихъ предпріятію осмѣялись. Козаки начали тотъчасъ въ землю врываться и продолжали день и ночь свою работу съ такою ревностію, что они, при непріятелской стрѣлѣ отъ яничаръ, въ городъ вошли и непріятеля прищудили отступить въ замокъ. Яничари находились тогда въ столь великому страхѣ, что и замокъ немедленно здали, хотя козаки только четыре фалконеты при себѣ имѣли, которыми-бы никогда пролому учинить не могли. Они ограбили городъ и здѣлали тотчасъ надлежащее учрежденіе: донци овладѣли Азовомъ, а запорожцы зъ добычами въ Сѣчь возвратились“¹⁾

¹⁾ Величко, т. IV, стр. 181—182.

Я съ намѣреніемъ привелъ только здѣсь слова Лукомскаго, несмотря на ихъ категорический смыслъ и рѣшающее значеніе въ вопросѣ объ участіи запорожцевъ при взятіи Азова. Какъ источникъ компилятивнаго характера, составленный слишкомъ черезъ сто тридцать лѣтъ послѣ событія, и притомъ почти безъ всякой критики,— „Собрание“ Лукомскаго само по себѣ не могло бы служить достаточнымъ основаніемъ для признанія этого участія, если бы ранѣе не были установлены, по источникамъ первой руки, факты о постоянныхъ споштевіяхъ и связяхъ Запорожья и Дона въ рассматриваемую эпоху. Но въ виду несомнѣнности такого рода фактъ, свидѣтельство Лукомскаго, изъ какого-бы источника онъ его ни почерпнулъ, получаетъ характеръ достовѣрности по отношенію къ событію, а вмѣстѣ съ тѣмъ важно и само по себѣ, какъ слѣдъ южнорусской традиціи объ участіи въ этомъ событіи запорожскихъ казаковъ.

Коль скоро же является доказаннымъ, что запорожцы въ 1620—30-хъ годахъ бывали на Дону въ болыше или меныше числѣ постоянно, что они участвовали и во взятіи Азова, то становится вполнѣ понятнымъ и существованіе въ Малороссіи пѣсни объ этомъ событіи, и ея ограниченное распространеніе. Народная пѣсня исторического содержанія вообще складывается по горячимъ слѣдамъ событія; наглядными примѣрами могутъ служить какъ пѣсня о корсунскихъ волненіяхъ 1855 года, вскорѣ послѣ того тамъ же записанная А. Г. Зайкевичемъ и переданная имъ А. И. Стоянову, такъ и записанная мною пѣсня объ избѣніи крестьянами банды польскихъ повстанцевъ 1863 года въ с. Соловіевкѣ радомыльского уѣзда¹). Такъ и здѣсь: пѣсня о взятіи Азова могла быть сложена или немедленно, па мѣстѣ, — въ такомъ случаѣ она должна отыскаться и на Дону, гдѣ она, или прозаическое преданіе о томъ же событіи послужили источникомъ книжнаго Сказанія; или же она могла быть сложена запорожцами уже по отходѣ ихъ съ Дона, па пути или по прибытіи въ Сѣчь. Въ томъ и въ другомъ случаѣ распространителеми ея по Малороссіи могли быть только запорожцы. Если принять во вниманіе, что вслѣдъ затѣмъ наступило возстаніе Остропіна и Гуни, а десять лѣтъ спустя страшный пожаръ надолго охватилъ всю южную Русь, то будетъ

¹) Напечатана въ «Кievлянинѣ» 1869 года, № 64.

ясно, что занесенная тогда запорожцами пѣсня о далекомъ по мѣстности и неимѣющемъ непосредственного интереса для мѣстнаго населенія историческомъ эпизодѣ—не могла получить въ Малороссіи повсемѣстнаго распространенія. Она могла удерживаться по преимуществу въ такихъ только мѣстахъ, которыя, какъ нынѣшній елисаветградскій уѣздъ, входили въ составъ запорожскихъ владѣній; или нерѣдко были посѣщаемы ими, какъ уѣздъ чигиринскій, съ его монастырями: мотренинскимъ, лебединскимъ, николаевскимъ въ Медведовкѣ и опуфріевскимъ въ Жаботинѣ; или же находились неподалеку запорожскаго „шпитала“ — Терехтемирова, какъ большая часть мѣстностей, гдѣ до сихъ поръ подмѣчена эта пѣсня; вариантъ Н. И. Костомарова, мѣстность записи котораго не обозначена, нѣ-которыми особенностями языка обличаетъ свое харьковское происхожденіе, и было бы неудивительно, если бы пѣсня эта встрѣтилась близъ Чугуева, куда спаслось изъ подъ Лубенъ ядро Остраникова войска, состоявшее преимущественно изъ запорожцевъ.

Хотя я старался говорить болѣе словами источниковъ, чѣмъ излагать свои личныя соображенія,—безпристрастный читатель можетъ убѣдиться, что имѣются довольно вѣскія основанія пріурочить разсмотрѣнную пѣсню ко взятію не Торческа, а Азова, и не къ 1093, а 1637 году. Имѣя въ виду сдѣлать еще кой-какія дополнительныя замѣчанія, обращусь еще къ заключительнымъ положеніямъ А. И. Стоянова, указывая, въ чемъ ихъ стѣдовало бы, по моему, измѣнить, и почему именно.

1) Что касается тождественности легенды, записанной на развалинахъ Торческа, съ лѣтописнымъ разсказомъ, то она, конечно, сомнѣнію не подлежитъ, мои замѣчанія ея вовсе не коснулись, и за П. И. Ревякинымъ остается вполнѣ заслуга отысканія несомнѣнного исторического мѣстнаго преданія дотатарской эпохи, слушащаго однимъ изъ существенно важныхъ доказательствъ непосредственной преемственности населенія кіевской Руси, т. е., что нынѣшніе ея жители представляютъ прямыхъ потомковъ полянъ. Съ своей стороны могу еще добавить, что попытки отыскивать древній Торчъ¹⁾ не на уроцищѣ того же самаго имени, а въ другихъ мѣ-

¹⁾ Въ лаврентьевской лѣтописи «Торційский градъ», но въ болѣе цѣлой для южнорусской исторіи лѣтописи Ипатской — «Торгійский градъ»; въ усѣчен-

стахъ, по одному сходству названий, нельзя признать удачными. Сколько помню, нѣсколько лѣтъ назадъ въ обществѣ Нестора кѣмъ-то изъ членовъ была сдѣлана такая попытка пріурочить лѣтописный Торческъ, по прежнему, къ с. Торчицѣ таращанского уѣзда, а В. Б. Антоновичъ замѣтилъ по этому поводу, что область поселенія торковъ была довольно обширна, а потому они могли дать свое имя и той, и другой мѣстности,—Торческовъ могло быть нѣсколько. Лѣтопись знаетъ ихъ только одинъ, мѣсто которого и опредѣляется за Стугной, у с. Новыхъ Безрадичъ¹) кіевского уѣзда, въ пользу чего говорятъ: тождество имени, характеръ мѣстности съ явными следами древняго укрѣпленія, мѣстное преданіе, почти буквально совпадающее съ лѣтописью, и наконецъ близость этого мѣста къ Триполью, какъ должно быть и по лѣтописи. Что касается другихъ мѣстностей со сходными именами, то за нихъ, кроме созвучія, не говорить ничего больше, и основывать на одномъ этомъ признакѣ мнѣніе о несколихъ Торческахъ едва-ли возможно. Торческому—граду, одному, далъ имя основавшій его народъ; но рядомъ съ тѣмъ существуетъ общеславянскій корень *trk*, отъ которого могли происходить сходныя имена мѣстья совершенно независимо отъ имени народа торковъ. Дѣйствительно, мы находимъ такія имена по всей южной Руси, гдѣ о торкахъ, вѣроятно, и въ XI вѣкѣ вовсе даже не слышали. Такъ, кромѣ Торчицы таращанского уѣзда, находимъ еще: *Торчинъ*—въ радомысьльскомъ, луцкомъ и литинскомъ; *Торкинъ*—въ стародубскомъ (списки насел. мѣстья, чернигов. губ., № 3334); *Торская*—въ купянскомъ (тоже, харьков. губ., № 2270); *Торско-Алексѣевское*—въ бахмутскомъ (екатеринослав. губ., № 930); *Торске*—въ Галиціи около Червоно-города и т. д.

ной формѣ, какъ напр. кіевскій монастырь св. Феодора «Вотчъ», говорилось, конечно, Торчъ, что сохранилось буквально и нынѣ, съ переходомъ имени въ существительное, Торчъ.

¹) Самое название этого села связано съ торческой легендой: «черезъ се и село наше называется Безрадычами, говорилъ П. И. Ревякину Омелько: тii (т. е. князья) радились та радились, а сi (половцы) безъ рады побили іхъ; на сміхъ, значитъ, зовутъ Безрадычами» (цитирую пѣзъ находящейся у менѧ подлинной рукописи П. И. Ревякина).

2) Взятие города „чумакомъ“, посредствомъ хитрости, — подробность, не находящаяся ни въ лѣтописи о Торческѣ, ни въ историческихъ извѣстіяхъ о взятіи Азова, включая сюда даже и Лукоискаго, а только въ донскомъ Сказаніи о послѣднемъ событии. Это-же Сказаніе связываетъ непосредственно пѣсню съ историческимъ фактомъ. Въ дѣйствительности, подробность эта могла имѣть мѣсто, какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ, но точно также могла въ обоихъ даже отсутствовать, а была лишь къ нимъ пріурочена изъ общаго народнаго преданія, которое, въ свою очередь, могло и создаться безлично, или, чтѣ гораздо естественнѣе, со-ставляеть отголосокъ какого-то забытаго факта временъ позапамятныхъ, гораздо древнѣе не только Азова, но и Торческа. Отвѣтить на этотъ вопросъ можетъ только *сравнительное изслѣдованіе* сходныхъ преданій у другихъ арійскихъ народовъ.

3) Подробности пѣсни еще ближе совпадаютъ съ донскимъ Сказаніемъ, чѣмъ съ торческой легендою, для которой быль-бы не-объяснимъ, напр., товаръ, состоящій изъ лисицъ и соболей, а въ Азовѣ они вполнѣ умѣстны.

4) Имя Азова въ пѣснѣ не позднѣйшее, а коренное; замѣнаже его Ростовомъ, Щучиномъ и другими пунктами чумацкихъ до-рогъ очень естественна, колѣ скоро самая пѣсня, потерявъ первоначальный историческій колоритъ, стала принимать характеръ пѣсни чумацкой.

5) Имена—орда, туркеня, вполнѣ на свое мѣстѣ, такъ какъ во взятіи Азова участвовали и татары, а въ плѣнѣ были уводимы именно турчанки.

6) Какимъ образомъ могло отразиться это событие въ южно-русскомъ эпосѣ, безъ „противорѣчія основнымъ законамъ народ-наго творчества“,—отвѣтомъ служитъ участіе въ событии многочи-сленныхъ представителей южной Руси—запорожцевъ.

7) Несходство характера пѣсни съ общимъ типомъ южно-ру-сскихъ чумацкихъ (и даже вообще малорусскихъ) пѣсень служитъ признакомъ происхожденія ея въ этнографически-смѣшанной средѣ. Конечно, замѣчаніе г. М. Т—ова о ея будто бы *великорусскомъ* происхожденіи не имѣетъ значенія, составляя только невѣрную пе-редачу высказанныхъ первоначально мною замѣчаній.

8) Къ этимъ положеніямъ добавлю еще, что и область распространенія пѣсни, насколько она до сихъ поръ опредѣлена, можетъ быть объяснена безъ всякихъ натяжекъ въ виду происхожденія пѣсни отъ запорожцевъ, тогда какъ, если-бы она была происхожденія мѣстно-торческаго, трудно было-бы объяснить занось ея въ елисаветградскій уѣздъ и, какъ кажется, въ харьковскую губернію.

Въ заключеніе я долженъ сказать, что вполнѣ раздѣляю взгляды А. И. Стоянова относительно метода изслѣдованія народныхъ пѣсень. Различіе результатовъ, къ какимъ мы оба пришли, зависѣло вовсе не отъ различія метода, а только отъ неодинакового объема материаловъ, которыми каждый изъ насъ располагалъ въ данномъ случаѣ. Особенно цѣнными считаю я замѣчанія г. Стоянова относительно того, что пѣсни должны быть изучаемы, а слѣдовательно и записываемы, не нагишомъ, какъ ихъ даютъ намъ обыкновенно сборники, а въ связи съ обстоятельствами, при какихъ была пѣта (не по заказу, конечно) та или иная пѣсня, и особенно въ связи съ замѣчаніями пѣвцовъ и пѣвицъ, служащими для насъ единственнымъ указаниемъ, какъ понимается то или иное мѣсто въ самомъ нарѣдѣ.

P. S. Статья эта была уже окончена, когда появилась въ „Кiev. Старинѣ“ замѣтка Н. И. Костомарова о томъ-же предметѣ, въ отрицательномъ отношеніи вполнѣ согласная и съ высказываемыми мною соображеніями. Нашъ маститый историкъ тоже не раздѣляетъ мнѣнія г. Стоянова и отвергаетъ возможность пріуроченія пѣсни ко взятію Торческа; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не находитъ возможнымъ отнести ее и ко взятію Азова, а видѣтъ въ ней скорѣе отраженіе не одного какого-нибудь случая, бывшаго тамъ или здѣсь когда-то, а цѣлаго, можетъ быть, ряда мелкихъ случаевъ; по его мнѣнію, и само оно потомъ могло быть источникомъ многихъ болѣе или менѣе въ свое время важныхъ подобныхъ событий, таlkъ какъ этотъ образъ, взяtie чужого города посредствомъ хитраго проведенія туда воиновъ, составилъ часть народнаго міросозерцанія, которое всегда, иногда и незамѣтно, двигаетъ историческимъ ходомъ судьбы народа. Нисколько не отрицаю основательности и этой точки зрѣнія, тѣмъ

болѣе, что эпической подробности пѣсни и Сказанія о ввозѣ въ городъ подъ видомъ товара козаковъ нѣтъ въ историческихъ свидѣтельствахъ ни о Торческѣ, ни объ Азовѣ,—я полагаю однако, что собственно разобранная нами пѣсня, въ которой эта подробность имѣеть характеръ общаго мѣста, была пріурочена въ свое время именно ко взятію послѣдняго города. Безпристрастному читателю остается решить, достаточно ли приведенныхъ въ моей статьѣ доказательствъ въ пользу такого мнѣнія. Мимоходомъ замѣчу, что г. Костомаровъ вполнѣ основательно поясняетъ упоминаемый въ нѣкоторыхъ вариантахъ Кременъ-городъ турецкимъ словомъ „керменъ“, которое носиль, впрочемъ, не одинъ Исламъ-городъ, а и многіе другія крѣпости, такъ какъ оно означаетъ вообще укрѣпленный городъ (см. выше, стр. 422; такъ и Ак-керманъ = Бѣлый городъ). При упоминаемомъ въ другихъ вариантахъ Щучинѣ г. Костомаровъ ставитъ знакъ вопроса; я полагаю, что это Щучья станица въ черкасскомъ округѣ земли войска донскаго, лежащая при самомъ Донѣ, и называемая также Елисаветовскою.

Ів. Новицкій.

ПЕРЕПЕТОВСКОЕ ПОЛЕ.

(Розысканіе въ области лѣтописной топографіи, съ приложеніемъ карты).

При занятіяхъ моихъ пѣснью, или, какъ чаще ее называютъ, „Словомъ“ о полку Игоря, мнѣ нерѣдко приходилось, то по тому, то по другому поводу, наталкиваться на лѣтописныя географическія имена, каковы имена городовъ, рѣчекъ, урочищъ и т. д., или вовсе не опредѣленныя топографически въ существующихъ историческихъ изслѣдованіяхъ, или хотя и опредѣленныя, но по предположеніямъ, нерѣдко очень шаткимъ и стоящимъ, какъ мнѣ казалось, въ противорѣчіи съ положительными указаніями лѣтописей. Нѣкоторыя изъ такихъ проблемъ лѣтописной топографіи древней русской земли мнѣ посчастливилось решить при помощи, какъ мнѣ казалось, положительныхъ и несомнѣнныхъ данныхъ и основанныхъ на нихъ соображеній и выводовъ. Данныя эти удобнѣе всего представляется группировать по мѣстностямъ (районамъ), къ которымъ они относятся.

Для предлагаемой статьи я избираю мѣстность, находящуюся почти въ центрѣ кievской губерніи и извѣстную въ настоящее время на литературномъ языке подъ именемъ „Бѣлоцерковской степи“, а на теперешнемъ языке народномъ, въ которомъ слово „степь“ употребляется въ родѣ мужескомъ,—подъ именемъ „Бѣлоцерковского стела“. Это и есть лѣтописное Перетово, или Перепетовское поле (=Перепетовская степь), имя которой я и поставилъ въ заглавіи статьи.

Неоцѣнимую услугу при розысканіяхъ по топографіи лѣтописныхъ мѣстностей, находящихся въ предѣлахъ теперешней кiev-

ской губернії, оказываютъ „Сказанія“ Л. Похилевича ¹⁾). Въ этомъ поченномъ трудѣ собраны свѣдѣнія не только объ именахъ такъ называемыхъ населенныхъ мѣстъ: селъ, деревень, хуторовъ, кутковъ и т. п., но также и о названіяхъ горъ, яровъ, долинъ, рѣчекъ, ручейковъ, кургановъ, уроцищъ и т. п. Впрочемъ и у Похилевича, судя по нѣкоторымъ извѣстнымъ мнѣ фактамъ, далеко не все исчерпано въ этомъ отношеніи; о многихъ, напримѣръ, несомнѣнно существующихъ рѣчкахъ и уроцищахъ не упомянуто вовсе. Довольно часто наталкиваешься у него на такъ называемыя „безъименные рѣчки“, иногда съ прибавкою къ нимъ, какъ-бы въ оправданіе ихъ безъименности, свѣдѣнія: „лѣтомъ пересыхающія“; но на военно-топографической и специальнѣй картахъ многія изъ нихъ имѣютъ таки свои собственныя имена ²⁾), и кажется, что этихъ „безъименныхъ“ стало-бы гораздо менѣе, если-бы собрать о нихъ свѣдѣнія изъ тѣхъ мѣстъ, где ониѣ протекаютъ. А собрать, по возможности, всѣ такія названія очень важно для исторической топографіи, дорожащей каждою мелочью. Иногда оказывается, что какое нибудь лѣтописное географическое имя, неотыскиваемое при самыхъ тщательныхъ розыскахъ его въ такъ называемыхъ спискахъ населенныхъ мѣстъ, и до настоящей минуты звучить въ народномъ словѣ, въ имени какой нибудь незначительной рѣчки, доносящемся до насъ изъ далекой стороны и свидѣтельствующемъ о томъ, что тутъ, у этой рѣчки, живутъ не пришельцы, а прямые потомки древнихъ ея обитателей ³⁾.

¹⁾ Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ кіевской губернії Л. Похилевича. Кіевъ, 1864. Къ занимающей насъ мѣстности относятся также слѣдующія статьи Кіевскихъ Губ. Вѣдомостей: село Темберщина — 1854 г., № 31; село Тростинка — 1856 г., № 36; Воды васильковскаго уѣзда — 1856 г., № 7.

²⁾ И изъ предлагаемой статьи, напр., видно, что у Похилевича вовсе не упомянуты: рѣчка Холонъ, впадающая въ Субодь, р. Ольшанка, впад. въ Тростинку, или Раковку, уроцища: Третій Ротокъ, Васильковъ юнъ и пр.; названа безъименной р. Чернигаки, впад. въ Ротокъ и пр.

³⁾ Такъ, напр., и при моихъ розыскахъ имена рѣчекъ: Узинъ (Узень), Узка, и озера: Гузино дали возможность открыть лѣтописную Вѣзяницу; при помощи имени рѣчки Жидъ, впадающей въ Днѣпръ немного ниже устья Тетерева, удалось мнѣ открыть лѣтописный Жедъчевъевъ (Ипат., 555) и пр.

Топографическія проблеммы, относящиіся къ Бѣлоцѣрковской степи, заключаются въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) не опредѣляется вовсе положеніе уроцища: *Бѣзянница* (Ипат. 300¹⁾); 2) неправильно понимается *луга моря* (Лавр. 342, Ипат. 381); 3) приблизительно и очень гадательно опредѣляется положеніе города *Михайлова* (Ипат. 376); 4) не устанавливается тождество рѣчки: *Рутъ* (Лавр. 316—7, Ипат. 301—3) съ рѣчкою *Ротъ* (Ипат. 356); 5) вовсе не опредѣляется рѣчка *Рутецъ* (Ипат. 301—3); 6) не особенно положительно опредѣляется рѣчка *Ольшаница* (Ипат. 279); наконецъ, 7) не опредѣляется съ надлежащею ясностью общее представленіе о *Перепетовомъ* (Ипат. 278), или *Перепетовскомъ* (Лавр. 740, Ипат. 379, 380) *полъ*.

Представимъ предварительно связное описание мѣстности, которая извѣстна была въ древности подъ общимъ именемъ Перепетовскаго поля, руководствуясь военно-топографическими и специальными картами²⁾ и сказаніями Похилевича.

Рѣчка *Ротъ*, упоминаемая въ ипат. лѣтописи подъ 1162 годомъ, конечно, тоже, что и *Рутъ*, упоминаемая въ той-же и въ лаврской лѣтописи подъ 1151 годомъ. Въ лѣтописяхъ имя это встрѣчается обыкновенно въ формѣ мужескаго рода: *Рутъ*, *Ротъ* (въ Руту, бѣ бо грязокъ), и только изрѣдка, въ видѣ исключенія, оно принимаетъ и форму женскаго рода: *Рутъ* (въ Рути, бѣ бо грязна)³⁾. Карамзинъ (II, 151 и прим. 341) поясняетъ: „Рутъ—нынѣ Ротокъ“. Рѣчка эта у Похилевича и въ географическо-статистическомъ словарѣ Семенова называется: *Ротокъ*, въ привилегіи Си-

¹⁾ Указанія на лѣтописи ипатскую и лаврентьевскую здѣсь сдѣланы по новому изданію: Лѣтопись по ипатскому списку, изд. археогр. комиссіи, Спб. 1871;—по лаврентьевскому—Спб. 1872 г.

²⁾ Здѣсь я ссылаюсь: 1) на военно-топографическую карту европейской Россіи, въ масштабѣ 3 верстъ въ дюймѣ, рядъ 23-й, листы 8-й и 9-й, и 2) на специальную карту европейской Россіи, изданную подъ редакціей полковника *Стрѣльбичкало*, въ масштабѣ 10 верстъ въ дюймѣ, листъ 31-й.

³⁾ Лавр. 316; за Руть (варіантъ: заутра), 317; чрезъ Руть, въ Руту (вар.: въ Рутѣ), бѣ бо грязокъ. Ипат., 301; за Руть, 302; къ Рутови, за Руть, за Руть, 303; черезъ Руть, въ Руту, бѣ бо грязокъ (вар.: въ Рути, бѣ бо грязна), 356; по Роту.

гизмуна ПІ жителямъ Бѣлой Церкви — *Рутекъ*, на военно-топографической и специальной картахъ: *Протока* (искаженіе, или лучше сказать позднѣйшая, напрасная и неудачная, попытка осмыслить ясное имя „Ротокъ“). Для нашей цѣли необходимо описать всю систему этой рѣчки до мельчайшихъ подробностей. Рѣчка Ротокъ, беретъ начало у деревни Марьиновки (на военно-топографической карте у верховья Ротка обозначено урошище: *Третій Ротокъ*, у Похилевича не упомянутое), протекаетъ въ южномъ направлениі и впадаетъ въ Рось съ лѣвой стороны при м. Бѣлой Церкви, большая часть котораго расположена на той-же лѣвой сторонѣ Роси. Въ Ротокъ впадаютъ съ лѣвой стороны двѣ рѣчки: 1) по Похилевичу, рѣчка безъименная, а по военно-топографической карте — рѣчка *Чернявка*, которая беретъ начало у села Средней Слободы, или Винницкихъ Ставовъ и протекаетъ въ юго-восточномъ направлениі; 2) безъименная рѣчка, которая беретъ начало у села Пологъ, протекаетъ въ восточномъ направлениі и впадаетъ въ Ротокъ ниже впаденія Чернявки¹⁾). По моимъ соображеніямъ, лѣтописному Руту (Роту великому, Руту, Рути) соотвѣтствуетъ Ротокъ, а Рутцу (малому Руту) — Чернявка. При слияніи Чернявки съ Роткомъ, по нижнему теченію Чернявки и по среднему — Ротка, какъ это видно изъ военно-топографической и специальной картъ, образуется развѣтвляющееся озеро, о которомъ упоминается и въ лѣтописяхъ; другое озеро, меньшее, находится по теченію Чернявки, на разстояніи версты къ западу отъ большаго. Рѣчка Ротокъ съ ея притоками вообще, видно, болотиста. Въ лѣтописи о Рутѣ сказано, что онъ былъ *грязокъ*; упоминается *грязина* у Рутца; въ подложной коші съ грамоты Андрея Боголюбскаго кіево-печерскому монастырю упоминается *Ротокъ* — *боюто*. Верстахъ въ девяти (по прямому направлению) выше впаденія Ротка впадаетъ въ Рось съ лѣвой стороны р. *Каменица*; верстахъ въ десяти выше ея впаденія впадаетъ въ нее съ лѣвой стороны рѣчка, по Похилевичу, *Соботъ*, а

¹⁾ На военно-топографической карте эта рѣчная система представлена (кочечко, ошибочно) въ иномъ видѣ, чѣмъ по свѣдѣніямъ, собраннымъ Похилевичемъ: главною является рѣчка, берущая начало у села Пологъ, до впаденія ея въ Ротокъ и, затѣмъ, Ротокъ до впаденія его въ Рось. Эта главная рѣчка и названа Протокой.

по военно-топографической и специальной картамъ—*Субодъ*; верстахъ въ трехъ выше впаденія послѣдней впадаетъ въ нее, по военно-топографической карте, р. *Холопъ* (у Похилевича не упомянута, на специальной карте не надписана). По нижнему течению Холода, на лѣвой его сторонѣ, расположено село *Михайловка*, къ которому, по моимъ соображеніямъ, и можетъ быть пріуроченъ лѣтописный городъ *Михайловъ*. Верстахъ въ двѣнадцати ниже впаденія Ротка впадаетъ въ Рось съ лѣвой стороны рѣчки, которая у Похилевича называется *Узинъ*, на военно-топографической и специальной картахъ—*Узень*, а въ привилегіи Сигизмунда III—*Узянъ*. На лѣвой сторонѣ этой рѣчки есть и село того-же имени (по Похилевичу—*Узингъ*, по военно-топографической и специальной картамъ—*Узень*), которое называется еще и *Темберциною*, по имени помѣщичьяго управляющаго Темберского, заселившаго эту слободу въ 1773 году. Въ сѣверо-восточномъ направлениі отъ истока Узина, верстахъ въ пяти, находится озеро, по Похилевичу (на картахъ не названо) *Гузино* (=Узино? Ср. имя народа *Узы* и *Гузы*, имя села *Уляники* и *Гуляники* и т. п.; начальный звукъ г является въ видѣ, такъ называемаго, приданія), при которомъ расположена дер. *Людиновка* (называется также и *Станиславкой*), основанная въ 1826 г. Станиславомъ Проскурою и названная по имени его жены Людвики. Ниже села Узина въ рѣчку Узинъ, при дер. Блющинцахъ, впадаетъ съ правой стороны р. *Узка* (сокращеніе: *Узинка*, *Узянка?*), текущая отъ села Янковки, или Лопатынщины, названаго такъ по имени Яна Лопатынского, основавшаго это село. Р. Узинъ или, что еще вѣроятнѣе, Узка (сокр. Узинка) и есть лѣтописная *Бъянница* = *Въянница*, *Узянница* (ср. Каменка и Каменица, Ольшанка и Ольшаница). Верстахъ въ шести къ западу отъ истоковъ Ротка находится верховье безыменной рѣчки, текущей въ сѣверо-западномъ направлениі и впадающей съ правой стороны въ р. Унаву (лѣтописная Уновъ), правый притокъ Ирпени, а верстахъ въ пяти къ востоку отъ верхняго течения Ротка находится верховье той рѣчки, которая въ Ипат. разсказѣ 1150 г. названа *Ольшаницей*. Она начинается у села Тростинки (прежде называвшагося Чмелевымъ), течетъ въ сѣверо-восточн. направлениі и впадаетъ съ лѣвой стороны въ Стуницу. На лѣвой сторонѣ этой рѣчки расположено село Большая, или Барахтянская, а немного ниже, на

правой сторонѣ, Малая, или Германовская *Ольшанка*. Самая рѣчка эта называется теперь *Тростинкой*, или *Раковкой*, но ея правый притокъ, ниже Малой Ольшанки въ нее впадающей, и теперь называется, какъ это обозначено на военно-топографической карте (у Похилевича онъ не упомянутъ), *Ольшанкой*. Текущей уменьшительной формѣ *Ольшан-ка* вполнѣ соотвѣтствуетъ древне-русская: *Ольшан-иця*. По замѣчанію Похилевича, по ручью Тростинкѣ, при которомъ расположены села Ольшанки, по преданіямъ, были большія болота, заросшія ольхой, лозою и тростникомъ; теперь отъ ольхи, давшей название селамъ Ольшанкамъ, осталось лишь нѣсколько деревъ. Село Тростинка лежитъ между крутыхъ горъ, въ глубокой долинѣ, по коей струится упомянутый ручеекъ Тростинка. Изъ сказанного видно, что система р. Ротка съ сѣвера подходитъ, съ одной стороны, къ системѣ р. Ирпени, съ другой—къ системѣ р. Стугны¹⁾). Рѣчки Рутекъ, Каменица и Узянъ упоминаются въ привилегіи, данной Сигизмундомъ III жителямъ Бѣлой Церкви въ 1597 году²⁾). Въ этой грамотѣ сѣверная граница Бѣлоцерковщины обозначена такъ: „Рѣчка Рутекъ, яко ся въ соби маеть, ажъ до оалу, шо за *Перепетовы мѣсто курганомъ*“. Курганы *Перепетово* и *Перепетовка* упоминаются и въ подложной копіи съ грамоты Андрея

¹⁾) Упомянемъ о слѣдахъ древности въ разматриваемой мѣстности. На поляхъ села Лосятина, между дер. Соколовкой и Глушками, есть городище (по преданию—городъ Соколовъ), окруженнное съ трехъ сторонъ рѣчкою Роткомъ и болотомъ, а съ четвертой—валомъ и рвомъ. Вблизи, съ западной стороны, на крутомъ берегу есть другое, меньшее земляное укрѣпленіе. Въ самомъ селѣ Михайловкѣ нѣть городища, но есть древнєе квадратное городище у близь лежащаго села Мазепинецъ (считающагося родиной гетмана Мазепы), надъ р. Каменкой. Вдоль рѣчки Узина, при селеніи Блощицахъ есть два древнія замчища, отстоящія одно отъ другаго на 2 версты. См. Обозрѣніе могиль, валовъ и городищъ кіевской губ. *Ів. Фундуклея*. Кіевъ, 1848 г., а также у *Похилевича*.

²⁾) Помѣщена въ книгѣ: *Opis powiatu wasylkowskiego*, E. Rulikowski. Warszawa. 1853. Не имѣя въ настоящее время подъ рукой этой книги, я долженъ былъ дѣлать выдержки изъ упомянутой грамоты по Похилевичу, который, къ сожалѣнію, нашелъ нужнымъ передать эту грамоту русскимъ шрифтомъ на томъ основаніи, что Руликовскій будто-бы «затемнялъ смыслъ ея въ нѣкоторыхъ мѣстахъ употреблениемъ для русской рѣчи латинскаго шрифта» (Похилевичъ, стр. 493).

Боголюбского киево-печерскому монастырю. На военно-топографической карте близь истока Ротка, у дер. Марьиновки обозначен курганъ *Перепятиха*, а верстахъ въ 4½ отъ него къ съверо-западу курганъ *Перепять*, вблизи безыменной рѣчки, у дер. Фастовца начинающейся. Это и суть лѣтописные *Перепетовы*. Въ лѣтописяхъ къ этому имени не прибавляется никакого существительного, следовательно это самостоятельное общее имя какъ-бы четы (Перепета — Перепетихи¹). Что-же касается вала, „что за Перепетовы мъ курганомъ“, то остатки и слѣды его сохранились болѣе или менѣе и до настоящаго времени въ томъ валѣ, который тянется по южной части киевского уѣзда отъ м. *Тропоилья* къ западу черезъ село Барахтянскую *Ольшанку*, мимо села *Кодакъ*, и проходитъ полями сель *Парадовки*, Большой *Снетинки*, *Фастова* и *Ліоней* (называется также и *Пѣтухами*) въ сквирскій уѣздъ къ селу *Бѣлкамъ* на правомъ берегу Ирпени²). Пространство, обнимаемое бассейнами рр. Ротка и Узина, извѣстно, по замѣчанию Похилевича, подъ названиемъ *Бѣлоцерковской степи* (=равнины). Въ географическо-статистическомъ словарѣ Семенова, въ статьѣ: „*Васильковский уѣздъ*“, эта мѣстность описывается такъ: „кряжи возвышеностей переходятъ изъ киевского уѣзда въ васильковскій и оканчиваются недодходя до Ротка (горы въ селѣ Тростинкѣ). Около м. Бѣлой Церкви простирается обширная равнина по направлению къ Василькову, Фастову и Мировкѣ. Ширина ея отъ Мировки къ Фастову 40 верстъ, а длина отъ м. Бѣлой-Церкви до р. Стугны 80 верстъ“³). А я дѣлаю измѣреніе по специальной карте, и у меня вышло отъ Мировки до Фастова 50 верстъ, а отъ Бѣлой-Церкви до Стугны у Василькова не болѣе 42 верстъ, и мнѣ казалось-бы болѣе естественнымъ длиною этой степи называть протяженіе ея отъ Фастова къ Мировкѣ, а шириною—отъ Бѣлой-Церкви къ Стугнѣ у Василькова.

¹) Лавр., 316: у *Перепетовыхъ* (вар.: *Перепетоты*, *Перепетовы*), Ипат., 301: у *Перепетовыхъ*.

²) И. Фундуклея: Обозрѣніе..., стр. 30. Объ этомъ валѣ упоминается и у Похилевича въ разныхъ мѣстахъ его книги. См. также статью: „Земляной валъ въ васильковскомъ уѣздѣ“ въ «Киев. Губ. Вѣд.» 1847 г., № 34.

³) Географическо-статистический словарь российской имперіи *И. Семенова*, т. I—IV и V-го тома выл. 1-й, Слѣд. 1833—75.

Вотъ эта-то бѣлоцерковская степь и есть, конечно, лѣтописное Перепетово, или Перепетовское поле ¹⁾), называвшееся такъ въ древности, конечно, по Перепетовымъ (Перепету и Перепетихъ), на ней находившимся.

Теперь, послѣ предварительного описанія занимающей насъ мѣстности, перейдемъ къ разсмотрѣнію событий, которые, по упоминаніямъ и разсказамъ лѣтописей, на ней совершились въ до-монгольскій періодъ.

1) Иподъ 1150 г. (ипат. 279, лавр. 310) упоминается о Перепетовомъ (полѣ) и р. Ольшаницѣ по поводу похода Владимира галицкаго противъ Изяслава Мстиславича къ Кіеву. Владимира шелъ изъ Галича, перешелъ Болохово, шелъ мимо Мунаревъ (Немировъ?) къ Володареву (теперь м. Володарка сквир. у. на лѣвой сторонѣ Роси), затѣмъ—черезъ Перепетово къ верху р. Ольшаницы и здѣсь, у Тумаша ²⁾, онъ и одержалъ побѣду надъ Изяславомъ. Если провѣдемъ прямую линію отъ м. Володарки къ Кіеву, то она пересѣтъ бѣлоцерковскую равнину и пройдетъ у верховья Тростинки. Владимира шелъ, слѣдовательно, по той теперешней проселочной дорогѣ, которая, какъ это означено на военно-топографической картѣ, тянется отъ дер. Салывонекъ, расположенной на восточномъ берегу рутскаго озера, черезъ село Тростинку къ селу Погребамъ. Крутые горы села Тростинки и суть, вѣроятно, тѣ горы, о которыхъ упомянула Владимѣрко: „быти Изяславу ту нѣгдѣ въ горахъ“ ³⁾).

¹⁾ Ипат. 278: черезъ Перепетово; Лавр. 340: на Перепетовскомъ полѣ (дважды); Ипат. 379: на Перепетовскомъ полѣ, 380: на Перепетовскомъ полѣ.

²⁾ Село Барахты, васильковскаго уѣзда, въ которомъ есть куточъ Тимо-шиїска?

³⁾ Есть мѣстечко Ольшаница, васильковскаго уѣзда, на лѣвой сторонѣ р. Гороховаткѣ, притока Роси. Хотя имя этого мѣстечка и вполнѣ совпадаетъ съ именемъ лѣтописной р. Ольшаницы, тѣмъ не менѣе, какъ это замѣчается и Л. Попилевичъ, события, изложенные въ лѣтописномъ разсказѣ подъ 1150 г., съ большою удобопостижностью приурочиваются къ селу Барахтинской Ольшаницѣ. Р. Ольшаница, по смыслу Ипатскаго разсказа, сейчасъ-же за Стугною (по отношенію къ Кіеву); въ Лавр. лѣтописи Ольшаница не упоминается и вовсе, и даже то, что по Ипатскому разсказу относится къ р. Ольшаницѣ (перестрѣлка черезъ рѣку), отнесено прямо къ Стугнѣ. Если предположить даже, что Ольшаницей въ лѣтописи названа

2) Подъ слѣдующимъ, 1151 годомъ въ лѣтописяхъ (Ипат. 301, Лавр. 316) встрѣчаемъ упоминаніе о *Перепетовыихъ, Бѣзянинъ* (=Вѣзянинѣ), *Руть, Рутинъ* и рутскомъ озерѣ по поводу отступленія Юрія Долгорукаго, испытавшаго неудачу подъ Кіевомъ, на-встрѣчу Володимірку галицкому, котораго Юрій поджидаль къ себѣ на помошь, и который, какъ это видно изъ лѣтописей, и на самомъ дѣлѣ двинулся къ нему на помощь, вѣроятно, по тому-же самому пути, по которому онъ шелъ къ Кіеву въ предыдущемъ году. Онъ дошелъ уже было до *Божъскаго* (вар.: *Бужъскаго*), но, узнавъ о пораженіи Юрія на Рутѣ, вернулся отъ Бужъскаго домой¹⁾). Изъ лѣтописнаго разсказа видно, что Юрій, отступивъ отъ Кіева, пошелъ къ Бѣлгороду, оттуда черезъ *боргъ*²⁾ къ *Верневу* (вар.: *Чернееву*)³⁾, оттуда перешелъ *валъ* и пошелъ мимо *Переп-*

теперешняя рѣчка Гороховатка, на которой стоитъ м. Олышица, все-же верховье ея будетъ въ сторонѣ отъ прямого пути отъ Володарки къ Кіеву и будетъ не только за Стугною, но и за Красною.

¹⁾ Розысканія о положеніи *Болоховской земли, Божъскаю* и проч. см. въ сочиненіи: «Болоховская земля» и пр., рефер. Н. Дашибевича (Труды З-го археол. съѣзда, бывшаго въ Кіевѣ въ 1874 г., Кіевъ, 1878 г., т. 2-й и отдѣльно).

²⁾ У Погодина (Изслѣдованія, замѣчанія и пр., т. IV, М. 1850 г.) замѣчено: «положеніе упомянутаго здѣсь *бора*, кажется, опредѣляется селомъ Зaborье.и.къ югу отъ Бѣлгородки. Зaborье, по свѣдѣніямъ Похилевича, село на лѣвой сторонѣ ручья, называемаго Святецъ, или Бобрица. Село окружено со всѣхъ сторонъ боромъ, только къ западу простираются песковатыя поля. Чрезъ село пролегаетъ значительная проселочная дорога въ село Плисецкое и Фастовъ.

³⁾ *Чернеевъ* пріурочивають обыкновенно къ селу *Черногородкѣ* васильковскаго уѣзда, расположенному на лѣвой сторонѣ Ирпени, выше владенія въ Ирпень р. Унавы. Но едва-ли понадобилось Юрію доходить до Черногородки, т. е. переходить на лѣвую сторону Ирпени съ тѣмъ, чтобы опять переходить на правую его сторону и чтобы, затѣмъ, переходить р. Унаву. Къ востоку отъ Черногородки у истоковъ р. Плиски (по военно-топографической картѣ, у Похилевича не упомянута), впад. въ Унаву, есть село Плисецкое (прежде—Песецкое, по объясненію Похилевича,—отъ песковъ его окружающихъ), въ которомъ есть замчика съ земляными валами. Изъ нихъ одно, среди села, называется *Чернеччицъ*. Жители говорятъ, что на этомъ мѣстѣ былъ когда-то монастырь, отъ чего и замковище получило свое название. Къ сѣверу отъ Черногородки и Плисецкаго, на правой сторонѣ Ирпени, на военно-топографической картѣ обозначено урочище *Черничий лѣсъ*, которое, по Похилевичу, называется *Кладово*, и въ которомъ, по преда-

тосвыхъ къ Вязаницъ, „потому что тутъ надѣялся галицкаго князя къ себѣ“. О положеніи упоминаемыхъ здѣсь *ва.а.*, *Перепетовыхъ* и *Вязаницы* было уже упомянуто выше. Рѣчка Узка и Узинъ какъ разъ и подходятъ къ пути, по которому долженъ былъ идти Володимирко къ Киеву. Кромѣ того, Юрій могъ желать расположиться на рр. Узкѣ или Узинѣ ради превосходныхъ пастбищъ по этимъ рѣчкамъ, такъ какъ все его войско, какъ обѣ этомъ говорить лѣтопись, состояло изъ конницы¹). Село Узинъ, или Темберщина, по замѣчанію Похилевича, расположено среди обширныхъ тучныхъ степей, арендуемыхъ купцами подъ выпасъ скота. Между тѣмъ Юрія преслѣдовалъ Изяславъ Мстиславичъ съ союзниками, стараясь не допустить соединенія Юрія съ Владиміркомъ. Рать Изяслава съ Юріемъ на р. Рутѣ разсказана въ лѣтописяхъ съ мельчайшими подробностями относительно обстоятельствъ мѣста и времени, какъ-бы въ видѣ дневника, а потому и не будетъ лишено интереса для нашей цѣли послѣдовать за этимъ дневникомъ.

а) *Среда.* Изяславъ идетъ мимо Василева (теперь г. Васильковъ), къ востоку отъ него, переходитъ черезъ Стугну и, пришедши къ *ва.а.*, останавливается на ночь.

б) *Ночь съ среды на четвергъ.* Когда Изяславъ остановился на ночь, Юрій въ это время былъ у *Перепетовыхъ* и, въ теченіе ночи, успѣль сдѣлать переходъ до р. Узки или Узина, не смотря на то, что его тревожила сторожа Изяславова.

в) *Четвергъ.* Изяславъ, перешедши валъ, вступилъ на чистое поле (=Перепетово поле), и здѣсь противники вели между собою переговоры до вечера. Вечеромъ Юрій перешель за Рутѣ и тамъ остановился. Отъ р. Узки Юрій, по всей вѣроятности, перешель Рутѣ между южною окончностью рутскаго озера и устьемъ безъименной рѣчки, текущей въ Ротокъ отъ села Пологъ.

г) *Пятница.* Изяславъ пошелъ на Юрія, приперлись къ озеру оба войска, и раздѣлило ихъ озеро. Вечеромъ Юрій пошелъ за мо-

нію, находился въ глубокой древности монастырь. Положеніе села Плисецкаго и уроцища Черничій лѣсъ гораздо болѣе, чѣмъ положеніе Черногородки, подходитъ къ обстоятельствамъ лѣтописнаго разсказа о движеніи Юрія на встрѣчу Володимирку въ 1151 году.

¹⁾ Ипат. 295: «ратній наши вси на конехъ суть».

ломя (шоломъ, шлемъ, верхъ, гора); Изяславъ пошелъ за нимъ на *верхъ озера*; Юрій передъ нимъ (въ виду его, передъ єго глазами) зашелъ за *Рутецъ* и, перешедши *грязину*, тутъ и остановился на ночь, Изяславъ остановился также на ночь противъ него, „якоже стрѣлы не доходятъ“. Изъ этого видно, что утромъ полки Изяславовы были на восточной сторонѣ рутского озера, гдѣ теперь расположена деревня Салывонъки, а полки Юрія—на противоложной. Юрій перешелъ съ правой стороны Рутца (Чернявки) на лѣвую, какъ это видно изъ хода разсказа, между двумя озерами, большими и меньшими, о которыхъ было упомянуто нами въ предварительномъ описаніи. Изяславъ, преслѣдуя Юрія, перешелъ съ лѣвой стороны Рута на правую, пошелъ вверхъ по Рутцу и расположился на ночь на южной сторонѣ меньшаго озера, противъ Юрія, который расположился на сѣверной сторонѣ того-же озера. И такъ утромъ Юрій былъ на правой сторонѣ Рута, а Изяславъ на лѣвой, а вечеромъ, вслѣдствіе диверсії Юрія, Юрій очутился на лѣвой сторонѣ Рутца, а Изяславъ на правой. Утромъ ихъ раздѣляло большее озеро, а вечеромъ—меньшее. Упоминаемое *шоломя*, конечно, та гора у села *Гребенокъ*, по западнымъ откосамъ которой проходитъ почтовая дорога изъ Василькова въ Бѣлую Церковь. Значеніе слова *Гребенки* (гребень горы) очень близко къ значенію слова *шоломя* (хлѣмъ)¹). Что касается, наконецъ, *грязины*, то это, какъ можно предполагать, заливъ меньшаго озера, вдающійся узкою продолговатою полосою въ материкъ въ сѣверномъ направлениі.

д) *Суббота* (въ ипат., по ошибкѣ, опять пятница). Юрій пошелъ *на верхъ Рутца* (вверхъ по лѣвой сторонѣ Чернявки къ теперешней Средней Слободѣ), отсюда поворотилъ полки *къ Рутцу* (отъ теперешняго села Средней Слободы къ селу Пенчукамъ), потому что хотѣлъ зайти за Руть и тутъ ожидать Володимира. Увидѣвъ-же, что нельзя ему за Руть перейти, потому что противники наѣзжаютъ на задъ полковъ его и возы его отнимаютъ, „оборотячи полки своими“, сталъ противъ Изяслава, былъ разбитъ и бѣжалъ

¹) Ср. имя села *Гребени* (Гребенки уменьшит. отъ Гребенна) кіевск. уѣзда, которое разбросано по *гребнямъ* возвышеніаго берега Днѣпра, отъ чего, по замѣчанію Похілевича, и получило свое название.

черезъ Рутъ, въ которомъ погибло много дружины, потому что онъ былъ грязокъ. Очевидно, что Юрій потерпѣлъ пораженіе въ пространствѣ между теперешними Средней Слободою и Пеньчуками¹⁾. Такимъ образомъ, благодаря высоко-талантливому разсказу лѣтописца, всѣ перипетіи этой достопамятной рати воскресаютъ предъ нами съ поразительно отчетливыми подробностями обстоятельствъ времени и мѣста (*Рутъ, Рутецъ, верхъ Рутца, озеро, верхъ озера, грязина, шоломъ*)²⁾.

3) Подъ 1159 г. въ лѣтописи (Ипат. 342) встрѣчаемъ извѣстіе о томъ, что Изяславъ Давыдовичъ изъ Кієва шелъ въ Галич на *Васильевъ*, дошелъ до *Мунарева*, потомъ воротился и былъ опять у Васильева. Очевидно, что рѣчь здѣсь идетъ о томъ-же пути, по которому шелъ Владимірко изъ Галича въ Кіевъ въ 1150 г. и по которому началъ идти и въ 1151 г. на помощь Юрію.

Очевидно, что Изяславъ шелъ отъ Васильева къ Мунареву и обратно не иначе, какъ черезъ Переопетовское поле.

4) Подъ тѣмъ-же годомъ встрѣчаемъ извѣстіе (Ипат. 344) о томъ, что половцы бѣжали отъ *Бѣлгорода* на *Гюрьевъ* „и много ихъ изоймаша Берендики и Гюргевци, а оно ихъ во *Роси* истопе“. Хотя положеніе *Гюрьева* и доселѣ остается не выясненнымъ, но, тѣмъ не менѣе, изъ лѣтописныхъ упоминаній о немъ, кажется, несомнѣнно, что онъ находился гдѣ-то недалеко отъ Рута и Роси. Очевидно, слѣдовательно, что половцы бѣжали отъ Бѣлгорода къ Роси не иначе, какъ черезъ Переопетовское поле.

¹⁾ Приведемъ давнишя для точнаго, по возможности, представлениія пространственныхъ отношеній между мѣстностямъ, упоминаямыми въ лѣтописномъ разсказѣ о рати Изяслава съ Юріемъ. Отъ села Плисецкаго (Чернівъ), по прямому направлению, до дер. Марьяновки—17 верстъ; отъ дер. Марьяновки до села Узица—29; отъ г. Василькова до дер. Марьяновки—16 верстъ; отъ села Узица до рутского озера—19 верстъ; отъ этого озера до села Средней Слободы—8 верстъ; отъ Средней Слободы до Пеньчуковъ—7 верстъ.

²⁾ Встрѣчаль я, какъ мнѣ помнится, гдѣ-то когда-то биографическое указание на какую-то, чуть-ли не журнальную, статью подъ заглавиемъ: «Битва на р. Рутъ»; по теперь, за пеямѣніемъ подъ рукою всѣхъ библиографическихъ указателей по русской истории (Ламбинаыхъ съ 1855—63 г. и Межова за 1865—76 г. включит.) лишилъ возможности извести надлежащую справку.

5) Подъ 1162 г. въ лѣтописи (Ипат. 356) упоминается о р. *Ротъ* по поводу половецкаго набѣга. „Придоша половци къ Гюр-геву и взяша вежи многи по Роту и пр. Черный-же Клобукъ ѿхаша по нихъ и постигоша я на Рси (вар.: Рши)“ и пр. Это извѣстіе съ совершеною ясностью указываетъ намъ на то, что по Ротку, слѣдовательно и вообще на такъ называемой бѣлоцерковской равнинѣ, славящейся и теперь своими паstбищами, во 2-й половинѣ XII-го в. кочевали черные клобуки съ ихъ вежами¹⁾.

6) Подъ 1172 г. въ лѣтописи (Ипат. 376) мы встрѣчаемъ упоминаніе о городѣ *Михайлова*, въ которомъ княжилъ Василько Ярополичъ по поводу нападенія этого князя на половцевъ. Половцы за *Васильевомъ* со своими вежами у сѣдельниковъ (черныхъ клобуковъ) поджидали своихъ соплеменниковъ, которые, въ качествѣ союзного войска, пошли изъ Киева къ Галичу и должны были воротиться отъ *Борохова* (вар. *Болохова*). Очевидно, что здѣсь рѣчь идетъ объ извѣстномъ уже намъ пути изъ Галича въ Киевъ, слѣд. несомнѣнно, что эта мѣстность за *Васильевомъ* не что иное, какъ Перепетовское поле²⁾. На этихъ то половцевъ, остановившихся за *Васильевомъ*, напалъ Василько Ярополичъ изъ своего города *Михайлова*. Онъ выѣхалъ изъ города ночью, проплуталъ всю ночь, при восходѣ солнца удариль на половцевъ, былъ разбитъ и едва уѣжалъ до города. Очевидно изъ этого разсказа, что городъ *Михайлова* былъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Перепетовскимъ по-

¹⁾ Очень можетъ быть, что и въ именахъ рѣчки *Черниловки* (Рутець) и хутора *Черныхиевки*, значащагося на военно - топографической картѣ къ востоку отъ русскаго озера, верстахъ въ $4\frac{1}{2}$ отъ него, если только это не какія-либо позднѣйшія и не случайныя имена, сохранилось воспоминаніе объ этихъ кочевникахъ, отличавшихся чернымъ цвѣтомъ своихъ клобуковъ (шапокъ, колпаковъ).

²⁾ Г. Н. Дашкевичъ (Болоховская земля, прим. 23) готовъ отличать *Болохово*, о которомъ упоминается подъ 1150 г., отъ *Борохова* (вар.: Болохова), о которомъ упоминается подъ 1172 годомъ. Второе Борохово (Болохово) онъ пріурочиваетъ къ *Борушковицамъ* новоградволынскаго у. на лѣвой сторонѣ р. Деревички, впадающей съ лѣвой стороны въ Случь. Но, въ такомъ случаѣ, чего ради половцамъ пришлось ожидать своихъ соплеменниковъ, которые возвращались отъ Болохова, за *Васильевомъ* (по отношенію къ Киеву)? Къ *Борушковицамъ* изъ Киева слѣдовало-бы ѿхать не васильевскимъ, а бѣлогородскимъ путемъ. Очевидно, слѣд., что Болохово 1150 и Борохово (Болохово) 1172 года тождественны.

лемъ. Карамзинъ (III, стр. 8) поясняетъ: „Михайловъ—близь Ки-ева“. По моимъ соображеніямъ, какъ это было уже упомянуто въ предварительномъ описаніи, этотъ городъ пріурочивается къ теперешнему селу Михайловкѣ, васильковскаго уѣзда, при впаденіи р. Холопа въ Субодъ. Отъ этой Михайловки до верховья Ротка 22 версты, до средняго теченія еще меныше¹).

7) Подъ тѣмъ-же 1172 г. въ ипат. лѣтописи мы встрѣчаемъ еще разъ упоминаніе о городѣ *Михайловъ*. Глѣбъ Юрьевичъ отомстилъ Васильку за его нападеніе на его союзниковъ, „городъ его пожгла, греблю роскопаша“. Глѣбъ ходилъ къ Михайлову изъ Киева, слѣдовательно не иначе, какъ черезъ Переяславское поле²).

8) По ипат. лѣтописи (379) подъ 1172, а по лавр. (339) подъ 1169 г. мы встрѣчаемъ упоминаніе о *Перепетовскомъ полѣ* и о какой-то загадочной *лукѣ моря* по поводу половецкаго набѣга. Глѣбъ Юрьевичъ шелъ изъ Киева въ Корсунь на степь къ половцамъ и

¹) Кстати замѣтить, что къ югу отъ теченія безыменнаго ручья, текущаго отъ села Пологъ въ Ротокъ, на военно-топографической картѣ обозначено урочище подъ названіемъ: «*Васильковъ яонъ*» (у Похилевича не упомянуто), поразительнымъ образомъ напоминающимъ имя *Василька* Ярополчича. Къ Михайлову, какъ городу Василька Ярополчича, легко пріурочивается и извѣстіе подъ 1165 г. (Ипат. 359) объ избѣніи этимъ княземъ половцевъ на *Роси*.

²) Погодинъ (Ізслѣдованія и пр., IV), перечисляя почти всѣ Михайловки кiev. губ., какъ разъ просмотрѣть Михайловку, наиболѣе подходящую къ лѣтописному Михайлову. Онь указывается: 1) на село Михайловку черкасскаго уѣзда, ниже Канева, на правой сторонѣ Роси; 2) на село Михайловку калевскаго у., на Роси, между Богуславомъ и Таращею; 3) на село Михайловку сквир. уѣзда, при которой надъ Росью есть замковище. Но отъ первой Михайловки до рутскаго озера 93 версты, слѣд., далеко, въ теченія ночи не доѣдешь. Второе село, указанное Погодинымъ, называется не *Михайловкой*, а *Мисайловкой*, и отъ него до рутскаго озера 57 верстъ. Третья Михайловка, указанная Погодинымъ, не село, а деревня, въ которой дѣйствительно примѣтно древнее квадратное замковище, но дѣло-то въ томъ, что деревня эта называла по имени помѣщика Михаила Глембоцкаго, основавшаго ее въ 1750 году. Итакъ первое населенное мѣсто не подходитъ къ лѣтописному городу Михайлову по своему топографическому положенію, второе—и по названію, и по топографическому положенію, третье получило имя Михайловки въ позднѣйшее время. Чтобы покончить съ Михайловками, замѣчу, что въ кiev. губ. существуетъ еще одна Михайловка (часть села Рубежовки) въ кiev. у., па лѣвой сторонѣ ручья Мыслины, впад. сть лѣвой стороны въ р. Бучу, лѣвый притокъ Ирпени. Но отъ этой Михайловки до ближайшаго пункта теченія Роси 75 верстъ, до Василькова 39 верстъ.

былъ на Перепетовскомъ полѣ. Вѣроятно, онъ шелъ по той-же дороگѣ, по которой ходилъ Изяславъ противъ Владімірка въ 1150 г. и противъ Юрія въ 1151 году. Узнавши здѣсь, что корсунскіе половцы, не дождавшись его, пошли за Кіевъ воевать, Глѣбъ послалъ своего брата Михалка преслѣдоватъ ихъ. Иduчи вслѣдъ за половцами, Михалко встрѣтилъ передовую партію половцевъ, возвращавшихся уже съ набѣга; произошла битва, и половцы были побѣждены. Затѣмъ Михалко отправился дальше и ожидалъ возвращенія главныхъ силъ половецкихъ; дождался, произошла вторая битва, въ которой былъ раненъ Михалко, и въ которой половцы потерпѣли опять пораженіе. Вслѣдъ за упоминаніемъ о томъ, что Михалка ударили половцы двумя копьями въ стегно, а третьимъ въ руку, изложеніе ипат. лѣтописи (по печатной ея редакціи) нѣсколько отличается отъ изложенія лаврентьевской. Въ ипат. читаемъ: „но Богъ молитвою отца его избави его отъ смерти. Якоже прежде *въ луци моря*, бѣахуся съ пими (половцами) крѣпко“ и пр. А въ лѣтописи лавр. читаемъ: „но Богъ отца его молитвою избави его отъ смерти, якоже (и прежде) *въ луци моря*. И якоже бѣахутся крѣпко“ и пр. И такъ по ипат. списку, битва съ половцами, о которой разсказывается, сравнивается, по отношенію къ ея жестокости, съ битвою съ ними у луки моря, а по лавр. избавленіе Михалка отъ смерти въ битвѣ, о которой разсказывается, сравнивается съ избавленіемъ его отъ смерти въ битвѣ у луки моря. Такимъ образомъ тутъ упоминаются двѣ битвы. Половцы, по всей вѣроятности, дѣлали набѣгъ вверхъ по Ротку и внизъ по теченію Ирпени. Михалко отправился за ними въ погоню съ Перепетовскаго поля, но съ какого именно пункта поля, не сказано; по всей вѣроятности приблизительно отъ верховья Ольшаницы. Историки понимаютъ, въ этомъ лѣтописномъ разсказѣ, подъ *моремъ* настоящее море, море въ теперешнемъ значеніи этого слова, и подъ *луко-моремъ* подразумѣваютъ здѣсь какой нибудь заливъ Азовскаго или Чернаго моря.). Карамзинъ (III, прим. 2), слѣдя членію лавр.

¹⁾ *Лука*—заливъ. Прол. XV в. маі 19: Иляше въ слѣдъ его до лоукъ морскіхъ (Словарь Востокова), лавр. 478: Загна по Дону и въ луку моря.—Авт.

Позволяемъ себѣ замѣтить, что въ живомъ употребленіи слово *лука* не применяется къ водѣ, но только къ сушѣ и означаетъ плзменное, прибрежное иѣсто,

списка, выражаетъ мысль, что здѣсь заключается косвенное (въ видѣ сравненія) упоминаніе о походѣ князей на половцевъ въ 1170 г. (Ипат. 368), въ которомъ дѣйствительно участвовалъ тотъ-же Михалко Юрьевичъ. Но дѣло то въ томъ, что въ 1170 году князья не доходили ни до береговъ Азовскаго, ни до береговъ Чернаго моря. Въ моемъ изслѣдованіи текста Пѣсни Игорю Святославичу я выяснилъ, что *вода*, къ которой были притиснуты русичи по лавр. лѣтописи (стр. 378), и *озеро*, вокругъ котораго они бились, или *море*, въ которомъ они были потоплены, по лѣтописи ипатской (стр. 433 и 434),—одно и тоже. Г. Потебня, въ запискахъ по русской грамматикѣ (II, 245), замѣчаетъ, что *море* въ ипатскомъ разсказѣ о походѣ Игоря значитъ озеро. Море въ смыслѣ озера и воды вообще встрѣчается не рѣдко и теперь въ народномъ пѣсенномъ языкѣ, напр.:

„Только нашла у *по.и* синенькое *море*“.

(Чубинскій, V, 552).

Итакъ, въ стариинномъ языкѣ слово *море* имѣло болѣе обширное значеніе, чѣмъ теперь: оно прилагалось и къ морю, и къ озеру. Понятное дѣло, что если озеро называлось моремъ, то заливъ озера могъ называться *лукой* моря, а изъ этого слѣдуетъ, что подъ *лукой* моря въ занимавшемъ насть лѣтописномъ разсказѣ о битвахъ Михалка съ половцами вовсе нѣть никакой надобности подразумѣвать какой нибудь заливъ Азовскаго или Чернаго моря. Это море съ его заливомъ слѣдуетъ искать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходили эти битвы. Первая битва происходила, вѣроятно, у того-же самаго излучистаго рутскаго озера, о которомъ упоминается въ разсказѣ о рати Изяслава съ Юриемъ въ 1151 году. Итакъ смыслъ приведенного лѣтописнаго разсказа такой: но Богъ отца его молитвою избави его (и на этотъ разъ, и въ этой второй битвѣ) отъ смерти, коже и прежде въ луцѣ моря (какъ и въ прежней, первой битвѣ, проходившей у залива озера). Очевидно, что редакція лаврентіев-

покрытое травою и удобное для пастьбы. Въ такомъ смыслѣ это слово встрѣчаемъ п въ польскомъ языке: лука, *łąka*—отъ *лучить·ся*, *łaszczyć się*, направлять·ся, соединяться, прилегать.—Ред.

скаго списка исправиже редакциі ипатскаго списка. Итакъ, первая битва Михалка съ половцами была у рутскаго озера, а вторая гдѣ-нибудь выше по Ротку.

Вотъ и всѣ лѣтописныя упоминанія о событияхъ, совершившихся на Переопетовскомъ полѣ въ домонгольскій періодъ¹⁾.

Теперь подведемъ итоги тѣмъ топографическимъ даннымъ и основаннымъ на нихъ соображеніямъ и выводамъ, которые служать къ разрѣшенію топографическихъ проблемъ, обозначенныхъ нами въ началѣ статьи.

1) Лѣтописная *Бъянница* (=Въяница)—теперешняя р. Узка (Узянка) или теперешняя р. Узинг, доказательствами чему служать: а) полное фонетическое соответствие стариннаго имени Въяница и теперешнихъ: Узянъ, Узинъ, Узень, Узка, Гузино; б) полное соответствие топографического положенія этихъ рѣчекъ всѣмъ обстоятельствамъ лѣтописнаго рассказа о рати Юрия Долгорукаго съ Изяславомъ Мстиславичемъ въ 1151 году.

2) *Море*, о которомъ упоминается въ лѣтописномъ разсказѣ о рати Михалка Юрьевича съ половцами въ 1172 году, тождественно съ озеромъ, о которомъ упоминается въ лѣтописномъ разсказѣ о

¹⁾ Упоминанія, касающіяся мѣстности древняго Переопетовскаго поля, встречаются въ письменныхъ памятникахъ и послѣ монгольскаго періода:

1) По свидѣтельству Стрыйковскаго, которое, впрочемъ, Карамзинъ считаетъ сомнительнымъ, въ 1311 году Юрий, князь слуцкій, съ Андреемъ Немировичемъ на урошищѣ *Ротку* поразили на голову татаръ, потерявшихъ здѣсь 8000 убитыми.

2) Курганъ *Перепетовъ* и *Перепетовка* и *Ротокъ*—болото упоминаются въ подложной копії, составленной въ 1592 году будто-бы съ подлиннаго списка грамоты Андрея Боголюбскаго кіево-печерскому монастырю, хранившагося въ патриаршемъ архивѣ въ Константинополѣ. Подложность упомянутой копії доказана преосв. Макаріемъ (Исторія церкви, т. III, по 2 изд. 1868 г., стр. 41).

Наконецъ, 3) о *Перепетовомъ курганѣ*, *Роткѣ* и *Узянѣ* упоминается, какъ мы видѣли, въ привилегіи, данной Сигизмундомъ III жителямъ Бѣлой Церкви въ 1597 году. По этой привилегіи вся эта равнина «ажъ до валу, что за Переопетовымъ курганомъ» предоставлялась въ пользованіе жителямъ *Бѣлой Церкви*, вслѣдствіе чего, вѣроятно, равнина эта и доселѣ сливѣтъ подъ названіемъ *«Бѣло-церковской степи»*.

рати Юрія съ Изяславомъ въ 1151 году, доказательствами чemu служать: а) полное соотвѣтствіе топографическаго положенія этого озера съ обстоятельствами лѣтописныхъ разсказовъ объ упомянутыхъ ратахъ; б) употребленіе слова *море* въ значеніи *озера* въ другихъ мѣстахъ лѣтописи, напримѣръ, въ ипатскому разсказѣ о походѣ Игоря, и въ теперешнемъ народномъ пѣсенномъ языке; в) то обстоятельство, что пониманіе подъ *лукой моря* какого нибудь залива Азовскаго или Чернаго моря въ упомянутомъ разсказѣ о рати Михалка Юрьевича съ половцами въ 1172 году ни на чёмъ не можетъ быть основано.

3) Лѣтописному городу *Михайлово* соотвѣтствуетъ теперешнее село *Михайловка* вас. у. на р. Холопѣ, при впаденіи ея въ Субодъ, доказательствами чemu служать: а) полное соотвѣтствіе лѣтописнаго имени этого города съ именемъ упомянутаго села; б) полное соотвѣтствіе топографическаго положенія теперешней Михайловки обстоятельствамъ лѣтописнаго извѣстія о нападеніи Василька Ярополчика на половцевъ въ 1168 году; в) несоотвѣтствіе всѣхъ другихъ населенныхъ мѣстъ кiev. губ. съ подобнымъ именемъ обстоятельствамъ упомянутаго разсказа; г) существованіе между Михайловкой и Роткомъ урочища *Васильковъ гонъ*, напоминающаго своимъ именемъ имя Василька Ярополчика¹⁾.

4) Лѣтописные *Рутъ* (по польски Рутекъ) и *Ротъ* (теперь Ротокъ, Протока) тождествены, доказательствами чemu служатъ: а) полное соотвѣтствіе этихъ именъ въ фонетическомъ отношеніи (ср. въ лѣтописи: *Росъ* и *Русъ*, *Торки* и *Турки* и т. д.)²⁾; б) полное соотвѣтствіе, по отношенію къ обстоятельствамъ мѣста, лѣто-

¹⁾ Противъ пріуроченія Михайловка къ Васильк. у. можетъ быть приведено то обстоятельство, что въ этой Михайловкѣ нѣть остатковъ и слѣдовъ земляныхъ укрѣплений (городища); но если ихъ дѣйствительно нѣть въ самой Михайловкѣ, въ такомъ случаѣ лѣтописный городъ Михайловъ долженъ быть пріуроченъ къ ближайшимъ къ этой Михайловкѣ, сосѣднимъ съ нею мѣстностямъ съ остатками такихъ укрѣплений, какъ, напримѣръ, какъ объ этомъ было упомянуто, къ селу Мазепинцамъ на лѣвой сторонѣ Каменки.

²⁾ *Рутъ*: 1) ротъ. Апост. XIV в. Тим. V, 18: не завяжеши рѣта волу врѣхушю (вола молотяща не обратиши), 2) вершина, маковка. Амарт. XVI в.: сущи искры на рѣтѣ града, 3) Ротъ: рѣтъ кораблю (Словарь Востокова).

писнаго извѣстія, въ которомъ упоминается *Ротъ*, съ лѣтописнымъ извѣстіемъ, въ которомъ упоминается *Рутъ*.

5) Лѣтописному *Руту* соответствуетъ теперешняя рѣчка *Чернявка*, текущая отъ села Средней Слободы и впадающая въ Ротокъ, доказательствомъ чему служитъ полное соотвѣтствіе топографическаго положенія ея всѣмъ обстоятельствамъ лѣтописнаго разсказа о рати Юрія съ Изяславомъ Мстиславичемъ въ 1151 году.

6) Лѣтописной рѣчкѣ *Ольшаницѣ* соответствуетъ теперешняя рѣчка *Тростинка*, или *Раковка*, доказательствами чему служать: а) то, что на ней, по обѣимъ ея сторонамъ, расположены два селѣ *Ольшанки*; б) то, что первый ея притокъ и теперь называется *Ольшанкой*; в) полное соотвѣтствіе старинной уменьшительной формы: *Ольшан-ица* съ теперешней: *Ольшан-ка* (ср. Камен-ица и Камен-ка); г) полное соотвѣтствіе топографическаго положенія р. Тростинки всѣмъ обстоятельствамъ лѣтописнаго разсказа о рати Владимірка галицкаго съ Изяславомъ Мстиславичемъ въ 1150 году; д) несоотвѣтствіе м. *Ольшаницы*, существующаго на р. Гороховаткѣ, тому пути, по которому шелъ Владимірко изъ Галича въ Киевъ.

7) *Перепетово*, или *Перепетовское поле*—это такъ называлася теперЬ бѣлоцерковская степь, или равнина, простирающаяся отъ м. Бѣлой Церкви къ Ступинѣ и отъ м. Фастова къ селу Мирковѣ, доказательствомъ чему служить полное соотвѣтствіе топографическаго положенія этой равнины всѣмъ обстоятельствамъ лѣтописнаго разсказа о походѣ Владимірка къ Кіеву въ 1150 году, о преслѣдованіи Изяславомъ Юрія въ 1151 году, наконецъ, о преслѣдованіи Михалкомъ Юрьевичемъ половцевъ въ 1172 году.

На древнемъ Перепетовскомъ полѣ, какъ это можно видѣть изъ представленнаго нами обзора событий на этомъ полѣ совершившихся, не мало было въ разное время пролито крови, и русской, и не русской. У рутскаго озера, или моря, которое можно считать центральнымъ пунктомъ всей этой равнины, происходили кровопролитныя битвы Юрія съ Изяславомъ въ 1151 году и такія же битвы Михалка Юрьевича съ половцами въ 1172 году. Кроме того, на самомъ полѣ или у окраинъ его происходила битва Владимірка съ Изяславомъ въ 1150 году, битва Василька Ярополича съ половцами въ 1172 году, пораженіе половцевъ берендинчами и

юрьевцами въ 1159 тоду, пораженіе половцевъ черными клобуками въ 1162 году и проч.

Очевидно, слѣдовательно, что Перепетовское поле принадлежитъ къ числу тѣхъ полей, типическій образъ которыхъ воспроизводится иногда въ народныхъ пѣсняхъ, въ родѣ:

Ой чого ты почорніло, зеленее поле?
Якъ-же мені не чорніти,
Що я кровью обкишліо...

Въ заключеніе моей статьи скажу нѣсколько словъ о народномъ поэтическомъ преданіи, пріуроченному къ Перепетовскимъ курганамъ, давшимъ въ древности имя цѣлой равнинѣ, въ сѣверо-западномъ углу которой они находятся, подобно тому, какъ въ позднѣйшее время дало ей имя знатное мѣстечко Бѣлая Церковь, на южной ея окраинѣ возникшее. Сущность этого преданія состоить въ томъ, что подъ упомянутыми курганами похоронены князь Перепеть и жена его Перепетиха, убившая нечаянно своего мужа, а потомъ, отъ горя, и самую себя. Въ видахъ разъясненія смысла этого преданія слѣдуетъ, какъ мнѣ кажется, обратить вниманіе на топографическое положеніе этихъ кургановъ. Курганъ *Перепетиха* находится, какъ было сказано, очень близко (меньше версты) отъ истоковъ Ротка, а *Перепетѣ*, на разстояніи $4\frac{1}{2}$ верстъ къ сѣверо-западу отъ Перештихи, недалеко отъ истока безымянной рѣчки, впадающей въ Унаву, притокъ Ирпени. Это положеніе древнихъ могильныхъ кургановъ, въ которыхъ были погребены какіе-то доисторические знатные люди¹⁾), у истоковъ рѣчекъ, текущихъ въ противоположныхъ направленіяхъ, а также, можетъ быть, и кровопролитныя битвы, въ мѣстности этихъ кургановъ происходившія, и могли подать поводъ народной фантазіи пріурочить къ этимъ курганамъ довольно распространенное и повторявшееся на разные лады миѳическо-поэтическое преданіе о происхожденіи рѣкъ отъ крови древнихъ богатырей. Таково, напр., содержаніе общеизвѣст-

¹⁾ Въ 1845 году Перепетиха была раскопана профессоромъ киевскаго университета Иванишевымъ. Объ этой раскопкѣ см. «Древности, изданныя временною комиссіею для разбора древнихъ актовъ», Киевъ, 1846 г.

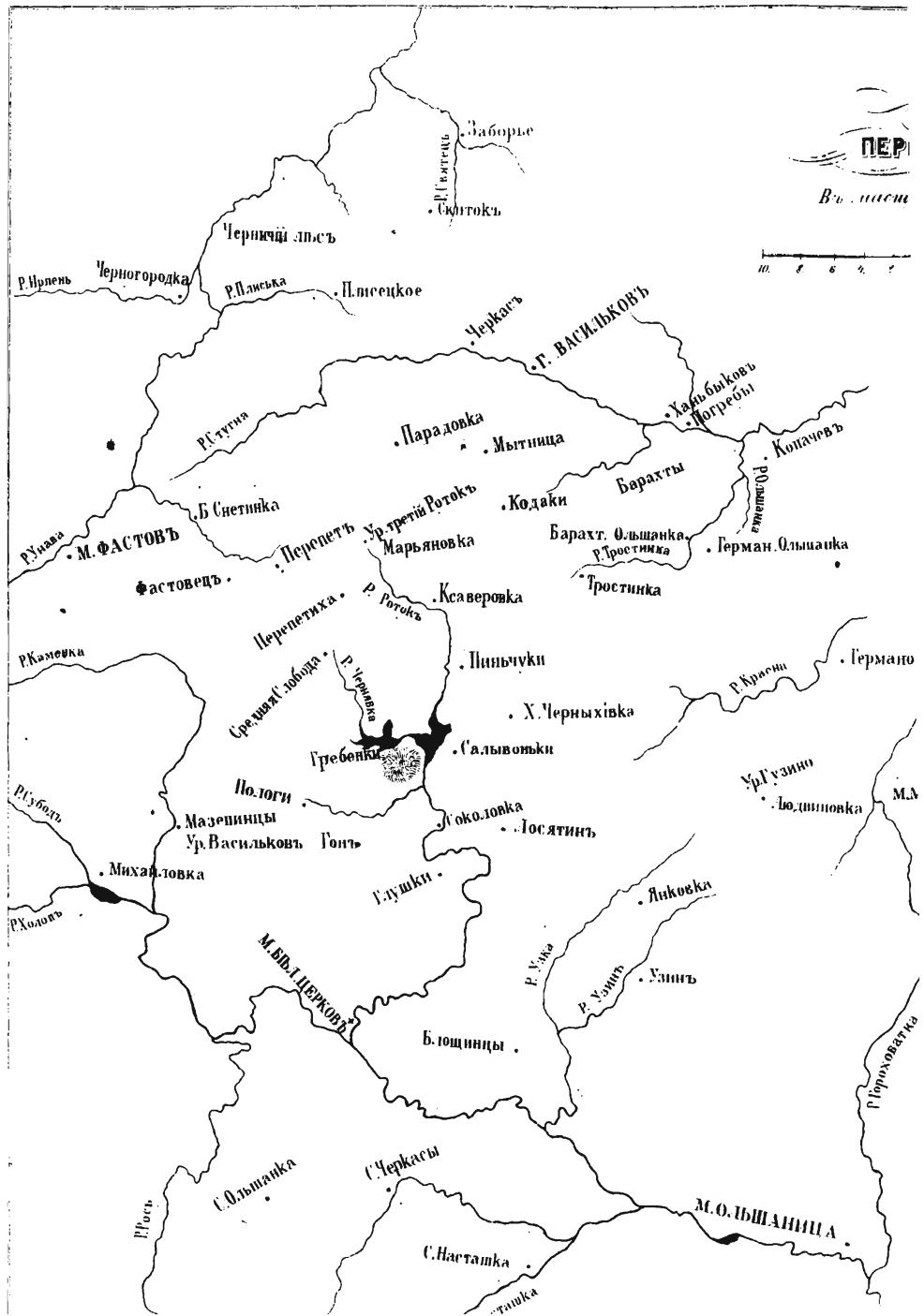
ной былины о Дунай-богатырѣ и Настасьѣ Королевичнѣ. Дунай нечаянно убилъ свою жену Настасью и потомъ, отъ горя, и самого себя:

„Гдѣ пала Дунаева головушка,
Протекла рѣка Дунай-рѣка,
А гдѣ пала Настасьина головушка,
Протекла Настасья рѣка...
Изъ-подъ этого съ подъ мѣстечка
Протекли двѣ рѣченъки быстрыхъ
И на двѣ струечки они расходилися ¹⁾).

М. Андріевскій.

27 іюля 1882 года.

¹⁾ Аѳанасьевъ, «Поэтическія возрѣнія» II, 223. *Дунай*, какъ известно, первоначально—нарицат. имя рѣчки. Что касается *Настасы*, то это имя придается первѣко разнымъ сказочнымъ красавицамъ. См. «Малорусскія народныя преданія», Кіевъ, 1876 г.: Настіна могила, стр. 224, Настасья Прекрасная, стр. 299, Кстати замѣтить, что въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ мѣстностью, служившей предметомъ нашей статьи, есть рѣчка *Насташка* (впадающей въ Рось съ правой стороны верстахъ въ девятыи ниже устья Узина) и на ней село *Насташка*. По преданію, и рѣчка, и село получили свое имя отъ первой сельской красавицы Насташки, утонувшей въ рѣчкѣ (см. у Похилевича).

Украинская деревня второй четверти нынѣшняго столѣтія по воспоминаніямъ дѣтства.

Родился я въ 1831 году, въ одной изъ юго-западныхъ губерній, въ деревнѣ, гдѣ отецъ мой двадцать шесть лѣтъ былъ священникомъ. Ровно половину моей доселѣшней жизни, т. е. до окончанія образованія, я связанъ былъ съ деревней. Съ семи и до 25 лѣтъ я учился въ школахъ, проживая три четверти года въ городѣ, но чувствовалъ, что всею душою я жилъ въ деревнѣ, у роднаго очага. Проходилъ я, какъ и мои товарищи, столько паукъ „божескихъ и человѣческихъ“ (какъ тогда выражались—*rerum divinarum humanarumque scientia*), что нынѣшнее поколѣніе въ ужасъ пришло бы при взглядѣ на одинъ списокъ ихъ, и учился прилежно, но казалось только для того, чтобы развлечься, чтобы заморить въ себѣ тоску и томленіе по родной хатѣ, по роднымъ мѣстамъ и лицамъ. Сколько заботъ прилагали о нашемъ воспитаніи наши школьные начальники и наставники! Какая огромная куча правилъ, наставлений, требованій, совѣтовъ, приказаний сопровождала каждый нашъ шагъ, каждое душевное движение! На все въ этой кучѣ было руководство: думай, чувствуй, дѣтай, какъ по писаному. Сколько было у насъ искренне преданныхъ дѣлу, самоотверженныхъ и добрыхъ воспитателей и пѣстуновъ! Вотъ хотя бы этотъ стариекъ—инспекторъ бурсы, который, бывало, прикажетъ тебя пороть, топаетъ ногами, приговариваетъ: „вѣдь я порю тебя по любви къ тебѣ... мнѣ больно, а не тебѣ... хочу сдѣлать тебя человѣкомъ (гуманизмъ какой!)... вотъ попиши еще... еще... лучше будешь... довольно... больно? плачешь?... а у самаго тоже слезы на глазахъ! Или этотъ смотритель бурсы, архимандритъ, благая и

кrotkaya dusha, kotoriy, otpравляya na s'kyuciu, predvaritel'no perekrestit' tebya n'y'skol'ko raz', da tak' lyubovno prigovarivaets': „Boz' teby' da pomozhet' ponesti nakazanie... Primi ego, kak' ot' samago Boza... Mnogimi skorbmi podobает' nam' vnit' v' tsarstvie n'besnoe“...: a posl'ye s'kyuci tak' ut'ышает' i obodrjaet' ne padať duhom', no vozir'vati' v' seby' duha“... No—prostite menja, do-brye moi shkolnye p'ystuny (umalchivaю o zhestokix', bezchelov'ych', kotorix' ja ne malo im'yl' v' treh' bursax', perehodja iz' odnoi v' druguyu, do pyatnadzatil'etn'ya vo возраста; mn' protivny byli vaши lyubovnya zaboroty, a s' nimi i vs' vaши требованія i vnušenія; dusha moja vs'imi porivami yuagogo voobrazheniia i chuvstva rvalas' k' pyerwym' p'ystunam' i uchiteljam' moego d'etства, k' tой zav'etnoi sred'j, kotoraya vskormila i vyrostila menja. Otsiжivaeshь byvalo v' gorod'je svoyi srok' точно v' turym', v' okovaх', rvet'sya dusha v' dernevju точно na volju, точно tam' vse naylichshee v' svet'. I tak' do samago okonchanija образованiia, do polnoi возmu-zhalosti, kogda sluzhba nasil'no prikr'ypila menja k' gorodu! Dobro by ešte togdašniaj ukrajinckaja dernevja v' samom' d'el' byla privoľem', a to—dernevja tajkko-rabskaja, zakr'ypošchenная pol'jakam' i jidam', zabitya, pyanya, golaya i bosaya! V' dom' ubožhestvo: bol'sheouчастiу proživaeshь odnimi mochenymi suxaryami; otec' truditsya do iznurenija i našs' gonit' v' pole na rabotu... Kругомъ народъ все изможденный,—v' buden' pasmurnyj, ponuryj,—v' prazdnik' pyannyj; haty na kuryix' nojkaх', vokrugъ bol'sheouчастiу ni kol'a, ni dvora; tovarišci d'etства—rebjatishki golodnye, kak' sobachata; v' vozdukh' v'čino pahnet' pan'skim' na-gaem', židov'skim' patynikom' i распаренными rozgami stanovago,—tak' i zvenit' postojanno v' ushakh': „psia wiara! psia krew!“, „nu, ty, muzyk', shvinya, Gav-riilo“... Da, mračnaya, gnetušaya byla sfera! A meždu t'ym' gd'ë-to, v' nezrimykh' dla pana—jida—stanovago slojakh' etoi sfery krylos' samoe n'žjnoe, zdravoe i животворное dyxhanie zhizni, kotoroe byvalo chuvstvuешь na seby' na každom' shagu i kotoroe raz' ispytaeshь—nikogda ne zabudeshь!

Bывало—одно приближеніе срока отъѣзда „домой“ izm'яnilo vsej našs' obydennyj, skuchnyj i sonnyj nastroj. S' každym' dnem' togora my точно просыпались отъ dolgoi spichki, vyrostali, становилис' bogatyryami, „otchajinnymi“. Samo начальство начинало

обходиться съ нами осторожнѣе. „За мной пріѣхали“, ореть счастливецъ, врываясь въ комнату, точно вихорь, и всѣ радостно улыбаются ему. Что за подавляющая тоска у тѣхъ, у кого не осталось въ деревнѣ ни родныхъ, ни присныхъ, осталось только одно необоримое влеченіе къ родной сферѣ! Но они знаютъ, что товарищи разберутъ ихъ по „своимъ домамъ“. Сироты убогіе, что въ первый разъ, въ 7—8 лѣтъ, за 200—300 верстъ приведены были пѣшкомъ въ бурсу своими матерями, оплаканные ими по дорогѣ съ ногъ до головы, залитые тѣмъ особеннымъ чувствомъ, которое дышало въ цѣломъ существѣ тогданией убогой вдовицы, эти сироты—„бурсачки“ теперь весело мастерятъ сумочки изъ выщенаго тряпья, готовятъ длинные дорожные посохи и восхищаются мыслю о длинной дорогѣ, босикомъ, безъ гроша за душою, съ ночлегами по полямъ и лугамъ, въ ненастье по крестьянскимъ хатамъ или куренямъ, за краюхой хлѣба, которую ткнетъ у иной хаты сердобольная старуха, приговаривая: „изъ бурсы? сирота? на, моя дитыночко, підпасись, онъ-якъ тебі живітъ стягнуло...“ Изступленіе какое-то нападаетъ, когда выѣдешь изъ города и очутишься среди спѣлыхъ, золотистыхъ нивъ, увидишь вблизи первую деревню и церковь съ тремя зелеными куполами въ рядѣ. Долой шапка, обувь, сертучишко; прыгъ! съ воза,—босыя ноги тонуть въ теплой, пущистой пыли чернозема... Что за наслажденіе! На поляхъ вяло движутся загорѣлые, потныя, запыленныя лица; на межѣ стоитъ хлопецъ съ близняками, свободный отъ шапки, сапоговъ и проч., ухмыляется намъ, кричитъ: „поповичи...“; по дорогѣ остановилась баба съ банью, приложила руку ко лбу козырькомъ, добродушно привѣтствуетъ насъ: „оце, неначе мішокъ розвязали!... якъ галычъ, посыпались...“ Всѣмъ имъ весело кричишь: „добрый день“, „помогайбі“, „щасти Боже“... Потянулась длинная дорога, знакомыя деревни, поля, лѣса, лужки, гребли, мосты... Какими живительными кажутся здѣсь палящіе лучи полуденного солнца, какими почтенными представляются эти нѣмые труженики на поляхъ, сердито поглядывающіе на торчащаго вблизи панка съ нагаемъ! Какъ уныло днемъ въ деревнѣ, въ ней все точно вымерло, все на панщинѣ! Съ какимъ благоговѣніемъ перекрестишься, когда среди полей, залитыхъ тихимъ, золотистымъ свѣтомъ заходящаго солнца, теплыхъ волнъ воздуха издали донесутъ благовѣсть къ вечернѣ! А ночлегъ

у „кинички“ подъ вербою! Съ какимъ напряженiemъ вслушивася въ постепенное замиранie природы! Точно истома на всемъ легла: и воздухъ, и травы, и деревья — точно все пластомъ растянулось отъ усталости, какъ и тѣ *крѣпаки*, что вернулись съ полей домой и—кто какъ повалился—мертво спятъ. Какъ сладко и самъ уснешь, какъ бодро встанешь до восхода солнца, умоешься изъ кинички и тутъ-же помолишься, ставши лицемъ къ востоку! Вотъ деревни за деревнями, все знакомые виды, знакомые типы, люди забитые, глуповатые, но добрые, ласковые. Бѣда-ли въ дрогѣ приключилася, увязнемъ въ болотѣ, опрокинемся съ косогора,—прохожій подойдетъ, посмотритъ, скажетъ: „біда... нехай вамъ Богъ помогае“. Ось сломалася, *майстерз* въ деревнѣ не водится, или на паничинѣ. „Дасте на кварту горілки (въ то время 10—12 гропей), *полагожу*“. Тяпъ-ляпъ и что-то дѣйствительно похожее на ось появилось, и доѣдешь на ней домой. Лошадь заболѣла: „кровь треба пустить“, говоритъ одинъ, „запозу зробить“—совѣтуетъ другой. „Перегонъ, опой, зѣла що небудь на паші“... Толкуютъ—толкуютъ и чѣмъ-то поправлять лошадь. Самъ заболѣешь—„горіочки съ перцемъ або съ сілью выпий, полегчае“. Послушаешься—и *полегчае!*

Но вотъ и послѣдняя деревня, вотъ и лѣсъ, за которымъ откроются нивы родныя и за ними верхушки куполовъ родной церкви. И „погонычъ“, и мы сосредоточенно и парадно настраиваемся, пріодѣнемся, приведемъ все въ порядокъ на возу, тихо Ѵдемъ лѣсомъ, заранѣе снявши шапки и вперивши очи впередъ. „Господи Іисусе Христе...“, набожно шепчетъ „погонычъ“ и крестится, раньше насъ увидѣвъ забѣтные купола сквозь прогалину въ чащѣ лѣса. У насъ и молитва замретъ на устахъ! Вотъ и „наше“ село, все знакомыя хаты, еще болѣе осѣвшія и покачнувшіяся, но тщательно выбѣленыя. Вотъ старая, высокая „фигура“ среди села, съ которой, мнѣ всегда казалось, страждущій Спаситель глядѣть на страждущій въ тяжкомъ рабствѣ народъ, какъ-бы и самъ сострадая ему и одушевляя его своимъ примѣромъ. Какъ у мѣста здѣсь это святое иображеніе!—Хаты заколочены, по селу типина, всѣ на паничинѣ. Только льготный мужикъ, Павло Старенкій, плутаетъ ногами по дрогѣ изъ корчмы. „А, пріехали, панычи - іоповичи! Бачите, якій я пьяній... Смійтесь па здоровье“... Вотъ всѣми въ гель признанная „золото-жінка“, Бондарчучка, спѣшить съ пан-

щины домой, покончивши раныше всѣхъ свою копу, каждый снопъ въ поясъ,—въ одной руки *близники*, на другой ребенокъ, за плечами свитка, серпъ, банька, колыска и еще что-то, но она весело здоровается съ нами, крѣпко и плико ступаетъ по дорогѣ, вѣбивая пыль подъ ногами. Спѣшить домой, чтобы все убрать, помыть, починить, добыть *кизяка* на топку, принести воды, приготовить мужу на вечеръ галушки, розыскать по деревнѣ свое *яняточко* и *поросеняточко*. Вотъ и наша усадьба, вотъ отецъ на крылечкѣ стоитъ, смотрить намъ на встрѣчу, идетъ къ воротамъ, босой, неодѣтый, измощденный,—бѣжитъ къ воротамъ сестрёнка наша, одиноко живущая про отцѣ-вдовцѣ, за плетнемъ торчить Иванъко, старый солдатъ, сторожъ церковный, и видимо готовится брякнуть намъ: „здравія желаю... чово зволте“... Озираемся вокругъ,—тотъ-же убогій домикъ, тѣ-же комора, клуня, загороди, хлѣвы, садочекъ вишневый, тѣ-же собаки.. И все тутъ на мѣстѣ, ничто не перемѣнилось, и все такъ привѣтливо глядитъ на насъ, и такая въ душѣ благодать, такая въ сердцѣ теплота и радость!...

И пошла затѣмъ жизнь, ни съ чѣмъ не сравнимая. Чувствуешьъ, что выростаешь и крѣпнешь, что живешь полной жизнью, какъ этотъ буйный колосья на крѣпкоколѣбѣнномъ стеблѣ, какъ этотъ молодой дубнякъ съ его металлическими листьями, какъ эта стройная и сочная трава въ дубовомъ лѣсу. Шире и шире раздвигаются горизонты мысли, повсюду точно кто-то незримо за тобою бродитъ и напептываетъ смѣлые замыслы, проекты, внушаетъ завѣтныя стремленія, священные обѣты и любовь—любовь безъ конца ко всему страждающему и обремененному, ко всякому нищему духомъ, къ своему темному и теплому народу, къ голой, и босой, и подѣласъ пьяной матери—Украинѣ...

Читатель, я вѣдь говорю о времени моего дѣтства, давно прошедшаго: не судите меня по-настоящему. Говорю о деревнѣ того странного теперь и сказочнаго времени, когда городъ отдаленъ былъ отъ деревни цѣлою бездною, когда въ городѣ жили все вольные люди, а въ деревнѣ—все крѣпаки, когда въ городѣ царила власть русская, а деревня стонала подъ игомъ польско-жидовскими, точно среди одного государства другое расположено было форпостами, бивуакомъ, и вѣдь городовъ по деревнямъ власть русская появлялась только наѣздомъ, чѣмъ дѣйствительно признавали въ то

время поляки русскую власть въ украинской деревнѣ, да нельзя было съ этимъ и не согласиться. Говорю о деревнѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, о деревнѣ крѣпостной, когда, послѣ неудавшійся польской революціи 1831 года, польская сила, изгнанная изъ городовъ, изъ правительстvenныхъ сферъ, вся укрылась въ деревняхъ и, раздраженная неудачею возстанія, вся обрушилась на русскихъ своихъ „подданныхъ“, вымѣщая на нихъ свою неудачу, мстя имъ за ихъ „измѣну“ польской спрѣвѣ и вмѣстѣ торопясь руками крестьянъ поправить разстроенное революціей свое состояніе. Это былъ недолгій, но глубоко трагическій періодъ въ быту украинской деревни, когда повсюду слышенъ былъ одинъ тяжелый стонъ, когда деревенскіе старики со вздохомъ говорили: „подъ Польшей было народу легче“, когда одни массами бѣжали въ Бессарабію, въ Черноморье, въ Турцію, другіе ждали появленія Хмельницкаго, который вывелъ-бы ихъ изъ рабства полякамъ и жидамъ, или-же Гонты и Желѣзняка, чтобы по крайней мѣрѣ поглумиться надъ своими притѣснителями, къ которымъ наконецъ народъ сталъ причислять всѣхъ и все, кромѣ себя самаго. Тогдалий городъ тупо глядѣлъ на эту картину, судилъ и казнилъ „бунтовщиковъ противъ своихъ господъ“; становые и капитанъ-исправники точно для того только и существовали, чтобы именемъ русскаго государства удерживать русскихъ крестьянъ въ полномъ повиновеніи польскимъ помѣщикамъ. Крѣпцацкая деревня стонала, но упорно противостояла своимъ панамъ и ихъ охранителямъ, нѣмо и глухо, но неизмѣнно протестуя противъ чуждаго господства въ краѣ, пропивала съ горя послѣднюю овцу, курицу, но не теряла вѣры въ будущее и—довела свое дѣло до конца: отстояла свою духовную независимость, сохранила въ краѣ русскую народность. Едва уничтожено въ краѣ рабство, какъ народъ далъ почувствовать себя своимъ притѣснителямъ въ ихъ возстаніе, и, глядя на эту для многихъ какъ-бы изъ земли выросшую силу, мы съ увѣренностью могли противопоставить ее притязаніямъ поляковъ и вмѣшательству Европы¹⁾.

¹⁾ Недавно въ одной корреспонденціи изъ Киева (Нов. Вр., 31 мая 1882 г.) мы прочли сѣтованія на недостаточную оцѣнку заслугъ чиновниковъ въ юго-западномъ краѣ, прибывшихъ послѣ 1863 года. Корреспондентъ утверждаетъ, что «во время возстанія 1863 года обнаружилось съ полной очевидностью, что край этотъ былъ русскимъ только по названию» (!!), что наѣхавшіе затѣмъ чинов-

Что это за сила, которая, несмотря на свою темноту, въко-
вое рабство, на долгія искушения, принужденія и кары, спасла
дорогое для государства достояніе, что это за чудесная должна
быть сила!

Нѣтъ, читатель, не покрекайте насъ въ наивности. Недаромъ
мы съ такою любовію вспоминаемъ деревню, насыщеннойю
и вскорившую, вложившую въ насъ первые завѣты жизни. Мы
любимъ ее за ея страданія, терпѣніе и вздохи во имя любви къ
роднымъ началамъ жизни, за крѣпкую вѣру въ спасительность этихъ
началъ, за всѣ тѣ добрыя свойства, которыя выростали на почвѣ
страданій въ соединеніи съ такою любовію и вѣрою. И чѣмъ ближе
приникаемъ мы ко временамъ нашего дѣтства, тѣмъ глубже и от-
четливѣе сознаемъ въ себѣ биеніе народнаго пульса и необоримую
силу гражданскую, тѣмъ полнѣе и живѣе становятся наши обще-
ственные и гражданские идеалы и наша вѣра въ Русь могущест-
венную.

Подъ вліяніемъ новыхъ условій украинская деревня мѣняетъ
теперь свой прежній видъ, въ ней происходятъ явленія, способныя,
повидимому, охладить наипи симпатіи къ ней, подорвать нашу вѣру въ
нее. Городская жизнь вторгается въ нее, проникаетъ въ бывшія крѣ-
пацкія хаты. Мужики, бабы, дѣвки, парни въ городѣ покупаютъ
для себя уборы, часто тратя на нихъ послѣдній гропшъ,—пьютъ чай,
сантуринское, курятъ папиросы, учатся танцевать польку и кадриль...
Семинаристы съ тросточками дѣлаютъ променады по деревнѣ, го-
ворятъ дѣвкамъ: „мое почтеніе“. Дѣячки читаютъ романы, поютъ
чувствительные романсы, подѣчашь и куплетикъ изъ оперетки.
Священники волнуются по поводу послѣдней книжки „Вѣстника
Европы“, или передовой статьи „Голоса“. Въ деревнѣ появились
даже свои чиновники—изъ тѣхъ-же „мужиковъ“ и изъ „благород-

ники «первые нанесли тяжелый ударъ польской справѣ въ этомъ краѣ», что «въ
немного лѣть они совершиенно перевоспитали крестьянъ въ ихъ отношеніяхъ
къ русскому правительству», что «въ этомъ велика ихъ заслуга предъ рус-
скимъ народомъ и государствомъ»... Deus ex machina! И вся эта чепуха на-
сказана единственно въ доказательство того, что щедрая раздача имѣній этимъ чинов-
никамъ недостаточно-де вознаградила ихъ за заслуги... Корреспондентъ однако
признается, что «нѣкоторые изъ пріобрѣвшихъ въ краѣ имѣнія находять болѣе
практичнымъ держаться пала и жида, считая мужика только стихійной силой»!..

ныхъ", настоящихъ чиновниковъ, предъ которыми иной разъ самъ станової (выражаясь языкомъ Расплюева) „мальчишка и щенокъ“. И жидъ, и панъ уже не тѣ: жмутся зачастую и заискиваютъ у „пана Гаврила“... Новое-ли городское, чиновничье крѣпчество пытается утвердиться въ деревнѣ вмѣсто прежняго, или деревни, долго отдѣляемая отъ города бездной, хочетъ хлебнуть во всю глотку городскихъ благъ, дохнуть во всю грудь городскимъ воздухомъ, или то и другое вмѣстѣ,—рѣшить трудно. Есть много признаковъ, указывающихъ на то, что теперь, въ первый разъ, со времени раздѣленія Руси на двѣ половины, южно-русская деревня приступаетъ къ дѣйствительному, живому участію въ обще-русской жизни. Каша, кутерьма, столпотвореніе вавилонское! Ходь вмѣсто сердечности, пьяное веселіе вмѣсто пьяного горя, достаточительность вмѣсто убожества, разнузданность вмѣсто безправія, штундизмъ вмѣсто тихой преданности уставамъ церкви!.. Вспіють забѣжіе публицісты! Но мы не смущаемся. На первыхъ порахъ, послѣ долгаго отчужденія и рабства, эта картина въ деревняхъ неизбѣжна. Та сила, что вынесла на своихъ плечахъ чуждое вѣковое иго и спасла народность и вѣру, не обманетъ, не загинетъ, не уронитъ края, дайте только ей оглядѣться кругомъ себя, ознакомиться съ условіями нового быта, завести повсюду школы, выростить новое поколѣніе...

Пока это станется, почтимъ благодарно памятью нашу крѣпостную деревню, помянемъ ея горести и печали, пьяные радости и тихія мечты,—все то, чѣмъ она жила, крѣпилась, утѣшалась...

Мы желали-бы представить на страницахъ „Кievskoj Stariны“ рядъ очерковъ изъ быта украинской деревни тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ по воспоминаніямъ о нашемъ дѣтствѣ. Мы имѣемъ въ виду свою родную деревню, умалчивая только о названіяхъ, но всѣ украинскія деревни того времени такъ похожи одна на другую. Везде однѣ и тѣ же элементы и факторы жизни: священникъ-руководитель, воспитатель народа, дѣлякъ — его просвѣтитель, функція самостоятельная; панъ въ различныхъ видахъ, съ неограниченнымъ произволомъ и религіозно-национальными тенденціями, и паконецъ самъ народъ—жертва чуждаго вліянія и господства, стояцій въ непрерывной съ ними оппозиціи. Вспоминая наше дѣтство, мы представимъ бытъ тогдашней деревни въ слѣдующихъ очеркахъ.

1) мой отецъ, 2) дядъкъ—мой первый учитель; 3) польско-католической, господствовавшій элементъ и 4) крѣпостной людъ.

I.

Мой отецъ и его родословная.

Я сказалъ уже, что отецъ мой былъ священникомъ. Первымъ священникомъ въ нашемъ роду былъ дѣдъ мой, отецъ отца моего. Такимъ образомъ, хотя наша фамилія очень распространена была въ юго-западномъ краѣ и въ частности въ духовенствѣ, однако родъ нашъ былъ новичкомъ въ средѣ духовенства, издавна сидѣвшаго въ краѣ родами своими.

Несомнѣнно, что древнѣйшій обычай замѣщенія приходовъ на Руси былъ выборъ священниковъ самими прихожанами. Не видимъ въ древней Руси при архіерейскихъ домахъ правильно устроенныхъ школъ, а потому архіереи не имѣли возможности замѣщать приходы своими кандидатами. Вѣчевой порядокъ избавлялъ архіерея отъ обязанности заботиться о такихъ кандидатахъ. На югѣ Руси, въ литовскій періодъ ея, когда громады получили определенный строй и право самосуда, учрежденіе отдѣльныхъ приходовъ и выборъ священниковъ являются уже правомъ громадъ. Въ польской періодъ южной Руси это право встрѣтило сильнаго соперника въ колляторство помѣщиковъ, основанномъ на правѣ землевладѣнія, по которому они одни могли обеспечить священниковъ земельными угодьями, дозволить на своей землѣ постройку церкви, дозволить рубить лѣсъ на постройку ея. Помѣщикъ-киторъ, построившій церковь на свой счетъ и обеспечившій содержаніе ея и причта, считалъ за собою безусловное право на выборъ священника. Но громады вступили въ борьбу какъ съ колляторствомъ польскимъ, такъ, со временемъ появленія толковъ обѣ учи, и съ киторствомъ православнымъ, къ которому теряли довѣріе. Постепенно, особенно при помощи козацкихъ восстаній, установился *modus vivendi* между громадами и помѣщиками - колляторами и киторами (послѣднихъ однако не видно среди ополяченного дворянства): выборъ священника остался за громадою, по подъ условіемъ утвержденія его колляторомъ. Понятно однако, что для темной громады не легко было

приготовить своего кандидата на приходъ, а захожаго, напрашивавшагося на приходъ достаточно опѣнить—умѣетъ-ли правильно совершать богослуженія и требы, тянетъ-ли онъ за панами или за народомъ. Кромѣ того, принявъ сторонняго человѣка, нужно помочь ему завестись домомъ, хозяйствомъ—расходъ не малый. Поэтому, для громады было весьма выгоднымъ, если священникъ, уважаемый ею, самъ себѣ приготавлялъ преемника въ лицѣ своего сына или зятя, хорошо извѣстнаго ей, за котораго при томъ самъ священникъ можетъ поручиться въ точномъ и правильномъ совершеніи церковныхъ службъ. Свой человѣкъ все таки лучше чужаго, можетъ быть и хорошаго. Для священника тѣмъ болѣе выгодно было оставить наслѣдникомъ своей хаты и хозяйства своего сына или зятя, вѣрнаго притомъ хранителя установленнаго имъ въ приходѣ духа и порядковъ. Такая обояудная выгода рано развила въ священническихъ семьяхъ право на приходъ по наслѣдству. Батьковщина и здѣсь стала играть ту-же роль, что и въ народѣ, и становилась нравственно обязательна для громады. Не мало было приходовъ, переходившихъ по наслѣдству въ теченіе 100—200 и болѣе лѣтъ, пока накопецъ или священникъ умиралъ бездѣтнымъ, или дѣти его оказывались ни къ чему негодными. Наслѣдственность стала казаться правомъ, а право избавляло кандидата отъ заискиваній и униженій предъ громадою, давало особый тонъ, гордость предъ сорѣнью со сбѣдомъ-новичкомъ въ околотѣ, корили ихъ: „я отъ дѣда-прадѣда панъ въ своей пароѳії, а ты—заволока, громадскій наймить“... Но заволоки раздѣлялись на два разряда, рѣзко различавшіеся другъ отъ друга. Одни появлялись въ приходахъ не вѣсть откуда, никто не зналъ роду-племени ихъ, спаивали громаду, унижались предъ нею, не скупились на всякия уступки и обѣщанія—и получали согласіе громады. Другіе или были лично знакомы громадѣ и получили отъ нея приглашеніе на приходъ, или были сыновьями или зятьями почтенныхъ сосѣднихъ священниковъ, которые могли поручиться за нихъ, какъ за самихъ себя. Предъ такими новичками въ околотѣ прикусывали языкъ „родовитые попы“, особенно, если новичекъ съумѣлъ самъ утвердить свой авторитетъ въ приходѣ. Къ послѣдняго рода новичкамъ принадлежали и отецъ, и дѣдъ мой.

Фамильное наше преданіе гласило, что во время „великихъ руинъ“ козаки нашли по дорогѣ во рву однолѣтняго хлопчика, совсѣмъ умиравшаго отъ голода. Никто не могъ сказать, чье это дитя и гдѣ дѣвались его отецъ и мать. Козаки взяли съ собой этого хлопчика, отходили его и выrostили, предварительно окрестивши его, такъ какъ не были увѣрены, что онъ крещенъ по православному. Вышелъ изъ хлопчика бравый козакъ. Въ мирные годы запорожскіе козаки, особенно молодые, расходились по деревнямъ цѣлаго края то для гулянокъ, то для заработковъ. Въ одну изъ такихъ гулянокъ молодой козакъ не выдержалъ козацкаго духа и женился. Жена оставалась въ деревнѣ при отцѣ, а онъ часто навѣщалъ ее. Это былъ мой прапрадѣдъ. Прадѣдъ, вырослій въ деревнѣ при семье, не увлекся примѣромъ отца своего и предпочелъ мирную жизнь. Но, гордясь своимъ козацкимъ происхожденіемъ, не хотѣлъ прикрѣплять себя къ землѣ, чтобы не закрѣпиться за ляхомъ—помѣщикомъ, такъ какъ вся земля по правую сторону Днѣпра принадлежала только польской шляхѣтѣ, и кто получалъ въ пользованіе кусокъ этой земли, тотъ рисковалъ закрѣпить себя за мѣстнымъ *паномъ*. Поэтому прадѣдъ мой, не имѣя постояннаго мѣстопребыванія, оставлялъ свою жену и дѣтей у тестя, а самъ ходилъ на Донъ и въ Крымъ, откуда привозилъ и продавалъ по базарамъ рыбу, соль, рожки, фиги. Дѣдъ мой еще въ дѣтствѣ со-путствовалъ своему отцу въ далекихъ поѣздкахъ его и въ торговлѣ по базарамъ, а на всю зиму отправлялся съ нимъ, для прокормленія воловъ, въ степи. Степи-то были тогда привольныя, безко-ническыя, особенно за Винницей и Немировымъ. Располагайся, гдѣ хочешь, заготовляй сѣна, сколько хочешь. Зимою стечи свободны отъ набѣговъ татарскихъ, набиралось тутъ изъ Украины не мало такихъ-же чумаковъ и *волводовъ* (торговцевъ скотомъ), приготов-лившихъ для себя обширныя землянки, а для скота, на случай стужи, *загороди*. Кочевая, торговая жизнь нуждалась въ грамотности и потому дѣдъ мой въ дѣтствѣ обученъ былъ грамотѣ. Гра-мотность сближала его съ духовнымъ міромъ, онъ любилъ читать и пѣть на клиросѣ и въ знаніи церковнаго устава могъ спорить съ любымъ дѣкомъ. Наслѣдовавъ послѣ смерти отца его хозяйство и продолжая вести кочевую жизнь, онъ много разъ подвергался разнымъ несчастіямъ, терялъ все свое походное достояніе, но ни

за что не хотѣлъ прикрѣплять себя къ землѣ. Козацкая кровь и въ немъ отзывалась, волнуясь при напоминаніи о панахъ и уніатахъ. Сильно любилъ онъ мѣста своего рожденія, дѣтства, промысловъ, но не менѣе сильно дорожилъ своей волей и боялся брать землю у помѣщика, чтобы не почасть въ цанскія лапы. Долгое время, поѣтому, онъ не обзаводился семьею. Наконецъ, напоминаніе о томъ, что уже и старость не за горами, что некому будетъ оставить небольшое свое имущество, рѣшило его участъ: на 45 году онъ женился на настоящей невѣстѣ того времени—на тринадцатилѣтней дѣвицѣ. Женитьба однако не много измѣнила образъ жизни его: не жилось ему среди террора, который продолжался по всей югозападной Руси послѣ *Коливищны* и первого раздѣла Польши, когда вольный православный человѣкъ на каждомъ шагу подвергался оскорблѣніямъ и подозрѣніямъ со стороны каждого шляхтича и каждого уніатскаго священника. По прежнему дѣдъ мойѣ єздилъ на Донъ, по ярмаркамъ. Подходила третья турецкая война. По всей Украинѣ, Волыни и Подолии народъ встрепенулъся. „Покончивъ съ туркомъ, москали придутъ въ Польшу, и тогда панъ станетъ хлономъ, а хлонъ паномъ“—шептались между собою крестьяне, дьячки и священники, православные и даже уніаты. У пьяныхъ срывались съ языка похвальбы и угрозы панамъ. Предъ панами всталъ грозный призракъ „Коливищны“... Начались аресты, паны повсюду взывали: *do bronи, рапоши!* Православный епископъ (Викторъ Садковскій, только что рукоположенный) арестованъ, даже уніатскій епископъ на Волыни подвергся подозрѣніямъ въ измѣнѣ; множество священниковъ, дьячковъ томились въ тюрьмахъ, не мало изъ нихъ повѣшено; крестьянъ сѣкли, отрѣзывали имъ уши, отрубливали руки, многихъ повѣсили. Въ это время дѣдъ мой исчезъ, никто не зналъ, гдѣ онъ и что съ нимъ, считали его пропавшимъ. Прошло лѣто (1789 г.), прошла и зима, война окончена, русскія войска возвращаются со славою и снова встаютъ надежды русскихъ крестьянъ и духовенства въ Польшѣ. Вдругъ дѣдъ мой явился въ семьѣ своей. При крикахъ радости сбѣжавшихъ малыхъ дѣтей и родныхъ, онъ гордо выпустилъ изъ-за пазухи какую-то бумагу, завернутую въ платокъ, и раскрылъ ее предъ всѣми на столѣ. На толстой бумагѣ было что-то написано, внизу большая печать и подпись. Указывая пальцемъ на подпись, дѣдъ торжественно про-

читалъ: „Шотемкинъ“. Всѣ разинули рты. „Теперь, прибавилъ дѣдъ, не боюсь ляхівъ, я—руській дворянинъ“. То дѣйствительно была грамота на дворянство, данная дѣду за какія-то услуги его русскимъ войскамъ, при которыхъ онъ находился неотлучно во все время этого трудного похода, въ качествѣ маркитанта. Въ чемъ именно состояла услуга дѣда, удостоенная такой награды, это осталось неразъясненнымъ въ потомствѣ. Толковалось про какую-то „кашу съ икрой“ (?), придуманную дѣдомъ для войскъ подъ Очаковыемъ и очень понравившуюся Шотемкину, про какія-то развѣдки въ турецкомъ станѣ, что очень возможно было со стороны дѣда, знавшаго по татарски и хорошо знакомаго съ татарскими обычаями, къ тому-же крѣпкаго и выносливаго человѣка. Какъ-бы то ни было, по завѣтной грамотѣ долго хранилась въ семье дѣда. Откуда-то появилось убѣженіе, что изъ всей семьи тотъ только будетъ дворяниномъ, кому дѣдъ предъ смертию вручить эту грамоту. Но дѣдъ умеръ, хотя и въ глубокой старости, внезапно, отъ угара, никому не назначивъ грамоту. Сѣхались на погребеніе дѣти и взрослые внуки дѣда, честно похоронили его, а потомъ заспорили, кому должна принадлежать грамота. Долго спорили, стали вырывать другъ у друга злощастную грамоту, ратовала все женская половина. Вдругъ одна изъ внука, замужняя, наиболѣе проникнутая честолюбіемъ, но найменѣе имѣвшая шансовъ на побѣду надъ прочими соперницами, схватила грамоту и—это было въ кухнѣ—швырнула ее въ печь, приговаривая: „нехай-же никому не достанеця“. Прежде чѣмъ присутствовавшіе пришли въ себя отъ ужаса, отъ грамоты осталась только зола. Никому потомъ и въ голову не приходило добиваться возобновленія грамоты, всѣ были убѣждены, что пропала грамота—пропало и дворянство. Это было въ концѣ тридцатыхъ годовъ, когда въ краѣ шла повѣрка документовъ на дворянство и огромная масса пляхты, затерявшей свои документы, лишена была дворянства и составила приниженный классъ однодворцевъ. Къ тому-же, южнорусское духовенство подчинено было общимъ имперскимъ законамъ о духовномъ сословіи.

„Но мы на прежнее возвратимся“... Ожиданія русскаго народа скоро стали сбываться: въ 1792 году послѣдовалъ второй раздѣлъ Польши, по которому вся Украина, часть Волыни и Подолья присоединены были къ Россіи. Дѣдъ мой съ своей семьей и

родственниками очутился въ чертѣ русскаго государства, подданнымъ царицы. Повсюду была радость безмѣрная; казалось, что сей-часъ „панъ станеть хлопомъ, а хлопъ паномъ“. Прежде всего народъ сталъ изгонять униатскихъ священниковъ. Изъ послѣднихъ многіе принимали православіе, но многія бѣжали въ Бѣлоруссію, гдѣ униатскому духовенству жилось спокойнѣе, или пріючивались по панскимъ дворамъ при домовыхъ капличкахъ. Громады озабочены были пріисканіемъ кандидатовъ на вакантные приходы. Въ это время пріѣхали къ дѣду моему, имѣвшему уже болѣе пятидесяти лѣтъ, посланцы отъ громады, хорошо знавшей его, съ просьбой принять *парафію* ихъ. Послѣ недолгихъ колебаній, дѣдъ теперь рѣшился бросить скитальческую жизнь. Но явилось затрудненіе: селеніе, въ которомъ ему предложена была парафія, принадлежало базиліанскому монастырю, находившемуся въ ближайшемъ городѣ и содерявшему извѣстныя въ краѣ школы, привилегіи которыхъ, какъ и другихъ школъ, русское правительство вполнѣ подтвердило. Монастырь владѣлъ въ этомъ селѣ церковью и приходомъ, присыпая своихъ монаховъ какъ для управления имѣніемъ, такъ и для богослуженій. Выжить базиліанъ изъ прихода нельзѧ было, отнять у нихъ церковь трудно. Но всѣ старики живо помнили, что прежде у нихъ было *благочестіе* и священникъ былъ *благочестивый*, а потомъ богатый польскій вельможа, владѣлецъ обширнѣйшихъ имѣній въ краѣ, вызвавъ въ свой городъ базиліанъ и устроивъ школы, отдалъ имъ во владѣніе и это село съ церковью, удаливъ *благочестія* священника. Прибывъ въ это село, дѣдъ мой увидѣлъ на косякѣ входной церковной двери рѣзную надпись, гласившую о времени построенія „*сего православнаго храма*“. Надпись на одномъ изъ церковныхъ колоколовъ гласила, что онъ пожертвованъ для того-же „православнаго“ храма. Недолго думая, громада попѣшила представить эти доказательства о принадлежности храма православному архиерею въ подлинникѣ и просить содѣйствія его къ возвращенію ей этого храма. Снарядили подводы, выломали дверь съ косякомъ, сняли колоколъ, то и другое уложили на подводы, усадили на нихъ моего дѣда и нѣсколько депутатовъ отъ громады и отправили ихъ въ Переяславль къ епископу (епископская каѳедра впослѣдствіи перенесена изъ Переяславля въ Полтаву), которому издавна поручено было завѣдывать дѣлами право-

славныхъ въ польской Украинѣ, части Волыни и Подолья. Доказательства оказались очень вѣскими: ходатай являлись съ ними и къ архіерею, и въ консисторію, гдѣ всѣ писчики, повітчики и члены хохотали, глядя, какъ впереди рослый и крѣпкій дѣдъ мой несъ въ присутствіе семипудовый колоколъ, а за нимъ депутаты тащили дверь съ рамой. Всѣ экзамены (на стихарь, на діаконство, на іерейство) дѣдъ сдалъ хорошо и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ прошелъ всѣ степени, отбылъ обученіе (практическое упражненіе въ богослуженіи подъ руководствомъ священника, назначенаго архіереемъ) и вернулся въ свой приходъ, въ которомъ засталъ уже церковь въ рукахъ своихъ прихожанъ. Базиліане совсѣмъ присмирили, построили капличку и въ ней совершили свои богослуженія.

Базиліанскій монастырь въ городѣ и при немъ школы существовали до польской революціи 1831 года. До этого-же года оставалось во владѣніи монастыря и село, составлявшее приходъ моего дѣда¹). Такимъ образомъ дѣдъ мой, жившій до 1837 года, постоянно имѣлъ сосѣдями базиліанскихъ монаховъ—управителей имѣнія, которые не могли равнодушно вспоминать о своемъ владѣніи церковію и приходомъ, о быломъ господствѣ унії въ краѣ. Однако дѣдъ мой былъ человѣкъ миролюбивый и жилъ въ пріязни съ базиліанами, которые теперь не могли и думать объ интригахъ въ средѣ прихожанъ. Ссоры были рѣдки, совершенно домашняго свойства; обѣ стороны сору изъ избы не выносили и дружба продолжалась неизмѣнно. Зайдетъ бывало дѣдъ къ базиліанамъ отъ скучи побесѣдоввать, или они зайдутъ къ нему. Пріемъ, конечно, бываетъ по-хозяйски, по-сосѣдски. Выпьютъ по одной—любовно поговорять, по другой—повеселѣютъ, по третьей, четвертой—и разговоръ склоняется къ воспоминаніямъ о прошломъ, представлявшемъ теперь такую огромную разницу для обѣихъ сторонъ. Чарка продолжаетъ переходить изъ рукъ въ руки, жгучая боль поднимается въ сердце

¹⁾ Въ 1831 г. огромныя владѣнія польского магната, за дѣятельное участіе его въ революціи, конфискованы. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ, они составили особый отдѣль юго-западныхъ военныхъ поселеній. Село, составлявшее приходъ моего дѣда, тогда-же уничтожено, жители разселены по состояніямъ селамъ, а усадьбы ихъ обращены въ пахатныя поля.

базиліанъ, злорадство подмываетъ дѣда. На сцену являются вопросы о папѣ, о схизмѣ, объ исхожденіи св. Духа, о чистилищѣ... Прос-таки были управители базиліане, не былъ богословомъ и дѣдъ мой; споры держались все на рассказахъ, басняхъ, остротахъ, крѣпкихъ словахъ: стороны все разгорячались, и обыкновенно оканчивалось тѣмъ, что унія и православіе бросались другъ на друга, и начиналась потасовка. Обыкновенно побѣда оставалась на сторонѣ пра-вославія, потому что крѣпкій дѣдъ мой легкоправлялся съ двумя базиліанами. Но однажды сильно досталось дѣду. Пріѣхали изъ города для отдыха базиліане-профессоры. Дѣдъ стушевался: „ученые“... и не ходилъ къ базиліанамъ. Взяло однако дѣда любопытство посмотретьть, послушать „ученыхъ“ и, какъ ни крѣпился, зашелъ въ *плебанію*. Конечно, приняли по старому, по-хозяйски. „Ученые“ пили одинаково съ неучеными, сыпали латинскими фра-зами, высокомѣрно относились къ дѣду. Какъ ни обидны были замѣ-чанія „ученыхъ профессоровъ“, но дѣдъ чувствовалъ полное свое безсиліе предъ ними на словахъ. Съ каждой чаркой нетерпѣніе его возрастало, руки чесались. Наконецъ, послѣ многихъ уже чарокъ, едва произнесъ одинъ изъ профессоровъ: „ta przeklęta schizma“, какъ дѣдъ ринулся на него и, ну!—тузить его, приговаривая: „ото тобі шизма, ото тебі папа“... Увы, кончилось тѣмъ, что базиліане еле живымъ привезли дѣда въ домъ его, гдѣ онъ долгое время отлеживался. Крѣпкая натура перенесла неожиданную катастрофу; у дѣда и у перепуганныхъ базиліанъ поубавилась охота къ богословскимъ спорамъ. Совсѣмъ уже старѣясь, дѣдъ, давно уже овдо-вѣшій и выдавшій замужъ трехъ дочерей своихъ, взялъ старшаго сына своего изъ *риторики*, добылъ ему діаконскій санъ и поселилъ въ собственномъ домѣ, отдавъ при этомъ въ пользованіе его все свое хозяйство, какъ наслѣднику прихода, а вскорѣ совсѣмъ передалъ ему приходъ, оставаясь однако верховнымъ судьею въ домѣ и въ приходѣ до самой смерти своей. Умеръ мой дѣдъ въ томъ-же приходѣ предъ самимъ закрытиемъ его и уничтоженiemъ села, въ 1837 году, на 96 году жизни. Это былъ величественный патріархъ для своего рода, въ которомъ онъ видѣлъ много внуковъ и пра-внуковъ. Ничто въ этомъ родѣ не предпринималось безъ предва-рительного разрѣшенія его, слово его было для всѣхъ членовъ рода точно глаголъ Божій...

Отецъ мой родился въ 1798 году и былъ „мизинцемъ“ въ семье своего отца, т. е. наименьшимъ, послѣднимъ дитятей. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ его рожденія, мать его умерла, и „мизинцу“ досталась горькая доля общаго „попыхача“ въ семье, о нуждахъ котораго никто при томъ не заботился. Сестры одна по другой выходили замужъ, забирая въ приданое, что было лучшаго въ хозяйстве; наконецъ, все хозяйство перешло въ руки старшаго брата—діакона. Отецъ мой выросталъ какъ-бы на хлѣбахъ у брата и жилъ въ семье, по любимому выраженію его, *аки вранг на ныриши*. Отецъ его уже не имѣлъ средствъ отдать его въ школы и довести его хотя-бы до *риторики*, подобно старшему брату. За то его отдали въ науку къ знаменитому тогда въ обширномъ околоткѣ дяку Яну. Этотъ Янъ считался на большомъ районѣ приходовъ знаменитостью, дьячковскимъ геніемъ. Цѣлые поколѣнія священниковъ и дяковъ воспиталъ онъ въ большомъ числѣ приходовъ; его метода славилась особеннымъ духомъ, тономъ, выдержаніемъ. Еще на моей памяти говоривали о какомъ-либо священнике, отличавшемся достоинствами чтенія, служенія: „а, онъ учился у Яна!“ Во дни первой моей юности Янъ былъ въ средѣ духовенства какимъ-то міромъ, идеаломъ дяка, богомъ клироса. Рассказывали, что даже опытные въ богослуженіи священники, бывшіе ученики его, трусили, когда во время служенія ихъ вдругъ появлялся на клиросѣ Янъ, прибывшій на „храмъ“, или просто провѣдать бывшаго питомца. Не дай Богъ священнику сдѣлать ошибку въ чтеніи и служеніи или повести себя вяло, нарушить Яновскій тонъ и тактъ,—Янъ безъ церемоніи тутъ-же могъ громко замѣтить: „з-э, мало я тебе за уха тянувъ!“—или-же просто назвать *дурнемъ*. Никому и въ голову не приходило аппелировать на критику Яна, всякий считалъ за лучшее смириться, принять отзывъ его за шутку, иначе отзывъ ложился на него клеймомъ. Отецъ мой зналъ всѣ мѣстные напѣвы, владѣлъ обширнымъ теноромъ, слылъ превосходнымъ (по мѣстному, тогдашнему) пѣвцемъ, любилъ и хорошо зналъ церковную службу, во время богослуженія держалъ себя съ большою смѣлостью и свободою дѣйствий и всегда утверждалъ, что всѣми своими достоинствами онъ обязанъ Яну. Несложная дьячковская наука у Яна получала разнообразныя формы, дрессировавшія умъ и характеръ, и распространявшіяся на все поведеніе дяка-діакона-священника при

богослуженії. Канва этой науки, на которой тогдашніе дяки виводили свои узоры, была слѣдующая: обученіе чтенію и письму, чтеніе и пѣніе на клиросѣ, прислуживание въ олтарѣ священнику, хожденіе съ причтомъ по требамъ. Изъ разсказовъ отца можно было составить понятіе о тѣхъ узорахъ, которые Янъ выводилъ на этой канвѣ. 1) Чтеніе должно быть громкое, отчетливое, выразительное, пѣвучее въ *апостолъ и парамеяхъ*, ровное, какъ струна, во всемъ прочемъ. Заставивъ адента читать на клиросѣ, онъ постоянно покрикивалъ на него: „голосніше, не біжи такъ (медленнѣ), кріпче вымовляй“ (отчетливѣе). Сорвалъ что-нибудь чтецъ, Янъ останавливалъ его, заставлялъ повторять то-же слово, а за видимо разсѣянное ученіе тутъ-же бралъ чтеца „за чубъ“, причемъ тотъ долженъ былъ стойко выдерживать наказаніе, не прерывая чтенія. Если Янъ хотѣлъ кого-либо изъ учениковъ выслать на средину церкви для чтенія *апостола*, то предварительно дома самъ показывалъ ему и позу во время чтенія, и мѣста передышекъ, повышеній и пониженній голоса, тонъ, темпъ, финальный мотивъ и наконецъ поклонъ на три стороны,—нѣсколько разъ экзаменовалъ, поправлялъ, наказывалъ... 2) При пѣніи Янъ строго требовалъ смотрѣть „до Бога“, т. е. вверхъ, что и самъ строго соблюдалъ. Можеть быть отъ этого нехитраго пріема обученія произошло то, что отецъ мой до самой смерти своей при пѣніи вскидывалъ очи и голову вверхъ и всегда пѣлъ съ глубокимъ чувствомъ, часто со слезами. Въ кругъ пѣнія входили не одни церковныя пѣсни, гласы, ирмосы подобные и т. д., но и разнообразныя домашнія духовныя пѣсни, которыхъ отецъ мой усвоилъ немало. 3) На домъ приносились всякія богослужебныя книги, по которымъ *школьарѣ* обязанъ былъ подыскать и „затвердить“ всѣ тропари, кондаки, стихирь, съданы, канонъ и проч., что требовалось по уставу для наступающаго богослужебнаго дня: недѣли, святаго, праздника, поста и под. 4) Отправляясь на требу въ дома прихожанъ, Янъ бралъ съ собою *школьарей*, требовалъ отъ нихъ держать себя здѣсь чинно, стоять во время чтенія и пѣнія, выдвинувъ одну ногу впередъ, „съ повагой“, умѣть поклониться, привѣтствовать хозяина, отвѣтить изреченіемъ изъ псалтыри и т. п. 5) Послѣ богослуженія, дома, Янъ дѣлалъ предъ своими *школьрами* (старшими) отзывы о поведеніи священника въ церкви—какъ онъ читалъ, кадиль, держалъ чашу, благословлялъ, раздавалъ антидоръ

и т. п., показывалъ, какъ-бы онъ все это дѣлалъ, какъ дѣлаютъ это другіе священники и т. д. При всемъ своемъ дарѣ, почетѣ и завидной славѣ, Янъ никогда не искалъ ни священства, ни діаконства, былъ поэтомъ, обожателемъ своей профессіи, умеръ въ глубокой старости тѣмъ-же дякомъ. Но и у Яна, какъ педагога, былъ одинъ недостатокъ, притомъ очень крупный, хотя и мало замѣченный современниками его, именно—онъ твердо писалъ, только *постарому*, т. е. уставомъ и полууставомъ, и не могъ хорошо обучить своихъ учениковъ „новому“ письму, т. е. скорописи. Не диво, въ теченіе восемнадцатаго вѣка православные причты Украины, Подолья и Волыни, управляемые изъ-за кордона (Шеряславля), свободные отъ личнаго надзора и руководства епархиальной власти, притомъ часто разгоняемые уніатами и надолго превращавшіеся въ частныхъ лицъ, не видѣли нужды и возможности въ правильной отчетности предъ громадою. Даже метрики не могли быть ведены ими исправно, а это были едвали не единственные документы, требовавшіе отъ причта умѣнья писать. Писались онѣ почти всюду полууставомъ, замѣтками то на церковныхъ книгахъ, то на клочкахъ бумаги, рѣдко въ особыхъ книгахъ. Записи были несложныя: „у Василя Козака родился сынъ, нареченъ Иванъ. Крестиль и муромъ св. помазаль іерей NN“; или: „N дня и мѣсяца умре (преставится, скончалъ житіе) Омелько Довгій“. Правильныя записи и отчетность стали обязательными только съ 1792 года. Но еще на моей памяти дяки-искусники въ письмѣ были рѣдки: метрическія записи велись на клочкахъ бумаги. Подходитъ время отчетности—привозятъ со стороны дяка-писаку, тотъ впишетъ все по порядку въ книги, разыщетъ по селу пропущенные случаи крещенія, брака, смерти, составить вѣдомости и т. п. Такимъ образомъ Янъ, выросшій и окрѣпшій въ цѣломъ своемъ строѣ во времена Польши, впослѣдствіи до самой смерти своей могъ не видѣть надобности для дяка и священника *въ новомъ письмѣ*, скорописи. Отецъ мой, свято чтившій науку Яна во всѣхъ ея подробностяхъ, такъ и остался при полууставѣ и до смерти своей не могъ твердо выводить буквѣ *по новому*.

Разъ Янъ сказалъ отцу моему: „*шукай собі долі, зъ тебе буде добрий дякъ*“. Это было тогда для молодаго человѣка атtestатомъ зрѣлости. Не захотѣлъ отецъ оставаться въ дякахъ при

братъ, тогда уже священникъ: поклонился отцу своему въ ноги, получилъ отъ него благословеніе и пошелъ искать доли межъ людей. На первый разъ однако онъ присталъ у одного изъ своихъ зятей - священниковъ. Но здѣсь вмѣсто дячковства онъ нашелъ долю *наймита*, да еще дароваго. Зять, по давнимъ уніатскимъ зерекціямъ, пользовался большими земельными угодьями, вель обширное хозяйство, посыпалъ свою пшеницу прямо въ Одессу; вмѣсто любимаго клироса, отцу пришлось постоянно работать на поляхъ, при домѣ, проводить долгіе дни въ *чумачкѣ*, наравиѣ съ прочими наймитами зятя. Бросилъ отецъ этого зятя, пошелъ къ другому, имѣвшему скромное хозяйство. Тутъ стало легче, и отецъ сталъ часто показывать искусство свое на клиросѣ и на требахъ, въ качествѣ *поддячего* при старомъ дякѣ. Прихожане полюбили голосистаго поддячего и назначили ему опредѣленныя приношенія за службу, такъ что отецъ уже былъ ни отъ кого независимъ въ одѣжѣ, даже въ пищѣ, сталъ „выбиваться на дорогу“. Но такое положеніе не могло долго служить: 1) въ компаніяхъ настоящіе дяки относились къ нему пренебрежительно, какъ недозрѣлому, будто читающему еще по складамъ, и звали его: „эй, ты, покой-он-по добро-я-дя чер-ї-чи й“ (поддячій), или сокращенно: „поко-он-по добро-я-дя“, что еще болѣе казалось обиднымъ, такъ какъ заключало въ себѣ намекъ, будто онъ не умѣетъ сложить слова до конца; 2) какъ ни любили его прихожане, но при размолвкѣ могли сказать ему: „иди себѣ на всѣ четыре стороны“. О дячествѣ рано еще и мечтать, совсѣмъ не тѣ времена стали! Нужно было или пріобрѣсти реноме въ околоткѣ, чтобы выбрали въ дяки, или добиться посвященія въ стихарь. Стихарь, архіерейская грамота давали тогда имя; предъ ними прикусывали языкъ самые главные дяки. Задался отецъ мой честолюбіемъ, потерпѣлъ еще съ годъ, заручился *одобреніемъ* отъ прихожанъ въ качествѣ поддячего и пошелъ въ далекій епархиальный городъ попробовать счастья.

Чрезъ недѣлю пути пѣшкомъ, предъ глазами отца выросъ дивный городъ съ множествомъ золотоглавыхъ церквей. Но только въ городѣ сообразилъ онъ, что у него въ карманѣ всего нѣсколько пятаковъ, а между тѣмъ нужно здѣсь жить, въ консисторіи, что ни ступишь — плати... Но попробовать, не возвращаться же назадъ! Нѣсколько дней онъ перебивался по монастырскимъ дворамъ, гдѣ

вольно было всякому богоомольцу располагаться на обширномъ дворѣ для отдыха и ночлега. Слымаки (послушники)—свой народъ, пускали голосистаго поддячего къ себѣ переночевать въ непогоду; на кухнѣ всегда можно было поживиться, даже попасть съ братіей въ трапезу. Но въ консисторіи—ни приступу! Уже и прощеніе написано усердливымъ и опытнымъ слымакомъ, подано архіерею... Но какъ узнать резолюцію? Долгія ожиданія въ сѣняхъ консисторіи, поклоны проходившимъ тутъ чинамъ, просьбы съ приговариваніемъ: „явите милость, я бідный, гроша не маю за душою“... ни къ чему не приводили, писчики и канцеляристы оставались пѣмы и глухи. Рѣшился отецъ пойти къ повітчику на домъ. „Явите милость, я бідный“... Выслушавъ просьбу, повітчикъ кликнулъ сторожа и велѣлъ назначить просителю работу. Началь отецъ мой чистить дворъ, лошадь, конюшню повітчика, кошаться въ огородѣ его, ходить за повітчицей съ корзиной на базаръ и т. п. Такъ прошла недѣля; отецъ рѣшился напомнить о своей просьбѣ, но услышалъ въ отвѣтѣ: „якій скорый... послужи еще“... Прошла еще недѣля, прошла и другая—и конца не видно выслугъ! Дерзнуль отецъ мой бросить повітчика и пойти къ самому секретарю. Тутъ тотъ-же пріемъ, только работы стало больше. Узналъ отецъ, что ректоромъ мѣстной бурсы состоить архимандритъ, однофамилецъ его. „Не родственникъ-ли далекій? Попытать счастья“. Но архимандритъ о родствѣ не заговаривалъ, дозволилъ отцу почевать на сѣновалѣ и кормиться на бурсацкой кухнѣ, а о дѣлѣ сказалъ: „самъ хлопочи“. Два мѣсяца бился отецъ, не вѣдая, съ какой стороны подступить къ дѣлу удачно. Хотѣлъ уже поступить въ монастырь, въ которомъ такое чудное пѣніе было, да влеченіе къ роднымъ мѣстамъ взяло перевѣсь надъ случайнымъ аскетическимъ порывомъ. Но вотъ однажды досидѣлся онъ подъ консисторіей на травѣ до вечера; на каѳедральной колокольнѣ ударила благовѣсть къ вечерни... Отцу вдругъ захотѣлось пробраться въ домовую архіерейскую церковь. Вопшелъ... все ближе и ближе сталъ подвигаться къ клиросу, смѣлѣе и смѣлѣе подпѣвать, наконецъ очутился рядомъ съ дьячками и запѣлъ полнымъ своимъ, звучнымъ и гибкимъ, голосомъ... читаль каѳизмы, стихиры... Понравилось ему здѣсь, на другой день онъ отправился сюда на литургію, читаль часы, пѣль и выпросилъ позволеніе прочитать апостола. „И вѣкваривъ-же тоді апостола“, въ простотѣ души

выражался отецъ мой, часто поминая про этотъ случай, имѣвшій рѣпительное вліяніе на дальнѣйшую его карьеру. На югѣ Руси, въ епархіальныхъ городахъ, только со времени посвященія импер. Екатериною II Кіева, начало прививаться чтеніе апостола и евангелія басомъ, начиная съ октавы и постепенно восходя до *nes plus ultra* басовой ноты. Это обычай—развившійся исключительно на сѣверѣ Руси, безъ сомнѣнія, благодаря суровому климату, и доселѣ нигдѣ, кромѣ Россіи, не существующій. Въ описываемое нами время и на югѣ Россіи стало уже чуть не закономъ, чтобы протодіаконъ былъ самый, что ни есть, свирѣпый басъ, отъ котораго стѣны дрожали-бы. Мѣстные діаконы и даже дяки уже увлекались этимъ мнимымъ величиемъ чтенія и, поддбляемые великорусскими купцами, переселявшимися въ южнорусскіе города, старались копировать своего протодіакона. Но въ деревняхъ оставался во всей неприкосновенности древній, принятый отъ грековъ обычай чтенія апостола и евангелія на распѣвѣ. Греческія особенности его (чтеніе въ нось, съ трелями и руладами), доселѣ господствующія въ православныхъ церквяхъ Греціи, Сиріи, Болгаріи и Сербіи, на югѣ Руси измѣнены сообразно духу народному и излюбленнымъ его мотивамъ. Чтеніе держалось здѣсь на среднемъ теноровомъ *до*, повышаясь по мѣстамъ не болѣе, какъ на одну ноту, и понижаясь не болѣе, какъ на три ноты; все искусство состоять въ переходахъ отъ одной ноты къ другой; звуки должны идти мѣрно, плавно. Мнѣ, уже послѣ моего ознакомленія съ разными способами церковнаго чтенія и съ церковными напѣвами и партесами, всегда казалось въ этомъ чтеніи, какъ и въ пѣніи южнорусскомъ, что-то наболѣвшее, просительное, плачущее. Вся исторія южной Руси отражалась въ немъ. Грубо заблуждаются тѣ изъ нашихъ ревнителей чистоты православія, которые производятъ южнорусское церковное чтеніе и пѣніе изъ католическихъ костеловъ. Отецъ мой, рѣпившись отличиться при такомъ особенномъ случаѣ, предъ архіерейскими дѣячками, призвалъ все свое искусство, вспомнилъ всѣ завѣты Яна; молодой, звучный голосъ его рѣкой разливался подъ сводами уютнаго храма. Когда онъ окончилъ чтеніе и, закрывъ книгу, глядя „до Бога“, выводилъ мотивы послѣдняго слова, вдругъ за стеклянью дверью, направо у олтаря, приподнялась занавѣска и появился архіерейскій ликъ... Глянулъ отецъ на дверь, такъ и оборвался и едва дошелъ до кли-

роса отъ страху. Тогдашній архіерей бытъ изъ малороссовъ и, хотя держалъ протодіакона, знаменитаго тогда въ южной Россіи баса, однако очень любилъ стариное деревенское чтеніе и пѣніе. Когда окончилась літургія, стекляная дверь распахнулась, на порогъ появился архіерей; всѣ по обыкновенію подходили къ нему за благословеніемъ. Подошелъ и отецъ мой и паль ему въ ноги. „Кто ты, откуда?“—спросилъ архіерей. Такъ и такъ, едва помня себя отъ страху, рассказалъ отецъ мой. „Хорошо ты читаешь и поешь; готовъся на слѣдующее служеніе мое къ стихарю“, сказалъ архіерей и прибавилъ, обратясь къ стоявшему тутъ-же монаху: „скажи, чтобы для него все было готово“... Обыкновенно, когда отецъ мой вспоминалъ этотъ случай, голосъ его на этомъ мѣстѣ прерывался и на глазахъ появлялись слезы...

Дальнѣйшая карьера отца пошла какъ по маслу. Тотъчасъ онъ напелъ себѣ дьячковское мѣсто и зажилъ припѣвающи. Онъ любилъ поминать золотое время своей молодости въ званіи *стихарного дяка*. Стихарный дякъ, молодой и пѣвецъ, былъ настоящимъ львомъ въ тогдашнемъ русскомъ деревенскомъ обществѣ. Въ это время едва только намѣченъ былъ планъ перемѣны въ цѣломъ положеніи южнорусского духовенства. Въ 1819 году кіево-могилянская академія, бывшая дотолѣ всесословныи учрежденіемъ, заключившимъ въ себѣ по тогдашнему полный кругъ образованія, преобразована въ учрежденіе сословное, духовное, и распалась на три учебныя заведенія, составлявшія три степени духовнаго образованія: *бурсу* или низшее училище—для приготовленія причетниковъ и кандидатовъ для дальнѣйшаго образованія, *семинарію*—для приготовленія священниковъ и *академію* для высшаго духовнаго образованія. Реформа имѣла въ виду измѣнить старыя бытовыя отношенія въ духовенствѣ и надѣлить всѣ приходы образованными священниками, болѣе свѣдущими діаконами и причетниками, предоставивъ архіереямъ назначать ихъ по своему усмотрѣнію, а не по выбору невѣжественной громады. Подъ вліяніемъ идей XVIII вѣка обѣ абсолютной силѣ просвѣщенія и абсолютномъ вредѣ невѣжества, которое воплощала въ себѣ „чернь непросвѣщенна“, забыта была необходимость нравственной связи священника съ приходомъ, забыты были историческая, народная начала, нарушеніе которыхъ ведетъ за собою разобщеніе и нравственное безсиліе самаго про-

свѣщенія,—не вѣдалось, что радикализмъ въ особенности вредно отзываетсѧ на религіозной нравственности. Но въ описываемое нами время планъ бытъ только поставленъ, въ деревняхъ совершенно не знали о немъ, старыя отношенія продолжали здѣсь царить съ полнымъ своимъ авторитетомъ. Дьячкамъ не было еще соперниковъ въ лицѣ „богослововъ“. Никогда не были серьезными соперниками ихъ тѣ немногіе „латынщики“, которые дошли въ академіи (потомъ въ бурсѣ) до *инфімы*, *грамматики* и даже *риторики*, потому что они, пранадлежа къ неуспѣвающимъ ученикамъ и проводя въ академіи время въ совершенной праздности, приносили съ собою въ деревню только полное ничегонезнайство и дурныя нравственные качества и справедливо подвергались злымъ насмѣшкамъ въ кругу дяковъ. Про нихъ сложено было не мало куплетовъ, въ родѣ напр. слѣдующихъ, которые и я въ раннемъ дѣтствѣ распѣвалъ:

Бувъ Грицько мудрый,
Родомъ зъ Коломиї,
Вчився винъ добре на філозофії:
Въ шестнадцять літь письмо мимривъ,
Та все по латыни ливривъ... (отъ *liber*, книга)
А на семнадцатимъ перечитомъ
Всю псалтырку винъ зінавъ...

Не было соперниковъ дякамъ-кавалерамъ и со стороны другихъ слоевъ населенія. То была странная, сказочная пора. На русской землѣ, въ русской державѣ русскій народъ непосредственно и почти безконтрольно владѣемъ, судимъ и рядимъ бытъ пришельцами особаго племени, враждебнаго всему русскому. Польскіе вельможи, паны, *панки* и *підпанки*, составляли господствующій классъ въ краѣ, все интеллигентное, чиновное, строго отдѣлявшее себя отъ остального населенія, съ которыми у него ничего не было общаго. Тѣмъ крѣпче жались другъ къ другу оба тогдашніе классы русского населенія, духовенство и крестьянство, представляя собою особый міръ въ краѣ, особую самодовольную общественность. Главный тонъ въ этой общественности давали священники и почетнѣйшие въ приходахъ хозяева, жены и дочери тѣхъ и другихъ, а соль этой общественности, цвѣтъ молодежи ея составляли дяки и поповичи—наслѣдники приходовъ, лучшіе женихи.

Сезонъ веселій въ тогдашней украинской деревнѣ — осень, точнѣе время отъ *Преображенія Господня* (6-го авг.), когда оканчивалась косовица и жатва, поспѣвали фрукты въ садахъ и въ огородахъ, значитъ начиналось въ домахъ обиліе благъ земныхъ, и до зимняго *Николая* (6 декабря), когда на конецъ необходимо было перестать продавать и расточать, но подумать о сбереженіи продуктовъ для новаго посѣва и о прокормленіи семьи и скота до слѣдующей жатвы. На это время доселѣ припадаютъ въ южно-русскихъ приходахъ всѣ храмовые праздники, всѣ свадьбы, поминки и т. п. Самымъ торжественнымъ случаемъ въ приходѣ былъ храмовой день. Вся околица приходила въ этотъ день въ движеніе, все званое и незванноеѣхало и шло „на храмъ“, у каждого хозяина въ приходѣ были свои гости. Къ литургіи съѣзжалась со сѣдніе и дальние священники, дяки и поддячіе, такая голосистая служба бывала въ приходѣ только разъ въ году, и мой отецъ въ такихъ случаяхъ бывалъ самыемъ желаннымъ въ околицѣ гостемъ на клиросѣ. Невдали отъ церкви, на открытомъ воздухѣ, въ цѣломъ рядѣ выкопанныхъ въ земль печей первыя хозяйки въ приходѣ готовили громадскій обѣдъ. Разставлялись столы, со всѣхъ хатъ сносились миски, ложки, и тотчасъ послѣ литургіи за столы садились попы, дяки, почетные хозяева, свои и пріѣзжіе, прочіе группами располагались на травѣ — громада честно принимала всѣхъ своихъ гостей. Во время обѣда дяки и попы часто вставали съ своихъ мѣстъ, за ними и вся громада, и пѣли то тропарь храмовому празднику, то „*Покой, Спасе нашъ, съ праведными...*“—въ память умершихъ въ приходѣ, а въ заключеніе—*Со духи праведныхъ и вѣчную память*. Послѣ обѣда, хозяева запрашивали къ себѣ пріѣзжихъ гостей, изъ коихъ каждый находилъ пріютъ и угощеніе до слѣдующаго дня. Всѣ пріѣзжіе священники и дяки, многіе изъ почетныхъ хозяевъ, предоставивъ женамъ и сыновьямъ принимать своихъ гостей, шли къ мѣстному священнику. Располагались въ комнатахъ, на призѣбѣ подъ стріхою, въ саду и гдѣ попало. Всѣмъ разносилось вдоволь яствія и питія. Молодежь обыкновенно тянуло въ кухню, гдѣ свои и пріѣзжіе поповны и дочери дяковъ сутились по хозяйству, то для порядка, то для вида. Тутъ располагался и амуръ съ своими стрѣлами. Молодые дяки и поповичи помогали паннамъ лѣпить вареники, скубатъ куръ, подать, принести, выне-

сти, причемъ сыпали поговорками, намеками, изречениями изъ псалтыри и под., живое веселіе не прерывалось, сердца пламенѣли. А между тѣмъ въ поколхъ и за покоями шель оживленный говоръ, изъ рукъ въ руки непрерывно ходили чарки съ варенухой, медомъ, вишневкой, сливянкой и т. п., попадь то тамъ, то сямъ тихо заводили унылыхъ пѣсни. Вдругъ хозяинъ или благочинный закричть въ дверяхъ: „эй, паны-дяки, панычи“... и тѣ уже знаютъ, зачѣмъ зовутъ ихъ. Всѣ дяки располагались у порога, къ нимъ присоединялись всѣ, кто хорошо пѣлъ, всѣ вставали, какъ-бы ни были пьяны, у оконъ толпились гости, располагавшіеся на дворѣ, изъ соѣдней комнаты выглядывали панны—поповны. Авторитетный пѣвецъ зачиналъ—непремѣнно: *Хвалите Господа съ небесъ...* Изстари это была начальная пѣснь. За нею непосредственно шла также печальная духовная пѣснь—произведенія школьнаго:

Излій на мя, Боже, со небесе росу,
Да сему пѣнію начало принесу.
Туга мнѣ зѣла и сердце снѣдається,
Аки мечемъ ободондымъ сквозѣ пробождається.
Ахъ, уподоблюся вранови иопцному,
День и нощъ во грѣсѣхъ (?) пребывающему...

И т. д.

Шли затѣмъ другія подобныя пѣсни, излюбленные грустные мотивы разнообразились, глубже и глубже отзывались въ душѣ. Гости молча слушали, подиѣвали, кто свѣсилъ голову, кто утиралъ слезы... „Призри на насъ, Боже, со святыхъ высотъ, дай утиху сиримъ отъ своихъ щедротъ“... полились одутлевленные плачущіе звуки! При словахъ: „сиріткамъ маленькимъ, вдовицамъ убогимъ“... громко начинали рыдать вдовы и вдовцы, за ними всѣ женщины, у самыхъ стойкихъ выступали на глазахъ слезы, всякий вспоминалъ своего отца, мать, умершихъ дѣтей и родныхъ, всякому начинало казаться, что и онъ сирота. А пѣніе разливалось какъ рѣка и заливало душу мотивами исторического горя! „Буде вже, годі“—кричалъ невыдержавшій тоски хозяинъ—„дай намъ, Боже, веселыми та здоровыми бути“, и снова начиналось чествованіе, чарки ходили изъ рукъ въ руки, измученные нервы быстро переходили въ противоположное состояніе, начинался смѣхъ, веселіе...

Отецъ мой также считалъ себя тогда сиротою, выросшимъ въ бѣдѣ и горѣ. Тутъ-то даваль себя всѣмъ чувствовать его обширный голосъ, сиротское чувство проникало его огнемъ, и онъ тогда рѣшительно покорялъ себѣ сердца поповенъ и участіе посадей. На одномъ изъ такихъ праздниковъ общимъ голосомъ порѣшили дать ему въ невѣсты поповну, дочь мѣстнаго священника, которая сильно занимала его и, несмотря на тринадцатилѣтній возрастъ, слыла первой пѣвуньею въ околоткѣ. Скоро за симъ состоялась и свадьба. Это было въ 1821 году.

Живые, веселые, любившіе общество, обое пѣвцы, молодые супруги плохіе были хозяева. Пошли и дѣти, получилъ отецъ и діаконскій санъ (1824 г.), по душѣ пришелся новой громадѣ, мирно жилъ сть священникомъ, кидался на промыслы, много работалъ, а достатка не было. Отецъ мой никогда до самой смерти своей не выпивалъ рюмки водки самъ-на-самъ и ненавидѣлъ такихъ людей, хотя-бы пьющихъ стомаха ради. Но отъ компаний онъ не отставалъ и для друга-пріятеля готовъ былъ и послѣднее отдать. Мать любила общество,—поговорить, попѣсть, потанцовывать, угостить варенухой, которую она хорошо приготовляла. Причина недостатка въ домѣ была такимъ образомъ ясна, только не для самихъ хозяевъ, которые, продолжая то предаваться житейской поэзіи, то горевать, напрягать силы, ждали завѣтнаго тридцатилѣтія жизни отца, какъ избавленія отъ всѣхъ бѣдствій. По церковнымъ канонамъ, никто не можетъ получить священническаго сана раньше тридцатилѣтняго возраста; исключеніе сдѣлано у настъ только для получившихъ богословское образованіе. Счастье улыбнулось горемыкамъ - супругамъ: едва минуло отцу тридцать лѣтъ, какъ умираетъ священникъ—ближайшій сосѣдъ тестя его, не оставилъ послѣ себя наслѣдника прихода. Тесть, хорошо знакомый въ этомъ приходѣ, тотчасъ вызвалъ зятя и съ нимъ явился къ громадѣ. Громада въ это время убирала въ стоги помѣщичье сѣно. На сѣнокосѣ происходила первая рекомендациѣ. Чтобы рельефнѣе показать достоинства зятя—кандидата, тесть просилъ у громады позволенія прослушить съ нимъ въ мѣстной церкви вечерню, утреню и литургію. Служеніе отлично зарекомендовало отца предъ громадою. Соперниковъ у него не было, потому что не могъ-же считаться соперникомъ хриплый и вялыйсосѣдній діаконъ и другой, священникъ,

известный въ околоткѣ своимъ неспокойнымъ характеромъ. По літургіи громада приглашена была во дворъ икоинаго священника для постановленія окончательнаго решенія. Тутъ конечно ожидало громаду угощеніе на счетъ просителя. Тутъ-же производилось и испытаніе житейскихъ достоинствъ кандидата: умѣеть-ли онъ почтить хозяина, поговорить по душѣ, не драчунъ-ли въ пьяномъ видѣ и т. п. Послѣ сего уговаривались о платѣ за требы. На этомъ пункте отецъ мой сдѣлалъ промахъ: „что ласка ваша, громада,—что якъ може“, отвѣтилъ отецъ на вопросъ о количествѣ платы. Громадѣ отвѣтъ очень понравился, но въ послѣдствіи отецъ не разъ сожалѣлъ объ этомъ, такъ какъ отъ этой неопределѣленности возникало немало недоразумѣній для обѣихъ сторонъ и прихожане сами часто тяготились невѣдѣніемъ, что дать священнику за трудъ, чтобы и себя и его не обидѣть. Какъ-бы то ни было, составлено было одобреніе, съ которымъ отецъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ хозяевъ, отправился къ мѣстному помѣщику. Старикъ и простакъ панъ ласково принялъ отца, вышелъ на крыльцо въ сопровожденіи содержателя корчмы и мельницъ въ его имѣніи и фактора по дѣламъ его, еврея Азриля, принялъ одобреніе, подпись-аль его и вручилъ отцу, сказавши: „jak bѣdziesz dobrym, to i tobie bѣdzie dobrze“ и затѣмъ даже выслалъ отцу рюмку водки, которую тотъ почтительно выпилъ за здоровье пана.

Съ одобреніемъ въ карманѣ, засвидѣтельствованнѣмъ и благочиннымъ, отецъ на радости продалъ послѣднее добро и отправился въ епархиальный городъ. Здѣсь все окончилось успѣшно. Но мытарства, которыя прошелъ онъ въ консисторіи и въ каѳедральномъ соборѣ—отъ подачи прошенія до экзамена, отъ экзамена до рукоположенія, отъ рукоположенія до полученія ставленнической грамоты—такъ подействовали на его впечатлительную натуру, что по томъ въ теченіе двадцати-семилѣтняго служенія своего онъ ни одного разу не былъ въ консисторіи и только два раза былъ у архіерея (оба раза неудачно), и то подъ конецъ жизни своей.

Посвященіе отецъ получилъ 4 августа 1828 г.—день святочтимый имъ ежегодно, а къ храмовому празднику (8 сент.) онъ уже былъ въ своемъ приходѣ. Служеніе отца въ церкви очень понравилось громадѣ. Въ тотъ-же день полились приношенія: кто дарилъ яловку, бычка, овцу, свинью, кто курицу съ пѣтухомъ,

утку, гуся, кто мѣрку, а кто и корецъ жита, пшеницы, ячменя, овса и под. Тутт-же пообѣщали достать для него—кто вербу, кто дубъ, ясень и под. на постройки, такъ какъ предшественникъ отца, не оставляя послѣ себя наследника, не заботился о постройкахъ и оставилъ все въ разрушенномъ видѣ, а годное къ употребленію дерево изъ построекъ забрали родственники его. Усадьба для священника была церковная, но постройки на ней онъ долженъ былъ имѣть собственныя. Зиму прожилъ отецъ въ крестьянскомъ домѣ, а въ слѣдующее лѣто у него готовъ уже былъ свой домъ и хозяйственная служба. По эрекціямъ, даннымъ мѣстнымъ униатскимъ священникамъ давнимъ владѣльцемъ имѣнія, знаменитымъ польскимъ магнатомъ, земельныхъ угодій въ пользованіи священника было достаточно для того, чтобы жить по тогдашнему въдовольствї. Народу жилось тогда довольно просторно. Панъ по долгу живалъ въ городахъ, занимая какія-то общественные должности и исполняя какія-то выгодныя для него порученія магнатовъ; крестьяне имѣли вдоволь земельныхъ угодій, владѣли хуторами, занимались промыслами, ремеслами, ходили на Донъ, въ Крымъ въ степи на заработки и т. п., а потому жили въдовольствї даже въ обиліи сельскихъ благъ. Все обѣщало отцу жизнь спокойную и довольную. Впослѣдствіи всю жизнь поминаль онъ это первое время въ приходѣ, какъ время наибольшаго общаго довольства и спокойствія.

Польская революція 1831 года измѣнила все положеніе края.

(Продолженіе будетъ).

Два документа по дѣлу передачи почаевской лавры изъ вѣдѣнія уніатовъ въ вѣдомство православное.

Въ іюньской книжкѣ «Кievskoy Stariны» помѣщены воспоминанія кн. Голицына о посѣщеніи имъ въ 1855 г. почаевской лавры. Эти воспоминанія, хотя и необильны фактами, дополняютъ «Сказаніе о почаевской успенской лаврѣ» архим. Амвросія (1878 г.) и вмѣстѣ съ нимъ служатъ почти единственными для публики источниками свѣдѣній объ одномъ изъ важнѣйшихъ религіозныхъ пріютовъ въ южной Россіи, имѣвшемъ огромное вліяніе на народъ, особенно въ періодъ уніатскій. Съ переходомъ въ православіе, шумная дѣятельность почаевской лавры замираетъ, громкая въ народѣ слава ея меркнетъ. Безъ сомнѣнія, эта мертвая тиши распостершаяся надъ знаменитою лаврою, только временна. Старинный народно-религіозный центръ Галичны, Волыни и Подолья тихо и медленно, но вѣрно исполняетъ свое призваніе, и вѣроятно недалеко то время, когда обновленная дѣятельность ея зацвѣтѣтъ среди обновленнаго народа.

Необходимо-бы изслѣдоватъ причины ослабленія дѣятельности почаевской лавры съ переходомъ ся въ православіе. Безъ сомнѣнія окажется, что это ослабленіе было неизбѣжно, но что причины его временные. Одною изъ такихъ причинъ было прекращеніе церковно-издательской дѣятельности лавры. Кто однако не согласится, что оно неизбѣжно было для почаевской лавры съ переходомъ ея въ православіе, но что причина, вызвавшая его, теперь уже не существуетъ, что легко можетъ возобновиться эта дѣятельность ея и въ числѣ многихъ другихъ изданій, полезныхъ для народа, возвратить народу старинныя, любимыя имъ, пѣсни духовныя, сборники которыхъ съ такимъ успѣхомъ распространяли почаевскіе базиліане! Кто не знаетъ, съ какою любовью народъ слушаетъ эти пѣсни въ устахъ нищихъ, слѣпцовъ, лирниковъ, искашенныхъ и сколастическими виршами базиліановъ, и самими пѣвцами, изучающими ихъ по наслышкѣ отъ своихъ собратий! Кто не видѣть, какъ сильно вліяетъ это простодушное пѣніе на народъ и какое подспорье въ этихъ пѣсняхъ, обновленныхъ и упрощенныхъ, нашли-бы для себя ироновѣдники и пастыри сельскаго люда! Киево-печерская лавра продолжаетъ свою почтенную старинную миссію по изданію богослужебныхъ церковно-обрядовыхъ книгъ. Синодальная типографія въ

послѣднее время сосредоточила свою дѣятельность на величайшемъ дѣлѣ расширѣніи въ народѣ книжъ священнаго писанія. То, что такъ оживляетъ и укрѣпляетъ домашнюю и частную жизнь христіаница, что съ такимъ успѣхомъ проводила въ народѣ *уніатская* почаевская лавра, цѣлая область эстетическихъ и нравственныхъ мотивовъ въ приложеніи ко всевозможнымъ случаямъ частной жизни христіанина, въ особенности простаго люда, въ видѣ сборниковъ молитвъ, духовныхъ пѣсней, наставлений, религіозныхъ изображеній и т. п. ожидаетъ своихъ дѣятелей, и, кажется, неѣть болѣе причинъ не возобновлять этой дѣятельности въ *православной* почаевской лаврѣ. Съ другой стороны, невозможно было *православной* почаевской лаврѣ продолжать, въ обновленномъ духѣ, историческое призваніе ея въ народѣ въ то время, когда она еще окружена была почти сплошнымъ моремъ уніатства. Но съ 1839, особенно съ 1875 года (возсоединеніе холмскихъ уніатовъ) и эта причина устранина, и возсоединенный съ православною церковію народъ, точно земля *жаждущая*, ждѣтъ росы небесной, освѣженія, подкрѣпленія и руководства своего религіознаго чувства, которое всегда было однимъ изъ самыхъ сильныхъ двигателей его жизни. Если районъ давняго вліянія почаевской лавры все еще не вполнѣ возстановленъ, если въ настоящую пору три миллиона нашихъ галицкихъ братій, глубоко чтиющихъ свою почаевскую лавру, могутъ пробираться къ ней только тайкомъ, подъ страхомъ обвиненія въ государственной измѣнѣ, за то въ остальной части стариннаго района ея *жестока* *много*, а *дѣлателей мало!* Не разъ намъ приходилось въ средѣ возсоединенныхъ жителей Холмщины и Подлясія выслушивать вопрошающихъ, гдѣ можно купить «*почаевскія книжечки*», и читать на ихъ лицахъ глубокое недоумѣніе и смущеніе при отвѣтѣ, что такихъ книжекъ нигдѣ нельзя теперь купить...

Но не обѣ этомъ у насъ здѣсь рѣчь, а обѣ одной изъ тѣхъ мнимыхъ причинъ упадка дѣятельности почаевской лавры, послѣ обращенія ея въ православное вѣдомство, о которыхъ въ свое время громко вонзилъ уніатскій и польско-католіческій міръ какъ у себя дома, такъ и по Европѣ. Въ началѣ іюня 1831 г. въ почаевскій монастырь прибыль съ своимъ отрядомъ генераль польскихъ мятежныхъ войскъ Дверницкій. Базиліане радушно приняли его, угостили весь отрядъ, снабдили всѣмъ нужнымъ. 13 іюня настоятель монастыря, казначай и экклесіархъ арестованы по распоряженію высшей власти и подъ конвоемъ отправлены въ Кіевъ, въ монастырь паскюро устроено было временное управлѣніе. Въ сентябрѣ уже послѣдовало Высочайшее повелѣніе о передачѣ почаевскаго монастыря въ православное вѣдомство. Назначена была комиссія для пріема монастыря. Эта комиссія, состоявшая изъ самыхъ разнородныхъ лицъ, побуждаемыхъ самимъ составомъ своимъ быть точными и аккуратными въ исполненіи возложеннаго на нихъ порученія, не нашла и слѣдовъ предполагавшихся огромныхъ суммъ монастыря, открыла безпорядочность въ денежныхъ счетахъ, видимо произведенную намѣренно, не нашла многихъ драгоценностей и т. п. Но вслѣдъ за окончаніемъ пріема монастыря въ православное

вѣдомство, появилась молва, что въ лаврѣ накоплены были уніатами несметныя сокровища, дававшія базиліанамъ возможность широко распространять вліяніе ея, и что эти сокровища разграблены лицами, которымъ порученъ былъ пріемъ лавры со всѣмъ ея имуществомъ въ православное вѣдомство. Мѣстные польско-католические языки распространяли эту молву повсюду, именуя главныхъ *грабителей* и увеличивая цифру *заграбленныхъ* суммъ до баснословныхъ размѣровъ; бывшіе почаевскіе базиліанскіе монахи злобно поддерживали эти толки, а польская заграницкая печать разнесла ихъ по Европѣ. На Волыни многіе еще помнятъ эти толки, которые дошли даже до императора Николая Павловича. По высочайшему повелѣнію, дѣло это изслѣдовано было житомирскою военно-судною комиссіей и документы о немъ имѣются въ разныхъ волынскихъ канцеляріяхъ. Желательно было извлечь эти документы на свѣтъ Божій и выяснить по нимъ темную исторію, наѣдавшую въ свое время много шума и теперь не утратившую своего значенія. Въ архивѣ яблочинского монастыря ¹⁾ мы нашли въ копіяхъ отзывъ военно-судной комиссіи въ волынскую духовную консисторію и черновую показанія игумена яблочинского монастыря Ioannikia. Оба эти документы знакомятъ насъ съ весьма интересными сторонами этого дѣла, но далеко не даютъ о немъ полнаго и точнаго понятія. Сообщеніемъ этихъ документовъ на страницы «Кievskoy Stariны» мы желали-бы вызвать на подражаніе намъ другихъ, владѣющихъ большими материалами, и такимъ образомъ поднять изъ пыли архивной это дѣло, важное уже и потому, что оно осталось несмытымъ пятномъ на чести пріемной комиссіи и не осталось, кажется, безъ вліянія на судьбу тѣхъ изъ ея членовъ, которые менѣ всего могли-бы быть тутъ въ чёмъ либо виновны.

№ 1.

Отношеніе комиссіи военного суда, въ г. Житомирѣ надъ мятежниками учрежденной, въ волынскую греко-российскую духовную консисторію.

„По содержанію производимаго по высочайшему повелѣнію военно-судного дѣла о расхищении имущества бывшаго базиліанскаго почаевскаго монастыря ксендзами онаго при передачѣ

¹⁾ Яблочинскій монастырь находится въ сѣдлецкой губерніи, бѣльскаго уѣзда, на островѣ р. Буга, вблизи дер. Яблочной. Основанъ въ XVI вѣкѣ и известенъ тѣмъ, что, будучи сплошь окружены увѣй и подвергался всевозможнымъ нападеніямъ, онъ выражу не измѣнялъ православію. Нынѣ онъ возведенъ на степень первокласснаго монастыря, съ увеличеніемъ содержанія и числа братіи.

въ лено православія и къ приведенію обстоятельствъ дѣла въ положительную извѣстность, комиссія нужнымъ находить:

„Первое. Сообщить оной консисторіи слѣдующія показанія іеромонаха Вышатицкаго, что, за отъѣзdomъ архимандрита Скивскаго въ г. Кіевъ 1831 года, іюля 13 дня, поручено ему жандармскимъ полковникомъ Яковлѣвымъ словесно 15 іюля 1831 года исправлять должностъ настоятеля въ монастырѣ, съ приказаніемъ смотрѣть, чтобы монахи безъ вѣдома его никуда не отлучались и исполняли бы неопустительные свои обязанности; — занимаясь симъ, не вмѣшивался онъ ни въ какія хозяйственныя по монастырю распоряженія, ибо таковыя Скивскимъ поручены были другимъ іеромонахамъ (которые ниже будутъ поименованы), а равно (показанія) монаховъ: Шивурскаго, Галинского, Данилевича, Ильясевича и Дзелинского, что прошлаго 1831 года октября 8 дня вечеромъ прибыли въ почаевскій бывшій базиліанскій монастырь: архимандритъ Флавіанъ, протоіереи Рафальскій и Новицкій¹⁾), говоря, что ови ъдутъ на встречу митрополиту Евгению, а какъ было уже поздно и шелъ сильный дождь, то, по приглашенію базиліанъ, остались переночевать въ монастырѣ. На другой день, то есть втораго числа (часа?) поутру, кременецкій исправникъ Бульковскій, собравъ много крестьянъ, окружилъ оными монастырь и не велѣлъ никого пущать въ оный или изъ оного, а послѣ обѣда, въ 4-мъ или 5-мъ часу, прибыли въ монастырь: корпуса жандармовъ поручикъ Кирьевъ, полковникъ Вильяшевъ, исправникъ Бульковскій, засѣдатели: Сонцевъ, Горскій, секретарь греко-российской духовной консисторіи Карапетъ, игуменъ Ioannикій и іеромонахъ Маврикій, копъ съ предъименованными лицами составили комиссію для принятія монастыря со всѣмъ его имуществомъ въ православное вѣдомство. Чиновники сіи того же дня, объявя собравшимся по ихъ приказанію въ трапезѣ базиліанамъ высочайшую волю о передачѣ того монастыря въ православіе, тотчасъ отобрали отъ нихъ всѣ ключи отъ церкви, казначейства, кладовыхъ, погребовъ и амбаровъ, опечатали оные своими печатями, безъ приглашенія базиліанъ, и поставили военный караулъ внутри и снаружи мо-

¹⁾) Архим. Флавіанъ—ректоръ волынской духовной семинаріи; протоіерей Рафальскій—вносиѣдствія Антоній, архіепископъ варшавскій и митрополитъ петербургскій; протоіерей Наркисъ Новицкій умеръ въ должностіи каѳедрального протоіерея житомирскаго собора въ 1850-хъ годахъ.

настыря, также при дверяхъ церкви, всѣхъ хранилищъ монастырскаго имущества и келій тѣхъ базиліанъ, кои завѣдывали какою-либо частію монастырскаго имущества, а исправлявшаго должностъ казначея, іеромонаха Шивурскаго, держали подъ карауломъ восемь дней. Хотя же базиліане сихъ чиновниковъ просили обождать, покуда они получать отъ своего начальства предписаніе о передачѣ монастыря въ лоно православія (о чмъ послѣдовалъ на имя Вышатицкаго указъ изъ литовской греко-уніатской консисторіи отъ 16 октября 1831 года, а имъ полученъ 29 октября того-же мѣсяца) или для исправной сдачи онаго со всѣмъ имуществомъ вытребовать въ Почаевъ архимандрита Скивскаго, казначея Постилькевича и екклезіарха Стародубовскаго, знаяшихъ во всѣхъ подробностяхъ состояніе монастыря и при выѣздѣ своемъ въ г. Кіевъ имъ ничего не сдавшихъ, но чиновники, не согласившись, отозвались, что они и сами будутъ умѣть принять все исправно, и начали такимъ образомъ: въ монастырской кладовой исправлявшій должностъ казначея Шивурскій подъ арестомъ отдавалъ имъ тѣ деньги, которыя были ему известны, а неизвестны сами они нашли въ секретныхъ ящи-кахъ; тѣ и другія, пересчитавши, вложили въ мѣшки, привязали къ нимъ ярлыки и опечатали своими печатями. Въ первыхъ росписались: Вышатицкій и онъ, Шивурскій, а въ послѣднихъ не приказывали имъ росписываться чиновники. Потомъ описывали заставныя вещи, какъ-то: золотыя и серебряные кольца, табакерки, серьги, часы карманнныя, мониство (монисты?), соболій воротникъ, старопольскіе золотые и серебренные поясы, серебряные подсвѣшки, столовая и разныя ложки, ножи и вилки¹⁾. За симъ приступили къ осмотру церковныхъ вещей, которыя представлялъ іеромонахъ Ильясеичъ. Архимандритъ Флавіанъ съ чиновниками, по имѣвшейся у него описи, повѣрилъ каждое облеченіе, каждый сосудъ и каждую металлическую принадлежность церкви; назавъ оные прежде по той описи, приказывалъ подавать ему и прочимъ чиновникамъ для осмотру. Священническія облаченія не только оказались всѣ, но еще болѣе противъ описи; изъ серебряныхъ и золотыхъ сосудовъ нѣкоторыхъ не оказалось и, какъ помнить Ильясеичъ, монстранціи одной, чашъ и подсвѣчниковъ нѣсколько (впослѣдствіи отысканныхъ). Привѣсокъ

¹⁾ Отцы базиліане, очевидно, сопрѣничали съ жидами – ростовщиками.

(вдта) серебряныхъ вызолоченныхъ, взятыхъ изъ епископской кладовой, изъ пещерной церкви и изъ скарбца, не считали, но только перепѣсили и, не объявивъ базиліанамъ о количествѣ вѣсу, уложили въ сундуки, а висящихъ въ храмѣ на чудотворномъ образѣ Божіей Матери и вокругъ онаго до 600, а можетъ быть болѣе, также вокругъ распятія и св. Николая, тоже не считали и вовсе не вѣсили, и хотя Ильясевичъ просилъ о семъ архимандрита Флавіана и чиновниковъ, но они ему сказали, что видятъ тѣ привѣски и сего довольно. Послѣ того осматривали монастырскій архивъ, но не описывали бумагъ,—сказали, что много требуется на то времени, затѣмъ библіотеку, всѣ монастырскія заповѣднія, какъ то: типографію, восковой заводъ (блѣхъ), боярдѣльню, повѣтовое училище, аптеку. О монастырской конюшнѣ, хлѣбномъ, жалѣзномъ и строеваго дерева магазинахъ, мастерскихъ и пасѣкахъ іеромонахъ Дзѣлинскій отдалъ имъ полныя регистры, во фольварки съ людьми, скотомъ, хлѣбомъ и хозяйственными заведеніями, какъ не бывше въ его завѣдывавіи, чиновники принимали и описывали сами, а Дзелинскій только по приказанию ихъ только подписался подъ вѣдомостью о числѣ крестьянъ. Такъ равно у іеромонаха Данилевича приняты ими погребъ съ сыченымъ медомъ, кладовая съ полотномъ и сукномъ чорнымъ на габиты монахамъ и хранившіяся въ сей кладовой въ запечатаанныхъ сундукахъ вещи цокойнаго провинціала Билинкевича. Монастырскій буфетъ, погреба съ виномъ и водкою, по показанію іеромонаха Галинского, чиновники описали въ два дня, подъ описку же онъ Галинский не подписывался, ибо не имѣлъ отъ нихъ на сіе приказанія. Вышепоименованные чиновники не всѣ вмѣстѣ ревизовали одну какую либо часть монастырскаго имущества, но раздѣльно: одни повѣряли одну, а другие другую отрасль достоянія, оставивъ въ бездѣйствіи базиліанскихъ іеромонаховъ, завѣдывавшихъ монастырскимъ имуществомъ, такъ что они вовсе такового не передавали чиновникамъ, отъ правительства для сего назначеннымъ, но сіи послѣдніе сами собою забирали все, а базиліане были только зрителями и то тогда, когда къ тому приглашены были. Каковый пріемъ безъ депутатовъ со стороны базиліанъ, о которыхъ православные чиновники отозвались, что ихъ имъ не нужно, продолжался съ 9 октября до послѣднихъ чиселъ ноября, а къ сему времени они сами, безъ присутствія бывшаго въ должности настоятеля монастыря іеромонаха Вышатицкаго и другихъ должностныхъ

ксенідзовъ, составили сдаточныя всему имуществу описи въ трехъ экземплярахъ и приказали съ угрозами оныхъ подписать базиліа-намъ, которые совершенно не знаютъ, что въ оныхъ заключа-лось, ибо таювые ими не читаны, а сами не могли знать по не-разумѣнію россійскаго языка; притомъ чиновники не объявляли имъ ви о какихъ недостаткахъ».

„Архимандритъ Сківскій объяснился, что въ бытность его настоятелемъ, въ монастырѣ всѣ церковныя облаченія и дорогіе изъ камней и металловъ сосуды и украшенія были въ цѣлости, кромѣ что изъ первыхъ (одеждъ) по ветхости нѣкоторыя пере-дѣланы изъ двухъ или трехъ на одну, но на мѣсто убылыхъ построены новые, а изъ послѣднихъ нѣкоторыя по надобности передѣланы на другія, или проданы, а деньги употреблены на церковныя потребности, и часть оныхъ въ 1822 году неизвѣстно кѣмъ украдена. Потомъ Сківскій продолжаетъ, что аптека при монастырѣ была домашняя и завѣдывалъ оною послушникъ Базилевичъ, у котораго были шнуровыя книги для записи прихода и расхода денегъ, лекарствъ и матеріаловъ. Дохода отъ оной деньгами не только не было, чтобы уплачивать ежегодно бывшему кременецкому лицою по 150 золотыхъ, но еще изъ монастырской суммы давались деньги по мѣрѣ надобности на покупку лекарствъ. Въ кладбищчай церкви, какія были деньги 43 руб. сереб., онъ навѣрное не знаетъ, а полагаетъ, что или приходскаго монаха Павловскаго, или погребальщиковъ. Типографія была привилегированная, восковой заводъ (блѣхъ)—хозяйственное заведеніе; завѣдывали іеромонахи—первого Зиневичъ, второго Абрамовичъ. По двадцати и болѣе тысячи золотыхъ удерживали они у себя съ вѣдома настоятеля для покупки матеріаловъ, платы работникамъ, поддержавія въ исправности строеній, въ коихъ помѣщались заведенія, машины и посуды. Приносили доходъ (типоврафія и свѣчной заводъ) деньгами въ разномъ числѣ и матеріалами, книгами и свѣчами. Въ сихъ заведеніяхъ были шнуровыя книги, давные отъ него, Сківскаго, іеромонахамъ, кои по тѣмъ книгамъ были обязаны сдать чиновникамъ, принимавшимъ монастырь въ православіе, во всей исправности и безъ недостатковъ, а почему того не сдѣлали,—ему, Сківскому, неизвѣстно, причемъ онъ, архимандритъ, присовокупилъ, что если бы высшее начальство соблаговолило возвратить изъ г. Кіева въ Почаевъ его, казначея Постилькевича, и екклезіарха Стародубовскаго, хотя подъ стражайшимъ карауломъ, и велѣно имъ сдать

монастырь со всѣмъ онаго имуществомъ, то бы ови, какъ знати въ подробности всѣ достоянія монастыря и тѣхъ монаховъ, кои кто чѣмъ завѣдывалъ, сдали бы все въ исправности. Чиновниками, принимавшими сей монастырь въ православіе въ концѣ 1831 года, взято въ наличности болѣе 12 тысячъ руб. сереб. оттого, что въ предыдущихъ годахъ полученные не вполнѣ отъ должниковъ проценты и иѣкоторые капиталы, а равно весь приходъ за 1831 годъ не были записаны въ шнуровую книгу. Такоже чиновники забрали изъ всѣхъ мѣстъ суммы, которые базиліанами оставлялись тамъ по надобностямъ, какъ-то въ типографіи и въ бѣху, а потому, соединивши всѣ деньги въ одну сумму, могъ быть наличный остатокъ болѣе 12 тыс. руб. сер.“.

„Показанія іеромонаховъ Стародубовскаго и казначея Постилькевича о вышепизложенныхъ предметахъ согласны съ архимандритомъ Сківскимъ, причемъ Постилькевичъ присовокупилъ, что, при выѣздѣ своемъ въ г. Кіевъ 1831 года іюня 13 дня, письменная казначейская и прочія дѣла оставилъ въ безпорядкѣ разбросанными, потому что бывшая въ томъ монастырѣ коммісія для изслѣдованія причинъ прихода туда мятежника Дверницкаго, всѣ казначейскія письменные дѣла заарестованы болѣе мѣсяца рассматривала и перемѣщаны возвратила ему Постилькевичу въ безпорядкѣ, а онъ, по краткости времени и за занятіями, не успѣлъ таковыхъ привести въ порядокъ до выѣзда въ Кіевъ; деньги же по полу были разбросаны вѣроятно отъ того, что мѣшокъ съ деньгами, отъ какого-либо движенія опрокинувшись, развязался“.

„Посему, для соображенія всѣхъ вышепизложенныхъ предметовъ, коммісія имѣть честь покорнѣйше просить консисторію доставить въ поспѣшности слѣдующія свѣдѣнія:

а) „Увѣдомить, какіе именно чиновники принимали сказанный монастырь въ православное вѣдомство (ибо главнѣйшіе между овными были, по показанію базиліанъ: архимандритъ Флавіанъ, протоіереи: Рафальскій и Новицкій, игуменъ Іоанникій, іеромонахъ Маврикій—нынѣшній екклезіархъ почаевской успенской лавры, также секретарь оной консисторіи Карапетовичъ), какое они имѣли отъ высшаго начальства предписаніе или инструкцію, или же особыя наставленія (съ коихъ прислать копіи) о порядкѣ принятія монастыря въ православіе, какими документами и визитою 1823 года епископа (уніатскаго) Мартусѣвича руководствовались при приемѣ онаго, съ какого числа, мѣсяца и

года начался пріемъ, какимъ порядкомъ онъ былъ производимъ и когда именно совершено оконченъ".

б) „Были-ли при сдачѣ монастыря со стороны базиліанъ депутаты: суперіоръ кременецкаго монастыря Климентій Гриневецкій и владимірскій деканъ Іоаннъ Абрамовичъ, или кто именно другіе, назначенные вслѣдствіе Высочайшей воли литовскою греко-унитскою консисторіею, о чёмъ оная указомъ отъ 16 октября 1831 года дала знать управлявшему тогда почаевскимъ монастыремъ іеромонаху Вышатицкому, буде же они при этомъ не присутствовали, то по какой причинѣ, и на случай, если бы о устраниеніи ихъ отъ сей обязанности послѣдовало отъ начальства распоряженіе, то съ онаго прислать копію".

„Второе. Изложить подробные доводы противъ показаній базиліанскихъ ксевдзовъ о немогшемъ якобы произойти недостаткѣ въ церковныхъ одеждахъ и драгоцѣнностяхъ, обнаруженныхъ впрочемъ при пріемѣ монастыря и консисторіею въ вѣдомостяхъ, доставленныхъ въ комиссію при отзывѣ отъ 17 февраля № 341 подъ литерою А и 7 апреля № 1349 подъ литерою I показанныхъ: фелоновъ 15 и стихарей 10, о которыхъ архимандріть Скивскій и экклезіархъ Стародубовскій объявили, что отъ ежедневнаго употребленія таковыя портились, посему съ дозвolenіемъ первого послѣдній дѣжалъ изъ двухъ, а иногда изъ трехъ ветхихъ одинъ аппаратъ годный, чрезъ что и могъ сдѣлаться упоминаемый недостатокъ, а хотя передѣланые убыли и измѣнились въ номерахъ описанія, а можетъ быть и наименованія, но на място убыльныхъ поступили вновь сшитые изъ купленныхъ и пожертвованныхъ молельщиками матерій на ризы и на завѣски чудотворного образа, и потому въ общемъ счетѣ передѣланыхъ и вновь сшитыхъ не только число онъхъ не могло быть менѣе противъ той визиты, но еще превышало. Въ дѣйствительности его подтвердилъ іеромонахъ Саллюстій Ильясеевичъ, сдававшій сіи одежды и объяснявшій чиновникамъ такое измѣненіе одеждъ. Церковнаго серебра въ сосудахъ и прочемъ, въ церковной ризвицѣ употребляемыхъ, сведенныхъ въ общія статьи по собственнымъ своимъ наименованіямъ каждой вещи означенено по тѣмъ-же вѣдомостямъ недостающими подъ литерою А артикуловъ 26, по вѣдомости же подъ литерою I показано уже только 13 артикуловъ. Сіи вѣдомости учинены были въ монастырѣ: 1) съ 1-го февраля, изъ новой вѣдомости о недостающихъ вещахъ собственностью рукою архимандритомъ Флавіаномъ отмѣченыхъ и подпи-

сомъ базиліанскихъ монаховъ засвидѣтельствованныхъ, а послѣдняя подъ литерою I—29 марта. Изъ сего оказывается, что въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ отыскано: корона одна, монстранція одна, потировъ 9, дискосовъ 11, звѣзды 10, крестъ одинъ, ложицъ 10, подсвѣчниковъ вышною въ аршинъ 4, до 7 вершковъ—2 и меньшихъ всего 12, чашъ 4 и сверхъ того изъ серебряныхъ привѣсокъ отыскано 4, но въ какихъ мѣстахъ всѣ сіи вещи открыты, того не объяснено. Затѣмъ о послѣднихъ недостающихъ вещахъ, поименованныхъ въ той-же вѣдомости подъ литерою I, екклезіархъ Стародубовскій и впослѣдствіи заступавшій его мѣсто Ильясевичъ показали: *две золотыя короны, ватиканская на чудотворномъ образѣ Божія Матери две короны серебряные позолоченные съ дорогими каменьями на намѣстныхъ иконахъ Спасителя и Божіей Матери въ пещерной церкви, одна серебряная 4-ой (84?) пробы, а другая мѣдная, обѣ позолоченные, съ разноцветными стеклами на подобіе камней, въ зимней церкви на намѣстныхъ иконахъ, стаканчикъ отъ стопы Божіей Матери давно еще во время монастырскаго храма (т. е. храмового праздника) украденъ, — два реликвіара (для храненія частій св. мощей?), корзина для пшеницы, веночки, лампадки, подносъ — были въ скарбцѣ, а оловянные подсвѣчники на престолахъ въ наличности, и всѣ онѣ іеромонахъ Саллюстій показывалъ чиновникамъ, принимавшимъ монастырь, они ихъ описывали и не говорили ему, что еще такихъ вещей не достаетъ, кромѣ какъ только не оказалось, сколько онъ помнитъ, монстранціи одной, чашъ и подсвѣчниковъ вѣсколько, вѣроятно тѣхъ, кои отысканы при гробѣ Каневскаго¹⁾ и въ столбѣ подъ чудотворнымъ образомъ. Серебряныхъ привѣсокъ вокругъ чудотворнаго образа Божіей Матери на стѣнѣ и столбахъ висящихъ до 600 штукъ, а можетъ быть и болѣе, равно вокругъ Распятія и подъ иконою св. Николая архимандритъ Флавіанъ и чиновники не считали, хотя ихъ Ильясевичъ о томъ просилъ, но они сказали, что видятъ тѣ привѣски и сего довольно. Тѣхъ же привѣсокъ, кои были за излишествомъ сложены въ бискупской кладовой, въ скарбцѣ и въ пещерѣ, также не считали и не говорили, сколько оныхъ должно быть, но только перевѣсили и не объявили количества*

¹⁾ Т. е. старость каневскаго — Николая Шотоцкаго, строителя главнаго сѣбора и монастырскихъ зданій (1771—1772 г.), умершаго въ 1782 г. и похороненнаго въ подвалѣ собора.

въсу. Архимандритъ Сківскій, равно іеромонахъ Стародубовскій добавили къ тому еще слѣдующее: что изъ числа сихъ привѣ-
сокъ, не могшихъ помѣщаться вокругъ чудотворнаго образа и
другихъ, были сдѣланы двѣ или три чаши, шата на образъ Бо-
жіей Матери въ (слово неразборчиво написанное) на престолъ
стоявшей, напрестольный крестъ, а какъ еще предполагалось
сдѣлать шесть подсвѣчниковъ вышиною въ локоть, то изъ тѣхъ
же привѣсокъ значительное число оныхъ разной величины и
пробы для уравненія качества металла стояли Стародубовскій
въ слиткѣ въсомъ до полтора пуда, которые и были скрыты въ
столбѣ подъ чудотворнымъ образомъ (а послѣ найдены тамъ),
также употреблено оныхъ на посеребреніе мѣдныхъ рамъ на
антіпедіи главнаго престола. Слѣдовательно, посчитавши сіи
подѣлки и слитки серебра со всѣми наличными привѣсками въ
храмъ на иконахъ висящими и съ излишними, бывшими скоро-
ненными въ сказанныхъ мѣстахъ, не можетъ оказаться недо-
статка".

Относительно того, что консисторія въ отзывѣ своемъ отъ
17 февраля № 341 упоминала, что значущихся въ книгѣ прино-
шеній (офиаръ) драгоценныхъ вещей вовсе не оказалось, но въ до-
ставленной при отзываѣ оной-же отъ 7 апрѣля, № 1394, вѣдомости
подъ литерою К. показано довольноное количество вещей по на-
именованіямъ въ книгѣ офиаръ значущихся и по счисленії (сличенії?)
съ оною духовный соборъ сдѣлалъ отмѣтку: „тѣ ли самыя вещи,
какія помѣщены въ сказанной книгѣ, неизвѣстно". Далѣе въ пер-
вомъ отношеніи, № 341, продолжаетъ, что самый приходъ тѣхъ
ожереткованій базиліанами показанъ только по 6 числу юля 1827
года, и съ сего времени дальнѣйшаго слѣда о подобныхъ прино-
шеніяхъ, которыхъ не могли не быть и въ послѣдовавшихъ годахъ,
ни по сей книгѣ, ни по другимъ монастырскимъ актамъ не имѣется.
Но архимандритъ Сківскій и бывшій екклезіархъ іеромонахъ Стар-
одубовскій, на запросъ о семъ и по предъявленіи имъ вышепи-
санной вѣдомости подъ литерою К., объяснили, что показанныя
въ оной вещи суть тѣ самыя, которыхъ были молельщиками при-
носимы въ даръ церкви и записаны въ регистръ офиаръ, недоста-
ющія-же противъ оного многія были украдены въ 1822 году, а
червонцы, золотые медали и кольца употреблены на поозолотку
чашъ, крестовъ и другихъ сосудовъ церковныхъ и антипедіи, а
нѣкоторыя по нецѣнности проданы и деньги издержаны на по-
требности монастырскія, и что сіи добровольныя приношенія не

были болѣе дѣлаемы послѣ 6-го юля 1827 года, а Стародубовскій добавилъ, что сіи вещи также суть тѣ самыя, которыя онъ скрылъ въ столбѣ подъ чудотворнымъ образомъ Божія Матери и при гробѣ Каневскаго. А какъ епископъ Мартусевичъ при ревизії не свидѣтельствовалъ книги офарь, ибо нѣть его въ оной подпіси, какъ таковыя дѣлали провинціалы, консисторія же и лаврскій соборъ не упоминаютъ, чтобы сіи вещи были Мартусевичъ показаны въ общей его визитной описи, то вѣроятно, что сія вещи суть тѣ самыя, кои записаны въ книгѣ офарь. Но для достовѣрности консисторія не оставилъ аккуратнѣйшую выправку касательно недостатка въ церковныхъ вещахъ и затѣмъ доставить въ коммисію для соображенія самовѣрнѣйшія вѣдомости: а) полную всему монастырскому имуществу, поступившему отъ базиліанъ въ православное духовенство, въ суммахъ, вещахъ и недвижимостяхъ заключающемся; б) сколько суммъ и вещей и какихъ наименованій, за всѣми отысканными, не достаетъ противъ визиты 1823 года и другихъ документовъ, коими руководствовались при приемѣ православные; с) сколько оказалось противъ тѣхъ же, визиты и документовъ, излишними суммъ и вещей и какихъ наименованій. Притомъ изъяснить, отчего въ отзывахъ оной и вѣдомостяхъ произошла вышеписанная разница въ недостаткѣ церковныхъ вещей, наименовавъ тѣ мѣста, въ коихъ впослѣдствіи открыто 13 артикуловъ церковнаго серебра и 4 привѣски".

Третье. По вѣдомости, приложенной консисторію при отношеніи отъ 7 апрѣля, № 1349, о суммахъ, поступившихъ отъ базиліанъ въ православіе, показано: а) что въ казначейской кладовой отыскано въ скрытыхъ мѣстахъ до 6 тысячъ руб., серебромъ, а завѣдывавшій сімъ монастыремъ іеромонахъ Вышатицкій показалъ (можетъ быть ошибочно), что при открытии потаенныхъ ящиковъ въ шкафахъ вынуто оттоль въ шести мѣшкахъ серебряными рублями 6250 р. с., которые принялъ, православные не позволили ему подъ итогомъ подписаться. б) Въ ризницѣ соборной церкви взято 127 руб. 82½ коп. серебромъ и 42 р. 52 коп. мѣдью, безъ книги приходо-расходной. Но архимандритъ Скивскій, іеромонахи Постилькевичъ и Стародубовскій отозвались, что деньги сіи давались молельщиками и на записку оныхъ, а равно и вырученныхъ за продажу бутылочекъ на святую воду была тамъ всегда книга не шнуровая, выданная изъ монастырскаго казначейства, которая, какъ объявилъ помощникъ эклезіарха іеромонахъ Ильяевичъ, находилась на столѣ и въ то время, когда архимандритъ Флавіанъ

и іеромонахъ Маврикій принимали упомянутыя деньги, но по той книжѣ, означающей приходъ онъхъ, не повѣрили и просьбы о томъ Ильясевича не уважили. Книга же сія величиною была въ листъ, сложенный въ длину поцеламъ, толщиной въ полторы дести, выдана въ закрытіи екклезіархомъ Стародубовскимъ. с) Въ келіи ксендза Шавурского принято 159 руб. $80\frac{3}{4}$ коп. серебромъ то же безъ всякой отчетности, напротивъ того Вышатицкій увѣряеть, что при немъ архимандритъ Флавіанъ отбиралъ у Шавурского деньги, бывшія на ежедневные расходы, съ расчетомъ онъмъ, а послѣдній, утверждая сіе, говорить, что таковый поданъ имъ написанный его рукою, но неподписанный. д) Подобно сему въ монастырской типографіи и лаврской аптекѣ, въ коихъ такъ-же найдены и приваты суммы, означенныя въ упомянутой вѣдомости безъ всякихъ свѣдѣній, по объявленіямъ-же архимандрита Сківскаго и казначея Постилькевича въ означенныхъ мѣстахъ имѣлись на записку денегъ, а въ послѣдней и лекарствѣ, книги, но почему православными чиновниками таковыя не приваты и не общитаны, имъ неизвѣстно. е) Касательно оказавшагося недостатка при учетѣ книги въ свѣчной лавкѣ и восковомъ заводѣ (блѣхѣ) денегъ 4758 злотыхъ $19\frac{1}{2}$ грошей или 714 руб. $79\frac{3}{4}$ коп. серебромъ, не видно, чтобы завѣдывавшій онъмъ іеромонахъ Абрамовичъ, который сдавалъ всю о томъ отчетность, былъ опрошенъ православными чиновниками о происшедшемъ у него недостаткѣ, а потому консисторія не оставить также распорядиться, чтобы въ поспѣшности были учтены выправки объ отысканіи упомянутыхъ денежныхъ документовъ и если таковые окажутся, то сдѣлать по онъмъ надлежащую тѣмъ суммамъ повѣрку и о послѣдующемъ почтить комиссию извѣщеніемъ, добавя при томъ, отчего меныше показано суммы, отысканной казначейской кладовой въ секретныхъ ящикиахъ шкафовъ противъ показанія Вышатицкаго, и быль-ли, какъ выше означено, членами принимавшими въ православіе монастырь запрашивалъ іеромонахъ Абрамовичъ о вышеобъясненномъ недостаткѣ у него денегъ, и буде имѣется о семъ его объясненіе, то прислать оное въ комиссию".

„И ваконецъ четвертое. Присланная при отзывахъ духовнаго собора почаевской лавры на имя консисторіи отъ 5 апрѣля № 152 книга, или опись всему монастырскому имуществу безъ конца была предъявляема архимандриту Сківскому, коимъ признана тою самою, которая составлена 1824 года провинціаломъ Мишинкевичъ и ему Сківскому вручена при постановленіи его суперіоромъ

бывшаго почаевскаго базиліанскаго монастыря, для руководства при принятіи и въ случаѣ сдачи монастырскаго имущества, и что оная книга, при выѣздѣ его въ Кіевъ, оставлена въ келіи его съ концемъ и утверждена подписомъ того провинціала. Судебная комиссія имѣть честь просить покорнѣйше консисторію приказать вновь сдѣлать вѣрѣйшую выправку по дѣламъ бывшимъ въ келіи Сківскаго, которые, какъ видно изъ производимаго дѣла, православными чиновниками, бывъ взяты, сложены въ мѣшки и положены въ кладовой, не окажется ли окончанія сказанной книги, необходимо для соображенія нужной, и буде отыщется, то прислатъ въ комиссію».

„Подлинное подписьали: Презусъ подполковникъ Македонскій, аудиторъ 13-го (?) класса Михайловъ“.

„Съ подлиннымъ вѣрно: за секретаря титулярный совѣтникъ Михаилъ Правосудовичъ“.

Г. Житомиръ

10 декабря 1833 года

№ 219.

№ 2.

Въ волынскую) д. консисторію яблоченскаго св. Онуфріевскаго монастыря настоятеля, игумена Іоанникія.

Р е п о р тъ.

„Въ исполненіе Его Императорскаго Величества указа изъ волынской духовной консисторіи отъ 30 декабря истекшаго 1833 года за № 6947, съ приложеніемъ копіи отношенія комиссіи военнаго суда, въ г. Житомирѣ надъ мятежниками учрежденной, отъ 10 числа того-жъ декабря за № 219 ко мнѣ послѣдовавшаго, а мною 22 сего генваря полученнаго, долгъ имѣю покорнѣйше донести волынской духовной консисторіи: острожско дерманскаго первокласснаго монастыря настоятель о. архимандритъ Іерофей 5 октября 1831 года, получивъ отъ преосвященнѣйшаго Амвросія, бывшаго епископа волынскаго-житомирскаго и кавалера, предписаніе выслать немедленно меня, бывшаго въ то время намѣстникомъ острожско-дерманскаго монастыря, и діакона Михаила Бицкаго, что нынѣ почаевской успенской лавры келарь іеромонахъ Меѳодій, въ загаецкій монастырь въ распоряженіе волынской семинаріи ректора, загаецкаго монастыря настоятеля, о. архимандрита

рита Флавіана, того же дня насть туда выслалъ. Пріѣхавъ съ прописаннымъ діакономъ въ загаецкій монастырь 6 октября, я не засталъ о. архимандрита Флавіана, а только получилъ отъ него письменное повелѣніе слѣдоватъ за нимъ чрезъ г. Кременецъ въ Почаевъ. Въ почаевскій бывшій базиліанскій монастырь прибылъ я съ іеромонахомъ Маврикіемъ, что нынѣ екклезіархъ почаевской успенской лавры, и діакономъ Михаиломъ Билецкимъ 9 октября въ 12 часовъ дня, гдѣ засталъ о. р. архимандрита Флавіана, протоіереевъ: Рафальскаго и Новицкаго, а такъ же кременецкаго исправника Бульковскаго и засѣдателей: Горскаго и Солнцева, куда затѣмъ въ скоромъ времени еще прибыли петербургскіе чиновники Войцеховичъ и Вильяшевъ или Вильяменовъ, корпуса жандармовъ поручикъ Кирьевъ и каѳедральный протодіаконъ Вас. Красицкій. Гражданскіе чиновники, призвавъ исправлявшаго въ монастырѣ должность настоятеля, іеромонаха Вышатицкаго, просили его, чтобы привезъ всѣмъ базиліанамъ собраться въ трапезу для выслушанія высочайшей Его Императорскаго Величества воли. Православные духовные и гражданскіе чиновники въ 3, кажется, часа пополудни, когда базиліане всѣ собрались, пришли къ нимъ въ трапезу. По объявленіи гражд. чиновниками базиліанамъ высочайшей Его Императорскаго Величества воли, о передачѣ почаевскаго ихъ монастыри со всѣмъ имуществомъ и капиталами въ вѣдомство православнаго духовенства, базиліане, будучи почти всѣ пьяны, вместо изъявленія покорности высочайшей волѣ, шумѣли, грубили, говорили нелѣпныи и непристойныи слова, такъ что гражданскіе чиновники, посовѣтовавшись съ о. р. а. Флавіаномъ, разсудили оставить ихъ въ покоѣ и, вышедши изъ трапезы, запечатали всѣ три церкви, казначейство, свѣчную лавку, типографію, погреба и всѣ кладовыя и при каждыхъ двухъ поставили караульного, но ключей ни отъ чего не требовали и не отбирали. На другой день, т. е. 10 октября, который былъ суббота, въ 12-мъ часу комиссія получила отъ исправлявшаго должность настоятеля іеромонаха Вышатицкаго отзывъ съ увѣдомленіемъ о его готовности сдать монастырь и съ наименованіемъ лицъ, кто какую часть имѣеть сдавать. Итакъ того-же дня въ 2 часа пополудни онъ Вышатицкій съ іеромонахомъ Саллюстіемъ Ильяшевичемъ и монахомъ Богушемъ отперши соборную Успенія пресвятая Богородицы церковь, ввелъ въ нее православныхъ духовныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. По окропленіи сей церкви святою водою и по отпѣніи нами вечерней службы, іеромонахъ

Саллюстій Ильяшевичъ и монахъ Богушъ заперли церковь и ключи взяли къ себѣ, а іеромонахъ Маврикій, кажется, приложилъ по повелѣнію комиссіи къ дверямъ печать. Такимъ образомъ всегда, за каждымъ богослуженіемъ, Ильяшевичъ и Богушъ отпирали и запирали соборную, пещерную и теплую церковь, пока тѣ церкви съ имуществомъ отъ нихъ приняты не были, и такимъ образомъ отъ всѣхъ кладовыхъ и мѣсть ключи держали базиліане у себя, а печать находилась у о. р. архимандрита Флавіана, пока все по порядку не было описано и сдано. Пріемщиками-же со стороны православнаго духовенства были: волынскій семинаріи р. архимандритъ Флавіанъ и протоіереи: Рафальскій, что нынѣ почаевской успенской лавры намѣстникъ архимандритъ Антоній, и Но-вицкій, а съ котораго числа они начали производить пріемъ и какимъ образомъ онъ производили, мнѣ, такъ какъ я притомъ не находился, не извѣстно. Ибо я съ іеромонахомъ Маврикіемъ и діакономъ Михаиломъ Билецкимъ цѣлую седмицу исключительно занимался богослуженіемъ, а потомъ занимался внутренними по лаврѣ распоряженіями, по объявлениіи мнѣ о томъ о. ректоромъ архим. Флавіаномъ архипастирскаго повелѣнія. Правда, комиссія поручала и мнѣ, во время моихъ по монастырю занятій, привести въ извѣстность и описать вѣкоторые предметы, и я таковую порученность на досугъ исполнялъ, но не рѣшительно и не окончательно: ибо комиссія послѣ все повѣряла и, удостовѣрившись въ точности сдѣланнаго мною описанія, вносила таковое въ генеральную опись. Описывалъ-же я слѣдующіе предметы: 1) трапезу съ разною посудою и всѣми ея принадлежностями, которая показывалъ имѣвшій ону въ своемъ завѣданіи послушникъ Еераповъ Куликовскій; 2) кухню съ кухеною посудою и двѣ кладовыя съ припасами съѣстными, которая показывалъ послушникъ Пентрицкій; 3) буфетъ или, такъ называемую, канрафарю, которую показывалъ іеромонахъ Гервасій Галинскій; 4) конюшню съ лошадьми, упряжью и экипажами, анбаръ съ желѣзомъ и мѣдью и мастерскія, которая показывалъ по приватному, не урядово, а келейно составленному и безъ всякаго подписа бывшему регистру прокураторъ іеромонахъ Павлинъ Дзелинскій, и 5) двѣ кладовыя съ холстомъ и сукномъ для монаховъ и съ волною (шерстью), которая показывалъ іеромонахъ Данилевичъ. Всѣхъ вышеизложеныхъ предметовъ я самъ безъ базиліанъ не описывалъ и ключей отъ нихъ не бралъ, а только печать къ дверямъ прикладывалъ, пока все описано, комиссией повѣрено и сдано не было.

Назначеныхъ литовскою греко-унитскою консисторією депутатовъ при дѣланиемъ мною описаніи не было, потому что о назначенії ихъ тогда никто еще не звалъ, и они не явились въ монастырь. Котораго именія числа и мѣсяца началъ я дѣлать показаннымъ предметамъ описание и когда кончилъ, а равно когда вообще конченъ пріемъ монастыря, не помню. Знаю только, что базиліане, по мѣрѣ сдачи бывшаго на ихъ рукахъ церковнаго и монастырскаго имущества, были снабжаемы отъ монастыря довольноымъ количествомъ денегъ на проездъ въ назначенные имъ монастыри и на путевое содержаніе и безъ всякаго притѣсненія и осмотра съ письменными видами были отпускаемы". „1834 года, генваря 24 дня № 14“.

Дневникъ Станислава Освѣцима

(*од извлечений и переводовъ*).

1643—1651 г.

(*Продолжение*). *)

СВечеромъ въ тотъ-же день (23 іюня) получено было въ ла-
геръ письмо краковскаго епископа Петра Гембіцкаго, которое
причинило всѣмъ сильное беспокойство. Епископъ сообщилъ, что
вѣкто Александръ-Левъ изъ Штемберка Костка¹), иначе назы-
ваемый Наперскимъ, составилъ на свое имя подложные королевскіе
универсалы, будто уполномочивающіе его набирать войско и, на
ихъ основаніи, подъ предлогомъ королевской службы, сталъ возбу-
ждать къ мятежу крестьянъ въ краковскомъ Подгоріи; онъ успѣлъ
притомъ овладѣть замкомъ Чорштыномъ, лежащимъ на венгерской
границѣ на высокой скалѣ, доступной только съ одной стороны.
Въ Чорштынѣ онъ устроилъ себѣ резиденцію и черезъ посланныхъ
людей вербуетъ иностранныхъ солдатъ въ Силезіи; между тѣмъ,
ожидалъ ихъ прихода, онъ призываетъ къ восстанію крестьянъ
окрестныхъ какъ посредствомъ разосланныхъ агентовъ, такъ и
разсыпкою частныхъ писемъ и универсаловъ; онъ призываетъ
крестьянъ образовать скопища, утверждая, будто онъ дѣйствуетъ
на основаніи королевскаго приказа; такимъ образомъ онъ уже мно-
гихъ привлекъ на свою сторону, а еще болѣе побуждаетъ къ
своеволію обѣщаніями богатой добычи. Всякій легко могъ сообра-
зить, прочитавъ присланые универсалы и письма Наперского,

*) См. январь, февраль, май и іюнь „Кiev. Ст.“.

¹) Истинное название этого лица было—Симеонъ Бзовскій; онъ былъ побочнымъ сыномъ короля Владислава IV и получилъ весьма хорошее воспитаніе въ домѣ дворянъ Костковъ изъ Штемберка, которыхъ фамилию и принялъ, задумавъ стать во главѣ крестьянскаго восстанія. Наперскимъ онъ назывался потому, что въ распоряженіи его находились открытые листы короля, поручавшіе какому-то офицеру Наперскому вербо-
вать солдатъ въ королевскую службу. (Кубала—Szklce, т. I, стр. 312).

сколь большая опасность угрожала Рѣчи Посполитой. Прежде всего заботясь о благочестіи и желая, такимъ образомъ, пріобрѣсти по-пулярность, онъ распорядился о сохраненіи безопасности церквей и издалъ на өтотъ счетъ универсалы. Какъ образецъ таковыхъ доставлены универсалы, данные имъ Тынецкому монастырю: одинъ писанъ по нѣмецки, ради иностраннаго войска, котораго онъ ожидалъ изъ Силезіи, и такого содержанія: „Я, нижеподписанный, начальникъ войскъ, конницы и пѣхоты, приказываю сохранять въ по-коѣ монастырь Тынецъ и его имущество, подъ угрозою смертной казни“¹⁾) Другой универсалъ, писанный по польски и предназначе-ный для возставшихъ крестьянъ, слѣдующаго содержанія: „Я, ни-жеподписанный, поручаю и вакрѣпко приказываю солдатамъ, нахо-дящимся подъ мою командою, чтобы они сохранили въ цѣлости и неприкосновенности монастырь Тынецъ и принадлежащія ему села, подъ опасеніемъ смертной казни всякому, неповинуему се-му военному, выданному для охраны монастыря, приказу, ко-торый скрѣплю мою подписью и печатью. Данъ въ Тынцѣ 8-го мая 1651 года. Александръ-Левъ изъ Штемберка“.

Копія письма отъ того-же Костки къ Лентовскому, салтысу²⁾, проживающему въ новоторжскомъ округѣ, одному изъ важнейшихъ мятежниковъ и разбойниковъ въ той мѣстности:

„Милостивый государь, господинъ Лентовскій, любезный мой другъ! Осѣдомившись о доблестныхъ и рыцарскихъ подвигахъ вашихъ, я воздаю имъ должную хвалу и благодарю за нихъ Гос-пода; притомъ покорно прошу васъ именемъ короля, его милости, чтобы вы съ вашимъ полкомъ приходили какъ можно скорѣе и старались собрать какъ можно больше людей. Пусть они вспомнятъ всѣ обиды, претерпѣваемыя отъ пановъ, пусть подумаютъ о томъ, до какой степени бѣдный народъ угнетенъ и обремененъ и что теперь представляется имъ прекрасный случай къ освобожденію,— пусть они имъ пользуются, ибо если теперь пропустятъ удобную

¹⁾ Въ подлиннике на нѣмецкомъ языкѣ.

²⁾ Солтиствами назывались села, жители которыхъ были свободные хлѣбопашцы, землевладѣльцы, обязанные лишь военною службою въ пользу государства. Въ Подго-ріи краковскомъ много было такихъ сель, напоминавшихъ собою до нѣкоторой степени козачество. Лентовскій былъ маршалкомъ, т. е. предводителемъ (головою) солтисовъ; названъ онъ мятежникомъ потому, что еще въ 1628 году онъ предводительствовалъ въ возстаніи солтисовъ противъ краковского старости Комаровскаго, посыгавшаго на ихъ права (Кубатя, Szkice, стр. 314).

минуту и не сбросить тяжелаго ярма, то останутся навсегда въ рабствѣ у пановъ. И такъ приходите поскорѣе сами и всѣмъ, кому сочтете нужнымъ, сообщите это распоряженіе. Пана Здановскаго оставьте въ покой, всѣхъ-же другихъ шляхтичей пусть крестьяне берутъ и пусть дѣлаютъ съ ними, что угодно. Слѣдующій знакъ пусть служить для взаимнаго опознанія: вѣнокъ, привѣшенній на зеленой сосновой вѣтви; знакъ этотъ пусть въ походѣ несутъ и при вашемъ полку. Распорядитесь, чтобы люди ваши захватили съ собою топоры и застуны. Мы пойдемъ къ Кракову и дальше; съ Божиою помощью, пройдемъ всю Польшу. У насъ прочный договоръ съ Хмельницкимъ и съ татарами, и нѣмецкое войско придетъ намъ въ помощь. О всемъ вышеписанномъ извѣстите другихъ и сами отправляйтесь къ намъ; подробности расскажетъ вамъ изустно податель этого письма. Ожидая васъ съ нетерпѣніемъ, пребываю вашей милости братомъ и слугою—Александръ-Левъ. Изъ Чорштына, 18 июня, 1651 года. Всей братіи нашей, принявшей нашу сторону, бью челомъ. Слѣдуетъ вручить поспѣшио моему любезному другу, пану Станиславу Лентовскому, маршалку братіи нашей».

Копія письма отъ ректора¹⁾, правильнѣе школьнаго учителя, въ селѣ Пцимѣ, Мышеницкой волости, отчаяннаго разбойника и постояннаго бунтовщика противъ всѣхъ краковскихъ кастелляновъ, пановъ своихъ, писанаго къ тому-же Косткѣ:

„Милостивый государь мой! Извѣстія, полученные мною въ письмѣ вашей милости, буду, какъ можно поспѣшише и точнѣе, распространять среди крестьянъ, пользуясь для этого содѣйствиемъ вѣрныхъ послѣдователей Христовой истины²⁾, искренно преданныхъ его величеству, милостивому государю нашему, Ioанну Казимиру, королю польскому. Поспѣши, ваша милость, вновь разослать циркуляръ къ крестьянамъ нашей мѣстности, который бы усилилъ ихъ довѣrie и побудилъ ихъ скорѣе собираться въ отряды. Многіе изъ нихъ давно уже заявляютъ, что если-бы получили разрѣшеніе короля, то охотно отправились-бы въ походъ

1) Рѣчь идеть о пѣкоемъ Мартинѣ Радецкомъ, бывшемъ школьнѣмъ учителемъ въ одномъ изъ солтасскихъ школъ—Пцими, въ теченіи 40 лѣтъ. Радецкій былъ послѣдователемъ ученія анабаптистовъ; остатки этой секты пріютились въ краковскомъ Подгоріи (*ibid*, стр. 313).

2) Авторъ вѣроятно разумѣеть анабаптистовъ.

противъ шляхтичей и принялись-бы истреблять ихъ дворы, дабы прекратить господство на землѣ шляхетской гордости, злобы и тиранства. Затѣмъ поручаемъ себя покорно вниманію вашей милости. Въ Іцимъ, 20 іюня, 1651 года. Вашей милости покорный слуга—Мартинъ, ректоръ школы іцимской. Слѣдуетъ вручить моему милостивому государю, господину Льву, вѣрному подданному его королевской милости".

Копія универсала того-же Костки, отправленнаго, согласно желанію, выраженному въ вышеприведенномъ письмѣ, на имя того же ректора: „Миръ Христовъ! Всѣмъ вообще и каждому въ отдѣльности вѣрнымъ подданнымъ его королевской милости желаю добра го здравія и ниспосланія отъ Всевышнаго святой воли и свободы. Извѣщаю васъ симъ отъ имени Господа Бога и короля его милости, что шляхтичи намѣрены произвести мятежъ противъ короля и потому всѣ, расположенные къ королю, пусть спѣшать соединиться подъ моимъ начальствомъ въ Чорштынѣ и пусть отправляются туда подъ командою господина ректора Іцимскаго, назначенаго королевскимъ полковникомъ. Онъ приметь надъ вами начальство, приведетъ васъ ко мнѣ и будетъ во всемъ руководить вами. Король, его милость, обѣщаетъ полную волю всѣмъ тѣмъ, которые теперь примутъ его сторону, притомъ онъ предоставляетъ въ ваше распоряженіе шляхетскіе дворы и всякое обрѣтающееся въ нихъ имущество. Дерзайте освободиться отъ тяжкой неволи, пользуйтесь благопріятнымъ временемъ. Лучше вы ихъ истребите, чѣмъ они вѣсъ до конца будутъ угнетать; достаточно паны издѣвались надъ вами и плачь вашъ воинѣтъ предъ Господомъ и требуетъ имъ кары. Посылая второе мое письмо господину ректору, присоединяю къ нему сей универсалъ; притомъ предостерегаю васъ, согласно съ королевскою инструкціею, чтобы вы не довѣряли никакимъ другимъ универсаламъ, хотя-бы они и были скрѣплены королевскою печатью и подписью, ибо онъ можетъ разослать ихъ вслѣдствіе принужденія отъ шляхтичей. Мы должны поскорѣе дѣлать свое дѣло. Ко дню святого Иоанна мы пойдемъ на Краковъ,—туда я уже повсемѣстно разославъ универсалы къ крестьянамъ, и они явятся охотно; изъ области новоторжской придутъ всѣ поголовно и господинъ Станиславъ маршалокъ будетъ у нихъ полковникомъ. Прошу васъ, когда будете проходить черезъ Новый Торгъ, не трогайте пана Здановскаго и оставьте въ покое всѣ села, въ которыхъ увидите вѣнки, вывѣшенные на вѣтвяхъ; также прошу

васъ охранять церкви, ибо мы отправляемся на войну за Господа, за кривду людей и за достоинство короля. Выданъ въ Чорштынѣ, 22 июня, 1651 года. Александръ Левъ изъ Штемберка Костка, староста чорштынскій".

Копія письма отъ того-же Костки, писаннаго изъ Чорштына къ подстаростѣ новоторжскому¹⁾), а также сочиненные имъ стихи, въ которыхъ онъ насыщается надъ Михаиломъ Іорданомъ. Послѣдній по порученію краковскаго епископа и шляхтичей, остававшихся дома, съ отрядомъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ подступилъ къ Чорштыну и хотѣлъ овладѣть имъ, не долженъ былъ отступить безъ успѣха, по поводу недостатка въ осадномъ материаѣ:

„Милостивый отецъ и благодѣтель! Скорблю всѣмъ сердцемъ о томъ, что вы изъ-за меня потерпѣли столь много и невинно. Прошу васъ: отправьте ко мнѣ поскорѣе ваше имущество и сами прїѣзжайте ко дню св. Иоанна; къ тому сроку ко мнѣ соберется большое войско. Воля Господня требуетъ, чтобы страшныя беззаконія были усмирены; дай Господи этого достигнуть безъ пролитія крови христіанской. Я намѣренъ, оставивъ васъ здѣсь хозяиномъ, выступить въ походъ съ войскомъ туда, куда Господу будетъ угодно. Я сообщилъ-бы вамъ извѣстія о добычѣ, но наѣюсь васъ вскорѣ лично увидѣть, тѣмъ болѣе, что вскорѣ будетъ уже не безопасноѣздить и притомъ тревожусь мыслю, чтобы епископъ не предпринялъ чего-либо противъ васъ. Во всякомъ случаѣ привѣсьте вѣнецъ на обожженномъ шестѣ. Больше писать къ вамъ не буду. Всѣмъ вамъ бью охотно челомъ и ожидаю васъ. Посылаю вамъ стихотворное повѣтствованіе о моей осадѣ и перстень съ рубиномъ для иконы Богородицы въ городѣ или въ Шафѣ. Вашъ благорасположенный слуга Александръ-Левъ изъ Штемберка. Слѣдуетъ поспѣшино вручить многоуважаемому благодѣтелю моему, господину Викторину Здановскому, подстаростѣ въ Новомъ Торгѣ".

¹⁾ Когда Бзовскій рѣшился организовать народное восстаніе, то онъ прежде всего явился въ городъ Новый Торгъ (Немавент), лежащий въ центрѣ Подгорія; онъ нашелъ здѣсь радушный пріемъ у мѣстного подстарости Викторина Здановскаго, который искренно повѣрилъ, что Бзовскій дѣйствуетъ въ силу королевскаго порученія и потому оказывалъ ему полное содѣйствіе и заключилъ съ нимъ значную дружбу.

Затѣмъ слѣдуетъ въ рукописи стихи сатрическіе, содержащіе описание осады Чорштына ротмистромъ Іорданомъ. Мы не приводимъ этихъ стиховъ, такъ какъ они напечатаны въ сочиненіи Кубали: «Szkice historyczne» т. I, стр. 328—329.

Получивъ эти точныя извѣстія о предстоящихъ опасностяхъ, всѣ въ лагерѣ были крайне смущены, но такъ какъ было уже поздно, то совсѣмъ о принятіи необходимыхъ мѣръ было отложено до слѣдующаго утра.

Іюня 24. Часть войска, которая еще оставалась на той сторонѣ, переправилась къ Берестечку въ королевскій лагерь и расположилась на назначенныхъ для нея мѣстахъ. Мѣстоположеніе лагеря выбрано прекрасно: передъ его фронтомъ къ востоку простиралось обширное ровное поле, тянувшееся въ необозримую даль и только въ средней своей части возвышавшееся въ видѣ незначительныхъ холмовъ; на немъ удобно могли развернуться для сраженія громадный войска. Съ правой стороны оно было окаймлено большими лѣсами, простирающимися по направлению къ Лесневу и Щуровицамъ; лѣсъ этотъ приказано было занять для того, чтобы послѣ прихода враговъ, они не могли въ немъ скрываться и устраивать засады. Лѣвая сторона цоля прилегала къ рѣчкѣ Плешовой, текущей отъ Кременца и впадающей въ Стырь; рѣчка эта, вачиная отъ села Плешовой, образуетъ со стороны, обращенной къ лагерю, большие разливы и непроходимыя болота. Позади лагеря находилось мѣстечко Берестечко и рѣка Стырь, текущая среди болотъ, занимающая оба ея берега; на ней расположены съ одной стороны мѣстечко Стуствецъ, славящееся въ той мѣстности отличнымъ пивомъ, съ другой — Перемысьль, съ крѣпкимъ замкомъ; оба мѣстечка въ разстояніи одной мили отъ Берестечка. Въ описанной мѣстности разбитъ былъ лагерь весьма беспорядочно и занялъ слишкомъ много пространства по причинѣ страшной безурядицы, ибо каждый располагался тамъ, гдѣ ему было угодно, а не тамъ, гдѣ ему назначена была стоянка.

Междудѣмъ, пока мы размѣщались въ лагерѣ, поголовное дворянское ополченіе, основавшееся по той сторонѣ рѣки, было вечеромъ сильно встревожено ложнымъ извѣстіемъ, будто татаре переправляются на ту сторону рѣки; дворяне подняли страшный шумъ, стали стрѣлять изъ ружей и долго простояли въ строю на лошадяхъ. Вечеромъ возвратился изъ разъѣзда двухдневнаго Середа; онъ не могъ ничего разузнать по причинѣ неповиновенія своей команды, составленной изъ сборной дружины.

Въ тотъ же день получено новое письмо отъ краковскаго епископа съ извѣстіями о вышеупомянутомъ Косткѣ и о сильномъ волненіи крестьянъ въ окрестностяхъ Кракова; епископъ просилъ прислать какъ можно скорѣе подкрепленія, указывая на то, что въ противномъ случаѣ Краковъ и вся та мѣстность подвергнутся большой опасности по причинѣ полнаго отсутствія военныхъ силъ, такъ какъ всѣ шляхтичи ушли въ поголовное ополченіе, что открывало свободное поле своеволію и матежнымъ замысламъ. Немедленно состоялся совѣтъ: разсуждали, кого куда сдѣдуетъ отправить, но въ этотъ вечеръ не пришли ни къ какому рѣшенію.

Ночью получено извѣщаніе отъ подстарости изъ Бродъ, котораго лазутчики извѣстили, что орда уже соединилась съ Хмельницкимъ, хотя неизвѣстно, пришелъ-ли лично ханъ, или нетъ. Тотчасъ отправили въ развѣздъ двѣ козацкія хоругви изъ полка маршала короннаго (Юрія Любомирскаго), занимавшаго въ ту ночь караулы. Хоругви эти отправились къ Лесневу, но возвратились, ничего не привѣдавши.

Іюня 25. Опять собранъ былъ совѣтъ для обсужденія, какой отрядъ войска слѣдовало отправить въ Краковъ какъ для защиты границы, такъ и для предупрежденія своеволія. Сначала упрашивали маршала короннаго, чтобы онъ принялъ на себя это бремя; но когда онъ скромно отказался, утверждая, что предпочитаетъ оставаться при королѣ (правдоподобно онъ желалъ теперь возстановить подвигами на глазахъ короля свою репутацію, нѣсколько пострадавшую въ дѣлѣ у Пиливецъ), то возложили защиту той области на мечника короннаго Михаила Зебржевскаго; его отрядили подъ Краковъ съ нѣсколькими сотнями, находившимися подъ его начальствомъ, присоединивъ къ нимъ четыре наемныя козацкія хоругви и четыре эскадрана драгунъ пана Мартина Чернецкаго и давъ ему полномочіе противудѣйствовать опасности по своему усмотрѣнію, сообразно съ обстоятельствами. Къ отряду этому былъ прикомандированъ и кочующій коронный (Александръ Любомирскій), который хотя и охотно остался бы съ своимъ отрядомъ при королѣ, но сообразивъ, что здѣсь ему почти нечего дѣлать и предполагая, что война затягнется на долго, охотно согласился отправиться въ походъ и сталъ немедленно собираться. Онъ былъ введенъ въ заблужденіе ложными показаніями языковъ, будто Хмельницкій рѣшилъ отступить въ Украйну; мнѣніе это подтверждало и извѣстіе, прислан-

ное Стефаномъ Чарнецкимъ, будто видѣли Хмельницкаго у Ямполя, занятаго выборомъ и устройствомъ переправы для отступления своего войска. Вследствіе этого въ лагерь нашемъ распросранилось мнѣніе, что съ козаками придется встрѣтиться развѣ у Киева; потому Александръ Любомирскій разсчитывалъ скорѣе отличиться въ Подгоріи; притомъ-же онъ беспокоился за свои помѣстья, которыя всѣ почти были расположены въ окрестности Кракова и опасался, чтобы они не были разорены мятежниками. Передъ выходомъ изъ лагеря онъ получилъ слѣдующій университетъ отъ короля и аттестацію отъ маршала короннаго:

„Іоаннъ-Казимиръ, Божію милостью король польскій, великий князь литовскій, русскій, прусскій, мазовецкій, жемойдскій, лифляндскій, смоленскій и черниговскій, наслѣдственный король шведскій, датскій и вандальскій.

Всѣмъ вообще и каждому въ отдѣльности, кому сіе вѣдать надлежитъ, особенно-же любезнымъ намъ гановникамъ, урядникамъ, старостамъ и всему рыцарству и обывателямъ нашей короны симъ оповѣщаемъ, что для усмиренія бунта и мятежа, произведенного въ краковскомъ воеводствѣ и во всемъ Подгоріи нѣкоимъ разбойникомъ, Александромъ Косткою, мы отправили изъ нашего лагеря съ отрядомъ войска благороднаго Александра Любомирскаго, конюшія короннаго, старосту сандомирскаго, совмѣстно съ мечникомъ короннымъ, благороднымъ Михаиломъ Зебржыдовскимъ, старостою лянцкоронскимъ и снятинскимъ. Посему мы вышепоименованныхъ лицъ, равно какъ и товарищей и челяди дворянскаго происхожденія, которые принимаютъ участіе въ этой командировкѣ и перечислены въ спискѣ, подписанномъ великимъ короннымъ маршаломъ, освобождаемъ отъ поголовнаго ополченія, подъ условіемъ, что никто изъ нихъ не будетъ отлучаться отъ своей хоругви и они до того времени будутъ оставаться подъ начальствомъ упомянутаго короннаго конюшія, занимаясь исключительно усмиреніемъ крестьянскаго возстанія, пока ихъ самъ конюшій не отпустить и не выдастъ о томъ аттестаціи, которую они обязаны будутъ хранить. Посему, еслибы кого либо изъ числа товарищей или челяди изъ отряда короннаго конюшія кто либо пожелалъ обезпокоить за неявку въ поголовное ополченіе, то послѣ предъявленія упомянутой аттестаціи каждый изъ нихъ освобождается отъ всякой дальнѣйшей ответственности. Въ удостовѣреніе чего, при подписи руки нашей, мы приказали

приложитъ печать великую коронную. Дано въ лагерь у Берестечка днѧ 26 іюня, 1651 года. Іоаннъ Казимиръ король (М. П.)⁴

Затѣмъ въ рукописи Освѣціма приложена копія аттестації, выданной величайшимъ маршаломъ короннымъ, въ которой поименно перечислены 56 дворянъ, находившихся въ отрядѣ Любомирскаго и освобождавшихся отъ участія въ поголовномъ ополченіи. Въ числѣ ихъ на первомъ мѣстѣ названъ Станиславъ Освѣцімъ.

Въ тотъ же день послѣ обѣда вступилъ въ лагерь князь Доминикъ Заславскій, воевода краковскій, и представилъ кородю нѣсколько сотъ прекраснаго, навербованнаго имъ войска, а именно: двѣ хоругви гусарскія, шесть козацкихъ и одну драгунскую; вмѣстѣ съ нимъ Брунакъ доставилъ одну хоругвь охотниковъ.

Іюня 26. Получивъ вышеприведенные королевскій универсаль и аттестацію отъ маршала, освобождавшіе насъ отъ взысканій за неявку въ поголовное ополченіе, мы выступили въ полдень изъ лагеря въ походъ на Подгоріе для усмиренія мятежниковъ. Переночевавши первую ночь въ таборѣ у села Галичанъ, мы затѣмъ шли, подвигаясь настолько быстро, насколько это возможно было для пѣхоты, по тому же пути, по которому прибыли въ лагерь. Между тѣмъ король, не видя приближенія непріятеля и не имѣя точныхъ извѣстій о его движеніяхъ и введеній въ заложеніе ложными показаніями языковъ, будто онъ отступаетъ въ Україну, разсчитывая захватить его раньше отступленія или застичь его гдѣ-либо на переправѣ, приказалъ всему войску приготовиться къ выступленію въ дальнѣйшій походъ на слѣдующій день.

Іюня 27. Согласно постановленію военнаго совѣта, состоявшемуся наканунѣ, возы всего войска тронулись до разсвѣта въ предположенный путь къ Дубну, и само войско построилось въ походной порядокъ. Король основывался главнымъ образомъ на извѣстіи, полученному отъ Стефана Чарнецкаго (который недавно, какъ было упомянуто, отправился на рекогносцировку съ отрядомъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ), утверждавшаго, что татаре не соединились съ козаками и что послѣдовѣ не только не думаютъ о наступлениі на насъ, но, напротивъ, весьма усердно заняты устройствомъ переправъ для своего отступленія. Но въ ту минуту, по чудесному изволенію Божія промысла, сообщена была вѣсть отъ Забужскаго, находившагося въ развѣздѣ, что ханъ несомнѣнно ссыдишися съ Хмельницкимъ, и что они наступаютъ на наше войско, съ намѣреніемъ овладѣть переправою черезъ рѣчку, что Хмельницкій отправилъ передовой отрядъ, числомъ около

15,000, подъ начальствомъ Богуна къ селу Горынкѣ для того, чтобы занять нужную дорогу. Хотя подобного рода извѣстія часто насы обманывали и отклоняли отъ полезныхъ намѣреній, но, къ счастью, въ этомъ случаѣ извѣщенію повѣрили, и король, по представлению кастеляна краковскаго (гетмана Николая Потоцкаго), воздержался въ этотъ день отъ выступленія и обозу приказалъ возвратиться. Всѣдѣ затѣмъ стали получаться одво за другимъ извѣщенія совершино достовѣрныя о приближеніи непріятеля и о томъ, что онъ, узнавъ, что войско наше выступаетъ въ походъ, сталъ, по мѣрѣ возможности, ускорять свой путь. Не встрѣчая однако нашего войска (которое, лишь благодаря волѣ Провидѣнія, осталось у Берестечка), онъ остановился въ недоумѣніи въ полуторѣ мили отъ насъ и почью, со вторника на среду, сталъ переправлять свое войско и обозы, устроивъ переправы въ двухъ мѣстахъ. На одной изъ нихъ на него наткнулся раззѣздъ князя Вишневецкаго, бывшій подъ начальствомъ пана Бейдковскаго, и былъ совершино разгромленъ; бѣглецы принесли самое точное извѣстіе о врагахъ. Въ то же время возвратился изъ раззѣзда Стефанъ Чарнецкій; но онъ вмѣсто того, чтобы снискать себѣ славу и посрамить короннаго хорунжія (Александра Конецпольскаго), напротивъ, уронилъ свою репутацію; ибо, вмѣсто того, чтобы добыть непріятельскаго языка и доставить точныя свѣдѣнія о намѣреніяхъ враговъ, онъ пригналъ лишь нѣсколько тысячи головъ скота, захваченнаго имъ на Волынѣ, чѣмъ вспомогательствовалъ лишь разоренію края, и едва не подвергъ все войско величайшей опасности, подавъ ложное извѣстіе объ отступленіи непріятеля, чѣмъ едва не вызвалъ несвоевременнаго нашего похода.

Іюня 28, въ среду, въ 8 часовъ утра получено извѣстіе, что враги уже переправились и приближаются къ намъ и что орда уже столкнулась съ нашими раззѣздами около переправы. Король немедленно приказалъ войску выступить въ поле и непосредственно передъ лагеремъ поставилъ его въ строй гораздо лучшій, чѣмъ тотъ, который прежде былъ начертанъ на бумагѣ. Два часа спустя, появилась конница татарская и нѣсколько козацкой. Они зажгли во всей окрестности дворы, села, а также мѣстечко Лесневъ, желая устрашить насъ огнемъ и дымомъ. Захвативъ много нашей челяди и лошадей на пастбищахъ, взяли ихъ въ добычу. Герцовники съ обѣихъ сторонъ состязались, но такъ какъ наши полки стояли благоразумно у лагеря и батарей, то враги не особенно сильно налегали. Войско наше стало наконецъ скучать

вслѣдствіе долгаго пребыванія въ строю безъ всякаго дѣла, по-чemu около 5 часовъ вечера хорунжій коронный обратился къ кастеллану краковскому съ просьбою, чтобы онъ дозволилъ испробовать счастія. Гетманъ предложилъ ему самому отправиться въ атаку; хорунжій весьма охотно принялъ это предложеніе и про-силъ лишь, чтобы ему даво было подкѣпленіе. Совмѣстно съ нимъ былъ отряженъ маршалъ коронный; оба полка двинулись стремительно въ то мѣсто, гдѣ виднѣлась орда и удалились отъ лагеря на такое разстояніе, что невозможно было скоро поддер-живать ихъ подкѣпленіями. Враги, воспользовавшись этимъ, на-легли на нихъ всѣми силами; но хорунжій коронный, не обращая вниманія на численность враговъ, бросился на нихъ съ рѣши-мостью; за нимъ послѣдовалъ съ полкомъ своимъ маршалъ ко-ронный; вскорѣ въ подмогу имъ пришли шесть козацкихъ хо-ругвей князя Вишневецкаго, воеводы русскаго, и Стефанъ Чар-пецкій, поручикъ гетмана великаго съ ротою гусаръ. Они смѣ-шались съ врагами и почти цѣлый часъ продолжалась стычка среди криковъ и замѣшательства. Наконецъ Господь помогъ на-шимъ; непріятель не выдержалъ рукопашнаго боя на сабляхъ и обратился въ бѣгство столь стремительно, что умчался вскачь, не останавливаясь и безъ оглядки; наши, также вскачь, преслѣ-довали его на разстояніи мили до болота переправы, гдѣ должны были удержаться отъ дальнѣйшей погони по причинѣ прибли-женія ночи. Уронъ непріятеля былъ незначителенъ, ибо сні имѣли весьма быстрыхъ коней и убѣгали во всю прыть, наши же преслѣдовали ихъ, сохранивъ правильный строй своихъ хоругвей. Впрочемъ и то было утѣшительно, что въ первой встрѣчѣ, по милости Божией, враги не только не имѣли успѣха, но, напро-тивъ того, были посрамлены и прогнаны съ поля битвы за пере-праву. Взяты въ пленъ: болѣе 20 всадниковъ и одинъ мурза; они показали, что этотъ передовой отрядъ состоялъ изъ 12,000 отборной конницы изъ татаръ бѣлгородскихъ, крымскихъ и урум-бейскихъ, отиравленной для предварительного испытанія нашихъ силъ. Нѣкоторые утверждали, что съ ними находились ханъ и Хмельницкій, но что они заблаговременно удалились. Убито было татаръ только немнога больше сотни, по причинѣ весьма быст-раго ихъ бѣгства. Въ нашемъ войскѣ не погибъ ни одинъ почти товарищъ, такъ что, одержавъ безкровную побѣду, наши воз-вратились въ лагерь въ часъ ночи. Коронный хорунжій пріобрѣлъ въ этомъ дѣлѣ большую славу, такъ какъ онъ первый погрузился

въ это море и въ глазахъ всего войска разыграль первую сцену военной драмы. Не меньше доблестно поступилъ и маршалъ коронный, поспѣвшій своевременно съ своимъ полкомъ и отборною хоругвью въ 200 человѣкъ въ подмогу коронному хорунжю; онъ поступилъ, какъ слѣдовало хорошому воину, не увлекся личною завистью и оказалъ поддержку сыну великаго полководца (Ко-нецпольскаго). Наши сочли успѣхъ этого дня хорошимъ пред-зnamенованіемъ и какъ-бы предвѣстникомъ полной побѣды надъ врагами.

Іюня 29, въ четвергъ. Мы испытали, что военное счастье весьма измѣнчиво: послѣ удачной вчерашней стычки съ татарскою конницею случилась перемѣна. Съ ранняго утра ханъ и Хмельницкій стали приближаться; кастелянъ краковскій вывелъ войско въ поле и построилъ его нѣсколько дальше отъ валовъ (которыми окружень бытъ лагерь непосредственно послѣ полу-ченія извѣстія о приближеніи враговъ), опираясь сзади лишь на одну батарею. Долго съ обѣихъ сторонъ занимались только джигитовкой; татаре, подраздѣливая нашихъ, старались вовлечь ихъ въ засаду, устроенную козаками среди лозовыхъ зарослей; но наши, руководясь болѣе осмотрительностью, чѣмъ храбростью, ограничивались тѣмъ, что прогоняли татаръ съ поля, но въ за-саду не бросились. Потомъ на правомъ флангѣ вступили въ бой полки воеводъ: брацлавскаго (Станислава Лянцкоронскаго) и по-дольскаго (Станислава Потоцкаго) столь успѣшно, что татаре были прогнаны, и вся орда едва не обратилась въ бѣгство, по-добное вчерашнему. Но въ полдень они опять наступили со всѣми силами и подошли такъ близко, что постепенно заняли все поле; уже нашимъ трудно было и выступить изъ строя въ свободное пространство. Послѣ продолжительной джигитовки кастелянъ краковскій отрядилъ въ бой три полка: свой собствен-ный, маршала короннаго и подкоморія литовскаго. Они бросились храбро впередъ и такъ сильно налегли на непріятеля, что сразу принудили его отступать, но вскорѣ враги, замѣтивъ, что наши слишкомъ далеко увлеклись отъ своего войска и что подкрѣпле-нія къ нимъ не подходитъ, оправились и стали вновь наступать; наши, не теряя мужества, не отступали и смѣшались съ ними до того, что трудно было различить поляковъ отъ татаръ, кото-рые въ тотъ день выѣхали въ нарядныхъ одѣждахъ; наши не могли почтѣ сообразить, кому наносить удары, ибо татарскіе бун-чуки и польскія знамена развѣвались рядомъ; только турковъ

(которыхъ среди нихъ было до 5,000) можно было отличить по тюранамъ. Въ такомъ видѣ упорная схватка продолжалась почти два часа, съ значительнымъ для насъ урономъ вслѣдствіе того, что наши увлеклись дальше, чѣмъ слѣдовало, отъ войска и не получали подкрепленій. Многіе легли въ битвѣ, а именно: Казановскій, кастелянъ галицкій, Юрій Оссолинскій, староста лублинскій, Лигенза, мечникъ перемышльскій, Николай Ржечицкій (оба послѣдніе охраняли маршала короннаго, который также находился въ большой опасности), Козика, богатый дворянинъ, единственный сынъ у матери; ротмистръ Ермолай Іорданъ погибъ съ цѣлою хоругвью; Янъ Собесскій, староста яворовскій (будущій король), уже былъ окружены татарами и почти чудомъ спасся. Ранены были выстрѣлами: обозный литовскій Янъ Сапѣга, хорунжій галицкій Станиславскій и многіе другіе. Знамя кастеляна краковскаго взято врагами неизвѣстно по чьей винѣ; говорятъ однако, что по нерадѣнію самаго знаменоносца, который самъ бѣжалъ невредимо, но не хотѣлъ передать знаменія другому товарищу. Пока битва эта происходила на одномъ флангѣ, на другомъ непріятель напалъ съ равнымъ ожесточеніемъ на полкъ воеводы Брацлавскаго; трижды онъ былъ окружены многочисленною толпою враговъ и каждый разъ храбро пробивался; при этомъ палъ ротмистръ Сигизмундъ Ляпцкоронскій и многіе товарищи. Въ помощь ему пришли отряды дворянскаго поголовнаго ополченія изъ повѣтовъ: перемышльскаго, саноцкаго, сѣрадскаго, вѣлюнскаго и другихъ, но и они потеряли въ стычкѣ очень многихъ пляхтичей; въ томъ числѣ погибли: Янъ-Адамъ Стадницкій, подкоморій саноцкій, Юрій Стано и другіе. Отъ опасности этой освободились наши полки только тогда, когда воевода подольскій быстрымъ и своевременнымъ движеніемъ ударили на враговъ и заставили ихъ отступить. И такъ этотъ день былъ для насъ несчастенъ вслѣдствіе гибели многихъ знатныхъ людей и хорошихъ воиновъ; но и для татаръ онъ былъ чувствителенъ: по крайней мѣрѣ 1000 убитыхъ и раненныхъ сни насчитывали, въ томъ числѣ пало много знатныхъ мурзъ, между ними: Мехметъ-Гирей-мурза и Тугай-бей. Взять бунчукъ Асланъ-мурзы и въ плѣнъ попалъ молодой знатный Муфрахъ-мурза, въ то время, когда онъ налетѣлъ на старость яворовскаго (Яна Собѣскаго). Сабля Тугай-бей досталась на долю старости красноставскаго (Марка Собѣскаго), который весьма храбро сражался въ этой битвѣ и потерялъ семь товарищей изъ своей хоругви. Послѣ

столь значительныхъ обоядныхъ потерь непріятель сошелъ съ поля въ четыре часа, наши-же въ совершенномъ порядке отступили къ лагерю только вечеромъ. Затѣмъ прекратились непріятельскія дѣйствія, и обѣ стороны занялись уборкою мертвыхъ тѣлъ съ поля сраженія.

Король несколько не падалъ духомъ вслѣдствіе гибели столькихъ знатныхъ лицъ, напротивъ того, онъ утѣшаль и укрѣпляль духомъ раненыхъ; но войско послѣ ятого кроваваго дѣла потерпело самоувѣренность, такъ что вечеромъ только немногіе оставались у знаменъ. Видя значительный упадокъ духа нашихъ солдатъ, произшедшій еще до появленія въ полѣ непріятельской пѣхоты и тaborа, можно было съ вѣроятностью предполагать, что они-бы не сдержали натиска враговъ, если-бы послѣдніе въ тотъ же день налегли всѣми силами, какъ они это сдѣлали на слѣдующій; во Господь отвратилъ отъ насъ это бѣдствіе. Когда на закатѣ для войско возвратилось въ лагерь, король, опасаясь, чтобы солдаты, встревоженные неудачею, не потеряли мужества, дисциплины и окончательно не пали духомъ и не сдѣлались негодными для битвы, объявилъ приказъ военнаго совѣта, чтобы сейчасъ послѣ полуночи, оставивъ только челядь въ лагерь, все войско конное и пѣше выступало съ цѣлью атаковать непріятеля и вступить съ нимъ въ рѣшительную битву. Мѣра эта показалась весьма рискованною и вызвала сильное смятеніе, но иначе и не возможно было поступить, ибо всякое промедленіе усилило-бы напрасно утомленіе людей и лошадей и наводило-бы большій страхъ. Впрочемъ намѣреніе рѣшительной битвы не исполнилось, ибо Господь указалъ намъ иное, болѣе безъопасное средство для разгрома непріятеля.

Іюня 30, въ пятницу. Господь избралъ этотъ день для укрѣщенія гордости враговъ и для избавленія отечества наше отъ угрожавшей ему очевидной опасности. Ночью опустился густой туманъ, продолжавшійся до 8 часовъ утра; казалось, что обстоятельство это слагается въ пользу татаръ и козаковъ, которымъ такая погода болѣе благопріятна. Между тѣмъ король, не смотря на туманъ, приказалъ войску выступать въ полѣ, и оно въ правильномъ строѣ расположилось на мѣстѣ, удобномъ для битвы. Непріятель въ теченіи всей ночи занять былъ переправою войска и тaborа черезъ болото; съ утра онъ показался на возвышенностяхъ въ огромномъ количествѣ и послѣ того, какъ туманъ поднялся, онъ увидѣлъ неожиданно войско наше въ боевомъ порядке.

Оно расположено было следующимъ образомъ: въ серединѣ стояла пѣхота, рейтары, артиллерія и гусарскій королевскій полкъ; на правомъ флангѣ: впереди кастелянъ краковскій (гетманъ великий Николай Потоцкій) съ своимъ полкомъ, и маршалъ коронный (Юрій Любомирскій); за ними въ резервѣ полки: воеводы брацлавскаго (Станислава Лянцкоронскаго), хорунжія короннаго (Александра Конецпольскаго) и подканцлера литовскаго (Льва Сапѣги), а также поголовное дворянское ополченіе—воеводства Великой Польши и Мазовії. На лѣвомъ флангѣ стояли полки: воеводы подольскаго (Станислава Потоцкаго), воеводы черниговскаго (польнаго гетмана Мартина Калиновскаго), который и начальствовалъ этимъ флангомъ, воеводы брестскаго (Симона Щавинскаго), воеводы русскаго (князя Іеремія Вишневецкаго), кастеляна черниговскаго (Яна Одживольскаго) и старосты калусскаго (Замойскаго); въ резервѣ за ними дворянское сполченіе воеводствъ: краковскаго, сандомирскаго, ленчицкаго, сѣрадзкаго и другихъ. Лагерь защищали пѣхота и челядь. Непріятель покрывалъ все поле на милю разстоянія; на лѣвомъ его флангѣ (противъ нашего праваго) стоялъ ханъ со всѣми ордами; на правомъ—Хмельницкій съ козаками, желавшій отличиться въ глазахъ хана.

Въ такомъ порядкѣ оба войска придвигнулись другъ къ другу; наши остановились у послѣдняго полеваго редута. Хмельницкій выдвинулъ свой таборъ на гору, но, не желая первымъ вступать въ дѣло, онъ съ утра до полудня медлилъ. Непріятели ограничивались тѣмъ, что вызывали нашихъ герцовниковъ; но король запретилъ принимать вызовъ подъ опасеніемъ смертной казни; король въ свою очередь не желалъ идти въ атаку и ограничился артиллерійскимъ огнемъ, который производилъ въ рядахъ непріятеля некоторое смущеніе. Такое положеніе продолжалось до трехъ часовъ по полудни. Наконецъ король, убѣдившись, что непріятель не хочетъ начинать дѣла, собралъ на совѣтъ начальниковъ, болѣе близко къ нему расположенныхъ отрядовъ и предложилъ вопросъ о томъ, что слѣдовало предпринять. Нѣкоторые, не безъ основанія, высказали мнѣніе, чтобы отложить битву на слѣдующій день, такъ какъ время уже клонилось къ вечеру и вѣтеръ дулъ въ лицо нашему войску; но когда мнѣніе это было высказано, князь Вишневецкій, отъ имени всего войска, стоявшаго на лѣвомъ флангѣ, заявилъ желаніе, чтобы тотчасъ начинать битву и присдалъ Денгофа, старосту быдgosкаго, къ королю съ заявленіемъ отъ имени своего и всего воинства полной го-

твности вступить въ бой и съ просьбою подать знакъ къ атакѣ. Король возрадовался въ сердцѣ своемъ, узнавъ о таковомъ рвении войска, и, принявъ оное какъ вѣрное предзнаменование будущей победы, охотно склонился къ ихъ просьбѣ и выдалъ старостѣ быдgosкому приказъ къ наступленію, сообщивъ ему притомъ свое монаршее благословеніе. Лишь только послѣдній сообщилъ князю этотъ приказъ, тотчасъ грянули трубы и барабаны и самъ князь тронулся съ лѣвымъ флангомъ, ставъ впереди его съ 18-ю хоругвями квартянаго войска. Непріятели также двинулись впередъ всею массою конницы и тaborа; они приступали быстро, особенно Хмельницкій съ козаками, такъ что онь опередилъ лѣвый свой флангъ, на которомъ стояли татаре, и первый началъ битву. Съ нимъ столкнулся князь Вишневецкій, которому въ подкѣпленіе пошли дворяне воеводствъ: краковскаго, сандомирскаго, ленчицкаго и другихъ. Весь этотъ флангъ исчезъ вскорѣ въ толпѣ непріятелей и долгое время ихъ не было видно, только раздавалася гулъ отъ выстрѣловъ пушечныхъ и ружейныхъ; наши полагали, что никто изъ нихъ болѣе не возвратится. Оказалось однако, что эта атака увѣнчалась усіхомъ: стремительнымъ и быстрымъ движениемъ они заставили попытиться все козацкое войско и разорвали тaborъ, хотя при этомъ и сами понесли чувствительные потери. Въ помощь козакамъ пришли татаре отъ лѣваго фланга и тогда ряды наши, пе будучи въ состояніи удержать напора слишкомъ численнаго врага, стали ослабѣвать и отступать къ редутамъ; но промыслу Божію угодно было поддержать ихъ; они оправились и возобновили наступленіе столь успѣшно, что непріятель, побѣжденный нашою рѣшимостью, долженъ былъ наконецъ податься. Козаки отступили въ свой тaborъ (хотя онъ въ началѣ и былъ разорванъ, но они успѣли его возстановить), орда-же удалилась на близъ лежащую гору. Когда лѣвый флангъ, которому привадлежитъ вся слава этого дня, столь храбро сражался, король съ среднимъ корпусомъ двигался также впередъ въ большемъ порядке; на него налетѣли большиe отряды татаръ, издавая, по своему обычаю, громкій крикъ: „Азлахъ! Азлахъ!“ Тѣмъ не менѣе полки наши наступали неустрашимо; впереди полковъ королевской гвардіи, князя Богуслава Радзивилла и Гоффальда, находившихся въ первомъ ряду корпуса, расположены были пушки, которыми весьма искусно управлялъ генераль артиллеріи Сигизмундъ Пржышемскій; артиллеристы, дѣйствуя безъ устали мѣткими выстрѣлами, до того

смутили врага и нанесли ему столь чувствительные потери, что онъ не былъ въ состояніи выдержать нашего напора и, наконецъ, позорно обратился въ бѣгство; всѣ татарскія орды, какъ-бы ослѣпленныя, бросились бѣжать по направлению къ Лесневу, оставивъ лишь нѣсколько отрядовъ конницы для прикрытия; конница эта съ криками „Аллахъ“ старалась скрыть отступленіе; но, когда подошелъ нашъ правый флангъ, арьергардъ татарской отступилъ и бросился въ бѣгство вслѣдъ за своимъ войскомъ; въ погоню за ними отправились полки праваго фланга, но настичь ихъ удалось только одному полку короннаго хорунжія; вскорѣ наступила ночь и, вслѣдствіе строгаго королевскаго приказа, они должны были возвратиться къ войску. Впрочемъ и помимо этого трудно было настичь татаръ, ибо они бѣжали съ пеимовѣрною быстротою, сбрасывая для облегченія: сѣдла, бурки, казаны и другія тяжести. Палатки свои они бросили въ кошѣ: ханскую палатку и его экипажъ получилъ въ добычу хорунжій коронный. Ханъ со всѣми ордами остановился въ ту ночь лишь за четыре мили въ мѣстечкѣ Козинѣ, жителей которого онъ приказалъ перебить поголовно. Козаки и хлопы послѣ пораженія затворились въ таборѣ, который они кое-какъ сомкнули, и стали отступать; когда они наткнулись на рѣчку Пляшовую, то, опасаясь, чтобы во время переправы наши не разорвали ихъ тaborа, остановились на берегу болота и стали лагеремъ въ долинѣ. Наши, пользуясь побѣдою, безпрестанно на нихъ напирали, пока темнота ночи не заставила ихъ прекратить нападеніе въ виду столь осторожнаго и предусмотрительнаго противника. Войско наше расположилось на возвышенностяхъ, господствовавшихъ надъ козацкимъ таборомъ, и, благодаря Господа за столь важную побѣду, пропѣло гимнъ: „Тебе, Бога, хвалимъ!“ Оно простояло на этомъ мѣстѣ подъ знаменами, въ строю, не сходя съ лошадей, всю ночь, несмотря на сильный дождь, услаждая эту невзгоду воспоминаніемъ о побѣдѣ и присутствіемъ короля, которое вспомоществовало ободренію его духа.

Рассматривая подробности этого сраженія, всѣ единогласно были того мнѣнія, что война могла бы быть кончена однимъ ударомъ и отчество освободилось бы отъ дальнѣйшихъ невзгодъ, если бъ битва была начата раньше, такъ чтобы дневнаго свѣта хватило для истребленія врага, и, особенно, еслибы правый флангъ действовалъ также энергично, какъ лѣвый, по крайней мѣрѣ въ то время, когда уже орда обратилась въ неукротимое бѣгство и

козацкій таборъ былъ разорванъ лѣвымъ флангомъ; но правый флангъ сильно опоздалъ и отсталъ на полъмили отъ средняго корпуса, вслѣдствіе чего и орда имѣла время убѣжать, прикрывъ свое бѣгство, и козаки, утомивъ лѣвый флангъ, не получавшій подкѣпленія отъ праваго, успѣли возстановить свой строй, сомкнули таборъ и отступили къ болотамъ, гдѣ уже труднѣе было съ ними сладить. Король вѣсколько разъ посыпалъ настоятельный приказъ воеводѣ брацлавскому, который въ тотъ день командовалъ правымъ флангомъ (за отсутствіемъ великаго гетмана Потоцкаго) и маршалу коронному, требуя, чтобы они поспѣшили занять мѣсто во фронтѣ на одномъ уровне съ другими частями войска, и даже угрожая смертью за ослушаніе; но тѣ отвѣтили, что предпочитаютъ смерть гибели отечества и короля, оправдывая свою медлительность тѣмъ, будто въ прилегавшемъ къ нимъ лѣсу устроена засада, и требовали, чтобы король прислалъ имъ вѣсколько пушекъ, обѣщаю, обстрѣлявъ лѣсъ и удаливъ изъ него засаду, двинуться впередъ и выровняться съ общимъ фронтомъ. Впослѣдствіи, въ оправданіе этого опасенія, они утверждали, что когда региментъ Крейца съ двумя эскадронами конницы и двумя пушками, присланными королемъ, проникъ на конецъ въ тотъ лѣсъ, то заставилъ удалиться бывшихъ въ засадѣ непріятелей. Странно, что они такъ долго сторожили засаду и дозволили ей отступить невредимо. Впрочемъ многіе, даже изъ числа находившихся на томъ флангѣ, утверждали, что никакой засады и не было и что это была лишь пустая выдумка, придуманная для того, чтобы уклониться отъ опасности, предстоявшей при штурмѣ козацкаго табора. Какъ-бы то ни было, несомнѣнно однако, что это замедленіе было причиной, воспрепятствовавшою окончательно истребить врага и положить такимъ образомъ конецъ этой несчастной войнѣ. Пришлось намъ уловѣтвориться хотя неполною, Богомъ намъ ниспосланною, побѣдою. Опа, тѣмъ не менѣе, была весьма знаменита: мы побѣдили народы варварскіе, безчисленные, сбѣжавшіеся съ отдаленнѣйшихъ странъ. Передъ саблею короля преклонились и въ паническомъ страхѣ бѣжали дикия татарскія орды: силистрійская, урумельская, добруджская, также турки, волохи, урумбеки, пятигорцы—полчища, созванныя отъ береговъ Ледовитаго моря, отъ подножія гиперборейскихъ горъ и отъ моря Каспійскаго; важнѣе же всего то, что мы сломили въ полѣ зловреднаго звѣря—Хмельницкаго и безчисленную запорожскую сарану, загнали ихъ съ

большимъ уровомъ въ таборъ и предоставили дальнѣйшей мести побѣдоноснаго королевскаго оружія. Вѣроятно, со времени битвы подъ Грюнвальдомъ, отчество наше, а можетъ быть и весь міръ, не видали столь знаменитаго сраженія; сть обѣихъ сторонъ въ ней привимало участіе, по меньшей мѣрѣ, 500,000 человѣкъ. Этому не повѣрять ни иностранцы, ни, можетъ быть, даже наши потомки. Очевидцы сами болѣе изумлялись, чѣмъ вѣрили. Въ теченіи пѣсолькихъ часовъ случилось то, что мы считали невозможнымъ, именно—произошелъ разрывъ орды съ Хмельницкимъ; правда, съ нашей стороны шагъ былъ отчаянны: мы бросили кости, поставивъ въ одинъ разъ на рискъ существованіе нашего отечества. Но Господу не угодно было допустить посрамленія своего помазанника, святой католической вѣры и находившихся подъ его охраною церкви.

Въ трехдневной этой битвѣ мы потеряли до 700 человѣкъ, главнымъ образомъ, изъ числа товарищѣй и дворянъ вѣдомствъ: краковскаго, сандомирскаго и ленчицкаго; козаковъ легло безконечно больше, татары же своихъ убитыхъ тотчасъ подбирали, стараясь даже не допустить ихъ падать съ лошадей. Объ этой битвѣ можно сказать то, что сказано о битвѣ римлянъ съ Югуртою: „никогда мы не сражались съ такимъ успѣхомъ и съ столь малымъ пролитіемъ нашей крови“. Козаки также никогда не одерживали большей побѣды съ столь незначительными потерями. Вся слава этой побѣды должна быть отнесена королю, хотя должны быть упомянуты имена и тѣхъ лицъ, которыхъ ему въ значительной мѣрѣ помогли, а именно: гетмана Николая Потоцкаго, князя Іероніма Вишневецкаго, хорунжія короннаго Конецпольскаго, писаря польскаго Пржыемскаго, генерала Губальда, которому король публично заявлялъ благодарность, и многихъ другихъ, прилагавшихъ всевозможныя усиленія для того, чтобы доставить королю эту побѣду, за которую да прославится имя Господне.

Ханъ бѣжалъ постыдно, не испробовавъ надлежаше своихъ силъ и не сразившись серьезно съ нами какъ потому, что Божиєю милостію сердца непріятелей поражены были страхомъ, такъ, главнымъ образомъ, потому, что Хмельницкій представилъ ему наше войско весьма слабымъ, составленнымъ изъ остатковъ раньше разбитыхъ армій; но, когда ханъ увидѣлъ, что вся сила и таборъ Хмельницкаго не только не имѣютъ успѣха, но должны позорно отступать, когда при томъ самъ испыталъ наши силы въ

трехдневныхъ стычкахъ, при чёмъ въ середу его отборная конница была двумя нашими полками прогнана за переправу, а въ четвергъ онъ потерялъ въ битвѣ болѣе 1,000 всадниковъ изъ своей гвардіи,—онъ предпочелъ, не ожидая конца битвы, и не подвергая себя и своей орды дальнѣйшей опасности изъ-за козаковъ, уклониться благовременно отъ пораженія и удалиться въ свои кочевья. Напи, впрочемъ, не вполнѣ довѣрили его бѣгству, полагая, что татаре, по скіескому обычая смѣняющіе бѣгство нападеніемъ, могутъ еще возвратиться или, по крайней мѣрѣ, прислать часть орды для того, чтобы испробовать счастья; но вскорѣ убѣдились въ неосновательности этихъ предположеній, ибо наши разъезды, ходившіе за ними въ погоню, возвратились съ извѣстіемъ, что они по дорогѣ не только сожигаютъ города и села и истребляютъ ихъ жителей, но даже, встрѣтивъ небольшой тaborъ козацкій, шедшій къ главному войску и не знавшій о его пораженіи, напали на него и перебили всѣхъ козаковъ; нашимъ же солдатамъ, гнавшимся за ними, они кричали: „не бѣй!—тартаръ утикаешь—Хмельницка застаешь!“

Хмельницкій, соображая дурной исходъ дѣла, видя, что его тaborъ осаждены, и опасаясь, чтобы козаки не были принуждены выдать его, въ случаѣ если онъ останется въ тaborѣ, заблаговременно озабочился о своей безопасности и спасеніи. Онъ, вмѣстѣ съ совѣтникомъ своимъ Выговскимъ, помчался за ханомъ подъ тѣмъ предлогомъ, будто онъ намѣренъ упросить хана возвратиться съ ордою къ табору и не оставлять козаковъ на произволъ судьбы. Но все это было лишь предлогъ, придуманный для того, чтобы отѣлаться отъ осажденныхъ козаковъ и хлоповъ, которые безъ того навѣрно бы его не отпустили и, выдавъ его головою, могли бы обезпечить собственное спасеніе; поэтому онъ и былъ принужденъ обмануть ихъ подъ благовиднымъ предлогомъ.

(Продолженіе будетъ).

Переписка гр. П. А. Румянцева о восстаниі въ Украинѣ 1768 года.

Въ то время, когда достоуважаемый Н. И. Костомаровъ сообщилъ намъ 14-ть документовъ относительно «Колівщины», помѣщенные въ августовской книжкѣ «Кievskoy Stariны», въ нашемъ распоряженіи было больше чѣмъ въ три раза документовъ той-же категоріи, имѣющихъ одно общее съ ними происхожденіе, находившихся въ одномъ и томъ-же архивѣ, но, по случайностямъ архивной судьбы, попавшихъ въ иные руки. Ихъ слѣдовало снова соединить въ одну коллекцію, распределить хронологически и въ такомъ видѣ предложить вниманію читателей. Мы не сдѣлали этого ради цѣннаго предисловія почтеннаго историка нашего, которое обнимало содержаніе лишь одной части документовъ, ему доставшихся; мы имѣли притомъ въ виду, что, кромѣ тѣхъ и другихъ документовъ, могутъ быть открыты, пожалуй даже скоро, новые, къ тому-же событию относящіеся и изъ того-же источника заимствованные, и—каждая новая серія ихъ будетъ требовать новаго поясненія.

Документы, которыхъ печатаніе мы теперь начинаемъ, составляли отдельный сборникъ, начатый еще въ 1851 году извѣстнымъ изслѣдователемъ нашей старины М. А. Максимовичемъ и предназначавшійся имъ для кievской археографической комиссіи, его излюбленнаго дѣтища, ему главнымъ образомъ обязаннаго своимъ рожденіемъ. По смерти его, эта коллекція, очевидно далеко неполная и неоконченная, досталась достойнѣйшему продолжателю его трудовъ, Вл. Б. Антоновичу, предоставившему ее въ наше распоряженіе. Общее число переданныхъ намъ документовъ простирается до 50-ти и обнимаетъ собою время 1768—1779 г., а наибольшее ихъ число принадлежитъ къ 1768 году. Всѣ они извлечены покойнымъ Михаиломъ Александровичемъ изъ архива военно-походной канцеляріи бывшаго президента малороссійской коллегіи и малороссійскаго генерал-губернатора, гр. П. А. Румянцева, вносящемъ полнѣйшаго титулъ Задунайскаго. Собственно это есть переписка гр. П. А. Румянцева, веденная имъ по дѣлу народнаго восстанія въ сопредѣльной съ райономъ его управления тогдашней польской области, нынѣшнѣемъ юго-западнѣемъ нашемъ краѣ, и главнымъ образомъ въ предѣлахъ нынѣшней кiev-

ской губернії, и представляетъ рядъ всеподданнѣйшихъ и другихъ его писемъ и реляцій, отношений, ордеровъ или приказовъ и т. под., но рядомъ съ исходившими отъ Румянцева бумагами, есть (къ сожалѣнію, не иногда) бумаги, къ нему поступавшія, каковы нѣкоторыя сообщенія кievскаго генераль-губернатора М. Воейкова, донесенія подчиненныхъ ему лицъ и другія частныя сообщенія. Переписка касается не одного только возстанія украинскаго, но и возникшаго почти одновременно съ нимъ и стоящаго съ нимъ въ тѣсной связи польскаго бунта, окрещеннаго отъ современной шляхты деликатнѣйшимъ именемъ конфедерациі, и это увеличиваетъ ея интересъ. Въ ней, кромѣ множества другихъ второстепенныхъ лицъ, выступаютъ главнѣйшие наши государственные дѣятели того времени: президентъ коллегіи (министерства) иностранныхъ дѣлъ, управитель нашей иностранной политики, гр. Н. И. Панинъ, чрезвычайный нашъ посолъ при варшавскомъ дворѣ, кн. Н. В. Репнинъ, въ кругъ обязанностей котораго входила защита угнетаемыхъ православныхъ обитателей королевства польскаго, гр. П. А. Румянцевъ, управлявшій лѣвобережною Украиною и Запорожьемъ, на обязанности котораго естественно лежало охраненіе спокойствія и безопасности со стороны правобережной, тогда польской Украины, и кievскій генераль-губернаторъ Ф. М. Воейковъ, управлявшій небольшою частію нынѣшней кievской губерніи по Васильковъ и такъ называемою Ново-Сербіею, т. е. поселенными между границею польской Украины и Запорожья пикинерными и компанейскими полками, и вѣдавшій всѣ пограничныя сношенія съ Польшею и Крымомъ. Къ сожалѣнію, переписка эта открываетъ намъ вполнѣ взгляды и отношенія къ событию 1768 г. лишь одного Румянцева, относительно-же остальныхъ лицъ мы узнаемъ лишь по отвѣтнымъ его письмамъ и разбросаннымъ въ нихъ намекамъ и указаніямъ. Тѣмъ не менѣе печатаемые теперь документы въ значительной степени освѣщаются мрачную драму «Колівщину», опредѣляютъ съ большою точностію обстоятельства, ближайшимъ образомъ ее вызвавшія, устанавливаютъ истинный характеръ этого события и обнаружившіяся въ немъ завѣтныя стремленія украинскаго населения, показываютъ дѣйствительныя отношенія къ нему русскаго правительства, указываютъ мѣста и дѣйствія главныхъ предводителей возстанія и рисуютъ, согласно съ народнымъ мѣстнымъ преданіемъ, характеръ и значеніе пресловутой польской конфедерациі, вообще-же открываютъ не мало новыхъ историческихъ данныхъ.

Прежде, однако, чѣмъ приступимъ къ указанію содержанію помѣщаемыхъ документовъ; коснемся для ясности дѣла обстоятельствъ, предшествовавшихъ событию, о которомъ они говорять.

Мы не станемъ повторять извѣстныхъ уже въ нашей наукѣ положеній, что гайдамачество было видоизмѣненою формою козачества и что оно представляло изъ себя протестъ противъ тогдашняго общественнаго строя; но мы не можемъ не замѣтить, что въ этомъ послѣднемъ положеніи есть значительная доля неопределенности и даже неѣрности исторической, вслѣдствіе чего и самое событие, котораго касаются проплагаемые документы такъ называемая Колівшина, получаетъ

не точную окраску. Когда говорить, что гайдамачество являлось протестомъ противъ тогдашняго строя жизни, то разумѣютъ преимущественно строй гражданскій, положеніе соціальное, условія экономическая. Не на этой почвѣ выросла Колівщина,—вотъ что мы хотимъ сказать, съ документами въ рукахъ. Заселеніе Украины, обездвижившейся по волѣ Петра I, случилось такъ недавно, что экономической отношенія новыхъ поселенцевъ на земляхъ, какъ-бы арендсмыхъ ими, за извѣстную, сравнительно легкую работу въ пользу ихъ владѣльцевъ, еще не могли обостриться; пользованіе землею продолжало быть болѣе или менѣе льготнымъ, закрѣпощенія, какое было въ другихъ русскихъ областяхъ Польши, не было здѣсь и долгое время послѣ Колівщины, и не экономической нужды вызвали кровавую расправу украинцевъ съ владельцами ихъ родной земли. Тотъ общій въ тогдашней Польшѣ порядокъ, что помѣщикъ являлся полновластнымъ господиномъ поселившагося на его землѣ крестьянина, и могъ лишить его всего, самой жизни, не отвѣчая предъ закономъ, не могъ зародить борьбы на жизнь и смерть въ сфере чисто экономическихъ отношеній, которыхъ не давали къ тому ни повода, ни причины: населеніе было рѣдкое, земли было вдоволь, богатѣйшая, много лѣтъ гулявшая почва кипѣла, можно сказать, медомъ и мlekомъ и сторицею вознаграждала трудъ землѣльца, самые-же помѣщики и ихъ многочисленные агенты должны были дорожить рабочею силою. Современные акты мало или вовсе не представляютъ указаній на существованіе тогда въ Украинѣ гнета экономического. Борьба между шляхетствомъ и подвластнымъ южнорусскимъ крестьянствомъ возникла и выросла па почвѣ религіозныхъ гоненій и мученій въ буквальномъ и самомъ широкомъ смыслѣ этихъ словъ. Начало ихъ одинъ изъ современныхъ документовъ относить къ 1736 г., т. е. къ первымъ временамъ заселенія Украины, но усилились они и привяли систематический характеръ съ 60-хъ годовъ и особенно съ 1764 г., когда на сеймѣ этого года всѣ диссиденты, въ томъ числѣ и православные, лишены были свободы въропсповѣданія, съ воспрещеніемъ имъ доступа къ общественнымъ и гражданскимъ должностямъ. Въ короткое время большая часть православныхъ церквей была обращена въ унію, такъ называемые благочестивые священники изгнаны изъ своихъ приходовъ, дома и имущество ихъ разорены, сами они и защищавшіе ихъ прихожане подвергались самымъ жестокимъ и безчеловѣчнымъ насилиямъ. Всѣмъ этимъ дѣломъ заправляла радомысьльская униатская консисторія; исполнителями ея распоряженій являлись униатские священники въ особы должностяхъ инструкторовъ и инспекторовъ, а ревностѣйшимъ пособникомъ —разсыпанная по имѣніямъ польскихъ пановъ польская шляхта, въ влѣ губернаторовъ, комиссаровъ, послесоровъ, арендаторовъ, экономовъ, лѣсничихъ и т. под. Религіозный фанатизмъ проникалъ тогда всѣ слои польского общества, пропаганда уніи не одно столѣтіе была душою онаго, она всасывалась съ молокомъ матери, усиливалась воспитаніемъ, проповѣдью и исповѣдью ксендзовъ, поддерживалась всѣмъ строемъ правительственной и общественной жизни; всякой шляхтичъ считалъ себя миссіонеромъ. Ближайшимъ ново-

домъ къ религіознымъ насилиямъ надъ православнымъ украинскимъ населеніемъ служило то обстоятельство, что на обширномъ пространствѣ всего юго-западнаго края давно не было ни одного православнаго епископа и никакой іерархической власти, а власть заграничнаго епископа Переяславскаго, къ которому, съ разрѣшенія св. Синода, относилось по дѣламъ вѣры православное населеніе Украины, не считалась здѣсь законною. Уніатскіе митрополиты считали Украину своею діоцезіею и не могли равнодушно смотрѣть на появленіе въ ней, вмѣстѣ съ ея заселеніемъ, шизмы; напротивъ, они всячески старались о насажденіи здѣсь унії, въ чемъ дѣятельно помогала имъ шляхта, пользуясь своимъ соціальнымъ господствомъ и употребляя въ дѣло учрежденіе не задолго предъ тѣмъ для противодѣйствія гайдамакамъ и содержавшееся въ городовыхъ и помѣщичиихъ замкахъ милиціонное войско, съ именемъ козаковъ.

Смѣлое, энергическое ходатайство за угнетенный украинскій народъ назначенаго отъ Переяславскаго архіерея правителемъ украинскихъ монастырей и церквей игумена Мотренинскаго монастыря Мелхиседека Значко Яворскаго, его поѣздка въ Петербургъ, где онъ милостиво былъ принятъ имп. Екатериною, а оттуда въ Варшаву съ рескриптомъ императрицы на имя нашего посла кн. Репнина, и вмѣстѣ съ симъ посылка особой ноты или письма Екатерины къ самому польскому королю дали дѣлу православія въ Украинѣ неожиданный оборотъ. Особымъ привилеемъ король Станиславъ-Августъ давалъ свободу исповѣданія православнымъ жителямъ Украины. Отъ имени короля и по его приказанію, вице-канцлеръ коронный Младзбіовскій писалъ внушительная письма уніатскому митрополиту и епископамъ, а также главнѣйшимъ украинскимъ помѣщикамъ Яблоновскому, Любомирскому и Сан-гушкѣ, требуя прекращенія гоненій на православныхъ и законного съ ними обращенія. Независимо отъ того Мелхиседеку выданы были изъ коронной метрики за королевскою печатью копіи грамотъ прежнихъ королей на свободное исповѣданіе православной вѣры. Это было въ февраль 1766 г. Гоненія между тѣмъ на православныхъ не прекращались во все время путешествія Мелхиседека, продолжавшагося около года. Когда-же съ возвращеніемъ его началось въ украинскихъ церквяхъ чтеніе королевскаго привилея, ограждавшаго свободу православія, это, съ одной стороны, высоко подняло духъ народный и массы приневоленныхъ предъ тѣмъ къ унії снова возвратились къ православію, съ другой—довело до изступленія ихъ враговъ и вызвало этихъ послѣднихъ на новыя жесточайшія преслѣдованія исповѣдниковъ православія. Польша находилась тогда въ періодѣ полнаго разложенія; то была пора полнаго безсилія закона и всякой власти, не исключая и королевской. Распущенная шляхта цинично глумилась надъ выданнымъ королевскимъ привилеемъ, указывая для него самое непристойное назначеніе; шляхтичъ Хойновскій азартно кропталъ: «п королю отрубять голову за то, что схизматикамъ выдалъ привилей». Возвращеніе къ православію только что приневоленныхъ «боемъ нещаднымъ» къ унії сочтено было бунтомъ, ходатайство Мелхиседека предъ импера-

трицею и королемъ — тяжкимъ преступлениемъ, самъ онъ объявленъ бунтовщикомъ, достойнымъ самой тяжкой кары. Такой декреть выдать было на него и на всѣхъ непокоряющихся унії отъ радомыслской униатской консисторіи. Видно, упомянутыя письма вице-канцлера цѣнились еще менѣе, чѣмъ королевскій привилей. Этимъ декретомъ отпавшіе отъ унії священники объявлялись лишенными своихъ мѣстъ и подлежащими строгому тѣлесному наказанію и изгнанію, на непокорныхъ громады налагались огромные денежные штрафы, съ обращеніемъ ихъ на постройку миссіонерскаго дома и содержаніе миссіонеровъ унії. И все это должны были привести въ исполненіе агенты помѣщичьей власти, подъ опасеніемъ суда латинской консисторіи... Самъ Мелхиседекъ потребованъ былъ къ суду униатскаго офиціала Мокрицкаго. Командамъ пограничныхъ форпостовъ на Днѣпрѣ отданъ былъ строжайший приказъ не пропускать никого въ Переяславъ, сношенія внутри въ такой степени были стѣснены, что, по выражению Мелхиседека, никакъ не пускали «а ни человѣка, а ни жида». Всякая попытка пробраться къ епископу для рукоположенія, полученія антиминса или иной надобности наказывалась самымъ жестокимъ, кievъ въ триста, боемъ. На одномъ изъ такихъ форпостовъ схваченъ былъ и Мелхиседекъ, возвращавшійся изъ Переяслава, и, послѣ всевозможныхъ личныхъ надъ нимъ насилий и издѣвательствъ, завсценъ былъ въ кандалахъ на Волынѣ и тамъ, въ м. Грудкѣ, замурованъ въ каменной тюрьмѣ, гдѣ едва не лишился жизни. Вступившее предъ тѣмъ въ Украину польское войско, такъ называемая украинская партія, подъ командою Воронича, навела ужасъ на все живущее. Начались страшные поборы на войско, народъ массами гоняли на работы въ обозъ подъ м. Ольшаной. Вороничъ разсыпалъ летучіе отряды для усмиренія бунтующихъ, т. е. не желающихъ принять унії, и каралъ жестоко. Сопровождавшему Мелхиседека въ Переяславъ сотнику жаботинскому Харьку отрублена голова въ конюшнѣ, млевскій ктиторъ Даніилъ Кушниръ всенародно сожженъ въ обозѣ подъ м. Ольшаной. Въ тоже время униатскій офиціаль Мокрицкій, утвердивши свою резиденцію въ Корсунѣ, съ толпою инструкторовъ и инстигаторовъ, съ отрядами вооруженныхъ козаковъ, разъѣзжалъ по Украинѣ, бралъ съ бою церкви, ловилъ монаховъ и священниковъ, билъ ихъ *смертью*, заковывалъ въ желѣза, забивалъ въ кандалы и подъ карауломъ отправлялъ въ Радомысьль, гдѣ имъ снова давали по 600 и 800 ударовъ, бросали въ смрадныя ямы, заставляли тачками возить землю. Не лучшее было и положеніе мірянъ: надъ ними производили неизобразимыя и неисчислимыя насилия, — иныхъ до смерти забивали, другимъ рты разрывали, руки и ноги выворачивали. Шляхта и духовенство униатское щеголяли другъ передъ другомъ въ изобрѣтеніи мукъ и казней; буйство, распущенность, необузданное своеволіе спорили съ фанатизмомъ и непримиримою злобою. Такъ называемыя «похвалки», или угрозы безумствовавшей шляхты, довершали смятеніе и ужасъ народа. Нерѣдко цѣльнымъ громадамъ объявлялся смертный приговоръ, назначался день и часть казни, или-же безъ означенія срока грозили всѣхъ истребить поголовно. «Людямъ смертнымъ

страхъ мечтался, и всѣ лишенія имущества и живота ожидали». По мѣстамъ дѣйствительно готовились къ смерти, надѣвали чистыя рубахи, исповѣдывались, пробѣщались, на вѣки прощались; въ другихъ мѣстахъ поголовно оставляли жилища, уходили въ лѣса, горы и дебри. Въ глумленіяхъ, издѣвательствахъ шляхты и прічитаніяхъ при совершившемъ истязаній ясно слышалось, противъ кого и чего и за что направлялась эта адская, непримиримая злоба и неистовство: «ото тебе бѣть благочестіе твоє»; «о то тобі за государыню, за короля, за св. правительствующій синодъ, за архіерея и за вся православныя христіане»; «а ну-те-жъ, нуте лучше того грека». Били «смертно розками, дисциплинами, барбарами», били нагаями и кіями, списами и ружейными присошкиами, руками и ногами, били, пока прочитывалось: *Помилуй мя, Боже и Блажени непорочніи*, били «духу послухающи», т. е. пока душа въ тѣлѣ держалась. А со стороны народа одинъ былъ отвѣтъ: «отнимите у насть жизнь, но мы не хотемъ быть въ унії». «Пристань, кіенже, на единство, то велю сейчасъ изъ пушекъ палить», — говорилъ комиссаръ Каменскій Мелхиседеку, попавшему въ руки уніатовъ и не разъ бывшему уже на волосъ отъ смерти; но тотъ отвѣчалъ: «хотя и безвременно пропаду, но за вѣру пострадаю; на унію-жъ не пристану».

Эта страшная картина народныхъ страданій не измѣнялась ни на юту до конца 1766 г., удерживалась въ теченіе всего слѣдующаго и въ началѣ рокового 1768 г. Мѣнялись мѣста, лица, дѣйствія, но раздирающая душу драма оставалась неизмѣнно вплоть до того момента, когда многострадальный и многотерпѣливый, но разъяренный народъ возсталъ, какъ левъ, въ неумолимой мести своей. Любопытствующихъ подробностями этой драмы отсылаемъ къ изданнымъ кіевскою археографическою комиссіею актамъ (Архивъ юго-запад. Россіи ч. 1, т. II и III), мы-же доскажемъ вкратцѣ лишь конецъ оной.

Тщетно Мелхиседекъ, еще до заключенія своего сперва въ гродской, потомъ въ дерманской тюрьмѣ, и добродѣтельнѣйший 84-хъ лѣтній старецъ Гервасій Линцевскій, епископъ Переяславскій, старались остановить мучителей, оградить мучимыхъ посредствомъ жалобъ и протестовъ, ссылаясь на королевскій привилей, па мирные трактаты, на грамоты прежнихъ королей. Самая напряженная ихъ усилив не приводили ни къ чему. То была пора крайняго религіознаго возбужденія въ Польшѣ. Сеймы слѣдовали за сеймами; на нихъ шли бурыя, ожесточенные пренія, а главнымъ предметомъ ихъ, злобу, такъ сказать, для былъ вопросъ о диссидентахъ, или не согласныхъ съ учениемъ католической церкви. Въ предсмертной агоніи своей Польша силилась остаться ультра-католической и не хотѣла допустить существованія въ ея предѣлахъ еретиковъ, къ которымъ прежде всего относила православныхъ. Папа особо буллою на имя примаса королевства разжигалъ страсти и безъ того фанатического духовенства. Сеймъ 1766 г. отвергъ всѣ домогательства иностранныхъ дворовъ о правахъ диссидентовъ; всѣ протесты и жалобы ихъ были отвергнуты, въ частности жалобы украинцевъ сочтены были бунтомъ. Сеймъ слѣ-

дующаго года былъ благопріятнѣе для дѣла диссидентовъ; въ виду рѣшительнаго настоянія иностранныхъ государей, особливо Екатерины, имъ возвращена была свобода вѣроисповѣданія, дарованы гражданскія и общественныя права наравнѣ съ католиками. Въ общей судьбѣ ихъ рѣшено было и дѣло украинцевъ, а для разбора жалобъ ихъ на уніатовъ и поляковъ назначался смѣшанный судъ. Но такое вынужденное постановленіе, еще до ратификаціи онаго на сеймѣ слѣд. 1768 г., вызвало страшное волненіе въ Польшѣ. Раздраженная уступками въ пользу иновѣрцевъ шляхта возстала открыто противъ короля, называя его *наимитомъ московскимъ*. Король призвалъ русскія войска; главные зачинщики движенія были арестованы Репнинъ и отправлены въ Калугу, сеймъ отложенъ до половины февраля и хотя на немъ утверждено постановленіе предыдущаго сейма, но это не только не предъотвратило готовившагося взрыва, а напротивъ ускорило развязку событий въ Украинѣ.

Народъ жилъ своею логикою; всего менѣе ему могли быть извѣстны дѣйствія дипломатіи, направлениe внутренней политики; онъ поступалъ, какъ требовали совершившіяся предъ глазами его события. А въ Украинѣ, какъ мы уже говорили, творились неизобразимые ужасы. «Ярости и свирѣпства уніатовъ не утишались, но паче воставали, за пособленіемъ губернаторовъ и придворскихъ людей», «народъ находился въ такой тѣснотѣ и нуждѣ, каковы были развѣ во времена апостольскія». «Губернаторы и другіе паны, кто вырвется, мучили безъ уваги».

Зловѣщіе признаки готовившагося общаго взрыва носились то тамъ, то здѣсь гораздо прежде сего. «Будеть война», говорилъ Мелхиседекъ, возвраштася изъ Петербурга и Warsawы два года назадъ. «Берегись, писалъ онъ потомъ лютому мучителю Мокрицкому, бо то не съ жидами справа». «Коли лихо тихо, то надо-быть его и кожухомъ укрывать», —замѣчалъ предмѣстникъ Мокрицкаго. Мирные разныхъ оттѣнковъ протестанты еще въ декабрѣ 1766 г. образовали конфедерацию въ Слуцкѣ и рѣшили защищать свою свободу съ оружiemъ въ рукахъ, призываю къ тому-же и православныхъ. Въ мартѣ слѣдующаго года, въ обители мотренинской козакъ Иванъ просилъ у намѣстника благословенія «выкрикать на затягъ», но наличныя силы признаны были недостаточными и монахъ Филостервъ Самбекъ по-весь письмо «до Гарду (въ Сѣчь), щобъ голота прибула». Весь однако 1767 и начало 1768 г. прошли безъ взрыва; только стонь стояль по всей Украинѣ отъ невыносимыхъ страданій «благочестиваго священства и народа». Конфедерация, зародившаяся въ Барѣ и хлынувшая въ Украину, переполнила чашу народныхъ страданій и была непосредственною причиною «Колівщины», какъ вѣрно, по живому преданію, опредѣлилъ народный поэтъ:

Руйнували, мурдували,
Церквами топили,
А тимъ часомъ гайдамаки
Пожи освятили...

Свергнуть преданного России короля, выгнать русские войска изъ Польши, восстановить во всей широтѣ вольность шляхетскую, — таковы были стремлѣнія конфедератовъ, но ихъ конечная цѣль — разорить церкви православныя, истребить схизматиковъ-еретиковъ. Все это польско - шляхетское движение имѣть религиозную окраску; самъ папа руководить имъ, даетъ денежное вспоможеніе. Конфедераты, вступивъ въ Украину, чтобы подкрепить себя тѣми военными силами, какія находились тамъ въ помѣщачьихъ дворахъ и городскихъ замкахъ, остались вѣрными основному характеру движения и начали съ того, чѣмъ должны были кончить. Занылая Украина, начались неслыханныя неистовства надъ беззащитнымъ народомъ. Шляхта открыто хвалилась, что въ ничто обратить страну. Народъ не вытерпѣлъ, призвалъ запорожцевъ. Въ апрѣлѣ разлилась конфедерация, въ маѣ вспыхнуло всердное возстаніе. Тутъ связь ближайшая, непосредственная, очевидная, а это измѣняетъ взглядъ на самое возстаніе. То не было бунтъ противъ власти помѣщичьей или государственной изъ-за гнета экономического, во имя независимости и свободы гражданской, не было принципиальное непризнаніе польской власти и господства и, если эти чувства и убѣжденія были воспитаны въ украинскомъ народѣ всею предшествовавшею исторіею, если они лежали въ глубинѣ души его и проявлялись теперь въ решительномъ намѣреніи перейти въ подданство русской царицы, то не ими вызвано настоящее изступленное возстаніе и не они были движущею его силой. Нѣть, то было великое движение во имя вѣры, которое, какъ огнемъ, охватываетъ массы народныя (простое усердіе къ вѣру благочестивой, какъ писалъ Румянцевъ), волю крайняго отчаянія, инстинктъ самосохраненія, самозащиты въ гла захъ неминуемой смерти. Не воры, разбойники и грабители были возставшіе, не изъ своеолія и не для наживы возсталъ они, но для защиты отъ конечнаго своего истребленія и — за вѣру отеческую, поруганную и погубляемую. Годы предшествовавшие возстанію были въ собственномъ смыслѣ временами мученичества, ничѣмъ не уступавшими временамъ Нерона и Дюоклитана, и если они явили намъ страстотерпцевъ и мучениковъ, то возстаніе дало намъ такихъ безстрастныхъ и самоотверженныхъ защитниковъ народныхъ, предъ которыми блѣднѣютъ швейцарскіе защитники свободы. Тѣ однако давно нашли своихъ историковъ, поэтовъ, а наши до селѣ не вышли изъ названий «разбойниковъ, гультаевъ, ватахковъ». Пора, по крайней мѣрѣ, приступить къ собиранию и обнародованію памятниковъ этой кровавой эпохи, которая спасла намъ нашу вѣру и народность. Помѣщаемая теперь переписка пусть послужитъ тому началомъ.

Она начинается тремя сообщеніями (четвертаго не достаетъ) кievскаго генераль-губернатора Ф. М. Воейкова гр. П. А. Румянцеву о первыхъ движеніяхъ конфедератовъ для разоренія оставшихся въ польской Украинѣ православныхъ церквей и изгнанія оттуда русскихъ войскъ (№ I, II, III и IV). Добытыя Воейковымъ свѣдѣнія удостовѣряютъ несомнѣнное участіе въ этомъ польскомъ бунтѣ какъ папы съ его казною, такъ и польско - католического духовенства. Но напѣ какая

нужда до вольностей шляхетскихъ? Слѣдовательно это, въ иѣкоторомъ родѣ, крестовый походъ для истребленія еретиковъ, для разоренія ихъ церквей. Дѣйствія конфедератовъ въ такомъ направленіи, очерченныя въ сообщеніяхъ Воейкова лишь иѣсколькими штрихами, составляютъ первый актъ начавшейся драмы.

Первая указанія на открывшееся народное возстаніе въ Украинѣ находимъ въ донесеніяхъ Румянцева коллегіи иностранныхъ дѣлъ, или чрезъ нее имп. Екатеринѣ, равно въ приказахъ его полковнику Протасьеву и кошевому войска запорожскаго (№ V—IX). Неистовства конфедератовъ вызываютъ отпоръ; идти междоусобіе и взаимное самоистребленіе. Призываются запорожцы, берутъ Каневъ, выгоняютъ и частію истребляютъ поляковъ, жидовъ-же не оставляютъ въ живыхъ ни одного. Иѣсколько польскихъ семействъ и самъ староста каневскій Потоцкій бѣгутъ въ Переяславъ, подъ защиту Румянцева, но туда-же является и нарочный отъ жителей Капева. Происходитъ удивительное общее недоразумѣніе. Румянцевъ представленія не имѣть о тѣхъ ужасахъ, какіе слишкомъ два года совершились у него предъ глазами, по другую сторону Днѣпра, и свѣдѣнія о которыхъ сосредоточивались въ Переяславѣ; даже недавнія сообщенія Воейкова совсѣмъ какъ-бы забыты. Никакой исходной точки, никакихъ предварительныхъ свѣдѣній ни у него, ни у подвѣдомственныхъ ему учрежденій нѣть, какъ и у сосѣда его Воейкова, на которомъ лежали всѣ заграничныя корреспонденціи. Поляки просятъ защиты, каневцы доносятъ, что съ помощью запорожцевъ покончили съ ляками и жидами и простодушно спрашиваютъ, что дальше имъ дѣлать; тѣ и другіе заявляютъ, что все совершено по указу ся императорскаго величества, предъявленному пришедшими въ Каневъ запорожцами въ копіи, завѣренной подписью куренчаго и печатью кошеваго. Румянцевъ въ недоумѣніи; онъ даже допускаетъ возможность подобнаго указа, посыаетъ въ Каневъ и Кошъ развѣдать, подлинный-ли то указъ, или подложный. Запорожье въ его командинѣ, и—вдругъ указъ, о которомъ онъ, какъ и о всемъ начинающемся смятеніи, ничего не знаетъ;—онъ спрашиваетъ коллегію, просятъ саму императрицу разъяснить ему его недоумѣніе, и какой стороны ему держаться, и какъ поступать. Удивляться-ли, что народъ вѣрилъ указу?—Тѣмъ не менѣе Румянцевъ отводитъ квартиры бѣглымъ полякамъ, чинить имъ теперь и потомъ всякое вспомоществованіе, а относительно возставшихъ «по ихъ поступкамъ» скоро приходитъ къ такому заключенію, что это должна быть разбойническая партія, которую онъ, какъ поставленный охранять спокойствіе въ пограничныхъ мѣстахъ, обязанъ ловить и истреблять. Любопытно однако это желаніе подловить и задержать запорожцевъ въ Каневѣ, подъ видомъ помощи каневцамъ,—извѣстное обыкновенно подъ названіемъ военной хитрости. Не менѣе любопытно и это указываемое Румянцевымъ и принятное имъ за крайнюю простоту объясненіе со стороны кошеваго тѣхъ движений и приготовленій, которые примѣчены были теперь въ запорожскомъ войскѣ: «слышно-де, яко подъ м. Васильковымъ сто тысячъ прусскихъ и саксонскихъ войскъ идеть, такъ надо быть въ готовности»... Донесеніе Румянцева отъ 23 іюня представляетъ

обнаружившійся по сообщеніямъ Воійкова планъ и театръ дѣйствій возставшаго народа и мѣры противъ него принятыя. Главныя силы его сосредоточены въ мотренинскомъ лѣсу; онъ окончались и имѣютъ пушки, отбитыя въ польскихъ замкахъ. Отсюда выходятъ партіи, которыя разграбляютъ мѣстечки и деревни (имѣнія и дома поляковъ), жидовъ крестятъ, а несогласныхъ креститься убиваютъ. Подкрѣпленія идутъ изъ Запорожья чрезъ Новосербію. Идущіе всенародно объявляютъ, что отправляются въ Польшу (Украину, подвластную Польшѣ) для *заступленія въ руки*. Возстаніе охватило Чигиринщію, Смѣлянщину и всѣ тамошнія «околичности». Неся съ собой указъ царицы, въ подлинности котораго никто не сомнѣвался, возставшіе такъ твердо увѣрены въ законности своихъ дѣйствій, въ святости своей миссіи, что и командирамъ (русскимъ) объявляютъ, что никакая команда препятствія имъ сдѣлать не можетъ и, подъ угрозами, требуютъ не впускать въ русскія владѣнія поляковъ и жидовъ. Всѣ они идутъ подъ именемъ запорожцевъ, хотя отряды ихъ пополняются всякою рода людьми изъ среды возставшаго народа. Румянцевъ трактуетъ ихъ, какъ простыхъ разбойниковъ, и самъ, по своему собственному соображенію, рѣшается подавить бунтъ въ чужомъ государствѣ. Онъ двинулъ въ Украину московскій карабинерный полкъ, подъ командою полковника Протасьевъ, и 150 малороссійскихъ козаковъ «на истребленіе разорителей». Въ то-же время и для той-же цѣли Воійковъ со стороны Новороссіи двинулъ харьковскій гусарскій полкъ, подъ командою полковника Чорбы, а со стороны Кіева часть елецкаго полка для защиты бѣлоцерковскаго замка, по просьбѣ польского коменданта Карбовскаго; полкъ козловскій оставленъ быть въ пограничномъ елисаветинскомъ укрѣпленіи для подкрѣпленія. Протасьеву приказывалось войти съ пими въ сообщеніе и о происходящемъ доносить Воійкову и стоявшему близъ Бердичева ген. Кречетникову. Донесеніе 3 іюля (№ X) повторяетъ извѣстныя уже изъ сообщеній Н. И. Костомаровъмъ документовъ свѣдѣнія о сожженіи гайдамаками Умани (Голты?) и Палѣева Озера, о нападеніи на Балту, о движеніи по сему случаю татаръ и посылкѣ изъ Сѣчи отряда къ Умани. По послѣднему извѣстію Румянцевъ требуетъ чрезъ курьера объясненія отъ кошеваго, а пограничнымъ команда мъ посылаеть строжайший приказъ о прегражденіи пути идущимъ чрезъ Новороссію гайдамакамъ партіямъ. Допесеніе 15 іюля (№ XI) даетъ свѣдѣнія о первыхъ результатахъ мѣръ, принятыхъ противъ гайдамакъ, равно опредѣляетъ главные пункты дѣйствій этихъ послѣднихъ. Въ селѣ Блощинахъ, въ 15-ти верстахъ отъ Бѣлой-Церкви, дѣйствовалъ съ тремя стами товарищей, Журба, близъ Богуславля Швачка. Неживый, начавшій съ Канева и быстро перешедшій къ Палѣеву Озеру и Балтѣ, находится теперь въ Чигиринщіи. Посыпалъ ихъ Желѣзнякъ, онъ-же и указъ объявилъ. Самъ Желѣзнякъ съ большою партіею въ Умани. Протасьевъ безъ труда разбилъ, половилъ и разсѣялъ отряды Журбы и Швачки. Лишь первый оказалъ иѣкоторое сопротивленіе, но на столько слабое, что ни одинъ солдатъ русскій не былъ раненъ. Въ его отрядѣ взято четыре знамени, двѣ мѣдные пушки, одна черная (чугунная?) и пять желѣзныхъ гаковницъ.

Протасьевъ двинулся къ Умани, приказавъ «подданнымъ» (крестьянамъ), чтобы они «отложили взятый мятежъ съ причины разныхъ внушеній отъ людей своевольныхъ». До другаго взгляда на происходившее народное движение не додумались пока ни Протасьевъ, ни Румянцевъ; и послѣдній надежду питалъ, что «взбунтовавшіеся подданные обратятся, конечно, къ прежнему послушанію, увидѣвъ, что ободрившіе ихъ на возмущеніе, истребляются, какъ злодѣи». Одно получилось еще въ результатѣ: народное движение смело конфедератовъ; обѣихъ, по донесенію Протасьева, не было и слуху. 137 человѣкъ взятыхъ имъ гайдамакъ за карауломъ отправлены имъ въ Киевъ—въ крѣпость.

Этимъ заканчивается второй актъ кровавой драмы 1768 года.

(Продолженіе будетъ).

I.

Письмо киевскаго генерал-губернатора Федора Воеикова къ графу П. А. Румянцеву съ сообщеніемъ первыхъ слуховъ о начинавшихся въ польской Украинѣ сборищахъ конфедератовъ для разоренія православныхъ украинскихъ церквей и принятыхъ имъ Воеиковымъ посему случаю мѣрахъ. З апрѣля, 1768 года.

Сіятельныйшій графъ, высокопревосходительный господинъ генераль анштѣфъ, малороссійскій генераль губернаторъ, малороссійской же коллегіи президентъ и кавалеръ, милостивый государь мой!

Съ нѣкоторыхъ уже дней доходятъ до меня разныя изъ Польши разсѣваемыя разглашенія, якобы въ польской Украинѣ войска польскія у Бара, Вѣлой-Церкви и Клецка дѣйствительно собираются; а отъ 18-го теперешняго, командующій елисаветградской провинціи полками господинъ полковникъ Чорба рапортомъ представиль: стоящій-де на Сентовскомъ форпостѣ поручикъ Маріяновичъ къ нему рапортовалъ, что слышалъ онъ заподлинно отъ польского шляхтича Франциска Радишевскаго, что въ Барѣ уже до нѣсколько тысячи поляковъ собралось и еще повседневно прибавляется, которые якобы не далѣе, какъ чрезъ двѣ недѣли, къ границамъ сближаться имѣютъ, для разоренія оставшихся въ польской сторонѣ по границѣ православныхъ церквей. А хотя я прямо отъ обрѣтающагося въ Варшавѣ послѣ князя Репнина и отъ другихъ нашихъ воинскихъ въ Польшѣ командировъ никакого о томъ преувѣдомленія не имѣю, слѣдовательно и причина

есть о подлинности сихъ разглашений сомнѣваться, паче-же по извѣстной польской привычкѣ, кои, упирая на свою вольность, всякие несостоительные распускаютъ слухи; однако по должности моей, признавая предосторожность во всякомъ случаѣ, паче же при границахъ, весьма необходимою, нарочаго искуснаго офицера въ Польшу, подъ приличнымъ претекстомъ, отправилъ, для развѣдыванія о сей подлинности, а между тѣмъ кому надлежало отъ меня въ новороссійской губерніи найсильнѣйше подтверждено: непримѣтнымъ образомъ, безъ малѣйшаго встревоженія, быть всемъ вѣдомства моего воинскимъ командамъ въ надлежащей воинской исправности и осторожности, къ отвращенію всякихъ случиться могущихъ шалостей и набѣговъ, и для осторожности имѣть по границѣ непрестанные разъѣзды, такожь надежныхъ людей подъ разными претекстами въ Польшу посылать для вывѣданія настоящей причины таковому собранію и обращенію. Я за потребно разсудилъ о семъ обстоятельствѣ вашему сіятельству чрезъ сie сообщить. А что отъ времія до времіни нарочно посланные въ Польшу развѣдаются, то о всемъ томъ ваше сіятельство предувѣдомить не упущеу. Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и истинною преданностю вашего сіятельства, милостиваго государя моего, всепокорнѣйшій слуга Федоръ Войковъ. Кіевъ, 3 апрѣля 1768 года.

II.

Письмо того-же Войкова къ тому-же ир. Румянцеву съ сообщеніемъ объ усиленіи сборищъ конфедератовъ, ихъ угрозахъ и надеждахъ и необходимости принятія мѣръ предосторожности. 20 апрѣля 1768 года.

Сіятельныйшій графъ, высокопревосходительный господинъ генераль-аншефъ, малороссійскій генераль-губернаторъ, малороссійской коллегіи президентъ и кавалеръ, милостивый государь мой!

Отъ 3-го и 10-го *) сего имѣль я честь о начавшемся въ Польской Українѣ замѣшательствѣ ваше сіятельство для предосторожности предупредить, а теперь за потребное нахожу и слѣдующее присовокупить: что дошедшія, между тѣмъ, до меня изъ заграницы извѣстія согласно подтверждаютъ, яко число злонамѣ-

*) Письма отъ 10-го апрѣля иъ нашемъ сборнику нѣтъ.

ренной, подъ предводительствомъ графа Красинскаго, партіи, добровольно присоединяющимися и насильно захваченными всякаго званія людьми, отъ дня въ день прибавляется, и уже болѣе десяти тысячъ всякой сволочи собрано, которые съ крайнимъ прилѣжаніемъ всѣми воинскими зброями снабдеваются, и что дѣйствительно уже противъ россійско императорскихъ въ Польшѣ находящихся войскъ непріятельски поступать начали, разглашая всякія по польскому обычаю угрозы и хвастовства къ истребленію всѣхъ, ихъ намѣренію сопротивляющихся, мечемъ и огнемъ, въ чемъ они вспомогательными *папы римскаго деньгами* и обнадеженнымъ якобы подврѣщеніемъ другихъ областей безъ сумненія успѣть надѣются. Я примѣщаю, что сіи польскія обстоятельства ото дня въ день серіознѣ становятся, слѣдовательно и немалаго заслуживаютсяуваженія, ибо искусство намъ доказало, что отъ малой иногда искры великой воспламеняться можетъ пожаръ, если благовременно способъ къ утушенію оной употребленъ не будетъ; разсуждаю, что и въ семъ случаѣ предосторожность отнюдь ни ранновременною, ни же излишною предпочтена быть можетъ. И для того подчиненнымъ мнѣ новороссійской губерніи полкамъ найсильнѣйше подтвердиль: быть во всякой воинской исправности, посланая безпрестанные по границѣ развѣзды и подъ разными претекстами въ близкіе польскіе и татарскіе мѣста надежныхъ и проворныхъ людей для развѣдыванія, о которыхъ въ свое время вашему сіятельству сообщить не оставлю. А между тѣмъ за нужно признаю вашему сіятельству о имѣніи для курьеровъ по прямому отсюда до Кременчуга тракту во всякомъ мѣстечкѣ по нѣсколько почтовыхъ лошадей въ готовности—вновь напамятовать, ибо всѣ оттуда прѣѣзжие жалуются, что вездѣ по нѣсколько часовъ за лошадьми стоять должны, и потому немалая оныя чинится остановка. Впрочемъ съ совершенійши моя почтеніемъ и съ истинною преданностію пребываю вашего сіятельства, милостиваго государя моего, всепокорнѣйшій слуга Феодоръ Вайковъ. Киевъ, 20 априля 1867 года.

III.

Письмо того-же Вайкова къ тому-же гр. Румянцеву съ сообщениемъ экстракта полученныхъ имъ о событияхъ въ Польской Украинѣ извѣстій и принимаемой имъ-же предосторожности. 3-го мая 1768 года.

Сіятельнѣйшій графъ, высокопревосходительнѣйшій господинъ генераль-аншефъ, малороссійскій генераль-губернаторъ, малорос-

сійской-же коллегіи президентъ и кавалеръ, милостивый государь мой!

Ваше сіятельство изъ слѣдующаго при семъ экстракта разныхъ изъ за границы полученныхъ извѣстій усмотрѣть изволите, что польскія землемѣрства, съ часу на часъ во всей Польской Украинѣ распределяются, найважнѣйшими становятся, и въ разсужденіи умножающагося войска немалаго заслуживають примѣчанія, тѣмъ паче, что угадать нельзя, какое сія возмутительная шайка имѣеть намѣреніе, когда она уже явныя противъ войскъ и подданныхъ ея императорскаго величества въ Польшѣ непрѣтельства оказывать начала. Что до меня принадлежитъ, то я по должности моей на всѣхъ въ моемъ вѣдомствѣ по здѣшней и новороссійской губерніи состоящихъ форпостахъ, сколько число подчиненныхъ мнѣ войскъ того дозволило, удобовозможную предосторожность взять и онымъ во всякой исправности быть найсильнѣйше подтвердить не преминулъ; а что впредь до меня о томъ же дойдетъ, вашему сіятельству безъ упущенія времени сообщить не оставлю. Имѣю честь быть съ совершенійшимъ высокопочтеніемъ, вашего сіятельства, милостиваго государя моего, всепокорнѣйшій слуга Федоръ Воейковъ. Киевъ, 3 мая 1768 года. Его сіятельству графу П. А. Румянцову.

IV.

Приложенное къ сему письму извлечение изъ отчета поручика Раде и другихъ лицъ, разъѣздавшихъ, по поручению Воейкова, о движении и намѣреніяхъ барскихъ конфедератовъ.

Экстрактъ изъ рапортовъ отправленныхъ для разведыванія о польскихъ обстоятельствахъ въ Польскую Украину чернаго гусарскаго полку поручика Раде и другихъ чиновъ.

Въ мѣстечкѣ Умань видѣлъ онъ Раде четырехъ товарищѣй украинской противной партіи, кои прибыли туда будто для заниманія квартиръ и пріготовленія фуража, а главная ихъ коммісія въ томъ состоить, чтобы приклонить тамошній гарнизонъ графа Потоцкаго, со всею артиллеріею и амуниціею, равно какъ и находящихся въ службѣ его козаковъ, купно съ прочими подданными, на соединеніе съ конфедератами подъ командою маршала Пулавскаго, старости варецкаго, войскомъ, которое въ Барѣ собирается. Тамошній губернаторъ Младановичъ предостерегъ

его, что онъ съ своимъ паспортомъ свободно далѣе проѣхать не можетъ, для того что всему войску украинской партіи повелѣно россійскихъ подданныхъ, не взирая на паспорты россійскихъ генераловъ, вездѣ ловить и командѣ представлять. Въ Умани онъ самъ видѣлъ, что кузнецы готовятъ пушечныя ядра, картечи и другіе до артиллеріи принадлежащіе снаряды, разглашая, якобы по прибытію украинской партіи они противиться намѣрены и отнюдь съ оною соединяться не намѣрены; однако онъ видѣлъ тамо нѣсколькихъ польскихъ законниковъ (монаховъ), кои по папскому повелѣнію отъ польскихъ епископовъ присланы для увѣщанія всего въ уманскомъ повѣтѣ живущаго шляхетства на соединеніе съ украинскою партіею, въ чёмъ многіе уже секретно къ присягѣ приведены.

Прибывъ въ село Ягубецъ, заѣхалъ онъ по знакомости къ знатному тамошнему шляхтичу, подчашему Косткѣ-Ордынскому, который ему въ довѣренность объявилъ, что маршалъ конфедерациіи графъ Красинскій къ нему ласковое письмо прислалъ,увѣщавая его пристать къ войску партіи украинской и принять главную команду надъ побerezскими, бершадскими и уманскими шляхтичами и козаками, но онъ де Ордынскій, яко благонамѣренный сынъ отечества, хотя отъ того отказался, извиняясь старостію и слабостію здоровья, однако сумнѣвается, чтобы по его желанію сдѣжалось, а въ противномъ случаѣ принужденъ будеть противъ воли своей къ нимъ пристать и присягу учинить, присовокупивъ къ тому, что сія конфедерациія сдѣлана единственно въ такомъ намѣреніи, чтобы, собравъ довольноное число войска, идти противъ россійского въ Польшѣ находящагося корпуса, для выгнанія онаго якобы за учиненную въ отечествѣ ихъ обиду взятиемъ четырехъ магнатовъ подъ караулъ, и что де въ великой посты, подъ Новымъ Константиновымъ, партія польская съ россійскими карабинерными и донскихъ козаковъ полками уже непріятельства начала, гдѣ четыре человѣка знатныхъ польскихъ шляхтичей и до тридцати человѣкъ рядовыхъ побито, а россійские также не безъ урону оттуда ретировались. Почему онъ поручикъ Раде его Ордынского просилъ для свободнаго далѣе проѣзда паспортъ его надписать, что имъ Ордынскимъ и учинено. Съ которымъ паспортомъ онъ, переправясь чрезъ рѣку Бугъ, прибылъ въ мѣстечко Ладыжинъ, котораго губернаторъ, прозваниемъ Кастеля, ему объявилъ, что за два дни предъ прїездомъ ~~его привезено было намѣтое число войска украинской партіи ко-~~

торое разными угрозами его принудили присягать на соединение съ оною, и взявъ вѣсколько человѣкъ изъ его козаковъ вооруженныхъ и сколько нашли ружей, пороху и свинцу, уѣхали, а ему приказали съ остальными въ вѣдомствѣ его состоящими козаками во всякой быть готовности, куда повелѣно будетъ слѣдоватъ. Но въ самое это время, какъ сей разговоръ продолжался, прибыли къ нему помянутой партии два товарища съ тридцатью человѣками козаковъ, отъ коихъ губернаторъ его, Раде, въ удобномъ мѣстѣ скрылъ, а какъ тѣ товарищи уѣхали, губернаторъ ему сказывалъ, что въ первый день пасхи поляки напали на стоявшихъ въ мѣстечкѣ Винницѣ донскихъ козаковъ, кои ретировались къ мѣстечку Яневу, но не доходя до онаго сразились, гдѣ донцами побито и ранено не малое число гусаръ поляковъ, козаковъ и липканъ украинской партии. Между убитыми находится одинъ липканской полковникъ, а другой, прозваниемъ Муха, съ прочими поляками плененъ.

Слѣдя къ мѣстечку Тульчину, наѣхалъ онъ въ селѣ Михайловкѣ на партію польскую, которая, его остановивъ, спросила, куда вѣдетъ и за чьимъ паспортомъ; а какъ усмотрѣла надпись вышереченаго Ордынского, его отпустила.

Въ Томашполѣ жидъ арендарь ему объявилъ, что онъ предъ его туда прїездомъ изъ Могилева возвратился, къ которому городу, въ бытность его тамъ, маршалъ конфедерациіи графъ Красинскій съ вѣсколькими тысячами войска прибылъ, но находящійся въ Могилевѣ съ гарнизономъ и артиллеріею графа Потоцкаго маіоръ Мейсенъ онаго въ городѣ пустить не хотѣлъ, однако, увида, что приказано городъ зажечь, сдался и на соединеніе присягу принесъ. И такъ графъ Красинскій, взявъ маіора съ гарнизономъ и съ артиллеріею къ себѣ, и отобравъ изъ своего корпуса три тысячи человѣкъ, при Могилевѣ остался, а прочее войско послалъ въ Немировъ, Житоміръ, Летичевъ и Прилуку. Послѣ чего будто онъ Красинскій не малое число денегъ къ татарамъ отправилъ изъ той суммы, которая отъ папы римскаго на вспоможеніе дана, прося тatarъ на соединеніе съ нимъ, гдѣ онъ ихъ и ожидать имѣть. Что онъ королевскаго таможеннаго управителя всю наличную казну забравъ, и что заподлинно весь Каменца-Подольскаго гарнизонъ и прочее регулярное и нерегулярное польской республики въ Украинѣ находящееся войско уже къ конфедератамъ пристало, чѣмъ число сего войска знатно умно-

жилось, отъ которого немалую часть въ городъ Полонное отправить намѣрены для поиску надъ стоящимъ тамо россійскимъ войскомъ.

Прочихъ-же извѣстія, хотя съ нимъ вѣсколько и согласны, однако съ немалымъ увеличиваніемъ числа войскъ украинской партіи наполнены. Въ разсужденіи того, что будто уже вся Польская Украина, исключая только уманскую губернію, къ конфедерациі приступила и присягою согласно дѣйствовать утвердила, почему многіе изъ поляковъ заподлино увѣряютъ, якобы не въ продолжительное время конфедераты на новороссійскую губернію нападеніе сдѣлать намѣрены.

Секретарь Василій Черняевскій.

V.

Донесеніе гр. П. А. Румянцева коллегіи иностранныхъ дѣлъ о разрешеніи имъ переславльской полковой канцеляріи принимать поляковъ, перебывающихъ въ русскія владѣнія, по поводу волнений въ польской Украинѣ, и оказывать имъ защиту и покровительство.

1768 года, іюня 15 дня, Глуховъ. № 629.

Реляція въ коллегію иностранныхъ дѣлъ.

Представлены миѣ два доношенія, поданныя въ полковую переславскую канцелярію отъ поляковъ: Луки Гоздава - Вилуцкаго, пограничной королевской трехтемировской камеры писаря, и Яна Малчевскаго, лѣсничаго староства каневскаго, которые намъ показываютъ, что, спасая свою жизнь отъ супности безчеловѣчной, дозванной уже (въ?) умерщвлѣніи надъ многими въ ихъ странѣ жителями отъ своихъ собратьевъ, перешли съ своими фамиліями въ имперію вашего величества, и просятъ покровительствовать ихъ въ безопаснѣ здѣсь пребываніи. Я предложилъ означенной канцеляріи, чтобы не только симъ пришедшемъ, но ежели и еще съ ихъ стороны съ таковыми-жъ прибѣгнутъ просьбами, не препятствовать какъ жить покудова угодно, такъ и всякия благодѣявія, какъ соѣдней державы жителямъ, являть благосклонно. Слабымъ моимъ разсужденіемъ возмнъ, что сіи просьбы могутъ иногда (быть?) потребнымъ инструментомъ въ дѣлахъ, которыхъ они касаются, подношу для того при семъ оныхъ въ оригиналѣ.—Слѣдуетъ подпись: Графъ Румянцевъ.

VI.

Предписаніе чр. П. А. Румянцева командириу карабинернаго полка Протасову обз отправкѣ въ Каневъ небольшаго отряда съ цѣллю разъѣдать, имъютъ-ли овладѣвшие этимъ городомъ запорожцы на то указъ и, если не имъютъ, то переловить и представить ихъ.

1768 года, іюня 19 дня. № 1637.

Ордеръ господину полковнику карабинернаго полку Протасову.

По извѣстіямъ, которыя имѣю отъ полковой Переяславской канцеляріи, что тридцать человѣкъ козаковъ запорожскихъ въ польскомъ мѣстечкѣ Каневѣ выжгли тамошній замокъ, умертили многихъ поляковъ и, произведѣ замѣшательства и немалыя разоренія, находятся и по днесъ въ томъ же мѣстечкѣ, я велѣль прежде полковой той канцеляріи секретно послать нарочного и чрезъ онаго навѣдаться о бытности ихъ запорожцевъ, и ежели при своихъ предпріятіяхъ въ тѣхъ мѣстахъ обрѣтаются, то ваше высокоблагородіе имѣете, по извѣстію о томъ, тотчасъ командировать туда, для поимки оныхъ запорожцевъ, своего полку пятьдесятъ человѣкъ карабинеровъ при одномъ исправномъ офицерѣ, которому препоручить въ команду и сто человѣкъ козаковъ малороссійскихъ, далъ я ордеръ полковой Переяславской канцеляріи. При семъ случаѣ вы извольте отправленному офицеру предписать въ постановленіи, чтобы съ командою пришель къ тому мѣсту, гдѣ будутъ объявленные запорожцы, показалъ имъ такой видъ, якобы они присланы на вспоможеніе, по просьбѣ каневскихъ козаковъ и жителей, и старался-бы непримѣтнымъ образомъ овладѣть ими, и тогда требовать у нихъ того указу, который они тамъ объявляютъ о присылкѣ своей; а когда-бы такое сходственное письмо вѣроятно бы они предъявили, то оное подлинное заразъ отправилъ бы, при своемъ рапортѣ, чрезъ полковую канцелярію штрафетомъ ко мнѣ по почтѣ, держа до резолюціи подъ рукою запорожцевъ. А когда такого письменнаго вида не покажутъ, или явится сомнительнымъ, или видимо ложный, то ихъ всѣхъ запорожцевъ токмо перехватавъ, возвратиться съ оными, пріемля къ тому способы, чтобы безъ всякаго кровопролитія обойтиться, а буде бы они не сдались и что дерзкое предприняли противъ посланной команда, въ такомъ уже случаѣ брать ихъ силою. Сей же команда, кромѣ должности, по

которой она посылается, ни въ какія больше дѣла въ тѣхъ мѣстахъ не мѣшаться и обывателямъ тамошнимъ ни малѣйшихъ обидъ не причинять, подъ опасеніемъ строгаго отвѣта.—Слѣдуетъ подпись.

VII.

Донесение гр. П. А. Румянцева императрицѣ Екатеринѣ II о происходящихъ въ Польской Украинѣ смятеніяхъ и междуусобіяхъ, съ испрашиваніемъ указа, какъ ему въ этихъ обстоятельствахъ поступать и какую сторону поддерживать.

Іюня 19 дня 1768 года.

Всемилостивѣйшая, державнѣйшая, великая государиня императрица и самодержица всероссійская, государиня всемилостивѣйшая!

Вашему императорскому величеству всеподданѣйше я доносиль, отъ 15 числа текущаго мѣсяца, о вышедшихъ въ Переяславъ изъ Польши полякахъ: Лукѣ Вилецкомъ и Янѣ Малчевскомъ, которые, по возмущенію въ своей сторонѣ, ищутъ, до успокоенія того, чтобы имъ не возбранено прожить подъ покровительствомъ въ имперіи вашего величества. А отъ 12 іюня рапортуетъ ко мнѣ полковая Переяславская канцелярія, что въ тотъ день съ таковыми-же просьбами прибыли въ онай-же городъ: старосты каневскаго Потоцкаго губернаторъ Игнатій Новицкій, губернаторъ-же корсунскій Семенъ Носачевскій, да каневскій козацкій полковникъ Антонъ Зеллеръ и поручикъ Петръ Мадерашъ, капрадовъ два и рядовыхъ жолнеровъ двадцать три, первые со многими своими фамиліями. И при семъ случаѣ означенный губернаторъ Новицкій, который еще до прибытія своего въ Переяславъ прислали сюда съ преждевышедшими полякомъ Малчевскимъ дѣтей своихъ, отчошеніемъ полковой канцеляріи объявилъ: 9-го числа сего іюня вооруженныхъ тридцать человѣкъ козаковъ, вѣхавши въ городъ Каневъ, прислали одного къ нему козака, объявляя, что они, въ силу указа вашего императорскаго величества, отъ кошеваго войска запорожскаго туда посланы и требовали, чтобы онъ губернаторъ у нихъ явился для принятія повелѣнія, и когда онъ просилъ показать себѣ указъ, то они письмо ему и показали подъ титуломъ вашего императорскаго величества, подписанное запорожскимъ атаманомъ куреня уманскаго, котораго прозваніе онъ по-

забылъ, съ приложеніемъ печати запорожской, и въ то-же время
вапали на замокъ, зажгли городъ и умертили многихъ изъ шля-
хетства и служащихъ; и когда видѣлъ, что, къ ихъ-же сторонѣ
преклоняся, такъ сами полскіе козаки, яко и обыватели тамошніе,
содѣйствовали разоренію замка, онъ, послѣ недолгой обороны,
принужденъ былъ бѣжать, спасая жизнь свою, чрезъ Днѣпръ въ
границы державы вашего императорскаго величества. Вслѣдъ за
прибытіемъ въ Переяславъ означенныхъ поляковъ, прислано въ
тамошнюю полковую канцелярію отъ жителей мѣстечка Канева,
козацкихъ атамановъ съ товариствомъ, съ нарочнымъ того-же
мѣстечка обывателемъ Сергѣемъ Споришемъ доношеніе, показуя,
что они, предваряя намѣренія господъ своихъ, яко-бы на погуб-
левіе ихъ взяться, и видѣвъ, что и цопы свои за одно съ тѣми
сдѣлались на нихъ гонители, призвали къ защищенію своему за-
порожскихъ козаковъ, которые, когда отъ послушанія имъ отрекся
губернаторъ, сожгли замокъ, и требуя, какъ имъ поступать далъше,
отъ той канцеляріи совѣта и наставленія. А и присланные съ симъ
нарочныхъ своимъ также допросомъ согласно, какъ и губернаторъ
Новицкій показалъ о вышесказанномъ происшествіи, и что когда
изъ мѣстечка Канева полковникъ Зеллеръ съ жолнерами бѣжалъ
за границу россійскую, то запорожцы гнались за ними по Днѣпру
лодками и настигъ нѣкоторыхъ предали смерти, и возвратясь жи-
вутъ и до днесъ въ мѣстечкѣ Каневѣ, учреждая тамъ порядки
экономическія, къ чему уже и опредѣленъ отъ нихъ экономомъ
изъ тамошнихъ жителей городовой писарь греческаго исповѣданія.
Жиды-жъ де, какъ въ Каневѣ, такъ и въ другихъ тамошнихъ
мѣстечкахъ, всѣ при семъ случаѣ умерщвлены и ни единаго нигдѣ
уже не осталось. Я не будучи снабденъ ни откуда никакимъ по-
вѣдѣніемъ на нынѣшній случай обстоятельствъ польскихъ, слѣд-
ственно и свѣденія прямаго не имѣю о томъ, что до сихъ дѣлъ
касается; а зная, что корпусъ войскъ вашего величества, въ
Польшѣ находящійся, дѣйствуетъ оружiemъ противъ злонамѣрен-
ныхъ конфедератовъ, то какъ изъ увѣдомленій, въ Малую Россію
присыпаемыхъ, открывается, что во всей окружности мѣстечка
Канева взаимное мщеніе между собою польскихъ жителей рас-
пространяется до того, что сами подданные, ревнуя по вѣрѣ пра-
вославія греческаго, возстаютъ противъ владѣльцевъ своихъ, и въ
своемъ возмущеніи приняли тѣсть средства жесточайшия, а напро-
тивъ другіе, поборники римскаго исповѣданія, нападаютъ на церкви
и монастыри православные, и наглыя мучительства производятъ

надъ духовными и мірскими людьми, какъ недавно полученъ пропасть въ полковой Переяславской канцеляріи отъ игумена монастыря Андрушевскаго, близъ сихъ же мѣстъ состоящаго, о разграбленіи сей обители собравшимися поляками и дѣйствіяхъ при томъ ихъ безчеловѣчныхъ. Самъ-же староста каневской Потоцкій не кажется мнѣ, чтобы когда былъ усердно преданъ интересамъ вашего императорскаго величества, по разсужденію сего, что какъ объ немъ теперь, такъ и о другихъ; вѣдать нельзя, съ которой стороны находятся. И не имѣши себѣ наставления, кого въ сихъ близъ границы лежащихъ мѣстахъ, при нынѣшнемъ смятеніи защищать должно, но если-же на мнѣ, по высочайшей вашему императорскаго величества волѣ, лежитъ должностъ охранять цѣлость границъ и жителей, дабы иногда въ невѣденіи не причинить досады добронамѣреннымъ и не попустить-бы недоброжелательствующимъ распространить свои озорничества не только надъ добро-желательными поляками, но и на самихъ подданныхъ на границахъ живущихъ, осмѣливаюсь при донесеніи о вышеисписанномъ вашему императорскому величеству всенижайше просить на все то высочайшаго указу, дабы я по тому все точно соблюль, что къ преуспѣянію высочайшихъ интересовъ вашего величества нужно, и какъ поступать по вынѣшнимъ (?) каневскихъ жителей и тому подобнымъ, если произойдутъ. Но теперь, поелику не знаю, чтобы отъ вашего императорскаго величества давы были на сей случай какія особенные повелѣнія запорожскимъ козакамъ, въ моей командѣ находящимся, а по поступкамъ ихъ считая быть каковой либо разбойнической партіи, воспріялъ сіи мѣры, что навѣдавшись, если они въ показанномъ мѣстечкѣпольскомъ и нынѣ находятся при своихъ предпріятіяхъ, предосторожно бѣ туда, дабы они подъ видомъ повелѣнія вашего императорскаго величества не произвели собою вредныхъ слѣдствій, отправить команду, состоящую въ пятидесяти человѣкъ карабинеровъ и ста козаковъ малороссійскихъ, при офицерѣ, для взятія оныхъ пристойнымъ и тихимъ образомъ, прежде однакожъ освѣдомясь, для какихъ причинъ туда они пришли. Вышеобъявленнымъ-же чинамъ съ фамиліями и жолнерамъпольскимъ давы въ Переяславѣ квартиры, и приличное благодѣяніе велѣль я оказывать.— Слѣдуетъ подпись.

VIII.

Предписаніе гр. П. А. Румянцева кошевому запорожскому Калнишевскому о доставленіи сольдатній относително показавшихся въ Каневѣ запорожцевъ и наблюденіи, дабы запорожцы не проникали въ Україну и не производили тамъ насилий.

Іюня 23 дня. № 649.

Ордеръ господину атаману кошевому Сѣчи запорожской Калнишевскому съ войсковою старшиною и товариствомъ.

Я весьма похвалаю вашу осторожность и примѣчанія на дѣйствія сосѣднихъ вамъ областей; о чёмъ сего числа мнѣ дошли мая отъ 15-го, 27-го и 31-го ваши представленія, рекомендую и напредъ то чинить, а только о приближеніи прусскихъ и саксонскихъ войскъ меньше имѣть опасности¹⁾.

Между прибывшими подъ защиту въ Малую Россію польскими чинами, губернаторъ каневскій Новицкій доношеніемъ въ полковую Переяславскую канцелярію представилъ, что противъ 9-го числа, сего іюня, человѣкъ тридцать козаковъ запорожскихъ пришли въ мѣстечко Каневъ, сказывая (что?) о приходѣ своемъ имѣютъ указъ, который и показывали означенному губернатору, и онъ видѣлъ, что онъ написанъ подъ титулой ея императорскаго величества, за подписомъ атамана куреннаго уманскаго, котораго имени не помнилъ, и за печатью кошеваго; и когда ихъ повелѣній не принялъ губернаторъ Новицкій, они сожгли замокъ и многіе прогрессы въ тамошнихъ мѣстахъ учинили. А какъ мѣстечка Канева жители прислали также полковой канцеляріи доношеніе съ объявленіемъ, что они тѣхъ запорожцевъ вызвали сами изъ Сѣчи къ своей защитѣ, и присланный съ тѣмъ нарочный показалъ, что атаманомъ былъ у тѣхъ козаковъ куреня Мглинскаго запорожскаго Семенъ Неживой.

Вы посему тотчасъ мнѣ дайте, по выправкѣ, отвѣтъ, бы лиль какія къ вамъ просьбы отъ каневскихъ жителей, отъ Коша ли

1) Графъ Румянцевъ, въ сообщеніи своемъ, отъ 23 іюня 1768 г., № 644, къ киевскому генераль-губернатору Восейкову, между прочимъ, пишетъ: „въ окончаніе хочу „уловинуть, сколько ѿ удивленію простоты запорожцевъ, получиль я, между нѣсколькими оғъ кошеваго атамана сего днія секретными рапортами, изъ сказовъ людскихъ „одинъ и о томъ, что они слышутъ, яко подъ мѣстечкомъ Васильковымъ сто тысячъ „prusскихъ и саксонскихъ войскъ идетъ, и въ разсужденіи сихъ предпріятій онъ такъ же своимъ козакамъ велѣлъ быть въ готовности“.—Примѣч. М. А. Максимовича.

подлинно сіи козаки посланы туда, и не дано-ль письменного какого приказания, или самовольно и злодѣйскимъ образомъ такая шайка вышла. Возьмите притомъ найстрожайшее наблюденіе, дабы изъ вашихъ козаковъ, при нынѣшихъ обстоятельствахъ польскихъ, не могли уходить въ Польшу и производить тамъ наглости и разоренія, чтобъ вамъ самимъ за слабое надъ подчиненными смотрѣніе въ семъ случаѣ не дошло иногда не въ предосужденіе отвѣтствовать.—Слѣдуетъ подпись.

IX.

Донесеніе гр. П. А. Румянцева чрезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ императрицы Екатеринѣ II объ открывшихся въ Украинѣ дѣятельяхъ гайдамакъ и принимаемыхъ имъ противъ нихъ мѣрахъ, съ испрошеніемъ особаго, по поводу этихъ обстоятельствъ, Высочайшаго повелѣнія.

Іюня 23 дня.

Реляція въ коллегію иностранныхъ дѣлъ.

Послѣ отправленныхъ отъ меня къ вашему императорскому величеству отъ 15-го и 19-го чиселъ сего мѣсяца двухъ всеподданнѣйшихъ реляцій о прибытіи въ городъ Переяславъ многихъ польскихъ чиновъ съ фамиліями, ищущихъ покровительства по смятеніямъ въ ихъ землѣ, и что я для поимки шайки разбойнической запорожской, разорившей мѣстечко Каневъ, велѣлъ отправить пятьдесятъ человѣкъ карабинеровъ и сто козаковъ малороссійскихъ, при одномъ офицерѣ, къ тому мѣстечку;—въ прибывокъ получилъ вчерась отъ господина генералъ-аншефа и кievскаго генералъ-губернатора Воейкова сообщеніе, которымъ онъ, по извѣстіямъ къ нему допедшимъ, упоминаетъ, что гайдамакія толпы въ Уманьщинѣ, Чигириньщинѣ, Смѣляньщинѣ и во всей тамошней оконечности, не только весь тотъ край грабятъ и разоряютъ, но и самыя свирѣпыя тиранства надъ польскими шляхтичами, безчеловѣчно оныхъ мучая и умерщвляя, производятъ, и съ отважностію по самой границѣ мимо форпостовъ разѣзжая, стоящимъ при редутахъ командамъ грозятъ о невпущеніи польского шляхетства въ границы подъ защиту вашего императорскаго величества. Между тѣмъ и бѣлоцерковскій комендантъ Карбовскій испрашивалъ у него господина генералъ-губернатора, для защиты той крѣпости, по малолюдству гарнизона, подкрепленія воинскими людьми, куда онъ пятьдесятъ человѣкъ елец-

каго полка съ офицеромъ отправилъ; да находящійся въ крѣпости Елисаветы полковникъ Корфъ въ согласіе сему же прибавляетъ дошедшія извѣстія, что мая 28-го, пришедъ въ поселенную Макара Чернѣкова слободу, пятьдесятъ человѣкъ гайдамаковъ вооруженыхъ объявили жителямъ оной, что они идутъ въ Польшу для заступленія вѣры, и чтобы сіи сказывали всѣмъ своимъ командирамъ о таковомъ ихъ намѣреніи, и яко имъ никакая команда въ томъ препятства сдѣлать не можетъ. А таковы де всѣ партіи гайдамація, какъ сообщаютъ выходцы на поселеніе сюда изъ Польши, соединясь въ одно мѣсто человѣкъ до тысячи, въ мотронинскомъ лѣсу сдѣлали себѣ засѣку, разстановивъ отбитыя въ польскихъ мѣстечкахъ пушки, и выходя изъ того убѣжища партіями, польскія мѣстечки и деревни разграбляются и награбленные пожитки тамъ складываются; жидовъ окрещиваются, а не хотящихъ этого чинить предаются смерти. И требовалъ онъ, господинъ генераль-губернаторъ Воейковъ, чтобы и я съ моей команды, ко истребленію тѣхъ разорителей, въ показанныя мѣста отправилъ нѣсколько эскадроновъ карабинерныхъ полковъ на встречу командированнымъ отъ него гусарскихъ и новороссійской губерніи тремъ эскадронамъ. По симъ обстоятельствамъ я призналъ за нужно велѣть тотчась съ московскаго карабинернаго полку полковнику Протасову съ своимъ полкомъ и ста пятьюдесятью козаковъ малороссійскихъ выступить въ Польшу и расположиться въ округахъ: каневскомъ, бѣлоцерковскомъ, уманскомъ, чигиринскомъ и смѣлянскомъ, и поимкою истреблять разорителей, предписавъ притомъ, чтобы онъ, будучи съ командою въ Польшѣ, тамошнимъ жителямъ обидъ и озлобленій ни малѣйшихъ не чинилъ, подъ опасенiemъ военнаго суда, и старался бы и самыя разбойническія партіи братъ безъ всякаго кровопролитія, паче увѣщаніями и способами искусствъ, развѣ они предпріяли бы что-либо дерзкое, и тогда остается употребить силу, о происхожденіи же рапортовалъ мнѣ, генераль-губернатору Воейкову и находачемусь въ Польшѣ генераль-маиру Кречетникову, и ихъ повелѣнія въ разсужденіи высочайшихъ вашего императорскаго величества намѣреній, если какія имѣть будетъ, исполняль-бы; также поелику слободской гусарскій харьковскій полкъ вынѣ туда-же въ Польшу сдѣлуетъ, то и съ онымъ держаль-бы онъ сообщеніе, соображаясь наставленію, данному того полку цолковнику Чорбѣ, къ чему касающійся 2 й пунктъ, изъ указа государственной коллегіи выписанный, при томъ ему

приложенъ. Потребно также я разсудилъ, дабы удобнѣе подавать было въ нужномъ случаѣ, на поимку умножившихся партій гайдамаковъ, помошь, назначенный къ лагерю козловскій полкъ оставилъ въ крѣпости св. Елисаветы, гдѣ онъ нынѣ стоитъ. Поелику всѣ сіи партіи разбойническія, какъ я вижу, переходятъ въ Польшу чрезъ новороссійскую губернію, то я сообщилъ господину генералу губернатору Воейкову, чтобъ предложено отъ него содержащимъ форпостные команда чинамъ о наблюденіи строжайшемъ въ пресѣченіи переходу чрезъ тѣ мѣста гайдамакамъ въ Польшу; а кошевому атаману послать ордеръ—дать мнѣ тотчасъ отвѣтъ, извѣстно ли ему, что изъ запорожскихъ козаковъ подлинно вызваны жительми мѣстечка Канева для вспоможенія къ разоренію города? и чтобъ онъ настроїше въ своемъ войскѣ наблюдалъ, дабы разбойническія партіи при нынѣшнемъ случаѣ не могли выходить изъ ихъ мѣстъ въ Польшу и тамъ чинить разбои. Въ примѣчавшемъ же на пынѣшнія смиренія польскія, коль тѣхъ мѣстъ, паче при границѣ лежащихъ, жители подъемлють теперь руку и оружіе въ междоусобіи одинъ противъ другаго, чтобъ сіи обстоятельства не могли родить непріятныхъ слѣдствій для живущихъ на границахъ вашего императорскаго величества подданныхъ, я представилъ, отъ 21 числа сего мѣсяца, въ государственную военную коллегію мое мнѣніе, чтобъ поелику повелѣно мнѣ въ нынѣшнее лѣто собрать въ лагерь, для показанія военной полевой службы, всѣ полки моей дивизіи, то часть изъ оныхъ оставя въ назначенномъ уже къ тому мѣсту при Полтавѣ, прочимъ собраться въ другой лагерь близъ Переяслава. Симъ средствомъ можно устраниТЬ дальняя и успокоить всѣ нынѣ близъ границы въ Польшѣ происходящія худыя начинанія; для чего я уже и повелѣлъ иѣкоторымъ полкамъ къ той сторонѣ для лагеря склонять свой маршъ. Но какъ я распоряженія сіи дѣлаю только по лучшему моему разумѣнію и усердію къ соблюденію интересовъ высочайшихъ вашего императорскаго величества, не будучи снабденъ никакимъ повелѣніемъ на случай тѣсныхъ обстоятельствъ польскихъ, такъ, чтобъ мнѣ иногда отъ невѣденія не учинить при томъ въ чемъ либо упущеніе, осмѣливаюсь повторить всеподданнѣйше и при семъ о снабденіи меня на то высочайшимъ повелѣніемъ. Вашего императорскаго величества все-подданнѣйшій рабъ.—Слѣдуетъ подпись.

Х.

Донесеніе гр. П. А. Румянцева чрезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ имп. Екатеринѣ II о разореніи гайдамаками Умані (?) и Пальєва Озера, истребленіи поляковъ и жидовъ, нападеніи на Балту и проч. и принятыхъ имъ поэтому мѣрахъ.

Іюля 3 дня. № 678.

Релатія въ иностранныхъ дѣлъ коллегію.

Доносилъ я вашему императорскому величеству всеподданнѣйшею реляцію, прошедшаго іюня отъ 23 числа, каковы по лучшему моему разумѣнію воспріяты мѣры къ истребленію разбойническихъ партій, которая, при нынѣшнемъ смятеніи въ Польшѣ, лютая безчеловѣчія производить; но отъ времени еще болѣе прибавляться стало о ихъ злодѣйствѣ увѣдомленіе.

Я подношу при семъ въ копіи вчера полученный рапортъ съ приложеніемъ козловскаго пѣхотнаго полку отъ полковника Корфа, что сихъ гайдамакъ умножившееся число, подъ именемъ запорожскихъ казаковъ, не только два польскія мѣстечка Умань (?) и Пальєво Озеро разорили, умертвивъ въ оныхъ до нѣсколько тысячъ поляковъ и жидовъ, но и турецкой области въ мѣстечкѣ Балтѣ нападеніемъ на оное уshedшихъ отъ ихъ мученій жидовъ и поляковъ убили, сражавшись съ турками давшими имъ убѣжище.

Всего больше, что сіи злодѣи, какъ въ Польшѣ, такъ и въ пограничныхъ мѣстахъ турецкихъ, при таковыхъ случаяхъ объявляютъ, что они посланы и все дѣлаютъ по указу вашего императорскаго величества, чѣмъ подвергнули татаръ къ пріуготвленіямъ съ своей стороны, которые уже надъ подданными вашего императорскаго величества, крѣости св. Елисаветы купцами, и начали производить свои мщенія, разграбивъ вѣкотрныхъ и одного подстрѣливъ. О таковыхъ обстоятельствахъ я тотчасъ увѣдомленіями господина генераль-аншефа и кіевскаго генераль-губернатора Воейкова подалъ ему совѣты, что какъ на его возложена пограничная вся корреспонденція, то бы онъ немедленно предварилъ сообщеніями своими, кого онъ знаетъ, что дерзнувшіе причинять нападенія въ турецкой области суть своевольные разбойники, а ваше императорское величество высочайшимъ повелѣніями въ томъ нимало не участуете, и потому съ ними поступаемо-бъ было такъ какъ съ злодѣями покуси-

шлись отъ себя на таковыя наглости, а равномѣрно ко истребленію оныхъ и отъ вашего величества взяты потребныя мѣры. И поелику сіи всѣ разбойники называются запорожцами, а при томъ и въ репортѣ прилагаемомъ маіора Вульфа находится, что въ гарду запорожскій писарь Быстрицкій объявилъ, что отъ Сѣчи команды посланы въ Умань, такъ я отправленнымъ теперь же курьеромъ потребовалъ отъ кошеваго атамана Калнишевскаго (не думая, чтобы ему даны были повелѣнія о поискахъ каковыхъ либо, о коихъ-бы мнѣ для вѣдома не предложено, яко несущему должность, по волѣ вашего императорскаго величества, охраненія цѣлости и безопасности въ сихъ мѣстахъ имперіи вашего величества границъ) отвѣта: какъ и для чего команда отъ Сѣчи послана въ Умань? и чтобы онъ воспріялъ строжайшія мѣры къ истребленію разбойниковъ, производящихъ наглости въ Польшѣ и по границѣ турецкой, и увѣдомилъ-бы, съ запорожскихъ-ли оные козаковъ. Содержащимъ-же команду по форпостамъ найдяще подтвердили о наблюденіи, чтобы сіи разбойническія партии не могли пробираться въ Польшу чрезъ новороссійскую губернію обыкновенно себѣ дорогою. Хотя средствами сими, мнѣ кажется, удобно утишить малыя искры въ началѣ ихъ рожденія, могущія иногда возжечь пламя великаго беспокойства, но поелику дикость сихъ народовъ памъ пограничныхъ заставляютъ и въ самомъ лучшемъ времени мирномъ взирать на ихъ недреманнымъ окомъ и мало надѣяться на ихъ благоразсудженіе, я не могу обойтиться, чтобы и при семъ не возобновить моей все-подданнѣйшей просьбы о снабденіи меня, на нынѣшняя обстоятельства и послѣдствія ихъ быть могущія, полнымъ высочайшимъ вашего императорскаго величества повелѣніемъ.—Подпись.

XI.

Донесеніе гр. П. А. Румянцева презъ коллегію иностранныхъ дѣлъ имп. Екатеринѣ II объ истребленіи посланнымъ отъ него въ Украину полковникомъ Протасьевымъ гайдамацкихъ отрядовъ Журбы и Швачки, движеніи ею къ Умани и проч.

Іюля 15 дня. № 703.

Реляція въ коллегію иностранныхъ дѣлъ.

При распоряженіяхъ, кои могъ я учинить на случай дошедшихъ ко мнѣ извѣстій о смятеніяхъ пограничныхъ польскихъ,

произведенныхъ отъ вторгнувшихся туда своевольныхъ запорожскихъ гайдамаковъ, донесено уже отъ меня вашему императорскому величеству всеподданнѣйшею мою реляцію отъ 23 юна, что я принужденъ бытъ, получая всечасно жалостныя извѣстія о умноженіи силы и безчеловѣчныхъ тиранствахъ сихъ разорителей надъ поляками и жидами, командировалъ въ Польшу полковника Протасьевъ съ его полкомъ московскимъ карабинернымъ для истребленія шайки разбойничей. Теперь, долженствуя поднести увѣдомленіе о успѣхѣ отправленной команды, отъ 9 числа текущаго мѣсяца тотъ полковникъ Протасьевъ прислали ко мнѣ репортъ, что онъ, вступивъ въ Польшу, развѣдавши, что собранія таковыхъ разбойниковъ, одно въ числѣ трехъ сотъ человѣкъ въ селѣ Блощинцахъ, въ расстояніи отъ Бѣлой Церкви въ пятнадцати верстахъ, а другое вблизи мѣстечка Богуславля, также въ нѣсколькохъ стахъ человѣкъ, и руководствуютъ оними атаманы: въ первомъ Журба, во второмъ Швачка, учинилъ на ихъ нападенія въ обоихъ мѣстечкахъ и разбилъ сіи обѣ партіи. Въ помянутомъ селѣ Блощинцахъ хотя сіи разбойники покусились было воспротивляться оборонительно, однакожъ не имѣли въ томъ успѣха и ни одного не повредили человѣка; на мѣстѣ ихъ убито до тридцати, да поймано 64 человѣка, проче же разбѣжались; при чемъ взято четыре знамя, двѣ мѣдныхъ пушки и одну черную, да гаковницъ желѣзныхъ пять. Тоже недобѣжая мѣстечка Богуславля настигнутыхъ другой партіи злодѣевъ взято 68 человѣкъ съ двумя знаменами при упомянутомъ атаманѣ Швачкѣ, который послѣ допросовъ показалъ, что они будто отъ запорожского полковника Максима Желѣзняка съ атаманомъ Неживымъ посланы по всей польской Украинѣ для истребленія поляковъ и жидовъ, которыхъ они во многихъ мѣстахъ и перебили; а Желѣзнякъ сюже посылку чинилъ якобы по указу; въ ватагу же ихъ приставали польскіе разнаго званія люди и козаки. Третья же партія, по показанію сего пойманаго атамана, съ атаманомъ Неживымъ нынѣ находится въ Чигиринщинѣ, а самъ полковникъ съ большою партіею въ Уманѣ, куда реченный полковникъ Протасьевъ, съ отправленіемъ ко мнѣ репорта, и взялъ походъ, а я еще ему найвящіе подтвердилъ, чтобы онъ преслѣдовалъ сихъ своевольныхъ злодѣевъ до послѣдняго оныхъ искорененія. Тутъ-же, поелику онъ требовалъ отъ меня резолюціи, что чинить съ отобранными пожитками, которыя опознавши поляки ящутъ, такъ какъ и усмирить собственныхъ

ихъ подданныхъ, дѣлающихъ мучительства и смертное убійство своимъ владѣльцамъ,—я предписалъ: если кто удостовѣритъ истинными доводами, что у него то пограблено, таковыи опознаніе все отдавать за росписками ихъ и свидѣтелей, а во всѣхъ деревняхъ подтверждать объявленія, которыхъ уже отъ его Протасьева тамъ и учичены, чтобы подданные отложили взятый мятецъ съ причины разныхъ внушеній отъ людей своевольныхъ, при чемъ и ожидать можно, что взбунтовавшіесь подданные обратятся конечно къ прежнему послушанію, увидѣвъ, что ободрившіе ихъ на возмущеніе истребляются, какъ злодѣи погубленія достойные. Кромѣ же объявленныхъ разбойническихъ партій, въ той окружности противныхъ конфедератскихъ сборищъ онъ полковникъ ни собою, ни по слуху, не примѣтилъ; а пойманыхъ разбойниковъ, числомъ 137 человѣкъ, отправилъ онъ, Протасьевъ, всѣхъ за карауломъ въ Кіевъ къ господину генералъ-аншефу и кіевскому генералъ-губернатору Воейкову. О чемъ всеподданнѣйше доношу. Вашего императорскаго величества всеподдавнѣйший рабъ. — *Слѣдуетъ подпись.*

(Продолженіе будетъ).

Библіографія.

Очеркъ исторіи западно-русской церкви. И. Чистовича. Часть первая. Спб. 1882 г. Стр. 1—220.

Задачею почтенного автора настоящаго труда было, по его объясненію, „изложить въ краткомъ и сжатомъ очеркѣ послѣдовательный ходъ событий исторіи западно-русской церкви“. Разумѣется здѣсь исторія русской церкви въ предѣлахъ юго-западной и западной Руси, начиная со времени первоначального отдѣленія этой части ея отъ единства съ остальной русской церковью до послѣдовавшаго разновременно воссоединенія ея съ нею. Выясняя свой взглядъ на судьбы и характеристическая черты отдѣльной исторической жизни западно-русской церкви и останавливаясь на фактѣ отдѣлевія южно-русской митрополіи отъ съверной, авторъ основательно замѣчаетъ: „но существенные особенности, отличавшія западно-русскую церковь отъ съверо-восточной, заключались не въ отдѣльной митрополіи, которая сама по себѣ образовала-бы только другой центръ церковнаго управлениія въ Россіи, не измѣнія общаго положенія дѣлъ, а въ тѣхъ формахъ церковной жизни, которые развились въ ней подъ вліяніемъ ея особыхъ условій и отношеній политическихъ и религіозныхъ“. Важнѣйшими изъ этихъ условій были: въ политическомъ отношеніи — подчиненіе западно-русскихъ земель, послѣ короткаго владычества князей изъ русскаго княжескаго рода Владимира Великаго, власти литовскихъ князей и затѣмъ литовско-польскому и польскому владычеству, въ церковно-религіозномъ отношеніи тѣ многочисленныя и разнообразныя вліянія со стороны римско-католической церкви, подъ которыхъ подпада южно-русская церковь, находясь подъ государственнымъ управлениемъ властей римско-католического исповѣданія

и затѣмъ, со времени унії, въ самой большей части ея подъ управлениемъ іерархіи, признавшій надъ собою власть римскаго первосвященника. Въ это время въ той части ея, которая осталась вѣрною православію, особенно развилось чувство народной силы и вмѣстѣ такие способы ея защиты, какіе были не извѣстны съ-веро-восточной Руси. Проходящая чрезъ всѣ эти историческіе фазы народной южно-русской жизни борьба за народность и существенный элементъ ея, вѣру, соединенный съ борьбою страданія, паденіе или измѣна однихъ, стойкость, величие духа или терпѣливость другихъ—все это принадлежитъ къ особенностямъ, вызваннымъ въ религіозной жизни южно-русскихъ областей ихъ особыми историческими обстоятельствами.

Сообразно съ такимъ взглядомъ на судьбу исторической жизни западно-русской церкви, поясненнымъ у автора еще нѣкоторыми замѣчаніями относительно главнѣйшихъ опредѣляющихъ событий въ этой жизни, содержаніе „Очерка исторіи“ ея представляется въ слѣдующемъ видѣ:

I. Галицко-владимірское княжество и галицкая митрополія. Соединеніе владимиро-волынскаго и галицкаго княжествъ въ одно и образованіе первого значительного южно-русскаго княжества. Первыя попытки къ образованію отдѣльной митрополіи въ галицко-волынскомъ княжествѣ. Стремленія дома къ подчиненію себѣ южно-русской церкви.

II. Литовско-польское владычество въ южной и западной Руси.

1) Митва и Польша: знаменитые князья литовскіе: Гедиминъ, Ольгердъ, Витовтъ. Православная вѣра въ Литвѣ. Политическій составъ коренной Польши. Начало христіанства въ Польшѣ. 2) Южно-русскія и западно-русскія земли, вошедшия въ составъ Литвы и Польши. 3) Распространеніе латинства въ южной Руси и основаніе латинскихъ епископскихъ кафедръ. 4) Соединеніе Литвы съ Польшею при Ягайлѣ. Великіе князья литовскіе. Ягеллоны на престолѣ польскомъ и великаго княжества литовскаго: Казимиръ, Александръ, Сигизмундъ 1, Сигизмундъ-Августъ. Люблинская унія. Избирательное правленіе. 5) Реформація въ Литвѣ и южной Руси. 6) Образованіе въ литовско-польскомъ государствѣ до іезуитовъ и при іезуитахъ. Краковская академія. Виленская іезуитская академія. Замойская академія.

III. Западно-русская митрополія. 1) Бывшіе въ XIV в. попытки къ учрежденію въ Литвѣ и галицкой Руси особыхъ митрополій. Образованіе западно-русской митрополіи. 2) Составъ ея и епархій.

Митрополичья епархія, составъ ея, преемство митрополитовъ. Епархіи: смоленская, черниговская, полоцкая и пинско-турковская. Православныя епархіи на Волыни: владиміро-брестская и луцко-острожская. Православныя епархіи въ русскихъ областяхъ подъ польскимъ владычествомъ: холмская, галицкая и перемышльская. 3) Управление западно-русской церкви до брестской унії: охраны церковного управлени; церковный судъ; неприкосновенность святительского суда. Патровать. Соборы западно-русской церкви въ XVI в. Недвижимыя имущества ея. 4) Состояніе просвѣщенія въ южной и западной Руси въ XV и XVI в. Училища, типографіи и печатаніе книгъ. Памятники духовнаго просвѣщевія. Труды князя Курбскаго. Полемическія сочиненія старца Артемія. Біблія Скорины. Острожская біблія.

Новый трудъ г. Чистовича имѣеть несомнѣнное значеніе прежде всего по своей задачѣ. У насъ вътъ недостатка въ монографіяхъ и изслѣдованіяхъ, посвященныхъ тѣмъ или другимъ частямъ и сторонамъ, лицамъ и событиямъ западно-русской церковной исторіи. Но трудъ г. Чистовича, предположившаго въ краткомъ и сжатомъ очеркѣ изложить весь послѣдовательный ходъ событий этой исторіи въ цѣломъ объемѣ ея, будеть первымъ этого рода опытомъ. Въ связи съ такимъ характеромъ его, какъ „краткаго и сжатаго очерка“ находится и учено-литературное и научно - педагогическое достоинство его. „Если предлагаемый очеркъ, говорить авторъ, не заключаетъ въ себѣ результатовъ изученія всѣхъ многочисленныхъ и разнообразныхъ источниковъ и памятниковъ западно-русской исторіи и относящихся къ ней ученыхъ изслѣдований, то во всякомъ случаѣ онъ представляеть, основанное на изученіи этихъ памятниковъ, довольно полное изображеніе исторической судьбы западно - русской церкви“. Почтенный авторъ имѣеть полное основаніе для такой характеристики своего труда. Достоинство его, какъ краткаго и сжатаго очерка, восполняется отчетливымъ обозначеніемъ и опредѣленіемъ важнѣйшихъ условій въ отношеній, подъ влияниемъ которыхъ своеобразно слагалась, и важнѣйшихъ историческихъ фазисовъ, чрезъ которые проходила отдельная историческая жизнь южно - и западно-русской церкви. Цѣльная описанія и живыя характеристики отдельныхъ событий, явлений и лицъ не могутъ быть повсюду обязательны въ такомъ сочиненіи, какъ настоящее. Но мѣстами они есть и здѣсь, то въ самомъ текстѣ, то въ примѣчаніяхъ. Не всегда авторъ ссылается на первые источники или лучшія и болѣе подходящія изданія ихъ,

но во многихъ случаяхъ онъ самостоятельно провѣряетъ какъ свидѣтельства памятниковъ, такъ и мнѣнія изслѣдователей, выражаю впрочемъ не самый процессъ, а только результатъ такой проповѣдки, говоря вообще, основательной. Осторожный на предположенія, авторъ позволяетъ себѣ ихъ только изрѣдка, напримѣръ относительно названія „Вѣлая Русь“, какъ на часть Руси, которая никогда не подпадала татарскому владычеству, оставаясь за все время его свободною или „бѣлою“. Авторъ принимаетъ предположеніе о раннемъ, еще въ XII в., появленіи въ Полоцкѣ, вѣкогда главномъ городѣ Бѣлоруссіи, династіи литовскихъ князей. Но, говоря о полоцкой епархіи, онъ удержался отъ объясненія факта раннаго возышенія здѣшней епископіи на степень архіепископіи и вмѣстѣ съ тѣмъ возышенія полоцкаго іерарха до степени перваго, послѣ митрополита, іерарха въ ряду южно—и западно-русскихъ епископовъ, а также факта сильнаго умноженія здѣсь монастырей и широкихъ притязаній полоцкаго земства и горожанъ на участіе въ церковныхъ дѣлахъ. Къ концу „Очерка“ полнѣе могъ бы быть, по нашему мнѣнію, отдѣль о состояніи просвѣщенія въ южной и западной Руси въ XV и XVI в. Между прочимъ, болѣе вниманія заслуживалъ бы и фактъ непрерывнаго существованія начального школьнаго обученія при многихъ приходскихъ, особенно патроватскихъ, церквяхъ, также городскихъ и монастырскихъ. Не лишни были бы также указанія на вѣкоторые религіозно церковные обычаи, усматриваемые въ западной Руси въ XV и XVI в., какъ продолжавшееся развиваться или формироватья наслѣдіе прошлаго, перешедшее въ тѣхъ же или видоизмѣненныхъ формахъ и въ послѣдующее время. Впрочемъ эти и подобныя требованія выходятъ отчасти уже за предѣлы задачи, принадлежавшей „Очерку“. Въ предѣлахъ своей задачи, онъ обработанъ такъ основательно и удачно, что возбуждаетъ желаніе видѣть продолженіе этого очень почтеннаго и полезнаго труда.

И. М.

*Акты, относящіяся къ исторіи южной и западной Россіи, собраны и изданные археографической комиссию. Томъ двѣнадцатый.
С.-Петербургъ. 1882 г.*

Мы считаемъ излишнимъ говорить о значеніи и научной важности для исторіи юго-западной Руси этого прекраснаго изданія: оно слишкомъ известно всѣмъ занимающимся исторіей

этого края. Вышедший нынѣ томъ обнимаетъ документы относящіеся только къ исторіи двухъ лѣтъ, 1675—1676; въ составъ его вошли 224 документа, извлеченные изъ архивовъ министерствъ: иностранныхъ дѣлъ и юстиціи и редактированные Н. И. Костомаровымъ. Документы эти относятся къ двумъ послѣднимъ годамъ гетманства Петра Дорошенка и серія ихъ заканчивается сдачею и выселеніемъ изъ Чигрина этого гетмана. Впрочемъ содержаніе изданныхъ актовъ до нѣкоторой степени извѣстно лицамъ, занимающимся исторіей южной Руси, такъ какъ они послужили главнымъ материаломъ при составленіи Н. И. Костомаровымъ его монографіи, изданной подъ заглавіемъ: „Руина“. Для исторіи города Киева имѣть специальное значеніе документъ, помѣщенный подъ № 102. Это дѣло относящееся къ утвержденію въ должности царемъ киевскаго войта Ждана Тадрины и списокъ статей, поданныхъ въ приказъ малороссійскій этимъ войтомъ отъ имени города, въ которыхъ изложены обиды, претерпѣваемыя городомъ отъ ратныхъ людей и воеводъ и просьба о ихъ воз-
держаніи.

В. А.

Разысканія о началѣ Руси, Д. Иловайского, изданіе второе, исправленное и дополненное, съ присоединеніемъ вопроса о гуннахъ.

Москва, 1882.

Книга имѣетъ цѣллю опровергнуть норманнское происхождение русского государства и доказать славянское происхождение Руси, дунайскихъ болгаръ и гунновъ. Туземное происхожденіе Руси, между прочимъ, доказывается „тяготѣніемъ нашей первоначальной исторіи и самаго имени Русь къ югу, а не къ сѣверу. Русью называли себя преимущественно обитатели Приднѣпровья, а новгородцы называли себя славянами. Русскимъ называлось Черное море, а варяжскимъ Балтийское, что прямо указываетъ на совершенно различное географическое положеніе варяговъ и russovъ. Изъ иностранныхъ извѣстій IX и X вѣковъ чаще другихъ называвіе Русь встрѣчается именно на юго-востокѣ, т. е. у арабскихъ писателей“. Но не всѣ доказательства, приводимыя г. Иловайскимъ въ опроверженіе теоріи норманизма и въ подтвержденіе того, что Русь была искони народомъ туземнымъ и что она сама основала свое государство, имѣютъ одинаковую твер-

дость. Норманисты обыкновенно указывают на русскія названія пороговъ днѣпровскихъ у Константина Багрянородного и объясняютъ эти названія изъ нарѣчій скандинавскихъ. Противъ нихъ г. Иловайскій старается доказать только, что эти названія могутъ быть объясняемы изъ языка славянскаго. Почему-то авторъ не хотѣлъ воспользоваться и археологическими доказательствами исключнаго существованія русскихъ славянъ на нынѣшнемъ югѣ Россіи. Въ заключеніе, считаемъ не лишнимъ указать здѣсь на мало извѣстную попытку К. Шейковскаго объяснить названія пороговъ днѣпровскихъ у Константина Багрянородного изъ славянскихъ нарѣчій. Попытка эта сдѣлана въ неизданной диссертациіи *pro venia legendi* К. Шейковскаго и известна только по официальному отзыву о ней въ протоколахъ кіевской духовной академіи 19 марта, 1871 года. По словамъ г. Шейковскаго, славянскій міръ еще въ доисторическую эпоху распался на двѣ группы. Характеристическимъ лингвистическимъ признакомъ первой былъ консонантизмъ, а второй—вокализмъ. Первую составляли склавины, а вторую анты. Тѣ и другіе развѣтились изъ одного народа, называвшагося спорами. Изъ русскихъ племенъ къ первой группѣ принадлежали поляне и древляне, у коихъ, равно какъ и у новгородцевъ, и теперь преобладаетъ консонантизмъ; къ типу антовъ, въ языкахъ которыхъ былъ вокализмъ, принадлежала Русь при Черномъ морѣ, откуда она дѣлала нападенія на Константинополь. Этимъ двумъ группамъ славянскихъ племенъ, склавинамъ и антамъ, соотвѣтствуютъ и двойные названія днѣпровскихъ пороговъ у Константина Багрянородного. Онь приводить русскія и славянскія названія этихъ пороговъ. Славянскія названія отличаются неполногласіемъ или консонантизмомъ, а русскія полногласіемъ или вокализмомъ. Тѣ и другія Багрянородный переводить на греческій изыскъ, какъ тождественные по значенію, но отдаетъ предпочтеніе русскимъ названіямъ пороговъ, какъ настоящимъ названіямъ. А Русь, жившая у береговъ Чернаго моря, это-де южоруссы, принадлежавши къ антской отрасли славянъ, отличающихся полногласіемъ или вокализмомъ; слѣдов., къ объясненію названій пороговъ днѣпровскихъ должно быть призвано и южорусское нарѣчіе. Константинъ Багрянородный приводить и объясняетъ названія семи днѣпровскихъ пороговъ: 1) *Ессупи*, что значитъ „не спи“; 2) по-русски *Ульворси*, а по славянски *Островунипрахъ*, что значитъ „порогъ острова“; 3) *Гелянди*, что значитъ „звукъ порога“; 4) по-русски *Айфарь*, а по славянски *Айфаръ*.

вянски *Неясъть*, „потому что въ скалахъ его водятся пеликаны“; 5) по-русски *Варуфоросъ*, а по-славянски *Вулнипрахъ*, что значить „кипѣніе жидкости“; 6) по-русски *Леанти*, а по славянски *Веручи*, и 7) по-русски *Струбунъ*, а по-славянски *Напрези*, что толкуется „малый порогъ“. Для объясненія русскихъ названій всѣхъ этихъ пороговъ г. Шейковскій употребляетъ полногласныя формы южнорусского нарѣчія, а для объясненія славянскихъ названій ихъ, неполногласныя формы славянскаго, приѣтомъ онъ подбираетъ для объясненія русскихъ названій пороговъ такія южнорусскія слова, которыя-бы не только были созвучны приводимымъ у Багрянороднаго названіямъ, но и по значенію своему соотвѣтствовали бы даваемому Багрянороднымъ толкованію ихъ. Такимъ образомъ, первый порогъ, называемый у Багрянороднаго *Ессупи* объясняется южнорусскимъ словомъ *не сопи* (отъ сопѣть); второй порогъ, называемый по-русски *Ульворси*, а по-славянски *Островунипрахъ*—южнорусскимъ *Гуль-поріз* и славянскимъ *порогъ острова*; третій порогъ *Галянди* южнорусскимъ *халяндра*, означающимъ родъ пѣсни и танца подъ пьяную руку; четвертый порогъ, называемый по-русски *Айфоръ*, а по-славянски *Несъсть*, южнорусскимъ *гайваронъ* или *гайворонъ*; пятый порогъ, называемый по-русски *Варуфоросъ*, а по-славянски *Веручи* (съ перестановкою славянскаго названія съ пятого мѣста на шестое, и наоборотъ) южнорусскимъ *варипорогъ*, т. е. такой порогъ, при которомъ вода какъ-бы кипитъ, славянскимъ *врълющъ*, врѣющи; шестой порогъ, называемый по-русски *Леанти*, а по-славянски *Вулнипрахъ* объясняется южнорусскимъ *лянчъ*, *мячъ*, т. е. льющий, и славянскими *волна* и *порогъ*; седьмой порогъ, называемый по-русски *Струбунъ*, а по славянски *Напрези*, объясняется южно-русскимъ *Стрибунъ*, т. е. прыгунъ, и славянскимъ *Напражинъ*.

Предоставляемъ специалистамъ судить обѣ этой теоріи г. Шейковскаго, намъ-же она представляется если и не лишеною нѣкотораго основанія, то во всякомъ случаѣ недостаточно выясненою и не чуждою натяжеекъ, иногда совершенно излишнихъ и довольно странныхъ, каковы напримѣръ объясненія слова *Айфоръ* словомъ *гайворонъ*, или названія *Леанти* едва-ли существующими южно-русскими словами: *лянчъ*, и *мячъ*. Не говоримъ о такихъ промахахъ, какъ упущеніе известнаго названія четвертаго порога словомъ *Ненасытецъ* и название цыганской *халянды* южно-русскимъ танцемъ.

Н. П.

Русская историческая бібліографія за 1865—1876 г. включительно.

В. И. Межова. Т. I и II. С.-Петербургъ. 1882.

Настоящій трудъ извѣстнаго русскаго бібліографа В. И. Межова составляеть отчасти предисловіе „Исторической бібліографіи“ гг. Ламбинаыхъ, состоящей изъ 9-ти томовъ и обнимающей время съ 1855 по 1864 годъ. Появившіеся два тома „Русской исторической бібліографіи“ г. Межова составляютъ только часть огромнаго труда, долженствующаго состоять изъ семи объемистыхъ томовъ. Въ первый томъ вошли: источники и материалы (историческіе акты и документы), исторія Россіи вообще и по царствованіямъ въ особенности, исторія областей и губерній, историческая этнографія и исторія инородцевъ; во второй томъ вошли—жизнеописанія русскихъ дѣятелей и материалы для біографическаго словаря. Заключая въ себѣ общій научный интересъ, „Русская историческая бібліографія“ г. Межова имѣетъ близкое отношение и къ исторіи южной и юго-западной Россіи. Кроме отдельныхъ №№, у г. Межова есть цѣлые отдѣлы, посвященные исторической бібліографіи южной и юго-западной Россіи, напр., „сборники актовъ, относящихся къ губерніямъ и областямъ Россіи“, „исторія составныхъ частей Россіи—областей и губерній“, напр., виленской, витебской, волынской, кіевской, подольской, полтавской, харьковской, черниговской и др. Особенного же вниманія заслуживаютъ два отдѣла: „Малороссія, Запорожье, казачество и южная Русь“ и „Литва, Бѣлоруссія, съверо и юго-западный край“.

Н. П.

Ізвѣстія и замѣтки

(историческая, этнографическая и историко-литературная).

ТАРАСЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ШЕВЧЕНКО.

(Нѣкоторыя дополненія и поправки къ его біографіи).

Въ прошломъ мѣсяцѣ вышла въ Кіевѣ книга: *Жизнь и произведения Тараса Шевченка*, М. К. Чалаго, обратившая уже на себя вниманіе читающей публики богатствомъ сообщаемыхъ ею новыхъ материаловъ для біографіи и характеристики поэта. На нашъ взглядъ и въ этой книгѣ, какъ и во всемъ, что писано было о нашемъ поэты, начиная съ его автобіографіи, помѣщенной когда-то въ „Народномъ Чтеніи“, есть еще довольно пробѣловъ и неточностей; ихъ-то мы и хотимъ дополнить и поправить нашими личными воспоминаніями о покойномъ Тарасѣ Григорьевичѣ, нашемъ близайшемъ землякѣ, который былъ извѣстенъ намъ въ то еще время, когда никто не могъ прозрѣть въ немъ великаго поэта и когда онъ былъ просто „наймитчукомъ“ у о. Григорія Кошица, приходскаго своего пастыря, и погонялъ его буланую юбылу.

С. Кириловка, въ которомъ родился Т. Г. Шевченко, принадлежало къ составу ольшанского имѣнія, доставшагося племяннику свѣтлѣйшаго князя Гр. А. Потемкина-Таврическаго, дѣйств. тайному совѣтнику Василью Васильевичу Энгельгарту. Послѣдніе годы своей жизни В. В. Энгельгарть провелъ въ м. Ольшаной, гдѣ у него былъ большой деревянный домъ съ тѣнистымъ паркомъ, псовая охота и оркестръ, для помѣщенія коего построенъ былъ цѣлый рядъ домиковъ, выходившій на базарную площадь, противъ помѣщичьяго дома.

Баринъ жилъ и умеръ холостякомъ, но имѣлъ двухъ сыновей отъ нѣкоей метрессы польки или нѣмки, которая похоронена въ с. Кирилловкѣ, съ сѣверной стороны приходской православной церкви. Ольшана съ Тарасовкой, Зеленої, Вербовкой, Вороновкой и Сигидинцами, перешла къ В. В. Энгельгарту по наслѣдству отъ Потемкина, а Кириловка, Гнилецъ, Петрики, Моринцы и Пединовка имъ куплены. По смерти Василія Васильевича, въ 1830 г., ольшанское имѣніе перешло къ родной его сестрѣ Александрѣ В. Браницкой, а Кириловка, Моринцы и другія благопріобрѣтенныя села вмѣстѣ съ капиталами покойнаго, составили собственность незаконнорожденныхъ его сыновей, изъ коихъ полковникъ гвардіи Павелъ Васильевичъ Энгельгарть сталъ владѣльцемъ Кириловки и помѣщикомъ Тараса Шевченка.

При жизни В. В. Энгельгарта управляющимъ всего ольшанского имѣнія былъ нѣкто Дмитренко, православный, а конторщикомъ или секретаремъ его канцеляріи въ Ольшаной—Федоръ Штанько, огромнаго роста басъ; дѣлопроизводство все велось на русскомъ языке. По смерти В. В. Энгельгарта, управляющими являлись уже поляки, которые привели съ собою цѣлую фалангу своихъ сосплеменниковъ, получившихъ должности экономовъ, лѣсничихъ, писарей и т. под., вмѣстѣ съ тѣмъ въ экономическомъ управлениіи введено дѣлопроизводство на польскомъ языке, что продолжается и нынѣ. Кириловка, Моринцы, Сигидинцы и Пединовка представляютъ изъ себя и нынѣ обширный лѣсь садовъ, наполненныхъ большими яблоневыми, грушевыми, сливными и черешневыми деревьями. Ольшана, Зеленая и Тарасовка менѣе богаты садами. Крестьяне Энгельгарта жили въ полномъ достаткѣ, пользуясь своими большими садами, ливадами и прудами и отбывая нетяжелую барщину, введенную Энгельгартомъ. Хаты крестьянскія были построены въ замки изъ дубовыхъ, липовыхъ и берестовыхъ брусьевъ, съ хорошими при нихъ клунями, дворами, которые обнесены были высокимъ дубовымъ частоколомъ. Тяжесть барщины и обѣдненіе крестьянъ появились съ переходомъ ольшанского имѣнія во владѣніе А. В. Браницкой, подъ управлениемъ поляковъ.

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко родился на свѣтѣ при В. В. Энгельгартѣ, когда въ ольшанскомъ имѣніи польского духу и польской рѣчи не было и въ поминѣ и когда живы были еще воспо-

минанія о гайдамачинѣ, о набѣгахъ крымскихъ татаръ, о сожжениі въ Ольшаной Даніила Кушнира и другія. Въ раннемъ дѣтствѣ разстался онъ съ сестрой Катериной, которая вышла замужъ въ с. Зеленую за крестьянина Антона Крисицкаго, высокаго и стройнаго мужчину, бывшаго сосѣдомъ моего отца. По ея рассказамъ не разъ Тарасъ прибѣгалъ къ ней и въ Зеленую пѣшкомъ, босой и полунагой, со всякой нечистью въ головѣ, бродя изъ села въ село, почему она называла его „приблудой“.

Первый учитель Тараса Г. Шевченка, стихарный дѣячекъ с. Кириловки, Петръ Феодоровичъ Богорскій, былъ сынъ священника с. Верещакъ, учился въ бывшей киевской академіи до средняго класса риторики, а, по изученіи при архіерейскомъ хорѣ церковнаго устава и нотнаго пѣнія, въ 1824 г. опредѣленъ дѣячкомъ въ с. Кириловку; въ 1827 г. онъ имѣлъ отъ роду 27 лѣтъ. Онъ-то пріютилъ и просвѣтилъ книжною мудростію блуждавшаго по селу Тараса и ввелъ въ связь съ діакономъ м. Лысянки маляромъ, дѣячкомъ с. Тарасовки, маляромъ с. Хлипновки и другимъ грамотнымъ людомъ, стоявшимъ выше крестьянской среды. По свидѣтельству покойнаго священника с. Кириловки, о. Григорія Кошица, Богорскій самъ добровольно принялъ къ себѣ Тараса и никто ему за него ничего не платилъ. Какимъ нибудь горькимъ пьяницей онъ не былъ, хотя на требахъ и въ обществѣ не отставалъ въ выпивкѣ отъ своихъ прихожанъ. И потому Тарасъ Григорьевичъ, оставившій своего учителя по сей части далеко позади себя, излишне рисуетъ его въ своихъ воспоминаніяхъ отчаяннымъ пьяницей и напрасно не помянулъ его хотя однимъ словомъ благодарности. Не возьми его Богорскій къ себѣ въ науку, Тарасъ вѣрно затерялся бы въ числѣ другихъ сельскихъ дѣтей. Что дѣячекъ посыпалъ Тараса читать псалтырь надъ покойниками, за это нельзя его осуждать: таковъ былъ общиі въ церковныхъ школахъ обычай, чрезъ который мальчики приобрѣтали навыкъ въ чтеніи; обычай этотъ нравился самимъ родителямъ дѣтей, а дѣячка облегчалъ въ исполненіи лежавшей на немъ обязанности, служа нѣкоторымъ возмездіемъ за даровое обученіе. А если вспомнить обычай и городскихъ училищъ того времени, гимназій и пансіоновъ, въ которыхъ не щадили лозы для шалуновъ дѣтей, то нечего удивляться, что дѣячекъ Богорскій не особенно

нѣженъ бытъ съ мальчикомъ такъ прорезливаго и не постояннаго нрава, какимъ бытъ Тарасъ Шевченко во время своего дѣтства.

Въ домѣ священника Іоанна Нестеровскаго Тарасъ не жилъ и ничему не учился у него, да и не могъ учиться, такъ какъ Нестеровскій былъ уже старъ для того, чтобы учить грамотѣ, а жилъ онъ нѣкоторое время у другаго священника той-же кирилловской церкви о. Григорія Кошица, исполняя обязанности хлопца - погоныча, присматривавшаго за скотинкой и запрягавшаго буланую и широкохвостую кобылу его, что вспоминалось и впослѣдствіи, во время двухъ приѣздовъ Тараса Гр. въ Кириловку въ 1845 и 1858 г. Нокойная жена о. Григорія передавала намъ, что, находясь въ ея домѣ, Тарасъ въ зимніе вечера всегда въ кухнѣ что-нибудь читалъ про себя, какъ грамотный мальчикъ, а, по словамъ о. Григорія, Тарасъ въ кухнѣ его выучилъ двѣ каѳизмы изъ псалтыря. Полагаемъ, что въ домѣ о. Григорія Тарасъ Гр. не былъ ничѣмъ обиженъ, такъ какъ о. Григорій былъ человѣкъ весьма достаточный, имѣвшій хорошее хозяйство и два большихъ сада при домѣ, а жена его была очень добрая женщина,—оба-же они вели жизнь довольно патріархальнуу, проводя дни и вечера вмѣстѣ съ своею прислугою въ большой чистой кухнѣ, занимавшей половину дома, и только для отдыха и приема гостей отдавались отъ своихъ слугъ въ свои свѣтлицы, состоявшія изъ двухъ небольшихъ комнатъ на другой половинѣ дома. Впрочемъ, отзывы о. Григорія были не въ пользу Тараса Григорьевича: онъ и въ послѣдствіи называлъ его все-таки „ледающимъ“, т. е. неспособнымъ къ какому-либо хозяйственному дѣлу. Хотя я бывалъ часто въ домѣ о. Григорія Кошица, сынъ котораго, Иванъ, учился вмѣстѣ со мною и моими братьями въ богуславскомъ училищѣ иѣздила туда на оной буланой кобылѣ, но, къ сожалѣнію, не примѣтилъ я тогда ея погоныча, въ душѣ котораго таился поэтическій геній. Отъ о. Григорія Тарасъ взять къ управляющему въ прислугу и вскорѣ отправленъ въ Вильну къ Энгельгарту.

Жители селъ смежныхъ съ Ольшаной, особенно женщины, предпринимаютъ иногда путешествіе въ лебединскій „панянскій“ (дѣвичій) монастырь, отстояющій отъ Кириловки на 35 верстъ. Монастырь этотъ, съ церковью во имя св. Николая, основанъ въ 1779 г. тремя вышедшими изъ Молдавіи монахинями Трифілліею, Дарьей и Февроніей, а церковь устроена при участіи первого ектора изъ

крестьянъ, Николая; мужскимъ онъ никогда не былъ, въ 8-ми же верстахъ отъ него, въ концѣ с. Лебедина, существовалъ до 1840 г. отдельный мужской лебединскій георгіевскій монастырь, основанный въ 17 вѣкѣ и упраздненный въ 1845 году при митрополитѣ киевскомъ Филаретѣ. Съ событиями 1768 года ни тотъ, ни другой монастырь ни въ какой связи не состояли. Мотренинскій монастырь, называемый у г. Чалаго лебединскимъ, гдѣ по преданію гайдамаки освятили свои ножи предъ Колівщиною 1768 г., находится въ 40 верстахъ далѣе лебединскаго монастыря, близъ м. Жаботина, въ мотренинскомъ лѣсу. Такимъ образомъ въ разсказѣ о путешествіи Тараса въ лебединскій монастырь г. Чалый смѣшалъ три монастыря въ одинъ. Неудивительно, онъ говорить по преданію, или по слуху...

И. М. Сошенко, открывшій Тарасу Гр. дорогу къ высшему образованію, былъ родомъ изъ мѣстечка Богуслава киевской губерніи, отстоящаго на 40 верстъ отъ с. Кириловки, сынъ мѣщанина, и до поступленія въ академію художествъ учился живописи въ м. Ольшаной у шляхтича Превлоцкаго, довольно хорошо живописца, котораго не нужно смѣшивать съ маляромъ Исидоромъ Превлоцкимъ, жившимъ въ с. Таращѣ каневскаго уѣзда и украшавшимъ церкви и дома священниковъ всего околотка своею весьма немудрою кистью. Ольшана для Сошенка была особенно близкимъ и памятнымъ мѣстомъ, гдѣ, по порученію Превлоцкаго, имъ написана была псовая охота на заборѣ и воротахъ Энгельгартовой псарни,—по улицѣ, которою проѣзжаютъ изъ с. Зеленої въ м. Ольшану; видомъ этой охоты всякий разъ любовался и я въ дѣтствѣ. О своемъ первомъ знакомствѣ съ Тарасомъ Гр. Сошенко передавалъ мнѣ иначе, чѣмъ сказано у г. Чалаго. Лѣтомъ, въ одинъ изъ лунныхъ петербургскихъ вечеровъ, прогуливаясь въ лѣтнемъ саду, Сошенко замѣтилъ, что какой-то оборвышъ, въ затрапезномъ пестрядиномъ халатѣ, босой и безъ шапки, копируетъ карандашемъ одну изъ статуй, украшающихъ аллеи сада. Замѣтивъ южный типъ физиономіи, Сошенко полюбопытствовалъ взглянуть на его работу. Зайдя сзади, онъ увидѣлъ, что рисунокъ весьма не дурень; тогда ударивъ юнаго художника по плечу, Сошенко, спросилъ: „звидкиль, земляче?—„Зъ Вилшанои“, отвѣтилъ халатникъ. „Якъ—зъ Вилшанои? Я самъ зъ Вилшанои“, сказалъ Сошенко и, заинтересовавшись землякомъ, узналъ въ этомъ халатникѣ Тараса Шевченка, крѣпостнаго

Павла В. Энгельгарта, ~~законтрактованного~~ Ширяеву въ работники для окраски крыши и заборовъ. До ~~настѣннаго~~ случая онъ о Тарасѣ ни отъ кого не слышалъ. Землячество, ~~несомнѣнныи~~, талантъ и жалкая обстановка Тараса тронули Сошенка, и онъ рѣшился собрать о немъ сначала свѣдѣнія, а потомъ представить его своему профессору, чрезъ котораго позволено было Тарасу Гр. посѣщать частно академію художествъ, а въ послѣдствіи онъ представленъ былъ В. А. Жуковскому, воспитателю покойнаго Государя Императора Александра Николаевича.

О погребеніи Т. Г. Шевченка хлопоталъ въ Кіевѣ названный его братъ Варѳоломей Г. Шевченко. Совѣщанія по сему предмету шли у М. К. Чалаго, исправлявшаго тогда должность директора 2-ї кіевской гимназіи. Въ виду начинавшихся тогда польскихъ и украинофильскихъ движеній признавалось затруднительнымъ выполнять желаніе Петербурга или громады похоронить Тараса Г. на берегу Днѣпра, за г. Каневомъ, гдѣ предполагалъ поэту устроить свою усадьбу. Высказаны были и другія основанія, по которымъ не слѣдовало лишать народнаго поэта погребенія на общемъ христіанскомъ кладбищѣ. Поэтому полагали похоронить его тѣло на Щекавицкой горѣ. Наконецъ принято, для избѣжанія всякихъ демонстрацій при этомъ погребеніи со стороны учащейся молодежи, приготовить могилу въ выдубецкомъ монастырѣ и препроводить туда гробъ покойника въ большой лодкѣ прямо съ черниговскаго берега, по прибытии къ цѣпному мосту. В. Г. Шевченко уже вошелъ было въ соглашеніе по сему предмету съ настоятелемъ монастыря. Но случилось иное. Мая 6, въ субботу, около 4-хъ часовъ по полудни, явился ко мнѣ въ квартиру, на Хоревой улицѣ Подола, В. Г. Шевченко съ пономаремъ кіево-подольской христорождественской церкви за разрѣшеніемъ моимъ, какъ благочиннаго, внести гробъ Т. Г. Шевченка въ эту церковь, заявивъ, что гробъ уже слѣдуетъ въ городъ по цѣпному мосту; но что настоятель церкви не считаетъ себя въ правѣ принять его въ церковь безъ разрѣшенія духовнаго начальства; при этомъ названный братъ объявилъ мнѣ твердое намѣреніе уполномоченныхъ петербургскаго общества выполнить точно волю покойника относительно погребенія его на горѣ между г. Каневомъ и Пекарами.

Согласно существующимъ законоположеніямъ, своею благочинническою властію я не могъ разрѣшить внести въ церковь тѣло покойника, о препровожденіи коего изъ Шетербурга въ кіевскую губернію не было получено епархіальнымъ начальствомъ увѣдомленія отъ министра внутреннихъ дѣлъ, и потому предложилъ В. Г. Шевченкѣ юхать со мною къ митрополиту Арсенію для предъявленія открытаго листа, выданнаго министерствомъ на перевезеніе тѣла, а чтобы задержать шествіе съ гробомъ, мы отправились въ лавру набережнымъ путемъ по шоссе. Предъ башennыми воротами на шоссе мы встрѣтились съ гробомъ, который везли студенты и другая молодежь, снявши шапки. Тяжелый свинцовый гробъ былъ въ деревянномъ ящикѣ, на дорогахъ, и покрытъ большими покрываломъ изъ червоной китайки, на которой виднѣлось множество вѣнковъ и цвѣтовъ. По предложенію нашему юношество обѣщало остановиться здѣсь и ждать разрѣшенія на дальнѣйшее слѣдованіе въ городъ, что и исполнено. Митрополитъ былъ уже въ своей мольельной для слушанія всенощной, начавшейся въ крестовой церкви при его покояхъ, но по докладу объ особенному дѣлѣ, по которому явился благочинный, принялъ меня. Просмотрѣвъ открытый листъ и выслушавъ мой докладъ, владыка сказалъ: „поѣзжайте къ генеральному губернатору и доложите, что съ моей стороны нѣть препятствій“, но при этомъ велѣлъ мнѣ быть въ христорождественской церкви безотлучно, возложа на меня отвѣтственность за всякий могущій произойти беспорядокъ. Князь Васильчиковъ встрѣтился со мною на крыльцѣ, при выходѣ его съ семействомъ для прогулки. Послѣ краткаго моего доклада о дѣлѣ, по которому я прибылъ, князь отвѣтилъ еще короче: „стало, пусть внесутъ въ церковь“. Съ этимъ отвѣтомъ В. Г. Шевченко отправился къ гробу на шоссе, куда спустился отъ николаевскихъ воротъ, а я—на Подоль въ христорождественскую церковь, гдѣ облачился въ ризы и съ настоятелемъ церкви, о. Іосифомъ, и его причтомъ встрѣтили привезенный гробъ, отслуживши краткую литію надъ нимъ въ самой церкви. Къ вечеру къ этой церкви приставлена была уже поліція, а утромъ присланы и конные жандармы, чѣмъ подстрекнуто было любопытство всѣхъ проѣзжающихъ и проходящихъ по Александровской улицѣ. Въ тоже время утромъ гробъ подъ китайкою вынесенъ былъ на улицу для снятія фотографіи и обставленъ братьями Тараса и родичами, явив-

шимися изъ толпы въ своихъ свиткахъ. На вопросъ: кто покойникъ? получался отвѣтъ: „мужикъ, но чинъ на немъ генеральскій“. Къ 4-мъ часамъ, когда назначена была панихида и выносъ изъ церкви къ пароходу, стоявшему у цѣпнаго моста, не только церковь, но и дворъ оказались биткомъ набиты; по Александровской улицѣ, по шоссе, на горахъ Андреевской и Михайловской и на горѣ у царскаго саду стояло народа не меньше, какъ бываетъ 15-го іюля, во время Владимиrскаго крестнаго хода. Литургія въ христорождественской церкви совершена, по случаю воскреснаго дня, въ обычное время настоятелемъ церкви о. Іосифомъ Жолтоножскимъ, а панихида по покойномъ Тарасѣ Гр. отслужена мною въ 4 часа, совмѣстно съ о. Іосифомъ, при многочисленномъ собраніи предстоящихъ, между которыми изъ извѣстныхъ лицъ можно было видѣть М. В. Юзевовича и Гр. П. Галагана. Шѣли панихиду почитатели таланта покойнаго съ участіемъ нѣкоторыхъ студентовъ духовной академіи и воспитанниковъ духовной семинаріи, такъ какъ пригласить хоръ академической или семинарской почему-то оказалось невозможнымъ. Никакихъ рѣчей въ церкви не было по условію съ распорядителями процессіи. Но лишь вынесли гробъ изъ церкви на набережное шоссе, явилось столько всякихъ ораторовъ изъ молодежи, что пришлось останавливаться съ гробомъ чуть не чрезъ каждые 5 шаговъ, и нужно сознаться, что нѣкоторые ораторы мололи ужасную чепуху, называя покойника освободителемъ народа и даже спасителемъ. Пройдя за гробомъ до крещатицкой часовни, дальнѣйшіе проводы я предоставлялъ одному о. Іосифу, такъ какъ въ городскихъ церквяхъ начался уже звонъ ко всенощной наступавшаго праздника св. Иоанна Богослова и тезоименитства митрополита Арсенія, къ которой я долженъ былъ поспѣшить въ свою успенскую церковь.

Пр. П. Л—въ.

ДОПОЛНЕНІЕ КЪ ПАСХАЛЬНОЙ ВИРШѢ.

Мы получили изъ Тифлиса отъ Д. К. Мороза слѣдующее, какъ онъ полагаетъ, окончаніе пасхальной вирши, помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ „Кievskoy Stariны“.

Веди къ саду всю громаду, веди, щобъ селилась
Туть въ покою и зъ тобою вічно веселилась.

Заразъ тая середъ рая свобода засіла:
 Тутъ типина, вся старшина не має къ имъ діла;
 Тутъ сіпуга, вйтъ—пьянюга вже не докучає,
 И въ подводу тутъ изъ роду ніхто не хапає.
 Всі подубли, що ихъ скубли, сільскіі нахалы,
 Подеречи, колотнечи всі уже пропали.—
 Зникли зборы, вже позоры (?) не правлять кварталу—
 Сказавъ Адамъ, що не подамъ людей на поталу.
 Утікъ куражъ, здирства нема-жъ, пропали всі драчи,
 Сchezло лихо, живуть тихо, не дають подачи,
 Ногибла власть и вся на рясть вилізла голота,
 Вйтъ не ворчить и не стучить десятчикъ въ ворота,
 Тамъ... іде... ¹⁾ ні вже не журися:
 Манна зъ неба, все що треба—іжъ, пий, веселися.
 Райскі птиці ластовиці весело співають,
 Жайворонки, соловейки якъ въ органъ играють.
 Всякихъ музикъ ни чій языкъ не може сказати,
 Мудрий писакъ и перомъ такъ не може списати.
 Дай, Боже, намъ, щобъ сї тамъ музики играли,
 Щобъ більше нась, хоть у той часъ, сіпаки не брали.
 Ты, Боже, бачъ, кровавый плачъ и горке рыданье,
 За тее намъ покажи тамъ вічне пануванье!

Г'. Морозъ считаетъ приведенные стихи существенно и самою интересною частию вирши и на основаніи заключающихся въ ней указаній на нѣкоторыя особенности соціального склада населенія (малороссійского) придаетъ виршѣ болѣе древнее происхожденіе и готовъ отнести ее даже ко временамъ Хмельницкаго.

„Изъ этой части, говорить онъ, видно, что во время сочиненія вирши взимался „кварталъ“, т. е. такая подать, которая не могла долго существовать въ Малороссіи со временемъ присоединенія ея къ Россіи и никогда не существовала на Запорожьѣ; существовали неизвѣстныя запорожцамъ должности вайтовъ; взимались подводы, утѣснялось сельское населеніе „нахалами“ и пр. Давность вирши подтверждается еще и значительными измѣненіями въ имѣющихъ

¹⁾ Выраженія эти не разобранны въ рукописи.

спискахъ и не только текста, но и названія, что не могло имѣть мѣста въ сравнительно небольшой промежутокъ времени. Весьма вѣроятно, что черноморцы воспользовались этою виршою въ 1786—87 г., какъ готовымъ уже материаломъ и при этомъ опустили весьма существенный конецъ ея, который являлся, по тому времени, не соотвѣтствующимъ. Что она сочинена не запорожцемъ, это видно отчасти и изъ того, что въ ней не заключается никакихъ мѣстныхъ запорожскихъ особенностей и что она составляеть какъ-бы общее достояніе всей страны. Кромѣ того, сочиняя виршу для князя Потемкина, авторъ ея употребилъ-бы скорѣе книжный, какъ болѣе понятный языкъ для гетмана, и не преминулъ-бы коснуться, такъ или иначе, личности амфитріона, чего, однако, мы не видимъ. Безспорно, авторъ вирши не принадлежалъ къ средѣ духовенства и не получилъ духовнаго образованія. Духовное лицо не рѣшилось-бы изображать сказанія изъ области религіи въ юмористической формѣ, а воспитанникъ духовнаго (?) училища внесъ-бы въ языкъ вирши латынизмы. Между тѣмъ языкъ ея является вполнѣ народнымъ безъ малѣйшихъ постороннихъ примѣсей, а сравненія и образы прямо указываютъ на принадлежность автора къ народной средѣ. Помимо этого, только послполитый могъ указывать въ такой формѣ положеніе народа и изображать идеалы свободы. По представленію автора, идеалы эти выражаются въ томъ, что старшина не имѣть дѣла къ народу; пьяный войтъ не надѣдаетъ ему и не беретъ подводъ, „подеречи и колотнечи“ пропали; населеніе живетъ тихо, не даетъ взяточъ; десятникъ не стучитъ въ ворота; нѣтъ кроваваго плача и горькаго рыданія; нѣтъ печалей—сошла небесная манна—ѣшь, пей и веселися.

Всѣ эти данныя указываютъ, что пасхальная или, по нашему мнѣнію, точнѣе—воскресная вирша является стариннымъ памятникомъ народнаго творчества и при томъ весьма цѣннымъ, какъ по формѣ, такъ и по содержанію. Въ 50-хъ годахъ намъ лично приходилось слышать отъ одного стародавняго панка - хуторянина въ черниговской губерніи устное привѣтствіе отрывками этой вирши въ день свѣтлого праздника. Мы живо помнимъ и до сихъ поръ то пріятное впечатлѣніе, которое, производили вирши на слушателей. Отвѣчая вполнѣ складу міровоззрѣнія малороссіянъ, памятникъ этотъ легко могъ переходить изъ поколѣнія въ поколѣніе и дошелъ,

наконецъ, хотя и въ извращенныхъ спискахъ, до насъ, не утративши ни своей свѣжести, ни своего интереса“.

Не сомнѣваемся, что списковъ вирши съ такою прибавкою, какая приведена выше, найдется довольно и что списокъ г. Мороза не единственный уже потому, что, по его словамъ, составляеть копію 60-хъ годовъ съ рукописи 1839 г., являвшейся также копіею съ копіи. Мы не можемъ однакожъ согласиться съ доводами уважаемаго г. Мороза и потому именно и помѣщаемъ сообщенную имъ прибавку, чтобы она не вводила въ недоумѣніе тѣхъ, у кого окажутся подобные морозовскому списки. Никто не откажетъ этой прибавкѣ въ нѣкоторомъ ея интересѣ; но на основаніи тѣхъ-же ея особенностей, на которыхъ указываетъ г. Морозъ, можно относить именно эту часть вирши къ тому времени, къ которому мы отнесли самую виршу и считать ее не существенною частію, а только приставкою, сдѣланною въ то время, когда изъ Запорожья она перешла въ народъ. Тотъ строй жизни малороссійскаго народа, на который въ этой приставкѣ есть нѣкоторыя указанія, въ правобережной Українѣ сохраняль свою силу до 1793 г., а въ нѣкоторыхъ сторонахъ и позже того. *Кварталъ*, или сборы по четвертямъ года, существоваль въ тѣхъ мѣстахъ, где были такъ называемыя старости. Получавшіе ихъ изъ рука короля должны были вносить въ его казну часть доходовъ съ полученныхъ ими донацій; но, внося сами, они собирали вносимое съ крестьянъ и такой порядокъ держался до послѣднихъ дней Рѣчи Посполитой. Войтъ былъ должностнымъ лицемъ самихъ помѣщиковъ и перешелъ съ ними въ подданство Россіи. Должности *сіупігъ* или *сіпакъ* и *десятниковоѣ*—тѣ-же органы помѣщичьей власти и удерживаются гораздо долѣе войтовъ. Взиманіе подводъ, утѣсненіе населенія, „всякія поберечи и колотнечи“—явленіе столько-же начала XIX, какъ и XVIII в. Выраженные въ виршѣ идеалы народные—такого общаго свойства, что годятся для всякаго времени. Измѣненія въ спискахъ также не говорять о болѣе древнемъ происхожденіи вирши, чѣмъ обыкновенно ей приписывается: и со временеми учрежденія черноморского войска протекло уже около ста лѣтъ. Кто писалъ виршу,—вопросъ не важный: въ Запорожье сходились люди разныхъ профессій, а въ числѣ ихъ бывали и грамотѣи. Что она писана кѣмъ либо изъ членовъ запорожской общины, это, кромѣ сохранившагося преданія, которое мы

слышали болѣе сорока лѣтъ назадъ, доказывается рѣзкостью и грубостью ея красокъ, доходящею по мѣстамъ до цинизма и не имѣющею ничего общаго съ изяществомъ народныхъ думъ и пѣсень. Изъ запорожскихъ особенностей можно указать въ ней на сравненіе силы смерти съ силою „prusса и крымскаго хана“. Чего либо относящагося къ личности амфитрона—Потемкина, вирши *пасхальная* и не могла заключать; при томъ черноморцы-запорожцы не отличались любезностю, на лесть-же и вовсе не способны были. Въ то время не они заискивали въ Потемкинъ, а онъ въ нихъ. Пресыщенаго до тошноты временщика забавляла всякая оригинальность и авторъ вирши просто хотѣлъ позабавить вельможу одною изъ такихъ оригинальностей. Тутъ не требовалось быть особено понятнымъ, а съ оригинальнымъ бытомъ запорожцевъ и ихъ языкомъ Потемкинъ давно былъ знакомъ, теперь-же и позже онъ особенно съ ними заигрывалъ и приближалъ ихъ къ себѣ. Наконецъ самый размѣръ стиха вирши не позволяетъ приписывать ей происхожденіе болѣе древнее. Тѣмъ не менѣе мы очень признательны г. Морозу за сообщеніе не достававшаго у насъ конца вирши, который самъ по себѣ имѣть историческое значеніе. Сообщенные имъ нѣкоторые варианты не имѣютъ, по нашему мнѣнію, интереса и значенія, по тому и не приводятся. Не помѣщаемъ также и описанія мукъ смерти и сатаны, пропущенного нами и въ спискѣ Гоголя, — по тому соображенію, что такія картины претятъ даже не особо взыскательному вкусу.

МНИМО-НАЙДЕННЫЙ ДНЕВНИКЪ СВЯТИТ. ДИМИТРИЯ РОСТОВСКАГО.

(по поводу газетныхъ извѣстий) *).

Въ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ недавно помѣщена была корреспонденція г. Кулжинскаго, изъ Чернигова, въ

*) Мы весьма признательны уважаемому С. И. К—чу за разъясненіе невѣрного и поспѣшного извѣстія, получившаго такую широкую огласку. Мы были въ большомъ недоумѣніи, читая это извѣстіе во многихъ газетахъ. Извѣстіе, что

которой оповѣщалось о томъ, будто онъ, Кулжинскій, въ библіотекѣ елецкаго монастыря отыскалъ собственноручный дневникъ бывшаго настоятеля и архимандрита этой обители, впослѣдствіи святителя и всея Россіи „чудотворца Димитрія Ростовскаго“. Въ этомъ дневнику, говоритъ Кулжинскій, изображена внутренняя жизнь монастыря.

Изъ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ это извѣстіе перепечатано въ „Церковномъ Вѣстнике“, „Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ“, „Кievлянинѣ“, „Зарѣ“, „Новомъ Времени“, „Голосѣ“, „Газетѣ Гатцука“ и другихъ періодическихъ изданіяхъ.

Послѣ такой огласки, не только желательно, но и нужно знать, правду ли сообщилъ г. Кулжинскій въ „Харьковскія Губернскія Вѣдомости“.

Въ прошломъ іюнѣ мѣсяцѣ сего 1882 года, г. Кулжинскій былъ въ Черниговѣ и осматривалъ библіотеку черниговскаго елецкаго монастыря. Въ ней, подъ № 1-мъ, дѣйствительно находится книга въ переплетѣ, на которомъ значится слѣдующее заглавіе: *Черновыя*

«Дневныя Записки» или *Діаріушъ* св. Димитрія не разъ были напечатаны въ полномъ собраніи его сочиненій, имѣвшемъ нѣсколько изданій, хотя они и не представляютъ дневника въ собственномъ смыслѣ, а только замѣтки о главнѣйшихъ перемѣнахъ и случаяхъ въ его жизни. Какой-же могъ быть еще другой его дневникъ? При свиданіи нашемъ съ многоуважаемымъ А. И. Ханенкомъ, сообщившимъ намъ дневникъ своего прадѣда, котораго печатаніе, надѣемся, вскорѣ начнется, мы обращались за разъясненіемъ нашего недоразумѣнія къ этому столь почтенному мѣстному дѣятелю, такъ близко притомъ знакомому съ исторіею той мѣстности и мѣстными архивами, и получили въ отвѣтъ, что за новый, якобы, дневникъ святителя могъ быть принять одинъ изъ списковъ его *Діаріуша*, которые встрѣчаются на мѣстѣ не рѣдко и теперь: «Возможно-ли допустить, говорилъ намъ А. И., чтобы какая либо цѣнная рукопись св. Димитрія, находящаяся въ мѣстномъ монастырскомъ архивѣ, не была извѣстна славному историку нашему, пр. Филарету черниговскому, столько лѣтъ пробывшему въ Черниговѣ, такъ неутомимо работавшему подъ мѣстною исторіею до самой смерти своей и не оставившему безъ пересмотра ни одного мѣстного архива, ни одного, можно сказать, клочка его бумагъ?» Тepерь не только подтверждается справедливость этого замѣченія, но и объясняется, что именно г. Кулжинскій пришаль за дневникъ св. Димитрія Ростовскаго. Въ перепечаткѣ его певѣрнаго извѣстія бодьшинствомъ нашихъ газетъ нельзя однако же видѣть, съ какимъ уваженіемъ наша печать относится къ произведеніямъ великаго святителя.— *Ред.*

бумаги, писанныя рукою святителя Димитрія Ростовскаго. Открывъ эту книгу, на первомъ ея листѣ читаемъ слѣдующее: „Опись 1697 года мѣсяца іюня, бывшаго архимандрита монастыря елецкаго, черниговскаго, Димитрія Савича, нынѣ святаго усопшаго святителя Ростовскаго, его саморучная какъ экономическихъ, такъ и другихъ дѣлъ монастыря разныхъ, по отѣзданію его зъ монастыря елецкаго, 1699 года, сентября 17 дня. № 136“. Въ книжѣ этой переплетено всего 10 листовъ и 1 четвертка.

Первый листъ есть собственноручная записка святителя Димитрія о пріемѣ монастыря 1697 г. Затѣмъ слѣдуютъ его-же записи, когда, сколько и для чего взято денегъ изъ „скринки“, и о назначеніи новаго шафаря Иннокентія. На оборотѣ этого листа расходъ 1698 г.

На 2 и 3 листахъ рукою св. Димитрія переписанъ „Декретъ Лизогуба, полковника черниговскаго, колчевцомъ на онисовцовъ о разграниченіи грунтовъ даный“. Оборотъ 3-го листа исписанъ не рукою св. Димитрія, но другими почерками (замѣтки) четырехъ различныхъ лицъ.

4 и 5 листы составляютъ собственноручную записку святителя Димитрія о сдачѣ монастыря съ точными перечисленіями монастырской собственности.

6 и 7 листы заключаютъ опись монастырскихъ имуществъ. Опись эта писана не рукою св. Димитрія, но по мѣстамъ исправлена его рукою и въ концѣ приписка его-же рукою.

На 8 листѣ содержаніе прошенія архимандрита Димитрія съ братію до ясневельможнаго, т. е. до Гетьмана, о притѣсненіи они-совцевъ черниговскими людьми и о вдирательствѣ въ монастырскій сѣнокость Шабельника.

На 9 листѣ содержаніе прошенія о томъ-же до полковника черниговскаго.

10 листъ составляетъ исписанную неизвѣстно кѣмъ четвертку бумаги, почему-то попавшую въ эту книгу.

11 листъ исписанъ рукою св. Димитрія о томъ, „якъ Шабельникъ завладѣлъ монастырскимъ сѣнокосомъ“.

Какъ видимъ изъ содержанія рукописи елецкаго монастыря, подъ № 1-мъ, она не есть дневникъ святителя Димитрія Ростовскаго, но сборникъ различныхъ бумагъ, писанныхъ и рукою свя-

тителя Димитрія и другими лицами. Г. Кулжинскій сдѣлалъ по-спѣшное заключеніе объ этой рукописи, назвавъ ее дневникомъ святителя, вѣроятно, не прочитавъ ее. По почерку письма, она очень трудна для чтенія. Чтобы правильно и свободно читать эту рукопись, нужно имѣть навыкъ и хорошое знакомство съ древними манускриптами.

Въ упомянутомъ сообщеніи своемъ въ „Харьковскія Губернскія Вѣдомости“, г. Кулжинскій выражается, что онъ *отыскалъ* эту рукопись святителя Димитрія Ростовскаго. Выходитъ, что до того времени, т. е., до времени отысканія означенной рукописи г. Кулжинскимъ, она никому не была известна. Но такъ-ли и это? На самой рукописи есть подпись: „смотрѣно, 1830 года, сентября 24 дня, профессоромъ церковной исторіи и французскаго языка въ черниговской семинаріи и секретаремъ правленія сей семинаріи, магистромъ Алексѣемъ Лукіановымъ сыномъ Минервінымъ“¹). Въ историко-статистическомъ описаніи черниговской епархіи преосвященнаго Филарета, книга третяя, а) на стр. 19, говорится: „Въ елецкой обители есть собственноручная записка Димитрія Савича Туптало о приемѣ монастыря“ и дѣлается выписка, въ 11 строкъ, изъ этой записи; б) на страницѣ 21-й говорится: „Въ монастырѣ елецкомъ дѣло собственноручной записи его (св. Димитрія) о сдачѣ монастыря“ и затѣмъ дѣлается въ семь строкъ выпись изъ этой записи; в) на страницѣ 6-й говорится: „Въ описѣ частицъ имуществъ, написанной при св. Димитріѣ Савичѣ и постѣстствованной исправленной его рукою обѣ Ивановкѣ и Горбовѣ сказано“... и затѣмъ дѣлается выпись въ 14 строкъ, которыя переходятъ на 7-ю страницу. Значитъ, преосвященный Филаретъ зналъ эту рукопись святителя Димитрія, читалъ ее и пользовался ею. Мы знаемъ достовѣрно, что обѣ ней знаютъ многіе и чатали ее многіе въ разное время. Послѣ этого, можно-ли было писать г. Кулжинскому, что онъ *отыскалъ* собственноручную эту рукопись св. Димитрія? По нашему мнѣнію, или г. Кулжинскій не знакомъ съ историко-статистическимъ описаніемъ черниговской епархіи, или всѣхъ онъ считаетъ такими людьми, которые повѣрять ему на слово. Если-бы

¹) Впослѣдствії профессоромъ кіевской академіи, ум. въ 1853 г.

г. Кулжинскій поговорилъ объ этомъ съ кѣмъ нибудь изъ людей свѣдущихъ, то онъ не сдѣлалъ-бы такой грубой ошибки. Онъ, какъ должно полагать, пожелалъ присвоить себѣ честь открытия этой рукописи святителя Димитрія, а на самомъ дѣлѣ открылъ только свое невѣденіе.

Нѣкоторыя извлеченія изъ записки святителя Димитрія о приемѣ и сдачѣ имъ черниговскаго елецкаго монастыря и описи монастырскаго имущества, исправленной его рукою, могущія имѣть общій интересъ, мы сдѣлаемъ впослѣдствіи.

С. I. К—чъ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ Д. Г. БИБИКОВА ОДНОМУ ИЗЪ РУССКИХЪ ПОМѢЩИКОВЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Всеъластный правитель юго-западнаго края 40—50-хъ годовъ, Д. Г. Бибиковъ извѣстенъ былъ своею безпощадною строгостью въ отношеніи къ польскимъ помѣщикамъ края. Приводимое здѣсь письмо его показываетъ, что онъ не смотрѣлъ сквозь пальцы и на русскихъ помѣщиковъ, если кто-нибудь изъ нихъ шелъ въ разрѣзъ съ устанавливаляемымъ имъ въ краѣ порядкомъ и духомъ.

Русскихъ помѣщиковъ въ юго-западномъ краѣ было тогда весьма неимѣніе: но это были большею частію богачи, люди знатныхъ родовъ, гладѣвшіе громадными имѣніями, пресыщенные до икотки и потому благодушествовавшіе. Назовемъ для примѣра Браницкую, Энгельгардта, Вобринскихъ, Лопухиныхъ, Голицыныхъ, Орловыхъ, Давыдовыхъ, Скородулей и пр. У нихъ и крестьянамъ жилось легче, особенно, если они для вящшаго благоустройства своихъ имѣній не обзаводились, подобно Браницкой и другимъ, польскими управлятелями и экономами. Помѣщикъ, къ которому пишетъ Бибиковъ, жилъ въ сѣверной части губерніи, на песчаномъ грунтѣ и ни самъ, ни въ лицѣ предковъ своихъ не получалъ ни тысячами душъ крестьянъ, ни десятками тысячъ десятинъ земель. Отсюда, вѣроятно, его озлобленіе, какъ у тѣхъ благодушіе и преданность. Что касается пренебреженія къ православному духовенству, то это черта общая помѣщиковъ того времени, одинаково русскихъ, какъ и польскихъ, и занесена первыми оттуда, гдѣ въ теченіи

вѣковъ выработались представлениа о „жеребячей породѣ, иго-го, козлахъ, кутьѣ“ и т. под. Православное духовенство переступало порогъ залы помѣщичьей лишь въ Пасху и Рождество, чтобы пропѣть праздничныя пѣсни, а за тѣмъ отсыпалось на кормленіе въ переднюю, кухню, контору и т. п. помѣщенія, въ то время, когда официалисты и челядь разныхъ названій пировали въ покояхъ своего патрона. Самъ свѣтлѣйшій князь Лопухинъ, случайный владѣтель Корсуня, справлявшій у себя храмовый праздникъ Петра и Павла на манеръ средневѣковыхъ германскихъ придворныхъ празднествъ, видѣлъ собирающееся тамъ почетнѣйшее духовенство только въ церкви, откуда оно посыпалось въ контору, и, дѣля въ праздники визитъ становому приставу, не находилъ приличнымъ для себя посѣтить тутъ-же рядомъ жившаго своего духовнаго отца. Одинъ продержостный протоіерей, сопровождавшій митрополита при обозрѣніи епархіи въ 60-хъ годахъ, получая отъ князя приглашеніе къ обѣду, осмѣялся спросить: „а духовенство“ (уѣздный протоіерей, благочинный, мѣстный и другіе священники, служившіе съ митрополитомъ?) и получилъ въ отвѣтъ: „а они въ конторѣ, они у меня никогда не бываютъ“. „Какъ?“ возразилъ неугомонный протопопъ; „раздѣляющіе съ владыкою трапезу Господню недостойны раздѣлить съ нимъ вашу трапезу?“ и—побѣдилъ. Смущеній престарѣлый князь уступилъ напору новыхъ понятій и отнופеній, хотя на этотъ только разъ. Не сомнѣваемся, что самъ многопечительный Д. Г. Бибиковъ раздѣлялъ въ этомъ отношеніи понятія и привычки того времени и его потревожило въ данномъ случаѣ не то, что православное священство угощается въ помѣщичьей кухнѣ, а то, что одновременно съ этимъ польскіе ксенды возсѣдаютъ за столомъ русскаго помѣщика. Впрочемъ, какъ къ дворянину русскому, при томъ полковнику, онъ пипеть, по своимъ пріемамъ, весьма сдержанно и не почтительно.

**Милостивый государь
Аврамъ Ивановичъ!**

До меня доходятъ слухи, что будто-бы ваше высокоблагородіе весьма часто, въ присутствіи польскихъ помѣщиковъ, осуждасте дѣйствія правительства, распоряженія начальства, дерако отзыкаетесь вообще о правлениі, и кромѣ сего будто-бы пренебрегаете православною религіею, презираете русское духовен-

ство и всегда даете преимущество католическимъ ксендзамъ, которыхъ болѣе уважаете, даже предпочтенія сего не скрываете и предъ вашими людьми, ибо въ одно и тоже время католическихъ ксендзовъ сажаете за столъ вмѣстѣ съ вами, а нашихъ священниковъ отсылаете обѣдать на кухню.

Я долженъ вамъ признаться, что, несмотря на то, что слухи эти доходятъ до меня съ давнихъ поръ и всегда постоянно объ однихъ вашихъ дерзостяхъ, но я не могу вѣрить, чтобы престарѣлый русскій полковникъ, православный подданный нашего Царя, рѣшился позволить себѣ подобныя вещи, — особенно въ глазахъ еще иновѣрного духовенства и польскихъ уроженцевъ, для коихъ каждый русскій долженъ быть примѣромъ благоговѣйнаго почитанія нашей вѣры, преданности Государю иуваженія властей.

Обо всемъ этомъ, чтобы предостеречь васъ и честь заслуженного русскаго офицера, я считаю моимъ долгомъ сообщить вамъ, имѣя честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію, вашъ, милостивый государь, покорнейший слуга

Дмитрій Бибиковъ.

3 декабря 1840 г.

Кievъ.

Вверху помѣта: получ. 11 дек. 1840 г.

Сообщ. В. В. Борисовымъ.

СТАРИННЫЕ МАЛОРОССІЙСКІЕ ПОРТРЕТЫ *).

Списокъ старинныхъ малороссійскихъ портретовъ, помѣщенный глубокоуважаемымъ А. М. Лазаревскимъ въ майской книжкѣ „Кievской Старинѣ“, съ своей стороны, могу дополнить двумя нумерами.

Въ дер. Мармиловкѣ лохвицкаго уѣзда, полтавской губерніи, въ усадьбѣ помѣщика Ильи Яковлевича Стороженка хранятся два старинныхъ портрета представителей рода Стороженковъ:

*) Съ признательностью помѣщая настоящую замѣтку, сообщенную намъ многоуважаемымъ А. С--ко, питаемъ надежду, что и другіе представители малорусскихъ родовъ не откажутъ намъ въ пополненіи этого отдана извѣстій. — Ред.

28) ¹⁾ Иванъ Стороженко. Въ креслѣ у стола сидить глубокій старикъ съ небольшой, совершенно бѣлой, бородой. На столѣ стоятъ—Распятіе и Евангеліе въ зеленомъ переплетѣ. Одѣтъ старикъ въ красный кафтанъ и опоясанъ чернымъ, повидимому, бархатнымъ, поясомъ, съ золотыми мушками; на плечи накинутъ плащъ розового цвѣта съ голубой подкладкой, застегнутый подъ бородой золотымъ аграфомъ. Въ лѣвой руцѣ полковничья булава.

Внизу надпись:

„Року Божого 1693 ²⁾ февруарія 15 (15) преставился рабъ Божій Іоанъ Стороженко, полковникъ В. И. Ц. П. В. З. прилуцкій“.

29) Григорій Стороженко, сотникъ ичанскій (Ичня — мѣстечко борзенского уѣзда, черниговской губерніи). Когда миргородскій полковникъ Даниилъ Апостолъ былъ избранъ гетманомъ (1 октября 1727 года), Григорій Стороженко былъ повышенъ въ званіе генерального бунчучнаго. Затѣмъ онъ былъ посланъ вмѣсть съ Михаиломъ Забѣлою, Лукашемъ Переяславскимъ и Мартиномъ Штишевскимъ въ С.-Петербургъ ко двору съ извѣстіемъ объ избраніи гетмана ³⁾). Женатъ онъ былъ на одной изъ Лизогубовыхъ—Евдокіи, бывшей въ первомъ бракѣ за бунчуковымъ товарищемъ Кулябкою.

На портретѣ, который сдѣланъ до 1727 года, такъ какъ Григорій Стороженко названъ на немъ еще сотникомъ ичанскимъ, изображенъ молодой мужчина—„блолицій, чорный усъ“, какъ поетъ народная пѣсня. Одѣтъ онъ въ зеленый парчевый кафтанъ; на плечи накинутъ синій плащъ, подбитый мѣхомъ; возлѣ, на креслѣ лежитъ высокая мѣховая шапка съ султаномъ. Въ верхнемъ лѣвомъ углу портрета изображенъ гербъ Стороженковъ: крестъ на красномъ полѣ, съ полумѣсяцемъ внизу, короной на верху, зеленымъ вензелемъ по полю, сіяніемъ вокругъ и по угламъ буквами Г, С, Є, Й, что значитъ Григорій Стороженко, Сотникъ Ичанскій.

¹⁾ Продолжаю нумерацию г. Лазаревскаго.

²⁾ 600 неправильно обозначено буквою кси, имѣющею обыкновенно значеніе 60-ти. 600 обозначается буквою ха (Х).

³⁾ См. Записки Марковича, 1859, ч. I, стр. 246—47.

Подъ изображенiem герба подписаны слѣдующie стихи:

„Луна въ нощи свѣтить, волкъ туне блудить зряцъ.

Креста Христова вѣрнымъ свѣтъ есть въ ноши и во дни
свѣтящъ.

Григорій Стороженко, мужъ сей знаменитый,

Имѣль тѣ въ гербѣ своемъ знаки родовиты.

Безвредно ему убо за сими свѣтилы

Шествовать въ небеснаго отчества предѣлы“.

Прекрасныя копіи съ этихъ двухъ старинныхъ портретовъ хранятся въ с. Великой Кручѣ, пирятинскаго уѣзда, полтавской губерніи, у помѣщика Владимира Андреевича Стороженка.

А. С — ко.

Кіевъ 29 іюня 1882 г.

ЗАДУНАЙСКІЯ НАРОДНЫЯ ПРЕДАННЯ.

1.

Про Палія та Мазепу.

Бачте, якъ се воно було: іхъ було два великихъ воєннихъ—Мазепа и Палій... вони собі були малороссіяне. Та Мазепа якусь злобу мавъ на Палія, оть вінь знайшовъ якусь-то причину, та якось-то щось и сказавъ Біому Цареві, а Царь и оддавъ Палія у тюрму на заточеніе, та вінь и сидівъ уже 12 годт. А Мазепа якъ увірився, що вже Палій не вyrветься, та поїхавъ тимъ часомъ до шведа, та й каже: „підемо Россію воювати!“ А шведъ забравъ свою армію, та й пішовъ на Біого Царя. Довго вони билися, коли бачить Білый Царь, що Мазепа єго побіждає—оть-оть вже одоліє зовсімъ, сівъ да й задумавсь. А далі попросивъ на три дни одпочинку, передягся за купця, та й пішовъ куди очі... Таке-то було, такого наробивъ єму отой Мазепа! Тільки ото йде Білый Царь такъ по надъ річкою, коли дивиться—курінь стоить, а коло куріння й рыбалка старый. „Здрастуй, старичокъ!“, каже, а той каже: „доброго здоровя, господинъ купець“. — „А чи не маешъ ты, каже, чого попоїсты?“—„Якъ-би то не маю!“, узвъ заразъ казанокъ и на-

варивъ доброю юшки зъ рыбою. Сілы вони й ідуть. А Білый Царь и каже: „и що се, каже, напіть царь собі думас, що пиведъ оце вже скоро усю Россію забере зъ Мазепою?!”— „Бо нашъ царь дурний, рыбалка каже, не знає, каже, самъ, що вінъ робить! На що вінъ Семена Палія давъ на заточеніе?... оть уже 12 годъ сидить, а якъ-бы вінъ выпустивъ Палія, то досі-бъ уже й Мазепу й шведа побивъ!“— „Какъ, какъ, старичокъ?!“— ото вже скопивсь Білый Царь, та давай рыбалку старого роспитувать, а самъ вийнявъ карандашъ, та усе записує, та записує на халяви (бо на єму чоботы були зъ довгими халявами), щобъ не забути, значить. Далі попрощається и пішовъ собі до дому и заразъ-же звелівъ, щобъ розшукати и приставити єму Семена Палія. Послали штахвету (тоді ще телеграфу й машини циеї не було й Россія мала ще тоді була), нашли Палія, а вінъ вже тильки що дыше. Заразъ-же ёго обмыли, оділи—стільки годъ сидівъ—посадили на бричку й привезли до Царя. А Семенъ Палій здалека шапку знявъ, излізъ изъ брички и навколішки полізъ до Царя. Царь підійшовъ до Палія, піднявъ ёго, та й питаете: „що будемъ робити—уже шведы візьмуть Россію“! А Палій каже: „або не візьмуть!“— „А можешъ ты звоювати Мазепу“? „Можу, каже, ваше імператорське, чи якъ тамъ, величество, тильки, каже, просіть ще на 3 дни одпочинку“! „Добре, каже Царь, ну вже, каже, коли ты звоюешъ Мазепу, проси у мене, що завгодно, хочь шівцарства!“— „Нічого мені, каже, ваше царське величество не треба, а оть звеліть тильки, щобъ дітей більше лавами не выбивали“. (А то, бачте, царь якъ розсердивсь на Мазепу, то давъ приказъ выгубляти малороссіянскихъ младенцівъ: одсунуть було лаву, та по підъ стінкою й постановлять дітей, рядкомъ, а тоді лавовою й придавлять до стіни—такъ по усій Україні робилося)! Царь заразъ-же выдавъ указъ, щобъ никто не смівъ младенцівъ выгубляти. А тимъ часомъ вже й други три дни на сході. Палій ото вже отихавъ й каже, щобъ єму коня дали. Приводять до ёго самихъ найкращихъ царськихъ коней, тильки вінъ якому ко-неві не положить руку на шию, то кінь заразъ навколішки й упаде. А на те время тутъ саме водовозъ іде, а кінь у ёго якъ побачивъ Палія, то й заржавъ.— „А, каже Палій, и ты ще живый, товарищу!.. „Оціого коня мені, каже, дайте, що саку¹⁾ возить“! А на

¹⁾ Сака (тур.) = бочка.

єму одна шкура та кістки. Вицягли того коня, підвели, узявъ Палій єго за гриву, а вінь тільки головою покрутивъ. Тоді Палій узявъ два пистолі, сівъ на того коня та й сchezъ, якъ той вихоръ! Обыхавъ тричі Мазепине військо, піднявся у гору—коли дивиться, Мазепа изъ шведомъ саме обідають, вінь стрельнувъ зъ пистоля, а пулья якъ разъ и впала до Мазепи у ложку. Мазепа тоді подививсь у гору, та й каже до шведа: „тікаймо, брате, пропали мы, бо Палій уже на валі“, та й показавъ єму у гору на Палія.—„Та то може місяць?“, каже шведъ. „Та який тамъ місяць середъ дня!“ Кинули й обідатъ, та скорійше тікатъ. Палій приіхавъ до Білого Царя, та й каже: „ну теперъ ідіть—нема вже шведівъ, розбіглись“. Царь не повіривъ и іхать не хотівъ зразу, а потімъ рішивсь. Коли приіхали, дивляться, нема вже никогісінъко, якъ обідали, такъ усе їй осталось... тільки шведські козаки стоять... Отакій-то бувъ Палій.

Зап. отъ Марка Глухого у Тульчи. Окт. 1881 г.

X. Ц.

II.

Про Антона Головатого, Онопрія Шпака и царицю Катерину.

...Се було, якъ Антонъ Головатый бувъ у Петербурсі, у єго бачте вуси були довгі, а бувъ у єго писарь Онопрій Шпакъ, то були вони у цариці, бо цариця хотіла на вуси єго подивитись. Подивилася, та й не вірила, чи то настоящі вуси, чи то вінь надточue чимъ, тай сказала медомъ намазать..., а у єго природа така була. Ну, а потімъ вона й каже Головатому, що й землю дає, й ліса, и усе..., а Шпакъ и каже: „та не вірь ты, каже, москалеві, бо хто москалеві повірить, то й самъ невірний!“ А вона не розібрала, та й питаете: що вінь каже? а тамъ зъ чугуївськихъ хтось бувъ, та й сказавъ ій.—„А хто-жъ то москаль?“ питаете.—„Ты!“, каже. То тоді єго за губу крючкомъ заціпили та й повісили, щобъ ногами землі не достававъ..., да такъ до вечора й висівъ...

Багато розказують, та таке бо-зна що: ото наче-бъ то Катерина запорожцівъ на обідъ закликала, та звеліла подавати имъ довгі ложки, думае, якъ то вони істимуть тими ложками?.. а вони

ти ложки побрали, та й почали одинъ одного черезъ стіль годувати... Оттаке!...

Зап. отъ Ананія Ив. Коломійца. у Катирлезі.

Х. Ц.

КОЛІВЩИНА ВЪ ПѢСНЯХЪ.

Приводимыя двѣ пѣсни сообщены намъ глубокоуважаемымъ А. А. Скальковскимъ, которому обязана мѣстная исторія единственными до послѣдняго времени свѣдѣніями о судьбахъ Сѣчи запорожской и болѣзненнаго ея отпрыска—гайдамачины. Обѣ эти пѣсни своимъ содержаніемъ, а быть можетъ и происхожденіемъ связаны непосредственно съ украинскимъ народнымъ возстаніемъ 1768 года. Первая изъ нихъ рисуетъ намъ общую картину этого событія, совокупляя въ одномъ представленіи всѣ фазисы онаго и различныхъ его дѣятелей, дѣйствовавшихъ въ различныхъ мѣстахъ, вторая влагается въ уста одного изъ главнѣйшихъ предводителей возстанія, всего вѣроятнѣе Желѣзняка, и представляетъ заключительное, такъ сказать, слово дѣятелей „Колівщины“, не чаявшихъ отъ нея чего-либо прочнаго и опредѣленного, но глядѣвшихъ на нее, какъ на непосредственное движение народной мести и страшный урокъ притѣснителямъ народа. Въ первой пѣсни выводится неизвѣстная доселѣ личность сотника Митлыці, измѣнившаго общему дѣлу, или оставшагося вѣрнымъ противной сторонѣ, и за то казненнаго, по рѣшенію предводителей возстанія. Такъ какъ здѣсь онъ изображается изрекающимъ проклятие осудившимъ его на смерть предводителямъ возстанія:

Бодай-же кінецъ вашъ бува нудный та іркій,

а во второй пѣсни одинъ изъ этихъ послѣднихъ, входя въ нравственную оцѣнку дѣла и обсуждая неудачный исходъ онаго съ высшей точки зренія, замѣчаетъ, что это должно быть послѣдствиемъ проклятия казненнаго Митлыці:

Мабутъ,—це Митлыцева причина,

главнымъ-же орудователемъ всего возстанія былъ несомнѣнно Желѣзнякъ, то отсюда съ несомнѣнностью заключать можно, что пѣсня идетъ отъ его лица, хотя, конечно, могла быть сочинена кѣмъ

либо другимъ. Слѣды *сочиненія* видны еще въ той и другой пѣсни: по недавности времени и, быть можетъ, по рѣдкому употребленію этихъ пѣсенъ въ послѣдовавшее тяжкое время, онѣ, такъ сказать, не вполнѣ еще ошлифовались въ народномъ обращеніи, отъ чего по мѣстамъ примѣчается нѣкоторая неровность и какъ-бы шереховатость стиха; тѣмъ не менѣе это драгоцѣнныя по многимъ чертамъ историческіе и народнаго творчества памятники. Онѣ дорисовываютъ намъ то, что не досказано въ офиціальныхъ и другихъ документахъ, доселѣ открытыхъ. Общая картина событія замѣчательно полна и высоко-художественна, краски бываютъ яркостію и свѣжестію, отдѣльные штрихи—смѣлостію, бойкостію и игривостію. Раздумье предводителя возстанія, въ кандалахъ и цѣпяхъ ждущаго неминуемой смерти, подводящаго итоги кровавымъ своимъ дѣяніямъ, глядящаго на все минувшее съ точки зреінія предсмертнаго часа и суда Божія поражаетъ своею задушевностію и искренностію, равно какъ обращеніе къ Потоцкому—естественостію и силою чисто народнаго чувства. Вообще чувства и языки обоихъ пѣсенъ такъ непосредственны, такъ свѣжи и сильны, что указываютъ на весьма раннее, быть можетъ, современное самому событію происхожденіе ихъ; пѣвецъ какъ-бы стоитъ предъ самымъ событіемъ и въ немъ почерпаетъ одушевляющія его думы и чувства.

Относительно окончанія второй пѣсни, состоящаго въ обращеніи къ Потоцкому, мы должны особо замѣтить, что оно не стоитъ въ связи съ общимъ содержаніемъ пѣсни и составляетъ позднѣйшую прибавку, или заимствованіе изъ другой пѣсни. Оно ни какъ не можетъ относиться къ *Салерію* Потоцкому, современнику „Колівщини“, но только къ сыну его *Феликсу* Потоцкому, участнику тарговицкой конфедерации 1792 г.

Когда, кѣмъ, отъ кого и при какихъ обстоятельствахъ записаны обѣ пѣсни, обѣ этомъ, къ сожалѣнію, достопочтенный А. А. ничего не сообщаетъ; онѣ просто нашлись въ обширномъ собраніи его бумагъ, а списокъ, по почерку судя, принадлежитъ 40-мъ годамъ. Въ отрывкахъ вторую пѣснь и намъ случалось встрѣтить, въ цѣльномъ же видѣ никогда. Предоставляя читателямъ судить о достоинствахъ пѣсенъ, мы приводимъ ихъ для пополненія и поясненія печатаемыхъ документовъ о „Колівщинѣ“.

I.

Свиснувъ вітеръ, свиснувъ,—
Загуда хуртовина;
Слівце Максимъ писнувъ,—
Зібралася дружина.

* * *

Дві тысячи бурлакъ
Лынули ¹⁾ въ Краину польську;
Рушили вони зъ байракъ
Дати ляхамъ хлосту.

* * *

Ой годі жъ намъ, козаченъки,
Рыбу по Дніпру и Богові ловити!
Сідайте въ човныки, бурлаченъки,
Та поїдемъ жидову и ляха палити.

* * *

Зібравъ Максимъ, зібравъ бурлакъ
И всю Вкраину збунтовавъ,
Тисячу сіромахъ, тисячу гайдамакъ—
Ватажку собі навербувавъ.

* * *

„Эй, батьки—началныки!
Що то буде зъ нами?
Здаеця, що наше життя міне
И нась возьмутъ зъ вами“.

* * *

Не тужите, мої діти,
Не журітця, быстрі орлынтя;
Ще дамо мы Уманеві крови пити,
Ще дадуть намъ горілки ляхи и жидынтя.

* * *

„Охъ, батьку, Максиме, прости!
Мы й забули, що съ тобою.
Кажи, вели, куды йти,
И мы хоть въ пекло за тобою

* * *

Ой, полковнику Желізняку!
Ходимъ же мы палити; —

¹⁾ Лынули—хлынули, ринулись.

Кого спершу почнемъ бити,
А кого будемъ полонити?“

* * *

Ляхівъ будемъ бити
А жидівъ шаблями христити.
Ляштина—превража дитина,
А жидовинъ—зайцєва дружина.

* * *

Ізъ жидомъ усе втнешъ,
Куды треба, то й пошлешъ,
А не схоче, то й побъешъ,
А вражого ляха—того не вжуешъ.

* * *

„Охъ, Максиме Желізняку,
Ходімо въ Смілу ляхівъ гартовати,
А після той поживи
Підемъ Умань штурмовати“.

* * *

Ой ходімо, діти, Умань штурмовати
И свою братську кровъ відъ католика відбивати.

* * *

Эй, братця, годиночка дорогая;
Треба жъ намъ начинати—
Отъ Нухима до Боруха
Всімъ головы этинати

* * *

Въ Умань же мы цішли
Тай почали штурмовати.
Тамъ багато панівъ найшли,
Тай давай имъ ніжки росправляти.

* * *

Теперички ляхи щось почивають,
Въ кондерацию¹⁾ панківъ собі збирають;
Ходімо до Потоцького мосци,
До его графской велиможносци.

* * *

Що тілько тамъ у ёго найдемо,
To все у ёго возьмемо.

* * *

¹⁾ Кондерацию—конфедерацію.

Ой пішовъ Желізнякъ до ворітъ
 Тай здывавъ три копы клопітъ.
 * * *

Ой пішовъ Швачка голкою шити,
 Ляхівъ, жидівъ по Умані лупити.
 * * *

А нашъ Неживый цокоче,
 Ажъ Умань зубами скрыгоче.
 * * *

А Журба ходяче зажурився,
 Що, головко бідна, Умань загорівся,
 Та въ бандуру міцно грае,
 Себе козака піснью розважає.
 * * *

А нашъ сотникъ Гонта
 Напирь отъ Цариці давъ,
 Тай давши намъ
 Всімъ въ голосъ сказавъ,
 * * *

Що цариця Кошовому
 Звеліла такъ служити,
 Щобъ ити въ Польшу
 Жидову и ляха палити.
 * * *

И жидамъ и ляхамъ ратунку не робити,
 А всіхъ жидівъ та ляхівъ
 Колоти та палити,
 А добро ихъ и пожитки межъ собою ділити.
 * * *

Тільки сотникъ Митлыця
 Ни до чорта не годиця.
 Мабуть вінъ хтівъ змінити
 И на насъ желізни цяцки надіти.
 * * *

Знай, кобыло де брыкати,
 А тутъ тобі вже не хвицати:
 О, такъ, сотнику Митлыця,
 Такъ робити не годитца!
 * * *

Каже ему Швачка и Желізнякъ:
 Ты хтівъ настъ въ шоры вбрести,
 Теперъ же тобі світа не видати!
 * * *

Слухай, Максиме, Швачко и Неживый,
Бодай же кінець вашъ бувъ нудный та гиркій!

* * *

Махнувъ Максимъ разъ, махнувъ Швачка два,—
Покотилась Иванова на землю голова.

* * *

Умань до вілка спалили,
Жидівъ, ляхівъ до ноги побили,
А сами по коняхъ,
Та за Богъ и Синюху влупили.

* * *

Буде Сміла, Чигринъ васъ знати,
Коли буди мы въ гостяхъ,
Буде Умань памятати,
Якъ бувъ въ нашихъ пазуряхъ.

II.

Охъ выйду я на гору,
На круту, на высоку,
Подивлюся по Дніпру,
На річку широку.

* * *

Ой, річка—Дніпръ широка,
Течешъ ты въ Чорнєе море.
Охъ возьми мене зъ собою,
Бо горе жъ тутъ, горе.

* * *

Батьку, Дніпре, въ море течи
Тай назадъ вернися,
Мый каминя, та въ ныхъ плеци,
Тай звісточку дати не барися.

* * *

Родина моя въ стороні,
Далеко відъ твоихъ лугівъ;
Охъ, не таکъ ії жаль мені,
Якъ тихъ крутихъ порогівъ.

* * *

Въ тихъ крутихъ порогахъ
Вода съ камінями воює,

Въ тихъ зеленихъ дібровахъ
Сива зозуленка кукуе.

* * *

Охъ, кукувала вона, кукувала,
Та щиру правду мені казала,
Що тамъ було мені жити
И щастя свое мігъ тамъ зловити.

* * *

Не хтівъ ії знати
Та полетівъ на родину;
Теперъ же мені не спіймати
Тую щасливую годину.

* * *

Літавъ же я на степахъ,
Якъ орелъ крылатый;
А теперъ же я въ цепахъ,
Якъ медвідь мордатый.

* * *

Обыїздивъ я степы,
Обыїздивъ два моря,
Обыїздивъ всі лісы,
Не обыїхавъ свого горя.

* * *

Годі мені козакувати,
Годі птахомъ въ полі літати,
Пора себе въ желіза заковати,
Пора въ Бога прощенія заробляти.

* * *

Коли бъ дали прощенія заробити,
Бога молитвами вмолити,
А тогді хоту умирати:—
Не страшно въ домовину съ покутою лягати.

* * *

Здається, що смертію своєю
Мені та не вмерти;
Охъ, ці ланцюжки нагадують,
Що було людей такъ не жерти

* * *

Самъ собі причина,
Що такою смертію умираю;

Мабуть,—це Митлыцева причина,
Що такъ я страждаю

* * *

Охъ, тяжко козакові
Въ неволі сидіти,
Тяжко бути въ окові,
Лішче ему и не жити

* * *

Ой ты пане Потоцькій,
Воеувудській сину,
Запропастивъ Литву
И всю Україну

* * *

Думка твоя була
—Королемъ зістати,
Тай пішовъ до Царыці
Помощи шукати.

* * *

А Богъ, шо зъ неба
Высоко видить,
И за твою невірность
Вже тобі не звидить.

* * *

Прійде судъ на тебе
И страшная година;
Візьмуть тебе за лобъ,
Якъ вражого сына.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

личныхъ именъ и замѣчательныхъ мѣстъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ III-мъ томѣ «Кіевской Старинѣ», 1882 г. *).

- Абрамовичъ Іоаннъ, деканъ владимір-скій, 493.
Августъ II., король польский, 44.
— III-й, курфюрстъ саксон., 44.
Ада (онь-же Березань), островъ на Чорномъ морѣ, 378.
Адамовичъ Антонъ, кіевскій, козацкій полковн. средины прошлаго вѣка, 144.
АЗовъ, г., 362, 366.
Алешки, мѣсто коша запорожскаго (1712—1730 г.), 178.
Амвросій, архіеп., 338.
— архим., 486.
Андрей Боголюбскій, в. кн. кіевскій, 441—442.
Андріевскій, М., авторъ статьи «Перепетовское поле», 456.
— Алексѣй, редакторъ неофиціальной части Кіев. Губерн. В., 171.
Антоновичъ В. Б., проф. истор., 42, 523, 260, 301.
Апостоль Данило, миргородскій полковн. 397.
Арендаренко, архангельскій губернаторъ, 391.
Арсеній, митрон., 344, 566.
Архангельскъ, г., 368.
Астрахань, г., 422.
Афанасій, викарій кіевскій, 124.
— Филиповичъ, игуменъ брестъ-литовскій, 166.

- Анфія, настоятельница кіевскаго юрданскаго ж. монаст., въ нач. XVII в., 384.
Ахія, сынъ Магомета III, 425.
—
Багалій Д. И., магистръ русской истории, 382.
Байкевичъ Іосафатъ, настоят. замостьскаго монастыря, 239, 241.
Балабанъ Гедеонъ, епископъ львовскій, 31, 153, 205.
— Герасимъ, проповѣдникъ штундизма, 345.
— Діонисій, холмскій правосл. еписк., 17, 34.
— Ісаїя, архимандритъ уневскій и дерманскій, 167.
Балта, г., 133, 303.
Бандзеревичъ Ісидоръ, настоятель замостьскаго монаст., 239.
Бантышъ-Каменскій, малорусскій историкъ, 394.
Барановичъ Лазарь, арх. черн., писатель, 241.
Баттаглій, баронъ, писатель, 353.
Батурина, г., 243, 399.
Бахталовскій Георгій, авторъ брошюры: «Посадъ Вилковъ», 358—361.
Бенедиктъ XIV, папа, 214.
Бережівка, с., 261.
Берестечко, и., 508.
Бестужевъ-Рюминъ Александръ Петр., графъ, 161.

*) Цифры указываютъ страницы тома.

- Бибиковъ Д. Г., генералъ-губернаторъ юго зап. края, 61—80.
- Билевичъ Янъ, наст. замостьскаго монастыря, 239.
- Блещинскій Миколай, базиліанинъ, 207.
- Блощинцы, с., 532, 535.
- Боболинскій Леонтій, ієромонахъ конца XVII в., лѣтоп., 428.
- Богданъ Балыка, кіевскій мѣщан., авт. записокъ о московской осадѣ 1612 г., 100—105.
- Хмельницкій, гетманъ украинскій, 17.
- Богорскій П. Ф., дьячекъ, учит. Шевченка, 562.
- Богунъ, козацкій полковн., 512.
- Богуславль, м. 550.
- Боннель Эрнестъ, проф., 167.
- Бопланъ, инжен. XVII в., 376.
- Борковскій Константинъ, архим., 167.
- Боровиковскій А. Л., украинскій этнogr., 302.
- Борхъ, графъ, богат. украинскій землевладѣлецъ XVIII в., 332.
- Босфоръ Киммерійскій (нынѣ Керченскій проливъ), 168.
- Боярка, с., 346.
- Браницкій А. В., богатый украинскій помѣщ., 561.
- Брюховецкій, гетманъ, 385.
- Бугъ, р., 337, 377, 488.
- Будило, полковн. кролевец., 102.
- Будный Семенъ, издатель лютер. катехизиса на литов.-украин. языке, 166.
- Булацель, секундъ-маюръ, 332.
- Бульковскій, кремен. исправникъ, 489.
- Бурки, с., 404.
- Бурнашевъ, секретарь с.-петер. вольно-экономич. общ., 190.
- Бутурлинъ, бояринъ московскій, 104.
- Буяльскій Войтехъ, смѣлянскій губерн., 175.
- Бѣллай-Церковъ, м., 439.
- Бѣлободскій Янъ, ученый бѣлорусъ, 166.
- Бѣлоцерковская стень, 436, 438.
- Бѣлый Колодезь, с., 248.
- Бѣлюковъ А. И., каштан. учитель, 106.
- Быстрицкій, запорожскій писарь, 311.
- Бытель, мѣсто основанія базиліан. колоніи въ нач. XVII в., 10.
- Бычковъ А. О., академикъ, 164, 166.
- Бышовъ, м., 383.
-
- Василівщина, м., 441.
- Васильчиковъ, кн., генер.-губернаторъ юго-зап. края, 566.
- Варсонофій, архим. соловецкаго монаст., 405.
- Вейскій Іома, кіевскій латин. бискунъ, 26.
- Венглинскій, каштелянъ холмскій, 216.
- Веселовскій, писатель, 81.
- Веселый Кутъ, с., 346.
- Вербовка, имѣніе помѣщ. Энгельгарта, 561.
- Вересай Остапъ, кобзарь, 259.
- Верещаки, с., 562.
- Вилковъ, посадъ въ Бессар., 358—361.
- Вильяшевъ, полковн., 489.
- Винницкіе Ставы, с., 439.
- Висъ, р., 174.
- Виталій, іеродіаконъ виленск. духовск. монастыря, 166
- Вишневецкій Іеремія, кн., 512, 517, 521.
- Владимірко, кн., 443.
- Владиміръ Мономахъ, 362.
- Владиславъ II-й, кор. польскій, 7.
- IV, кор. польскій, 11, 14, 428.
- Воїйковъ, кіев. генер.-губерн., 316.
- Володарка, м., 443.
- Володкевичъ Фелиціанъ-Филиппъ, холмскій уніат. епископъ, 205, 206.
- Волокитинъ, с., 248.
- Волуйка, г., 425.
- Ворзогоры, с., 411.
- Ворончукъ, начальникъ «Украинской партии», въ XVIII в., 527.
- Вороцовъ, кн., 160.
- Вотылевка, с., 346.
- Вульфъ Владіміръ, примьеръ-маюръ, 310.
- Выговскій Иванъ, гетманъ, 395.
- Выштицкій, ієромон., 494.
- Вяземскій, генер.-прокуроръ, 42, 322.
-
- Гагаринъ, кн., архангельскій губернаторъ, 391.
- Галаганъ, козацкій полковн., 178.
- Григ. Навловъ, нынѣ членъ госуд. совѣта, 567.

- Гамалія Григорій, полковн. лубенський, 253.
- Ганенко Е. А., покоин. україн. етнографъ, 351.
- Гаркуша Філонъ, козацький полковникъ, 278.
- Гартингъ, арханг. губернаторъ, 391.
- Гвагнини, писатель XVI в., 98.
- Гвінтовка, нѣжинський полковн., 243.
- Гедимінъ, князь литов., 162, 553.
- Гемблікій Петроъ, епископъ краковський, 503.
- Геродотъ, гречес. историкъ, 168.
- Гирей-Мехметъ, татарський мурза, 515.
- Гладкій Андрей, сотникъ пирятинський, 253.
- Глоба, поспѣдній писарь войска запорожскаго, 368—371.
- Глуховъ, г., 381.
- Голицинъ, кн., 396.
- Головатый, запорожскій атаманъ, 326.
- Антонъ, полковн., 334, 338.
- войсковой судья, 368.
- Головацкій, ученый галицкій, 260.
- Головкинъ Гаврило Івановичъ, графъ, вельможа вр. Петра I, 400, 406.
- Голта, слобода, 303.
- Голубьевъ А. С., ученый, 391.
- Гонта, сотникъ уманскій, 302.
- Гордієнко Костя, кошевой атаманъ, соучастникъ Мазепы, 178.
- Горка Лаврентій, епископъ, 407.
- Горленко, генеральский хорунжій, 256.
- козацький полковн., 396.
- Горынка, с., 512.
- Гофальдъ, команд. полка, 518.
- Гранниковъ А. Д., баккалавръ кіев. д. а., 129.
- Гребенникъ Богданъ, кіевскій купецъ нач. XVII в., 101.
- Грібовичъ, генер. есаулъ, 243.
- Григорьевка, с., 415.
- Грізелла - Констанція Корибутновна, владѣтельница Замостья въ XVII в., 33.
- Гродекъ, ім'ніе Потоцкаго, 224.
- Громовичъ Самуиль, настояйт. замостьскаго монаст., 239.
- Губальдъ, генераль польскій, 521.
- Гулакъ, черноморскихъ в. майоръ, 332.
- Гуна, предвод. українскихъ козаковъ, 430.
- Гусаково, с., 373.
-
- Данилевичъ, староста холмскій, подскарбій королев., 12.
- Дверницкій, польскій генер., 487, 593.
- Демянки, с., 246.
- Денгофъ, староста быдгоскій, 517.
- Дюнісій Збируйскій, епископъ холм., 8.
- Дивовичъ Семенъ, авт. «Разгов. Великороссії съ Малороссіей», 137.
- Дмитрій Ростовскій, святитель, 573.
- Дмитрашко, козацький полковн., 396,
- Долгорукій В. В., кн., предсѣдатель вольно-экономич. общества въ 50-хъ гг., 189.
- Ив., кн., 393.
- Домецкій Гавріль, 166.
- Доросевичъ М. И., учитель кіевской семин., 130.
- Дорошенко Петроъ, гетманъ, україн., 383, 395, 407, 556.
- Дорошовка, слобода, 248.
- Досеонъ, ученый, 356.
- Драгомановъ М. П., бывшій профессоръ, 260.
- Дубельть, начальн. соб. Е. В. канц., 190.
- Дубоссары, г., 133.
- Дѣловка, с., 248.
-
- Евгеній, митроп., 166, 489.
- Евминка, с., 404.
- Европеусъ, ученый лингвистъ и историкъ, 356.
- Егорковъ П. Н., подъячій, 403.
- Екатерина II, импер., 62.
- Ефименко П., малорус. писатель, 412.
-
- Жаботинъ, мѣст., 431, 564.
- Жлань-Тадріна, войтъ кіевскій, 556.
- Жегота Шаули, этногр., 260.
- Желтухинъ, кіев. воен. губернат. конца 20-хъ г. текущ. стол., 132.
- Железнякъ Максимъ, предводитель гайдамакъ, 302, 532, 550.
- Жидовская Гребля, с., 346.
- Жоховскій, уніатскій митрополитъ, 24, 26, 199.
- Жуковский В. А., русскій писатель, 354.
- Жураковскій Ирадіонъ, епископъ чернигов., 251.

- Журба, предводит. гайдамац. отряда, 532, 550.
- Забѣла Д. В., бунчуковый товарищъ, 399.
- Завада Филаретъ, базиліанинъ, наст. куленчицкаго монаст., 13.
- Зазирки, имѣніе Миклашевскаго, 243, 248.
- Зайкевичъ А. Г., собиратель пѣсень, 430.
- Замойскій, староста калусскій, 517.
- Томашъ - Іосифъ,магнатъ украин. въ XVIII в., 41.
- Янъ, коронный канцлеръ, 28, 30, 211.
- Замостье, г., 28, 34, 35, 149, 199, 206, 207.
- Заславскій Доминикъ, кн., воевода краковскій, 511.
- Здановскій Викторинъ, новоторжскій подстароста, 507.
- Зебржыдовскій Михаилъ, мечникъ коронный, 509.
- Зеллеръ Антонъ, канев. полковн., 542.
- Зеленая, с., имѣніе помѣщика Энгельгарта, 561.
- Значко-Ягорскій Мелхиседекъ, игуменъ мотренинскаго монастыря, 526.
- Золотаренко, полковн., 143.
- Зѣнькевичъ, украин. этнографъ, 260.
- Ибнъ-Дастъ, арабскій путеш., 355.
- Іванъ Алгидіевъ, кн., 101.
- Івашковскій, козацкій полковн., 101.
- Ігнатій, коломенскій архіерей, 393.
- Іларіонъ, митрополитъ кievскій, 167.
- Іловайскій Д. И., русский историкъ, 556.
- Іннокентій XI, папа, 25.
- Іпатій Позѣй, уніат. епископъ владимирскій, 8.
- Ірпень, р., 162, 196, 441.
- Іртышъ, р., 356.
- Ісааковъ, генералъ-маіоръ, 321.
- Ісидоръ, митрополитъ слѣ., 344.
- Іскра, полтавскій полков., 396.
- Іеремія, цареградскій патріархъ, 30.
- Іерофей, архимандр., 499,
- Іоакимъ, патріархъ антіохійскій, 31.
- Іоаннъ, холмскій католич. епіск., 7.

- Іоаннъ-Казиміръ, король польскій, 505.
- Іоанникий, ігуменъ онуфріевскаго монаст., 499.
- Іорданъ Михаилъ, ротмістръ польскій, 508.
- Іоасафъ, ігуменъ, 394.
- ієромон., магістръ богословія, 108.
- Іоасафатъ Кунцевичъ, 9.
- Іосифовъ Кирилло, переясла скій бурмістръ конца XVIII в., 382.
- Іосифъ - Вельяминъ Рутскій, основат. базиліан. ордена, 5, 9.
- Іустинъ (до принятія монаш. чина — Яковъ Евд. Михайловъ) — епископъ владимирскій, 106.
- Казановскій, каштелянъ галицкій, 515.
- Калюжинцы, с. прилуцкаго у., 261.
- Калиновскій Мартинъ, воевода черниговскій, 517.
- Калиновичъ Варлаамъ, викарій замост. монаст., 220.
- Кальнофойскій Афанасій, монахъ кіево-печер. лавры, лѣтописецъ, 166, 425, 428.
- Калміусъ, р., 324.
- Калнишевскій, послѣдній кошевої за-порожскій, 368, 394, 411, 544.
- Каменка, с., имѣніе Миклашевскаго, 246, 248.
- Каменные Броды, с., 346.
- Каменскій, польскій комиссаръ, 528.
- Капланъ-Гирей, ханъ крымскій, 179—180.
- Карашевичъ, секретарь консист., 493.
- Карбовскій, комендантъ Бѣлой-Церкви, 545.
- Кармелюкъ, предводитель гайдамацкаго отряда, 372.
- Карпинскій, провинц. холмскій, 206.
- Касаткинъ В., священ., авторъ біографіи епископа Іустина, 107.
- Каторжный Иванъ, козацкій атаманъ, 422.
- Кастанъ Аксакъ, королевскій камергеръ, 46.
- Київ, г., 359.
- Кіммеріяне — племя, жившее въ древности на мѣстѣ нынѣшней южной Россіи, 169.

- Кинбурнская сторона, одно изъ мѣсть поселенія запорожцевъ, послѣ уничтоженія Сѣчи, 335.
- Кириловка, с., родина Шевченка, 560.
- Кирченко Василь, атаманъ город. мoshенскій, 307.
- Киселевскій Гр. Ив., кievскій войтъ, 187.
- Кистяковскій А. Ф., проф., 186.
- Кишкa Самійло, козацкій герой, 425.
- Левъ, митрополитъ уніатскій, 199, 201.
- Княжнинъ, кievскій генералъ-губернат., 187.
- Кобелянки, с., 346.
- Кованько Петръ, сотникъ, 396.
- Козелецъ, г., кiev. полка въ концѣ XVII в., 243, 376.
- Козика, богатый польскій дворянинъ, 515.
- Козловъ В. С., южно-русскій статист. и этнографъ, 264.
- Коленда Гавріль, уніатскій митрополитъ, 21—23.
- Конашевичъ-Сагайдачный Петръ, украинскій гетманъ, 99.
- Конецпольскій, хорунж. коронный, 521.
- Кошицъ о. Григорій, священ., 563.
- Коновченко Иванъ, герой козацкой думы, 275.
- Константинъ Багрянородный, императоръ византійскій, 557.
- Корабликовъ, учитель волынской семинарии, 110.
- Корвинъ-Красовскій Василій, 167.
- Корсакъ, митрополитъ, 13.
- Корфъ Хр. Гр., комендантъ кр. св. Елизаветы, 310.
- Корчинскій Іорофей, генер. орд. базиліанъ, 214.
- Косачъ, собираят. украинскихъ пѣсень, 92.
- Коссовъ Сильвестръ, митроп. кievскій, 17, 32, 152, 205.
- Костка-Ордынскій, подчашій, 537.
- Александръ — Левъ, побочныи сынъ кор. Владислава IV-го, 503.
- Костомаровъ Н. И., историкъ, 81, 260, 368, 415, 431, 556.
- Котляревскій, покойный кievскій проф., 81.
- Петръ, отецъ украинск. поэта, 370.
- Корфъ, русскій полковн., 546.
- Коховскій Михаилъ, генераль-аншефъ 331, 334.
- Кохановичъ, епископъ луцкій, 241.
- Кочерги, с., имѣн. Миклашевскаго, 248.
- Кочубей Василій, генеральный судья, 396.
- Кошовыи Семенъ, кобзарь, 262.
- Краковъ, г., 505.
- Красинскій, графъ, маршалъ конфедерациі, 538.
- Кречетниковъ, русскій генер.-майоръ, 546.
- Кропивницкій М. Л., знаменитый аристо-тиль и этнографъ украинскій, 414.
- Крутые Горбы, с., 341.
- Кубаль, польскій ученый, 508.
- Кубань, р., 359.
- Кубанка, одно изъ гирлъ Дуная, 359.
- Кузалкевичъ Яковъ, польскій панъ, очевидецъ уманской рѣзни, 306.
- Кулишъ П. А., украинскій писатель, 164, 264, 354, 425.
- Куницкій Кириллъ, ректоръ кievской семинаріи, 115.
- Курьянцы, с., 346.
- Кушниръ Данило, мліевскій титаръ, 562.
-
- Лабуньки, с., 226.
- Лаврентій, воронежскій епископъ, 393.
- Ладыженскій, архангельскій вице-губернаторъ, 401.
- Ладыжинъ, и., 537.
- Лазаревскій А. М., украинск. ученый, 258, 137, 197, 384.
- Лебедицевъ Петръ Гавр., протоіерей, 197.
- Лебединъ, с., 174.
- Левицкій Йосифъ, холмскій уніатскій епископъ въ первой четверти XVIII в., 20, 40, 205.
- Левчановскій В. Г., учитель кишинев. семинаріи, 113.
- Левченко М., украинск. лексикографъ, 373.
- Лентовскій, маршалокъ солтысовъ, 504.
- Лесьневъ, и., 512.

Лермонтовъ М. Ю., русскій поэтъ, 354.
 Линцевскій Гервасій, епископъ переясл.,
 528.
 Липянка, долина, 174.
 Лисенко Н. В., украинскій компози-
 торъ, 260, 264.
 Лисовскій, архієпископъ полоцкій, 214.
 Лисовскій, митропол., 241.
 Лодзянка Александръ-Августинъ, холм-
 скій уніатскій епископъ, 35.
 Лозовицкій Григорій, протопопъ вла-
 димірскій, 194.
 Лосятинъ, с., 441.
 Лукашевичъ, украин. этнографъ, 260.
 Лысянка, и., 562.
 Львовъ, г. въ Галиції, 2, 241.
 Лянцкоронскій Станиславъ, воев. брац-
 лавскій, 514, 515.
 Лясоцкій, волостной писарь, проповѣд-
 никъ штундизма, 345.
 Любомирскій, украинскій помѣщикъ
 XVIII в., 526.
 — Юрій, маршалъ корон-
 ный, 509.
 —
 Мадерашъ Петръ, порутчикъ, 541.
 Мажный Ив. Гавр., ратсгеръ кіевскаго
 магистрата, 187.
 Мажтинцы, с., 257.
 Мазепа Иванъ, гетманъ украин., 174,
 178, 246, 247, 396, 407.
 Макарово, м., мѣсто рожденія С. Туп-
 тало, 195.
 Максимилианъ Рылло, настоят. холмс.
 монастыря въ срединѣ XVIII в., 20.
 Максимовичъ Дмит., генеральныи есса-
 уль, 397.
 — А. М., украинскій ученый,
 164, 523.
 Малчевскій Янъ, лѣсничій старства
 каневскаго, 539.
 Малая Березянка, с., 346.
 Манвеловъ, кн., порутчикъ русской
 службы, 303.
 Маньковскій, протоіер., 110.
 Маркевичъ, украин. истор., 394.
 Марковичева Анаст. Марковна, жена
 гетмана Скоропадскаго, 400.
 Марковичъ Андрей, лубенскій полковн.,
 255.
 — Яковъ, авторъ «Дневныхъ
 записокъ», 256.

Маріяновичъ, порутчикъ, 533.
 Мартышкевичъ-Бусянскій, генер. орд.
 базиліантъ, 24.
 Мартусевичъ, еписк., 493, 497.
 Мартыновичъ П. Д., молодой украин.
 художникъ, 265.
 Марьяновка, д., 439.
 Медведовка, с., 431.
 Межовъ В. И., ученый, 558,
 Мейсенъ, маіоръ польск. службы, 538.
 Мелхиседекъ Значко - Яворскій, игум.
 мотренинскаго монаст., 45, 46.
 Мелетій, о. ректоръ кіев. д. академії,
 119.
 Метлинскій, украин. этнogr., 260.
 Мизко Н. Д., любитель южно-русской
 старины, 368.
 Миклашевскіе, старинная дворянская
 фамилія въ Українѣ, 243.
 Миклашевскій Мих., значный в. запорож.
 товарищъ, 246.
 — Иванъ, 250.
 — Михаилъ, стародуб. пол-
 ковникъ, 251.
 — Андрей, бунчуковый това-
 ришъ, 252.
 — Степанъ, бунчуковый то-
 вар., 252.
 Милачевскій Войтехъ, подвоевода волын.,
 193.
 Миликевичъ, провинц., 498.
 Миллеръ Орестъ, проф., 264.
 Минпгъ, гр., генералъ фельдмаршалъ,
 52, 43.
 Михайловка, с., 449, 538.
 Михальскій Дорофей, базиліан провин-
 ціаль, 227.
 Мищенко Николай, Переяславскій райця,
 382.
 Младановичъ, губернат. г. Умани, 305,
 536.
 Многогрѣшный, гетм. украин., 243,
 395, 407.
 Могила Петръ, митрополитъ, 389,
 Мокрицкій, уніатскій офиціаль, 527.
 Моргулецъ Йосифъ, генералъ орд. бази-
 ліантъ, 214.
 Мордовцевъ Д. Л., писатель, 260.
 Моринцы, с., 346.
 Мостище, м., 196.
 Мотовиловка, сел., мѣсто пограничн.
 суда, 49,

- Мочарський Філаретъ, игуменъ замостъ-
скаго монаст., 205, 217, 218.
- Мошни, м., 307.
- Мурка, старшина козацкій, 427.
- Муха, полковн., 538.
-
- Небаба, козацкій полковн., сподвиж-
никъ Б. Хмельницкаго, 34.
- Неживый, гайдамацкій атаманъ, 302,
532, 545, 550.
- Нерлій, кардиналь, 25.
- Несторовскій о. Іоаннъ, священ., 563.
- Нечай, претенд. на гетьманскую булаву,
395.
- Николаевъ, г., 374.
- Нижнее, с., 246, 248.
- Новицкій, губернат. каневскій, 544.
— И. П., литераторъ, 86.
— протоіерей, 489.
- Ново-Воронцовка, с., 374.
- Новогрудекъ, м., 10, 11.
- Новомосковскъ, г., 172.
- Новые Безрадичи, с., 432.
- Новый Быковъ, с., 376.
-
- Объ, р., 356.
- Овручимскій Павель, епископъ самбор-
скій, 17.
- Огілевичъ Пахомій, провинціалъ бази-
ліанскій, 22, 23.
- Одорскій Гедеонъ, архимандр. батур.
монаст., 398.
- Одживольскій Янъ, каштелянъ черни-
говскій, 517.
- Окольскій Шимонъ, ксендзъ, авт. ме-
муаровъ, 426.
- Олсуфьевъ, членъ коллегіи, 160.
- Ольшана, м., 527, 560.
- Ольшанка, с., 441.
- Онисимовъ Федоръ, канцеляристъ, 321.
- Орель, р., 374.
- Орликъ, секретарь Мазепы, 179, 180,
407.
- Орловъ А. Е., бакалавръ кіев. ака-
демія, 122.
- Оссолинскій Юрій, староста люблин.
515.
- Остряницъ, предводитель украин. ко-
заковъ, 430, 426.
- Остроградскій, козацкій полковн., 160.
- Островскій Йосифъ, региментаръ, 56.
-
- Павель Унвальфи, венгерскій историкъ
и этнографъ, 355.
- Павлюкъ, предводитель украин. коза-
ковъ, 429.
- Пакоста Афанасій, холмскій уніатскій
єпископъ, 13.
- Паліївка, с., 248.
- Палієво Озеро, м., 303.
- Палій Семенъ, украин. дѣятель конца
XVII и нач. XVIII в., 366.
- Пановъ В. С., полковникъ русскій, 49,
332.
- Паскевичъ Григорій, полтавскій бур-
гомистръ, дѣдъ Паскевича фельд-
маршала, 370.
- Патока З. П., лубенскій полковой пи-
сарь, 405.
- Перемышль, въ XVII в. мѣстечко, 508.
- Переяславль, г., 379.
- Перовскій, гр., начальн. Ново-Петров-
скаго укр., 351.
- Петрикъ, канцеляристъ Мазепы, 399.
- Петръ Кармелитъ, монахъ ордена босо-
ногихъ, 9.
- Пиво, польскій полковн., 383.
- Шлєтенецкій Елісей, архимандр. кіево-
печерскій, 167.
- Плоское, с., 345, 346.
- Пляшевая, р., 519.
- Погребы, с., 443.
- Подвисоцкій, вине-губернаторъ архан-
гельскій, 392.
- Подгородецкій, мошенскій губернаторъ,
307.
- Подольная, р., 178.
- Покотило Яковъ, сердюцкій полковн.,
397.
- Поль, знатокъ украин. старины, 302.
- Пологи, с., 439.
- Полонскій Я., поэтъ русскій, 351.
- Полоцкій Семенъ, ученый украинецъ
XVII в., 167.
- Полуботокъ Леонтій, Переяславльскій
полковн., 253.
- Полянскій, русскій полковн., 44.
- Понуровка, с., 248.
- Поповъ В. С., секретарь князя Потем-
кина, 336, 322.
- Попружна, с., 346.
- Постилькевичъ, казначей почаевской
лавры, 493.
- Потебня, проф., 451.

Потемкинъ-Таврическій Г. А., вельможа єкатеринин. времени, 560.
 — учитель волынск. семинарії, 110.
 Потоцкій гр., начальникъ уманскаго гарнiz., 536.
 — Николай, гетманъ коронный, 521, 512.
 — Станиславъ, воевода подольскій, 514.
 — Николай, староста каневск., 495.
 Похилевичъ Л., авторъ книги: «Сказ. о населенныхъ мѣстностяхъ киевской губ.», 437.
 Поцѣлъ Ипатій, епископъ владимиро-волынскій, 167.
 Превлоцкій, шляхтичъ, живопис., 564.
 Пржемыслъ Сигизмундъ, польскій генераль артиллеріи, 518.
 Приваловка, слободка, принадлежавшая М. Мишалевскому, 246.
 Припеть, р., 375.
 Прозоровскій, кн., 62, 322.
 Прокоповичъ єеофанъ, архіеп., ученый украин. XVIII в., 251.
 Протасьевъ, полковн. русскій, 531.
 Протопоповъ Афанасій, магистръ дух. академіи, 110.
 Пстроконскій Станиславъ, епископъ холмскій, 17.
 Пузина Афанасій, епископъ луцкій и острожскій, 166.
 Пулавскій, маршалъ, 536.
 Путивлецъ, начальникъ козачьяго отряда, 427.
 Пушкарь, полковн. полтавскій, 395.
 Пушкинъ А. С., поэтъ русскій, 354, 425.
 Пушновъ Ав. И., баккалавръ кіев. дух. академіи, 122.
 Піщунка, польскій шляхтичъ, современ. Б. Хмельницкаго, 175.

Раде, русскій поруччикъ, 536.
 Редецкій Мартинъ, школьній учитель, полякъ-революціонеръ XVII в., 505.
 Радищевскій Францишекъ, польск. шляхтичъ, 533.

Радзивилль Богуславъ, начальн. полка, 518.
 Разумница, с., 346.
 Разумовскій Кирилло, послѣдн. гетманъ украинскій, 160, 410.
 — Алексѣй, президентъ академіи наукъ, 161.
 Рафальскій, протоіерей, 489.
 Рахубовскій М. И., помѣщикъ, 377.
 Рева И. М., писатель, 297.
 Ревякинъ П. И., записыватель украин. народ. пѣсень, 86, 88, 420.
 Репнинъ, кн., русскій посолъ при варш. дворѣ, 45, 529.
 Ржевускій Нелагій, настоятель замостьскаго монаст., 239.
 Робота Иванъ, глуховскій канцеляристъ въ срединѣ XVIII в., 181.
 Рогашевскій, подскарбій, 305.
 Рогачевскій о. Иванъ, протоіер., 403.
 Роговичъ А. С., покойн. проф., 375.
 Рожманть, капитанъ, 291.
 Романково, урочище, 311.
 Романовскій Стефанъ, архіерей волынскій, 116.
 — Иванъ Петровичъ, полковникъ, 188.
 Рославецъ, козацкій полковн., 396.
 Ротомскій, воевода сандомирскій, 100.
 Рубанъ, писатель XVIII в., 100, 252, 374.
 Рудковка, с., 404.
 Рудченко И. Я., писат., 367, 413.
 Руденко, єкатериносл. предв. дворянства 331.
 Румянцевъ П. А., графъ, правитель Україны, 178, 249, 255, 318, 321, 380, 532.
 Руссовъ А. А., украинскій этнографъ и статистикъ, 260.
 Руть, р., 445.
 Рутскій, униатскій митрополитъ, 25.
 Руховъ, с., 248.
 Рѣпка, предводитель отряда украинск. козаковъ, 427.
 Рѣпки, с., 346.
 Рыжановка, с., 346.

Савва Туптало, кіев. сотникъ XVIII в., 382—384.

- Садковский Викторъ, епископъ, 468.
 Салтыковъ Н. И., графъ, 334.
 Самбекъ Филостервъ, монахъ, 529.
 Самойловичъ, гетманъ, 244, 253, 399,
 407.
 — Семенъ, сынъ гетмана,
 247.
 — Яковъ, сынъ гетм., 247.
 Самусь, гетманъ, 44.
 Сангушко, украин. помѣщикъ XVIII в.,
 526.
 Сапѣга Янъ, обозный литовскій, 515.
 Свѣчка Леонтій Назаровичъ, есаулъ
 лубенскаго полка, 253.
 — Иванъ, старшій сынъ, 255.
 — Лукьянъ, второй сынъ, 255.
 Святайло Иванъ, священникъ, донес-
 шій, вѣстѣ съ Кочубеемъ и др., ва-
 Мазепу, 396.
 Святополкъ Изяславичъ, князь, 362.
 Северинъ Перехрестъ, козацкій есаулъ,
 101.
 Селява Антоній, митроп., 14, 21, 22,
 23.
 Серапіонъ, митрополитъ кіев. (1803—
 1822 г.), 122.
 Снигиревичъ, протоіерей, 119.
 Сигизмундъ І-й, король польскій, 7,
 11, 163.
 — III, кор. польскій, 8, 11,
 13, 440.
 Симашко Йосифъ, митроп., 241.
 Сирко, кошев., атам., 385, 427.
 Скальковскій А., украинскій историкъ,
 180.
 Скибинскій Григ. Ал., докторъ фило-
 софіи, 167.
 Скибінцы, с., 346.
 Сківскій, архим., 489, 490, 494, 497.
 Скоробогатый Омельянъ, кіев. купецъ
 нач. XVIII в., 101.
 Скоропадскій, гетманъ, 248, 401.
 Смогоржевскій, митроп., 213.
 Смоленскъ г., 101.
 Снятини, имѣніе кіевскаго ловчаго Сте-
 фана Терлецкаго, 211.
 Собесскій Маркъ, красноставскій ста-
 роста, 515.
 — Янъ, староста яворовскій,
 515.
 Сокиринцы, с., имѣніе Г. П. Галагана,
 263.
- Соколовка, д., 441.
 Соколовскій Павелъ, деканъ замость-
 скій, 206.
 Соловьевъ С. М., русскій истор., 164,
 297.
 — Евгений, баккалавръ кіевской
 д. академіи, 116, 135.
 Соломонъ, чернецъ, первый доноситель
 на гетмана Мазепу, 396.
 Солонина Константинъ, козацкій кіев.
 полковн., 243.
 Солтанъ Йосифъ, кіев. митроп. нач.
 XVI в., 11.
 Солицевъ, академикъ, 388.
 Сощенко И. М., художникъ, 564.
 Средня Слобода, с., 439.
 Срезневскій, акад., этнографъ, 260.
 Ставровъ Пл. Ив., баккалавръ кіев.
 д. акад., 114.
 Стадницкій Янъ-Адамъ, подкоморій со-
 ноцкій, 515.
 Станиславскій, хоруважій галицкій, 515.
 Станиславъ Лещинскій, король поль-
 скій, 44.
 Станкевичъ, кап. рус. службы, 321.
 Стародубъ, г., 101.
 Стародубовскій, єкклезіархъ, 495, 496.
 Стефанъ Баторій, король польскій, 8,
 163.
 Стояновъ А., 96, 362, 413, 431.
 Страховскій Варлаамъ, игуменъ выду-
 бецкаго монаст. въ нач. XVIII в.,
 174.
 Строевъ П. М., академ., 164.
 Стрыйковскій, историкъ польск., 98.
 Стугна, р., 362, 441.
 Стыръ, р., 508.
 Судіенко, издатель кн. «Матеріали для
 отеч. ист.», 405.
 Сулима, предвод. войска запорож., 428.
 Сульжинскій Лука, базиліанинъ, 213.
 Супрасль, м., 23.
 Сухина, козацкій атаманъ, 304, 319.
 Суша Яковъ, уніатскій еписк. XVII в.,
 6, 9, 17, 25, 35, 199, 218.
-
- Тамань, мѣсто поселенія запорожцевъ,
 335.
 Танскій, козац. полковн., 44.
 Тарновскій В. В., любитель и соби-
 ратель малорус. древностей 389

Тарасовка, с., имъніе помѣщ. Энгель-
гарт, 561.
Тараща, г., 346.
Тараща, с., 564.
Терехтемировъ, мѣст., 431.
Терлецкій Стефанъ, кіев. ловчій, 211.
— Міоодій, холмскій уніатскій
епископъ, 13, 14, 17.
Темберщина, с., 400.
Тепловъ Григорій, авт. Зап. о непор.
въ Малор., 161, 251.
Тепловка, м., 258.
Тетеревъ, р., 375.
Тетеря, козац. полковн., 395.
Тимофеевъ Димитрій, Переясл. бурж.,
382.
Тиновка, с., 346.
Товиачъ, р., 174.
Топиловка, с., 346.
Торкинъ, с., 432.
Торческъ, древній городъ, 362.
Транквіліонъ Кириллъ, древній пи-
сат., 241.
Триполье, с., 432, 442.
Троєпольський Есенофонтъ, архіеписк.
подольський, 123.
Трубецкой Дм. Тим., кн., 102, 104.
— кіевскій воєвода XVIII в.,
383.
Трюшъ Хведоръ, українскій кобзарь,
262.
Тугай-бей, татарскій мурза, 515.
Тульчинъ, м., 538.
Туптало Савва Григ., сподвижникъ Б.
Хмельницкаго, 195.
Тупталовна Параскевія, дочь С. Туп-
тало, 383.
Турбай (нынѣ Трубай), село хороль-
скаго у. полт. г., 172.
Тургеневъ И. С., знаменитый русскій
беллетристъ, 351.
Туруханскъ, г., 368.
Тынецъ, монастырь, 504.
—
Ураль, р., 356.
Урбанъ, паша, 26.
Уласенко, сотникъ уманскій, 304.
Умань, г., 133.
Унава, р., 440.
—
Федоровъ Григорій, кошевой атаманъ,
369.

Филаретъ, епископъ, авторъ «Обзора
исторії русск. лит.», 165, 398.
Флавіанъ, архимандр., 489.
—
Халничъ, свящ., 291.
Халчевскій, оберъ-провіантмейст., 331.
Ханеневъ Федоръ, донс. атаманъ, 426.
Харько, старшина запор., 326, 527.
Хвидонъ, корсунскій полковн., 273.
Херсонъ, г., 179.
Хлѣбниковъ Г. О., ученый, 113.
Хмель Стефанъ, кіевскій купецъ на-
чала XVII в., 101.
Хмельницкій Богданъ, гетманъ україн-
скій, 34, 143—144, 162,
174, 324, 395, 509,
— Юрій, гетманъ, 395.
Хмельницикая Одеоссья Кондратьевна,
інокиня кіево-печерского дѣвичьяго
монаст., 174.
Хойновскій, польскій шляхт. XVIII в.,
524.
Холмъ, г., 218.
Хорватъ, подполковн. русской службы,
309, 315.
Хоткевичъ Янъ-Карулъ, гетманъ лит.,
102.
—
Цертелевъ, кн., украин. этнографъ,
260.
Цибульскій Яковъ, херсонс. однодво-
рецъ, первый проповѣдникъ штун-
дизма въ кіев. губ., 345
—
Чалый М. К., ученый, 349, 360.
Чаплинка, с., 345, 345.
Чарторійскій, кн., канцлеръ літовскій,
49.
Чепега З. А., бригадиръ, 326, 333,
335.
Черкасы, г., 347.
Чернобыль, м., 347.
Чернєцкій Мартинъ, 509.
Чертковъ, губернат. азовской провин.,
325, 316.
Чертомлыкъ (нынѣ с. Капуловка, ека-
теринославской губ. и уѣзда), 178.
Чернявка, р., 439.
Чигрійтъ, г., 556.
Чижовка, с., 346.
Чистовпль И., ученый, 552.

Чорба, полкови. русской службы, 304,
306, 531, 546.
Чорштынь, название замка на венгер-
ской границѣ, 503.
Чубинський П. П., писатель, этнографъ,
264, 411.
Чучмакъ, р., 256.

Шавурскій, ксендзъ, 498.
Шаргородъ, имѣніе Любомирскихъ,
44.
Шафировъ Петръ, баронъ, русскій
вельможа временъ Петра I-го, 406.
Шафранъ Алексѣй, 425.
Шайкевичъ, галицкій ученый, 260.
Шварцъ М. Е., начальникъ округа
южныхъ военныхъ поселеній, 374.
Швачка, предводит. гайдамацкаго от-
ряда, 532, 550,
Швейковская Анна Владимировна, вто-
рая жена полковника Миклашевскаго,
252.
Швейковскій К., ученый, 556.
Шевченко Тар. Григ., знамен. поэтъ
украинскій, 264, 349, 371
— 373, 560.
— Варфоломей Григ., назван-
ный братъ поэта, 565.
Шептицкій Афанасій, униатскій митро-
политъ, 201, 203.
Шлюбичъ-Заленскій, Левъ, митр., 37.
Шмилевскій, ксендзъ, 240.
Шубини Ставы, с., 346.
Шумборскій Фелиціанъ, провин., 232.
Шутъ Андрій, кобзарь, 262.

Щавинскій Симонъ, воевода брестскій,
517.

Щебальскій, писатель, 46.
Щербатовъ Немецъ, кн., 393.
—

Эмаусскій Федоръ, учит. кіев. семина-
ріи, 111.
Энгельгардъ В. В., племянникъ кн.
Григор. Чотемкина, боя-
тый украин. землевладѣ-
лецъ, 560.
— И. В., полкови. гвардія,
561.
Эрекбургъ М. И., баронъ, 197.
Эстуль. р. въ Венгріи, 357.
—

Яблоновка, с., 346.
Яблоновскій, украин. помѣщикъ XVIII
в., 526.
— Янъ-Кастанъ, чигирианс.
староста, 175.
Яблочная, д., 488.
Яворскій Стефанъ, рязанскій митроп.,
397.
Ягубецъ, с., 537.
Яковлевъ Германъ, намѣстн. сійскаго
монаст., 408.
— жандармскій полкови., 489.
Якутскъ, г., 407.
Ялка, р., 356.
Иневъ, м., 538.
Янъ Мелешекъ, основатель жировицк.
монаст., въ 1613 г., 10.
— Собесскій, гетм. коронный, 383.
Яновскій Гавріль, архимандріт не-
форощанскаго полт. монастыря въ
XVIII в., 184.
Ярославъ Мудрый, кіевскій кн., 387.
Ясинскій Варлаамъ, митроп. кіевскій,
166.
Яссы, г., 336.

СОДЕРЖАНИЕ.

ТОМЪ III. 1882 г.

Іюль.

	СТР.
I. ЗАБЫТАЯ ИНОЧЕСКИЯ ОБИТЕЛИ (монастыри холмскій и замостській въ общей судьбѣ русско-уніатскаго монашества). Н. Петрова	1
II. ИЗЬ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХЪ ОТНОШЕНИЙ ПОЛЬШИ И РОССИИ. И. Каманина	42
III. КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ Д. Г. БИБИКОВА	61
IV. ЮЖНО-РУССКАЯ ПѢСНЯ О СОБЫТИИ XI ВѢКА. А. Стоянова	81
V. ЗАПИСКИ КІЕВСКАГО МѢЩАНИНА БОЖКА БАЛЫКІ О МОСКОВСКОЙ ОСАДѢ 1612 ГОДА (изъ лѣтописнаго сборника Ильи Коща-ковскаго). В. А.	97
VI. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ. Письма Якова Евдокимовича Михайлова (впослѣдствіи Іустина, епископа владимірскаго) къ А. И. Бѣлогову	106
VII. ДОПОЛНЕНИЕ «РАЗГОВОРА ВЕЛИКОРОССИИ СЪ МАЛОРОССІЕЙ»	137
VIII. ДОКУМЕНТЫ БРАТСТВА ПРИ ЦЕРКВІ СВ. НИКОЛАЯ ВЪ Г. ЗАМОСТЬѢ	149
IX. БІБЛІОГРАФІЯ: а) Архивъ князя Воронцова. Книга двадцать пятая. М., 1882.—б) Бібліологіческій словарь и черновые къ нему матеріалы II. М. Строева.—в) Ernst Bonnel. Beiträge zur Alterthumskunde Russlands von den ältesten Zeiten bis um das Jahr 400 nach Chr. hauptsächlich aus der Berichten der griechischen und latениſchen Schriftsteller. Erster Band. St. Petersburg, 1882.—г) Исторические матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правлењія, выпускъ 2-й. Издалъ А. Андреевскій	160
X. ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ (историческая, этнографическая и историко-литературная): а) Пасѣка гетмана Богдана Хмельницкаго.—б) Къ ис-	

торії Запорожья.—в) Къ исторії вѣрованія о продажѣ души чорту.—
г) Послѣдняя самозащита Києва.—д) Невольное переселеніе и тоска по
родинѣ, какъ подозрительное чувство.—е) Рѣдкая древняя надпись.—
ж) Необычная застава.—з) Къ портрету Саввы Григорьевича Туптала. 174
ПРИЛОЖЕНИЕ: портретъ Саввы Туптала.

Августъ.

I. ЗАБЫТЫЯ ИНОЧЕСКИЯ ОБИТЕЛИ (монастыри холмскій и замостській въ общей судьбѣ русско-уніатского монашества). <i>Оконч.</i> —Н. Петрова.	199
II. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. З., Миклашевские	243
4., Свѣчки.—Ал. Лазаревскаго	253
III. КОБЗарь ОСТАПЪ ВЕРЕСАЙ, его пѣсни и думы. К. Ф. У. О.	259
IV. О МУЗЫКѢ ДУМЪ И ПѢСЕНЬ ОСТАПА ВЕРЕСАЯ. А. К—скаго	283
V. НЪЗЪ ПРАКТИКИ СТАРЫХЪ СУДОВЪ	288
VI. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ КОЛИВЩИНЫ или РѢЗНИ 1768 г. Н. Костомарова	297
VII. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ Б. ЗАПОРОЖЬЯ	322
VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Памятная книжка кіевской епархіи. Составили А. В—новъ и свящн. В. Антоновъ. Кіевъ. 1882.—б) Жизнь и произведенія Тараса Шевченка (сводъ материаловъ для его біографіи), съ портретомъ. Составилъ М. К. Чалый. Кіевъ. 1882.—в) Die Ungern oder Magyaren. Paul. Hunvalfy. Vien und Teschen. 1881.— г) Посадъ Вилковъ. Историко-статистический и бытовой очеркъ. Со- ставилъ Георгій Бахталовскій. Кишиневъ. 1881 г.	340
IX. ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ (историческая, этнографическая и историко- литературная): а) Относится ли пѣсня о взятіи Азова къ событиямъ XI вѣка?—б) Послѣдній писарь войска запорожскаго Глоба.—в) Взглядъ народа на Шевченка.—г) Исчезнувшія и исчезающія въ южной Россіи животныя.—г) Состояніе поліціи въ малороссійскихъ городахъ XVIII в.— л) Документальная свѣдѣнія о Саввѣ Тупталѣ и его родѣ.—е) Курта. (Пѣсня-былина)—ж) Возстановленіе древней паперти кіево-софійскаго собора.	362

Сентябрь.

I. ССЫЛЬНЫЕ МАЛОРОССІЯНЕ ВЪ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ (1708—1802) г. П. Ефименка	391
II. ЕЩЕ ПО ПОВОДУ НАРОДНОЙ ПѢСНИ: О ВЗЯТИИ ТОРЧЕСКА, ИЛИ-ЖЕ АЗОВА. Ив. Новицкаго	413

III.

стр.

III. ПЕРЕНЕГОВСКОЕ ПОЛЕ. (Розысканіе въ области лѣтописной топографіи, съ приложеніемъ карты). М. Андріевскаго	43
IV. УКРАИНСКАЯ ДЕРЕВНЯ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ НЫНѢШНЯГО СТОЛѢТИЯ (по воспоминаніямъ дѣтства)	457
V. ДВА ДОКУМЕНТА ПО ДѢЛУ ПЕРЕДАЧИ ПОЧАЕВСКОЙ ЛАВРЫ ИЗЪ ВѢДЪНІЯ УШАТОВЪ ВЪ ВѢДОМСТВО ПРАВОСЛАВНОЕ	486
VI. ДНЕВНИКЪ СТАНИСЛАВА ОСВѢЦІМА. Перев. В. А. (<i>Продолженіе</i>).	503
VII. ПЕРЕПИСКА ГР. И. А. РУМЯНЦЕВА О ВОЗСТАНИИ ВЪ УКРАИНѢ 1768 ГОДА	523
VIII. БИБЛIOГРАФІЯ: а) Очеркъ исторіи западно-русской церкви. И. Чистовича. Часть первая. Спб. 1882 г. Стр. 1—220.—б) Акты относящіяся къ исторіи южной и западной Россіи, собранные и изданные археографическою комиссіею. Томъ двѣнадцатый. С.-Петербургъ. 1882 г.—в) Разысканія о началѣ Руси, Д. Иловайскаго, изданіе второе исправленное и дополненное, съ присоединеніемъ вопроса о гуннахъ. Москва, 1882.—г) Русская историческая бібліографія за 1865—1867 г. включительно. В. И. Межова. Т. I и II. С.-Петербургъ. 1882.—	552
IX. ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ (историческая, этнографическая и историко-литературныя): а) Тарась Григорьевичъ Шевченко (вѣкоторыя дополненія и поправки къ его біографії).—б) Дополненіе къ пасхальной вирти. —в) Мнимо-пайденій дневникъ святителя Дмитрія Ростовскаго.—г) Предостереженіе Д. Г. Бабикова одному изъ русскихъ помѣщиковъ кіевской губерніи.—д) Старинные малороссійские портреты.—е) Задувайскія народныя преданія: I) Про Палія та Мазепу: II) Про Аятона Головатого, Онопрія Шлака и царицу Катериноу.—ж) Колівщина въ пѣсняхъ	560
X. АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ личныхъ именъ и замѣчательныхъ мѣстъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ III томѣ «Кіевской Старинѣ», 1882 г.	

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА **„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“.**

Самостоятельный изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные материалы для нея, въ видѣ особенно цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, рассказовъ, біографій, некрологовъ, характеристикъ, описаний вещественныхъ памятниковъ южно-русской древности—въ зданіяхъ, архивахъ и всякаго рода предметахъ древняго быта, и, наконецъ, замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народного быта или служитъ проявленiemъ народного творчества и міровоззрѣнія, каковы: неизслѣдованные обычаи—религіозные, правовые и т. п., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и пр. Бібліографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и заграницею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

Къ изданію отъ времени до времени прилагаются портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южно-русского народа и снимки со всякаго рода памятниковъ южно-русской старины.

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“, по однородности ея цѣлей съ задачами мѣстного исторического общества пр. Нестора лѣтописца, будетъ, согласно избранію этого общества, постояннымъ его органомъ, помѣщая у себя рефераты его членовъ, отвѣщающіе программѣ и характеру журнала, равно протоколы и отчеты общества.

Въ изданіи „КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ“ принимаютъ участіе сълѣдующія лица: Антоновичъ В. Б., Бацалль Д. И., Барсуковъ А. П., Будановъ М. Ф., Бѣлозерскій Н. М., Веселовскій А. Н., Воронинъ А. Ф., Галацанъ Г. П., Ганицкій М. А., Головацкій Я. Ф., Голубинскій Е. Е., Голубевъ С. Т., Горленко В. П., Дашикевичъ Н. П., Ефименко П. С., Житецкій П. И., Иконниковъ В. С., Кистяковскій А. Ф., Костомаровъ Н. И., Каманинъ И. М., Крыжановскій Е. М., Кондратовичъ Ф. К., Лазаревскій А. М., Лебединцевъ А. Г., Лебединцевъ П. Г., Левицкій И. С., Левицкій О. И., Лѣсковъ Н. С., Малышевскій И. И., Мацьевичъ Л. С., Мордовцевъ Д. Л., Науменко В. П., Новицкій И. П., Петровъ Н. И., Покомаревъ С. И., Потебня А. А., Праховъ А. В., Скальковскій А. А., Смоктій А. И., Терновскій Ф. А., Шимановъ А. Л., Щербина Ф., Ханенко А. И., Чалькъ М. К. и другіе.

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“

выходить ежемѣсячно книжками въ 12 и болѣе печатныхъ листовъ, общее-же годовое изданіе составляютъ три тома, не менѣе 50-ти печатныхъ листовъ въ каждомъ. Приложенія даются въ неопределенные сроки. Въ изданіи дается мѣсто переводамъ и оригинальнымъ статьямъ историко-беллетристического содержанія.

Подписная цѣна годовому изданію въ 12 книгъ, съ приложеніями, 8 руб. 50 коп. на мѣстѣ, съ доставкою же на домъ и пересылкою 10 руб.

Подписька принимается: въ редакціи журнала и конторѣ оной, Кіевъ, Софійская площасть, д. Севастіяновой; въ отдѣленіяхъ конторы—при книжномъ магазинѣ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, а также въ книжныхъ магазинахъ «Нового Времени» въ Петербургѣ и Москвѣ; Гинтера и Малецкаго въ Кіевѣ и другіхъ; гг. иногородные обращаются исключительно въ редакцію журнала „Кіевская Старина“.

Оставшееся незначительное число экземпляровъ журнала за 1882 г. высылается по той-же цѣнѣ 10 р. с. съ приложеніями и пересылкою.

При перемѣнѣ адреса иногороднаго на городской или городскаго на иногородный уплачивается пятьдесятъ копѣекъ; при перемѣнѣ иногороднаго на иногороднаго-же доставляется въ редакцію четыре семикопѣечныя марки.

Въ конторѣ редакціи журнала „Кіевская Старина“ принимается подписка на издающуюся во Львовѣ, на малорусскомъ языке, газету „ДѢЛО“. Съ 1-го января 1883 г. газета выходитъ три раза въ недѣлю. Цѣна съ перес. безъ приложеній—12 р., съ приложеніями—16 р. въ годъ. Подписавшіеся въ этомъ году, приплачивая еще 2 р., получать 26 печат. листовъ начатой въ 1882 г. повѣсти: «Трудъ и деньги».

Редакторъ-издатель Ф. Г. Лебединцевъ.